9
C494

1952

9(47)(-17)
С-494
К.С.

К. К. Случевскій

ПО СѢВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ

ТОМЪ I.

„ПО СѢВЕРУ РОССІИ“

Съ картою сѣвернаго края, отпечатанною въ **6** красокъ,
и **146** рисунками.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Публичная библиотека КФССР
185670 г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 5

2008

2002

1992 год

„ПО СѢВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ“

ТОМЪ I.

„ПО СѢВЕРУ РОССІИ“

К. К. Случевскій

ПО СѢВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ

ТОМЪ I.

„ПО СѢВЕРУ РОССІИ“

Съ картою сѣвернаго края, отпечатанною въ **6** красокъ,
и **146** рисунками.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср Подъяч., № 1.

Дозволено цензурою 28 августа 1897 г. СПБ.

Въ лѣтніе мѣсяцы 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 годовъ я имѣлъ счастіе сопутствовать Великому Князю Владиміру Александровичу въ его путешествіяхъ по сѣверу и западу Россіи, а также по нѣкоторымъ центральнымъ губерніямъ. Я описывалъ эти путешествія въ корреспонденціяхъ, которыя помѣщались своевременно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и, наконецъ, въ 1886 и въ 1888 гг. появились двумя отдѣльными изданіями, не имѣющимися уже нынѣ въ продажѣ, подъ заглавіями: „По Сѣверу Россіи“ и „Балтійская сторона“.

При просмотрѣ книги для вторичнаго изданія ея предположено было, для большаго удобства, соединить всѣ шесть путешествій въ одно; но такъ какъ предположеніе оказалось невыполнимымъ безъ явнаго ущерба для точности содержанія, то мысль эта была оставлена и сохраненъ порядокъ, намѣченный въ первомъ изданіи, т. е. описано шесть путей. Въ настоящемъ, второмъ, изданіи исключены всѣ подробности, касавшіяся интересовъ дня и имѣвшія въ свое время высокое, иногда политическое значеніе. Сохранены и отчасти пополнены свѣдѣнія историческія, географическія, этнографическія и проч. Несомнѣннымъ пробѣломъ въ описаніяхъ надо считать то, что не всѣ замѣчательности того или другого города, той или другой мѣстности описаны; причина этого въ томъ, что не всѣ онѣ были посѣщены Августѣйшимъ Путешественникомъ и поэтому войти въ описаніе не могли.

Считаю своимъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность Л. В. Вейнбергу, взявшему на себя трудъ просмотрѣть всю работу и придать ей современный характеръ. Не могу также не помянуть и издателя А. Ф. Маркса, давшаго возможность труду моему вторично появиться въ свѣтъ въ весьма пополненномъ видѣ, въ особенности относительно иллюстрацій и по весьма недорогой, доступной для многихъ цѣнѣ.

К. Случевскій.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(1884 г.).

Очеркъ пути.

Характеристика мѣстъ, которыя предстояло посѣтить въ 1884 году.

Назначенный для отъѣзда день, 6-го іюня, начинался довольно пасмурно и изъ-за легкаго тумана, заволакивавшаго вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, нельзя было предвидѣть той долгой хорошей погоды, которая стояла во все время путешествія. На первый разъ предполагалось посѣтить только три губерніи: С.-Петербургскую, Новгородскую и Олонецкую. По заранѣе намѣченному маршруту, предстояло сдѣлать водою, желѣзными и грунтовыми дорогами около 2,000 верстъ.

Мѣстности, посѣщенныя въ этомъ путешествіи, представлялись чрезвычайно любопытными по весьма многимъ причинамъ, хотя, можетъ быть, нигдѣ во всей Россіи историческіе памятники былого не исчезли съ такою обидною послѣдовательностью, какъ именно здѣсь, на нашемъ «деревянномъ» сѣверѣ. Человѣку, проѣзжающему этими мѣстами, на первый взглядъ легко можетъ показаться, что ничего тутъ особеннаго, исторически важнаго, не было, ничего замѣчательнаго не совершилось. Тихо, однообразно тянутся поля, лѣса, пустыри; скромно ютятся деревни; нечасто встрѣчаются усадьбы, а памятниковъ, каменныхъ и желѣзныхъ, свидѣтелей былого, имѣется гораздо меньше, чѣмъ можно было бы ожидать.

Но, если коснуться историческаго прошлаго этихъ мѣстностей, то впечатлѣніе сразу измѣнится. Край населится удивительными картинами, дебри оживутъ и воспоминанія о самыхъ отдаленныхъ историческихъ событіяхъ невольно возстанутъ въ памяти путешественника. Бѣлоозеро, Спиеусъ, Рюрикова

крѣпость, Княгиня Ольга, Великій-Новгородъ,—все это говоритъ о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда Москвы не было еще и въ поминѣ,—о десятомъ столѣтіи; между тѣмъ берега Невы и Обонежской пятины были уже новгородскими землями и политы обильно русскою кровью. Но не одни только имена названныхъ мѣстъ возрождаютъ въ памяти глубокую давность русскаго владѣнія: во многихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ Олонецкаго края и пустынныхъ мѣстностей водораздѣла ладожскихъ и волжскихъ водъ сохранились до сихъ поръ чисто языческія основы.

Раньше другихъ лежало на предстоявшемъ пути Грузино. Это центръ бывшихъ аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Отъ Грузина прямой путь ведетъ на Боровичи. Тамъ, въ Грузинѣ, искусственныя насажденія Аракчеева, баловня судьбы, самолюбиваго человѣка; тутъ — одна изъ вѣчно-клокочущихъ артерій народной самостоятельной жизни. И какая древность, какой ветхій, почтенный обликъ: «Иде Ольга къ Новграду», говоритъ Несторъ: «и нача устанавливати по Мсти погосты и дани». Это десятый вѣкъ; и тогда уже рѣка Мста служила народной жизни, какъ служитъ она теперь и будетъ служить въ будущемъ.

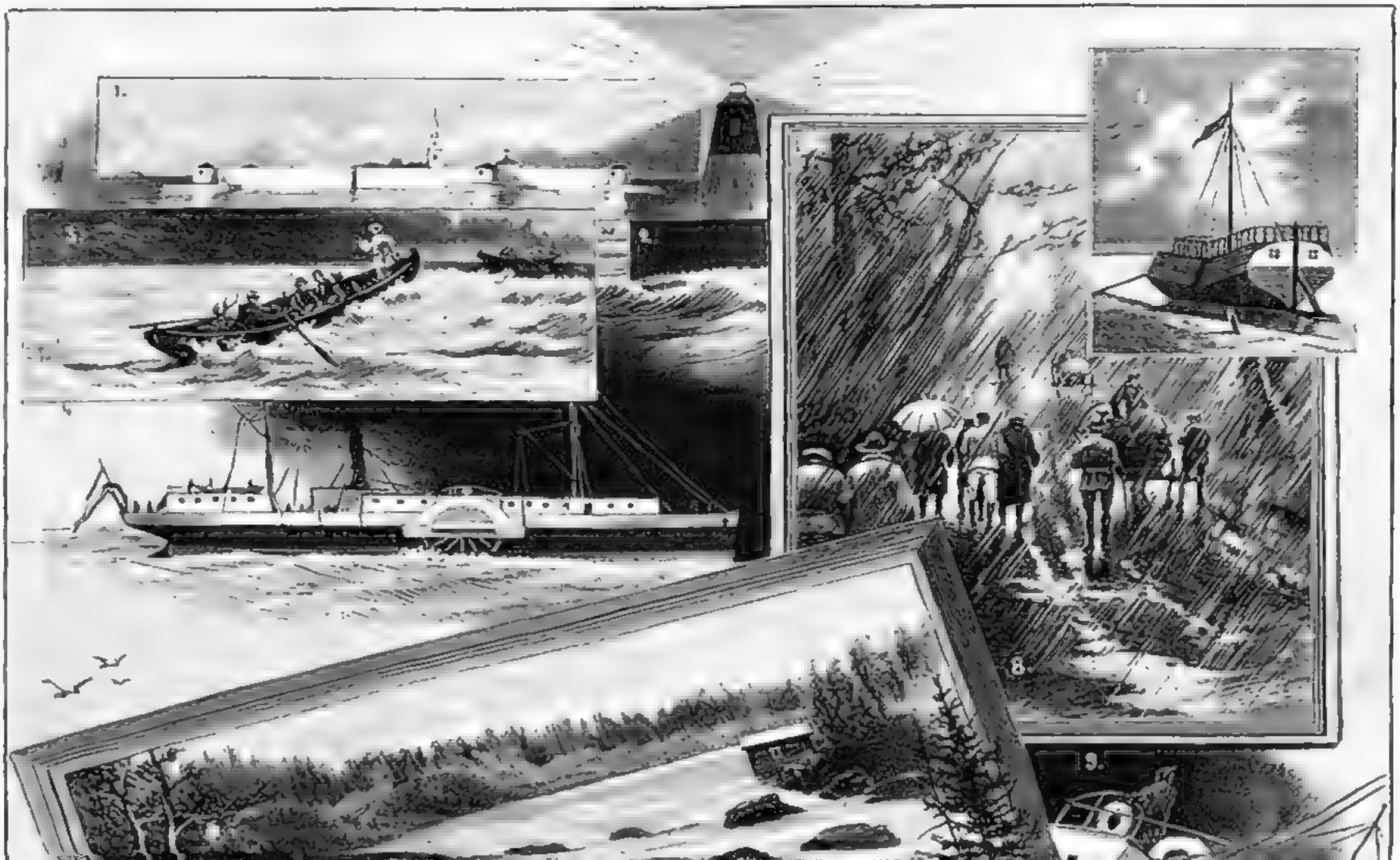
Затѣмъ слѣдуетъ Устюжна, — небольшой городокъ, существовавшій еще въ тѣ годы, когда надъ Россіею, не имѣвшею еще географическаго имени, проходилъ ея желѣзный вѣкъ. Тутъ былъ центръ металлическаго производства древней Руси; страна и до сихъ поръ полна слѣдами рудная дѣла, погасшими кузницами-домницами. Еще при Іоаннѣ IV Устюжна служила чѣмъ-то въ родѣ арсенала и принимала царскіе заказы на оружіе. И недаромъ называли устюжанъ «желѣзными людми»: они оправдали свое названіе въ тяжелую годину междуцарствія, въ знаменитую свою защиту, въ 1608 году, отъ поляковъ и литвы, отъ навожденія «латинскаго крыжа». Эта защита— одна изъ чуднѣйшихъ страничекъ нашей исторіи.

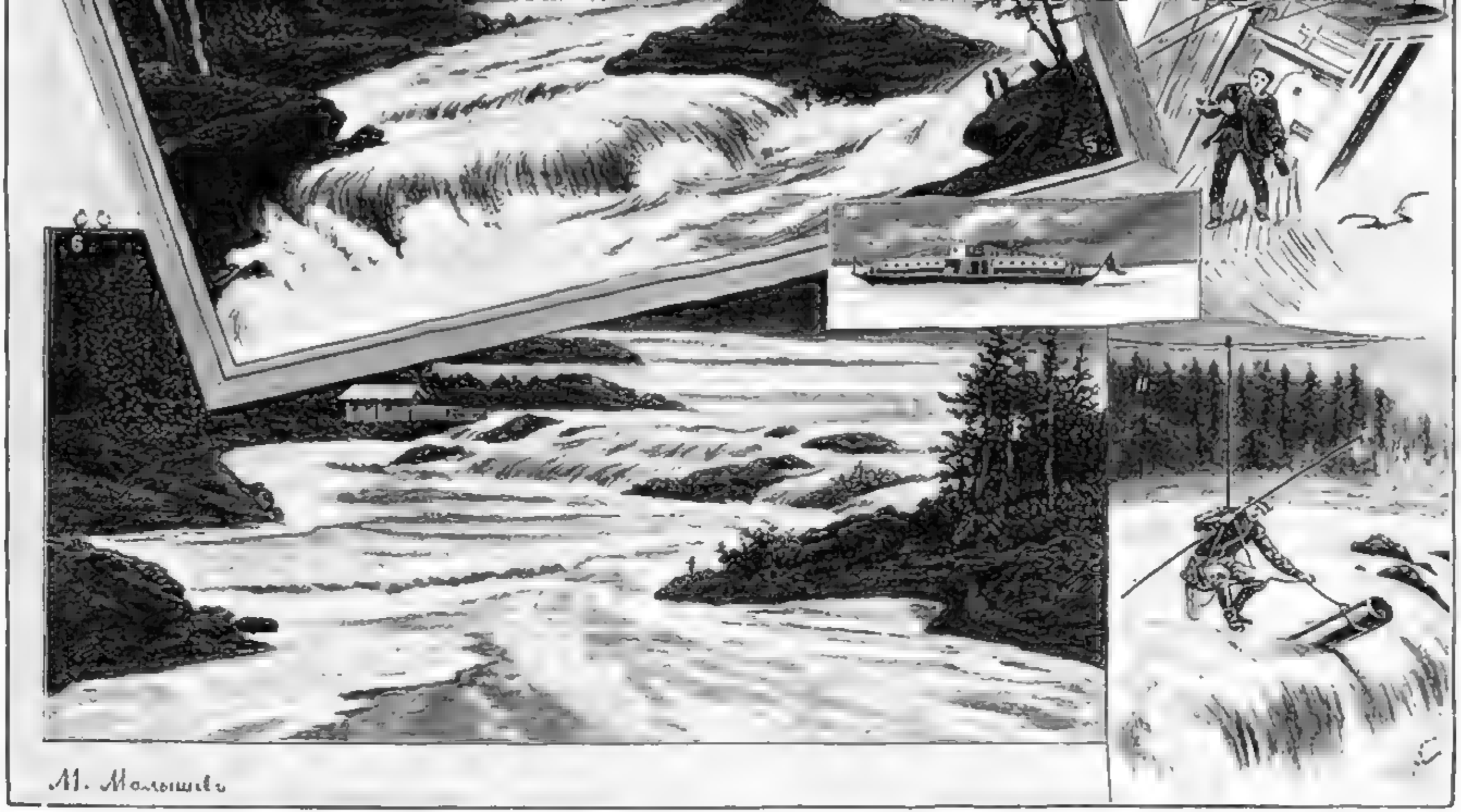
Далѣе на пути лежитъ Череповецъ: тутъ кипучая дѣятельность Маріинской системы, перевозящей къ Петербургу, въ теченіе одной навигаціи, до 40 милліоновъ пудовъ груза. За Череповцемъ находится Кириловъ монастырь, эта древняя святыня русскаго народа. На ея стѣнахъ, надгробныхъ плитахъ, въ тайникахъ и подземельяхъ, на «мѣшкахъ» въ башняхъ, яркими красками живописана наша исторія; вѣкъ Іоанна IV выступаетъ особенно ярко; Воротынскіе, Шереметевы, Сицкіе, Бѣльскіе, Хабаровы, Морозовы—всѣ они почиваютъ тутъ цѣлыми поколѣніями; многіе изъ нихъ въ нетлѣнной славѣ своихъ побѣдъ надъ литвою и татарами; другіе, — какъ поборники великаго московскаго единенія. Съ исторіею этого монастыря связана память о такихъ крупныхъ подвижническихъ личностяхъ, какъ Кириллъ Бѣлозерскій и Нилъ Сорскій, бывшихъ не только руководителями иноковъ, но и носителями умственнаго развитія лежавшей въ глубокомъ мракѣ великой страны.

Затѣмъ слѣдуютъ рѣки Шексна и Вытегра. Начиная отсюда, вплоть до самаго Петербурга, путешественника не покидаетъ болѣе имя Петра Великаго; воспоминанія о немъ въ этихъ мѣстахъ весьма живы: здѣсь онъ собственноручно возилъ тачки съ землею, тутъ лѣсъ тесалъ, тамъ паникадило работалъ, отсюда тотъ или другой указъ послалъ Сенату...

Одна изъ самыхъ любопытныхъ мѣстностей, лежащихъ на пути, — это, безспорно, Олонецкій край, съ его главнымъ городомъ Петрозаводскомъ. Подобно большинству нашихъ губернскихъ городовъ, Петрозаводскъ имѣетъ весьма скромный видъ, но самый край представляетъ исключительную, полную разнообразнаго интереса страну. Геологически онъ любопытенъ, какъ область озеръ, мрамора, болотной и озерной руды: этнографически — какъ страна кореловъ и финновъ, какъ богатѣйшій, исконный хранитель древнихъ былинъ. Нѣтъ ни одного края въ Россіи, который поспорилъ бы съ Олонецкимъ въ богатствѣ былинъ. Гитара и романсъ еще и понынѣ не проникли сюда и не замѣнили здѣшнихъ сказителей и сказительницъ, передающихъ, изъ рода въ родъ, заповѣдные мотивы самобытной родной мысли. Богатъ край былинами, но еще богаче онъ воспоминаніями религіозной жизни. Нѣтъ другого угла въ Россіи, который представлялъ бы столько типичныхъ подвижниковъ христіанства, такой плеяды проповѣдниковъ слова Божія и насадителей образованія; много ихъ было вездѣ на Руси, но тутъ они были сосредоточены въ большомъ числѣ. Сюда же убѣгалъ въ давнее время расколъ и произвелъ поразительныя, быстро погибшія произрастанія: Даниловскій и Лекшинскій раскольничьи монастыри, такъ называемую Выгорѣцію. Олонецкій край отличается еще и тѣмъ, что это страна охоты на всякаго звѣря, на всякую птицу: половина населенія живетъ охотою.

Обратный путь идетъ на Шлиссельбургъ: тутъ другія вѣянія, другія воспоминанія. Предстоитъ посѣтить Лодейное Поле — родину нашего балтійскаго флота, Новую Ладогу, Шлиссельбургъ, древній Орѣшекъ, на однихъ изъ воротъ котораго, какъ разсказываютъ, и понынѣ красуется ключъ «къ Петербургу».





Отъ Петербурга на Кивачъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Малышева, грав. Рашевскій.

1) Шлиссельбургская крѣпость. 2) Кошкинъ маякъ. 3) На порогахъ. 4) Пароходъ „Олонецъ". 5) Водопадъ Гирвасъ. 6) Порогъ. 7) Трещотъ. 8) Въ пути. 9) Качка. 10) Пароходъ по камнямъ. 11) Надъ бездной.

Грузино.

Достопримѣчательности. Соборъ и его памятники. Воспоминанія о графѣ Аракчеевѣ. Характеристика графа - «настолтеля Грузинской обители». Отношенія его къ императорамъ Павлу I, Александру I и Николаю I. Часы и памятникъ. Общее впечатлѣніе Грузина. Завѣщаніе. Современныя свѣдѣнія о Шумскомъ.

Любань—первая станція Николаевской желѣзной дороги въ предѣлахъ Новгородской губерніи; далѣе, отъ станціи Волхова предстояло сдѣлать переѣздъ пароходомъ до Грузина и обратно. День, казалось, установился хорошій; видъ на Волховъ, широко выступившій изъ береговъ, на Сосницкую пристань, на Волховской мостъ, на берегъ, усѣянный народомъ, и на стоящій подлѣ пристани новенькій пароходъ «Ильмень», былъ очарователенъ.

Отъ Волховской станціи до Грузина, внизъ по теченію, всего три четверти часа пути пароходомъ. Не успѣетъ скрыться изъ виду Сосницкая пристань подъ раскосами Волховского моста и церковь съ голубымъ куполомъ, усѣяннымъ звѣздами, какъ вдалекѣ показывается Грузино. Ярче всего выступаетъ въ блескѣ полуденнаго солнца казарма Петровскаго полка, окруженная цѣлымъ моремъ зелени; изъ-за нея обрисовывается куполъ собора и шпиль колокольни. Но вотъ и пристань, усѣянная народомъ; пароходъ далъ кругъ, подходя къ ней.

Любопытная достопримѣчательность Грузина—его соборъ. Полъ не особенно большого храма, буквально загроможденнаго разными памятниками, медальонами, эмблемами и надписями,—каменный. Какъ это ни странно, но первое впечатлѣніе, производимое соборомъ, какое-то не совсѣмъ христіанское, чему больше всего способствуютъ два огромныхъ бронзовыхъ зодіака, смотрящихъ со стѣнъ, справа и слѣва отъ алтаря. Чѣмъ-то языческимъ отдаетъ также отъ

богатой бронзовой гробницы Аракчеева съ темнымъ римскимъ воиномъ на ней. На сѣверной стѣнѣ собора имѣется изображеніе императора Павла; тутъ же—воинъ (самъ Аракчеевъ), преклонившійся предъ жертвенникомъ; на щитѣ у воина—гербъ Аракчеева съ девизомъ «Безъ лести преданъ», а на жертвенникѣ надпись: «Сердце чисто и духъ правъ передъ Тобою». Могила Аракчеева—плоскій продолговатый камень съ надписью: «Да пребудетъ и прахъ мой у подножія изображенія Твоего»; далѣе другая надпись: «На семъ мѣстѣ погребенъ русскій новгородскій дворянинъ графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ; родился 1769 г. октября 23 дня, умеръ 1834 г. апрѣля 21 дня». Доска съ надписью (разумѣется, за исключеніемъ года и числа смерти) сдѣланы были при жизни Аракчеева въ 1818 г. Впереди гробовой плиты стоитъ колѣнопреклоненный бронзовый ангелъ, держащій въ одной рукѣ образъ, съ которымъ Аракчеевъ никогда не разставался, а въ другой — лампаду; на шеѣ у ангела, на золотой цѣпочкѣ, образокъ съ означеніемъ дней «тезоименитства двухъ христіанскихъ друзей», т. е. Аракчеева и Настасьи Минкиной, тѣло которой погребено было въ соборѣ рядомъ съ могилою Аракчеева; на ея могилѣ была надпись: «Здѣсь лежитъ 25-тилѣтній другъ Анастасія, убіенная дворовыми людьми села Грузино за искреннюю ея преданность графу». Могилы этой теперь нѣтъ и, по преданію, тѣло Минкиной перенесено на кладбище. Весьма характерна приведенная выше надпись на жертвенникѣ: «Сердце чисто и духъ правъ».—Такъ ли это? Историки до сихъ поръ не пришли къ окончательному заключенію по этому вопросу.

Среди многочисленныхъ достопримѣчательностей храма выдѣляется знаменитое Евангеліе, въ которомъ написано завѣщаніе покойнаго графа. Въ немъ дѣйствительно замѣтны остатки вырванныхъ листовъ. Говорятъ, будто графъ Клейнмихель, посланный на разслѣдованіе извѣстнаго убійства, почелъ за нужное тогда же уничтожить ихъ. Что на нихъ было написано—неизвѣстно. Подъ голубымъ куполомъ собора бронза и мѣдь памятниковъ выдаются особенно ярко. Противъ алтаря помѣщены крупные медальоны императоровъ Петра I, Александра I и Павла I. Памятникъ офицерамъ Ростовскаго гренадерскаго полка, шефомъ котораго Аракчеевъ состоялъ съ 1808 г., поставленъ у южной стѣны собора. На немъ изображены воинскіе доспѣхи и написаны имена офицеровъ, убитыхъ въ сраженіяхъ 1812—1814 гг.; надъ именами ихъ надпись:

«Се памятникъ сынамъ Россійскія державы,
Которы пламенемъ усердія горя,
Въ бояхъ противъ враговъ, на полѣ вѣчной славы,
Скончали жизнь свою за вѣру и Царя».

Тутъ же хранятся старыя изорванныя знамена Ростовскаго полка; здѣсь также можно видѣть и извѣстный образъ въ Алексѣевскомъ придѣлѣ съ характернымъ выборомъ святыхъ: Андрей, Алексѣй, Петръ и Анастасія, надъ которыми въ облакахъ паритъ апостолъ Павелъ, держащій въ лѣвой рукѣ портретъ императора Павла I въ мундирѣ гатчинскихъ войскъ. Въ ризницѣ хранится портретъ архимандрита Фотія, черты лица котораго такъ же мало

привлекательны, какъ аракчеевскія, и какъ бы родственны имъ по выраженію. Все это, вмѣстѣ взятое,—цѣлая эпопея, въ значительной степени тяжелая, грустная. Съ 1825 г. грузинскій Андреевскій соборъ пользуется единственнымъ въ Россіи отличіемъ: въ немъ, въ память преданія о посѣщеніи этой мѣстности св. ап. Андреемъ, разрѣшено совершать литургію въ храмовой праздникъ, въ воскресные и торжественные дни «ири отверстыхъ царскихъ вратахъ», кромѣ того времени, когда совершается освященіе св. даровъ.

Въ храмѣ хранятся и французскія знамена, присутствіе которыхъ объясняютъ такъ: по волѣ графа Аракчеева, послѣ каждой литургіи по немъ должна совершаться панихида. Для этого онъ еще при жизни приготовилъ на поминальный столикъ чехолъ, по бокамъ котораго пришиты десять знаменъ, отнятыхъ у французовъ въ 1812 году; четыре изъ нихъ—наполеоновской гвардіи; на столикъ устроено особое покрывало съ четырьмя штандартами итальянскихъ войскъ Наполеона (съ одноглавымъ орломъ, имѣющимъ желѣзную корону на груди).

При взглядѣ на большія сооруженія Грузина, невольно вспоминается, какъ покойному его владѣльцу, графу Аракчееву, хотѣлось, во что бы то ни стало, оживить, населить его. Графъ, какъ сообщаютъ его современники, не терпѣлъ между своими крѣпостными холостыхъ и вдовыхъ. Ежегодно, къ 1-му января ему представляли списки дѣвушекъ, онъ дѣлалъ смотрины и назначалъ свадьбы.

Аракчеевъ умеръ всего только шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ даже внѣшность его и выраженіе лица для насъ уже неясны, какъ бы подернуты туманомъ. Не много еще въ живыхъ людей, видѣвшихъ лично графа; сохранились также его портреты, и, тѣмъ не менѣе, даже печатныя свѣдѣнія о его внѣшности противорѣчатъ одно другому: «Русская Старина» объясняетъ, что онъ былъ очень некрасивъ и говорилъ гнусливо, а «Древняя и Новая Россія» называетъ его даже краснвымъ.

Самъ себя Аракчеевъ называлъ «настоятелемъ Грузинской обители». Это насмѣшка, конечно, если вспомнить существующій въ Грузинскомъ паркѣ островъ Мелиссино. Надо замѣтить, впрочемъ, что Аракчеевъ, всегда сумрачный, иногда смѣялся, но тогда это выходило зло, обидно, грубо. Есть основаніе полагать, что далекимъ родоначальникомъ Аракчеевыхъ былъ татаринъ, и, глядя на портретъ графа, это допустить нетрудно. «Не было ли въ самой природѣ Аракчеева, — говоритъ одинъ изъ изслѣдователей: — той летаргіи равнодушія къ общему благу, близкой къ фатализму, которою по преимуществу заражены люди государственные на Востокѣ»? «Я учился по Часослову—говоритъ графъ—читать по Псалтырю за упокой родителей». Но и это неправда: великое слово «родители» звучало для него какъ-то особенно. Въ письмахъ его къ матери, которая его боготворила, множество нѣжныхъ словъ, но когда она, предчувствуя близость кончины, звала его въ недалекіе Курганы, онъ не пріѣхалъ ни при жизни ея, ни на похороны; позднѣе ссылалъ онъ въ Курганы провинившихся крестьянъ.

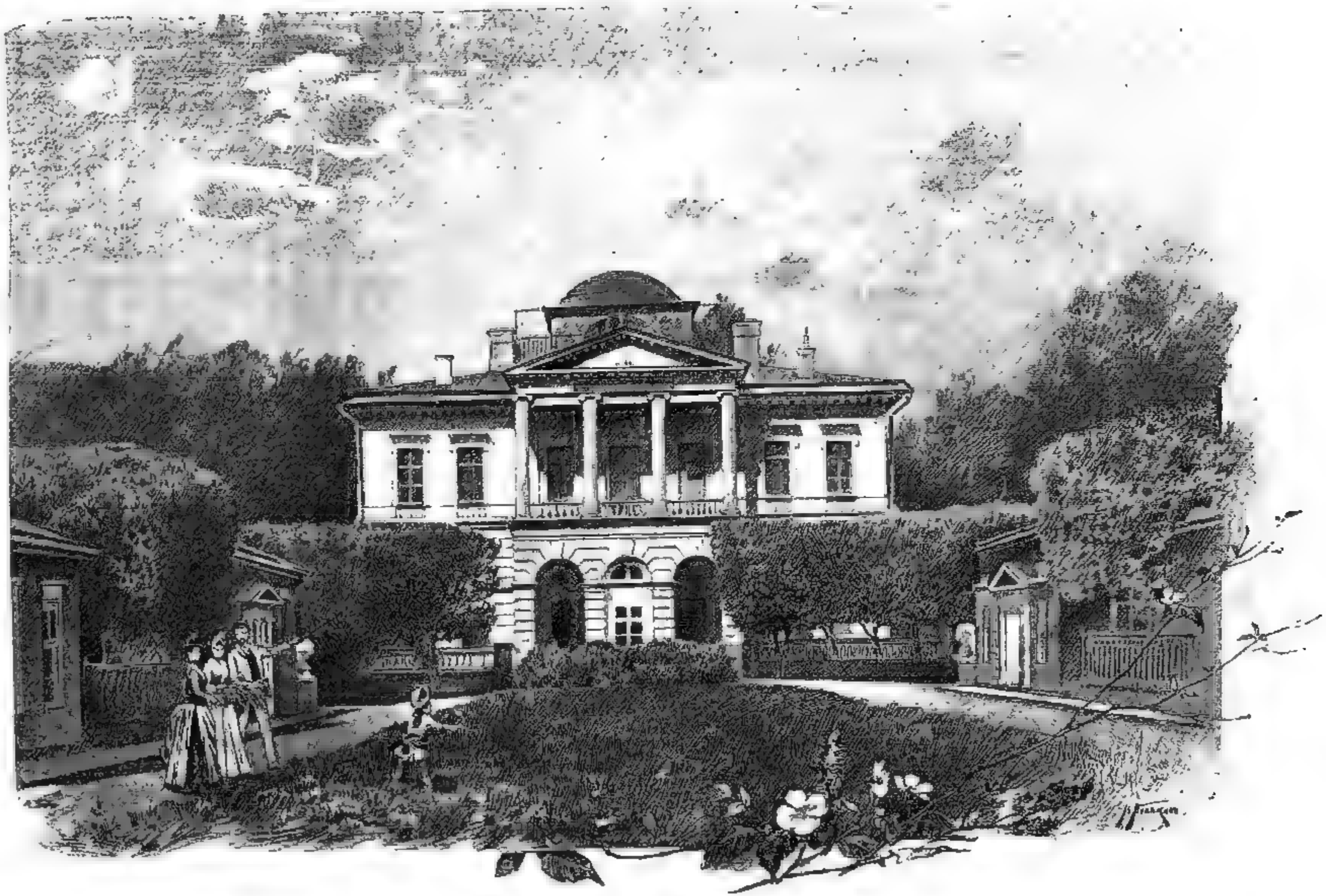
Для построекъ въ Грузинѣ, какъ извѣстно, были снесены съ мѣстъ цѣлыя

деревни, уничтожены лѣса; при этомъ не были оставлены въ покоѣ даже кладбища. «Надо строить и строить,— писалъ графъ Аракчеевъ Вухмейеру:— ибо строенія послѣ нашей смерти нѣкоторое хотя время напоминаютъ о насъ; а безъ того со смертью нашею и самое имя наше пропадетъ». И Аракчеевъ, дѣйствительно, много строилъ и хотѣлъ, чтобы все имъ построенное напоминало о немъ: отъ надписей на домахъ и стѣнахъ пестрить въ глазахъ. На амбарѣ, между прочимъ, читаются слова: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». На другомъ зданіи: «безъ лести преданъ!» Злые языки немного перемѣнили эту надпись, измѣнивъ только двѣ буквы; на третьемъ памятникѣ читается ужасное, мстительное слово тому, кто дерзнетъ коснуться этого памятника: «будь проклятъ тотъ, кто...» и т. д.,— и это проклятіе слышится изъ-за могилы! И зачѣмъ такъ страстно хотѣлось графу жить хотя бы въ строеніяхъ и надписяхъ? Отчего такъ удивительно ясно понималъ онъ, что исчезнетъ, непремѣнно исчезнетъ, изъ памяти потомства? Недовѣрчивый, подозрительный, онъ даже въ этомъ случаѣ прибѣгалъ къ ухищреніямъ. Надпись могутъ стереть, думалъ онъ, и спряталъ какіе-то таинственные документы на колокольнѣ собора; верхъ колокольни собора весь чугунный, и въ колонны его, какъ гласитъ преданіе, подъ стеклянные колпаки положены неизвѣстныя бумаги.

Грузино, какъ извѣстно, было подарено императоромъ Петромъ I Меньшикову; позже императоръ Павелъ I подарилъ его Аракчееву, которому это сближеніе съ историческимъ именемъ любимца Петрова чрезвычайно нравилось. Цесаревичу Павлу Петровичу, впослѣдствіи императору, графъ Аракчеевъ былъ обязанъ своимъ первымъ возвышеніемъ. Онъ же указалъ на Аракчеева наслѣднику престола Александру Павловичу.

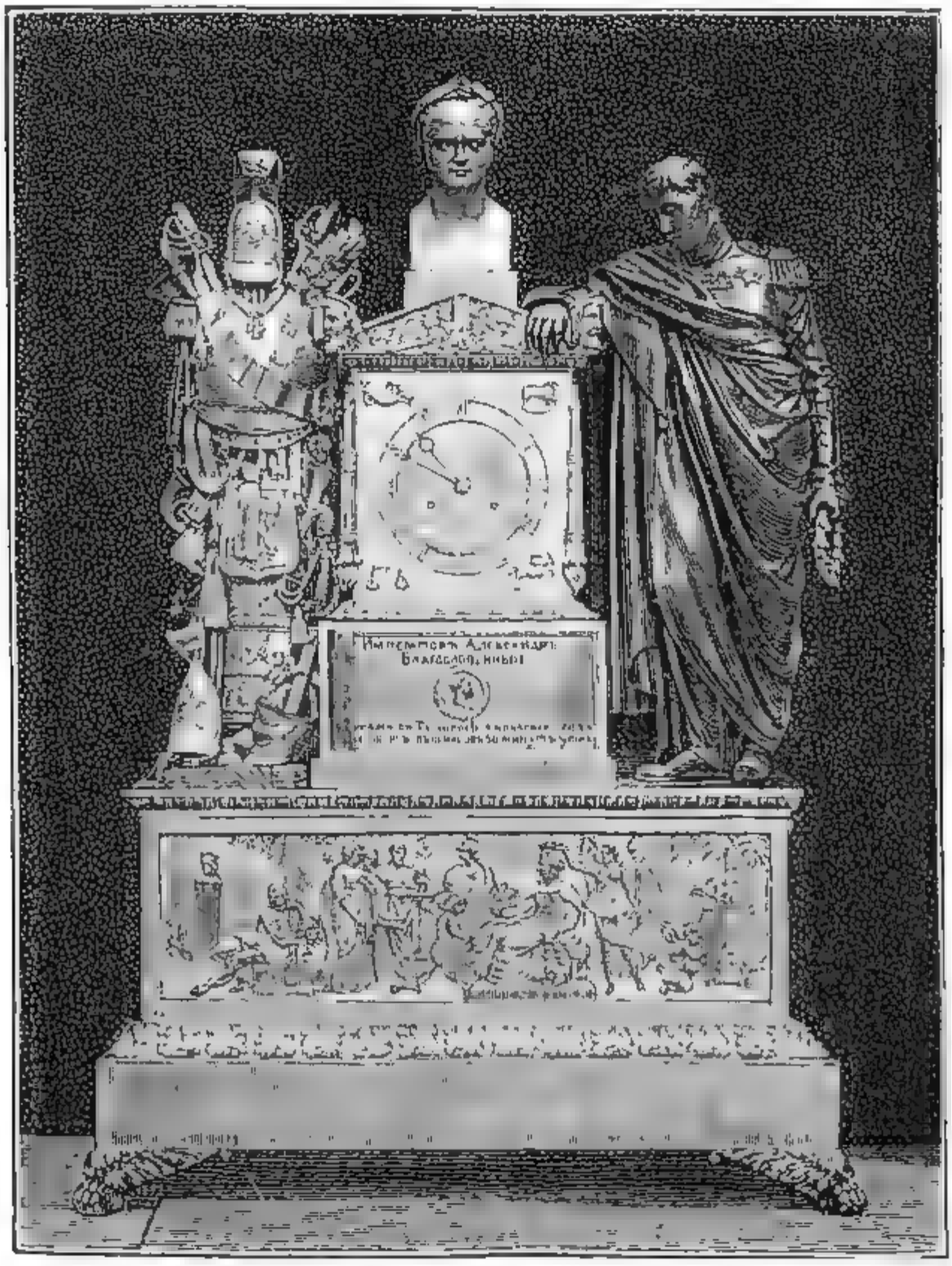
Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Аракчеевъ былъ человѣкъ чрезвычайно способный; въ этомъ убѣдиться не трудно, стоитъ только ознакомиться съ его отличіями въ корпусѣ, съ его раннею властью и значеніемъ въ гатчинскихъ войскахъ цесаревича Павла Петровича. 24-хъ лѣтъ Аракчеевъ былъ уже капитаномъ и ежедневно обѣдалъ за столомъ августѣйшихъ владѣльцевъ Гатчины. Ко времени воцаренія императора Павла I, онъ былъ полковникомъ артиллеріи и первымъ ближайшимъ къ нему лицомъ. При Александрѣ I, въ 1815 году, какъ это видно изъ бумагъ, хранящихся въ Грузинѣ, всѣ главнѣйшія государственныя дѣла, не исключая и дѣлъ подвѣдомственныхъ Святѣйшему Синоду, шли въ доклады Аракчеева. «Пріѣзжай ко мнѣ», писалъ графу Аракчееву императоръ Александръ I изъ Таганрога, послѣ извѣстнаго грузинскаго убійства, разслѣдованнаго графомъ Клейнмихелемъ: «у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искренно любилъ». Но неблагодарный графъ и тутъ, какъ при смерти своей матери, не поѣхалъ.

Обходя грузинскій домъ Аракчеева, украшенный фронтономъ и колоннадами и густо обросшій вѣковою зеленью, можно, по множеству надписей, прослѣдить, гдѣ бывалъ, почивалъ, гдѣ занимался императоръ Александръ Павловичъ во время своего пребыванія въ Грузинѣ. Въ этомъ домѣ, какъ святыня, сохраняются его вещи. Большого вниманія заслуживаютъ хранящіеся здѣсь знаменитые часы; они, послѣ кончины императора, были заказаны Аракчеевымъ



Грузино. Домъ гр. Аракчеева.

въ Парижѣ за громадную, по тому времени, сумму—29,000 руб. ассигн. и должны были бить только одинъ разъ въ сутки: въ 10 час. 50 мин.—часъ кончины государя; въ этотъ часъ, медленно открывается медальонъ императора Александра I и раздаются грустные звуки «вѣчной памяти». Уныло разносится



Грузино.

Часы въ память императора Александра I.

звонъ часовъ по небольшой комнатѣ, гдѣ все сохранилось въ первоначальномъ видѣ, только нѣтъ болѣе на кушеткѣ самого Аракчеева: говорятъ, во время боя часовъ, онъ всегда сидѣлъ на ней. Небольшая, но мастерски исполненная бронзовая фигура его на часахъ полна неописуемой грусти.

Въ центрѣ Грузина высится памятникъ, воздвигнутый тоже Аракчеевымъ императору Александру I и стоившій около 30,000 руб. Аракчеевымъ, кромѣ того, положенъ капиталъ для выдачи автору лучшаго жизнеописанія императора.

Капиталъ этотъ возрастетъ къ 1925 г. до громадной цифры 1.918,000 руб., и все-таки есть основаніе думать, что Аракчеевъ не любилъ императора по той простой причинѣ, что у него не было сердца. Зато не любилъ Аракчеева императоръ Николай I. Когда, 14-го декабря, генералы, находившіеся въ Зимнемъ дворцѣ, вышли за государемъ на площадь, Аракчеевъ, блѣдный, испуганный, не послѣдовалъ за ними. Этого императоръ Николай I не забывалъ никогда.

Въ Грузинѣ заслуживаетъ вниманіе путешественника густой паркъ съ его зеленѣющими прудами. Густою зеленью заросъ извѣстный островъ Мелиссино съ его павильономъ, служившимъ когда-то мѣстомъ различныхъ тайн-

Село Грузино. Общій видъ съ р. Волхова.
Съ фот. грав. Флюгель.

ственныхъ пированій и имѣвшимъ за зеркалами изображенія, доступныя лишь не всѣмъ.

Грузино теперь и Грузино въ 1834 году, въ годъ смерти графа Аракчеева, это двѣ величины въ полномъ смыслѣ слова несравнимыя; тогда богатое помѣстье раскидывалось на пространствѣ 50,000 десятинъ и состояло изъ густо населенной Грузинской волости съ прилегавшими къ ней деревнями, богатымъ движимымъ имуществомъ и крупными капиталами, завѣщанными графомъ на разные предметы по управленію,—капиталами, достигавшими 506,900 рублей. Грузино составляло одно вѣчно-нераздѣльное имѣніе, принадлежавшее новгородскому графа Аракчеева корпусу; имъ завѣдывалъ особый управляющій, надъ которымъ стоялъ хозяйственный комитетъ кадетскаго корпуса, а главное управленіе сосредоточивалось въ несуществующемъ болѣе департаментѣ военныхъ поселеній. Теперь, за надѣломъ крестьянъ, за отдѣленіемъ земель и лѣ-

Грузино. Памятникъ императору Александру I.

К. К. Случевскій. „По Россіи".

совъ, Грузинское имѣніе уменьшилось почти въ двѣ тысячи разъ, такъ какъ занимаетъ всего только 31 дес. 500 кв. саж., изъ которыхъ 21 десятина занята памятниками, строеніями, прудами, цвѣтниками, парками; всѣ завѣщанные капиталы распредѣлены по разнымъ вѣдомствамъ, а завѣдываніе мызой и ея памятниками поручено отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ особому чиновнику; Грузино не принадлежитъ болѣе Аракчеевскому корпусу, такъ какъ еще въ 1845 году, при передачѣ его министерству и согласно исчисленному доходу, Высочайше повелѣно было, чтобъ Аракчеевскій кадетскій корпусъ въ теченіе десяти лѣтъ получалъ уже не съ имѣнія, а прямо изъ государственнаго казначейства 18,000 рублей ежегодно, съ прибавкой половины того, что будетъ выручено сверхъ этого дохода; въ 1868 году состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣ вообще учрежденія, которымъ были въ свое время пожертвованы крестьяне (кадетскіе корпуса: новгородскій Аракчеева, орловскій Бахтина, воронежскій Михайловскій, орловскій Александровскій институтъ, ярославскій Демидовскій лицей и главный московскій архивъ), получали впредь соотвѣтствующія суммы доходовъ съ этихъ имѣній прямо изъ государственнаго казначейства и, кромѣ того, имъ выданы, на правахъ помѣщиковъ, на состоявшія въ надѣлѣ крестьянскія земли владѣнныя записи.

Какъ сказано, почти въ двѣ тысячи разъ уменьшилось Грузино противъ того, чѣмъ оно было, и заботливость объ его цѣльности, занимавшая графа Аракчеева во всю его жизнь, разлетѣлась прахомъ. Упомянутое выше духовное завѣщаніе Аракчеева, утвержденное императоромъ Александромъ I въ 1816 году и долгое время никому неизвѣстное, хранилось въ Сенатѣ, въ запечатанномъ конвертѣ; высочайшій указъ объ этомъ храненіи предоставлялъ завѣщателю право внести отъ себя въ Сенатъ другой запечатанный пакетъ съ обозначеніемъ имени избраннаго имъ наслѣдника, но этого второго пакета графъ Аракчеевъ Сенату никогда не предъявлялъ. Въ 1824 году высочайше утверждены нѣкоторыя распоряженія графа на предметъ вѣчнаго поминовенія въ грузинскомъ соборѣ императора Павла I; ходатайствуя объ этомъ утвержденіи, Аракчеевъ писалъ государю, что Грузино «единственное мое утѣшеніе, доставляющее мнѣ покой пріятный послѣ трудовъ дѣятельныхъ и несказанное удовольствіе заниматься благосостояніемъ крестьянъ, ввѣренныхъ моему попеченію». Слишкомъ наглядно и ярко начертаны въ исторіи какъ «труды дѣятельные», такъ и то, что̀ разумѣлъ графъ Аракчеевъ подъ словами «удовольствіе заниматься благосостояніемъ крестьянъ».

Когда по смерти Аракчеева, въ 1834 году, хранившійся въ Сенатѣ пакетъ былъ вскрытъ, то оказалось, что графомъ сдѣлано распоряженіе о нераздѣльномъ владѣніи и наслѣдованіи Грузинской волости, и что завѣщатель, въ случаѣ непзбранія имъ достойнаго наслѣдника, предоставляетъ это право государю. Такъ какъ второго пакета съ именемъ наслѣдника представлено не было, то Николай I призналъ наслѣдникомъ его новгородскій кадетскій корпусъ. Тогда же повелѣно было утвердить въ полной силѣ всѣ распоряженія покойнаго, изложенныя въ черновой собственноручно писанной тетради, «хотя они не были облечены установленными закономъ формами»; такое же значеніе, опять-таки

по высочайшему повелѣнію, придано было «особому словесному завѣщанію» его относительно денежныхъ награжденій, удостовѣренному лицами, находившимися при смерти графа.

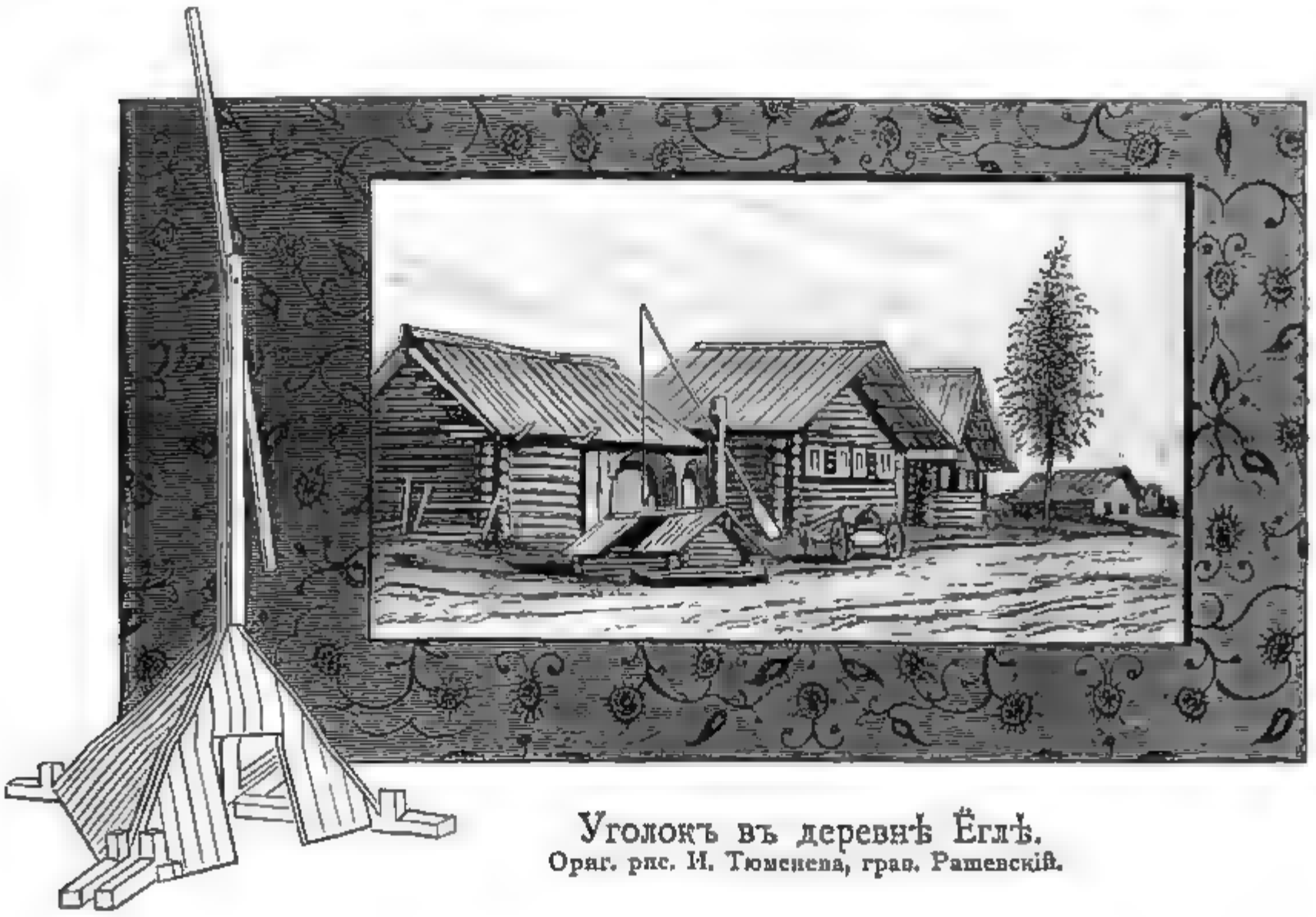
Послѣднія распоряженія Аракчеева, минувшія обычныя формы воплощенія въ законъ, были впослѣдствіи нарушены. Грузино, равно какъ и его капиталы, то и дѣло дробились и точно перебрасывались изъ рукъ въ руки, на зло той вѣчной устойчивости, которую думалъ создать графъ. Въ 1834 году село поступило въ военное вѣдомство, въ 1845 году перешло въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, въ 1857 году—въ удѣльное, въ 1859 году часть его, мыза и паркъ, переданы духовному вѣдомству для учрежденія тамъ миссіонерскаго училища и, за неосуществленіемъ этого, поступили въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ въ 1866 году.

Сомнительныя данныя о печальной судьбѣ сына графа Аракчеева, флигель-адъютанта Шумскаго, окончательно выяснились только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обнародованіемъ одного изъ архивныхъ дѣлъ Соловецкаго монастыря, за № 756. Оказывается, что сынъ Аракчеева, когда-то офицеръ гвардіи, флигель-адъютантъ съ 1824 года, былъ за неприличные поступки въ 1826 году переведенъ во владикавказскій гарнизонъ, съ лишеніемъ званія флигель-адъютанта; что онъ находился въ многочисленныхъ схваткахъ и сраженіяхъ до 1829 года и уволенъ отъ службы въ 1830 году. Послѣ различныхъ странствованій, Шумскій временно, хотя и насильственно, успокоивается въ Юрьевомъ монастырѣ, Новгородской губерніи, изъ котораго, по высочайшему повелѣнію и согласно собственной просьбѣ, переведенъ въ Соловки въ 1836 году. Въ Соловкахъ онъ содержался не какъ арестантъ, а жилъ свободно, только безъ права выѣзда, сначала велъ предосудительную жизнь, но затѣмъ, въ ноябрѣ 1836 года, просилъ архимандрита о принятіи его въ штатъ послушниковъ. Съ высочайшаго соизволенія, это было ему разрѣшено. Въ 1838 году, опять-таки съ высочайшаго разрѣшенія и по просьбѣ Шумскаго, ему дозволено покинуть монастырь, а въ 1839, въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую его просьбу, государь повелѣлъ производить ему по 1,200 рублей пенсіи. Заручившись этими деньгами, Шумскій, противъ ожиданія, остался въ Соловкахъ; новая попытка его стать отшельникомъ окончилась «пьянственнымъ питіемъ», и когда, снисходя на новую просьбу его о дозволеніи переселиться на родину, въ одну изъ пустынней Новгородской губерніи, послѣдовало соизволеніе, Шумскій, прибывъ, по пути туда, въ Архангельскъ, заболѣлъ и умеръ въ больницѣ въ 1851 году, 48 лѣтъ отъ роду.

Боровичи.

Историческое о рѣкѣ Мстѣ. Великая княгиня Ольга. Новгородскіе ушкуйники. Остатки языческихъ обычаевъ. Почитаніе св. Параскевы-Пятницы. Свято-Духовскій монастырь. Воспоминаніе о Суворовѣ.

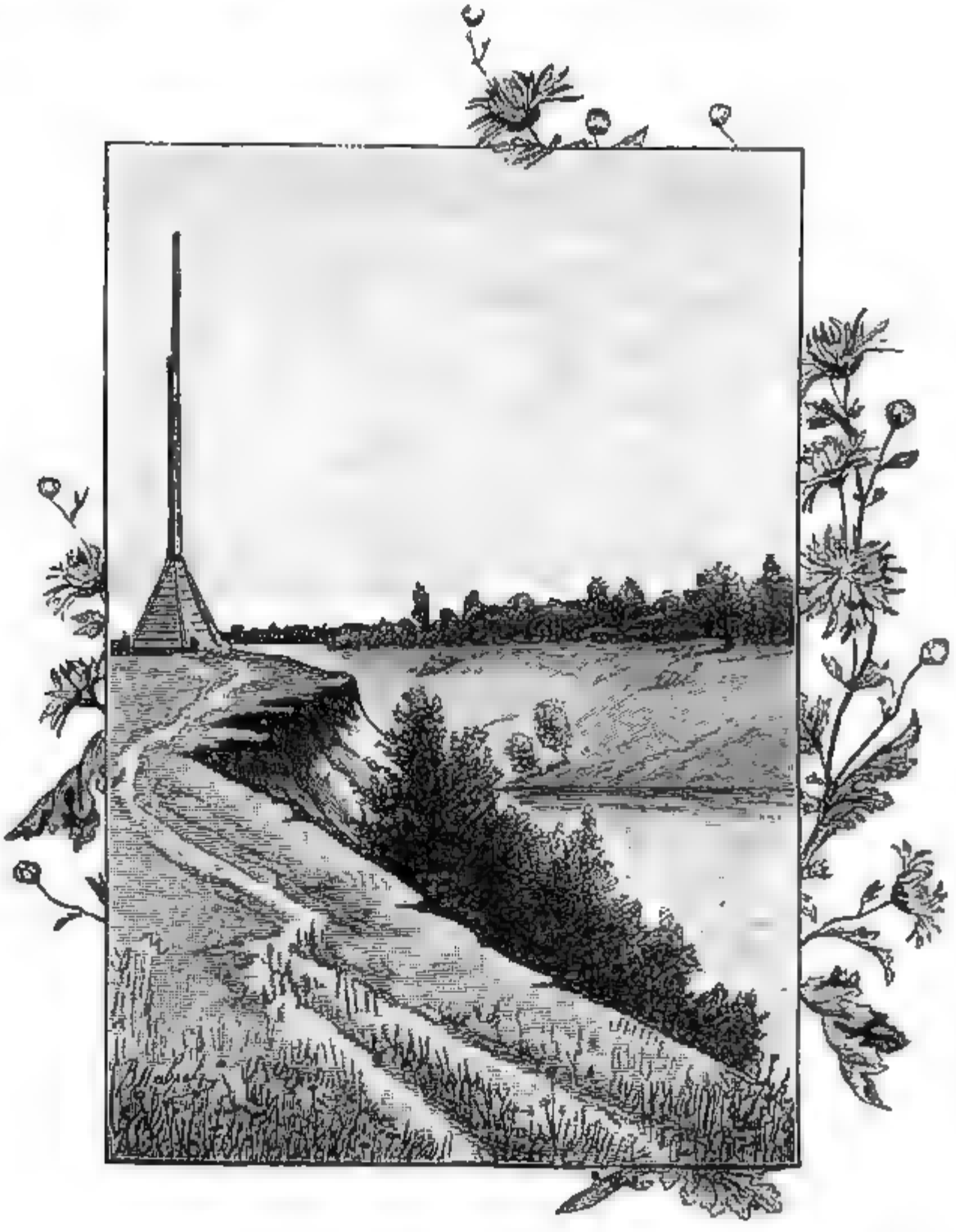
Вокзалъ Боровичской желѣзной дороги находится въ весьма не далекомъ разстояніи отъ р. Мсты и отъ самаго города Боровичей. Съ довольно крутого спуска у Спаса Преображенія открывается видъ на городъ, раскинутый на другомъ, высокомъ берегу Мсты. Въ блескѣ яркаго утренняго солнца и при удивительной прозрачности воздуха картина пестрѣетъ



Уголокъ въ деревнѣ Ёглѣ.
Ориг. рис. И. Тюменева, грав. Рашевскій.

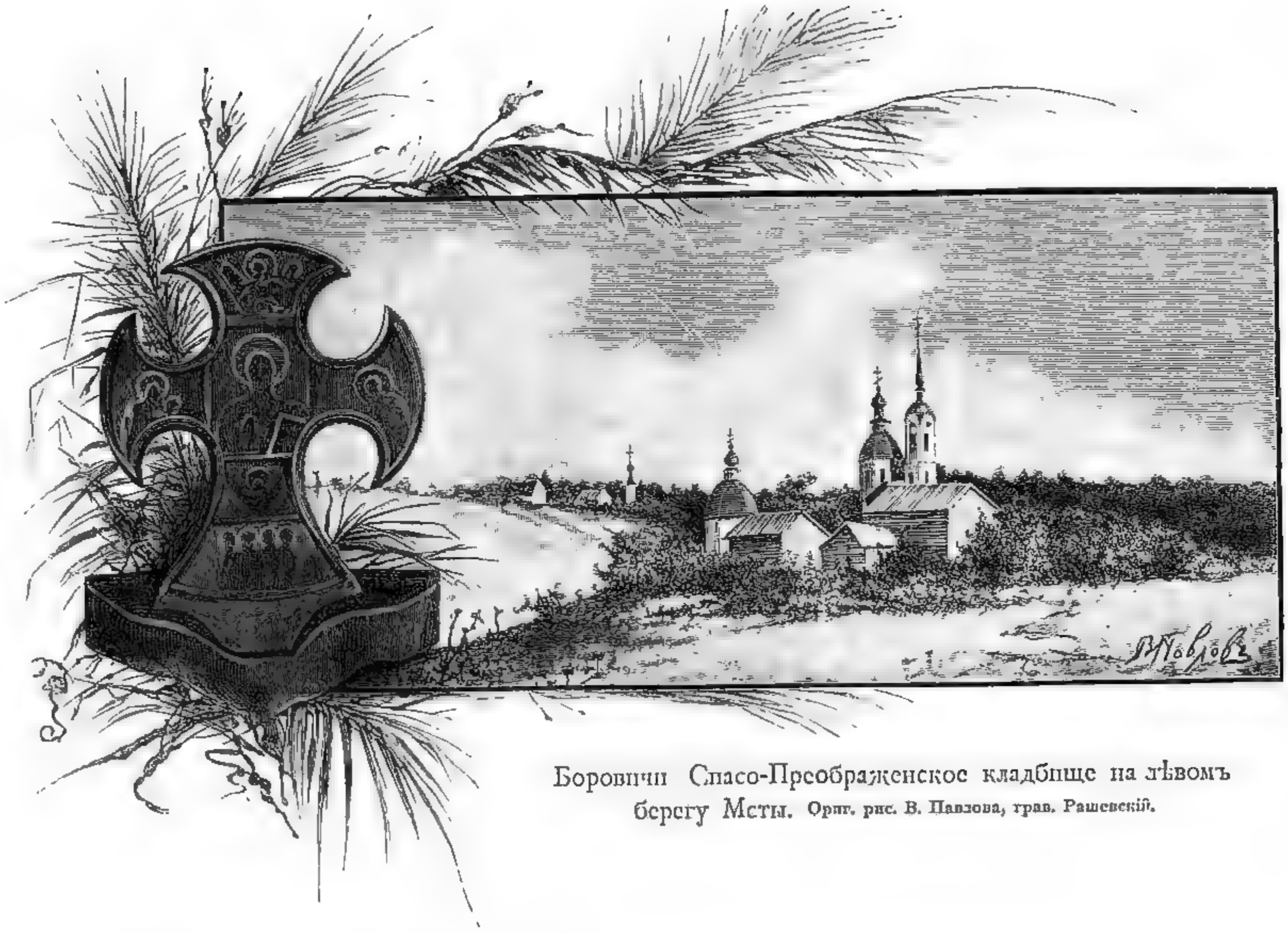
всѣми красками; глубокая, синѣющая даль окаймляетъ ее богатою рамкою. На первомъ планѣ блистала быстрая Мста и, пользуясь весеннимъ разгуломъ своихъ водъ, поднимала гребни безсчетныхъ волнъ, будто взглядывая вершинками ихъ на то, что дѣлалось на берегу. Мста въ этомъ году была чрезвычайно полноводна, благодаря обилію дождей. Въ открытые шлюзы озера Ипросъ рѣка стремилась быстро и шумно.

Городъ Боровичи, какъ уже сказано, очень красиво раскинутъ надъ



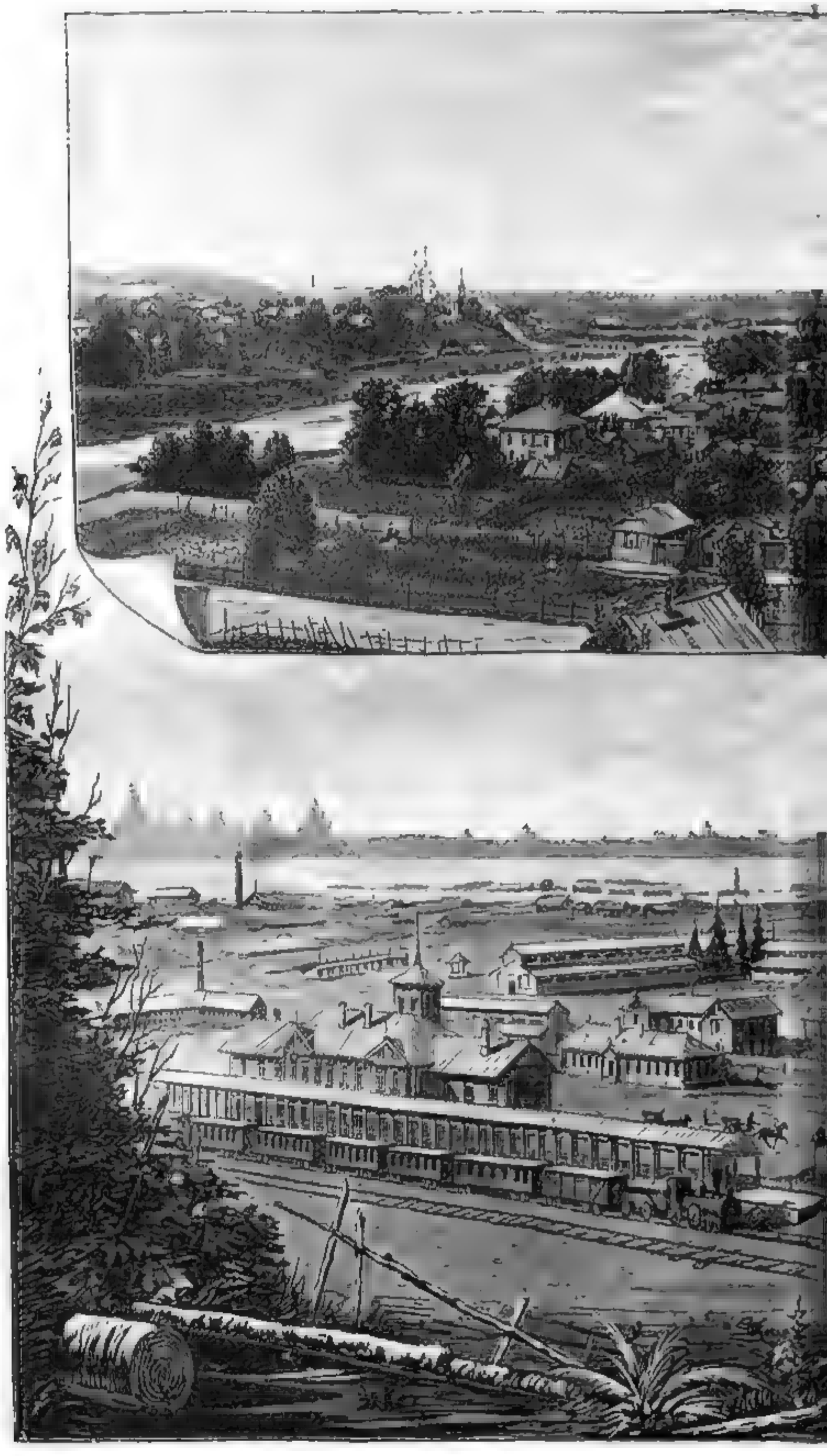
Порогъ Витцы (въ 5 верстахъ отъ Боровичей).
Оригг. рис. В. Павлова, грав. Шишперъ.

рѣкою Мстою, которая беретъ свое начало изъ озера Мстино и открываетъ себѣ дорогу между двухъ значительныхъ возвышенностей. Тамъ, у истока Мсты, на одной изъ возвышенностей стоитъ каменное зданіе, когда-то, во время процвѣтанія Вышневолоцкой системы, служившее жилищемъ для мѣстныхъ чиновниковъ вѣдомства путей сообщенія. Это зданіе было заброшено, и только недавно уступлено Академіи Художествъ съ цѣлью дать возможность нашимъ художникамъ жить здѣсь въ лѣтнее время и работать. Это тѣмъ болѣе



Боровичи Спасо-Преображенское кладбище на лѣвомъ берегу Мсты. Ориг. рис. В. Павлова, грав. Рашевскій.

Опеченскій посадъ со стороны Боровичей. Оригъ. рис. В. Павлова, грав. Шишперъ.



Общій видъ Боровичей и сельско-хозяйств

По фотогр. грав.

ной кустарно-промышленной выставки 1894 г.

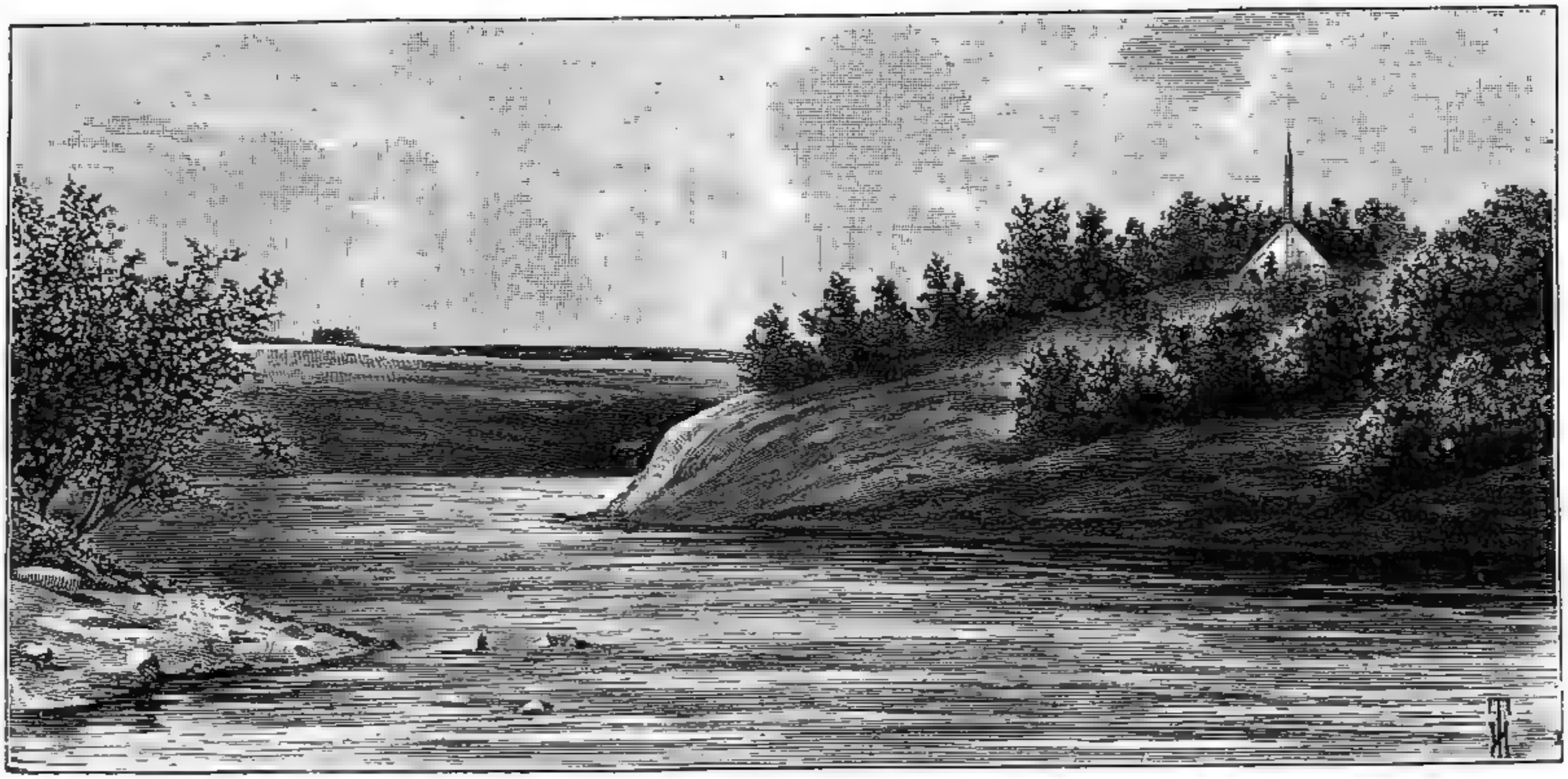
ашеръ.

важно, что Мста — одна изъ красивѣйшихъ рѣкъ въ Россіи и представляетъ для художника чрезвычайно много разнообразныхъ, живыхъ мотивовъ. Притомъ нужно замѣтить, что Мста живописна не только у истока, но сохраняетъ свою красоту почти по всему теченію.

Самымъ опаснымъ мѣстомъ на Вышневолоцкой системѣ являются боровичскіе пороги на Мстѣ. Они начинаются отъ Опеченскаго посада (выше Боровичей), проходятъ мимо города и оканчиваются у Потерпѣлицкой пристани, гдѣ обыкновенно исправлялись суда, потерпѣвшія крушеніе на порогахъ. Существовалъ старинный обычай въ плесѣ ниже Боровичей устраивать пирушку, если судно проходило благополучно; этотъ плесъ получилъ даже названіе «виннаго». Самъ Петръ Великій, неоднократно бывавшій въ этихъ мѣстностяхъ, миновавъ боровичскіе пороги, приказывалъ подавать себѣ рюмку любимой своей анисовки.

Между Опеченскимъ посадомъ и Потерпѣлицкою пристанью находятся 35 пороговъ и 11 острововъ, не покрывающихся водою. Наиболѣе опасными порогами считаются: «Выпь», «Вязъ», «Лѣстница», «Печки», «Гверстка», «Бѣлп», «Гнилка», «Егла» (близъ деревни Егла, въ 9-ти верстахъ отъ Боровичей) и «Витцы». Въ полую воду, когда уровень Мсты искусственно поднимается спускомъ водъ изъ озеръ, лежащихъ выше по ея теченію, барки на порогахъ мчатся, пробѣгая 36-ти-верстное разстояніе почти въ одинъ часъ времени. Мста не глубока, особенно на порогахъ, и даже въ полую воду, когда вода на порогахъ кипитъ, какъ въ котлѣ, глубина ея мѣстами не превышаетъ аршина. Поэтому наибольшая осадка судна всегда опредѣляется въ 14 вершковъ. Полагаютъ, что «Опеченскій рядокъ» существовалъ еще въ XVI вѣкѣ. Въ 1820 году «Опеченскій рядокъ», какъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ на Вышневолоцкой системѣ, сдѣланъ посадомъ и въ немъ учреждена ратуша. Посадъ имѣетъ благоустроенный видъ; въ серединѣ находится церковь во имя Успенія Божіей Матери; устроена каменная набережная, усаженная деревьями. На самомъ видномъ мѣстѣ на соборѣ (противъ набережной) находится изображеніе св. Николая, спасающаго человѣка отъ потопленія.

Такъ вотъ она, эта рѣка Мста, древняя путина собиранія даней великою княгинею Ольгою по погостамъ, ею учрежденнымъ. Это было въ X вѣкѣ. Въ этихъ погостахъ, имена и мѣста которыхъ утеряны, великокняжескія ладьи нагружались собранными въ дань произведеніями и шли обратно къ княжескому двору, въ Великій-Новгородъ. Та же Мста, только позже, служила однимъ изъ путей для новгородскихъ ушкуйниковъ, которые ходили на сѣверъ въ Норвегію, а на югъ добирались даже до Астрахани, грабя и разбойничая по пути. Ушкуй—финское названіе косной лодки. Ѣздившіе на ней назывались ушкуйниками. Новгородская вольница спускалась по Мологѣ, въ Волгу, чтобы, пользуясь быстротою хода на нихъ подъ парусами и на веслахъ, нападать на суда, медленно тянувшіяся, и грабить ихъ. Въ случаѣ неудачи нападенія можно было легко уйти. Дерзость ушкуйниковъ въ XIV вѣкѣ доходила до того, что при Дмитріи Донскомъ они взяли города Ярославль и Кострому наѣздомъ съ Волги. Въ 1340 году сожгли они Устюжну и разорили Бѣлозерскую область.



Порогъ Выпь. Видъ сверху, по теченію Мсты, со стороны Опеченскаго посада.
Ориг. рис. И. Тюменева, грав. Шлипперъ.

Новгородцы умывали руки въ разбойничествахъ этихъ шаекъ, говоря, что они имъ позволенія на грабежи не давали. Многіе изъ князей ополчались на ушкуйниковъ открытою силою, при чемъ иногда сами терпѣли неудачу.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, говоритъ мѣстный изслѣдователь, что Боровичи и ихъ окрестности издавна были, такъ сказать, мѣстомъ встрѣчи московскаго и новгородскаго вліяній. До сихъ поръ къ западу и югу отъ Боровичей преобладаетъ нарѣчіе, близкое къ московскому, къ сѣверу — новгородское. До какихъ именно мѣстъ поднимались по Мстѣ Ольгины ладьи—сказать трудно, но что Боровичи представляютъ собою очень древній погостъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Существуетъ преданіе насчетъ происхожденія названія Боровичей: былъ въ древности богатый князь и имѣлъ онъ усадьбу близъ села Сушеней и подлѣ, на горѣ, скотный дворъ, на другой горѣ — овечій боръ; отсюда и названіе. Но въ Боровичахъ этого преданія не признаютъ и толкуютъ съ бо́льшимъ, конечно, вѣроятіемъ, что названіе города происходитъ отъ великаго боровища когда-то окружавшаго погостъ, ставшій впослѣдствіи городомъ.

Изъ историческихъ письменныхъ памятниковъ извѣстно, что на мѣстѣ этого города въ древнее время существовали погосты Борисоглѣбскій и Спасскій; въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ первомъ погостѣ былъ таможенный дворъ и сосредоточены земскія учрежденія для окрестныхъ мѣстъ. Петръ Великій, для поощренія занятія жителей лоцманскимъ дѣломъ, освободилъ ихъ отъ податей. Въ 1772 году Екатерина II въ домѣ, построенномъ Гутуевымъ, подписала указъ о наименованіи Боровичей городомъ (24 іюня). Въ память этого событія учрежденъ ежегодный крестный ходъ. Въ 1772 году Екатерина прибыла къ Боровичамъ на лодкахъ и высадилась противъ нынѣшней кладбищенской церкви; въ память этого поставленъ былъ крестъ, а потомъ сооружена Крестовоздвиженская часовня, куда ежегодно 14 сентября бываетъ крестный ходъ изъ кладбищенской церкви. Площадь передъ бывшимъ «Гутуевскимъ домомъ» («дворцомъ») называется Екатерининскою.

Древнее мѣсто — древніе обычаи; остатки языческихъ обрядовъ удержались тутъ и до послѣдняго времени. По пятницамъ, съ девятой недѣли по Пасхѣ и до половины іюля, къ мѣстнымъ часовнямъ приводятъ коней на окропленіе святою водою, бросаютъ въ колодцы деньги, какъ бросали при святомъ благовѣрномъ князѣ Константинѣ Святославичѣ Муромскомъ: «очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеся и серебренницы въ ня повергающе». Святочныя глумленія и воспѣванія коляды 24 декабря, купанья 23 іюля, кувырканье при первомъ ударѣ весенней грозы, напоминающее поклоненіе Перуну,—все это имѣетъ здѣсь мѣсто и продолжаетъ жить самою безыскусственною жизнью.

Но эти остатки языческихъ повѣрій нисколько не мѣшаютъ безусловному значенію христіанской святыни. Въ Боровичахъ и его окрестностяхъ, далеко кругомъ, преобладаетъ въ народѣ почитаніе Параскевы-Пятницы. Въ самыхъ Боровичахъ есть церковь ея имени; въ двадцати верстахъ находится часовня Пятницы; при церкви Никольскаго погоста во всѣ пятницы, отъ девятой по Пасхѣ до Ильинской, бываетъ огромное стеченіе народа. Всѣ эти дни считаются

Боровичи Свято-Духовъ монастырь. Оригг. рис. В. Павлова, грав. Шлипперъ.

въ Боровичахъ народными праздниками. Наша церковь, какъ извѣстно, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей старины, празднуетъ Параскеву 28 октября; но почему только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи посвящены ей особые дни, почему именно пятницы въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ и почему въ чествованіи особенно усердны женщины,—это остается неразгаданнымъ и должно имѣть свою связь съ язычествомъ. Были, вѣроятно, какія-либо языческія ликованія со стороны женщинъ, или онѣ чествовали этотъ праздникъ отдѣльно отъ мужчинъ. Въ Четьи-Минеяхъ о св. Владимірѣ говорится, что «мужья ликовали дома, а жены въ поляхъ»; Карамзинъ опредѣляетъ время празднованія Ладо между 25 мая и 25 іюня, т. е. именно въ тѣ сроки, которые соотвѣтствуютъ боровичскому почитанію пятницъ.

При окончательномъ утвержденіи христіанства Параскева вытѣснила празднованіе Ладо, но въ боровичскихъ пѣсняхъ это языческое имя встрѣчается часто. Тотъ же мотивъ слышится и въ народной пословицѣ: «Пятница-Прасковея, попили жениха поскорѣе».

Въ одной изъ пѣсенъ поется:

«Охъ, вы Жданки мои,
«Вы Сушани мои;
«А ты, Волгино село,
«Ты пристанище мое.

Къ сѣверу отъ Боровичей до сихъ поръ существуютъ всѣ три селенія, о которыхъ говорится въ этой пѣснѣ. Мѣстные крестьяне передаютъ, будто на Жданяхъ бѣсъ сражался нѣкогда съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ, именно тамъ, гдѣ послѣднему на берегу Мсты поставлена часовня; Георгій побѣдилъ діавола, изсушилъ его (Сушени), и онъ, изсушенный, переселился въ Волгино. Объясненіе словамъ пѣсни можетъ быть дано такое, что языческій идолъ, стоявшій на холмѣ у Жданей, послѣ сверженія, былъ подхваченъ водой и занесенъ внизъ въ село Волгино. Извѣстно, что, четыре года спустя послѣ крещенія Владимірова, посланъ былъ въ эти мѣста Іоакимъ, и онъ «требища разори и Перуна посѣче».

Но какъ же древни должны быть эти скромныя три села, до сихъ поръ существующія! На пространствѣ не болѣе двадцати верстъ около Боровичей находится до двадцати чрезвычайно древнихъ погостовъ, съ древними же храмами. Вообще можно сказать, что этотъ скромный, маленькій уголокъ обширной Россіи представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для любителей и изслѣдователей родной старины.

Главная святыня Боровичей — Святодуховъ монастырь, основанъ, какъ полагаютъ, около 1327 года. Монастырь былъ много разъ «женъ, воеванъ отъ нѣмецкихъ людей и отъ русскихъ воровъ». Онъ получаетъ отъ казны ежегодно 85 рублей 71 копейку «милостынной дачи». Къ Святодуховскому монастырю на Пасху 1452 года приплыли на льдинахъ мощи св. Іакова; въ 1657 году ихъ перевезли въ Иверскую обитель, гдѣ онѣ и почиваютъ. Изображеніе св. юноши на иконахъ рѣзко выдѣляется въ ряду другихъ, представляющихъ, бо́льшею частью, бородатыхъ старцевъ, ветхихъ деньми и испещренныхъ морщинами.

Между остальными древними памятниками въ Боровичахъ весьма замѣчательна еще церковь Параскевы-Пятницы, неизвѣстно кѣмъ, когда и по какому случаю построенная. Къ числу историческихъ достопримѣчательностей города необходимо отнести также домъ, занимаемый духовнымъ училищемъ. Когда императрица Екатерина II возвращалась изъ низовыхъ губерній, купецъ Гутуевъ въ два мѣсяца построилъ для нея роскошный дворецъ. Впослѣдствіи Гутуевъ, взявъ откупъ, содержалъ въ этомъ домѣ свою контору; затѣмъ онъ лишился откупа,—дворецъ опустѣлъ, разрушился, и только позже, признанный выморочнымъ имуществомъ, былъ отданъ подъ духовное училище.

Вмѣстѣ съ воспоминаніемъ объ императрицѣ Екатеринѣ Великой въ Боровичахъ живетъ память о другомъ историческомъ лицѣ—Суворовѣ. Недалеко отсюда, къ сѣверо-востоку, находится знаменитое село Кончанское, въ которое удалился Суворовъ по кончинѣ императрицы. Тутъ читалъ и пѣлъ онъ на клиросѣ, думалъ о своихъ прежнихъ походахъ и тутъ же зорко слѣдилъ за успѣхами Бонапарта. Отсюда же въ 1799 году былъ онъ вызванъ императоромъ Павломъ I, чтобы еще разъ блеснуть свѣтомъ своего генія у Чортова моста и за Альпами. Въ родовомъ селѣ Суворова, Кончанскомъ, два «суворовскихъ» дома: одинъ зимній въ самомъ селѣ, а другой лѣтній въ $1^1/_2$ верстахъ, въ мѣстности, называемой «Дубихою»; послѣдній домъ построенъ при озерѣ въ рощѣ, и къ нему съ большой дороги идетъ дубовая аллея. Въ настоящее время оба дома въ страшномъ запустѣніи: окна выбиты, мебель поломана, на полу валяется безносый алебастровый бюстъ Суворова. Въ сельской церкви села Кончанскаго, построенной Суворовымъ, въ особой витринѣ хранятся иностранные ордена Суворова, султанъ съ его шляпы и книга «Апостолъ» (въ кожаномъ переплетѣ), по которой онъ читалъ во время обѣдни *).

*) Къ мѣстнымъ событіямъ новѣйшаго времени относится бывшая въ 1894 году, съ 15 іюля по 1 сентября, въ Боровичахъ сельско-хозяйственная кустарно-промышленная выставка.

Устюжна.

Путь отъ Боровичей къ Устюжнѣ. Древнія огненныя производства. Городище. Легендарная рукопись о защитѣ Устюжны въ Лихолѣтье. Описаніе этой защиты. Скоморошки—родина Нижегородской ярмарки.

Между Боровичами и Устюжной дорога идетъ по непрерывно-холмистой мѣстности, иногда чрезвычайно красивой. Самое большое озеро—Мегліно — тянется вдоль дороги во всю первую станцію. Благодаря ясному солнечному дню, роскошная зелень почти непрерывныхъ лѣсовъ, безконечные ковры ландышей и ивана-да-марьи, извивы рѣчекъ Мегли, Ижины и другихъ смотрѣли весело и привѣтливо. Лѣсъ во второй половинѣ пути мѣняетъ свой характеръ, и чернолѣсье замѣняется сосновымъ боромъ; затѣмъ, ближе къ Устюжнѣ, онъ исчезаетъ почти совершенно; поля усѣяны множествомъ валуновъ. Около деревни Устье нельзя не замѣтить стоящихъ у самой дороги замѣчательно острыхъ, крутыхъ кургановъ, которые населеніе величаетъ «литовскими могилами».

«Устюжна желѣзна, люди каменны»—гласитъ старинное присловье. Дѣйствительно: проѣзжая по уѣзду, и теперь можно видѣть въ лѣсахъ заросшія угольныя ямы, на болотахъ—проймы, на открытыхъ мѣстахъ—такъ-называемые «осорки», мусоръ, оставшійся послѣ старыхъ, погасшихъ «огненныхъ» производствъ. Вся площадь нынѣшняго Устюженскаго уѣзда—если судить по ямамъ и осоркамъ — представляла изъ себя въ глубокой древности богатый, почти сплошной пластъ желѣзной руды. Было время, когда на обѣихъ рѣкахъ, на которыхъ расположена Устюжна, Ижина (отсюда УстьИжина, Устюжна) и Молога, стояло до 800 кузницъ, и постоянный грохотъ отъ молотовъ поднимался надъ мѣстностью. Это было что-то въ родѣ современной Тулы. Изъ грамотъ царя Іоанна Грознаго видно, что въ Устюжнѣ былъ арсеналъ и сюда шли заказы царскіе на изготовленіе оружія.

О старомъ времени нѣтъ болѣе и помину, хотя и до сихъ поръ попадаются въ странѣ домницы и кричныя фабрики крестьянъ, выдѣлывающихъ желѣзо, но «устюжане-кузнецы», «люди каменны», перевелись почти совершенно. Повидимому, въ значительной степени исчезла и мѣстная одежда. Когда, въ 1823 году, императоръ Александръ I проѣзжалъ Устюжну, онъ лично выразилъ городничему, что ему всего пріятнѣе было то: «что дѣти и жены не переодѣты въ другое какое-либо платье, а были только въ древней народной одеждѣ, которая тѣмъ болѣе его величеству пріятна».

Чрезвычайно древнимъ является въ Устюжнѣ такъ-называемое «Городище», находящееся около Дмитріевской церкви. Валы его круты, поросли травою и совершенно ясно опредѣляютъ древнія очертанія. Тутъ же, на «Стрѣлкѣ», происходили знаменитые кулачные бои, столь любимые древнею Русью. Можно себѣ представить, что̀ это было за зрѣлище, когда выходили одинъ на другого устюжане, «люди каменны». Шли одинъ на другого одиночки, выходили и «стѣнка на стѣнку», и взгляды красавицъ ободряли ихъ. Мѣсто это называется и теперь «Буй на Бую». Вѣроятно, въ Городищѣ высилось въ былое время капище Купалы. Особенно старательно чествовали этого идола женщины. Повидимому, купанье и обливаніе водою входило въ его культъ, и до сихъ поръ въ вешнее заговѣнье, и въ понедѣльникъ Петрова поста здѣсь практикуются нѣкоторые характерные обычаи. Съ пяти часовъ берега Мологи покрываются толпами народа; въ понедѣльникъ имѣетъ мѣсто самое нелѣпое и задорное: обливаніе водою на улицахъ. Тотъ же обычай сохранился и въ Весьегонскѣ, только купанье происходитъ тамъ въ одномъ изъ омутовъ и кончается иногда печально: омутъ втягиваетъ въ себя купальщицъ.

На темномъ фонѣ невѣдомыхъ историческихъ дней, проносившихся надъ устюженскою Стрѣлкою и Городищемъ, чрезвычайно ярко вырисовывается уже несомнѣнно историческій фактъ знаменитой обороны устюжанъ и бѣлозерцевъ отъ нашествія литвы и поляковъ въ 1608 году.

Въ эти тяжкіе годы Россію терзали самозванцы, и оборона Устюжны прошла какъ бы незамѣченною и мало освѣщенною, вслѣдствіе того, что въ тѣ дни, какъ извѣстно, защищалась, какъ могла, вся Россія. Защита Устюжны касалась маленькаго, далекаго отъ многострадальной Москвы города; кромѣ того, она совпала съ событіемъ большой важности—съ отравленіемъ Скопина-Шуйскаго. Ее, такъ сказать, замолчали. Все, что о ней извѣстно, сохранялось въ современной событію рукописи, и теперь существуетъ она только въ копіи; подлинникъ, насколько извѣстно, долго хранился въ рукахъ купца Д. Серебренникова и гдѣ-то затерянъ. Замѣчательно, что когда указомъ царя Петра положено было начало собиранію русской исторіи и археологіи и повелѣно было представлять всѣ хранившіеся въ разныхъ мѣстахъ древнія рукописи и государственные акты, устюженскій соборный протопопъ — на требованіе ихъ воеводою—жаловался на церковнаго старосту Серебренникова, что «указа царскаго не слушается, хартіи не выдаетъ». Вѣроятно, въ числѣ невыданныхъ старостою древностей была и подлинная рукопись о защитѣ Устюжны, дошедшая до насъ въ копіи, въ которой даты годовъ не подходятъ къ подлиннымъ

фактамъ, что̀ даетъ право заключить о позднѣйшемъ ея измышленіи или переработкѣ.

Слѣдуетъ напомнить однако эту яркую страничку русской исторіи, придерживаясь содержанія рукописи. Въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго, при патріархѣ Гермогенѣ, послѣ Отрепьева, появился самозванецъ Петрикъ. Русскую землю вдоль и поперекъ расхищали поляки, литва, крымскіе татары, шведы и даже русскіе измѣнники. 7-го декабря 1607 года бѣлозерцы прислали устюжанамъ грамоту, предлагая имъ защищаться «до смерти» отъ пришельцевъ. Начальства въ городѣ въ то смутное время не было никакого; имъ управлялъ какой-то приказчикъ Суворовъ. Укрѣпленій не было тоже никакихъ. Горожане собрались въ монастырь и дали клятву не сдаваться; при этомъ горожане избрали головою Солменя Отрепьева и дали ему въ товарищи Богдана Перскаго, «да того же приказчика Суворова, да десять лучшихъ гражданъ въ придачу». Это назначеніе утверждено цѣлымъ обществомъ. Годныхъ къ бою оказалось въ городѣ всего 600 человѣкъ. Первымъ распоряженіемъ выбранныхъ лицъ было разослать гонцовъ съ просьбою о помощи въ Угличкій и Бѣжецкій уѣзды; при этомъ брали людей волею-неволею. Вѣсть о возстаніи Устюжны разнеслась далеко.

Стояла глубокая, суровая зима, когда начались эти подвиги. Провѣдали о возстаніи и въ обложенной отовсюду Москвѣ, и пріѣхалъ оттуда дворянинъ Ртищевъ, и сдѣланъ онъ въ Устюжнѣ главнымъ воеводою. Прибыла къ тому времени помощь и отъ бѣлозерцевъ, четыреста человѣкъ съ Ѳомой Подщипаевымъ.

Поляки давно точили зубы на Устюжну и двинулись къ ней. Ртищевъ выступилъ противъ нихъ къ Дегтярнѣ, 5-го января 1608 года, но устюжане были разбиты и бѣжали въ городъ. Тогда они обратились за помощью къ иконѣ Смоленской Божіей Матери, и поляки, невѣдомо почему, отошли. Вздохнули устюжане и стали готовиться къ осадѣ. Составленъ былъ планъ укрѣпленій съ башнями вдоль Мологи и Ворожи; день и ночь строили ихъ, готовили пушки, пищали, самопалы, копья, ядра, дробь и «каракули»; дѣло спорилось потому, что устюжане знали это дѣло. Не сидѣли сложа руки даже женщины и дѣти.

А польская гроза продолжала надвигаться. Немногаго не хватало устюжанамъ: пороховой казны, и рѣшили они послать и бить челомъ въ Новгородъ, къ Скопину-Шуйскому. Далъ имъ Скопинъ совѣты, далъ порохъ и еще самъ поставилъ сто человѣкъ. Чрезъ три недѣли послѣ первой неудачи велѣлъ самозванецъ полковнику Касаковскому идти и взять Устюжну. Чрезвычайно грозною была его прокламація; опечалились устюжане, но сдаваться и не думали. Ртищевъ, умудренный совѣтами Скопина, продолжалъ приготовленія.

2-го февраля, къ полночи, прибылъ ожидаемый порохъ, а къ утру, чрезъ нѣсколько часовъ времени, прискакали объѣздчики сказать, что идетъ Касаковскій. Все повалило на стѣны. Чуть посвѣтлѣло, въ третьемъ часу, увидѣли со сторожекъ всадниковъ и ударили всполохъ. Часъ спустя громили Дмитріевскую башню польскія пушки, затрещали пищали и понеслась туча стрѣлъ.

Съ крѣпости дали отвѣтъ. Поляки наполовину спѣшились и подвезли къ стѣнамъ стѣнобитныя орудія; но Ртищевъ не дремалъ и сдѣлалъ вылазку.

Кинулась на эту вылазку польская конница, но тутъ помогли «каракули». Разбросанныя передъ рвами, какъ тычки, якорьки, они вонзались въ ноги коней. Поднялась великая сумятица, и ляхи побѣжали-было къ Подсосенью, но рѣшили вернуться, идти на приступъ пѣшими и стали подвозить солому, сѣру, дерево, чтобы спалить. Не дремали и устюжане. Ждали они атаки къ 9-му февраля; просѣкли на Мологѣ ледъ, сами пріободрились. На этотъ разъ приступъ повели отъ Никифорова села. Дневной приступъ отбили, ждали ночного—его не было.

Наступило роковое 10-е февраля. Церковная служба шла безъ звона. Поляки обложили городъ со всѣхъ сторонъ и метали горючія вещества и стрѣлы. Въ городѣ накипятили довольно воды. Пошла свалка. Дрогнули-было устюжане, но вынесли икону и Ртищевъ сказалъ воодушевляющее слово. Отъ звона ратныхъ колоколовъ, отъ стоновъ и воплей «яко бы и земля поколебалась». Навалили груды мертвыхъ тѣлъ. Одно изъ захваченныхъ польскихъ знаменъ поставили на стѣну. Поляки думали, что ихъ взяла, бросились опрометью, но тутъ приняли ихъ какъ слѣдуетъ: варомъ варили, ножами кололи, мечами сѣкли... Побѣжали поляки за Мологу, бросивъ свой богатый лагерь. Пошла за ними изъ всѣхъ воротъ погоня и гибли они тысячами въ озерахъ Сиверской пустыни, называемыхъ и до сихъ поръ Нѣмецкими и Литовскими.

Велико было празднество устюжанъ и тепла ихъ молитва...

Приходили недобрые гости и позже; были тутъ, говорится въ преданіяхъ, но, конечно, подлежитъ сомнѣнію, и Заруцкій, и другіе. Они искали наживы, разсчитывая также на то, что неподалеку отъ Устюжны находилось богатое имѣніе Бориса Годунова—Долоцкъ, то самое имѣніе, въ которомъ была Скоморошская ярмарка, перешедшая потомъ въ Холопье, а оттуда въ Нижній-Новгородъ. Жальникъ Скоморошки существуетъ и понынѣ въ десяти верстахъ отъ Устюжны. Въ языческія времена находилось тамъ капище и сходились жрецы для служенія какому-то очень большому идолу.

Череповецъ.

Первое знакомство съ Маріинскою системою. Череповецкій уѣздъ. Характерныя судьбы Череповца въ минувшее царствованіе. Техническое училище. Путь по Шекснѣ.

Въ 300 верстахъ, почтовою дорогой, отъ Устюжны лежитъ село Луковецъ; отсюда до Череповца весьма удобное сообщеніе пароходомъ по Шекснѣ. Погода была вполнѣ благопріятная, и послѣ трехъ четвертей часа плаванія, пароходъ бросилъ причалы у Череповецкой пристани. Влѣво на возвышенности раскидывался городъ, а по берегу, на лодкахъ и баркахъ, виднѣлись тысячи народа. При первомъ взглядѣ на нихъ видно было, что это не мѣстные люди, какъ въ Боровичахъ и Устюжнѣ, а въ значительномъ большинствѣ народъ пришлый, работники Маріинской водной системы, двигатели богатствъ Россіи, всѣ эти хозяева, крючники, рулевые, коноводы въ своихъ обносившихся отъ труда и непогоды одеждахъ. Съ пріѣздомъ въ Череповецъ, съ западной стороны отъ Новгорода, впервые знакомишься со знаменитою Маріинскою системою, этою могучею артеріею нашихъ водныхъ сообщеній.

Череповецъ, задолго до образованія города, былъ богатѣйшею волостью на Шекснѣ, съ пристанью и удобнымъ мѣстомъ для нагрузки и перегрузки. Это сдѣлало его извѣстнымъ, и патріархи московскіе присвоили изъ Новгородской митрополіи въ свое личное управленіе, ради доходности обители, Воскресенскій монастырь въ Череповцѣ. Череповецъ, какъ и Кирилловъ, обязаны своимъ бытіемъ, какъ города, императору Александру I; но Череповецъ, какъ торговый попутный центръ, выдѣлялся уже давно. Историческими воспоминаніями Череповецъ не богатъ; необходимо однако упомянуть о находящейся въ 25-ти верстахъ отъ него Выксинской пустыни, въ которой была пострижена послѣдняя супруга Іоанна Грознаго, Марія Нагая; отсюда она и была вызвана самозванцемъ въ Москву. Гербъ Череповецкаго уѣзда имѣетъ классическаго для Новгородской губерніи медвѣдя; изъ одиннадцати уѣздовъ ея только три не имѣютъ этого «лѣсного помѣщика» своимъ геральдическимъ украшеніемъ.

Череповецкій уѣздъ раскинулся по Шекснѣ на 160-ти-верстномъ протяженіи и лежитъ на полпути между Рыбинскомъ и Бѣлозерскомъ. Издавна въ уѣздѣ множество семействъ занималось кузнечнымъ ремесломъ. Выдѣлка желѣза не была здѣсь настолько развита, какъ въ сосѣдней Устюжнѣ, и мѣстные ремесленники ограничивались только ковкою гвоздей, хотя и имѣли кричныя заведенія. Кузницы по деревнямъ видны и до сего дня десятками; въ нихъ и понынѣ производится до 300.000 пудовъ въ годъ желѣзныхъ издѣлій. Крицы выдѣлываютъ крестьяне изъ желѣзныхъ обточекъ и чешуи, за пудъ которыхъ они платятъ по 15—20 копѣекъ. Главное издѣліе—гвозди. Выдѣлка гвоздей играла здѣсь очень видную роль до самаго освобожденія крестьянъ; лѣсу тогда было еще много, заводская дѣятельность развивалась слабо и конкуренціи не существовало.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Череповцѣ насчитывалось всего 2.000 жителей; капитала въ то время городъ имѣлъ 6.000 руб. Въ описываемое время, при 6.000 жителей, городъ имѣетъ 30.000 рублей долгу, но зато въ немъ существуетъ, во-первыхъ, городской банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 78.000 руб., и изъ чистыхъ прибылей этого банка городъ получаетъ въ годъ отъ четырехъ до шести тысячъ рублей, т.-е. столько же, сколько въ прежнее время онъ имѣлъ капитала. Во-вторыхъ, въ городѣ находится нѣсколько учебныхъ заведеній, въ числѣ которыхъ имѣется учительская семинарія, Александровское техническое училище, Маріинская женская гимназія и приготовительная школа. При устьѣ р. Ягорбы построены казармы; затѣмъ въ городѣ имѣется Алексѣевскій сухой докъ, въ которомъ могутъ вмѣститься 20 пароходовъ и одновременно съ ними 60 судовъ. Пожарная часть въ Череповцѣ устроена прекрасно.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій въ Череповцѣ необходимо признать созданное здѣсь братьями П. и В. Милютиными Александровское техническое училище, названное такъ въ честь въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, бывшаго во время учрежденія училища Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Братья Милютины, поддерживавшіе своими пароходами обширное судоходство по Волгѣ, Шекснѣ и Маріинской системѣ и впервые примѣнившіе къ буксировкѣ паровую силу, ближе другихъ понимали нужды своего дѣла. Съ развитіемъ пароходства существованіе мѣстнаго механическаго и техническаго заведеній стало настоятельною потребностью. Окрестное населеніе, не имѣя болѣе возможности пробавляться гвоздянымъ промысломъ и мелкимъ кричнымъ производствомъ, только и ожидало того, чтобы перейти отъ кузнечнаго дѣла къ слесарному; но для всего этого былъ нуженъ центръ, какимъ и явилось, основанное по мысли и на средства бр. Милютиныхъ, Александровское техническое училище, открытое въ 1869 году. Въ настоящее время училище настолько окрѣпло и развилось, что въ него поступаютъ ученики не изъ одного только уѣзда, а изъ семнадцати губерній. Цѣль училища — подготовлять мастеровыхъ, машинистовъ и заводскихъ чертежниковъ съ необходимымъ элементарнымъ общимъ и техническимъ образованіемъ.

Путешествіе изъ Череповца далѣе по Шекснѣ, послѣ осмотра города, про-

должалось до деревни Звозъ, гдѣ предстоялъ ночлегъ, съ тѣмъ, чтобы въ семь часовъ утра быть у Горицкаго монастыря. По Шекснѣ выдаются очень красивыя мѣста, напримѣръ Ирма, съ церковью Бориса и Глѣба на лѣвомъ берегу и церковью села Ирма на правомъ. Недалеко отъ Ирмы начинаются безконечные вологодскіе лѣса, тянущіеся Богъ вѣсть куда; въ нихъ и по настоящее время обрѣтаются таинственные скиты и спасается много отшельниковъ. Недалеко въ сторонѣ существуетъ Божья рѣчка, на которой живутъ старушки старообрядки, но попадаются между ними и молодыя. Движеніе пароходовъ по Шекснѣ вообще не особенно быстрое; по объясненію мѣстныхъ жителей, они двигаются на три версты въ часъ медленнѣе, чѣмъ по Волгѣ, вслѣдствіе особенной, будто бы, плотности воды.

Тишина ночи и сравнительный недостатокъ судовъ на Шекснѣ, уже успѣвшихъ втянуться въ каналы, отклоняли мысль отъ увѣренности въ томъ, что плывешь по главной артеріи Маріинской системы. Будто отвѣчая на огни, кое-гдѣ мелькавшіе по берегамъ, пароходъ отъ времени до времени разбрасывалъ искры, и совершенное отсутствіе вѣтра обусловливало осыпаніе бѣлой палубы значительными слоями пепла. За ночь предстояло миновать печальной памяти Иловицы, центральный пунктъ свирѣпствовавшей здѣсь когда-то сибирской язвы. Совершенно стемнѣло, когда съ парохода брошены были причалы у деревни Звозъ, въ получасѣ хода отъ Горицкаго монастыря. На утро предстояло посѣщеніе знаменитой Кирилловой обители.

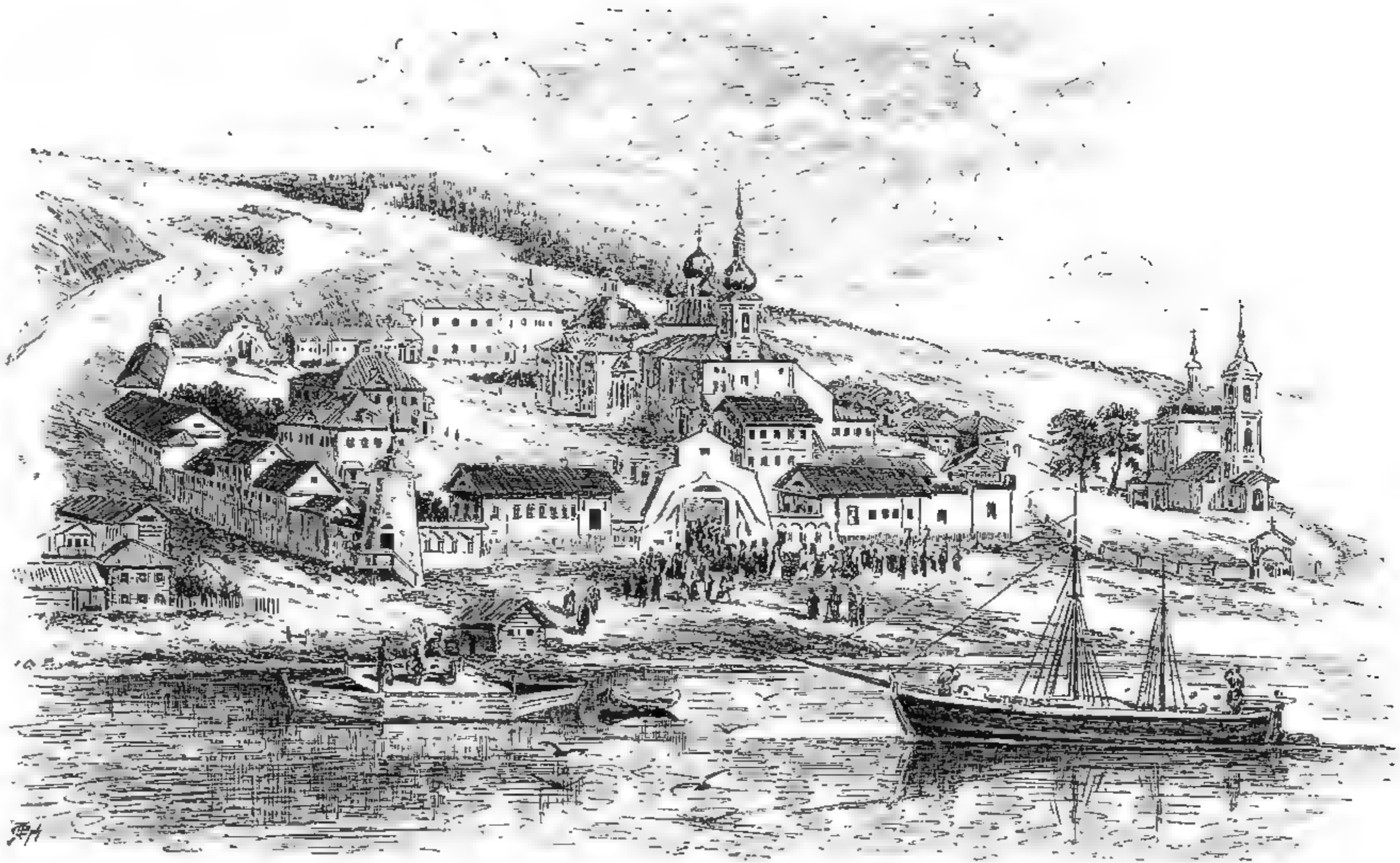
Кирилловъ.

Горицкій монастырь. Кирилловъ монастырь. Историческое о мѣстности. Замѣчанія Шевырева. Жизнеописаніе св. Кирилла. Монастырскіе памятники: церкви, гробницы, ризница. Страничка изъ жизни Шереметева Большого, постриженника монастырскаго. Знаменитое посланіе Іоанна Грознаго. Воспоминанія о св. Нилѣ Сорскомъ. Сопоставленіе его съ Іосифомъ Волоколамскимъ.

Когда пароходъ, послѣ ночевки, тронулся по направленію къ Горицкому монастырю, настало утро яркое, безоблачное.

Передъ Горицами Шексна образуетъ крутую луку и съ нея открывается красивый видъ на монастырь, окруженный бѣлою стѣною, со многими зелеными куполами церквей и красными крышами службъ. Это мѣсто получило свое названіе Горицы отъ слова: гора, какъ дѣвица—отъ слова: дѣва. Монастырь основанъ въ 1544 году. Сюда въ 1608 году была заточена прекрасная Ксенія Годунова, до перевода ея во Владимірскій дѣвичій монастырь. Тутъ же была пострижена Агаѳья, сестра Шереметева Большого, бывшая замужемъ за внукомъ астраханскаго царя Муртаза—Аліемъ Кайбуловичемъ, въ крещеніи Михаиломъ, упоминаемымъ въ завѣщаніи Грознаго въ 1578 году. Ксенія и Агаѳья находились въ монастырѣ одновременно. Теперь въ немъ около 500 монахинь.

Главная церковь—Воскресенская; въ церкви св. Дмитрія Царевича очень древній иконостасъ; въ церкви Троицы археологически любопытны эмпоріи на столбахъ подъ тяжелыми круглыми сводами. Память Іоанна Грознаго до сихъ поръ живетъ здѣсь въ легендарныхъ разсказахъ о сестрахъ Уліаніи и Аленѣ, «истребленныхъ» имъ. Имѣются и мощи одной изъ «истребленныхъ», но онѣ



Горицкій монастырь.

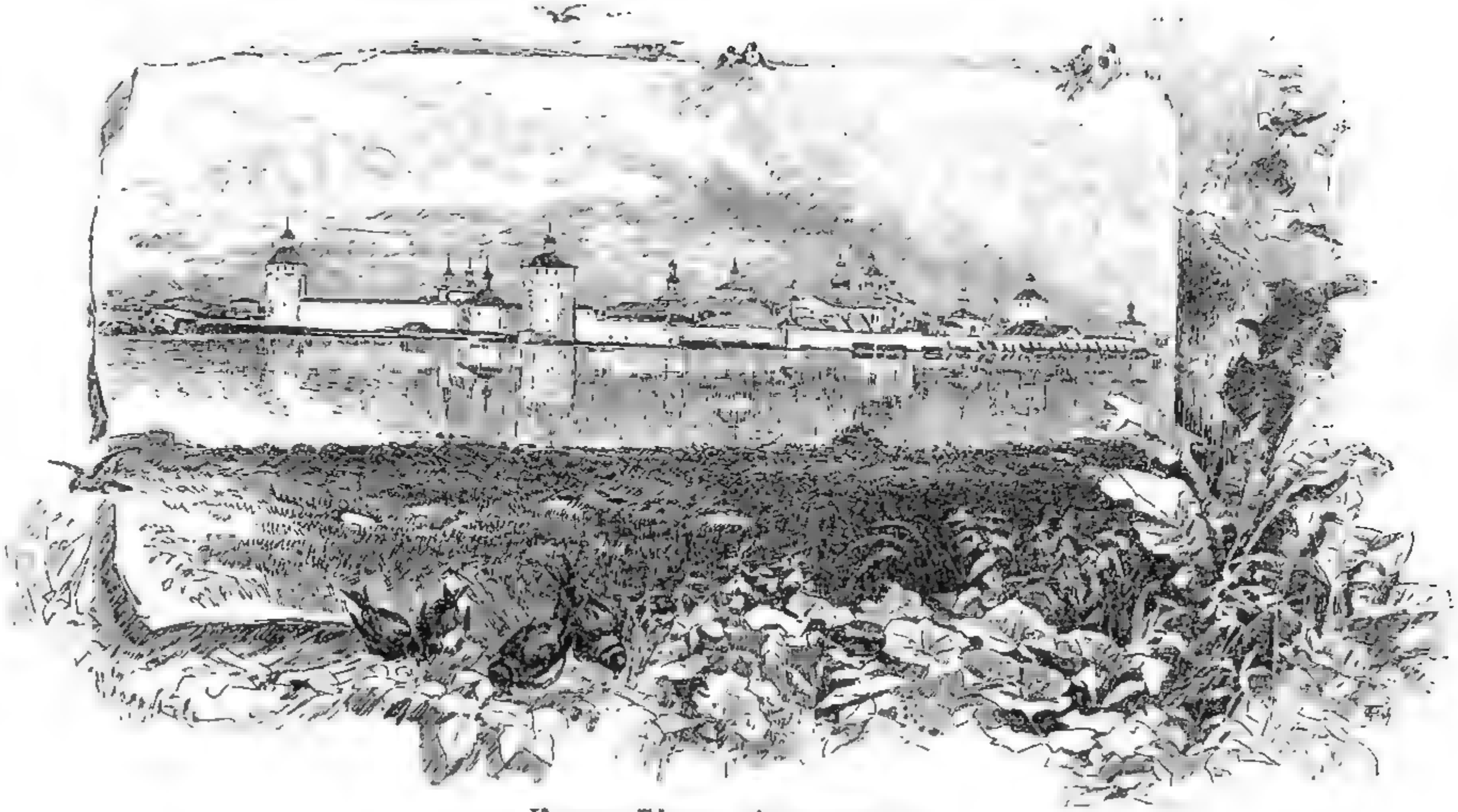
подъ спудомъ. Пешпрокіе дворы монастырскіе были вплотную залиты пестрыми толпами людей, между которыми очень картинно выдѣлялись монахини, всѣ въ черномъ. До святыни Кириллова монастыря отсюда всего семь верстъ хорошей, красивой дороги.

Немного всторонѣ отъ кипучей стремнины Маріинской системы, въ сознательной вѣковѣчной неподвижности своего великаго призванія, высится Кирилловъ монастырь.

«Европа, говоритъ Шевыревъ, полна слѣдовъ сопротивленія разныхъ элементовъ единенію государства; у насъ ихъ нѣтъ: наши князья жили въ городахъ и вотчинахъ, наши замки—монастыри». И начинались-то твердыни эти съ землянки, съ брусяной церковки, съ деревянной кельи; владѣтелями ихъ, «вѣчными» владѣтелями, были отшельники въ овчинныхъ тулупахъ и худыхъ ризахъ, а не въ стальныхъ рыцарскихъ доспѣхахъ съ широкими перьями на шлемахъ и по плечамъ. Такими твердынями оказались: Троицкая для центра, для Москвы, Кіевъ—для юга, Кирилловъ и Олонецкое пустынно-жительство съ Соловками—для сѣвера.

Преподобный Кириллъ Бѣлозерскій—XIV вѣкъ! Но это, новѣйшая исторія того уголка земли Русской, который путники посѣтили. На Бѣлоозерѣ сидѣлъ Синеусъ, Рюриковъ братъ. Существуетъ тутъ до сего дня Синеусовъ курганъ и красивая о немъ легенда: вздумали люди курганъ копать, до клада дорыться, принялись за дѣло, но—выѣхалъ солдатъ на конѣ и помѣшалъ. На курганѣ попадается зачастую рыбья шелуха; если принести ее домой, она обращается въ деньги. Вотъ богатство! Тѣмъ не менѣе нашъ сѣверъ, какъ справедливо говоритъ Буслаевъ, далеко отсталъ въ своемъ развитіи отъ юга Россіи. «Въ то время, когда по Волгѣ, на Шекснѣ и на Бѣлоозерѣ кудесники творили разныя чудеса, а въ Новгородѣ волхвъ собиралъ около себя народъ противъ князя и епископа, Баянъ, нашъ южно-русскій пѣвецъ, былъ уже другомъ князей и не только прославлялъ ихъ подвиги, но и осуждалъ усобицы». Не раздавались на сѣверѣ сладкозвучныя струны Баяновы, но непроходимыя дебри ожидали святыхъ и умныхъ людей, нарождавшихся во времени; таковы были Кириллъ Бѣлозерскій и Нилъ Сорскій.

Выходъ Шексны изъ Бѣла-Озера—мѣсто очень ранней цивилизаціи, засвидѣтельствованной съ первыхъ строкъ начала лѣтописи основаніемъ здѣсь въ XIII вѣкѣ самостоятельнаго удѣла, развившагося въ первыя десятилѣтія ига татарскаго. Послѣ службы въ Ордѣ, князь Глѣбъ Васильевичъ основалъ свое мѣстопребываніе при самомъ истокѣ Шексны, на южномъ ея берегу, и соорудилъ храмъ св. Василія въ полутора верстахъ отъ Карголома, противъ Крохина. Ручей или рѣчка, впадающая въ Шексну, называется и понынѣ Васильевскою. Преданіе объ основаніи древнѣйшаго Бѣлозерска указываетъ, что мѣсто сооруженія храма св. Василія находилось подлѣ капища финскихъ инородцевъ, пожертвовавшихъ имъ при обращеніи въ христіанство, когда нашли тутъ невѣдомо откуда явившійся образъ св. Василія, а подлѣ образа—теплую просфору. Это послужило поводомъ основанія церкви и при ней монастыря св. Василія при началѣ Бѣлозерска. Черезъ двѣсти слишкомъ лѣтъ существованія Бѣ-



Кириллo-Бѣлозерскій монастырь.

лозерска, уже въ 1459 году, городъ перенесенъ на Карголомъ, а оттуда, въ 1612 году, разоренный шайкою вольницы, поставленъ на настоящее, третье, мѣсто.

Когда подъѣзжаешь отъ Горицъ къ Кириллову монастырю, передъ вами возникаетъ онъ на берегу озера настоящею, внушительною твердынею въ двухъ своихъ оградахъ со множествомъ куполовъ. Такихъ оградъ теперь уже не дѣлаютъ: цѣли нѣтъ. Внутренняя имѣетъ 10 аршинъ вышины при $1^1/_2$ аршинахъ ширины; наружная—16 при $9^1/_2$. За такою бронею въ свое время можно было отсидѣться. Тихо плещется у стѣнъ монастыря Сиверское озеро. Низменные берега его кажутся еще болѣе плоскими, еще низменнѣе въ соразмѣрности съ монастырскими твердынями, бѣлѣющими надъ тихою гладью темныхъ озерныхъ водъ. Пейзажъ строгъ, задумчивъ, но не мраченъ.

Когда, въ 1775 году, губернаторъ, а впослѣдствіи намѣстникъ новгородскій Сиверсъ праздновалъ день своего рожденія на берегу озера въ Кирилловомъ монастырѣ, онъ, плѣненный красотою мѣста, заблагоразсудилъ упорядочить планъ города, и въ 1791 году былъ составленъ планъ его, донынѣ неосуществившійся: городъ возникъ, какъ онъ самъ хотѣлъ, по своей фантазіи, и скромно прилегаетъ къ монастырю, въ тѣни его громадъ и безсчетныхъ воспоминаній.

Кирилловъ монастырь дѣйствительно вызываетъ длиннѣйшую вереницу воспоминаній.

Въ одномъ 1612 году приходившая сюда литва не менѣе пяти разъ «выжгла и высекла» монастырь; приходили сюда паны Бобовскіе, Песоцкіе и другіе. «Сколько святыхъ мужей пребывало здѣсь, говоритъ Шевыревъ: Мартиніанъ, Ософонтъ, Христофоръ; отсюда вышли Корнилій Комельскій и Илъ Сорскій. Цари и князья пріѣзжали сюда на богомолье. Здѣсь Іоаннъ Грозный возымѣлъ желаніе постричься въ монахи, искренно или неискренно — ему извѣстно да Богу. Здѣсь томились въ изгнаніи многіе славные мужи древней Руси. Здѣсь столь многіе нашли вѣчное успокоеніе, иные скончались даже въ мукахъ, какъ напримѣръ: князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, сосланный Годуновымъ при царѣ Оедорѣ Ивановичѣ и, можетъ быть, удавленный въ одной изъ башенъ».

Этихъ немногихъ строкъ достаточно, чтобы уяснить себѣ, передъ какимъ внушительнымъ памятникомъ историческаго прошлаго русской жизни стоитъ тотъ, кто видитъ Кирилловъ монастырь. А съ чего началось? Преподобный Кириллъ родился въ 1337 году, въ Москвѣ, въ семьѣ достаточной, и крещенъ именемъ Косьмы; «остроуменъ же сущи отрокъ зѣло»; по смерти родителей онъ переселился къ сроднику своему Тимоѳею, одному изъ вельможъ, окольничему великаго князя Дмитрія. Весьма рано задумалъ Косьма постричься въ монахи, но никто не смѣлъ просить объ этомъ любившаго его всею душою Тимоѳея. Преподобный Стефанъ, которому юноша сообщилъ свои намѣренія, возложилъ на него однажды иноческія одѣянія, безъ постриженія, и объявилъ Тимоѳею, придя къ нему, что онъ приноситъ ему благословеніе «богомольца Кирилла».

«Кто есть Кириллъ»? спрашиваетъ бояринъ. «Бывшій слуга твой Косьма». Услыхавъ объ этомъ, «яростенъ былъ Тимоѳей», но, уговоренный преподобнымъ Стефаномъ, онъ примирился, и юноша принялъ настоящее постриженіе.

Кириллъ поступилъ въ московскій Симоновъ монастырь. Въ Четьи Минеяхъ

подробно разсказано, какъ быстро достигъ онъ въ монастырѣ великаго почета, какъ любилъ бесѣдовать съ нимъ, посѣщая монастырь, преподобный Сергій, какъ, чтобы избѣгнуть знаковъ уваженія къ себѣ, Кириллъ «подъ образомъ буйства» юродствовалъ и принималъ за это радостно наказанія, какъ знали тогда уже, что онъ умѣетъ книги «добро писати», что «слово его солію разума растворенно» и какъ почти насильно возвели его въ званіе архимандрита Симонова монастыря.

Власть была не по сердцу преподобному: онъ отказался отъ архимандріи, удалился сначала безмолвствовать въ келію, а затѣмъ, имѣя видѣніе Богородицы, ушелъ на Бѣло-Озеро, гдѣ нскопалъ себѣ малую келію въ густомъ, непроходимомъ лѣсу и унесъ съ собою «немного книжицъ». Эти «книжицы» разрослись теперь въ значительную Кирилловскую библіотеку и образовали школу списателей, извѣстныхъ всему православному міру.

Очень красиво преданіе о томъ, какъ, послѣ поселенія преподобнаго въ келійкѣ, люди не разъ слышали «звоны отъ этого мѣста и пѣвцовъ поющихъ», чего на самомъ дѣлѣ быть не могло. Чрезвычайно картинепъ разсказъ о томъ, какъ, чтобы ограбить пустынника, у котораго, будто-бы, были богатства скрыты, послалъ нѣкій боярпнъ своихъ слугъ, и они своими глазами видѣли, двѣ ночи подъ-рядъ, окрестъ монастыря многое множество людей, воиновъ, изъ луковъ стрѣлявшихъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ опять-таки не было. Глубокое сердцевѣдѣніе отличало Кирилла: онъ прозрѣвалъ людей. Въ числѣ чудесъ, имъ совершенныхъ, — что рѣдко въ жизнеописаніяхъ святыхъ, — сообщается даже о томъ, что онъ воскрешалъ мертвыхъ, а именно брата Далмата, умершаго безъ принятія Св. Таинъ: Кириллъ воскресилъ его, онъ причастился и умеръ вторично.

Слава Кириллова чрезвычайно быстро подняла монастырь и населила его. Отъ преподобнаго остались намъ три посланія его къ тремъ князьямъ, съ которыми былъ онъ, какъ видно, въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ: къ великому князю Василію Дмитріевичу, къ Можайскому князю Андрею, третье—къ Звенигородскому князю Дмитрію. Въ посланіяхъ этихъ имѣемъ мы краснорѣчивый и чрезвычайно характерный для нашей исторіи фактъ, который свидѣтельствуетъ—по словамъ Шевырева—о духовной связи, соединявшей отшельника съ державцами Русской земли.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ монастыря должно отнести между прочимъ, два томика Синодика, читаемаго всегда, кромѣ царскихъ дней, монахомъ, для того назначеннымъ. Въ Синодикѣ поминаются всѣ великіе князья съ крещенія Руси, патріархи, изъ числа которыхъ былъ временно исключенъ Никонъ, митрополиты кіевскіе и московскіе, удѣльные князья; поминается священно-инокъ Спиридонъ, онъ же попъ Селивестръ, знаменитый совѣтникъ Іоанна, авторъ «Домостроя»; надъ именами иноковъ обозначены иногда ихъ мірскія имена: Іона—Воротынскій, Ѳеодосій—Шереметевъ, Михаилъ—Морозовъ, Пименъ—Щенятевъ, Іоаннъ—Хабаровъ. Безконечнымъ рядомъ тянутся историческія имена Шуйскихъ, Глинскихъ, Бѣльскихъ, Черкасскихъ, Ромодановскихъ и множество другихъ; чуть не каждое говоритъ о той или другой страницѣ русской исторіи, о блестящихъ или темныхъ дняхъ. Здѣсь же, по указу

царя Алексѣя Михайловича, монастырь поминаетъ до сихъ поръ жертвы бунта въ Псковѣ въ 1650 г. и павшихъ подъ Смоленскомъ въ 1634 г.

Древнѣйшая плита, изъ тѣхъ, надписи которыхъ еще возможны для прочтенія и не сглажены временемъ, 1554 года, высится въ соборной церкви Успенія надъ прахомъ князя Владиміра Ивановича Воротынскаго, славнаго участника Казанскаго похода, стоявшаго во время болѣзни Іоанновой за сына его Дмитрія. Тутъ-же съ 1573 года покоится другой Воротынскій, вѣроятно «слуга государевъ», главный вождь при взятіи Казани, побѣдитель Девлетъ-Гирея. Въ 1560 году былъ онъ сосланъ сюда съ женою, сыномъ и дочерью; но жилъ пышно, потому что ему отпускали изъ государевой казны и лососей, и романею, и ренское; двѣнадцать человѣкъ состояло при немъ, тоже на царскомъ иждивеніи. Въ 1565 году князь былъ прощенъ, но по извѣту въ колдовствѣ обвиненъ снова и замученъ въ Москвѣ огнемъ. Существуетъ преданіе, будто Іоаннъ Грозный самъ подгребалъ уголья къ полумертвому тѣлу; едва, дышавшаго, его повезли въ Кирилловъ, и онъ умеръ на пути.

Кромѣ поколѣній Воротынскихъ, въ монастырѣ покоятся и многіе Шереметевы. Одинъ изъ нихъ, Иванъ Васильевичъ Шереметевъ Большой, постриженный здѣсь подъ именемъ Іоны, былъ причиною знаменитаго язвительнаго посланія Іоаннова на имя игумена настоятеля Кириллова монастыря. Этому знаменитому представителю рода Шереметевыхъ, раненому при Казани и въ битвѣ при Судьбищахъ, воевавшему съ крымцами, шведами и въ Ливоніи, правившему, при учрежденіи опричины, земщиною и въ отсутствіе государя вѣдавшему даже Москву, весьма подходило постричься въ Кирилловѣ «отъ лютаго треволненія мірскаго», такъ какъ тутъ уже схоронены были его два брата: Григорій, убитый подъ Казанью, и Никита, казненный Грознымъ.

Иванъ Васильевичъ Шереметевъ-Большой, свѣдѣнія о которомъ заимствованы изъ замѣчательнаго труда Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ», подвергся, какъ извѣстно, высшей опалѣ, былъ посаженъ въ тюрьму и пытанъ. Курбскій разсказываетъ объ этой пыткѣ такъ: «Царь мучилъ его такою презлою, узкою темницею, острымъ помостомъ приправленною, и сковалъ тяжкими вервіями по шеѣ, рукамъ, ногамъ и по поясу обручемъ желѣзнымъ и къ обручу десять пудовъ привѣсилъ, и самъ говорилъ съ нимъ: «Гдѣ скарбы твои, скажи мнѣ?»—«Цѣлы сокровенны лежатъ», отвѣчаетъ Шереметевъ.—«Повѣдай, прошу тебя, о скарбахъ твоихъ!?»—«Не можешь ихъ взять», отвѣчалъ Шереметевъ, «потому что убогими руками моими въ небесное сокровище ко Христу принесъ!»

Царь пощадилъ однако жизнь Ивана, но брата его Никиту велѣлъ удавить. Постриженъ былъ Шереметевъ, инокъ Іона, въ 1570 году. Изъ посланія Царя къ настоятелю видно, что инокъ Іона, кромѣ кельи, имѣлъ за монастыремъ свой дворъ съ поварнями и многочисленною прислугою. «Монастырское благоразуміе—пишетъ Царь—погибло отъ Шереметевыхъ». «Есть у васъ въ монастырѣ Анна и Каіяфа, Шереметевъ и Хабаровъ, и есть Пилатъ, Варламъ Собакинъ, понеже отъ царской власти посланъ (самимъ Іоанномъ для наблюденія); и есть Христосъ распинаемъ, Чудотворцево преданіе преобидимо... у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что Царь, и Хабаровъ къ нему прихо-

дитъ, да и иные черпцы, да ѣдятъ, да піютъ, что въ міру; а Шереметевъ, невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврыжки и иныя пряныя составныя овощи... а иніи глаголютъ, будто-де и вино горячее потихоньку въ келію къ Шереметеву приносили»...

Знаменитый инокъ Іона, разсылавшій по келіямъ коврыжки, нѣкогда водившій войска въ разныхъ концахъ Россіи, выдержавшій пытку и вѣдавшій въ отсутствіе царево Москву, мирно покоится теперь наравнѣ съ другими. Не такъ вольготно, какъ ему, жилось въ монастырѣ другому большому человѣку тѣхъ дней—Никону, когда перевели его изъ Ферапонтова монастыря: келія его была «вельми неугожа» и съ постояннымъ угаромъ.

Выше упомянуто было о монастырскихъ Синодикахъ; но и другихъ реликвій древности тутъ обильно; таковы: портретъ преподобнаго Кирилла, писанный при жизни его, «многодумный, величавый»; его фелонь, овчинный тулупъ, вериги, его духовное завѣщаніе; золотая братина—даръ Грознаго, съ изображеніями женщинъ; «не съ посланьями ли вмѣстѣ прислана она была Царемъ для вящаго уязвленія?»—спрашиваетъ Шевыревъ. Библіотека монастыря—единственная въ своемъ родѣ, въ особенности по числу и достоинству рукописей; въ ней имѣются рукописныхъ: 65 Евангелій, 31 Апостолъ, 131 Псалтырь и т. д. Кирилловскіе списки встрѣчаются вездѣ, и они вездѣ въ почетѣ. Помимо рукописей чисто духовныхъ, попадаются и такія, въ которыхъ есть реалистическія объясненія явленій природы по Галену, что «земля съ устроеніемъ яйцевиднымъ», что «молнію прежде видно, громъ слышенъ потомъ, ибо зрѣніе скорѣйшее есть, а слышаніе—чувство косное». Въ одномъ изъ сборниковъ говорится о женитьбѣ: «Лучше болѣть трясцею, нежели быть обладаему злою женою: трясца, потрясши, отпуститъ, а злая жена до смерти изсушитъ».

По штату 1764 года монастырь владѣлъ 21,590 крестьянами; села и проселки управлялись старцами чернецами, съ содержаніемъ настолько скуднымъ, что одинъ изъ нихъ писалъ игумену, что «замеръ до основанія съ однимъ квасомъ».

Разставаясь съ обителью преподобнаго Кирилла, было бы непростительно не вспомнить другого великаго подвижника—Нила Сорскаго, вышедшаго изъ нея же.

Въ пятнадцати верстахъ отъ Кириллова монастыря, слѣдовательно, какъ говорится, почти рукою подать, находится на рѣкѣ Соркѣ обитель, основанная преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ. Къ сожалѣнію, путешественникамъ не предстояло возможности, въ виду разныхъ обстоятельствъ, посѣтить эту обитель. Могучая, своеобразная, глубоко привлекательная личность преподобнаго Нила должна быть однако помянута и при посѣщеніи Кириллова монастыря.

Въ умственномъ отношеніи, XV и XVI вѣка были несомнѣнно «темными». Единственный путь образованія шелъ чрезъ духовенство и монашество. Правда, и оно было не знаменито: Акакій епископъ тверской, «малоученъ бѣ грамотѣ»; іерен «мнози суть не умѣютъ книгъ»; невѣжды говорили, что читать Апостола и Евангеліе «грѣхъ простымъ людямъ». Въ тѣ дни выработалась даже, такъ сказать, особая форма, въ которую образованіе отливалось: это были «Сборники»,

форма вполнѣ специфическая, отчасти напоминающая то своеобразное значеніе, которое имѣли и имѣютъ для насъ, благодаря совершенно особымъ условіямъ нашего книжнаго дѣла, наши толстые журналы. Монастырскіе «Сборники», имѣющіеся на лицо въ громадномъ количествѣ и въ Кирилловомъ монастырѣ, это были тогдашніе толстые журналы, и въ нихъ, какъ говоритъ изслѣдователь, рядомъ съ истиннымъ попадали и апокрифы.

Но сильно ошибся бы тотъ, кто предположилъ бы, что «темныя» времена не производили замѣчательныхъ людей, что подъ внушительнымъ единствомъ православія не работали умы и не развивались своеобразныя міровоззрѣнія. Можетъ быть, въ исторіи другихъ церквей нѣтъ примѣра болѣе рѣзко высказанныхъ двухъ направленій, высказанныхъ совершенно одновременно и такъ вполнѣ законченно, какъ направленіе вышедшаго изъ Кирилловой обители Нила Сорскаго и основателя Волоколамскаго монастыря Іосифа Волоцкаго.

Это огонь и вода, имѣющіе общее только въ томъ, что они оба—стихіи. Людямъ, посѣщающимъ эти мѣста, полныя слѣдовъ пустынножительства, параллель между Иломъ Сорскимъ и Іосифомъ Волоколамскимъ напрашивается на память сама собою.

Іосифъ родился въ 1439 году. Это былъ человѣкъ чисто формальнаго направленія, для котораго оказывались равно святы, равно истинны и законъ Моисеевъ, и Евангеліе. Знаменито его ученіе, изложенное въ посланіи старцамъ, «о богопремудростномъ, богонаученномъ коварствѣ». Его монастырскій уставъ тяжелъ; настоятель чрезъ своихъ подручныхъ проникаетъ во всѣ келіи и заботится «прежде о тѣлесномъ благообразіи, а потомъ о внутреннемъ храненіи». Онъ допускаетъ въ монастырѣ тѣлесныя наказанія; онъ опредѣляетъ то, какъ стоять монахамъ въ церкви: «Стисни свои руцѣ и соедини свои нозѣ и очи смежи и умъ соберп»; онъ училъ даже тому, чтобы братія молилась на показъ: когда на нее смотрятъ міряне, «тогда паче»; онъ считалъ монастырь привилегіею избранныхъ и требовалъ для монастырей права владѣнія имѣніями и деньгами, для матеріальной помощи народу; Іосифъ видѣлъ въ монастырѣ разсадникъ епископовъ, митрополитовъ, аристократіи церкви. Само собою разумѣется, что карать непокорныхъ составляло необходимую принадлежность его ученія; онъ былъ противъ всякой новой мысли, противъ всякой свободы; одинъ изъ его учениковъ высказалъ даже слѣдующее: «всѣмъ страстямъ мати мнѣніе, мнѣніе второе паденіе». Далѣе этого идти было нельзя!

Нилъ Сорскій родился въ 1433 году, т.-е. только шестью годами ранѣе Іосифа Волоцкаго. Онъ постригся въ Кирилловѣ. Прямо противуположно Іосифу утверждалъ онъ: «писанія многи, но не всѣ божественны суть». У него самодержавны и полновластны только Священное Писаніе и Канонъ, а святоотческія творенія отпадаютъ во вторую категорію. Нилъ вполнѣ отрицаетъ слѣпое отношеніе къ буквѣ писанія, онъ прежде всего философъ-богословъ. Ни продолжительное служеніе, ни посты не составляютъ, по немъ, заслуги; дурные помыслы дѣлитъ онъ на восемь видовъ и разбираетъ ихъ каждый отдѣльно, не оставляя безъ вниманія и физіологіи страстей. Онъ развилъ преимущественно жизнь въ скитахъ, издавна сохранившуюся на сѣверѣ; онъ отрицалъ

право монастырей на земельныя владѣнія и не думалъ готовить иноковъ къ высшей духовной іерархіи; власть настоятеля въ монастырѣ была для него только нравственною.

Трудно найти въ исторіи церкви двѣ болѣе рѣзкія противуположности, чѣмъ Нилъ и Іосифъ. Оба они были современниками, и сравненіе ихъ обоихъ свидѣтельствуетъ чрезвычайно ясно противъ тѣхъ, кто, благодаря поверхностности взгляда, обвиняетъ нашу православную церковь въ какой-то, никогда небывалой, умственно-нравственной неподвижности; Нилъ и Іосифъ—достаточныя тому доказательства, и оба они признаны нашею церковью «преподобными».

Бѣлозерскъ.

Путь по Бѣлозерскому каналу. Бѣлозерскъ. Городской соборъ. Бѣлозерскіе комары и преданія о нихъ. Проходъ черезъ шлюзы.

Если по Шекснѣ встрѣчалось, сравнительно, мало каравановъ, то здѣсь, въ Бѣлозерскомъ каналѣ, они потянулись безконечною линіею, вплотную, едва оставляя свободный путь пароходу, волна отъ котораго, несмотря на тихій ходъ судна, шла своимъ гребнемъ въ уровень съ низкимъ берегомъ и нерѣдко взбѣгала на него.

Бѣлозерскій каналъ, открытый въ 1845 г., въ теченіе полувѣкового своего существованія не мало содѣйствовалъ къ развитію судоходства по Маріинской системѣ. Неумѣренная ловля снѣтковъ, которыми такъ обильно Бѣлое озеро, вызвала еще четверть вѣка тому назадъ замѣтный упадокъ этого промысла; но убытки отъ того уравновѣшиваются усиленіемъ прогона судовъ по каналу. Каналъ проходитъ черезъ городъ, въ обходъ мелководнаго озера.

Каналъ (длина его 63 версты), пропускающій черезъ три шлюза отъ 48 до 60 судовъ въ день, настолько узокъ, что пароходъ, двигаясь тихимъ ходомъ, правымъ кожухомъ едва не касается берега, лѣвымъ—вытянутыхъ въ линію судовъ. Какихъ только судовъ не встрѣчалось здѣсь: барки, полубарки, бѣлозерки, каюки, тихвинки, стародавніе трешкоты—эти плавающіе домики, все это тянулось безконечною вереницею, покачивая въ небѣ свои разнокалиберныя мачты, по мѣрѣ подваливанія волны парохода. Съ судовъ и съ береговъ доносились веселыя пѣсни. Лица людей были совершенно ясно видны съ палубы парохода,—рукой подать. Были сцены очень характерныя.

Около семи часовъ вечера, доносившійся съ берега звонъ колоколовъ возвѣстилъ о близости Бѣлозерска; городокъ не замедлилъ появиться влѣво отъ парохода; онъ раскинулся по совершенно пологому, низменному берегу Бѣло-

Входъ въ Бѣлозерскій каналъ.

Съ фотогр. А. П. Шевякова, рисов. В. Шпакъ, грав. Е. Даммюллеръ.

Городъ Бѣлозерскъ.

Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисов. В. Шпакъ, гравир. К. Вейерманъ.

Озера, при Бѣлозерскомъ обводномъ каналѣ. Съ XIII по XV столѣтіе Бѣлозерскъ былъ центральнымъ городомъ Бѣлоозерскаго удѣльнаго княжества, въ составъ котораго входили Вологда и Устюгъ. Нынѣшній Бѣлозерскъ построенъ въ XIV вѣкѣ, когда жители ушли изъ «Стараго Бѣлозерска», находившагося въ 17 верстахъ и извѣстнаго тѣмъ, что тамъ, по преданію, княжилъ братъ Рюрика—Синеусъ.

Мѣстный соборъ стоитъ въ углубленіи, между высокихъ валовъ бывшаго кремля, изъ-за которыхъ его со стороны почти не видно. Соборъ имѣетъ чрезвычайно своеобразный иконостасъ, вѣроятно конца прошлаго вѣка. На самомъ его верху, подъ куполомъ, высится большая раскрашенная деревянная фигура Спасителя и передъ нимъ семь огромныхъ деревянныхъ свѣтильниковъ въ лучахъ. Подлѣ царскихъ дверей, съ обѣихъ сторонъ, видны четыре меньшія, золоченыя же, фигуры двухъ пророковъ и двухъ ангеловъ. На иконостасѣ имѣется еще одна фигура Спасителя, въ конхѣ, надъ дверями, тоже раскрашенная, но вмѣсто свѣтильниковъ подлѣ него ангелъ и символы Евангелистовъ. Этотъ иконостасъ сильно напоминаетъ католическіе пріемы искусства.

Когда пароходъ тронулся дальше, надъ Бѣлымъ озеромъ опускался свѣтлый, лѣтній вечеръ; путь продолжался по тому же каналу, но освѣщеніе уже было другое; тотъ же народъ, тѣ же безконечныя вереницы судовъ, покачивавшихъ свои мачты, то же набѣганіе волны на низкіе берега и та же близость деревьевъ, вѣтви которыхъ изрѣдка хлестали по правому кожуху. По мѣрѣ движенія впередъ, пароходъ удалялся отъ мѣстъ, освященныхъ преподобнымъ Кирилломъ, и близился къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ на каждомъ шагу должна была возникать память Петра I.

Во время ужина на палубѣ, комаровъ было такое множество, что пришлось съ навѣтренной стороны, подлѣ стола, жечь можжевеловыя вѣтви. Молодцы матросы, въ бѣлыхъ рубахахъ, отлично исполняли эту обязанность, и вѣтви весело потрескивали на невысокихъ жаровняхъ. На Бѣломъ озерѣ такъ много комаровъ, что совершенно понятно, почему преданіе, въ числѣ благодѣяній, приписываемыхъ преподобному Кириллу, упоминаетъ и о заговорѣ ими комаровъ. Цѣлыя тучи ихъ замѣтны были въ свѣтломъ полуночномъ воздухѣ. Словно огромныя змѣи, извивались продолговатыя тучи комаровъ надъ окрестными лѣсами и болотами. Глядя на нихъ, нельзя было не вспомнить одной южно-славянской сказки, передаваемой Буслаевымъ: въ какія-то незапамятныя времена вышелъ богатырь на поединокъ съ нечистою силою-змѣемъ; Господь помогъ ему осилить проклятаго; не довольствуясь смертью его, богатырь рѣшился сжечь тѣло и развѣять пепелъ по воздуху, что и было исполнено; но тогда-то изъ остатковъ, изъ пепла нечистой силы-змѣя, образовались эти воздушныя вереницы комаровъ и мошкары, безконечные клубы которыхъ носились и надъ пароходомъ. Но и болѣе далекій сѣверъ Россіи, одолѣваемый комарами, имѣетъ подобныя легенды. Таково, напримѣръ, преданіе о Шишко, нечистомъ духѣ, въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Богъ отказалъ въ участкѣ земли, и нечистый, озлобясь на Бога, ткнулъ коломъ въ землю, и изъ образовавшейся дыры повалили комары, такъ что въ воздухѣ потемнѣло.

По просьбѣ мірянъ, пророкъ Илія заткнулъ дыру горящею головнею, и дальнѣйшее появленіе комаровъ на свѣтъ прекратилось, но тѣ, что успѣли вылетѣть, остаются и составляютъ дьявольское навожденіе, и полчищамъ ихъ нѣтъ числа.

Около четырехъ часовъ утра, сквозь шлюзъ Польза, пароходъ вошелъ изъ канала въ рѣку Ковжу, нижняя часть которой свободна отъ шлюзовъ; затѣмъ, миновавъ шлюзъ Константина, достигъ шлюза Св. Анны около восьми часовъ утра. Въ этомъ мѣстѣ начало наиболѣе обильныхъ шлюзами частей рѣкъ Ковжи и Вытегры, и такъ какъ надобно было выиграть возможно больше времени, то путешественники оставили пароходъ и продолжали путешествіе почтовымъ трактомъ.

Вытегра.

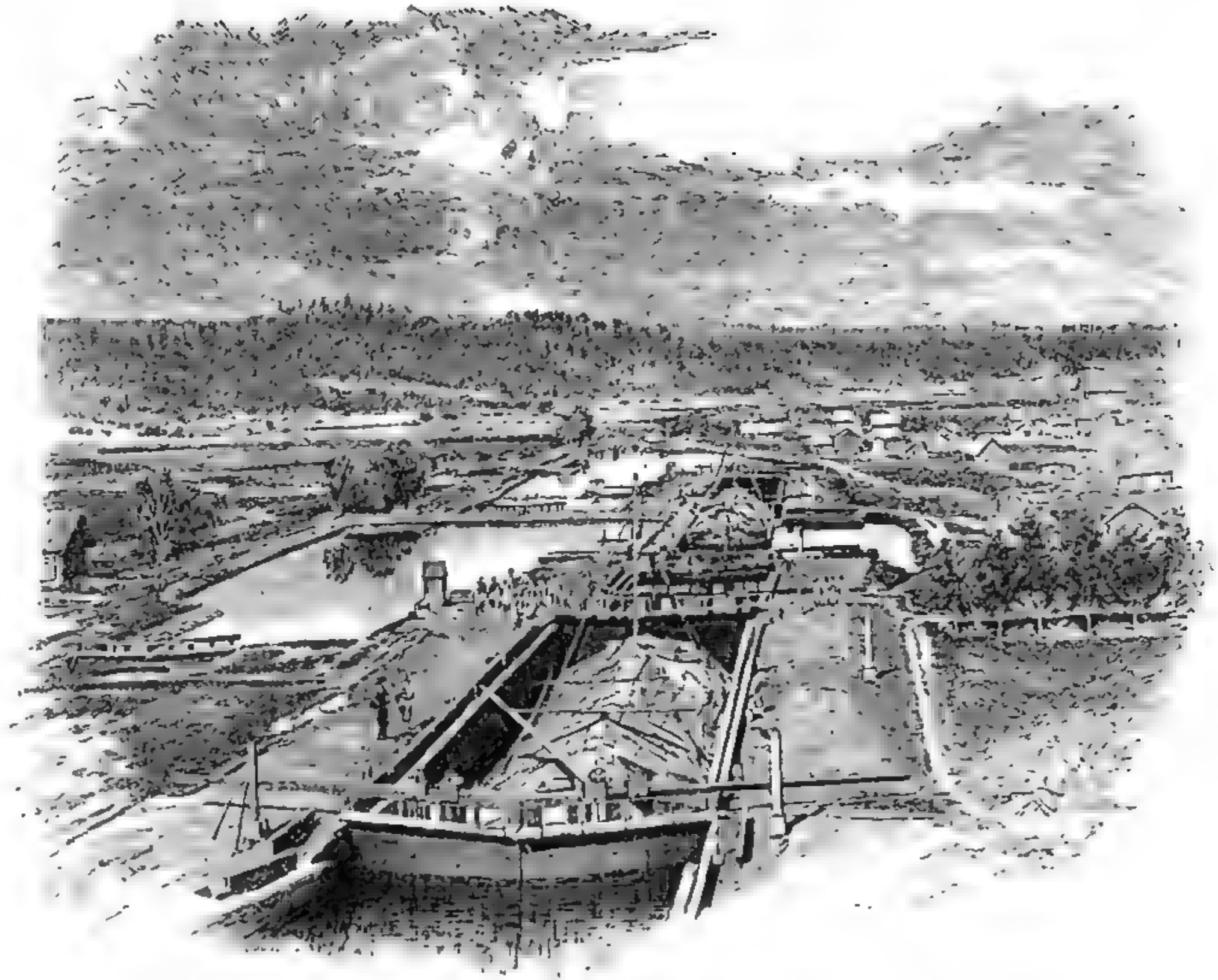
Характеристика Маріинской системы. Историческое. Шлюзъ Св. Петра. Село Девятины. Храмъ Вытегорскаго погоста.

Особенно жаркимъ, палящимъ днемъ было 12-е іюня, и ѣзда почтовымъ трактомъ до Вытегры, отъ шлюза Св. Анны, на протяженіи пятидесяти слишкомъ верстъ, по желтымъ пескамъ, по глубокой, горячей пыли, представлялась очень трудною. Къ счастью, красота гористой, густо населенной мѣстности и интересъ посѣщенныхъ пунктовъ вознаграждали собою неудобства пути.

Дорога вьется все время между довольно высокими, поросшими лѣсомъ, холмами, вдоль шлюзированной части рѣкъ Ковжи и Вытегры. Передъ глазами, то и дѣло, мелькаютъ одинъ за однимъ шлюзы, болѣе и менѣе длинные, то возвышаясь надъ уровнемъ бѣгущей подлѣ нихъ рѣки, то сливаясь съ нею подъ одинъ горизонтъ. Несомнѣнно, что вся широкая, низменная долина служила когда-то, очень давно, продолженіемъ Онежскаго озера.

Можетъ быть, многіе не знаютъ, почему Маріинская система носитъ имя покойной Императрицы Маріи Осодоровны. Именной Высочайшій указъ 1799 г. объясняетъ это: Ея Величество, какъ Главноначальствующая надъ воспитательными домами, допустила заимствованіе изъ сохранной казны петербургскаго воспитательнаго дома на скорѣйшее построеніе канала, по 400.000 руб. ежегодно. Въ память этого система, сослужившая Россіи такъ много службъ и имѣющая въ будущемъ еще гораздо большее значеніе, названа Маріинскою.

Въ настоящемъ своемъ видѣ система все-таки не достаточно удовлетворяетъ быстро возрастающему наплыву грузовъ. Грузовая способность ея, съ ея 34 деревянными шлюзами, не превышаетъ 50 милліоновъ пудовъ, тогда какъ грузовая способность судовъ, плавающихъ по Волгѣ и Каспію, достигаетъ 150 милліоновъ. Изъ 900 верстъ протяженія всей системы неудовлетворитель-



Девятинскій погостъ.

Шлюзы Павла, Владиміра и Оны. Проходъ камней.

ными можно считать только 200 верстъ, и весь вопросъ сводился къ тому: для сорокасаженныхъ или для двадцатисаженныхъ судовъ должна быть приспособлена она? Министерство путей сообщенія, въ періодъ времени 1877—1882 гг., собирало статистическія и техническія данныя по этому существенному вопросу, и была образована особая коммиссія. Министерство признало несомнѣнно болѣе выгодными суда 40-саженныя, но зато и расходы по приспособленію системы легли бы на наше казначейство великою тягостью въ 61 — 79 милліоновъ рублей. Предположено, впредь до окончательнаго разрѣшенія вопроса о перестройкѣ или устройствѣ вновь шлюзовъ, достраивать ихъ въ нынѣшнихъ размѣрахъ (для судовъ 20-тисаженныхъ) и строить деревянные шлюзы (на случай предстоящей ломки), но при улучшеніи стрежней рѣкъ и каналовъ приспособлять ихъ для прохода судовъ 40-саженныхъ.

Мѣстность близъ шлюза Св. Петра — очень красивая — имѣетъ высокое историческое значеніе. Здѣсь именно, въ 1711 году, въ глухихъ дебряхъ, о которыхъ теперь нѣтъ и помину, Петръ I прожилъ нѣсколько дней въ землянкѣ, осматривая самолично ту мѣстность, на которой, по его повелѣнію, англичанинъ Перри, въ 1710 году, произвелъ изслѣдованія по соединенію Волжскаго бассейна съ Онежскимъ озеромъ. Только въ 1762 году обратились снова къ исполненію мысли Петра I. Проектовъ было нѣсколько: Деденева, де-Витте; къ работамъ приступилъ де-Волант, и въ 1810 году движеніе по системѣ открыто.

Возлѣ часовни поставленъ памятникъ, представляющій довольно высокій обелискъ на широкомъ постаментѣ, съ слѣдующими четырьмя надписями: «Зиждитель пользы и славы народа своего Великій Петръ здѣсь помышлялъ о судоходствѣ. — Отдыхалъ на семъ мѣстѣ въ 1711 году. Благоговѣйте сыны Россіи!—Петрову мысль Марія совершила.—Въ ознаменованіе любви къ Отечеству каналъ сей наименованъ Маріинскимъ.—Щедрымъ покровительствомъ Императрицы Маріи, начатъ сей каналъ 1799 года по повелѣнію супруга Ея, Императора Павла I. Довершенъ при сынѣ Ея, Императорѣ Александрѣ I».

На дальнѣйшемъ пути въ Рубежѣ имѣется обширная земская больница. Она назначена главнымъ образомъ для рабочихъ на каналахъ. Ниже шлюза Св. Маріи видно было устье будущаго Маткоозерскаго канала; въ описываемое время, работы его шли весьма успѣшно; цѣль этого канала та, чтобы, при переходѣ изъ Ковжи въ Вытегру и обратно, судамъ проходить вмѣсто десяти шлюзовъ только два, что̀ составитъ огромный выигрышъ времени и расходовъ. Каналъ обошелся въ 1.893.000 рублей, онъ длиной десять верстъ и оконченъ въ 1886 году.

Въ этихъ мѣстахъ почти вся дорога замѣчательно живописна. Обиліе воды даетъ знать себя ручьями хрустальной ясности, стремящимися изъ сосѣднихъ ущелій и логовинъ. Нѣкоторые виды очень красивы, какъ напримѣръ Собачьи Пролазы, гдѣ, по преданію, когда-то скрывались разбойники; они напоминаютъ Тюрингію или Гарцъ; очень красиво мѣсто у Алексѣевской горы, гдѣ одновременно видно шесть шлюзовъ, въ широкой рамѣ синѣющихъ за далью горъ и лѣсовъ. Мѣстность подлѣ села Девятины, безспорно одна изъ лучшихъ въ пути. Домъ начальника дистанціи расположенъ на высотѣ 18 саженъ надъ уровнемъ

Двадцатиглавая древняя церковь на Вытегорскомъ погостѣ (Олонец. губ.).

Съ фотогр. Пекарскаго, грав. М. Рашевскій.

Вытегры, и видъ отъ него на шлюзъ Св. Павла, лежащій глубоко внизу, на противулежащія возвышенности, на самую рѣку, на многія села, поля и луга, разстилающіеся по широкой долинѣ, прекрасенъ.

Этотъ шлюзъ одинъ изъ самыхъ могучихъ. Разность горизонтовъ верхней и нижней плотинъ шесть саженъ, напора воды—двѣ сажени; въ шлюзѣ три пролета, изъ которыхъ средній глубокій. По данному знаку была пущена вода; она ринулась внизъ, по всѣмъ пролетамъ, съ огромною силой, образуя настоящіе клубящіеся водопады. Они стремились вдоль всѣхъ трехъ пролетовъ, точно изъ гигантскихъ темныхъ ртовъ; вода, казалось, готова была поглотить все и вся; кудри, клубы и кольца ея, перешибая одни другіе, ревѣли невообразимо и, сгладившись по широкой поверхности стока, стремились подъ лѣстницу, вырисовывая пѣною необозримое количество двигавшихся арабесковъ. Въ яркомъ блескѣ горячаго полдня все вмѣстѣ взятое—люди стоявшіе по крутымъ скатамъ, синѣвшая даль, клокочущая вода,—представляло картину въ полномъ смыслѣ слова великолѣпную.

При выѣздѣ изъ Девятинъ указываютъ, вправо отъ дороги, на кладбище голландцевъ, работавшихъ тутъ когда-то, во время проведенія канала; небольшое мѣсто огорожено высокимъ полуразрушившимся кирпичнымъ заборомъ; могучія деревья густою сѣнью своею покрыли бренные останки чужестранныхъ людей, потрудившихся въ свое время для русскаго народа. Миръ имъ!

Солнце палило немилосердно, когда вдали показалась старинная церковь Вытегорскаго погоста, построенная по собственноручному плану Петра Великаго. Церковь эта, одинъ изъ перловъ нашей архитектуры, чрезвычайно своеобразна: двадцать маленькихъ куполовъ, расположенныхъ на разной высотѣ, группируются очень хорошо поверхъ зеленыхъ крышъ и бѣлыхъ стѣнъ. По наружнымъ сторонамъ церкви, надъ стѣнами ея, высятся плоскіе, луковицеобразные кокошники, придающіе зданію совершенно подходящій сельскій видъ. Внутри церковь невысока; плоскій потолокъ покрываетъ внутренность ея и отъ центра его лучами расходятся небольшіе пояски, между которыми помѣщаются потемнѣвшія изображенія ангеловъ; иконостасъ, въ два яруса, полонъ ликами святыхъ, каждый въ отдѣльномъ обрамленіи.

Онежское озеро.

Выходъ въ озеро. Историческіе пути духовнаго подвижничества. Главнѣйшія имена дѣятелей. Впечатлѣніе прибытія въ Петрозаводскъ.

Отъ города Вытегры до устья рѣки, до Онежскаго озера—шестнадцать верстъ. Рѣка изгибается крутыми луками по болотистой, тундроватой мѣстности, и точно усталая въ долгомъ теченіи отъ массы тѣхъ грузовъ, которые вынесли воды ея на всемъ протяженіи системы, спѣшитъ къ озеру, чтобъ успокоиться. Тундры, кочки, жидкія деревья, не имѣющія возможности расти, коряги и пни виднѣлись по сторонамъ краснаго и легкаго парохода, лавировавшаго по изгибамъ. Туманъ и дождикъ дѣлали картину непривѣтливою. Сѣрая сплошная туча обложила все небо, когда у устья рѣки засеребрилась зеркальная поверхность открытаго озера. На картѣ значилось, что подлѣ устья рѣки стоитъ маякъ. Если признать маякомъ телеграфный столбъ со щитомъ наверху, окрашенный бѣлою краской, то карта не ошибалась. Скоро, очень скоро, пароходъ вошелъ въ область густого, слоившагося тумана, такъ что едва можно было различить слѣдовавшія за пароходомъ суда; туманъ лежалъ надъ водой густымъ, но тонкимъ слоемъ.

Что путники близились къ сѣверу, въ этомъ не могло быть сомнѣнія: температура воздуха, достигавшая еще наканунѣ чуть не сорока градусовъ жары, сразу понизилась до 6°, въ водѣ было только 2°, и въ довершеніе картины встрѣтились плывшія льдины—въ концѣ іюня мѣсяца; онѣ бѣлѣли вблизи и тихо раскачивались надъ глубокою чернью воды, составляющею особенность нашихъ сѣверныхъ озеръ, когда волна парохода коснулась ея. Несмотря на густоту тумана, лѣтній день все-таки давалъ себя чувствовать безконечнымъ обиліемъ свѣта вокругъ; судно скользило точно въ какомъ-то серебрѣ, по которому высокія снасти парохода вырисовывались чрезвычайно рѣзко. Двѣ волны,

разбѣгавшіяся за нимъ по озеру, спокойному какъ зеркало, точно замирали темными полосками въ безконечности мало-по-малу разрѣжавшагося тумана. Такова была картина великой водной поверхности съ береговою линіею въ 1300 верстъ.

На Онежскомъ озерѣ нельзя было не вспомнить о временахъ давнымъ-давно прошедшихъ. Существованіе еще до XII вѣка Обонежской пятины Новгородскихъ владѣній, сѣверная часть которой доходила до Ледовитаго океана, говоритъ о безконечно раннемъ расцвѣтѣ нѣкоторой жизни въ этихъ мѣстахъ. По путямъ торговаго движенія къ сѣверному морю и на востокъ начиналось всюду сооруженіе монашескихъ обителей, служившихъ единственными гостинницами въ дебряхъ и пустынѣ. Духовное подвижничество предшествовало исторической жизни, и въ самой глубокой старинѣ поднимаются въ Прионежьи двѣ личности, о которыхъ нѣтъ ни преданія, ни сказанія, а сохранились одни только имена: Пахомій Кенскій и Корнилій Палеостровскій; въ XVI вѣкѣ является Кириллъ съ «велікой главой»; Антоній Сійскій, обнажавшій плечи и главу до пояса, дабы прилетали къ нему оводы и комары и обсѣдали и пили кровь нещадно; Никодимъ Кожеозерскій, извѣстный чудомъ, совершеннымъ имъ: было великое наводненіе, онъ взобрался на свою келійку, къ крышѣ которой подступала вода, пѣлъ псалмы, и—вода удалилась.

Ошибся бы тотъ, кто вздумалъ бы утверждать, что пустынножительство, развивавшееся здѣсь по берегамъ и островамъ чрезвычайно сильно—о чемъ свидѣтельствуютъ разбросанные по краю, попадающіеся очень часто кресты и часовеньки,—чтобы это пустынножительство ограничивалось только духовными подвигами. Нѣтъ, люди пустыни приносили и образованіе. Соловецкій лѣтописецъ сообщаетъ, что игуменъ Филиппъ, въ XV вѣкѣ, такую телѣгу завелъ, что сама насыплется и привезется, сама и высыпаетъ рожь на сушило; онъ сѣялку построилъ съ десятью рѣшетами: сѣетъ одинъ человѣкъ, а другое рѣшето то само насыпаетъ и сѣетъ отруби и муку; игуменъ Филиппъ вѣтеръ нарядилъ мѣхами рожь вѣять и кирпичные заводы завелъ, и стекольчатыя окна дѣлалъ; старецъ Тарасій, раньше его, научилъ разсолъ отъ воды отлучать и соль варить.

Цѣлые сонмы отшельниковъ-тружениковъ расположились по Онежскому побережью въ XV и XVI вѣкахъ, и отъ Олонецкаго края пошли они дальше, даже до 69½ градуса сѣверной широты, гдѣ, какъ видно изъ грамоты Іоанна Грознаго, преподобному Трифону, проповѣднику Св. Евангелія среди лопарей, скончавшемуся въ 1583 году, и настоятелю донынѣ существующаго Печенгскаго монастыря, дано было владѣніе по берегамъ, и онъ, Трифонъ, основалъ рыболовство, звѣроловство, ловлю устрицъ, соляныя варницы, лѣсные дворы, мельницы и обзавелся морскими крупными судами. Торговля съ иностранцами по нашему сѣверному побережью началась раньше его.

И сколько было, подумаешь, свѣтлыхъ видѣній этимъ людямъ, и умирали они, вѣруя въ обѣтованное свое спасеніе, покойно, безмятежно, какъ напримѣръ Савватій, шедшій черезъ Сятъ-Наволокъ и скончавшійся въ пути, сидя въ куколѣ и мантіи. Правда, не всегда мирно жили и умирали подвижники; такъ, убиты язычниками: Адріанъ Ондрусовскій, Макарій Вышкоозерскій и другіе.

Къ половинѣ пути по озеру туманъ началъ было разсѣеваться и порой проглядывало солнце. Наступило время завтрака, и всѣ находившіеся на пароходѣ, сѣвъ за столъ, разсчитывали на спокойное окончаніе завтрака, какъ вдругъ рѣзкая бѣготня на палубѣ, крики и остановка хода машины дали знать о томъ, что случилось что-то необыкновенное и недоброе. Оказалось, что матросъ упалъ въ воду. Всѣ вышли на палубу. Машинѣ тѣмъ временемъ дали задній ходъ; слѣдовавшій въ нѣкоторомъ разстояніи другой пароходъ, «Онега», по свистку, прибавилъ ходу и направился къ еле-виднѣвшейся надъ водой, плескавшейся черной точкѣ: то былъ матросъ, отъ котораго первый пароходъ успѣлъ отойти саженъ на сто. Къ счастью, онъ умѣлъ плавать и продержался на водѣ минутъ около пяти, пока съ подошедшей къ нему вплотную «Онеги» бросили буйки и веревки; за одну изъ нихъ онъ ухватился, и его втащили на палубу. Нельзя сказать, чтобы безмолвное созерцаніе возможной гибели человѣка, виднѣвшагося небольшою темною живою точкой въ безконечности водъ и тумана, на 50-тисаженной глубинѣ, относилось къ чувствамъ особенно пріятнымъ. Привезенный немедленно на пароходъ обратно, матросъ, переодѣтый и осушенный, оказался архангелогородцемъ, новобранцемъ: онъ упалъ, неосторожно черпая воду и не желая упустить изъ рукъ казеннаго ведра. Фамилія его Самадовъ. Изъ опасенія упустить казенное ведро свалиться въ воду—это характерно, въ особенности для новобранца.

Къ восьми часамъ вечера пароходъ подошелъ къ Петрозаводску. Городъ, съ его прямыми улицами, разбитый на квадраты, размѣстившійся по отлогой покатости, представляется со стороны озера красивымъ. Высоко надъ всѣмъ прочимъ поднимается своими луковичными куполами новый соборъ, а подлѣ него обозначается маленькимъ шпилемъ старѣйшая церковь города во имя Петра и Павла, построенная великимъ Преобразователемъ Россіи, въ 1693 году.

Петрозаводскъ.

Памятникъ Петру I и Александру II. Осмотръ завода. Историческое о рудномъ дѣлѣ въ сѣверномъ краѣ. Судьбы завода. Его особенности. Поѣздка въ Соломенное.

Слѣдовавшій за прибытіемъ парохода въ Петрозаводскъ день, 14 іюня, былъ такимъ же безоблачнымъ и жаркимъ, какъ всѣ предшествовавшіе. Памятникъ Петра Великаго работы Шредера, стоящій передъ губернаторскимъ домомъ, ярко горѣлъ съ утра своею бронзой. Онъ заложенъ 30 мая 1872 г., а открытъ въ 1873 г. Петръ изображенъ во весь ростъ; въ одной рукѣ у него свитокъ, другая простерта. Постаментъ сдѣланъ изъ чрезвычайно крѣпкаго матюковскаго камня. Памятникъ недуренъ; обликъ императора гораздо внушительнѣе того, который поставленъ въ Петергофѣ у Монплезира. Неудивительно, что горожане то и дѣло зовутъ пріѣзжающихъ сюда туристовъ полюбоваться имъ: посмотрите, да посмотрите! Тѣмъ же Шредеромъ сооруженъ здѣсь памятникъ императору Александру II, воздвигнутый мѣстнымъ земствомъ. Монархъ изображенъ стоящимъ въ порфирѣ; высота статуи пять аршинъ.

Однолѣтокъ Петербурга, Петрозаводскъ былъ и остался до сихъ поръ городомъ чисто административнаго характера. Недостатокъ дворянъ въ Олонецкой губерніи былъ причиною указа сената 24 апрѣля 1811 года, ограничившаго кругъ выборныхъ должностей. Даже предводителей не изъ кого было выбрать,—губернскимъ былъ назначенъ совѣстный судья, уѣздными—уѣздные судьи. Нынѣшнее земство не велико, но очень дѣятельно.

Однимъ изъ главнѣйшихъ достопримѣчательностей всего Олонецкаго края является Александровскій заводъ.

Заводъ этотъ и Петербургъ—однолѣтки: оба основаны въ 1703 году. Петръ I былъ въ Олонецкомъ краѣ десять разъ. Царственными руками своими тя-

Общій видъ города Петрозаводска.

Съ фотогр. Я. Пекарскаго, грав. М. Рашевскій.

Петрозаводскъ. Памятникъ императору Александру II.

нулъ онъ крицы и заставлялъ приближенныхъ своихъ засыпать въ горны уголья. Память о немъ чрезвычайно жива въ краѣ, забѣгая далеко на сѣверъ по Сухонѣ и Двинѣ, по Бѣлому морю, по такъ-называемой «Царской дорогѣ» между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ, проложенной имъ самимъ до Повѣнца. Преданіе гласитъ, будто въ Повѣнцѣ Петръ не посѣтилъ церкви св. Петра и поѣхалъ озеромъ; поднялась буря; «вѣрно повѣнецкій Петръ сильнѣе московскаго»,—сказалъ императоръ, вернулся, помолился, и озеро понесло ладью его дружелюбно. Повѣнецъ въ то время еще не былъ городомъ.

Но и раньше Петра на Олонецкій край было обращено царское вниманіе. Посланный въ Англію Іоанномъ Грознымъ посолъ Іосифъ Непѣя привезъ съ собою рудокоповъ. Въ 1569 году англичанамъ позволено было работать далеко на востокѣ, на рѣкѣ Вычегдѣ; шведовъ призывали въ 1571 и 1573 годахъ, но неизвѣстно, работали-ли они. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, крупный обликъ котораго, при новѣйшей разработкѣ исторической науки, выступаетъ все сильнѣе, все могущественнѣе, въ Олонецкомъ краѣ существовали заводы для выплавленія желѣза изъ рудъ; они принадлежали, съ пособіемъ отъ казны, датчанину Бутенату. Въ 1701 и 1702 годахъ Петръ поставилъ въ краѣ пять заводовъ, и въ 1704 году были приготовлены въ Россіи первые якори на заводѣ Вычковскомъ, нынѣ не существующемъ. Основаніе же старому, прежнему Александровскому заводу, постановкою четырехъ доменныхъ печей, положено въ 1703 году, надъ рѣчкой Лососинкой, протекающею быстрой волной близъ самаго завода и теперь; слѣды этого Петровскаго завода еще существуютъ; онъ стоялъ немного въ сторонѣ отъ нынѣшняго. На этомъ заводѣ, кромѣ литья чугуна, дѣлали тогда на всю армію ружья и палаши.

Существованіе олонецкихъ заводовъ было не непрерывное: они были закрыты всѣ, кромѣ Кончезерскаго, въ 1783 году; въ 1784 положено основаніе нынѣ существующему Александровскому. Самымъ крупнымъ дѣятелемъ послѣдняго является Карлъ Карловичъ Гаскойнъ, вызванный изъ Шотландіи въ 1786 году, изъ лучшаго въ то время Карронскаго завода; онъ прибылъ со многими мастерами и дѣло было поставлено прочно. При немъ къ заводу приписано 17,000 крестьянъ, и заводъ пользовался многими привилегіями, напримѣръ правомъ отливать мѣры и вѣсы на всю Россію. Отъ времени цвѣтущей дѣятельности завода, помимо большого числа орудій и снарядовъ, сослужившихъ Россіи свою службу, въ Петербургѣ сохранилось много другихъ работъ; всѣ перила вдоль Мойки, всѣ металлическія части мостовъ: Краснаго, Поцѣлуева и Полицейскаго, рѣшетки Михайловскаго дворца и банка, всѣ онѣ—работы олонецкихъ заводовъ.

Въ ближайшіе годы заводъ работаетъ несомнѣнно въ убытокъ и дѣятельность его сокращена до крайности, но послѣдняя война доказала, что̀ можетъ онъ дѣлать и насколько онъ полезенъ. Одинъ изъ главныхъ упрековъ—сравнительная недоброкачественность чугуна; но на дворѣ завода имѣется прямое опроверженіе въ такъ-называемой «ярцовской пушкѣ» средины прошлаго вѣка: 24-хъ-фунтовая пушка эта выдержала чудовищныя пробы и послѣ нихъ, будучи пересверлена на 30 фунт., выдержала не меньшія, и «того ради»—значится

Петрозаводскъ. Александровскій заводъ.

Погостъ Соломенное.

въ надписи—«въ знакъ крѣпости и доброты здѣшней артиллеріи, она на семъ мѣстѣ и поставлена». Существованіе Александровскаго завода—дѣло государственнаго интереса. За сто лѣтъ существованія завода и трехъ вспомогательныхъ:—Кончезерскаго, Суолярвскаго и Валаамскаго,—проплавлено 53 милліона пудовъ руды и получено 19 милліоновъ пудовъ чугуна.

Заводъ расположенъ въ широкой котловинѣ, на берегу рѣчки Лососинки. Длинныя почернѣвшія трубы рѣзко обрисовываются на яркомъ полуденномъ небѣ. Рабочихъ на заводѣ около 800 человѣкъ — число несоразмѣрно малое по количеству заводскихъ приспособленій; въ немъ 63 различныя печи, двѣ турбины въ 120 силъ, шесть гидравлическихъ колесъ въ 100 силъ, три паровыя машины въ 100 силъ, два паровые молота и множество исполнительныхъ механизмовъ. Когда-то очень дѣятельное отдѣленіе по отливкѣ орудій стоитъ въ настоящее время заброшеннымъ, молчаливымъ, пустымъ, такъ какъ заказовъ на нихъ не поступаетъ; заводъ приготовляетъ только бомбы, гранаты и шрапнели, числомъ около 84,000 штукъ, на сумму 324,000 рублей.

Большой интересъ представляетъ также поѣздка изъ Петрозаводска на пароходѣ въ Соломенное. Объ церкви Соломеннаго погоста ясно видны изъ Петрозаводска на противуположной сторонѣ озера; до него пути водой около семи верстъ. Мѣсто это замѣчательно красиво. На совершенно обнаженной скалѣ, такъ-называемой Соломенской брекчіи, вдоль и поперекъ опоясанной трещинами, поросшими густымъ бурымъ мхомъ, поднимаются рядомъ старая и новая церкви погоста. Тутъ былъ когда-то монастырь, основанный въ концѣ XVI вѣка; его смѣнила пустынь, упраздненная въ XVIII в. и обращенная въ приходъ; въ числѣ древностей хранится бѣлая холщевая риза, шитая царевною Софіею Алексѣевною, и полотняный аптиминсъ времени царя Ѳедора Іоанновича. Подлѣ самыхъ церквей находится лѣсопильный заводъ Громова. Говорятъ, что изъ маленькаго озера—Логмозера, на которомъ онъ расположенъ и которое сливается съ озеромъ Онежскимъ, можно проѣхать на лодкѣ до Иматры.

Поѣздка на Кивачъ.

Село Шуя. Олонецкій пейзажъ. Добываніе руды. Кончезерскій заводъ. Корелы. Преданія и повѣрья. Водопадъ Кивачъ. Воспоминаніе о Державинѣ. Марціальныя воды.

——

Въ семнадцати верстахъ отъ Петрозаводска, по пути къ Кивачу, расположено село Шуя. По обоимъ берегамъ широкой рѣки Шуи, состоя изъ тринадцати отдѣльныхъ деревень, раскинулось богатое село, очень людное и древнее, на много лѣтъ болѣе старое, чѣмъ Петрозаводскъ, потому что оно упоминается въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка. Маленькіе куполы и шпили двухъ старинныхъ церквей—погостовъ—высятся надъ гладью широкой долины, обрамленной олонецкими лѣсистыми холмами, и теряются вдали и по сторонамъ безсчетныхъ, хорошо обстроенныхъ, крестьянскихъ дворовъ. Шуя—село торговое, ярмарочное, дома прочные, большею частью двухъ-этажные; надъ верхними балкончиками нѣкоторыхъ изъ нихъ, подъ длинными сѣтями, виднѣлось вяленое мясо—весьма распространенный здѣсь способъ заготовки для рабочихъ.

Вслѣдъ за Шуей мѣстный олонецкій пейзажъ выступаетъ съ полною яркостью: безконечно много озеръ, гранитныя и діоритовыя обнаженія древнихъ скалъ, поросшихъ густымъ чернолѣсьемъ. Дубовъ здѣсь нѣтъ уже совсѣмъ, клены очень рѣдки, зато царствуютъ вѣчно зеленая хвоя, береза и множество осинъ.

Осина, какъ извѣстно, то дерево, на которомъ, по преданію, повѣсился Іуда, и этому повѣрью обязана она своими мѣстными особенными качествами,—такъ: противъ «заклятыхъ», т. е. противъ такихъ людей, чрезъ которыхъ вліяетъ на смертныхъ «нечистая сила», дѣйствуетъ осиновый листъ; осиновый колъ вбивается въ спину умершему заклятому, чтобъ онъ не вставалъ; на Вознесенской пристани, въ случаѣ пожара, на которомъ-нибудь изъ множества скученныхъ

судовъ, необходимо бываетъ потопить судно, для чего обязательно сдѣлать въ немъ пробоину и воткнуть въ нее непремѣнно осиновый колъ. Все это мѣстныя повѣрья Олонецкаго края, и осинъ въ немъ дѣйствительно очень много, и разныхъ сортовъ, что нетрудно замѣтить всякому проѣзжающему. Гораздо труднѣе убѣдиться въ томъ, что однообразные пологи мховъ и лишаевъ, отъ бѣлыхъ и желтыхъ до красныхъ и темнобурыхъ, одѣвающіе скалы, вовсе не такъ однообразны, какъ кажется; ихъ неисчислимое количество видовъ; они составляютъ большинство мѣстной флоры, какъ по числу видовъ, такъ и по распространенію недѣлимыхъ. Они такъ живучи, такъ цѣпки, эти маленькія тайно-брачныя созданья, что покрываютъ даже самыя плотныя породы кварца, гранита и яшмы.

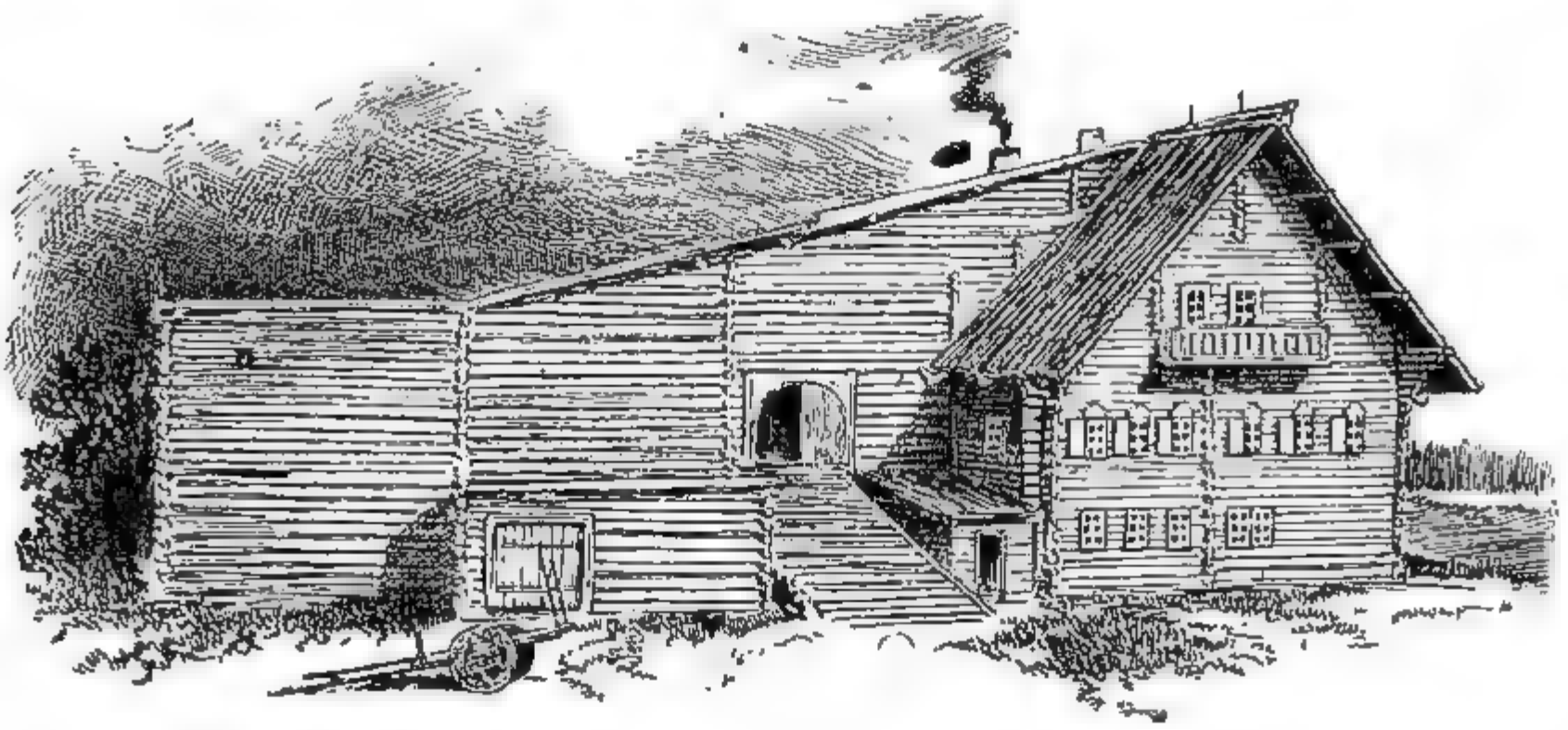
Любопытно ознакомиться съ пріемами добыванія руды на Укшезерѣ. Озерная руда, состоящая изъ болѣе или менѣе крупныхъ катышковъ, образовалась, вѣроятно, отъ разложенія сѣрныхъ колчедановъ; она залегаетъ по дну озеръ на большей или меньшей глубинѣ слоями различной мощи и извлекается изъ воды деревяннымъ черпакомъ на плоты. Добыча ея составляетъ одинъ изъ существенныхъ заработковъ мѣстнаго населенія; озера обезрудѣвшія снова не наполняются, но запасы руды все-таки необозримо велики. Такая же руда есть и въ болотахъ. Ее поднимаютъ со дна озера на плоты, какъ сказано, простыми черпаками и тутъ же промываютъ на грохотѣ.

Кончезерскій заводъ—третья станція. Это тотъ единственный заводъ, который въ 1783 году, когда закрыты были всѣ заводы Олонецкаго края, продолжалъ свою доменную работу. Раскинутъ онъ очень красиво. Три озера: Укшезеро, Кончезеро и Пертозеро, составляя какъ бы одно цѣлое, расположены тутъ террасами, одно выше другого. Пертозеро лежитъ на четыре сажени выше Кончезера; скалистые перешейки, словно горбы чудовищныхъ допотопныхъ животныхъ, высятся между ними, раздѣляя ихъ водныя равнины. Заводъ расположенъ на самомъ высокомъ центральномъ мѣстѣ, и новая церковь его видна издали. Видимое водное пространство, перерѣзанное мысами и островами, очень велико; обрамленное безконечною бахромой зелени лѣсовъ, расположенныхъ по изогнутой линіи холмовъ и ложбинъ, оно образуетъ свѣтлыя перспективы вдаль и самые характерные первые планы пейзажа.

На Кончезерѣ, говорятъ, столько острововъ, сколько дней въ году, и всѣ они расположены вдоль озера и носятъ имена святыхъ; одинъ только островъ, Богъ знаетъ почему, легъ поперекъ и за это кличка ему—«Дуракъ». Это обязательно разсказываютъ всякому проѣзжающему. Въ этнографическомъ отношеніи любопытно то, что Кончезеро отдѣляетъ корельскія поселенія отъ русскихъ, на двухъ берегахъ его звучатъ два разныхъ языка.

Пертозеро, вдоль котораго шелъ дальнѣйшій путь, окружено діоритами—замѣчательными жильными мѣсторожденіями мѣдныхъ рудъ, когда-то разрабатывавшихся. Въ этихъ мѣстахъ населеніе, главнымъ образомъ, корельское. Кореловъ считается въ краѣ всего около 40,000 человѣкъ; корельскіе жители попадались и ранѣе по пути, въ Новгородской губерніи. Оттѣсненные новгородцами, обращенные въ христіанство 600 лѣтъ тому назадъ, корелы отодвинулись въ

болѣе глухія мѣста края, предоставивъ лучшія русскимъ. Они люди робкіе и довольно терпѣливо выносятъ данныя имъ клички: «корешки» и «бѣлоглазой корехи»; деревни ихъ большею частью бѣдны, не людны, отъ двухъ до шести дворовъ; церквей, часовень, крестовъ—множество: это память пустынножителей, что̀ не мѣшаетъ однако ставить свѣчу «празднику», не вѣдая имени святаго. Попадаются въ краѣ избы, построенныя 200 лѣтъ назадъ; избы кореловъ, большею частью, двухъ-этажныя, благодаря обилію лѣса, прочны, хороши; но это почти единственное что̀ свидѣтельствуетъ о благосостояніи: хлѣбъ пополамъ съ соломой и сосновою корой не рѣдкость. Охота и рыбная ловля здѣсь существенное подспорье крестьянскаго быта: оно и не мудрено, такъ какъ $^1/_6$ часть края—вода, $^5/_6$—лѣсъ. Рыбныя ловли бываютъ очень обильны: ловятъ рыбу неводами, мутниками, мережами, мордами; уловы на удочку даютъ иногда до двухъ пу-



Типъ крестьянской постройки въ Олонецкой губ.

довъ въ день: язь, сигъ, плотва, снятки, щука, окунь, ершъ—главная добыча.

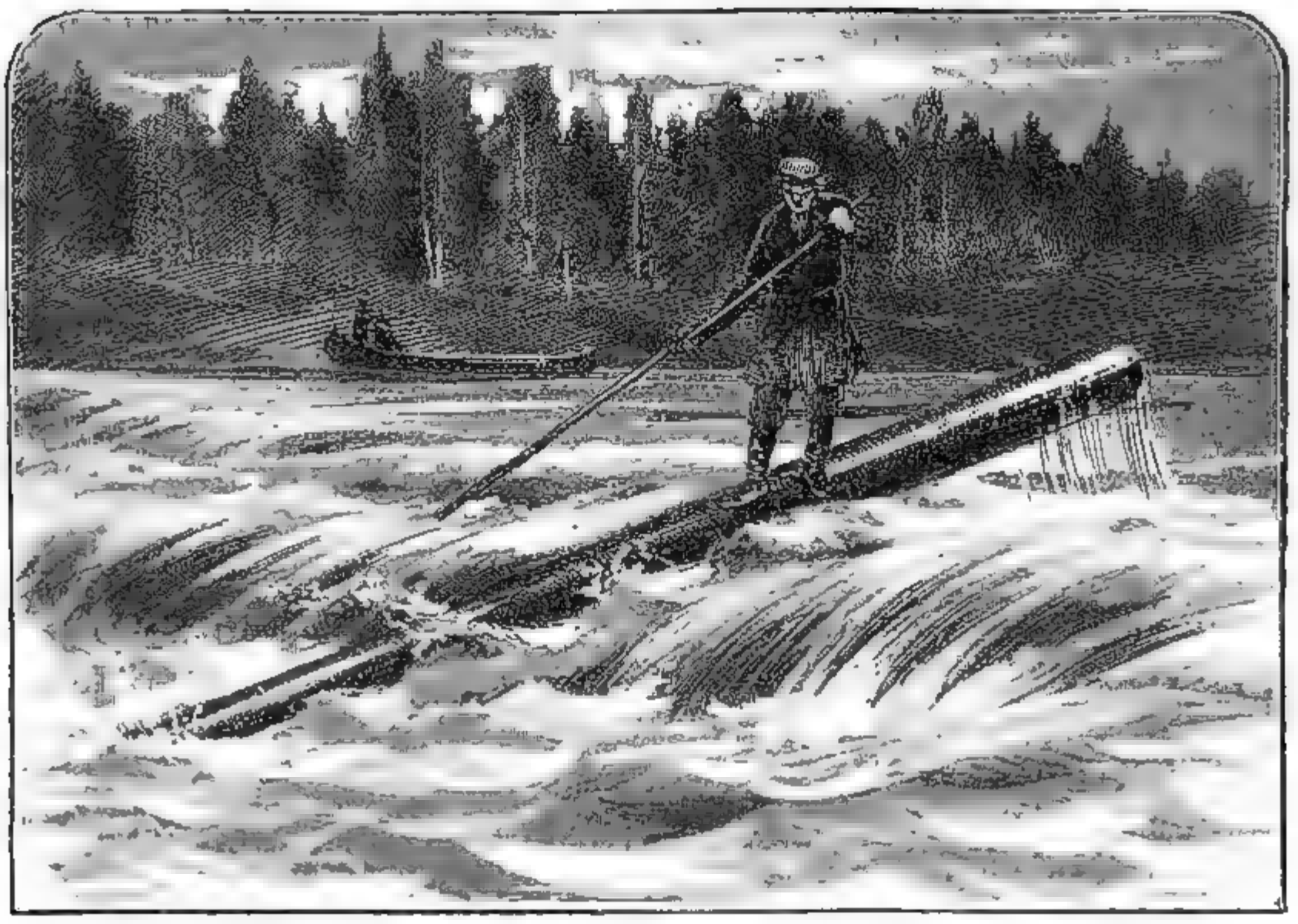
Близость къ водѣ обусловливала сильную вѣру въ водяниковъ и цѣлый циклъ легендъ и пѣсенъ. Тутъ, на сѣверѣ, нельзя, конечно, ожидать яркости южно-русскихъ сказокъ, гдѣ дѣва вдѣваетъ въ иглу солнечные лучи, и вышиваетъ ими на основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ косъ; тутъ больше сходства съ финскимъ эпосомъ, гдѣ пѣвецъ «Калевалы» говоритъ, что онъ «срываетъ пѣсни свои съ вересковъ», что «морозъ училъ его пѣснямъ и дождь принесъ слова».

Невидимый міръ существъ, по мнѣнію мѣстныхъ людей, населяетъ нашъ міръ и чудесно сжился съ христіанскими понятіями. По океану-морю, говоритъ одна изъ былинъ, плавали два гоголя: одинъ бѣлый—Господь, другой черный—Сатана. По повелѣнію Бога и благословенію Богородицы, Сатана поднялъ со дна моря горсть земли; изъ нея Богъ сотворилъ ровныя мѣста и поля, а Сатана—непроходимыя пропасти и овраги. Ударилъ Господь въ камень и создалъ силы небесныя; ударилъ Сатана—и создалъ свое воинство. Была великая война, и воинство Сатаны попадало на землю: кто въ лѣсъ—сталъ лѣсо-

викомъ, въ домъ—домовикомъ, въ баню—банникомъ, во дворъ—дворовикомъ, въ воду—водянымъ.

И крѣпка эта мѣстная вѣра въ безсчетную нечистую силу, залегающую повсюду; на человѣка можетъ она дѣйствовать только чрезъ посредство злыхъ людей, такъ называемыхъ «заклятыхъ». Живутъ эти заклятые въ особыхъ становищахъ въ Ишъ-горахъ и Мянь-горахъ; тамъ въ темную ночь—бѣлый день, нѣтъ конца строенію, пляскамъ, игрищамъ, яствамъ и питію. Не дай Богъ попасть къ нимъ!

Изъ трехъ водопадовъ рѣки Суны—Гирваса, Порпорога и Кивача—послѣдній самый значительный. Гирвасъ первый, считая отъ Петербурга, водопадъ на Сунѣ; видъ его очень живописенъ. Кивачъ стѣсненъ скалами и падаетъ однимъ уступомъ; Гирвасъ и Порпорогъ тремя и четырьмя каскадами.



По порогамъ.

Составить себѣ понятіе о красотѣ этихъ водопадовъ по однимъ описаніямъ невозможно:—надо ихъ видѣть самому. Ниже Кивача Суна имѣетъ нѣсколько уступовъ, но они проходимы, если лодкою управляютъ ловкіе и опытные рулевые. Суна течетъ въ красивыхъ возвышенныхъ, сплошь покрытыхъ березовымъ, сосновымъ и ольховымъ лѣсомъ берегахъ; быстрина рѣки по крайней мѣрѣ 15—20 верстъ (въ часъ). Суна рѣка сплавная: по ней проходитъ очень много лѣса. Иныя бревна, попавъ въ «падунъ» (водопадъ), выходятъ снова на свѣтъ цѣлыми, другія же разбиваются въ щепы; нѣкоторыя попадаютъ между камнями и образуютъ заломы. Для очищенія отъ «заломовъ» примѣняютъ

слѣдующій способъ: съ берега на берегъ протягиваютъ канатъ, по которому на блокѣ ходитъ подвижная люлька; въ люльку садится рабочій и, вися на бездной, накидываетъ на застрявшія бревна петли, посредствомъ которыхъ вытягиваетъ ихъ на поверхность воды.

Къ часу пополудни, въ самый жаръ, путники остановились въ лѣсу, въ глубокомъ облакѣ водяной пыли, на краю спуска съ высокой горы. Подлѣ, гдѣ-то, изъза деревьевъ, ревѣлъ Кивачъ. Необходимо было спуститься къ Кивачу не въ экипажахъ, а пѣшкомъ, потому что иначе они лишились бы удовольствія видѣть, какъ мало-по-малу, влѣво, изъ-за густой листвы и стволовъ деревьевъ, сквозь прозрачныя полуденныя тѣни, залегавшія въ лѣсу, мѣстами пронизанныя яркими снопами лучей солнца, неслись одинъ за другими, сначала бѣлыми клочьями, а потомъ огромными, бѣшеными, бѣлыми массами, вихрившіяся стремнины Кивача.

Еще нѣсколько шаговъ, и лѣсъ отступилъ совсѣмъ, и свирѣпый «падунъ» во всей своей дикой красѣ явился передъ путниками, влѣво отъ моста, перекинутаго черезъ Суну. Моста этого ранѣе не было, и не было поэтому лучшаго вида на Кивачъ, съ разстоянія какихъ-нибудь ста саженъ, прямо лицомъ къ лицу съ грознымъ водопадомъ, во всей совокупности богатаго пейзажа скалъ и лѣсовъ, обрамляющихъ его, съ большимъ павильономъ, поставленнымъ справа, и небольшою бесѣдкой съ лѣвой стороны. Подъ ногами зрителей уносились подъ мостъ истерзанныя пѣнившіяся струи воды, только что побывавшей въ водоворотѣ; множество столбиковъ бѣлой пѣны, которые по утрамъ и въ свѣжія ночи бываютъ очень характерны и высоки, точно плавающія башенки, двигались передъ глазами путешественниковъ съ замѣчательною быстротой, вальсируя по струямъ и группируясь самымъ фантастическимъ образомъ.

А влѣво, въ блескѣ полуденнаго солнца, высился самъ падунъ, неумолкаемый, вѣчный, чудесный, точно бѣлый царь этой глухой, далекой мѣстности, изрекающій какіе-то невѣдомые, все покрывающіе своими звуками законы.

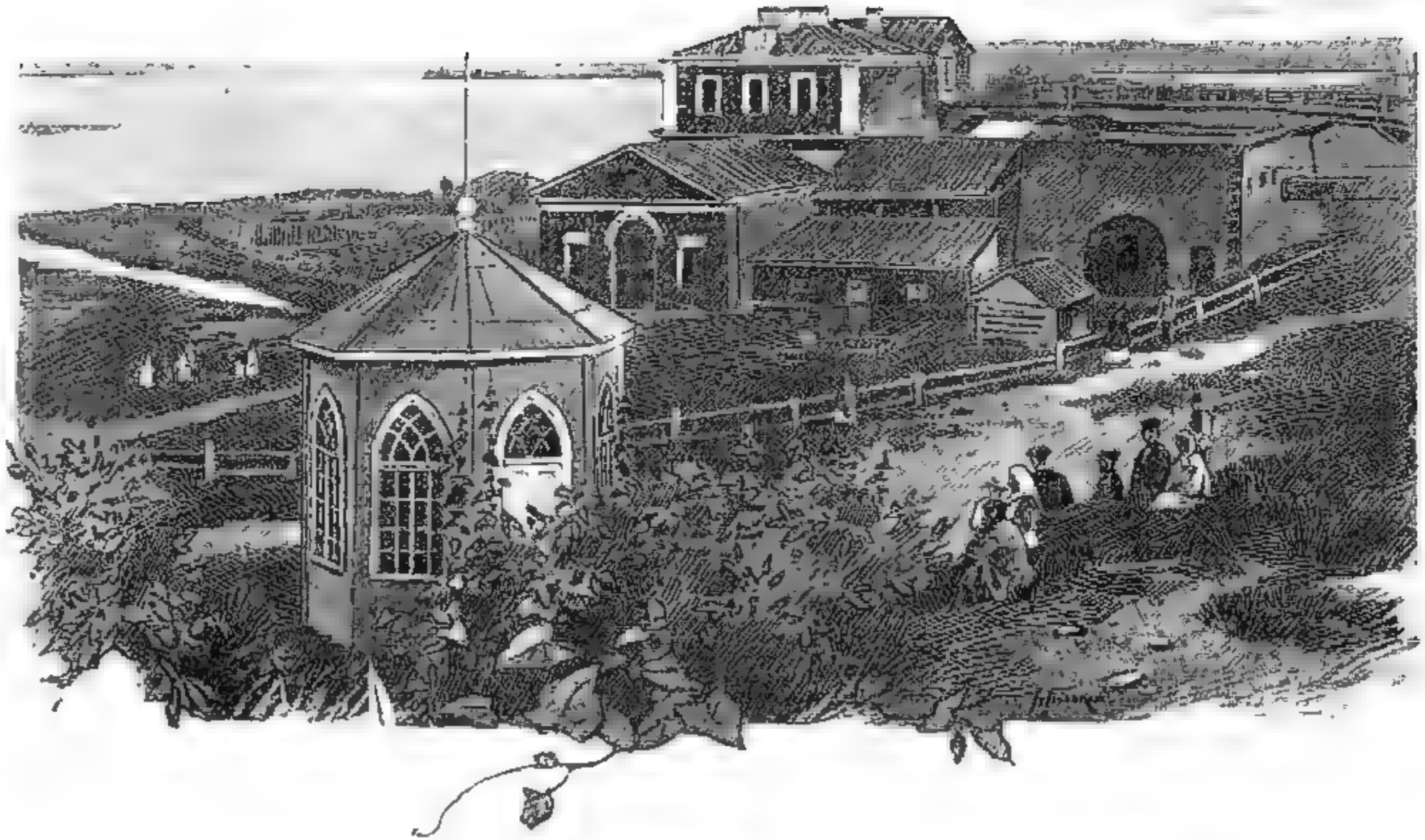
Чтобы подойти къ падуну вплотную, надо перейти Суну по мосту и взойти по деревяннымъ сходнямъ, влѣво отъ моста, къ павильону, построенному въ 1858 году къ пріѣзду императора Александра II. Павильонъ возвышается почти надъ самымъ водопадомъ, чуть-чуть пониже главной стремнины его.

Вблизи Кивачъ страшнѣе, величественнѣе своею семисаженною высотой, своими сердитыми, бѣлыми кудрями, но вы какъ-то не овладѣваете имъ, вы его не окидываете взглядомъ въ той несокрушимой рамѣ, которая ему назначена и которая такъ безподобна хороша при взглядѣ на него съ моста. Желтоватая вода Суны, точно ничего не предвидя, плавно, хотя и быстро подкатывается сверху къ водопаду; у самаго края его вы видите, какъ во всю ширину рѣки ее точно вздуваетъ; какъ бы слегка закипая, мощно изгибаясь, наливалась широкою, круглою грудью, струи рѣки сразу падаютъ въ стремнину, въ острый уголъ, образуемый двумя главными утесами. Что происходитъ тамъ, между этихъ двухъ утесовъ, этого не описать. Всѣхъ глаголовъ русскаго языка, изображающихъ стукъ и дѣйствіе, не хватитъ для этого описанія. Между молотами и наковальнями всѣхъ силъ и величинъ дробится вода въ грозномъ падунѣ.

Водопадъ Кивачъ въ Олонецкой губ.

Съ акварели профессора Боголюбова. Рис. И. А. Космаковъ, грав. Боярскій.

Домъ, гдѣ жилъ Г. Р. Державинъ, въ бытность олонецкимъ губернаторомъ, въ Петрозаводскѣ (1784—1785 гг.).
Съ фотогр. Пекарскаго, грав. М. Рашевскій.



Кончезерскій заводъ.

Лодка съ куклами, спущенная въ него, огромный плотъ съ зажженными на немъ грудами хвои, десятки балокъ—все это уходитъ въ него, поглощается. Говорятъ, что когда-то былъ такой смертный, который, попавъ въ водопадъ, увидѣлъ, пройдя его, свѣтъ Божій вторично. Трудно повѣрить. Должно быть, въ самомъ центрѣ водопада русло рѣки изрыто чрезвычайно глубоко, потому что огромныя пятисаженныя балки, попавъ въ него, пробывъ болѣе или менѣе долго подъ водой, выскакиваютъ изъ какихъ-то невѣдомыхъ глубинъ на $^3/_4$ своей длины, точно небольшіе карандашики. Отвести рѣку Суну человѣкъ можетъ, но узнать, что̀ дѣлается въ холодномъ кипѣньи падуна—никогда!

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подлѣ Кивача находили много орудій каменнаго вѣка: топорики, молотки, такъ-называемыя «громовыя стрѣлы» изъ змѣевика, обсидіана и гранита; въ настоящее время, говорятъ, ихъ больше не находятъ. Каменный вѣкъ, какъ полагаютъ, окончился за 3.000 лѣтъ до насъ; что̀ же это за люди жили здѣсь въ тѣ отдаленныя времена? Богатѣйшій въ мірѣ музей древностей каменнаго вѣка въ Стокгольмѣ изобилуетъ предметами того времени; но тамъ искали ихъ и находили; у насъ часто находятъ, не искавъ; ужъ нѣтъ ли здѣсь, подлѣ Кивача, чего-либо сходнаго съ найденными въ Даніи «Kjokkenmöddinge», со слѣдами прежней жизни, прежнихъ пиршествъ?

Кивачъ, какъ извѣстно, послужилъ Державину, бывшему олонецкимъ губернаторомъ, темою для знаменитаго стихотворенія его «Водопадъ». Особенной «алмазности» въ желтыхъ водахъ Суны нѣтъ, но это не мѣшаетъ красотѣ стихотворенія. Слѣдуетъ напомнить о томъ, что въ архивныхъ дѣлахъ Петрозаводска хранятся слѣды «пресмѣшнаго дѣла» о приводѣ медвѣдя въ присутствіе верхняго земскаго суда; казусная исторія эта осталась не безслѣдною и въ служебной карьерѣ самого Державина, бывшаго, какъ говорятъ, губернаторомъ не знаменитымъ. Кстати будетъ замѣтить, что въ Петрозаводскѣ сохраняется еще небольшой одноэтажный деревянный домъ, гдѣ жилъ Державинъ въ 1784—1785 гг., когда былъ олонецкимъ губернаторомъ; онъ находится возлѣ зданія присутственныхъ мѣстъ. Академикъ Гротъ, осмотрѣвшій этотъ домъ въ 1863 г., нашелъ его пустымъ и перестроеннымъ.

На обратномъ пути отъ Кивача въ Петрозаводскъ путешественники присутствовали въ Кончезерскомъ заводѣ при выпускѣ изъ доменной печи чугуна. Выпущено было около 250 пудовъ; заводъ выплавляетъ ежегодно до 40.000 пудовъ, но могъ бы плавить и свыше 100.000. Недалеко отсюда находятся цѣлебныя желѣзныя воды. Дѣйствіе ихъ на себѣ, на «сердечной болѣзни», испыталъ крестьянинъ Рябоевъ; Петръ I далъ ему обѣльную грамоту, крестьяне звали его бояриномъ, потомки зовутся Бояриновыми. Открыты воды въ 1714 году. Петръ I считалъ ихъ цѣлебнѣе Спа и Пирмонта и пользовался ими въ 1719 году; здѣсь изданъ былъ манифестъ о первой народной переписи, регламентъ коммерцъ-коллегіи и назначены экспедиціи въ Сибирь, Хиву и Бухару.

Охота на Климецкомъ островѣ.

Охота въ Олонецкомъ краѣ. Мѣстные стрѣлки. Историческое и преданія. Облава. Отъѣздъ къ Вознесенью.

Охота и Олонецкій край, это понятія нераздѣльныя. Лѣса Олонецкой губерніи обширнѣе лѣсной поверхности всей Франціи. По непроглядным дебрямъ, трущобамъ, разрѣженнымъ только по лядинамъ и вдоль сплавныхъ рѣкъ, между различныхъ хвойныхъ деревьевъ, березы, осины, ольхи, въ кустахъ шильника, крушины и волчьяго лыка, въ глубокихъ логовинахъ, по оврагамъ и болотамъ, въ цѣлыхъ поколѣніяхъ никѣмъ не подбираемыхъ вѣтвей и остатковъ сухоподстоя, звѣрю живется вольготно и хорошо. Главными являются тутъ медвѣдь, волкъ, лисица; есть барсуки, рысь и россомахи; очень рѣдокъ песецъ, такъ хорошо знакомый намъ по дамскимъ дорогимъ ротондамъ. Всѣмъ хищникамъ есть пожива въ крестьянскомъ скотѣ. Медвѣдя зовутъ здѣсь «помѣщикомъ», овецъ—«волчьими просвирками».

Главное мѣсто въ промышленномъ отношеніи занимаетъ векша, бѣлка; по свѣдѣніямъ, за точность которыхъ, впрочемъ, ручаться нельзя, за десятилѣтнюю сложность, ея убивается около 150.000 штукъ ежегодно. На нее, какъ и на хлѣбъ, бываетъ урожай и неурожай; есть бѣлки «таборныя», остающіяся на мѣстѣ; есть «ходовыя», предпринимающія большія путешествія и не стѣсняющіяся при этомъ въ выборѣ пути: онѣ странствуютъ по крышамъ избъ и, повидимому, согласно увѣреніямъ мѣстныхъ жителей, переплывая озера на хворостинкахъ, дѣйствительно пользуются хвостами своими какъ парусами.

Много тутъ оленей, лосей, а птицъ видимо-невидимо. Какъ бѣлка въ числѣ грызуновъ, такъ рябчикъ между куриными занимаетъ первое мѣсто. Цѣна ему здѣсь пятнадцать копѣекъ; направляясь гужомъ въ Петербургъ зимой, онъ, какъ извѣстно, доходитъ въ цѣнѣ до семидесяти и болѣе копѣекъ. Среднимъ числомъ, рябчиковъ добывается въ годъ до 100.000 штукъ. На долю ружья прихо-

дится мало, а все больше работаютъ петлями, поножами, ловятъ ихъ въ кузовы или ступы.

Олончане, у которыхъ хлѣба дозрѣваютъ далеко не всегда, въ большинствѣ охотники, особенно въ Повѣнецкомъ уѣздѣ — чуть не всѣ поголовно. Между ними есть стрѣлки, бьющіе бѣлку въ глазъ, для того, чтобы не испортить шкурки. Но бьютъ они больше съ подставокъ, «виляновъ», чтобы не тратить даромъ пороха, да и ружья-то ихъ «стволъ со Щукина, ложе съ Лыкина, замокъ съ Казани, курокъ съ Рязани, а забойникъ дядя съ полѣна сдѣлалъ». Такими ружьями стрѣлять страшно. Такъ какъ олончане предпочитаютъ стрѣлять съ подставокъ и на близкой дистанціи, то изъ нихъ, по отзывамъ военныхъ людей, стрѣлки выходятъ посредственные. Это не мѣшало однако тому, что въ 1812 году, когда 570 олонецкихъ стрѣлковъ составили дружину и имъ дали тирольскіе штуцера, на смотру императора Александра I, одинъ всадилъ пулю въ яблоко, другой пулю въ пулю, а третій расщепилъ ихъ пополамъ.

Относительно птицъ здѣсь есть все, что угодно; большинство водяныхъ зимуютъ въ полыньяхъ, водохожахъ. По лѣсамъ попадается множество избушекъ; это мѣста пристанищъ для охотниковъ: одинъ поставилъ, а десятки пользуются; оріентируются охотники по корѣ деревьевъ; кто посмѣлѣе, тотъ отваживается и дальше отъ дома, и тогда вооружается компасомъ, такъ называемою «маткой»; подлѣ избушекъ на деревьяхъ устраиваются для храненія добычи и пищи «лавасы»; съ этихъ лавасовъ бьютъ на падаль медвѣдей.

На Аксинью полузимницу, говорятъ, медвѣдь переворачивается въ своей берлогѣ. Относительно медвѣдя есть тутъ одинъ разсказъ, напоминающій Пушкинскаго «Рыбака и рыбку». Вотъ онъ. Въ Кривомъ Поясѣ, Пудожскаго уѣзда, жилъ старикъ со старухой и она вела надъ мужемъ «большину»; старикъ началъ рубить дерево; оно взмолилось и исполнило два его желанія; третьимъ желаніемъ старухи было то, чтобы «всѣ ихъ боялись», и дерево обратило обоихъ въ медвѣдя и медвѣдицу; такъ они и гуляютъ до сихъ поръ и всѣ ихъ боятся.

Есть и другой разсказъ, но уже не касающійся охоты, имѣющій значительное сходство съ Гоголевскимъ «Віемъ»: это объ Иванѣ купецкомъ сынѣ. Въ немъ имѣетъ мѣсто смерть одного изъ двухъ товарищей, чтеніе надъ нимъ молитвъ, поползновеніе мертваго съѣсть живого и просьба его открыть ему глаза, чтобъ увидѣть. Дѣйствіе происходитъ на Грумантѣ.

Говоря объ олонецкой охотѣ, невозможно не вспомнить объ удивительной мѣстной собакѣ «лайкѣ», сильно смахивающей по внѣшности на волка и являющейся незамѣнимою при ея своеобразныхъ нападеніяхъ на медвѣдя. Она подлаиваетъ также глухарей и бѣлокъ, гонитъ оленя и лису; завидя птицу, собака занимаетъ ее своимъ лаемъ, а охотникъ, тѣмъ временемъ, подкрадывается и бьетъ.

Какъ ни борются мѣстные крестьяне противъ звѣря, онъ все-таки сильно хозяйничаетъ. Полезнѣе ружей являются тутъ всякіе капканы, пасти, кляпцы, ямы, огородки, иногда очень остроумные, тѣмъ не менѣе, на бѣдную Олонецкую губернію ежегодный убытокъ отъ звѣря ложится довольно крупною суммой въ 50.000 рублей. Эта сумма вовсе не шуточная тамъ, гдѣ до сихъ поръ суще-

Климецкій монастырь.

К. К. Случевскій. „По Россіи".

Волчья Смерть.

ствуютъ берестяные сапоги, сбруя, домашняя утварь, любопытные образцы которыхъ имѣются въ этнографическомъ музеѣ, находящемся въ домѣ губернатора и составленномъ по почину бывшаго начальника губерніи.

Климецкій островъ,—одно изъ самыхъ добычливыхъ мѣстъ для охоты ружьемъ; на юго-западной оконечности его находится небольшой монастырь; островъ имѣетъ около тридцати верстъ длины, при значительно меньшей ширинѣ отъ 400 саж. до десяти верстъ; жителей на немъ 2.500 человѣкъ. Монастырь основанъ въ началѣ XVI вѣка сыномъ новгородскаго посадника, торговавшимъ бѣломорскою солью, постригшимся въ монахи и признаннымъ святымъ подъ именемъ Іоны Климецкаго. Онъ былъ выброшенъ бурей на «Луду», гдѣ и обрѣлъ на можжевеловомъ кустѣ св. икону. Въ 1865 году мѣстные крестьяне, выведенные изъ терпѣнія хищничествомъ волковъ, остающихся на островѣ по вскрытіи озера, рѣшили дѣлать ежегодныя облавы. На островѣ много сѣнокосовъ и много скота. Облава собирается обыкновенно на самомъ сѣверномъ краю острова, становится поперекъ его и гонитъ на югъ въ теченіе двухъ дней; къ концу этого времени люди подходятъ къ мѣсту, называемому Волчьей Смертью; это самое узкое мѣсто острова, — кажется, не болѣе полуверсты шириной. Звѣрь весь загнанъ на югъ, къ монастырю. Облава останавливается, загораживаетъ островъ во всю ширину изгородью, оставляя посрединѣ ея свободное мѣсто саженъ во сто ширины, на которомъ въ три ряда разставляются сѣти. Исполнивъ это, крестьяне идутъ въ монастырь всею громадой помолиться и затѣмъ гонятъ звѣря обратно съ юга на сѣверъ, прямо въ сѣти. Говорятъ, что въ прежнее время въ сѣтяхъ убивали палками до пятидесяти волковъ.

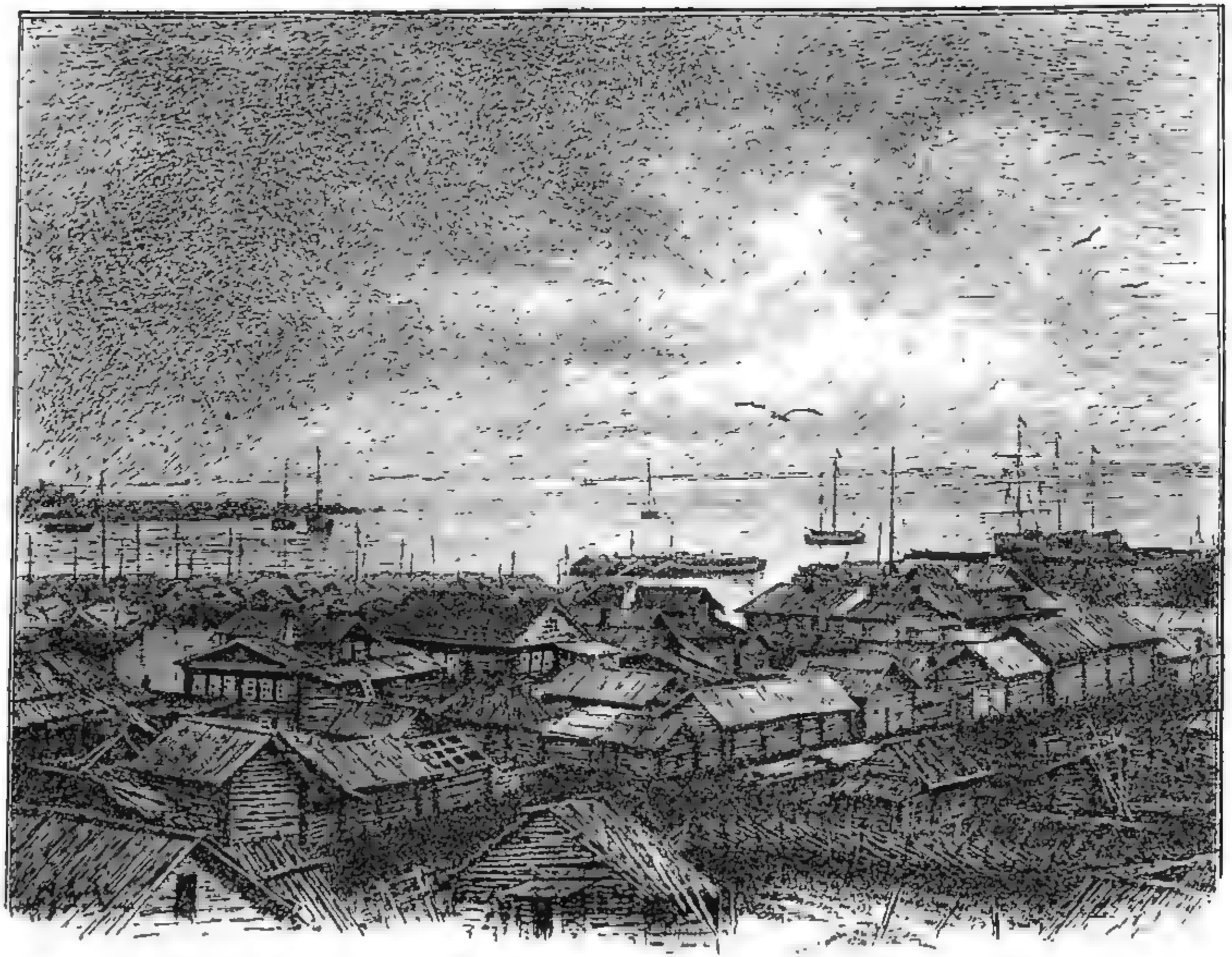
День отъѣзда къ Вознесенію былъ прекрасный, теплый, тихій; на озерѣ стоялъ почти штиль. Вдали, на сѣверѣ, легкій туманъ заволакивалъ водяную равнину. Тамъ, на сѣверѣ, гдѣ сгущался туманъ, находится Палеостровскій монастырь, извѣстный самосожженіемъ 2.000 раскольниковъ. Еще выше, но по тому же направленію, процвѣтали когда-то Данилозскій и Лексинскій раскольничьи монастыри. Это теперь почти такой же миѳъ, какъ и онежскій водяной царь, къ которому, какъ говоритъ легенда, ходитъ играть въ кости царь Кушмозера, въ тѣ дни, когда Кушмозеро отъ поры до времени высыхаетъ. Путь лежалъ на Вознесенье, къ истоку Свири. Около полудня легкій вѣтеръ зарябилъ дремавшую до того волну; четыре парохода шли одинъ за другимъ полнымъ ходомъ.

Вознесенье. Лодейное-Поле.

Значеніе Вознесенья для нашихъ водныхъ системъ. Характеръ р. Свири. Лоцмана. Историческое о 1812 годѣ. Лодейное-Поле, родина балтійскаго флота.

Приблизительно около шести часовъ вечера, 16-го іюня, пароходъ подошелъ къ истоку Свири, къ Вознесенью. Собственно говоря, до вечера было далеко, потому что солнце стояло еще очень высоко и великая гладь лежавшаго позади Онежскаго озера, безмолвный, свѣтлый, голубой штиль и низменные берега, гдѣ песчаные, гдѣ поросшіе мелкимъ кустарникомъ, были залиты горячимъ свѣтомъ.

Подъ общимъ именемъ Вознесенья разумѣютъ какъ Вознесенскую слободу на правомъ берегу начинающейся тутъ Свири, такъ и Намойные-Пески, лежащіе на лѣвомъ, южномъ берегу. Населеніе совершенно соотвѣтствуетъ послѣднему названію: оно тоже «намывается» сюда во время хода каравановъ. Постоянно новое, движущееся, нестрое, оно проскальзываетъ по пути къ Петербургу со всего неоглядnаго бассейна Маріинской системы. Больше чѣмъ на тридцать милліоновъ рублей проходитъ здѣсь всякаго добра, главнымъ образомъ хлѣба. Отъ Кавказа и Урала протягиваются сюда, къ этому узлу, нити изъ шестнадцати хлѣбороднѣйшихъ губерній, и какъ-то странно, невѣроятно видѣть въ такомъ важномъ путейскомъ пунктѣ такіе маленькіе деревянные дома, такую утлую обстановку. Съ устройствомъ Онежскаго обводнаго канала въ 1851 году, вся судоходная дѣятельность перешла изъ Вытегры въ Вознесенье. Есть тутъ три каменныя церкви, телеграфная и спасательная станціи и Вознесенскій мореходный классъ, и почтовое отдѣленіе, и Вознесенское образцовое училище, и тѣмъ не менѣе это все-таки наша «деревянная» Россія. Чувствуется, что глубокая восьмимѣсячная зима покрываетъ это мѣсто неоглядными сугробами снѣга, и тогда отъ лѣтняго Вознесенья нѣтъ и помину.



Село Вознесенье, Истокъ Свири.

Въ Вознесеньѣ пожарная часть въ прекрасномъ порядкѣ. Хорошее устройство рѣчной пожарной части въ такомъ важномъ промышленномъ пунктѣ, гдѣ паузятъ сотни судовъ и до полусотни буксировъ, при небрежности присущей русскому человѣку вообще и пестротѣ проплывающаго народа въ частности,— вопросъ большой важности. Когда была произведена пожарная тревога, по данному свистку путейскій пароходъ, находящійся всегда подъ парами, двинулся по указанному направленію, буксируя паровую машину. Въ водѣ недостатка не было, и машина, выбрасывающая до шестисотъ ведеръ въ минуту, и брандспойтъ парохода, ее подтянувшаго, не замедлили окатить огромными массами воды одну изъ барокъ, крытую деревянною кровлею. Брандспойтъ путейскаго парохода «Ледоколъ» выбрасывалъ до тысячи ведеръ въ минуту. Понятно, что во-время захваченному огню трудно распространиться. Значительною помощью являются имѣющіеся налицо въ достаточномъ количествѣ казенные войлоки, очень приличныхъ размѣровъ, назначенные для покрышки судовъ въ защиту отъ искръ. Оттаскиваніе загорѣвшагося судна не всегда можетъ удаться, вслѣдствіе загроможденія и цѣлой сѣти якорныхъ канатовъ и причаловъ сосѣднихъ судовъ; кромѣ того, именно канаты сгораютъ быстро, и напоръ судовъ, лишенныхъ якорей, на другія, ниже стоящія, при быстромъ теченіи Свири, можетъ причинить не меньшую бѣду, чѣмъ пламя; остается потопить судно, къ чему и прибѣгаютъ. Къ счастью, благодаря, конечно, предупредительнымъ мѣрамъ, въ Вознесеньѣ крупныхъ случаевъ пожаровъ не бывало, а только-что упомянутая пожарная тревога была не только картинна. но и показала воочію силу противодѣйствія огню, если бы представилась надобность. Досталось отъ воды и баркѣ, и войлокамъ, и людямъ.

Свирь у самаго истока своего кажется рѣкою могучею, способною поспорить въ размѣрахъ съ Невою: но это только кажется, потому что она несетъ 85 кубическихъ саженъ воды, тогда какъ Нева проноситъ ихъ вчетверо—340. Когда-то, но уже очень давно, Свирь была страшна своими порогами; теперь ихъ почти не существуетъ и обозначаются они только стремнинами; наиболѣе любопытный изъ пороговъ такъ-называемый Сѣдяха съ двумя рядами камней; самые сильные—Сиговецъ и Медвѣдецъ; слабѣе ихъ—Пупырыши и Собачья Дыра.

Лоцманъ, явившійся на пароходъ и не отходившій болѣе отъ руля, былъ однимъ изъ представителей «лоцманскаго общества». Лоцмана учреждены со времени Петра, поселившаго ихъ подлѣ Свири; при Екатеринѣ II они были освобождены отъ воинской повинности и этими правами пользуются до сихъ поръ; они приписаны къ станціямъ, поступаютъ сначала въ ученики, становятся лоцманами только при открывшейся вакансіи и получаютъ вознагражденіе по таксѣ; за проводъ парохода по Свири въ оба конца лоцманъ беретъ 50 руб., за большую барку въ конецъ—26 руб.; лоцманами завѣдуетъ выборный сотскій.

По мѣрѣ движенія парохода по Свири, наступала довольно свѣжая, туманная ночь, и у Пидмы пришлось остановиться. Съ близкаго берега слышались дергачи и коростели. Разсчитано было двинуться въ дальнѣйшій путь утромъ, такъ чтобы поспѣть въ Лодейное Поле къ обѣднѣ, въ воскресенье, 17-го іюня.

Рѣка Свирь. Селенье Важины.

Къ воскресенью народонаселеніе Свири разрядилось особенно пестро и обрамляло почти сплошь оба берега. Взглянувъ на эти праздничныя одѣянія, слушая эти клики, нельзя было не вспомнить, что и надъ Свирью проходили тяжелыя минуты въ нашей исторической жизни. Правда, Свирь лежала всегда далеко въ сторонѣ отъ прогулокъ шведовъ; никакихъ крупныхъ сраженій тутъ не происходило; но когда, въ 1812 году, рѣшались судьбы Бородина и Москвы, и съ высоты престола объщано было не влагать меча въ ножны, доколѣ не останется ни одного врага въ отечествѣ, когда вовсе еще не было извѣстно, на Петербургъ или Москву пойдетъ Наполеонъ,—въ Олонецкую губернію были отправлены изъ Петербурга разныя сокровища. На 24 ластовыхъ судахъ прошли Свирью въ Вытегру вещи изъ Эрмитажа и Кабинета; въ Петрозаводскъ переведены были педагогическій институтъ и гимназія; въ Петрозаводскъ же на одномъ бригѣ, четырехъ доншкоутахъ и одной соймѣ отправлены были дѣла и вещи департамента народнаго просвѣщенія, медицинской академіи, академіи наукъ и публичной библіотеки. Дальнѣйшія судьбы войны показали, что это было напрасно, но хорошо должно было быть впечатлѣніе, произведенное этими отправками на жителей тогдашняго рѣчного побережья? Это время давно минувшее; самыя имена судовъ, на которыхъ перевозъ совершался — бригъ, доншкоутъ — устарѣли, но воспоминаніе объ этихъ тяжкихъ дняхъ, пережитыхъ Россіею такъ доблестно, возникало само собою, какъ историческій контрастъ, при взглядѣ на наряженное населеніе Лодейнаго-Поля.

Лодейное-Поле раскинуто довольно высоко по лѣвому берегу Свири и стоящій вблизи соборъ окруженъ тѣнистыми деревьями; тутъ же, подлѣ, чугунный памятникъ, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ Петра Великаго. Памятникъ этотъ представляетъ пирамиду, съ двуглавымъ орломъ на верху; на самой пирамидѣ медальонъ Петра Великаго и надпись о его благодѣяніяхъ городу; сооруженъ въ 1820 году мѣстнымъ купцомъ Сафоновымъ. Ничто, ничто рѣшительно не напоминаетъ объ историческомъ значеніи Лодейнаго-Поля; жителей въ городкѣ съ небольшимъ только 1000 человѣкъ, каменныхъ домовъ три, деревянныхъ 153; но такъ какъ это уѣздный городъ, то въ немъ живутъ представители административныхъ учрежденій. Отъ исторіи осталось тутъ только одно—имя, происшедшее отъ слова: «ладья». Отсюда пошли въ Балтійское море первыя суда, построенныя Петромъ Великимъ; тутъ, слѣдовательно, на этомъ мѣстѣ, проблески мысли великаго монарха сосредоточивались на ладьяхъ, на простыхъ ладьяхъ, которымъ судьба была вырасти въ корабли и преобразить судьбы всего Сѣвера. Для тѣхъ, кто любитъ науку о языкѣ, кто вѣритъ въ органическую силу слова и звука, переживающаго камни и желѣзо, имя Лодейное-Поле прекрасный образчикъ; съ 1702 года, когда тутъ поставлена была первая наша верфь, по настоящее время, меньше чѣмъ въ 200 лѣтъ, погибли всѣ слѣды, всѣ рѣшительно, кромѣ имени,—и имя это почтенно. Въ память того, что въ Лодейномъ-Полѣ началось впервые строеніе судовъ русскими людьми, Петръ подарилъ городу штандартъ съ «перваго русскаго фрегата», вышедшаго изъ Лодейнопольской верфи.

Выходъ парохода въ Ладожское озеро вызывалъ нѣкоторыя опасенія; зыбь

Лодейное-Поле.

поднималась довольно сильная и обусловливала качку. Судно направилось на юго-западъ, по пути къ Новой Ладогѣ, наперерѣзъ угла озера, и шло, держась средины между двухъ, еле виднѣвшихся, маяковъ. Справа надъ темной водою ярко бѣлѣлъ Торпачекъ; влѣво, на берегу, маякъ Стороженскій.

Новая-Ладога. Шлиссельбургъ.

Новая-Ладога. Соборъ. Георгіевская церковь. Память Суворова. Шлиссельбургъ—древній Орѣшекъ. Центръ борьбы русскихъ и шведовъ. Историческое. Осада и взятіе Петромъ I. Осмотръ достопримѣчательностей. Ситценабивная мануфактура. Возвращеніе въ Петербургъ.

Къ вечеру зыбь на Ладожскомъ озерѣ все еще продолжалась, когда на низменномъ, южномъ берегу его, къ которому направлялся пароходъ и который возникалъ тоненькой темной полоской, обозначились бѣлыми точками, одна возлѣ другой, церкви Новой-Ладоги и Сясьскихъ-Рядковъ. Между ними десять верстъ разстоянія, а онѣ казались такъ близки одна къ другой.

Къ девяти часамъ вечера пароходъ вошелъ въ рѣку Волховъ, и на пристань Новой-Ладоги, на лѣвый берегъ, брошены были причалы съ парохода. На берегу, какъ и вездѣ, множество народа. Весьма любопытенъ по своей архитектурѣ мѣстный соборъ. Чудотворная икона Св. Николая вдѣлана почему-то въ наружную стѣну собора на очень значительной высотѣ, такъ что снизу ничего не видно; этому необыкновенному помѣщенію иконы должна быть своя историческая причина, разъясненіе которой весьма желательно. Въ самомъ храмѣ нѣсколько очень древнихъ иконъ XIV, XV и XVI столѣтій. По надписямъ на двухъ изъ нихъ видно, что онѣ сооружены въ первыхъ годахъ XVI вѣка. Церковь на этомъ мѣстѣ существуетъ съ незапамятныхъ временъ, такъ какъ объ урочищѣ Медвѣдкѣ, отъ котораго получилъ свое имя здѣсь стоявшій монастырь Медвѣдскій, упоминается въ договорныхъ грамотахъ очень рано. Это урочище Медвѣдка, которому теперь нѣтъ и слѣдовъ, было крайнимъ пунктомъ старинныхъ владѣній Новгородскихъ на востокъ.

Отъ собора путь лежалъ въ Георгіевскую церковь, во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, построенную въ 1764 году, полковымъ командиромъ Суздальскаго пѣхотнаго полка Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ. Это довольно любопытное совпаденіе имени Суворова съ именами древнѣйшихъ вождей русскихъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя путники посѣщали. Тамъ, въ Нов-

городской губерніи, село Кончанское и Синеусова столица на Бѣлоозерѣ, тутъ—церковь, построенная будущимъ генералиссимусомъ, и очень недалеко отъ нея, къ югу, только въ тринадцати верстахъ, Рюрикова крѣпость, подлѣ Старой-Ладоги. Въ церкви имѣется между прочимъ гипсовый бюстъ Суворова, поставленный вправо отъ входа, лицомъ къ алтарю. Сходства нѣтъ рѣшительно никакого; изображенъ не тотъ, всѣмъ намъ знакомый, характерный, почтенный, сухощавый обликъ предводителя екатерининскихъ орловъ, рѣзавшаго «правду-матку», а лицо какого-то чрезвычайно довольнаго собою, сытаго, откормленнаго, офранцуженнаго вельможи! Новая-Ладога—городъ купеческій, изобилующій каменными постройками; тутъ выходъ судовъ изъ системъ Вышневолоцкой и Тихвинской, тутъ большая дорога свирскихъ, сясьскихъ и ладожскихъ каналовъ.

Былъ поздній часъ вечера, когда пароходъ снова двинулся въ открытое озеро, для слѣдованія въ Шлиссельбургъ. Влѣво отъ парохода, на яркомъ красно-желтомъ, искрившемся фонѣ долгаго заката вырисовывались острыя, высокія профили собора и церкви Св. Климента, шпили ихъ колоколенъ и куполочки. Мотивъ подобной окраски неба не разъ бывалъ схваченъ нашими художниками Мещерскимъ, Лагоріо и другими и относится къ числу лучшихъ въ нашей сѣверной природѣ, въ нашихъ бѣлыхъ лѣтнихъ ночахъ. Плаваніе по Ладожскому озеру было удачно; вѣтеръ стихъ и качки не было. По словамъ лоцмана, въ іюнѣ вода бываетъ «мягкая», вѣтеръ скользитъ по ней и мутить не можетъ.

Около восьми часовъ утра судно приблизилось къ Шлиссельбургу, послѣднему исторически-важному пункту въ кончавшемся первомъ путешествіи. Идя на створъ маяковъ, оно подошло очень близко къ сѣверу-западному берегу озера, покружась достаточно между вѣхами, обозначающими ломанный фарватеръ. Шлиссельбургская крѣпость съ ея древними башнями и стѣнами на островѣ, часовенька влѣво съ чудотворною иконой, стоящая у входа въ каналы, павильонъ надъ реликвіями, оставшимися послѣ Петра I, городъ съ его церквами, а въ глубинѣ знаменитая Преображенская гора и зданіе ситценабивной мануфактуры обрисовывались одни за другими. Набережная, пристань, суда, стоявшія на рейдѣ, все это пестрѣло народомъ.

Здѣсь, у древняго Орѣшка, путники стояли снова на такой же древней почвѣ, какъ въ Боровичахъ и Устюжнѣ. Уже въ XI вѣкѣ Ижора, Вотъ, Ямь и Корелія принадлежали Великому Новгороду, подъ именемъ Вотской пятины. Исторія гласитъ, что всякій новгородецъ дѣлался владѣльцемъ земли, взятой имъ съ оружіемъ въ рукахъ или купленной; позже частныя владѣнія перешли къ Великому Новгороду. Уже въ 1164 году шведы напали на мѣстныхъ финновъ, что и послужило первою причиною столкновенія ихъ съ русскими, и столкновенія эти продолжались—легко сказать—пятьсотъ-пятьдесятъ-семь лѣтъ!

Орѣшекъ—Нотеборгъ по-шведски—повторяется въ сказаніяхъ лѣтописныхъ съ 1323 года, когда новгородцы заложили здѣсь деревянную крѣпость, при первыхъ нападеніяхъ шведовъ на корельскія волости съ явнымъ намѣреніемъ утвердиться на Невѣ. Значеніе Невы для своихъ торговыхъ оборотовъ хорошо понимали граждане древняго Новгорода и употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, чтобы не допустить шведовъ укрѣпиться на Невѣ. Съ 1300 г.

шведы предпринимаютъ однако систематическій рядъ походовъ какъ изъ Выборга; основаннаго въ 1293 г., такъ и изъ западной Финляндіи и прямо изъ Швеціи, съ очень значительными силами, для овладѣнія Невою. Невскій бой на Ижорѣ, 15-го іюля 1240 г., былъ началомъ этой упорной борьбы ихъ съ русскими; основаніе Ландскроны, 1300 г., было вторымъ дѣйствіемъ ясно опредѣлившагося предпріятія, а укрѣпленіе, поставленное новгородцами на Орѣховомъ островкѣ, съ цѣлью запереть прорывъ шведовъ въ Ладожское озеро, служитъ доказательствомъ сознанія новгородцами того, что если входа въ Неву съ моря, при своихъ тогдашнихъ средствахъ, они запретить не могутъ, то могутъ сдѣлать—и сдѣлали—иное. Въ тѣ дни держать войско постоянное еще не было въ обычаѣ ни у кого, кромѣ монгольскаго хана; оставалось одно—укрѣпляться.

Осенью, въ 1323 г., на новгородское укрѣпленіе Корелу (Кексгольмъ по-шведски) шведы напали безъ объявленія войны, тайкомъ, но не могли взять его. Въ отместку за это князь Юрій Даніловичъ съ новгородцами, въ 1323 г., предпринялъ походъ къ Выборгу. Русскіе поставили 6 батарей, по тогдашнему «пороковъ», построенныхъ «порочными мастерами», и вооружили ихъ таранами; пушекъ и пороха въ тѣ дни не было; разбить массивныя стѣны они не могли, но перебили изъ луковъ множество народа, во многихъ бояхъ и схваткахъ осады, продолжавшейся цѣлый мѣсяцъ. Возвращаясь отъ невзятаго Выборга, князь Юрій построилъ на островкѣ, поросшемъ орѣшникомъ, въ истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, небольшое деревянное укрѣпленіе, назвавъ его Орѣховымъ, по мѣстности. Не успѣли еще отойти отсюда новгородскія силы, какъ прибыли послы шведскіе просить мира, и онъ былъ заключенъ въ только-что построенной крѣпостцѣ на основаніи прежнихъ трактатовъ. Спустя десять лѣтъ, новгородцы посадили въ Орѣховомъ острогѣ правителемъ окрестныхъ волостей и защитникомъ Невской стороны литовскаго князя Нариманта Гедиминовича, а въ 1338 году пришлось имъ сосредоточить значительныя силы, когда явившіеся въ Неву шведы чуть не овладѣли острогомъ на островѣ и сдѣлали набѣгъ на Ладогу. Въ 1347 г. явился въ Неву шведскій король Магнусъ и овладѣлъ, 1-го августа, Орѣховомъ. Но новгородцы осадили въ немъ шведовъ и взяли крѣпость приступомъ 25-го февраля 1348 г. Въ 1350 г. къ крѣпости еще разъ подходили шведы, и новгородцы, прогнавъ ихъ, въ 1352 году заложили прочныя каменныя башни и соединили ихъ стѣною. Благословить сооруженіе и помогать строить пріѣзжалъ архіепископъ Василій. Крѣпкія стѣны защищали до 1610 года, когда, въ лихолѣтье, попавъ въ шведскія руки, Орѣшекъ оставался во владѣніи ихъ девяносто-два года.

Въ 1702 году воздвиглась, для того чтобы никогда уже не погаснуть въ воспоминаніи народномъ, чудесная картина взятія Орѣшка Петромъ Великимъ. Вотъ что произошло.

Петръ I, пройдя дебрями олонецкими и протащивъ по суху на 200-тъверстномъ разстояніи два фрегата, явился со своими гвардейцами въ Ладогу въ сентябрѣ, откуда и двинулъ силы къ Орѣшку. Осада началась съ южнаго берега, позже—съ обоихъ береговъ.

Крупная фигура царя-бомбардира такъ и рисуется подлѣ почтеннаго

облика фельдмаршала Шереметева, начальствующаго надъ осаждающими городъ войсками. Войска эти молодыя, войска эти воодушевленныя, и какой бомбардиръ подлѣ нихъ! Который день однако длилась осада; стѣны и башни Орѣшка, освященныя архіепископомъ Василіемъ, оказывались совсѣмъ крѣпкими, гарнизонъ стоекъ и опытенъ, и Шлиппенбахъ, имъ начальствовавшій, тоже не промахъ. Тратилась наша боевая сила, порохъ и чугунная казна, а со стороны Невы, открытой шведамъ, то и дѣло прибывали къ нимъ и припасы, и подкрѣпленія.

Тогда возникаетъ въ Петрѣ I исключительно смѣлая мысль перетащить свои ладьи изъ Ладожскаго озера въ Неву и отрѣзать шведовъ. Какъ въ былое, далекое время славяне перетаскивались, при звукахъ трубъ и пѣсенъ, различными волоками по сѣвернымъ дебрямъ, такъ потянулись и теперь наши Петровскія ладьи сухимъ путемъ, по южному берегу Невы къ Преображенской горѣ; не легка была эта работа, но не легко было и крѣпостному гарнизону. На третій день осады, гласитъ журналъ осады, когда все въ крѣпости, что могло горѣть, горѣло, жена коменданта выслала просить Петра I дозволить выйти изъ крѣпости многочисленнымъ женамъ осажденныхъ. Бомбардиръ отвѣчалъ, что фельдмаршалъ не пожелаетъ, конечно, опечаливать храбрыхъ шведовъ разлукой съ ихъ женами, и что онъ ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобы онѣ оставили крѣпость съ мужьями вмѣстѣ.

Когда бомбы пробили брешь въ башнѣ, Петръ I рѣшилъ взять крѣпость штурмомъ. Полѣзли гвардейцы. Штурмовыя лѣстницы не доходили однако до верха, пришлось навязывать на нихъ прибавки стремянокъ. Шведы оборонялись цѣлый день, и только къ вечеру проникъ въ крѣпость съ Семеновскимъ полкомъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ; когда Государь, уже не надѣясь на достиженіе цѣли, видя большую потерю людей, приказалъ было остановить приступъ,—«скажи Государю», отвѣтилъ князь Голицынъ посланному, «что я не его, а Божій теперь слуга», и вмѣсто отбоя удвоилъ усилія и овладѣлъ окровавленными твердынями. Приступъ длился 35 часовъ!

По сходѣ съ парохода на берегъ, путники прошли въ павильонъ, въ которомъ хранятся: ботикъ Петра Великаго, небольшой, плотный, удачно сопротивляющійся усиліямъ времени разрушить его; два знамени ладожскаго баталіона, лопаты Петра Великаго и Анны Іоанновны и катеръ императора Александра II.

Переѣздъ въ крѣпость былъ совершенъ на катерѣ. Путники вошли въ крѣпость сквозь Государевы ворота и направились прямо въ церковь, гдѣ отстояли молебенъ и разсматривали многія древнія вещи, между прочимъ великолѣпное Евангеліе съ рисунками, потребованное сюда Петромъ I изъ придворной кремлевской церкви, въ которую положено оно было отъ царя Алексѣя Михайловича.

Могучія стѣны крѣпости были перестроены въ XVIII вѣкѣ и, конечно, не даютъ права относить ту или другую часть ихъ, особенно верхи, къ первоначальному сооруженію. Шлиссельбургъ, какъ извѣстно, служилъ мѣстомъ заточенія многихъ важныхъ лицъ: князя Дмитрія Голицына, члена верховнаго совѣта при императрицѣ Аннѣ, князя Василія Долгорукаго, гене-

раль-фельдмаршала той же императрицы, герцога Бирона, просидѣвшаго здѣсь одинъ годъ, до ссылки его въ Пелымь, въ 1741 году. Здѣсь же печально окончилъ дни свои, въ 1764 году, Іоаннъ Антоновичъ Ульрихъ. Есть основаніе полагать, что помѣщеніе, въ которомъ онъ сидѣлъ, не уничтожено, но только задѣлано; оно находится въ Свѣтичной башнѣ, второй отъ сѣвернаго угла крѣпости, между Угловою и Государевыми воротами.

По возвращеніи изъ крѣпости, была посѣщена часовня, стоящая у входа въ каналъ, съ чудотворною иконою Казанской Божіей Матери, найденною въ стѣнѣ шлиссельбургскаго крѣпостного собора. Время написанія иконы неизвѣстно; можетъ быть, она отъ времени Іоанна Грознаго. Замурована она была въ стѣну въ то время, когда шведы готовились занять страну. Этой иконѣ обязательно молится весь многочисленный народъ, прибывающій въ Неву съ водныхъ системъ всей Россіи. Поблизости находится Преображенская гора. На этой самой горѣ, во время осады, была разбита палатка императора Петра Великаго и шатры Преображенскаго полка; отсюда названіе горы.

Въ довершеніе осмотра достопримѣчательностей въ Шлиссельбургѣ предстояло посѣтить находящуюся на Екатерининскомъ островѣ ситценабивную мануфактуру Губбартъ и К°. Островъ этотъ былъ подаренъ императрицей Екатериной II иностранцамъ Спрнціусу и Лиману для устройства фабрики. Въ то время на немъ стоялъ домъ, въ которомъ иногда останавливался Петръ Великій, при выѣздахъ своихъ для осмотра работъ каналовъ. Въ этомъ же домѣ, уничтоженномъ за ветхостью, бывала и Екатерина II и, вѣроятно, Елизавета Петровна. Объ одномъ изъ посѣщеній Екатериною II, въ 1784 году, свидѣтельствуетъ имѣющаяся на стѣнѣ надпись.

Еще въ 1720 г. существовала въ Шлиссельбургѣ суконная фабрика, преобразованная позже въ ситценабивную. Отъ первыхъ владѣльцевъ фабрика перешла къ Битепажу, затѣмъ къ Адаму, но только съ 1864 г. дѣла ея пошли блестящимъ образомъ, со времени утвержденія товарищества и перехода къ нынѣшнимъ владѣльцамъ. Мануфактура почти всецѣло принадлежитъ семейству Губбартъ, имѣющему дѣла въ Россіи съ конца прошлаго столѣтія. Глава семейства Джонъ Губбартъ, членъ государственнаго совѣта Англіи, членъ парламента отъ Лондона, состоитъ директоромъ государственнаго банка Англіи. Мануфактура производитъ до 600.000 кусковъ ситца, коленкора и платковъ, стоимостью до 3¼ милліоновъ рублей; на ней дѣйствуютъ одиннадцать печатныхъ машинъ; рабочихъ пятьсотъ человѣкъ. Городу Шлиссельбургу мануфактура служитъ большимъ подспорьемъ, что и было публично засвидѣтельствовано представителями города, при постановкѣ въ соборѣ колокола, пожертвованнаго мануфактурой.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВТОРОЕ.

(1885 г.).

Очеркъ пути.

Перечень и характеристика того, что предстояло посѣтить въ 1885 году.

Въ теченіе мая и іюня 1885 года предстояло посѣтить губерніи: Архангельскую и части Олонецкой, Новгородской, Псковской, Тверской, Ярославской и Вологодской. Затѣмъ, въ концѣ августа,—Нижній-Новгородъ, съ его ярмаркой, и на обратномъ пути,—древне-престольный Владиміръ и его глубокознаменательныя святыни.

Въ первомъ путешествіи сдѣлано было 2.000 верстъ; вторая поѣздка заняла гораздо болѣе времени, причемъ сдѣлано 6.200 верстъ. Ранѣе посѣщены были такія, лежащія въ сторонѣ отъ большихъ путей, мѣста, какъ Боровичи, Устюжна, Кирилловъ, Бѣлозерскъ, Вытегра; теперь предстояли такія же забытыя путины на Холмъ, Новоржевъ, Демянскъ и еще болѣе пустынныя дебри отъ Сумскаго посада на Бѣломъ морѣ до Повѣнца, и оттуда на лежащій совершенно въ сторонѣ Пудожъ. Кромѣ этихъ сухопутныхъ объѣздовъ, путешественники изъ Соловецкаго монастыря плыли Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, осмотрѣли Мурманскій берегъ вплоть до Колы и далѣе до Норвежской границы и посѣтили прибрежные города Бѣлаго моря: Кемь, Онегу и Мезень.

Вотъ маршрутъ по городамъ, отмѣтить который на картѣ очень любопытно: Островъ, Новоржевъ, Холмъ, Демянскъ, Валдай, Вышній-Волочекъ, Бѣжецкъ, Рыбинскъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ярославль, Ростовъ Великій, Вологда, Тотьма, Великій Устюгъ, Сольвычегодскъ, Холмогоры, Архангельскъ, Соловки, Кемь, Кола, Онега, Мезень, Сумской Посадъ, Повѣнецъ, Пудожъ, Лодейное-Поле, Шлиссельбургъ. Разнообразіе впечатлѣній, которыя ожидали путниковъ, сказывается вполнѣ наглядно въ этомъ простомъ, но довольно длинномъ и очень пестромъ перечнѣ. Если прибавить къ этому перечню мѣста, посѣщенныя въ прошломъ году, то это будетъ дѣйствительно «По сѣверу Россіи».

Въ 1884 году путешествіе совершилось по древнимъ стогнамъ Новгорода

и Пскова, по пепелищу древнѣйшихъ славянскихъ народностей, мимо Рюриковой крѣпости, Ольгиныхъ погостовъ и Синеусова кургана, гдѣ жила весь и меря; въ 1885 году посѣщены тѣ страны, гдѣ жила чудь и финны,—страны, которыя назывались въ Новгородѣ и на Москвѣ «Заволочьемъ». Въ этихъ мѣстахъ сидѣли и правили вполнѣ самостоятельно новгородскіе и враждовавшіе съ ними мѣстные двинскіе бояре; тутъ не было никогда крѣпостного права, зато безсовѣстно хозяйничала новгородская вольница, ушкуйники, эти Василіи Буслаевы нашей народной пѣсни, «не вѣрившіе ни въ сонъ, ни въ чохъ». На судьбахъ Заволочья яснѣе чѣмъ гдѣ-нибудь видно, съ какимъ умѣньемъ, съ какою послѣдовательностью Москва, собирательница Земли Русской, сумѣла наконецъ оттѣснить могущественное новгородское вліяніе и сѣсть на мѣсто Новгорода сама.

Въ титулахъ Русскаго Царя значатся имена земель Обдорской, Угорской и Кандійской. Путешествіе коснулось если не самыхъ земель, составляющихъ въ настоящее время не болѣе, какъ три стана съ тремя становыми, то прошло вдоль и подлѣ тѣхъ пунктовъ, гдѣ купцы этихъ исчезнувшихъ странъ, со своими соболями и серебромъ, кречетами и желѣзомъ, какъ напримѣръ въ Лампожнѣ, сходились съ купцами новгородскими. Путь пролегалъ по древней Біарміи, по тѣмъ именно мѣстамъ въ сосѣдствѣ нынѣшней Пермской земли, гдѣ, по Геродоту, жили таинственные гипербореи, гдѣ и Тацитъ, и нашъ Несторъ, и византійскіе и норвежскіе источники гласятъ о таинственныхъ чародѣяхъ и хранителяхъ кладовъ. Хвастливые новгородцы говорили, что они бывали дальше: они видѣли рай земной!

Если въ 1884 году путешественники видѣли Маріинскую систему съ Шексной, Ковжей и Вытегрой, то въ 1885 году имъ удалось видѣть не менѣе любопытное—часть Волги и все теченіе Сухоны и Сѣверной Двины, изъ которыхъ послѣдняя, какъ рѣка государственнаго, а не только мѣстнаго значенія, въ недалекомъ будущемъ, съ проведеніемъ желѣзнодорожной линіи, будетъ играть несравненно бо́льшую роль, чѣмъ прежде, и оживитъ весь дремлющій Сѣверъ.

Путь коснулся такихъ важныхъ центровъ древняго зодчества, какъ Ярославль и Ростовъ Великій, изъ «Затвора» котораго вышла и завершилась дѣятельность просвѣтителя Пермской земли, Стефана Пермскаго, создателя зырянской азбуки, сумѣвшаго побѣдить волхва Пама и ходившаго по языческимъ весямъ, «обухомъ въ лобъ біяше идоловъ и сокрушаше имъ носы». Въ этомъ же Ростовѣ составлялъ свои духовныя, мелодичныя пѣсни святитель Димитрій, отошедшій въ вѣчность, ставъ на молитву и «согрѣвшись сердцемъ», при слушаніи хора пѣвчихъ, исполнявшихъ эти пѣсни. Здѣсь же выработался главнымъ образомъ нашъ родной самостоятельный архитектурный стиль, извѣстный подъ именемъ московскаго, или, если хотите, суздальскаго.

За день до прибытія въ Холмогоры путники посѣтили обитель Сійскую, гдѣ томился долгіе годы преслѣдуемый Годуновымъ Филаретъ Никитичъ, впослѣдствіи патріархъ московскій, отецъ славнаго царя Михаила Ѳеодоровича, безъ сомнѣнія одна изъ самыхъ выдающихся личностей нашей исторіи; до заточенія, говоритъ Костомаровъ, былъ онъ самымъ виднымъ щеголемъ въ

Москвѣ; можно представить себѣ, что̀ вытерпѣлъ онъ въ заточеніи, подъ надзоромъ годуновскихъ соглядатаевъ!

На-половинѣ пути встрѣтились имъ сперва Холмогоры, а затѣмъ Архангельскъ. Холмогоры были богатымъ торговымъ и административнымъ городомъ Сѣвера, когда Москва еще не существовала. Тутъ былъ когда-то духовный центръ чуди и высилось капище Іомалы и его изображеніе. Но дни Холмогоръ были сочтены: случай разбиваетъ англійское судно въ половинѣ XVI вѣка близъ устья Двины; возникшая съ иностранцами торговля не довольствуется болѣе Холмогорами, лежащими во 112 верстахъ отъ моря; ей нужно море, ей нуженъ прибрежный городъ, — возникаетъ Архангельскъ. Столѣтье спустя Петръ Великій даетъ Архангельску значеніе первенствующее, создаетъ свою собственную торговлю съ заграницей, подъ фирмой купца Соловьева, самъ торгуетъ, устраиваетъ верфи, флотъ, но затѣмъ государственное соображеніе говоритъ ему, что возникшему Петербургу мѣшаетъ Архангельскъ, и онъ самъ, своею царственною рукой, останавливаетъ развитіе этого своего дѣтища.

Судьбы Архангельска послѣ Петра были чрезвычайно перемѣнчивы; его временные расцвѣты, его славная служба русскому флоту кораблями, на верфяхъ его построенными, какъ напримѣръ «Азовомъ»; характерныя личности нашихъ самоучекъ-строителей этихъ флотовъ: Курочкина, Ершова, Загуляева,— все это очень живыя и любопытныя страницы не только нашего Сѣвера, но и вообще исторіи Россіи. Правда, это было давно, это было въ тѣ дни, когда матросы, встрѣчая начальство, кричали не «ура!» а какое-то непостижимое, намъ непонятное: «гузе! гузе!» Слѣдъ этого замолкнувшаго клика имѣется въ нашихъ старыхъ морскихъ уставахъ.

Въ вѣчно подвижныхъ устьяхъ Двины, сносящей и созидающей острова, въ ряду другихъ воспоминаній, навстрѣчу путникамъ вырисовалась колоссальная фигура нашего крѣпыша-помора Ломоносова, со всѣми его заслугами и удивительными пререканіями съ академическими Винцгеймами и Трускотами.

Въ 1884 году была посѣщена святыня Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; въ 1885 году путешественники объѣхали нѣсколько монастырей и между ними ставропигіальный Соловецкій — красивую, окруженную темнымъ моремъ твердыню нашего Сѣвера, имѣющую свой флотъ, свои мастерскія, свои школы, доки, не разъ отстаивавшую грудью своихъ монаховъ сѣверное побережье отъ всякихъ враговъ, отваживавшихся нападать на насъ отъ странъ полуночныхъ. Если въ Ростовѣ Великомъ мелодично гудѣли знаменитые своею музыкальностью соборные колокола, въ Соловкахъ подалъ свой голосъ колоколъ «Благовѣстникъ», звучащій только въ великія торжества. Колоколъ пожертвованъ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ II, и отлитъ изъ мѣдныхъ украшеній, служившихъ въ печальной церемоніи похоронъ императора Николая I. Съ именемъ Соловковъ связаны два крупныя историческія имени. Келарь Троицко-Сергіевой Лавры Авраамій Палицынъ, одинъ изъ великихъ, заслуженныхъ дѣятелей Россіи въ годину лихолѣтія, покоится въ Соловкахъ, въ оградѣ монастырской; еще болѣе славно имя московскаго митрополита Филиппа, вызваннаго отсюда Іоанномъ Грознымъ на митрополію, говорившаго

царю страшную правду, замученнаго имъ и удушеннаго Малютой Скуратовымъ. Весьма любопытно было вспомнить, хотя вкратцѣ, знаменитую исторію соловецкаго раскольничьяго мятежа; царское войско стояло предъ оградой его въ теченіе семи лѣтъ, и взятъ онъ былъ только хитростью въ 1677 году; павшіе за это время воины почиваютъ невдали отъ главнаго храма. Могилу ихъ посѣщаютъ многіе.

Путники видѣли Мурманскій берегъ съ его типичною самостоятельною жизнью поморовъ, съ его удивительными, иногда невѣроятными ловлями акуль, китовъ, семги, трески, сельдей, палтусовъ и бѣлуги. Эти дрожащія отъ вѣчныхъ прибоевъ волнъ морскихъ скалы, глубокіе заливы, порожистыя рѣки, эти страны безъ дорогъ и земледѣлія, гдѣ лѣтомъ ѣздятъ на саняхъ, а дебри полны звѣря и птицы, все это представлялось глазамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ свѣтѣ незаходящаго солнца, во всемъ угрюмомъ величіи, Богъ вѣсть какихъ градусовъ сѣверной широты. Двухмѣсячный мракъ покрываетъ эту страну зимой. Они доѣзжали до самой Колы и дальше до губы Ары. Кола упоминается въ новгородскихъ лѣтописяхъ очень рано, и въ настоящее время она менѣе велика, чѣмъ была въ тѣ далекіе годы, когда въ ней существовала крѣпость, вооруженная пушками. Они видѣли нашихъ поморовъ за работой въ океанѣ; между ними есть смѣльчаки удивительные, ныряющіе вглубь среди многосаженныхъ пороговъ сѣверныхъ рѣкъ, люди, предъ которыми должны блѣднѣть пловцы, показывающіе себя за деньги. Можетъ быть, думалось путникамъ, живъ еще тотъ Михаилъ Никитинъ и его жена, которые въ 1850 году вдвоемъ ходили на своемъ карбасикѣ на Новую Землю. Они ошиблись: даже имена этихъ смѣльчаковъ позабыты мѣстнымъ населеніемъ.

Обратный путь отъ Сумскаго посада у Бѣлаго моря, на Повѣнецъ, шелъ тѣми мѣстами, гдѣ пролегала такъ-называемая «государева дорога», по которой Петръ I совершилъ свой Нюхацкій походъ. Она не заросла до сихъ поръ, означаясь сваями и мостовинами: она не зарастетъ никогда въ народной памяти. Съ 4.000 преображенцевъ, съ помощью согнаннаго отовсюду народа, Петръ I пробивался сквозь дебри и болота, двигая за собою на катышахъ два морскіе фрегата, поднятые съ Бѣлаго моря. Это удалось Петру: фрегаты были спущены въ Онежское озеро; судьбы рѣки Невы и возникновеніе Петербурга были рѣшены.

Хотя—и въ этомъ нѣтъ сомнѣнія—для удобства путешествія сдѣлано было все возможное, но путешественникамъ, тѣмъ не менѣе, предстояли очень трудные переѣзды и такія дороги, которыя ни къ какой рѣшительно починкѣ не годны. Ледовитое море тоже не отличается привѣтливостью: его штормы и холода, испытанные отчасти въ пути, неожиданны, и шуба, какъ оказалось, даже лѣтомъ является предметомъ первой необходимости.

Городъ Островъ.

Историческое. Легенды. Храмъ Святого Николая. Торговля льномъ.

Уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ въ нынѣшнемъ Островѣ, близъ самаго собора, на островкѣ, омываемомъ порожистою рѣкой Великою, стояла крѣпостца. Развалины ея высятся и до сихъ поръ; между ними бѣлѣется древняя церковь Святого Николая, а подлѣ, на шоссе, переброшены висячіе мосты черезъ оба рукава Великой. Это мѣсто очень красиво въ сочетаніи сѣрыхъ развалинъ и убѣгающихъ въ даль холмовъ надъ быстрыми, пѣнящимися струями рѣки, носящей свое имя «Великая» самозванно, если вспомнить хотя бы и не Волгу, а многія другія рѣки поменьше послѣдней.

Извѣстно, что древній Псковъ, богатый и людный, окружилъ себя когда-то цѣлымъ кольцомъ пригородовъ для защиты отъ враговъ; противъ нѣмцевъ на западѣ имѣлъ онъ: Изборскъ, Гдовъ, Кобылій; отъ Литвы на югѣ: Опочку, Вельe, Островъ, Воронічъ, Красный, Вышгородъ; въ защиту отъ любезнаго старшаго брата своего, Великаго Новгорода, съ сѣвера поставилъ онъ: Дубки, Вревъ, Котельный, Выборъ, Володимірецъ.

Первое упоминанье объ Островѣ имѣется у псковскаго лѣтописца въ 1341 году, когда происходила битва псковичей съ нѣмцами, длившаяся отъ восхода солнца до полудня; битва эта была повидимому не кровопролитная, потому что псковичи потеряли всего только семь человѣкъ и двухъ полководцевъ; помогли имъ въ этой битвѣ островичи; значитъ уже Островъ существовалъ. Какъ охранный пригородъ, Островъ относился къ самымъ важнымъ; это доказываютъ остатки стѣнъ и башень. Длина стѣнъ крѣпости 90 саженъ. Стѣны имѣли до 4 саженъ вышины, башни — 6; башень было числомъ пять, теперь можно указать только на три. Когда были онѣ возведены—неизвѣстно, какъ неизвѣстно и возникновеніе самаго города. Внутри крѣпости разведены теперь парники и огороды.

Въ одной изъ башенъ, говорятъ, были скрыты богатства. Одинъ смѣльчакъ, купеческій сынъ съ товарищами, въ Иванову ночь пошли было на поиски; изъ двери подвала въ нихъ пахнуло пламенемъ; двое перебѣжали по

лавамъ черезъ рѣку, но третій, перебѣгая, увидалъ двухъ огромныхъ черныхъ собакъ, плывшихъ за нимъ; перебѣжавъ, бросился онъ съ испуга на колокольню, поднялъ полуночный трезвонъ, сошелъ съ ума и умеръ. Другая легенда гласитъ, что во второй башнѣ живетъ заклятая царевна съ кошечкой, выходящею разъ въ годъ на рѣку пить воду. Одинъ удалецъ пытался освободить узницу, но остановленъ кошкою, бросившеюся на него.

Пригороды служили псковичамъ не только защитой отъ враговъ, но въ нихъ они спасались отъ междоусобій. У Острова былъ свой посадникъ, свое вѣче, свое войско и стягъ, а съ 1463 года имѣлся, вѣроятно, и намѣстникъ. Въ 1426 году островичи бились въ ближнихъ лѣсахъ съ татарами. Въ 1501 году Островъ нѣмцы «выжгоша сентября 8 день, а душъ 4.000 скончалося; овы сгорѣша, а иныя истопша, овы мечю предаша, а иныя въ плѣнъ, наши же воеводы стояли въ трехъ верстахъ отъ города неподвижно». Такъ гласитъ лѣтописецъ, что, по сравненію съ хладнокровіемъ битвы 1341 года, свидѣтельствуетъ не особенно лестно о воинскихъ доблестяхъ псковичей. Псковъ, какъ извѣстно, кончилъ свое самостоятельное существованіе въ 1510 году; вѣроятно одновременно съ нимъ подчинился Москвѣ и Островъ. Въ 1581 году былъ онъ взятъ Стефаномъ Баторіемъ. Какъ мѣтко стрѣляли въ то время противники съ обѣихъ сторонъ, видно изъ того, что въ одинъ изъ дней осады поляки поплатились всего только «двумя рядовыми и очень хорошею лошадью», а польскіе выстрѣлы то и дѣло попадали только въ верхи башень. Занявъ городъ, Стефанъ Баторій взялъ въ плѣнъ 1.500 рядовыхъ, 100 боярскихъ дѣтей, 200 стрѣльцовъ, 5 орудій, много ручницъ и ружей, и пороховой казны; послѣднее было полякамъ очень кстати; въ довершеніе горя, когда островичи вышли изъ за́мка, польскіе люди ограбили ихъ и оставили въ однѣхъ рубахахъ; это было, несомнѣнно, противъ договора.

Въ 1582 году Островъ возвращенъ Россіи по принадлежности. Особенно доходной статьи для казны онъ никогда не составлялъ, такъ какъ, напримѣръ, въ 1667 году, съ посада, лавокъ, огородовъ, рыбныхъ ловель и пожней поступило всего 29 рублей и столько же съ таможенныхъ и мытныхъ сборовъ.

Въ 1708 году, при Петрѣ I, Островъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, и тѣмъ не менѣе, по отзыву новгородскаго губернатора Сиверса, въ 1767 году «за́мокъ представлялъ изъ себя груду мусора, соборъ — часовню, домъ воеводы—хижину;» въ немъ считалось 120 гражданъ, 120 разночинцевъ и 150 домовъ. Въ 1771 году количество народа уменьшилось вслѣдствіе язвы на людей. Въ 1812 году, по пути къ Двинску имѣли въ немъ ночлегъ императоръ Александръ I и цесаревичъ Константинъ. По поводу этого проѣзда совершилось нѣчто невѣроятное: содержатель почтъ генералъ-маіоръ Беклешевъ въ дачѣ излишнихъ лошадей, какъ необязательной по контракту, отказалъ; понятно, что онъ былъ «вразумленъ» надлежащимъ образомъ. Въ 1848 году, въ сентябрѣ, проѣздомъ изъ-за границы имѣли здѣсь ночлегъ императоръ Николай I, государыня, наслѣдникъ цесаревичъ и великая княжна Ольга Николаевна.

Насколько неизвѣстно начало возникновенія города Острова, настолько же невыяснено и время сооруженія мѣстнаго храма Святого Николая, построен-

наго по общему типу псковскихъ церквей, но имѣющаго ту замѣчательную особенность, что онъ обращенъ лицевою стороной на сѣверъ. По однимъ источникамъ храмъ построенъ въ 1372 году, по другимъ — въ 1542; куполъ его «вслѣдствіе необходимыхъ исправленій принялъ совершенно другой видъ». Замѣчательно полуразрушенное украшеніе на шейкѣ купола снаружи; оно состоитъ изъ связанныхъ непрерывнымъ поясомъ пятиглавыхъ храмиковъ съ образами; между ними колоколенки; весь поясъ какъ бы сложенъ изъ цѣлаго ряда створцевъ; многіе изъ нихъ незамѣтны: они или забѣлены, или стерлись. Внутри храмъ очень малъ; онъ двупридѣльный, и одинъ изъ нихъ несомнѣнно позднѣйшей пристройки; массивные два столба служатъ центральною опорой; своды и арки надъ алтаремъ въ особенности грузны и узки, и образуютъ самыя оригинальныя пересѣченія. Въ толстыхъ, неразрушимыхъ стѣнахъ имѣются темныя помѣщенія, высоко надъ землею, служившія, вѣроятно, для храненія цѣнностей и казны. Раскопки, произведенныя въ крѣпости въ 1872 году, дали только кусочки желѣзнаго шлака, дѣтскую сломанную желѣзную вилочку, много древеснаго угля и человѣческія кости. Такъ безслѣдно исчезло довольно яркое былое этого древняго, позабытаго уголка.

Въ церкви мѣстнаго тюремнаго замка тоже имѣется древность: икона Архистратига Михаила, находившаяся прежде въ воеводской канцеляріи, а потомъ въ полицейскомъ управленіи. Она пользуется большимъ почетомъ: ее носятъ къ больнымъ по домамъ, и въ случаѣ предстоящаго выздоровленія больного, икона эта — такъ утверждаютъ — на обратномъ пути своемъ значительно легчаетъ; если она становится тяжелѣе, человѣкъ умретъ. Архистратигъ написанъ чрезвычайно юнымъ, сидящимъ на скачущемъ конѣ. Серебряная риза иконы очень массивна.

Островъ, до проведенія желѣзной дороги, имѣлъ значеніе какъ пунктъ соединенія варшавскаго и новобѣлорусскаго шоссе. Главное занятіе жителей была изстари льняная трепля. Торговыхъ конторъ, сбывающихъ ленъ, въ настоящее время 13, изъ нихъ пять иностранныхъ; оборота въ годъ на полтора милліона пудовъ, около шести милліоновъ рублей. Сообщаютъ, будто за десятину подъ ленъ даютъ нерѣдко до 100 рублей; при девятипольномъ хозяйствѣ земля будто-бы не истощается.

Ровно въ два часа путники были уже въ экипажахъ по пути въ Новоржевъ къ Святымъ Горамъ. По шоссе ѣхали они только двѣ станціи, до Новгородки; отсюда предстояло свернуть на грунтовую дорогу и сдѣлать 22 версты до Святогорскаго монастыря.

Святогорскій монастырь.

Его исторія. Ярмарка. Походъ иконы. Могила Пушкина. Панихида надъ нею. Воспоминанія о Пушкинѣ. Письмо его къ Чаадаеву. Ночлегъ въ селѣ Михайловскомъ.

Въ Новгородкѣ, какъ сказано, путники оставили шоссе. Только 2-го іюня, то есть послѣ семидневнаго путешествія на лошадяхъ, они снова приблизятся къ желѣзной дорогѣ; нѣтъ сомнѣнія, что подобные длинные переѣзды по почтовымъ и проселочнымъ путямъ, въ наши дни, въ Европейской Россіи,—большая рѣдкость.

Часамъ къ шести вечера, поверхъ густой зелени поросшихъ лѣсомъ холмовъ, показались куполъ и колокольня Святогорскаго монастыря, гдѣ похороненъ Пушкинъ. До монастыря оставалось еще восемь верстъ. Они сдѣлали 22 версты въ полтора часа; въ распутицу пришлось бы проѣхать семь часовъ. Нашъ поэтъ, какъ извѣстно, родился 26-го мая 1799 года, и путники поклонились его праху въ самый день его рожденія.

Святогорскій монастырь, находящійся въ 108 верстахъ отъ Пскова, возникъ только во второй половинѣ XVI вѣка, на, такъ называемыхъ, Синичьихъ горахъ, и извѣстенъ всей Россіи потому, что пріютилъ останки Пушкина. Въ 1547 году Тимоѳей юродивый имѣлъ тутъ видѣніе иконы Пречистой Богородицы, и неизвѣстно откуда шедшій голосъ призывалъ его на это же самое мѣсто по прошествіи шести лѣтъ. Юродивый дѣйствительно явился и увидѣлъ другую икону Одигитріи. Объ этомъ пошла молва, появились странники и странницы; псковскій намѣстникъ князь Токмаковъ донесъ государю, присланы были слѣдователи и повелѣно было построить монастырь. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбахъ монастыря нѣтъ; въ 1780 году онъ истребленъ пожаромъ. Соборная церковь Успенія поставлена, вѣроятно, въ XVII столѣтіи. Монастырская ограда имѣетъ до 400 саженъ длины. Статьями монастырскаго дохода являются двѣ мѣстныя ярмарки. Ежегодно изъ монастыря совершается крестный ходъ.

Святогорскій монастырь.

Крестъ на могилѣ Пушкина до постановки памятника.

Икона поднимается, какъ здѣсь привыкли говорить, «въ походъ» въ первое воскресенье послѣ девятой пятницы; ее несутъ во весь путь на рукахъ, но прежде это было картиннѣе: ее несли только до рѣки Сороти; по ней и по рѣкѣ Великой она слѣдовала на судахъ до Выбутскихъ пороговъ, затѣмъ ее поднимали снова на руки и шествовали на Спасо-Мирожскій монастырь, въ Псковъ.

Путники прибыли въ монастырь къ началу «похода» иконы. Обычная, многолюдная на этотъ разъ ярмарка была на исходѣ; тысячи народа, расположившагося по крутымъ скатамъ святогорскихъ холмовъ, обильно поросшихъ листвою высокихъ деревьевъ, вдоль крышъ и крылецъ лежащей у подножья монастыря слободы Тоболенецъ, ожидали начала торжества; колокола гудѣли неумолчно. Готовая къ походу, обставленная блестящими хоругвями, стояла на носилкахъ икона Одигитріи и предъ нею, въ полномъ облаченіи, окруженный монахами, архимандритъ Николай. Яркое солнце горѣло на золотѣ иконы и ризахъ духовенства. Прослушавъ краткое привѣтственное слово, приложившись къ иконѣ и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, путники, по обычаю народному, прошли подъ нею и направились въ монастырь.

Подъемъ по лѣстницѣ къ церкви крутъ и высокъ; онъ идетъ все время подъ навѣсомъ и, такъ-сказать, направляетъ идущаго прямо въ церковь. Отслушавъ молебенъ, они посѣтили могилу Пушкина, находящуюся снаружи церкви со стороны алтаря, подлѣ самой кручи монастырскаго холма. Съ одной стороны ея — три абсиды церковныя, съ другой — три высокія липы, и широко кругомъ и далеко внизу — одинъ изъ типичнѣйшихъ и красивѣйшихъ сельскихъ видовъ нашихъ. Панихида по рабѣ Божіемъ Александрѣ, пропѣтая всѣмъ соборомъ, въ присутствіи многихъ тысячъ непокрытыхъ головъ людскихъ, въ самый день рожденія безсмертнаго поэта, была величественна.

Пушкинъ, какъ извѣстно, за годъ до своей смерти приготовилъ себѣ могилу въ монастырѣ. Когда-то заказывалъ онъ въ этомъ монастырѣ обѣдню и панихиду по боляринѣ Георгіи—это значило по лордѣ Байронѣ! Инокамъ, конечно, и въ умъ не приходило, что они молятся за упокой души человѣка, не особенно-то ихъ долюбливавшаго; но тотъ, кто объяснитъ себѣ эту панихиду кощунствомъ со стороны Пушкина, будетъ далекъ отъ истины. Пушкинъ несомнѣнно искренно молился, какъ молился искренно и Байронъ, потому что въ концѣ-концовъ человѣку безъ молитвы все-таки жить нельзя.

Дѣлать какую-либо характеристику Пушкина въ путевомъ очеркѣ не имѣло бы значенія. Основательные труды новѣйшихъ изслѣдователей хорошо извѣстны; всѣмъ еще болѣе извѣстенъ Пушкинъ самъ. Но нельзя было не вспомнить, присутствуя при только-что описанной панихидѣ, одного чрезвычайно характернаго письма Пушкина, замѣченнаго читающею публикой менѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Оно было писано къ П. Я. Чаадаеву въ 1836 году по поводу его «Философскихъ Писемъ» и помѣщено въ 1884 году въ «Русскомъ Архивѣ». Письмо это—пароль и лозунгъ, оставленные Пушкинымъ русскому человѣку.

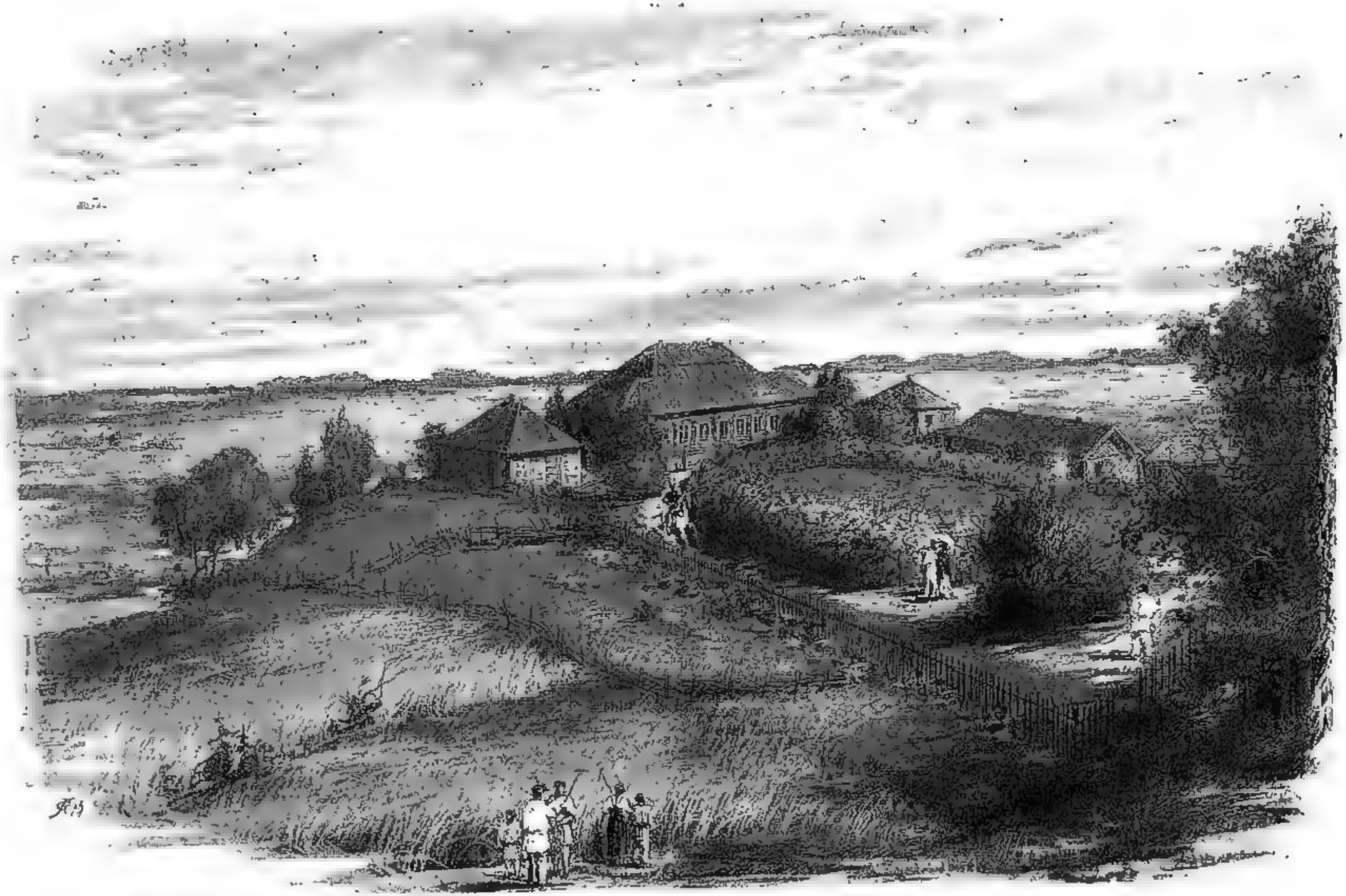
«Вы говорите», пишетъ между прочимъ Пушкинъ, «что мы, то-есть русскіе, черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была до-

стойна презрѣнія и презираема, и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился іудеемъ, и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе дивно?.. Русское духовенство... никогда не оскверняло себя мерзостями папства». «Что же касается нашего историческаго ничтожества», говоритъ Пушкинъ, «я положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удѣльныя войны, вѣдь это та же жизнь кипучей отваги и безцѣльной, и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость всѣхъ народовъ. Вторженіе татаръ есть печальное и великое зрѣлище. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству (къ русскому, конечно, единству), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Ипатьевскомъ монастырѣ, какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ—цѣлая всемірная исторія? А Екатерина II, помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ насъ въ Парижъ и (положа руку на сердце) развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи, чего-то такого, что должно поразить будущаго историка?.. Клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечества, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, какъ намъ Богъ послалъ».

У насъ много людей, которые не захотятъ понять, что могло быть «величественнаго» въ положеніи Россіи въ 1836 году, при Николаѣ I, и почему именно могло оно показаться таковымъ Пушкину. Но выписки, только-что сдѣланныя, это такіе перлы въ славѣ Пушкина, которыхъ именно недоставало для уразумѣнія въ немъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ ясныхъ сторонъ. Человѣкъ, написавшій это письмо, несомнѣнно сталъ человѣкомъ чужимъ для многихъ несогласныхъ съ нимъ людей, но зато онъ передался всею силою своего великаго генія, своего горячаго сердца подавляющему большинству людей великорусскаго пошиба, того пошиба, который сдѣлалъ и сдѣлаетъ всю нашу исторію.

Письмо относится, по времени написанія, къ 1836 году, къ періоду полной зрѣлости нашего поэта, къ періоду, наставшему для него со времени прибытія его изъ Бессарабіи въ деревню Михайловскую. Но не одно Михайловское, а также и сосѣднее съ нимъ Тригорское, съ милымъ семействомъ Осиповыхъ, посѣщенія Языкова и Дельвига, и эта безподобная няня Арина Родіоновна, и природа, и народъ, все это вмѣстѣ взятое, вотъ что подняло и утвердило духъ нашего поэта. «Деревня поставила его на ноги,—говоритъ новѣйшій изслѣдователь, Незеленовъ: — въ деревнѣ прошелъ онъ послѣднюю школу—школу Шекспира, памятниковъ русской исторіи и народной поэзіи; въ деревнѣ создалъ онъ «Бориса Годунова», и послѣднія строки, писанныя имъ къ Осиповой въ 1836 году, гласятъ не напрасно: «мнѣ мило только Тригорское». Подъѣзжая къ монастырю, влѣво отъ дороги, видно это Тригорское.

Вечеръ этого полнаго впечатлѣній дня проведенъ былъ въ Михайловскомъ, у Григорія Александровича Пушкина. Въ любезной бесѣдѣ хозяина и хозяйки время къ ночи подошло очень быстро; воспоминаніямъ о Пушкинѣ отведено было, конечно, первое мѣсто. Необходимо замѣтить, что на меню



Сельцо Михайловское.

Съ литографіи 1837 года.

обѣда было изображено Михайловское временъ Пушкина; хотя домъ, пріютившій путниковъ на ночлегъ, построенъ только въ шестидесятыхъ годахъ, но нѣкоторое сходство въ общемъ расположеніи усадьбы сохранилось: длинный, одноэтажный домъ посрединѣ, съ обѣихъ сторонъ его два небольшіе флигеля. Передъ домомъ круглая куртина. Изъ вещей Пушкина остались: кресло, ятаганъ, подаренный ему на Кавказѣ графомъ Паскевичемъ, и четыре бильярдные шара.

Ночь была чрезвычайно ясная, какъ и минувшій день; на слѣдующее утро, передъ отъѣздомъ изъ Михайловскаго, послѣдовавшимъ въ 9 часовъ утра, 27-го мая, путники болѣе часу сидѣли на балконѣ. Видъ съ балкона въ ясный день очарователенъ. Отъ дома внизъ идетъ ступенями терраса; широкая долина развертывается передъ глазами верстъ на шестнадцать, ее обрамляютъ далекіе, поросшіе лѣсомъ холмы; глубоко внизу течетъ по зеленому лугу синяя рѣка Сороть; вправо и влѣво совсѣмъ близко блещетъ по одному озеру. Говорятъ, что простой народъ села Михайловскаго не знаетъ, а называетъ его Зуево.

Новоржевъ.

Возникновеніе города по указу. Преданіе о Церковищѣ. Единственное описаніе города въ біографіи Жукова. Стихи Пушкина.

По пути на Новоржевъ пришлось снова проѣхать мимо Святогорскаго монастыря. До Новоржева отсюда 29 верстъ. Сначала лѣсъ, затѣмъ много болотъ, валуны, постоянно песчаная дорога. Пейзажъ не любопытный, и Новоржевъ вырисовывается на широкой равнинѣ, между двухъ озеръ и подлѣ болотъ, не очень эффектно.

Городъ лежитъ при озерахъ Оршо и Росцо; озера эти соединены рѣкой Вержой. Указомъ 1777 года повелѣно было: «Правленіе Пусторжевскаго уѣзда перевести на большую изъ Пскова въ Великія-Луки дорогу, подъ названіемъ Новоржевъ». Такимъ образомъ возникъ городъ. Вѣроятно, гдѣ-нибудь въ архивахъ хранятся документные мотивы, послужившіе основаніемъ неожиданному возникновенію города на большой дорогѣ; можетъ быть, въ нихъ есть слѣды какого-либо прежняго историческаго бытія на мѣстѣ этого новаго возникновенія? Хорошо, что эти и тому подобные пробѣлы въ исторіи вообще разукрашиваются преданіями. Такъ и тутъ: говорятъ, будто на мѣстѣ нынѣшняго Новоржева, на пескахъ, стоялъ замокъ съ церковью и сосновою рощей; замокъ и церковь разорены литовцами, а изъ лѣсного матеріала погибшей рощи построенъ въ Оршѣ Божій храмъ. Несомнѣнно, что въ двадцатыхъ годахъ здѣсь еще видны были очертанія бывшихъ фундаментовъ, и въ грудахъ мусора находили остатки бисера, церковныхъ цѣпей отъ паникадилъ, монеты, куски долбленыхъ гробовъ и въ нихъ человѣческія кости. По мѣрѣ обнаженія костей ихъ зарывали въ ямы; это мѣсто, говорятъ, называется и донынѣ «Церковищемъ» и свидѣтельствуетъ о нѣкоторой долѣ основательности преданія и о томъ, что на мѣстѣ Новоржева до его возникновенія была какая-то другая, неизвѣстная намъ жизнь. Въ подтвержденіе преданія, крестные ходы, совершающіеся отъ поры до времени по городу, останавливаются надъ «Церковищемъ», и духовенство служитъ по невѣдомымъ и безыменнымъ почившимъ литію

Если ближайшій отсюда городъ Холмъ имѣетъ очень длинное прошедшее и, какъ видно изъ писцовой книги, былъ впервые описанъ еще въ 1562 году, то первое описаніе Новоржева состоялось, кажется, только въ концѣ семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія въ «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и бо́льшая часть его посвящена біографическимъ свѣдѣніямъ объ одномъ изъ первыхъ по времени новоржевскихъ гражданъ Петрѣ Оомичѣ Жуковѣ, составившемъ по исторіи этого города «Записку». Жуковъ былъ сынъ «попа Мишки Жука», изъ грамотныхъ казаковъ выбраннаго въ священнослужители, но за двоеженство разстриженнаго. Когда возникъ неожиданно городъ, то по распоряженію губернскаго начальства сюда было переселено нѣсколько семействъ, въ томъ числѣ и Жуковы. Авторъ «Записокъ», Петръ Оомичъ, много лѣтъ служилъ возникавшему городскому обществу, начавъ съ присяжнаго добросовѣстнаго при соляныхъ и винныхъ магазинахъ, за 30—70 руб. ассигнаціями въ годъ. Въ 1799 году былъ онъ избранъ въ городскую ратушу, на восьмое трехлѣтіе, въ первые бургомистры, съ исправленіемъ должности городского головы. Въ отечественную войну французы въ эти мѣста не заходили, но тѣмъ не менѣе, радѣніемъ Петра Оомича, устроено было такъ, чтобы крестные ходы, въ память великой войны, между Святогорскимъ монастыремъ и Опочкой шли на Новоржевъ. Устройство этого крестнаго хода, равно какъ и другого, съ иконой Параскевы Пятницы, изъ погоста Лобно, по почину Петра Оомича, являются въ безмятежной исторіи городка, какъ значится въ «Записках», событіями. Событіемъ была также холера 1831 года, вслѣдъ за которою «ничего особенно замѣчательнаго въ историческомъ отношеніи не произошло», вплоть до другой холеры 1848 года. Въ «Запискахъ» упоминается также какой-то юродивый Ананій Васильевичъ, что́, по мнѣнію автора «Записокъ» Петра Оомича Жукова, составляетъ тоже нѣчто въ родѣ историческаго явленія.

Извѣстны стихи Пушкина, посвященные городу, гласящіе такъ:

Есть въ Россіи городъ Луга
Петербургскаго округа;
Хуже бъ не было сего
Городишка на примѣтъ,
Еслибъ не было на свѣтѣ
Новоржева моего.

Городокъ ничѣмъ не замѣчателенъ, очень бѣденъ и общественной земли почти не имѣетъ; въ немъ около 2.000 жителей и три церкви. Въ Новоржевѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, былъ сооруженъ на средства частной благотворительности богадѣленный домъ въ память въ Бозѣ почивающаго императора Александра II; въ богадѣльнѣ находятъ себѣ пріютъ тридцать стариковъ, часть которыхъ составляютъ служившіе въ войскахъ ветераны. Ознакомясь съ этимъ человѣколюбивымъ учрежденіемъ, находящимся за городомъ, подлѣ почтовой дороги, путешественники выѣхали по дорогѣ на Холмъ.

Холмъ.

Путь къ Холму. Видъ города отъ Ловати. Попытка написанія исторіи города. Значеніе его для древняго Новгорода. Историческое и нынѣшнее положеніе. Печище и Городище.

Утромъ 28-го мая, путники направились по дорогѣ въ Холмъ; предстояло сдѣлать четыре перегона, по 25 верстъ каждый, по трудному, песчаному пути. Большая часть пути шла лѣсомъ, болотами; приходилось то и дѣло переѣзжать маленькіе мостики. Болотъ такъ много, что неудивительно существованіе въ Холмскомъ уѣздѣ десятка деревень, съ населеніемъ почти отрѣзаннымъ отъ всего міра болотами и пользующимся, несмотря на это, хорошимъ здоровьемъ и достаткомъ. Было жарко; оводы кружились подлѣ экипажей въ большомъ количествѣ; иногда по сторонамъ пути виднѣлись небольшія насыпи, очень тщательно огороженныя; это тѣ мѣста, въ которыхъ зарыты павшіе въ послѣдніе годы коровы и лошади отъ долго гостившей тутъ сибирской язвы.

Къ часу дня прибыли въ деревню Троица-Главица, въ 47 верстахъ отъ Холма. Послѣ непродолжительнаго отдыха, къ $2^1/_2$ часамъ, они были вновь въ дорогѣ. Лѣсъ становился мельче, почва суше, холмы круче. На полпути къ Холму подъѣхали къ быстрой и порожистой Ловати, подлѣ деревеньки Сопки, получившей свое названіе отъ четырехъ кургановъ, вѣроятно могильныхъ, ее окружающихъ и обусловливающихъ очень хорошенькій пейзажъ. Деревни попадались все чаще.

Церкви города Холма показались верстъ за восемь. Наконецъ, лѣсъ отступилъ совершенно, и въ яркомъ сіяніи дня съ весьма высокаго, крутого берега Ловати очень красиво очертился предъ ними Холмъ, одинъ изъ древнихъ городовъ русскихъ. Сѣвъ въ другіе экипажи, путники съѣхали съ длиннаго, высокаго спуска къ рѣкѣ и направились по пловучему, поставленному наискось рѣки мосту. Видъ съ него на очень высокій противоположный берегъ Ловати очень красивъ.

Подобно многимъ другимъ городамъ Россіи, у Холма нѣтъ опредѣлен-

наго начала, но какъ средоточіе дѣятельности ловатскаго судоходства онъ обозначился, несомнѣнно, очень рано. Въ «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1839 года помѣщены отрывки изъ записокъ о Холмѣ одного изъ мѣстныхъ жителей, статскаго совѣтника Войнакуринскаго; эти записки—единственный трудъ по исторіи города.

Авторъ «Записокъ» стилистъ не знаменитый и относитъ Холмъ ко «многимъ преданіямъ, осуществленнымъ вѣроятіемъ»; это видно—говоритъ онъ—изъ Нестора; вѣроятно основанъ Холмъ кривичами; вѣроятно былъ онъ отдѣльною «республикой, выпедшею изъ системы исторической отчетности». Вѣрно то, что другой уѣздный городъ губерніи, Великія-Луки, былъ основанъ холмитяниномъ и что холмитянинъ этотъ былъ Лука «ремесломъ разбойникъ»; несомнѣнно, слѣдовательно, что Холмъ древнѣе Великихъ-Лукъ.

Умные новгородцы, очень хорошо понимая выгоды соединенія рѣки Ловати съ озеромъ Ильменемъ, забрали себѣ городъ Холмъ, эту, какъ сказано въ «Запискахъ», «республику, выпедшую изъ исторической отчетности». Въ 1471 году былъ онъ значительнымъ погостомъ. Татары до Холма не доходили никогда; въ XIV вѣкѣ часто подходила къ нему литва, но разоренъ онъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, когда на него напали король польскій Стефанъ Баторій и король шведскій Іоаннъ; поляки и литва зимовали тогда въ Великихъ-Лукахъ, венгры —въ Опочкѣ.

Въ 1580 году, по распоряженію гетмана Замойскаго, воевода Вольскій взялъ Холмъ набѣгомъ и полонилъ воеводу князя Барятинскаго и «осадную голову» Панина; одновременно съ этимъ была выжжена Старая-Русса. Уступленный Баторію въ 1581 году, Холмъ возвращенъ Россіи обратно въ 1582 году и названъ въ договорѣ «городомъ». Отъ этихъ далекихъ боевыхъ дней сохранились и до сегодня зеленѣющіе окопы и далеко по окружности виднѣются молчаливые курганы, въ которыхъ покоятся какъ пришлые воители, такъ и свои.

О великой цѣпкости и жизненности холмитянъ свидѣтельствуетъ слѣдующее. Въ 1609 году городъ былъ разоренъ до основанія; жители его, выселившись, образовали тогда по округѣ, въ дебряхъ и болотахъ, четырнадцать деревень; сто лѣтъ спустя, въ 1707 году, Холмъ сталъ снова посадомъ, и за неудобностью исчезли девять изъ образовавшихся деревень и сохранились и дошли до насъ только пять; на мѣстахъ безвозвратно исчезнувшихъ даже по имени селеній, лежатъ теперь пустоши, сѣнокосы, и на каждомъ изъ нихъ имѣется мѣсто, называемое «печищемъ», и старые колодцы съ обручами внутри. Въ 1738 году Холмскій посадъ подчиненъ торопецкой военной канцеляріи, которая давала указы холмскому посадскому старостѣ и холмской земской избѣ. Въ тѣ блаженные дни, одинъ и тотъ же староста представлялъ въ своемъ лицѣ «присутствіе» обоихъ названныхъ учрежденій. Въ 1771 году императрица Екатерина II образовала Холмскій уѣздъ и въ городѣ открыта ратуша. Въ 1797 году императоръ Павелъ I упразднилъ всѣ присутственныя мѣста, кромѣ ратуши. Въ 1802 году Холмъ возстановленъ на прежнемъ основаніи императоромъ Александромъ Благословеннымъ, посѣтившимъ его дважды проѣздомъ въ 1820 и въ 1824 годахъ.

Холмъ стоитъ при соединеніи рѣкъ Ловати съ Куньей. Несмотря на обиліе окружающихъ его болотъ, самый городъ расположенъ на песчаной возвышенности. Главное занятіе холмитянъ составляетъ изстари сплавъ лѣса Ловатью; но эта отрасль промышленности, несмотря на давность, не развивается, не обогащаетъ городъ, но даетъ холмитянамъ кое-какіе заработки. Особенно сильно упали купеческія дѣла съ 1865 года, со времени открытія желѣзныхъ дорогъ; внутренняя торговля значенія не имѣетъ, и мѣстное купечество окончательно стушевывается. Въ городѣ около 5.000 жителей и шесть церквей.

Изъ древностей, имѣющихся въ наличности, слѣдуетъ упомянуть о «Городищѣ» новгородскихъ временъ, окруженномъ съ трехъ сторонъ Ловатью; замѣтенъ обрушенный валъ. Свидѣтелями давно умолкшихъ битвъ являются также многіе курганы, разсыпанные по окрестности. На Клинской сторонѣ города, въ часовнѣ, сохранилась деревянная свѣча длиной полтора аршина, раскрашенная цвѣтами, толщиной четыре вершка, съ надписью, гласящею, будто-бы 21 мая 997 года ее поставилъ холмскій посадскій человѣкъ Петровъ. Конечно, этотъ годъ невѣренъ, но свѣча несомнѣнно старинная, вѣроятно конца XVII вѣка. Есть въ городѣ «Татинова сторона»: названіе, происшедшее отъ слова тать—воръ; была здѣсь нѣкогда пещера, въ ней скрывались воры, и, какъ гласитъ преданіе, еще Іоаннъ Грозный посылалъ на нихъ своихъ дружинниковъ; только съ удаленіемъ татей, городъ, будто бы, сталъ обстраиваться.

Городской бульваръ, обсаженный очень старыми, густыми березами, идетъ по высокому, крутому косогору надъ самою Ловатью; на противоположномъ берегу ея, во мракѣ ночи вырисовывалось вдали освѣщенное кострами древнее Городище.

Демянскъ.

Демянскій уѣздъ. Хлѣбалово. Думина гора. Историческое о Демянскѣ. Впечатлѣніе, производимое городомъ.

Изъ Холма путники выѣхали 29-го мая утромъ. Дорога отъ Холма къ Демянску рѣзко дѣлится на двѣ части: въ Демянскомъ уѣздѣ мѣстность очень красива. Какъ будто для того, чтобы оставить по себѣ хорошее впечатлѣніе, Псковская губернія дала тоже хорошенькій пейзажъ подлѣ сельца Тоготь, надъ рѣчкой Тудеръ, на которой стоитъ лѣсопильный заводъ.

Ближайшая остановка была въ погостѣ Аполицы. Верстахъ въ двухъ отсюда есть усадьба Заостровье, принадлежавшая въ 1824 году, при проѣздѣ императора Александра I, князю Шаховскому. Говорятъ, будто владѣлецъ усадьбы, встрѣтивъ государя на крыльцѣ, поднесъ ему въ даръ «самое дорогое, что у него было»,—своего маленькаго сына, и ребенокъ былъ немедленно зачисленъ въ какой-то корпусъ.

Часть Демянскаго уѣзда, по которой пролегалъ путь, горниста и богата лѣсами; однихъ казенныхъ считается въ уѣздѣ 44.000 десятинъ, и между ними есть настоящія медвѣжьи трущобы. Красиво мѣсто подлѣ погоста Веллы, въ которомъ недалеко отъ новой каменной церкви стоитъ въ совершенномъ одиночествѣ съ заколоченными окнами очень древняя церковь, пережившая, вѣроятно, не одну сотню лѣтъ.

Было часовъ около четырехъ пополудни, когда они проѣзжали мимо усадьбы

Хлѣбалово, подаренной когда-то императоромъ Павломъ I графу Кушелеву и находившейся временно во владѣніи князя Лобанова. Приходилось ѣхать дорогой, обсаженною столѣтними березами, сильно качавшимися подъ напоромъ вѣтра. Вѣтеръ не замедлилъ преобразиться въ мощные, рѣзкіе шквалы, и нельзя не признать большимъ счастьемъ того, что три березы, сломанныя вѣтромъ и опрокинутыя поперекъ пути, только задержали ѣхавшихъ и не коснулись самыхъ экипажей. Всѣ эти березы были крѣпки, богаты листвой, чрезвычайно велики и вѣтвисты; прошло четверть часа времени, пока подоспѣвшій съ топорами и пилами народъ очистилъ дорогу.

Очень хорошъ видъ близъ села Успенскаго: дорога проходитъ между двухъ церквей. Къ вечеру путники свернули съ дороги и направились въ усадьбу Кошкино. Вихрь, опрокинувшій на пути ихъ березы, прошелъ надъ усадьбою, до ихъ прибытія, съ особенною силою; огромныя, мощныя деревья лежали возлѣ дома на землѣ, перегородили дорожки и покрыли вѣтвями, трепетавшими совершенно зеленою, свѣжею листвою, куртины и клумбы богато распустившихся цвѣтовъ.

Въ восьмомъ часу утра, 30-го мая, они продолжали свой путь на недалекій отсюда Демянскъ; тотчасъ же вслѣдъ за усадьбой, спустившись съ Думиной горы сквозь довольно узкій прорѣзъ дороги, не могли они не любоваться очень красивымъ видомъ долины рѣчки Щеберихи; она бѣжитъ между двухъ горъ: Думиной и Георгіевской; на послѣдней церковь Св. Георгія; ряды холмовъ, покрытыхъ гдѣ лѣсомъ, гдѣ колосившимися нивами, уходили въ даль; отъ одной изъ сосѣднихъ рощъ—Корочинской, говорятъ, кругозоръ на 25 верстъ.

Названіе Думина гора, происходитъ—такъ сообщаютъ мѣстные жители—отъ слова дума, потому что на этой горѣ воеводы обдумывали свои походы отъ Москвы къ Новгороду и обратно. Можетъ быть, настоящее названіе ей—и это, пожалуй, вѣрнѣе—дёмина -вѣтряная. Несомнѣнно, что въ этихъ мѣстахъ бывали и сраженія, такъ какъ въ курганахъ, попадающихся по пути, довольно часто находили и кольчуги, и бердыши. Лѣсъ, по мѣрѣ приближенія къ Демянску, рѣдѣлъ и уступалъ зачастую мѣсто полямъ. Къ Демянску они прибыли около десяти часовъ утра.

Въ старину Демянскъ назывался Демань или Дёмонь, что означало, будтобы—какъ и Дёмина гора—вѣтряное мѣсто; оно и понятно, такъ какъ городъ расположенъ на плоской возвышенности, поднимающейся къ югу отъ озера Ильмень, на водораздѣлѣ. Путники испытали на самихъ себѣ справедливость происхожденія его названія, такъ какъ вчерашніе шквалы перешли въ упорный, ровный, но замѣчательно сильный восточный вѣтеръ. Демянскъ былъ когда-то главнымъ мѣстомъ Новгородской Деревской пятины и вѣроятно тутъ стояло укрѣпленіе по дорогѣ изъ Торжка, которое и занялъ своими войсками великій князь Василій Темный, начиная войну съ Новгородомъ, въ отместку за помощь, оказанную новгородцами, въ 1441 году, обитателямъ Заволочья, возставшимъ на московскихъ воеводъ. Тридцать лѣтъ спустя, тоже съ войскомъ и тоже въ походѣ на Новгородъ, былъ здѣсь Іоаннъ III для окончательнаго покоренія Великаго Новгорода. Въ 1652 году Демянское село, по указу царя Але-

ксѣя Михайловича, поступило во владѣніе вновь устроеннаго патріархомъ Никономъ Валдайскаго монастыря, но оставалось за нимъ только два года. Въ 1824 году оно переименовано въ уѣздный городъ Демянскъ, съ присоединеніемъ къ нему селеній: Селища и Селищскаго-Рядка; 24-го декабря открыты присутственныя мѣста, но гербъ данъ городу только въ 1855 году; снопъ въ этомъ гербѣ изображаетъ прежній сельскій бытъ земледѣльческаго села Демянскаго. Теперь въ немъ около двухъ тысячъ жителей.

Въ началѣ второго часа выѣхали они по направленію къ Валдаю. При выѣздѣ изъ города предстала та же ровная, безлѣсная, безхарактерная мѣстность. Безтипичностью своею Демянскъ напоминаетъ Новоржевъ, только что въ немъ меньше воды, и Пушкинъ не посвятилъ ему ни одного стихотворенія.

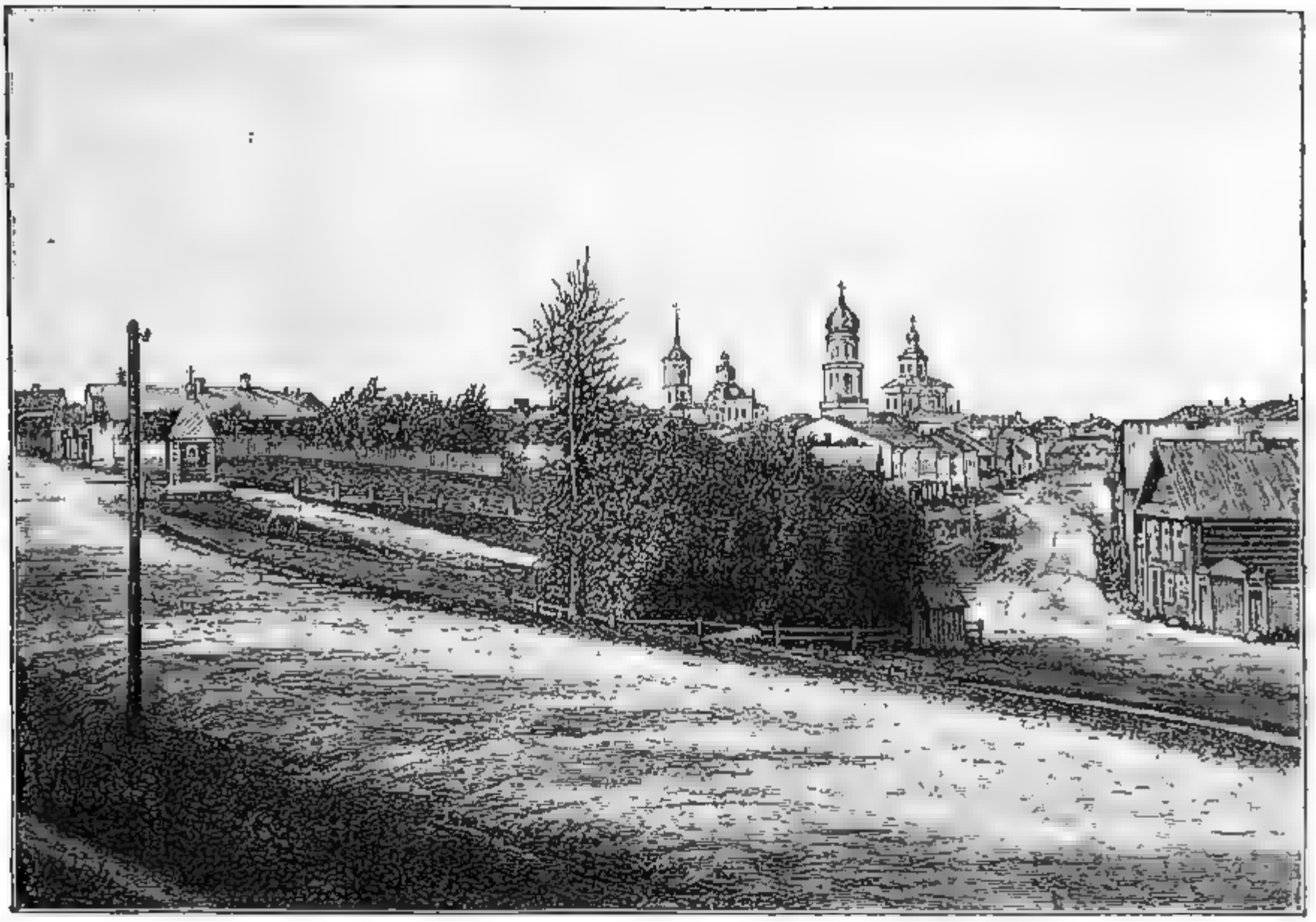
Валдай.

Путь къ Валдаю. Никольскій рыборазводный заводъ. Исторія этого дѣла. Коронцкая обитель. Валдай. Историческое. Патріархъ Никонъ. Преданіе о колокольчикахъ. Зимогорское побоище. Валдайскій монастырь. Иверская икона.

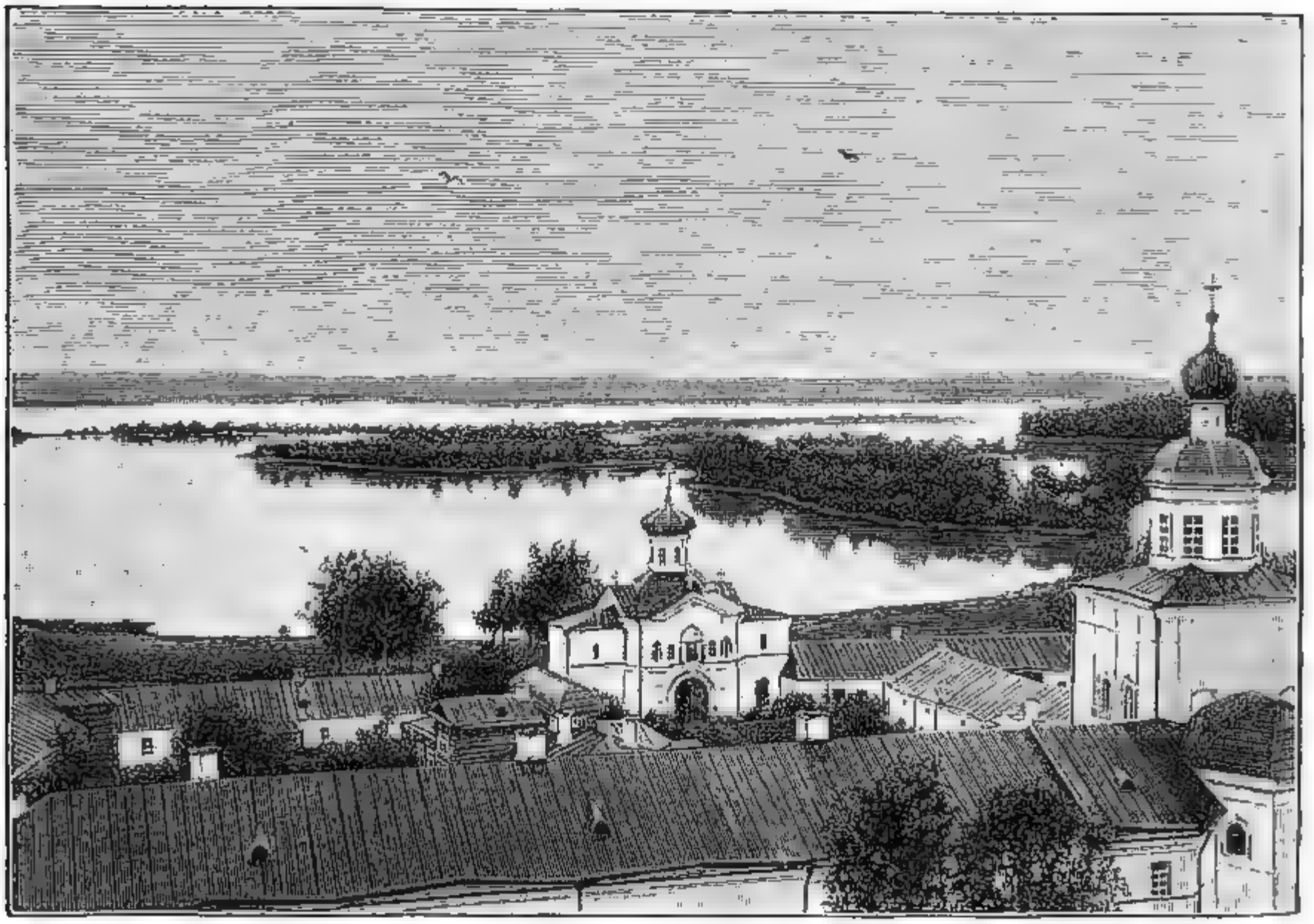
Путь отъ Демянска до Валдая гористый, но безлѣсный, если не считать лѣсомъ мелкій березнякъ, ивнякъ и довольно чахлыя елочки. Мѣстность около погоста Липицы, стоящаго на быстрой, сплошь покрытой камнями рѣчкѣ Луковицѣ, впадающей въ такую же игривую, какъ и она, Явань—очень красивая: рѣчки, образуютъ цѣлую панораму несомнѣнно горнаго характера. Скоро лѣсъ исчезаетъ совсѣмъ и открываются усѣянныя валунами поля.

Къ вечеру, быстро подвигаясь по извилистой дорогѣ, вьющейся по изгибамъ довольно большаго озера Вельевскаго, путники прибыли въ казенный Никольскій рыборазводный заводъ, находящійся въ одной верстѣ отъ почтоваго пути и состоящій изъ нѣсколькихъ зданій, потонувшихъ въ густой зелени. Заводъ основанъ лѣтъ сорокъ назадъ частнымъ предпринимателемъ В. Врасскимъ, извѣстнымъ открытіемъ способа сухого оплодотворенія икры, сохраненія икринокъ и молокъ въ теченіе нѣсколькихъ дней внѣ организма рыбы и примѣненіемъ способа задержанія развитія рыбы при помощи низкой температуры. Врасскій задался широкою цѣлью—арендовать или скупить всѣ окружныя озера, не исключая и Валдайскаго, и заселить ихъ форелью и сигами. Смерть помѣшала ему, и иностранцы совершенно несправедливо отрицаютъ его право на первенство въ названныхъ выше открытіяхъ.

Въ 1869 году заводъ перешелъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, и назначеніе его измѣнено: онъ сдѣланъ опытной акклиматизаціонной станціей и долженъ стремиться, путемъ пересаживанія мальковъ, заселить наши водные бассейны и снабжать рыбоводовъ оплодотворенною



«Посадъ». Древнѣйшая часть г. Валдая.



Правая часть Валдайскаго озера.

Снято съ колокольни Иверскаго монастыря.

икрою и мелкою рыбешкой. Правильному культивированію на заводѣ подвергаются только сигъ и форель. Для акклиматизаціи сиговъ въ волжскомъ бассейнѣ избрано было озеро Селигеръ; оттуда рѣчкой Селижаровкой попадаютъ они въ верховье Волги, такъ что за послѣдніе годы въ Нижнемъ-Новгородѣ стали ловиться сиги.

Заводу принадлежитъ ближнее озеро Пестовское и на рѣчкѣ Пестовкѣ пять рыборазводныхъ прудовъ, поверхностью около четырехъ десятинъ. На самомъ заводѣ восемь нерестныхъ ящиковъ, въ которыхъ кишмя кишатъ рыбешки, чрезвычайно похожія на плавающія юркія булавочки. 1,000 икринокъ съ зародышами стоятъ 3 рубля, 100 трехлѣтнихъ форелей, ростомъ до пяти вершковъ—55 рублей.

Не доѣзжая пяти верстъ до Валдая, на берегу небольшого Коропкаго озера, лежитъ село Коропко. Село это имѣетъ право на то, чтобы быть упомянутымъ, потому что въ немъ родился и воспитывался до четырнадцатилѣтняго возраста святитель Тихонъ Задонскій. Онъ былъ хиротонисанъ въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ 1761 году, и скончался въ Задонскомъ Богородицкомъ монастырѣ въ 1783. Въ селѣ Коропкѣ двѣ церкви; одна замѣчательно древняя, деревянная, Св. Николая. Она построена, какъ говорятъ, 200 лѣтъ назадъ; очень невелика, срублена изъ сосноваго лѣса и только недавно обита тесомъ. Стѣны ея бревенчатыя, иконостасъ трехъярусный; предъ иконами и въ алтарѣ деревянные точеные подсвѣчники; надъ алтаремъ деревянная сѣнь; окна чрезвычайно малы. Надъ церковью одинъ только куполъ; возлѣ нея, въ выкрашенной зеленою краской оградѣ, похоронены отецъ святителя Тихона, Савва, его дѣдъ, бабка и другіе родные.

Всего въ одной верстѣ отъ нея, опять-таки на берегу Коропкаго озера, стоитъ Коропкій дѣвичій общежительный, во имя святителя Тихона, монастырь. Это бывшая Коропкая женская община, основанная, послѣ прославленія святителя, на пожертвованія, поступившія со всей Россіи; она была переименована въ общежительный монастырь съ Высочайшаго соизволенія 28-го февраля 1881 года, т. е. въ послѣдній день жизни Царя-Мученика, и составляетъ слѣдовательно одно изъ послѣднихъ дѣяній земного существованія въ Возѣ почивающаго императора Александра II.

Около девяти часовъ вечера, путники прибыли въ Валдай и направились прямо въ Троицкій соборъ. Въ описываемое время, весь городъ былъ еще полонъ слѣдовъ страшныхъ пожаровъ 1854 и 1881 годовъ, истребившихъ его до тла; много кирпичныхъ стѣнъ свидѣтельствовали о томъ, что онъ былъ очень красиво обстроенъ. Соборъ—тоже пожарище, и служба совершалась во временномъ помѣщеніи, хотя, снаружи, онъ казался неповрежденнымъ; какъ-то странно было смотрѣть на древнія массивныя иконы, временно пріютившіяся на выбѣленной стѣнѣ. Время основанія собора неизвѣстно; нынѣшній начатъ построеніемъ въ 1694 году, но нѣкоторыя части его разобраны, другія пристроены; онъ много разъ горѣлъ, и послѣ пожара 1881 года возобновлены только придѣльные храмы; главный придѣлъ оставался нетронутымъ въ своемъ запустѣніи, съ черною копотью по стѣнамъ и порванными желѣзными связями на полу и подъ куполомъ.

Общій видъ мужского Иверскаго монастыря (на Валдайскомъ озерѣ).

Общій видъ Короцкаго женскаго монастыря близъ г. Валдая.

Видъ на городъ, при въѣздѣ въ него отъ Демянска, очень красивъ: предъ взоромъ путниковъ широко разстилалось Валдайское озеро и на одномъ изъ острововъ его, въ густой зелени, виднѣлся Иверскій монастырь; мѣстность кругомъ безусловно гориста, и оттѣняющія одна другую горы убѣгаютъ вдаль во всѣ стороны. Гора значится и въ гербѣ Валдая.

Названіе Валдай, въ старину Волдай, Волю-дай, упоминаемое впервые въ новгородскихъ лѣтописяхъ въ 1495 г. «Валдайское Селище», означаетъ, по объясненію мѣстныхъ историковъ, отнюдь не какое-нибудь отношеніе къ вольностямъ Новгорода и его вѣчу, а болѣе скромное, непритязательное своеобразное начало города. Тутъ, мимо озера, шелъ когда-то большой скотопрогонный трактъ, которымъ двигались къ людному Новгороду гурты изъ нашихъ нынѣшнихъ низовыхъ губерній; здѣсь на вѣчно спорной границѣ Новгородскихъ вѣчевыхъ и Тверскихъ княжескихъ владѣній стояло, вѣроятно, нѣчто въ родѣ таможни, невдали отъ нынѣшняго Жжелбицкаго яма, на берегу озера, и отведены были для пастьбы скота луга. Скоту, пущенному на пастьбу, и давали волю. Другіе говорятъ, что таможня взимала не деньгами, а волами: «вола дай». Есть мнѣніе, производящее имя города отъ финскаго языческаго бога Валды. Повидимому, раньше XVI вѣка слово Валдай не встрѣчается; направляясь къ Новгороду, Іоаннъ IV выжегъ село до основанія, вмѣстѣ съ другими новгородскими селеніями; въ 1611 г. разорили его войска Де-ла-Гарди. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ здѣсь были поселены плѣнные поляки, по присоединеніи Смоленска—бѣлоруссы, при Петрѣ I—часть стрѣлецкаго войска. Въ это время село было уже довольно людно и богато. Когда, при Алексѣѣ Михайловичѣ, патріархъ Никонъ задумалъ и создалъ на близлежащемъ озерѣ извѣстный монастырь, то къ обители приписана была, между прочимъ, и Подозерная слобода, или Валдай; патріархъ повелѣлъ именовать озеро Валдайское—Святымъ, село Валдай—Богородичнымъ, а самый монастырь—Святоезерскимъ. Село Богородичное, Валдай тожъ, состояло подъ управленіемъ монастырскаго приказа съ 1764 года и при всеобщемъ отобраніи крестьянъ отъ монастырей поступило въ вѣдѣніе коллегіи экономіи, а въ 1770 сдѣлано городомъ. Съ цѣлью возможно бо́льшаго заселенія края, въ числѣ льготъ, дарованныхъ жителямъ указомъ 2-го апрѣля 1772 года, значится освобожденіе отъ постоя и повелѣно было всѣ расходы на учрежденіе городскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ производить изъ казны, что̀ подтверждено въ 1836 году и на полицію назначено тогда же по 200 руб. ежегодно. Проведеніе Московскаго шоссе оживило и обогатило городъ; проведеніе Николаевской желѣзной дороги, проходящей въ 38 верстахъ, сразу остановило его процвѣтаніе.

Существуетъ преданіе о происхожденіи знаменитыхъ валдайскихъ колокольчиковъ, пользующихся всероссійскою извѣстностью. Говорятъ, будто царь Иванъ, снявъ въ Новгородѣ вѣчевой колоколъ, велѣлъ нести или везти его въ Москву. Государева рать дошла до Валдая, и тяжесть ли колокола, трудность ли пути или просто желаніе царево, но колоколъ былъ разбитъ. Ушло царское войско, а обломки колокола остались лежать; изъ этихъ мелкихъ обломковъ, невѣдомою силою, образовались маленькіе колокольчики. По другому преданію,

осколки колокола подобрали валдайцы и стали лить свои колокольчики и льютъ ихъ преемственно до сихъ поръ. Преданіе это, не лишенное оригинальности и картинности,—все-таки не болѣе, какъ преданіе; но вотъ и историческое. 22-го іюня 1754 года, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, произошло здѣсь изъза клочка земли великое побоище между валдайцами и зимогорцами; сторону первыхъ принялъ монастырь, которому село принадлежало. Дралось до 10.000 человѣкъ; было много убитыхъ и раненыхъ; судъ тянулся долго, много было наказанныхъ, и только Высочайшимъ манифестомъ 1762 года, по случаю воцаренія Екатерины II, остальные прощены.

На слѣдующій день, рано утромъ, путники отправились въ экипажахъ въ Валдайскій Иверскій монастырь. Если-бы погода была мало-мальски хороша, переѣхать можно было бы къ монастырю на катерѣ всего три версты; но такъ какъ сѣверный вѣтеръ, называемый здѣсь «кронштадтскимъ», былъ очень силенъ, шелъ снѣгъ и порой градъ, то пришлось сдѣлать сухопутный объѣздъ, 18 верстъ въ оба конца.

Валдайское озеро красуется въ своихъ прихотливыхъ холмистыхъ береговыхъ извилинахъ подлѣ самаго города, къ сѣверо-востоку. На одномъ изъ сстововъ этого озера, на самомъ большомъ, стоитъ извѣстная обитель иноческая, хорошо видная изъ города и носящая довольно длинное наименованіе: Валдайскаго Иверскаго Святоезерскаго, Богородицкаго первокласснаго монастыря. Къ этому монастырю, какъ сказано, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ приписанъ городъ, тогда еще село, Валдай; озеро имѣетъ 25 верстъ въ окружности и соединено узкимъ проливчикомъ, называемымъ Копанью, съ другимъ озеромъ, Ужинскимъ, имѣющимъ въ окружности 10 верстъ. Островъ весь покрытъ могучимъ еловымъ боромъ и съ одной стороны его устроенъ къ материку берегу плавучій мостъ.

Иконостасъ въ соборномъ храмѣ пятиярусный, состоящій изъ одиночныхъ изображеній святыхъ, въ красивыхъ рѣзныхъ, золоченыхъ, обвитыхъ виноградною лозой и кистями, рамахъ; куполовъ пять; всѣ они съ восьмигранными шейками и покрыты, какъ и четыре столба и стѣны, фресковою живописью. Влѣво отъ входа—рака съ мощами св. Іакова Боровичскаго, вправо—чудотворная икона Иверской Божіей Матери. У входа въ соборъ портреты царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона, основателя монастыря. Кругомъ всего собора идетъ крытая обходная галлерея, въ которой покоятся прежніе настоятели, числомъ одиннадцать. Тутъ же виднѣются парадныя носилки, на которыхъ чудотворная икона совершаетъ свои далекіе крестные ходы. Ризница монастыря особенно богата дарами патріарха Никона.

Обитель начала отстраиваться въ 1653 году, при содѣйствіи патріарха Никона. За двадцать лѣтъ до того, въ качествѣ инока Соловецкаго монастыря, Никонъ жилъ на Анзерскомъ островѣ, окруженномъ непривѣтливыми волнами Бѣлаго моря. Воспоминанія объ этомъ молодомъ подвижническомъ времени жизни были дороги патріарху, и онъ, пользуясь своимъ могуществомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, задумалъ создать монастырь на пустынномъ въ тѣ дни островѣ Валдайскаго озера. Монастырь былъ богато одаренъ угодьями,

и, кромѣ того, по ходатайству Никона, на Аѳонской горѣ была написана точная копія иконы Иверской Богоматери, причемъ во время работы «иконописецъ токмо въ субботу и воскресенье употреблялъ пищу, а братія по дважды въ недѣлю совершали всенощныя и литургіи». Икона, находящаяся въ Валдайскомъ монастырѣ, ничѣмъ не разнится отъ древней иконы: «ни длиною, ни шириною, ни ликомъ, только слово въ слово аки старая». Четыре раза посѣтилъ Никонъ созданную имъ Валдайскую обитель, свое любимое дѣтище; при второмъ посѣщеніи находился при встрѣчѣ мощей св. Іакова Боровичскаго, перенесенныхъ сюда въ 1654 году изъ Боровичскаго Свято-Духова монастыря; при третьемъ посѣщеніи, въ 1656 году, онъ привезъ въ даръ монастырю упомянутую выше икону Иверской Богоматери. По отреченіи Никона отъ патріаршаго престола, строгость суда обрушилась и на созданные имъ три монастыря, въ томъ числѣ, и на Валдайскій; монастыри повелѣно закрыть, а имѣнія отобрать. По опредѣленіе это не исполнено, и грамотой 1668 года обители возвращены всѣ прежнія права.

Въ настоящее время, въ обители четыре церкви, до 40 человѣкъ иноковъ и земли около 3.000 десятинъ, изъ нихъ на главномъ островѣ 320. Видъ на противолежащій Валдай отъ монастыря очень хорошъ.

Вышній-Волочекъ.

Гидротехническія сооруженія. Сердюковъ. Былое Вышневолоцкой системы. Казанскій монастырь. Богадѣльня Ермакова. Владиміро-Маріинскій пріютъ художниковъ у истока Мсты.

Отъ Валдая до Вышняго-Волочка 85 верстъ стараго московско-петербургскаго шоссе. Оно тянется во всю дорогу нескончаемою, утомительно прямою линіей; пейзажъ однообразенъ въ высшей степени; по пути изрѣдка попадаются длинныя села, бывшіе «ямы», въ которыхъ ютились и жили въ довольствѣ ямщики самаго бойкаго, самаго доходнаго до появленія желѣзной дороги тракта. Указъ о его постройкѣ состоялся въ 1817 году, къ работамъ приступили въ 1820 году; въ 1833 году оно было готово отъ Петербурга до Едрова, въ 1839 году—вполнѣ завершено. Трудно объяснить себѣ причину замѣчательной разницы между селами Новгородской и смежной съ нею Тверской губерніи; насколько первыя представляютъ изъ себя образчики разрушенія, настолько вторыя обстроены хорошо. Условія существованія повидимому тѣ же.

Вышній-Волочекъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ типичнѣйшихъ русскихъ городовъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, единственный,—онъ нѣсколько напоминаетъ Венецію. Особенность этого города, вся суть его—если можно такъ выразиться—въ его каналахъ и въ чудовищномъ водномъ бассейнѣ, достойномъ всякаго удивленія: онъ питаетъ Вышневолоцкую систему.

Разсказываютъ почти невѣроятное: будто водный бассейнъ Вышняго-Волочка, съ его 60-ти верстною округой и чудесами гидротехники, въ настоящемъ своемъ видѣ сооруженъ при Петрѣ Великомъ извѣстнымъ Сердюковымъ, который былъ родомъ калмыкъ, безъ многосложныхъ проектовъ и смѣтъ, безъ комиссій и и ихъ разсмотрѣній и наконецъ почти безъ всякаго административнаго наблюдательнаго персонала. Несомнѣнно, что бейшлотъ строили при Екатеринѣ II.

Вышній-Волочекъ. Набережная Цны и лѣтній соборъ

И это водохранилище почти безъ ремонта прекрасно дѣйствуетъ второе столѣтіе! Говорятъ, будто Сердюковъ до кончины своей въ 1746 г. заботился только о себѣ, что онъ построилъ мукомольную мельницу и сдѣлалъ для нея запруду; бейшлотъ называется и до сегодня «заводскимъ», въ воспоминаніе сердюковской мельницы; каменный домъ, окруженный аллеями, бѣгущими подлѣ бассейна, современенъ тѣмъ днямъ и несомнѣнно голландскихъ очертаній, въ общемъ вполнѣ сохранившихся.

Вышній-Волочекъ расположенъ на Тверецкомъ каналѣ, Цнѣ и Цнинскомъ каналѣ; тутъ водораздѣлъ Каспія и Балтики. Открытіе Николаевской желѣзной дороги и улучшеніе Маріинской системы нанесли Вышневолоцкой системѣ смертельный ударъ. Тридцать лѣтъ назадъ сквозь первый Мстинскій шлюзъ, находящійся отсюда въ 15-ти верстахъ, у выхода Мсты изъ Мстинскаго озера, проходило до 10.000 барокъ; теперь проходитъ сотня, другая. До сихъ поръ на берегу краснваго, оживленнаго озера Мстино и по теченію еще болѣе оживленной Мсты стоятъ, осиротѣвъ, огромныя двухъ- и трехъ-этажныя деревянныя зданія, служившія когда-то трактирами и ночлегами многимъ тысячамъ народа, шедшаго на баркахъ. Теперь все это опустѣло, вымерло, молчитъ. Шлюзы, въ виду ихъ стоимости и возможнаго будущаго, все-таки поддерживаются. Вышневолоцкая мѣстность водораздѣла дѣйствительно чрезвычайно богата водой. Множество озеръ, частью искусственныхъ, болотъ и рѣчекъ, по сторонамъ Вышняго-Волочка, Мсты и Тверцы, шлюзированы, и запасы воды огромны. Запасы эти, несмотря на незавидныя судьбы системы, все-таки необходимы, потому что они могутъ быть направлены въ случаѣ надобности и исключительно въ Волгу, чрезъ Тверцу.

Въ 1785 году, въ маѣ, Вышній-Волочекъ дважды посѣтила императрица Екатерина II, по пути въ Москву и проѣздомъ оттуда обратно на Боровичи, по Мстѣ, озеру Ильменю, Волхову, Ладожскому каналу и Невѣ. Путешествіе это длилось съ 24 мая по 20 іюня. Въѣздъ въ Вышній-Волочекъ былъ торжественный. Императрица молилась въ церквахъ, дважды обходила шлюзы. Въ свитѣ императрицы находились, въ числѣ другихъ, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ и московскій генералъ-губернаторъ графъ Брюсъ. 30 мая, значится въ «Камеръ-фурьерскомъ церемоніальномъ журналѣ», «въ 3-мъ часу, ея императорское величество изволила воспріять отсутствіе въ путь» на Москву. Въ 1801 году, проѣздомъ на коронацію, былъ здѣсь также и императоръ Александръ I. Въ 1826 году, въ глубокую зиму, прибыли въ Вышній-Волочекъ печальные останки его по пути изъ Таганрога. Въ мѣстномъ соборѣ иконостасъ трехъярусный, и весь храмъ въ значительной степени покрытъ фресками.

Отъ собора путь лежалъ за городъ, гдѣ, въ двухъ верстахъ отъ него, поднимается богатый рядъ зданій Казанскаго женскаго монастыря. Лѣтъ двадцать тому назадъ тутъ находилась пустошь и стояла простая часовенька съ чудотворною иконой Казанской Божіей Матери. Энергіей управлявшей монастыремъ игуменіи Досиѳеи, образована была подлѣ часовни женская община, а въ послѣдній годъ царствованія Александра II обращена она въ монастырь, въ которомъ около 500 инокинь. Совершенно новая, красивая, въ стилѣ Воз-

Вышній-Волочекъ. Набережная Цнинскаго канала. Зимній соборъ.

Г. Вышній-Волочекъ.
Владиміро-Маріинскій академическій пріютъ (бывшій „Городокъ у Мстинскаго шлюза").

рожденія, со многими куполами, построенная соборная церковь представляется очень красивой. Чудотворная икона принадлежитъ не монастырю, а вышневолоцкому собору и находится въ особо построенной для нея церкви.

Заводскій бейшлотъ,—главное водохранилище Вышневолоцкой системы,—находится въ четырехъ верстахъ отъ города. Поверхность его занимаетъ 55 квадратныхъ верстъ, а бассейнъ заключаетъ около 55 милліоновъ куб. саженъ воды. На старинныхъ картахъ можно видѣть прежнее теченіе рѣки Цны и Шлины и тѣ рощи и поля, которыя стушевались, ушли въ огромный водный бассейнъ. Заводскій гранитный бейшлотъ, подлѣ котораго стоитъ каменный домъ голландской постройки, неоднократно посѣщавшійся Петромъ I, настолько старъ, что, на всякій случай, ниже его, по направленію къ городу, поставленъ вспомогательный, деревянный. Отсюда питается Вышневолоцкая система и можетъ быть питаема Волга черезъ Тверцу.

Большое удовольствіе можетъ доставить путешественнику посѣщеніе расположенной въ томъ же концѣ города богадѣльни Ермакова. Обидно, что такіе щедрые благотворители, какъ Ермаковы, недостаточно извѣстны у насъ. Въ В.-Волочкѣ существуетъ очень обширная бумагопрядильная и ткацкая фабрика товарищества Прохоровыхъ, бывшая Ф. Я. Ермакова съ сыновьями, возвышающаяся своими кирпичными стѣнами на самомъ берегу Цны. Я. Ермаковъ, отецъ бывшихъ собственниковъ, основалъ здѣшнюю богадѣльню на 160 человѣкъ и, закрѣпивъ за нею всѣ зданія, положилъ еще и вѣчный капиталъ въ 50.000 руб. Этого мало; для поддержанія дѣйствительно замѣчательнаго по роскоши и цѣлесообразности учрежденія, и сыновья покойнаго великодушно даютъ на богадѣльню «сколько нужно». И даютъ они «сколько нужно» не въ одномъ только Волочкѣ: Ермаковскіе пріюты имѣются и въ Москвѣ; во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ призрѣваются цѣлыя тысячи старичковъ и старушекъ; да воздастся это имъ, благотворителямъ, сторицею! Портретъ основателя, висящій въ первой комнатѣ, изображаетъ человѣка глубоко привлекательной наружности.

Къ 2-мъ часамъ пополудни путники оставили Вышній-Волочекъ, съ тѣмъ чтобы прослѣдовать на станцію Мста и посѣтить Владиміро-Маріинскій академическій пріютъ, открытый въ 1884 году.

Дѣло въ томъ, что въ 20 верстахъ отъ Волочка, у самаго истока Мсты изъ озера Мстина, находится надъ озеромъ довольно высокая гора. Мѣстность очень красива; холмы, чуть-чуть пониже, окружаютъ ее; двѣ деревни и двѣ усадьбы находятся подлѣ; воды и зелени много. У самаго источника Мсты воздвигнутъ грандіозный, въ гранитномъ обрамленіи, первый Мстинскій шлюзъ. Во время процвѣтанія Вышневолоцкой системы тутъ было главное движеніе и сходились тысячи судовъ и тысячи народа. На горѣ возвышалось каменное зданіе, служившее мѣстопребываніемъ начальника дистанціи Вышневолоцкаго округа путей сообщенія. На этой горѣ, во время рытья каналовъ, часто живалъ Петръ I; этотъ домъ на каменномъ фундаментѣ поставленъ былъ Сердюковымъ для самого себя и возобновленъ Екатериною II. Онъ оказался совершенно ненужнымъ, когда прошли дни процвѣтанія Вышневолоцкой системы, и обращенъ теперь въ академическій пріютъ. Цѣль его — дать возможность на-

нимъ академистамъ-художникамъ, проживая лѣтомъ въ очень красивой, разнообразной и типической мѣстности, дѣлать этюды, совершенствоваться, подготовлять картины; не безучастны будутъ при этомъ и историческія воспоминанія. Пріютъ носитъ имя Великаго Князя Владиміра Александровича и его Августѣйшей Супруги; въ 1884 году помѣщалось въ немъ 7 академистовъ въ 1885—29. Академисты получаютъ на проѣздъ, кромѣ того, небольшую стипендію и живутъ на всемъ готовомъ, подчиняясь одному начальствующему лицу. Попечителемъ пріюта состоялъ В. А. Кокоревъ, усадьба котораго находилась близехонько, на противоположномъ берегу Мсты. Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1785 году, 10-го іюня, Екатерина II, возвращаясь изъ Москвы, обѣдала въ зданіи нынѣшняго пріюта, называвшемся тогда «городкомъ что̀ при Мстинскомъ шлюзѣ». Мысль учрежденія этого пріюта оригинальна, и удачна, и принадлежитъ Великому Князю Владиміру Александровичу, президенту академіи художествъ, а осуществленіе ея—В. А. Кокореву.

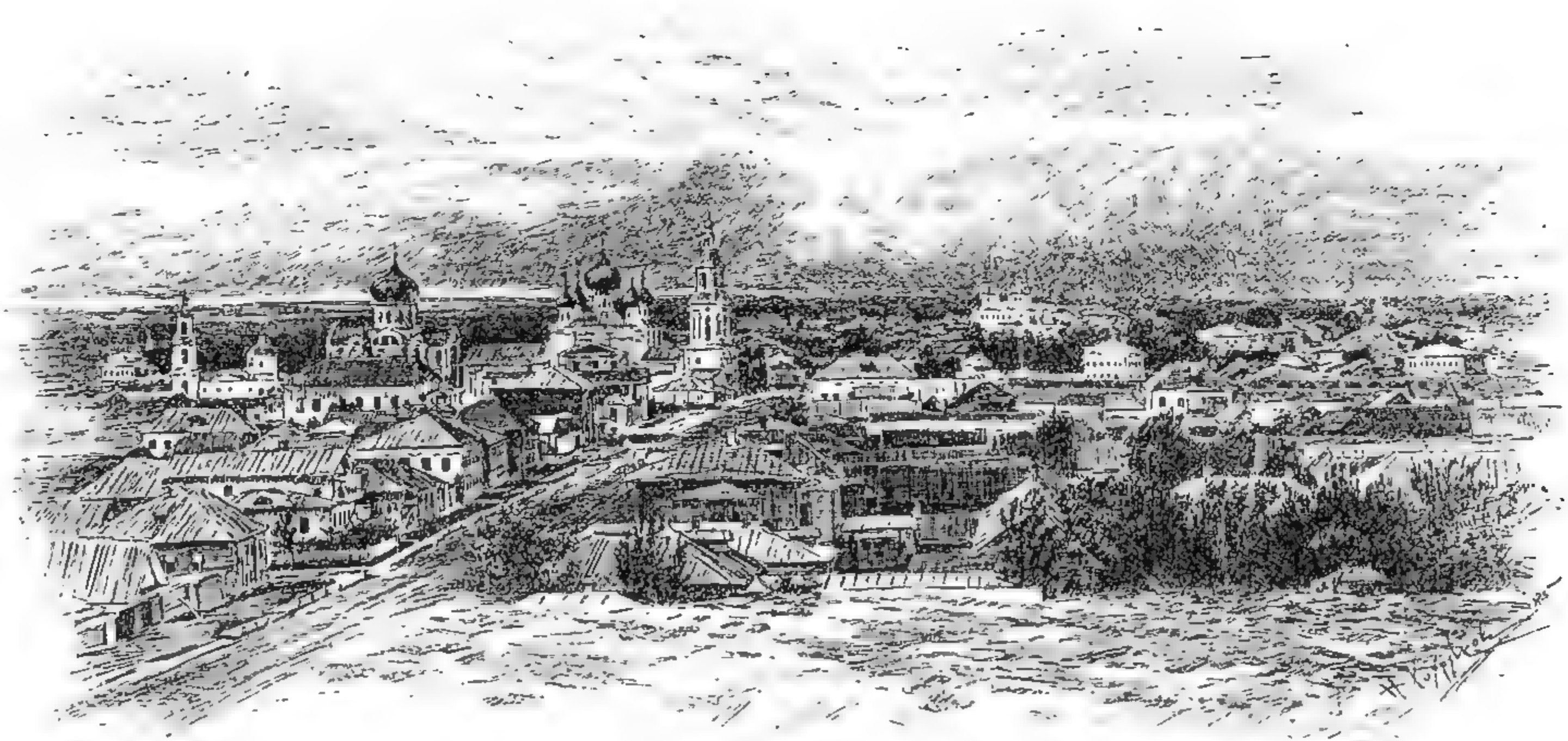
Бѣжецкъ.

Историческое. Происхожденіе имени. Процвѣтаніе города.

Въ Бѣжецкъ, на одну изъ станцій Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, путники прибыли 2-го іюня, въ началѣ 10-го часа утра, и проѣхали мимо старѣйшей церкви города, Введенской, съ ея небольшими синими куполами и отдѣльно стоящею шатровою колокольней. Внутренность собора замѣчательна тѣмъ, что изъ числа четырехъ массивныхъ круглыхъ столбовъ, поддерживающихъ барабанъ купола, два вошли въ иконостасъ и закрыты его богатыми рѣзными украшеніями, вслѣдствіе чего алтарная часть церкви очень просторна, такъ какъ она занимаетъ почти треть ея.

Бѣжецкъ былъ когда-то центральнымъ мѣстомъ Новгородской пятины того же имени и упоминается уже въ уставѣ 1137 года о денежныхъ взносахъ въ пользу новгородскихъ епископовъ. Достойно упоминанія, что перечисленія всякихъ взносовъ, даней, пошлинъ, всевозможныхъ видовъ фиска представляютъ для историческихъ изслѣдованій значительную долю опоры; исчезли люди, города, области, столѣтія, а скромная «цифирь» той или другой повинности неуклонно говоритъ изслѣдователю о далекомъ прошломъ. Въ помянутомъ уставѣ, между прочимъ, сказано: «А се бѣжитьской рядъ: въ Бѣжичехъ 6 гривенъ и 8 кунъ, Городецкѣ полпяты гривны» и т. д.

Бѣжецкъ, Бѣжичи, находился прежде на другомъ мѣстѣ, на 11-й верстѣ ниже по теченію Мологи, тамъ, гдѣ теперь село Бѣжицы. Онъ построенъ новгородцами, бѣжавшими «отъ гибели и нестроенія» изъ своего города. Легендарныя свѣдѣнія восходятъ до X вѣка и даже далѣе, ко временамъ Гостомысла. Въ 1245 году въ Бѣжецкой пятинѣ произошелъ несчастный бой съ литвой, но подоспѣвшая отъ Новгорода помощь поправила дѣло и отняла всѣхъ



Общій видъ г. Бѣжецка.

взятыхъ въ плѣнъ въ Бѣжецкѣ. Послѣ 1273 года, вслѣдствіе разгрома стараго города тверскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, новгородцы стали возобновлять его на новомъ, нынѣшнемъ мѣстѣ, вверхъ по рѣкѣ; отсюда лѣтописное названіе—Бѣжецкій Верхъ. Великій князь Василій Дмитріевичъ отнялъ Бѣжецкъ въ 1396 году отъ Новгорода, но потомъ возвратилъ его, потому что въ новгородской договорной грамотѣ съ княземъ Тверскимъ, 1426 года, говорится, что тверская граница проходитъ мимо Бѣжецкаго Верха. Бѣжецкій Верхъ былъ разоренъ Василіемъ Косымъ, когда онъ, въ 1435 году, шелъ изъ Костромы въ обходъ на Москву. Бѣжецкій Верхъ былъ границей новгородскихъ владѣній и въ 1436 году и въ слѣдующіе два года дважды разграбленъ княземъ Тверскимъ въ наѣздѣ его на Торжокъ. Въ 1449 году Бѣжецкій Верхъ уступленъ Василіемъ Темнымъ князю Можайскому послѣ примиренія съ нимъ, а въ духовномъ завѣщаніи 1461 года Василій Темный передалъ его уже какъ свою собственность въ наслѣдство Іоанну III. Упрямые новгородцы, однако, все-таки считали его своимъ городомъ и указывали на это, договариваясь съ Казимиромъ Польскимъ, принявшимъ любезное посредничество для улаженія распри Новгорода съ Москвой. Послѣ подчиненія Новгорода Іоанномъ III не могло быть болѣе и рѣчи о принадлежности Бѣжецка той или другой сторонѣ. Онъ сохранилъ предѣлъ пятины до Петра I. Іоаннъ III построилъ въ Бѣжецкѣ укрѣпленіе — новый городъ, острогъ и посадъ; еще до того времени существовалъ тутъ монастырь Введенскій, упраздненный въ 1764 году; вмѣстѣ съ нимъ упраздненъ былъ и женскій Крестовоздвиженскій, просуществовавшій только 80 лѣтъ.

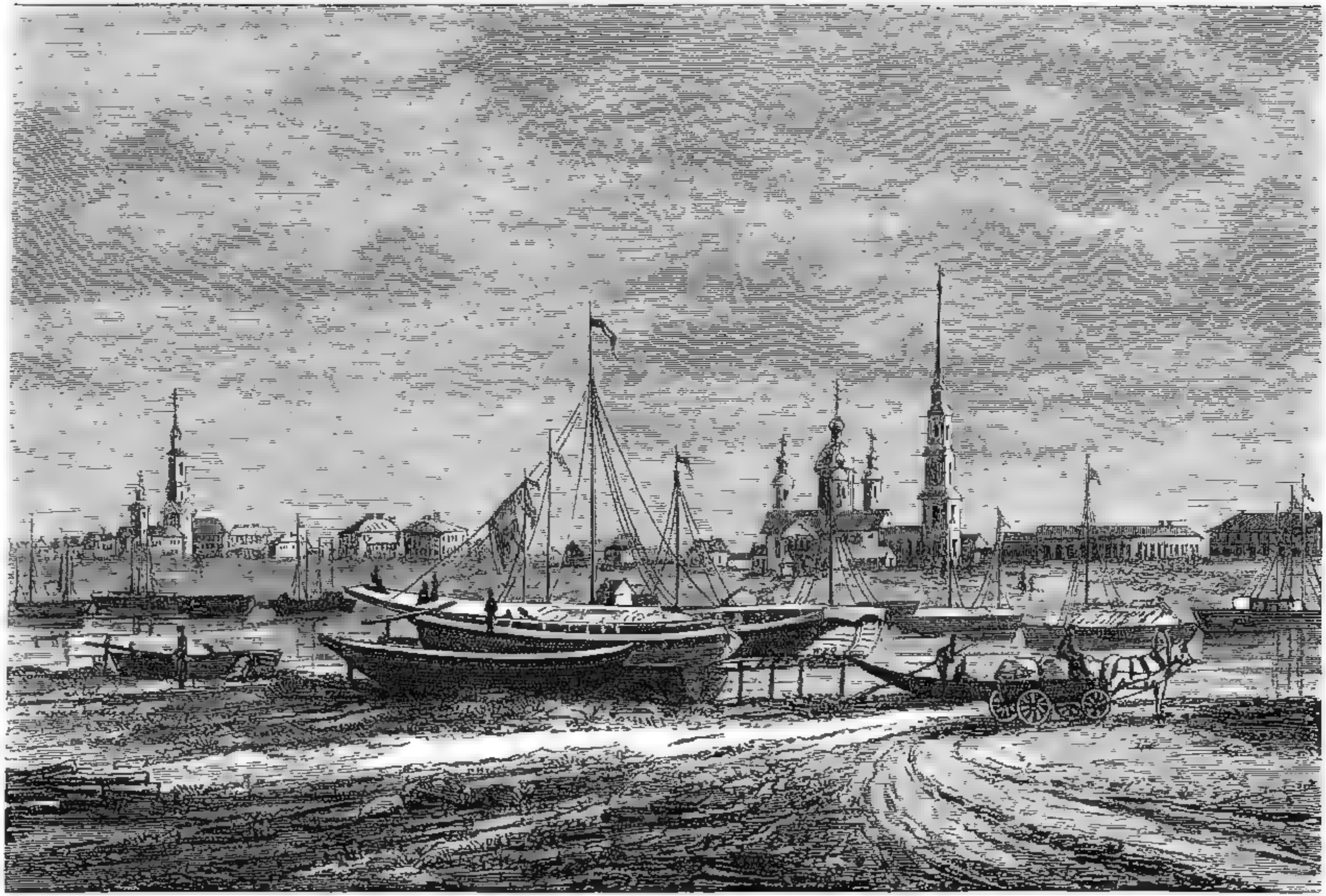
Городокъ расположенъ очень весело на холмахъ при рѣкѣ Мологѣ; онъ много оживляется присутствіемъ квартирующихъ здѣсь гвардейцевъ 1-го кавалерійскаго запаса. Повидимому это мѣсто злачное для кавалеріи, такъ какъ сѣно въ иные годы стоитъ только 10 коп. пудъ. Главная торговля производится мѣшками, около $1^1/_2$ милліона штукъ, на 300.000 руб., идущими отсюда въ Рыбинскъ, Нижній и Москву. Проведеніе желѣзной дороги не мало помогло городу, относящемуся къ гвардейскому кадру очень внимательно, такъ какъ за послѣднее время постройки для него обошлись городу около 35.000 руб. Съ 1872 года существуетъ городской общественный банкъ. Жителей въ Бѣжецкѣ около 10.000.

Рыбинскъ.

Царская рыбная слобода. Центръ Маріинской системы. Судьбы Крохина, Бѣлозерска, Череповца. Возникновеніе пароходства на Волгѣ. Данныя о движеніи грузовъ. Сравненіе трехъ системъ. Соборъ. Канатная фабрика и судостроительный заводъ Журавлева. Биржа. Гавань. Рѣчная полиція.

Рыбинскъ основанъ неизвѣстно когда, но уже въ 1137 году городъ платилъ «волжскую гривну» и назывался тогда Рыбанскъ. Въ 1504 году «Рыбная слобода» отказана въ завѣщаніи Іоанномъ III старшему сыну его Василію, съ обязательствомъ для жителей ловить рыбу для дворца. При Михаилѣ Оеодоровичѣ назывался онъ «дворцовою Ловецкою слободой». Городъ сталъ быстро возрастать съ возникновеніемъ Петербурга и сдѣланъ уѣзднымъ въ 1777 году. Рыбинскъ живетъ перегрузкой съ большого волжскаго пути на пять отдѣльныхъ водяныхъ и желѣзныхъ путей, ведущихъ къ Петербургу.

Въ Маріинской системѣ однимъ изъ существенныхъ узловъ является Рыбинскъ. Маріинская система положительно подавляетъ всѣ остальныя. Въ пятидесятыхъ годахъ преобладающее значеніе въ перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ съ Волги въ Петербургъ имѣла Вышневолоцкая система, слѣдующее мѣсто занимала Маріинская, Тихвинская же система никогда особеннаго значенія не имѣла. За десятилѣтіе 1850—1859 гг. отправлено изъ Рыбинска грузовъ вверхъ по Волгѣ (т.-е. по Вышневолоцкой и Тихвинской системамъ) 211.682.000 пудовъ, а по Шекснѣ (Маріинская система) 181.564.000 пудовъ, или въ процентахъ: 54% и 46%. Въ шестидесятыхъ годахъ Маріинская система начала занимать преобладающее значеніе. Въ 1863—1869 гг. отъ Рыбинска вверхъ по Волгѣ отправлено 96.719.000 пуд. (въ среднемъ 13.817.000 п. въ годъ), а по Шекснѣ и Маріинской системѣ 232.258.000 пуд., т.-е. по 33.180.000 пудовъ въ годъ. Въ 1869 году вверхъ по Волгѣ отправлено



Пристань въ городѣ Рыбинскѣ.

Съ акварели проф. Боголюбова рис. И. А. Космаковъ, грав. Хмѣльницкій.

18.935.000 пуд., а по Маріинской системѣ 45.231.000 пуд.; процентное отношеніе 29% и 71%.

Съ проведеніемъ въ 1870 году Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги движеніе грузовъ по Маріинскому водному пути не только не сократилось, но напротивъ продолжало увеличиваться. Отправлено:

	По Шексѣ.	По Рыб.-Бол. ж. д.
Въ 1873—1879 гг.	237.272.874 п.	175.523.141 п.
» 1880—1889 » . .	396.590.003 »	235.928.594 »

Такимъ образомъ Маріинскій водный путь всегда успѣшно конкурировалъ съ желѣзнодорожнымъ. Это преобладающее значеніе Маріинской системы выяснилось не сразу; не сразу занялъ и Рыбинскъ то положеніе, которое занимаетъ теперь.

17-го апрѣля 1890 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на коренное переустройство Маріинской системы и на отпускъ 12½ милл. рублей на производство работъ. Работы по переустройству системы продолжаются до настоящаго времени. Соотвѣтственно колебанію различныхъ порядковъ водяного пути, тѣ или другія мѣстности Маріинской системы поочередно обмирали или оживали. Тогда какъ на Вышневолоцкой и Тихвинской системахъ не появилось, за долгіе годы, ни одного судна новой системы, на первой ходятъ все тѣ же барки, на второй—тѣ же тихвинки и сомники, Маріинская система то и дѣло примѣняла новое. «Водяная команда» ея слѣдовала измѣненіямъ системы, на которой чистили фарватеръ, вводили пароходство, ускоряли ходъ судовъ, увеличивали ихъ вмѣстимость. Теперь даже трудно представить себѣ то время, когда, словно черепахи, ползли расшивы и тянули ихъ бурлаки. До прорытія Бѣлозерскаго канала, большинство волжскихъ грузовъ шло по Вышневолоцкой системѣ; главными двигателями являлись тогда бѣлозерцы и крохинцы; имъ однимъ принадлежали лодки-бѣлозерки, единственный флотъ Бѣлаго озера, числомъ до 400 лодокъ. Они поднимались до Вытегры или Вознесенья, разгружались и возвращались назадъ за вторымъ и третьимъ грузомъ. Бѣлозерцы и крохинцы были монополистами по озеру и Шексѣ; они же служили лоцманами, шкиперами и коренными; они одни строили суда въ то время, когда постройка одной бѣлозерки стоила двадцати унжаковъ; богатство прилипало къ нимъ.

Но судьбы перемѣнчивы. Съ прорытіемъ Бѣлозерскаго канала, въ 1846 г., прежде всего палъ Крохинъ; тамъ теперь почти ничего болѣе не строятъ, а въ лоцманахъ и шкиперахъ надобности не встрѣчаютъ. Бѣлозерскъ поддерживается только тѣмъ, что въ немъ живутъ лѣтомъ путинные рабочіе и проѣдаютъ свои заработки. Судьбы Крохина и Бѣлозерска—судьбы временно возникающихъ торгово-промышленныхъ центровъ. Ихъ счастье перехватили Череповецъ и Рыбинскъ; Рыбинскъ самъ завелъ тихвинки, межеумки, унжаки; послѣднія вытѣснили всѣ дорогія суда, такъ какъ они переживаютъ только одну воду и идутъ потомъ на дрова. Потянулись изъ Рыбинска разнообразныя суда не въ одиночку, а караванами. Для этого нужна была лошадь, и съ пятидесятыхъ годовъ, по исправленіи бечевниковъ, лошадиная сила побѣдила че-

Сліяніе Шексны съ Волгой.

ловѣческую. Да и какъ было не побѣдить ей, когда подлѣ Шексны заливныхъ луговъ много, и лошадь обходилась дешевле человѣка. Всѣ харчевни по пути захватили въ свои руки череповцы; они богатѣли, благодаря порогамъ и заливнымъ лугамъ; они пошли бы и дальше Коленца, но тамъ уже встрѣтили бы ихъ кирилловцы, да и рыбинскіе не теряли времени: они тоже колонизовали Шексну.

Съ 1843 года учреждено первое пароходное «Общество по Волгѣ»; машины, привезенныя изъ Голландіи, собирались въ Рыбинскѣ. Съ 1854 года устроено кабестанное пароходство, и первымъ былъ пароходъ «Опытъ»; кабестаны, маленькіе пароходики которыхъ завозили впередъ якори, исчезли, какъ неподходящая болѣе форма; исчезли и предшествовавшія имъ коноводки, имѣвшія по 300—400 лошадей. Нынѣ умершій И. Журавлевъ имѣлъ 4 коноводки и самъ принялся за постройку сначала кабестановъ,—машины дѣлались на Выксунскихъ заводахъ,—а потомъ и буксирныхъ; съ 1862 года сосредоточилъ онъ постройку пароходовъ въ Рыбинскѣ, какъ буксирныхъ, такъ и пассажирскихъ, и въ 1879 году выпустилъ первую наливную шхуну «Шексна», для перевоза нефти изъ Баку; иностранцы напрасно утверждали въ журналѣ «Economist», что наливныя шхуны—ихъ изобрѣтеніе.

Съ развитіемъ работы паромъ прошло время исключительности конной тяги и ужасовъ сибирской язвы, цвѣтущее время мѣстныхъ коноводовъ, но Рыбинскъ не бѣднѣетъ. Въ немъ строятъ до 1.000 судовъ, въ немъ идетъ валовая перегрузка на желѣзную дорогу или на суда меньшихъ размѣровъ.

Преобладающее значеніе Шексны и важность для города перегрузки видны ясно изъ слѣдующей таблички. Въ Рыбинскъ прибыло хлѣбныхъ грузовъ:

Годъ.	Пудовъ.
въ 1886	98.975,800
» 1887	89.675,200
» 1888	77.694,800
» 1889	58.412,200
» 1890	62.330,000
» 1891	33.444,700
» 1892	10.605,900

Изъ этихъ цифръ усматривается, что въ 1892 году хлѣбныхъ грузовъ прибыло въ Рыбинскъ почти въ десять разъ меньше, чѣмъ въ 1886 году. Упадокъ хлѣбной торговли на Волгѣ явился отраженіемъ остраго экономическаго кризиса въ Приволжьи. Неблагопріятное вліяніе на торговлю оказали также: неурожаи въ Приволожьи въ 1888, 1889 и 1891 годахъ и конкуренція желѣзныхъ дорогъ, прилегающихъ къ низовому Поволжью, понижавшихъ сильно провозныя платы на хлѣбъ.

Отъ каждой перегружаемой четверти Рыбинскъ получаетъ свой доходъ; приносятъ ему доходъ и зимующіе грузы. Для показанія широты оборотовъ рынка достаточно сказать, что въ среднемъ ежегодно сюда прибываетъ болѣе полумилліона пустыхъ мѣшковъ и столько же рогожъ и кулей. Наполните ихъ хлѣбомъ и прибавьте къ тому что привезено въ мѣшкахъ и кулях, и получите ясное

понятіе о грузовыхъ массахъ, идущихъ чрезъ Рыбинскъ и лежащихъ въ его амбарахъ и на пристаняхъ.

Уже къ вечеру путники отправились на пароходѣ на канатную фабрику и механическій и судостроительный заводъ М. П. Журавлева,—находящіеся въ Абакумовѣ, въ пяти верстахъ отъ города на Шекснѣ, въ трехъ верстахъ отъ ея впаденія въ Волгу. Когда пароходъ отваливалъ, видъ на высокій берегъ Волги былъ восхитительный. Всѣ откосы берега, вся далекая набережная были словно усыпаны людьми, и докуда могъ видѣть глазъ эту набережную — виднѣлась темною полоской толпа, тянувшаяся вдоль зеленѣвшихъ откосовъ и высокихъ каменныхъ домовъ ея. Со всѣхъ судовъ неслся говоръ, а судовъ, уставленныхъ правильными рядами, было видимо-невидимо; виднѣлись могучія бѣляны съ домиками надъ ними, виднѣлись не меньшія, чѣмъ онѣ, расшивы; даже допотопная коноводка и та присосѣдилась къ нимъ, поражая глазъ своею неуклюжестью и несовременностью.

На самомъ устьѣ Шексны расположены съ двухъ сторонъ села Васильевское и Покровское. Канатная фабрика Журавлева—одна изъ самыхъ большихъ не только у насъ, но и по сравненію съ заграничными. Длина строенія, въ которомъ тянутся и свиваются канаты, 240 саж., и оно трехъ-этажное; этой длины совершенно достаточно, такъ какъ канаты не дѣлаются длиннѣе 180 саж.; самые толстые имѣютъ 16 дюймовъ въ окружности. Очень оригинально попискиваніе многихъ сотенъ барабанчиковъ, участвующихъ въ свиваніи прядей; это какой-то шумный концертъ охрипшихъ соловьевъ. Любопытнѣе другихъ тягальная машина, въ которой, на протяженіи какихъ-нибудь 5—10 дюймовъ, изъ нѣсколькихъ десятковъ отдѣльныхъ прядей получается и вытягивается сразу свернутая веревка. Человѣку, непосвященному въ этомъ дѣлѣ, приходится услыхать тутъ совершенно незнакомыя наименованія: стрепга, пáсемъ, и т. д. На фабрикѣ 450 рабочихъ; канатовъ готовитъ она въ годъ до 120.000 пудовъ, по продажной цѣнѣ почти на милліонъ рублей; отсюда канаты и веревки всѣхъ сортовъ идутъ на Черное, Азовское и Каспійское моря, на суда и рыбную ловлю; такъ какъ въ послѣднее время кожаные ремни на машинахъ стали замѣняться канатами, то крупною потребительницею ихъ является Москва. Механическій заводъ выпускаетъ ежегодно 4—5 пароходовъ, преимущественно буксирныхъ, въ желѣзныхъ корпусахъ, съ нефтянымъ отопленіемъ. Здѣсь же выдѣлываются и нѣкоторыя заводскія машины и приспособленія; во время обзора фабрики, находилась въ работѣ седьмая по счету машина для 150-сильной мельницы. Есть тутъ также крупчатный паровой заводъ, конный заводъ на 70 головъ и ферма на 20 головъ рогатаго скота. Очень хороша заводская больница на 30 человѣкъ. Достойно вниманія, что всѣ служащіе на фабрикѣ и заводѣ—русскіе, и дѣло отъ этого идетъ нисколько не хуже, чѣмъ съ иностранцами.

Рыбинская рѣчная полиція имѣетъ четыре паровыхъ судна: паровой баркасъ, объѣздной катеръ и два парохода — одинъ въ 80, а другой въ 30 силъ, выбрасывающій 350 ведеръ воды въ минуту; при нихъ есть приспособленія для тушенія паромъ. Хорошо устроена и городская пожарная команда съ шестью

паровыми машинами, изъ которыхъ одна выбрасываетъ 300 ведеръ воды въ минуту.

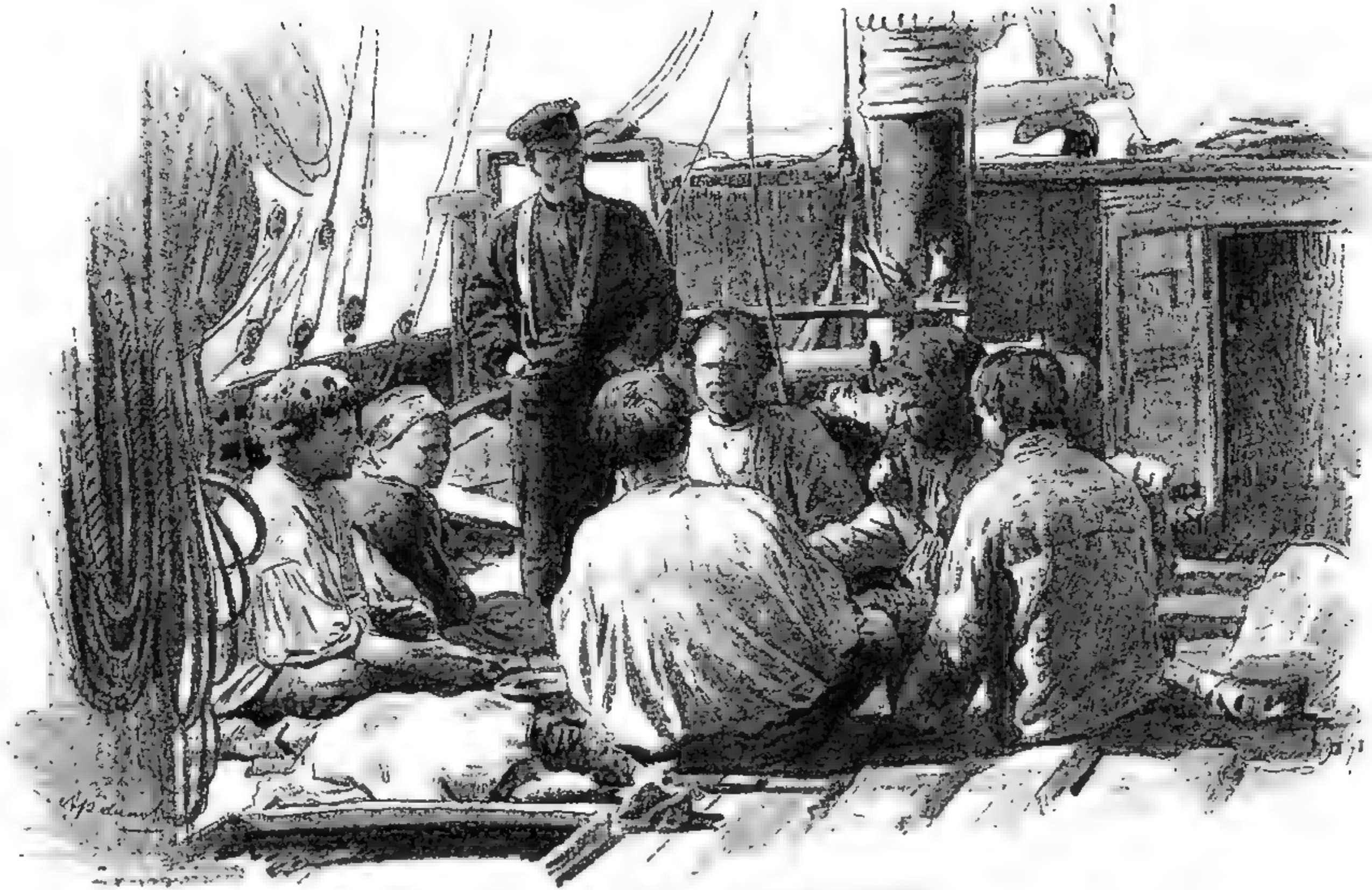
Начало постройки рыбинской гавани относится къ 1875, а окончаніе къ 1885 г. Сооруженіе ея стоило около 440.000 рублей. Валовой доходъ съ гавани до 30.000 руб. въ годъ; расходъ до 7.000 руб. Цѣль ея — доставить удобство разгрузки въ амбары, принадлежащіе городу и вмѣщающіе до 8 милліоновъ пудовъ, и на желѣзную дорогу, для дальнѣйшаго слѣдованія. Кромѣ того въ гавани ютятся на зиму 50 большихъ волжскихъ баржъ, до 20 пароходовъ и мелкихъ судовъ до сотни; устроена гавань шлюзированіемъ рѣчки Черемхи и прорытіемъ вмѣсто стараго ея устья канавы; въ гавани имѣется и докъ для починки судовъ.

Волга отъ Рыбинска до Ярославля.

Романовъ-Борисоглѣбскъ. Толгскій монастырь. Преданія. Храмы. Авраамовскія постройки. Кедровая роща. Полушкина роща подъ Ярославлемъ.

Такъ красива, какъ оживлена Волга между Рыбинскомъ и Ярославлемъ! Она еще не очень широка здѣсь, и оба берега, отступающіе назадъ при движеніи парохода, кажутся вамъ съ высокой палубы такъ близки, близки! Села, приселки, церкви, усадьбы, фабрики бѣгутъ справа и слѣва. Надъ желтоватою водой колеблются пестрые флаги судовъ и мелькаютъ ихъ названія, писанныя очень четко, но далеко не изящно; на палубахъ и полупалубахъ ползущихъ мимо васъ барокъ, баржей, лодокъ, полулодокъ и коломенокъ, имѣющихъ каждая свою особенную физіономію, очень хорошо здѣсь извѣстную и весьма самостоятельную, видите вы вездѣ настоящихъ русскихъ людей, безъ примѣси другихъ элементовъ. На Волгѣ русскій человѣкъ дышитъ полною грудью. Волга не приняла еще здѣсь своей обычной, довольно утомительной физіономіи нагорнаго и лугового берега. Оба они еще спорятъ другъ съ дружкой, которому одолѣть, порой перебѣгая, словно отыскивая свои мѣста. Подлѣ Романова-Борисоглѣбска оба берега круты и высоки и оба города смотрятъ на васъ съ двухъ сторонъ. Къ Романову путники подъѣзжали около 5 часовъ вечера. Пароходъ былъ только еще подлѣ первой, ближайшей по пути, древней церкви Казанской Божіей Матери, какъ понесся навстрѣчу къ нимъ отъ далекой пристани густой колокольный звонъ. Пока пароходъ описывалъ по Волгѣ широкую дугу, чтобы причалить къ пристани противъ теченія, нельзя было не любоваться тѣмъ, что представлялось взору: крутой, высокій берегъ, подлѣ пристани, прорѣзываемый глубокимъ оврагомъ, былъ оживленъ множествомъ людей.

Городъ Романовъ, лежащій на лѣвомъ берегу, упоминается впервые въ



Обѣдъ судорабочихъ на волжской полубаркѣ.

XIV вѣкѣ, вмѣстѣ съ именемъ князя Романа Владиміровича; Борисоглѣбскъ, лежащій напротивъ—не ранѣе XV. Оба они сдѣланы были уѣздными городами въ 1777 году, а слиты въ одинъ въ 1822. На каждой изъ сторонъ Волги кустится зелень садовъ, виднѣются церкви и строенія, тѣснящіяся вдоль кручи самаго берега. Какъ декорація, это одна изъ самыхъ законченныхъ, съ первыми и вторыми планами и дальними перспективами извивающейся и уходящей въ даль Волги.

За Романовымъ-Борисоглѣбскомъ живописность береговъ и ихъ населенность остаются тѣ же самыя. Не доѣзжая восьми верстъ до Ярославля, на правомъ берегу раскинулась знаменитая Норская мануфактура бумажныхъ и льняныхъ издѣлій, принадлежащая товариществу, главными пайщиками котораго состоятъ гг. Хлудовъ и Прохоровы. Она открыта въ 1860 году, имѣетъ до 1.800 рабочихъ и двухмилліонный годовой оборотъ. Ленъ, кудель и льняные очески пріобрѣтаются изъ ближайшихъ губерній, а хлопокъ идетъ сюда изъ Америки и Египта. Фабрика вырабатываетъ пряжи бумажной и льняной по 75.000 пудовъ каждой. Посѣщеніе этой фабрики въ маршрутъ не входило, и она, будто декорація, оживленная людьми, быстро пронеслась передъ путниками.

Почти-что наискось фабрики, на лѣвомъ берегу Волги, какъ прямая противоположность движенію и шуму мануфактуры, замкнувшись въ бѣлокаменную ограду свою, изъ-за которой виднѣется темная зелень кедровъ, выступаетъ Толгскій монастырь, получившій имя свое отъ протекающей тутъ рѣчки Толгоболки. Зеленые и синіе жестяные купола, бѣлизна ограды въ бойницахъ, розовая окраска одного изъ монастырскихъ храмовъ, мѣстами изразцовыя украшенія стѣнъ—производятъ впечатлѣніе очень пестрое, отчасти сглаживающееся темною, задумчивою зеленью кедровъ, высящихся изъ-за стѣнъ. Монастырь основанъ въ 1314 году, при Ярославскомъ князѣ Давидѣ Ѳедоровичѣ Святомъ, на мѣстѣ явленія иконы Божіей Матери святителю Трифону. Явленіе это очень замѣчательно. Святитель возвращался изъ обозрѣнія своей паствы и велѣлъ своимъ спутникамъ, слугамъ и сторожамъ раскинуть къ ночи на пустынномъ тогда мѣстѣ шатеръ. Когда всѣ спали, и священники, и клирики, ему сопутствовавшіе, святитель, проснувшись въ полночь, замѣтилъ, что шатеръ его озаренъ свѣтомъ, шедшимъ снаружи. Онъ вышелъ изъ шатра и увидѣлъ всю необъятную страну за Волгой, поросшую въ тѣ дни дремучимъ боромъ, озаренною свѣтомъ, а черезъ Волгу перекинулся будто-бы свѣтовой мостъ. Святитель, никого не разбудивъ и взявъ жезлъ свой, спустился къ рѣкѣ и пошелъ по этому мосту, чувствуя его подъ ногами, и онъ увидѣлъ тамъ, гдѣ сіяніе было сильнѣйшимъ, икону Богоматери. Помолившись иконѣ, онъ по тому же мосту вернулся обратно, нашелъ всѣхъ спящими, какъ прежде, и самъ уснулъ. На утро пришло время собираться въ путь, но святитель, шествуя ночью къ видѣнію, забылъ на томъ берегу свой жезлъ. Посланные за нимъ, по его указанію, слуги переплыли рѣку въ лодкѣ и дѣйствительно нашли посохъ, а подлѣ между деревьями и икону. Къ полудню того же дня была уже отстроена на берегу церковь и икона внесена въ нее. Это начало монастыря.

Въ 1553 году царь Іоаннъ Васильевичъ, возвращаясь изъ Кирилло-Бѣ-

Борисоглѣбскій соборъ.

лозерскаго монастыря и будучи одержимъ болѣзнью въ ногахъ, посѣтилъ Толгскій монастырь, гдѣ получилъ исцѣленіе; въ 1609 году монастырь разграбленъ литовцами и русскими измѣнниками, и 46 иноковъ и послушниковъ перебито. Въ 1681 году патріархъ Никонъ, возвращаясь изъ заточенія, застигнутый продемертнымъ изнеможеніемъ, присталъ у монастыря и причащался; тутъ произошла трогательная встрѣча его, умирающаго, и сосланнаго сюда же архимандрита ярославскаго Спасскаго монастыря Сергія, когда-то судившаго патріарха и болѣе другихъ досаждавшаго ему. «Братъ Сергіе!—сказалъ ему умирающій Никонъ,—возстанн, сотворимъ прощеніе», и старцы помирились. Въ 1683 году монастырь посѣтилъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ; въ 1763—императрица Екатерина II; въ 1863—покойный цесаревичъ Николай Александровичъ.

Соборный храмъ Введенія, о пяти зеленыхъ главахъ на розовыхъ шейкахъ, и при немъ отдѣльная колокольня, построенъ въ самомъ концѣ XVII вѣка; кромѣ него, въ монастырѣ есть еще три церкви. Главная святыня — икона Божіей Матери, просіявшая надъ Волгой; она писана древнимъ греческимъ письмомъ на доскѣ и убрана жемчужною и алмазною ризою. Икона эта совершаетъ сжегодно четыре крестные хода. Иконостасъ изобилуетъ золочеными витыми столбами съ виноградными гроздьями; всѣ стѣны покрыты фресками, голубой фонъ которыхъ бросается въ глаза; въ куполѣ—громадный Деисусъ. Въ орнаментику наружныхъ стѣнъ входятъ, какъ сказано было, мѣстами цвѣтные изразцы. Зданія монастырскія очень велики. Ограда, въ 550 саженъ длины, имѣетъ девять аршинъ вышины и три толщины и снабжена девятью башнями. Она опоясываетъ монастырь какъ бы широкою, бѣлою тесьмою, изъ-за которой рѣзко выдѣляется темная зелень вѣковыхъ сибирскихъ кедровъ, разстилающихъ горизонтально свои длинныя, отѣненныя мягкими иглами, вѣтви. Когда построена стѣна, когда посажены кедры,—неизвѣстно. Монастырь имѣлъ игумновъ и архимандритовъ съ 1392 года—58; сколько было ихъ до того времени,—также неизвѣстно. Съ 1834 по 1814 годъ завѣдывалъ имъ жительствовавшій на покоѣ преосвященный Авраамъ, управлявшій до того ярославскою каѳедрою съ 1824 года и отличавшійся особеннымъ рвеніемъ въ ломкѣ и перестройкѣ древнихъ церквей. Много сокрушено было за его время безцѣнныхъ памятниковъ одной изъ старѣйшихъ епархій русскихъ; для новыхъ построекъ создавалъ Авраамъ свои планы, и зданія эти извѣстны подъ именемъ «авраамовскихъ построекъ». Съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ преслѣдовалъ онъ колокольни; такъ поступлено съ колокольнями ярославскаго каѳедральнаго собора и толгскою монастырскою; рисунокъ послѣдней, 1806 года, сохранился: она была красива и типична; нынѣшняя, авраамовская, безхарактерна. Толгскій монастырь пестритъ архитектурною дѣятельностью Авраама; случайно уцѣлѣлъ и красивъ въ своей простотѣ придѣлъ св. Ѳедора, Давида и Константина.

Отъ Толгскаго монастыря до Ярославля очень близко. Когда подъѣзжаешь къ «волжскому красавцу», Ярославлю, съ этой стороны и начинаешь отличать одну за другой его многочисленныя церкви, включительно до самой отдаленной,—до собора, съ его золотыми маковками. Пароходъ движется вдоль старой сосновой рощи праваго берега; это—не лишенная историческаго значенія для русскаго

театра Полушкина роща—излюбленное мѣсто прогулокъ ярославцевъ. Полушкинъ, отъ котораго идетъ имя рощи, имѣетъ прямое отношеніе къ русскому театру, возникшему, какъ извѣстно, въ Ярославлѣ. Мать Ѳедора Григорьевича Волкова, родоначальника нашего театра, овдовѣвъ, вышла замужъ за Полушкина, и онъ, какъ отчимъ, оказалъ на Волкова очень благодѣтельное вліяніе. Когда, по возвращеніи изъ Петербурга въ Ярославль, Волковъ, въ день именинъ отчима, поставилъ на сцену драму «Эсопръ», старикъ былъ въ восторгѣ; ему особенно понравились поднимавшіяся и опускавшіяся облака. Видѣвшій это представленіе, ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ уговорилъ дворянъ и купцовъ построить въ Ярославлѣ театръ, съ котораго и пошло театральное дѣло въ Россіи. До его построенія, Волковъ давалъ свои представленія въ одномъ изъ сараевъ Полушкина двора. Скоро вслѣдъ затѣмъ Екатерина II вызвала Волкова въ Петербургъ.

Облака, которыя понравились старику Полушкину, давно исчезли, а тѣ, которыя ходили надъ Ярославлемъ къ вечеру 3-го іюня, въ день пріѣзда путниковъ, были расцвѣчены всѣми чудесными красками лѣтняго вечера, тихо переходившаго въ свѣтлую, теплую ночь.

Ярославль.

Историческое о городѣ. Успенскій соборъ. Архіерейскій домъ и его воспоминанія. Первые дни воцаренія дома Романовыхъ.

Къ восьми часамъ вечера пароходъ пришелъ въ Ярославль. Отъ пароходной пристани довольно пологій подъемъ идетъ подъ мостъ, перекинутый здѣсь надъ спускомъ и соединяющій обѣ части бульвара, тянущагося параллельно Волгѣ и устроеннаго въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Исторія Ярославля начинается въ повѣствованіи Карамзина довольно оригинально. «Думаю,—пишетъ нашъ знаменитый исторіографъ,—что городъ построенъ великимъ княземъ Ярославомъ; двое изъ жителей его, кудесники и обманщики, ходили по Волгѣ и объявляли, что бабы причиной всего зла и скрываютъ въ самихъ себѣ хлѣбъ, медъ и рыбу; къ обманщикамъ приводили женщинъ, и они, надрѣзывая имъ плечи и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: «Видите, что̀ лежало у нихъ за кожей!» Въ концѣ-концовъ кудесниковъ повѣсили. Карамзинъ не говоритъ о томъ, когда это происходило; но лѣтопись указываетъ на 1073 годъ, то-есть время великаго голода, посѣтившаго Ростовскую и Ярославскую области.

Разоряли окрестности города новгородцы, хозяйничали татары, опустошали и пожары, и язвы, и, тѣмъ не менѣе, одною изъ волжскихъ красотъ былъ и, вѣроятно, надолго останется Ярославль. Очень возможно, что онъ существовалъ уже тогда, когда далеко кругомъ этихъ мѣстъ еще жили весь и меря; но

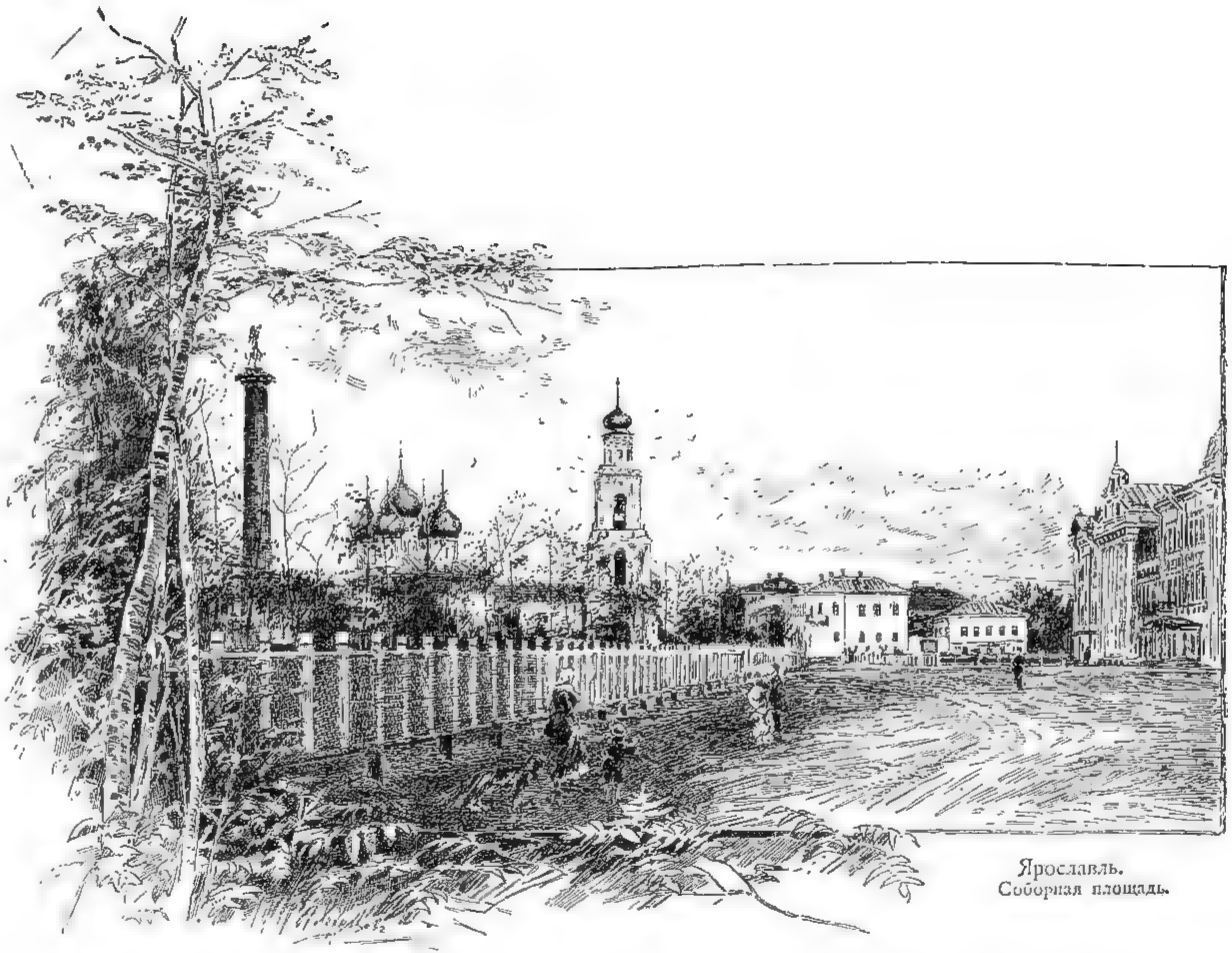
Ярославль. Видъ на бульваръ и проѣздъ къ городу отъ Волги

центромъ края былъ не онъ, а Ростовъ, за которымъ утвердилось даже названіе Великаго и въ который уже Рюрикъ посадилъ «своего мужа». Много пользы было Ярославлю отъ открытія торговли съ Англіею черезъ Бѣлое море при Іоаннѣ IV; этотъ городъ, какъ и Вологда, служилъ складочнымъ мѣстомъ и имѣлъ иностранныя конторы, закрывшіяся съ основаніемъ Петербурга. Лихолѣтіе со всѣми его ужасами тоже не прошло даромъ для края; здѣсь въ 1606 году жила подъ надзоромъ жена Лжс-Димитрія, красавица Марина; она пробыла здѣсь до 1608 года, когда Ярославль сдался полякамъ и примкнулъ было къ самозванцу, но не замедлилъ отрезвиться: въ 1612 году сюда къ князю Пожарскому стягивались рати, шедшія на освобожденіе Москвы, и отсюда шли съ нею переговоры. Выборные, назначенные призвать на царство Михаила Ѳеодоровича, собрались тоже въ Ярославлѣ, и здѣсь же, съ 21-го марта по 16-е апрѣля 1613 года, молодой царь Михаилъ Ѳеодоровичъ провелъ первые дни своего воцаренія, такъ что въ исторіи благополучно Царствующаго Дома на первыхъ страницахъ, такъ сказать въ первыхъ строкахъ, красуется Ярославль.

Много имѣется на свѣтѣ неоконченныхъ сочиненій, недописанныхъ книгъ, но тѣ нѣсколько точекъ, которыми заканчивается исторія Карамзина, возбуждаютъ всегда глубочайшее сожалѣніе. Исторія его точно оборвана. Яркія страницы ужасовъ 1611 года, выступающія у нашего историка такъ наглядно, какъ хорошо завершились бы описаніемъ стоянки князя Пожарскаго и его рати, этой надежды Россіи, въ Ярославлѣ; какъ сердечно звучали бы его вдохновенныя строки, преисполненныя любви къ Россіи, повѣствуя о первыхъ дняхъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича, проведенныхъ имъ въ Ярославлѣ, о наступленіи времени умиротворенія! Эти дни мира и тишины не могутъ не рисоваться въ памяти каждаго, посѣщающаго городъ, и красота Ярославля, глядящагося съ высоты нагорнаго берега въ матушку-Волгу, становится и понятнѣе, и внушительнѣе. Думалъ ли о чемъ подобномъ Бирона, когда, въ 1742 году, онъ былъ сосланъ сюда и жилъ съ семьею до 1761 года? Чѣмъ была, чѣмъ могла быть для бывшаго правителя Россіи ярославская святыня?

И дѣйствительно, если на Москвѣ храмовъ много, то въ Ярославлѣ ихъ, сравнительно, еще больше, и они поражаютъ глазъ, какъ блестящее осѣненіе города. Общій видъ на Ярославль безподобенъ.

Два князя, свв. Василій и Константинъ, почиваютъ въ соборѣ, и три иконы ихъ перенесены сюда изъ домовъ ихъ. Успенскій каѳедральный соборъ основанъ въ 1215 году, но сгорѣлъ въ 1501 году; его смѣнилъ второй храмъ; нынѣшній, третій счетомъ, построенъ въ 1646 году, но и онъ не разъ страдалъ отъ пожаровъ, и въ 1744 году обгорѣли даже мощи благовѣрныхъ князей, и останки ихъ были собраны въ два ковчега и положены въ новую раку, которую въ 1862 году замѣнили нынѣ существующею. Иконостасъ пяти-ярусный, богатъ иконами; въ восточной алтарной части четыре абсиды; окна въ два свѣта, небольшія; наружныя стѣны расчленены простыми пилястрами, и главный корпусъ собора — почти правильный кубъ; надъ крышею высятся на довольно высокихъ барабанахъ пять золоченыхъ куполовъ, снабженныхъ массивными восьмиконечными крестами. Одно изъ богатствъ собора — это обиліе



Ярославль.
Соборная площадь.

стѣнописи, произведенной въ 1674 году, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись, начертанная крупною вязью и оконтывающая три стѣны собора. Живопись покрываетъ сплошь всѣ стѣны, своды, алтарныя части и даже дверные и оконные откосы. Это цѣлый міръ изображеній, едва ли не изъ самыхъ обильныхъ, имѣющихся на Русской Землѣ. На южной и сѣверной стѣнахъ олицетвореніе семи вселенскихъ соборовъ, на западной —страшный судъ, на столбахъ—мученики, въ алтарѣ—учрежденіе таинствъ причащенія и отцы православной церкви, храмъ оживленъ, одухотворенъ ими.

Къ несчастію, стѣнопись дошла до насъ не такою, какъ она была писана при митрополитѣ Іонѣ Сысоевичѣ, потому что въ 1825 году отчасти подновлена при архіепископѣ Авраамѣ, о странной дѣятельности котораго упоминалось при описаніи Толгскаго монастыря. Общая планировка собора, его размѣры, темень времени, положенная въ купола съ ихъ оконцами,—все это очень близко напоминаетъ московскій Успенскій. Отсюда, отъ собора, двинулась рать Пожарскаго на освобожденіе Москвы. Соборъ стоитъ въ центрѣ «Рубленаго» города, древняго города; по выраженію Несторовой лѣтописи, у насъ не строили, а «рубили города». Въ Ярославлѣ сохранился очень оригинальный, невидимый слѣдъ этого рубленаго города, о которомъ нѣтъ болѣе и помину: это крестные ходы съ иконою Владимірской Божіей Матери, которые совершаются, будто бы, какъ разъ по тому пути, гдѣ стояли нѣкогда давно позабытыя деревянныя стѣны тогда еще небольшого Ярославля. Въ тѣ дни, во дни Ярославовы, люди обходили въ дѣйствительности существовавшій городъ; теперь обходятъ они не существующій, но невидимо присущій призракъ его. Можетъ быть, остатки оврага, называемаго «Медвѣдицей», напоминаютъ о томъ времени, когда Ярославъ, убивъ на охотѣ медвѣдицу сѣкирой, велѣлъ срубить на этомъ полюбившемся ему мѣстѣ городъ. Медвѣдь и сѣкира въ гербѣ ярославскомъ напоминаютъ объ этомъ полумиѳическомъ событіи. Нельзя не замѣтить, если судить по колоссальному деревянному гробу, или, правильнѣе, колодѣ, въ которой обрѣтены мощи князя Ѳеодора Чернаго, хранящейся въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, что люди минувшихъ дней были не въ примѣръ крупнѣе намъ современныхъ и смѣло могли ходить на медвѣдя одинъ-на-одинъ.

Главная святыня Ярославля вслѣдъ за соборомъ, безспорно, архіерейскій домъ, бывшій Спасо-Преображенскій монастырь. Это—тоже своего рода Кремль, обнесенный могучими стѣнами; въ нихъ, какъ въ каменномъ кольцѣ, заключены пять каменныхъ церквей; до упраздненія монастыря, до обращенія его въ архіерейскій домъ, въ 1788 году ихъ было семь. До этого года владыки ярославскіе жили въ Ростовѣ, а монастырь существовалъ самъ по себѣ, былъ богатъ, люденъ и имѣлъ славное, долгое прошедшее. Онъ основанъ въ 1216 г. великимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ; въ 1463 году, при Іоаннѣ III, открыты нетлѣнныя мощи князей Ѳедора, Давида и Константина, неизвѣстно почему остававшіяся въ склепѣ подъ церковью болѣе столѣтія непогребенными. Когда рѣшено было предать ихъ землѣ, началось отпѣваніе, отъ княжескихъ тѣлъ пошли чудеса, ясно стало нетлѣніе ихъ, и они признаны святыми и покоятся въ храмѣ, носящемъ ихъ имя. Этотъ же храмъ служилъ

Ярославль. Спасопреображенскій монастырь. Внутренность двора.

родовою усыпальницею князей ярославскихъ и другихъ знаменитыхъ родовъ; но даже слѣдъ этихъ могилъ исчезъ, остались одни воспоминанія.

Замѣчательно у насъ это исчезновеніе могилъ; какъ неизвѣстны начала множества городовъ, церквей и монастырей, такъ сѣяны и воспоминанія могильныя; страннымъ можетъ показаться, напримѣръ, что неизвѣстно гдѣ покоится послѣдній удѣльный ярославскій князь Александръ, скончавшійся уже совсѣмъ въ историческое время, въ 1471 году, и похороненный въ Спасскомъ монастырѣ. Въ этихъ неясностяхъ всякихъ началъ и исчезновеній слѣдовъ кроется какое-то необъяснимое, но чувствуемое присутствіе вѣчности: точно самъ Господь создавалъ ихъ, самъ и убиралъ. Какъ особенность Спасо-Преображенскаго храма, слѣдуетъ указать то, что алтарный иконостасъ его и амвонъ выше солеи на одну ступень, а солея двумя ступенями выше церковнаго пола.

Изъ болѣе выдающихся событій за время существованія монастыря можно упомянуть о неудачной осадѣ его въ 1609 году поляками; о томъ, что въ 1612 году митрополитъ Кириллъ, призванный изъ Москвы для умиротворенія несогласій въ дружинахъ Минина и Пожарскаго, стоявшихъ въ Ярославлѣ, и достигшій цѣли, жилъ въ Спасскомъ монастырѣ; о томъ, что 21-го марта 1613 года прибылъ сюда и встрѣченъ крестнымъ ходомъ, хлѣбомъ-солью и богатыми дарами юный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; что онъ прожилъ 26 сутокъ въ архіерейскихъ келліяхъ со своею матерью и временнымъ совѣтомъ и встрѣтилъ св. Пасху, и что отсюда же послана имъ въ Москву въ земскую думу первая грамота о согласіи его на принятіе царскаго вѣнца. Почти всѣ Государи, Государыни и Великіе Князья наши посѣщали Спасскій монастырь. Въ Возѣ почившій Императоръ Александръ III и Великій Князь Владиміръ Александровичъ были здѣсь въ августѣ 1866 года.

Слѣдуетъ упомянуть, что въ 1747 году открыта была въ монастырѣ славяно-латинская семинарія, и что въ библіотекѣ послѣдняго изъ настоятелей монастыря, Іоиля, найдена знаменитая рукопись «Слова о полку Игоревѣ». Необходимо также замѣтить, что въ 1786 — 1787 годахъ въ городѣ Ярославлѣ издавался журналъ подъ характернымъ названіемъ: «Уединенный Пошехонецъ»; это былъ чуть ли не первенецъ въ числѣ провинціальныхъ печатныхъ органовъ.

Къ числу достопримѣчательностей города Ярославля, представляющихъ научный интересъ, относятся также и, такъ называемыя, «падающія башни». Оба храма съ подобными башнями сооружены въ чертѣ города. Первый изъ нихъ находится въ предмѣстьи Коровникахъ. Онъ построенъ «посадскими людьми» Нежданомъ въ 1654 г. Внутренность храма украшена изразцами и кирпичами; внутри—старинная живопись, а въ ризницѣ—богатая массивная серебряная утварь. Второй храмъ—во имя Іоанна Предтечи—находится въ предмѣстьи Толчковѣ, построенъ въ 1680 году и въ архитектурномъ отношеніи напоминаетъ храмъ Василія Блаженнаго въ Москвѣ. Пизанскую башню, въ Италіи, покачнувшуюся на бокъ во время кладки перваго яруса, какъ извѣстно, нарочно достраивали въ такомъ видѣ съ утолщеніемъ стѣнъ съ одной стороны; но отчего существуютъ русскія падающія башни до сихъ поръ—не выяснено.

Русскія падающія башни. Храмъ въ Коровникахъ, въ гор. Ярославлѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Церковь Іоанна Предтечи въ Толчковѣ, въ г. Ярославлѣ. Русскія падающія башни. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Около трехъ часовъ пополудни путники были уже въ вагонѣ, направляясь къ Ростову, и простились съ Ярославлемъ, съ волжскимъ красавцемъ. Въ описаніи Ярославля, составленномъ А. Титовымъ, приведены стихи на Ярославль мѣстнаго поэта XVIII вѣка, сравнивающаго египетскій Нилъ съ великорусскою Волгою. Если бы, говоритъ поэтъ, древній Египетъ взглянулъ на нашъ Ярославль, то

опъ бы обелиски,
Которы къ облачнымъ предѣламъ сдѣлалъ близки,
Давно бы возносить хвалами пересталъ,
Когда-бъ еще тотъ планъ хоть тонко начерталъ
Который въ новый видъ нашъ градъ преображаетъ
И славу тѣмъ его повсюду расширяетъ...

Ростовъ Великій.

Реставрація древняго кремля. Историческое. Центръ дѣятельности святыхъ Стефана Пермскаго и Димитрія Ростовскаго. Ихъ характеристики. Какъ и кто реставрировалъ кремль. Бѣлая палата. Пещерная церковь. Музей. Яковлевскій монастырь. Ростовскіе колокола.

Ростовъ расположенъ на берегу одноименнаго съ нимъ озера, называемаго, впрочемъ, также Перо. Берега озера плоски; тѣмъ рельефнѣе выдаются многочисленныя церкви города, составляющаго древнѣйшій центръ края, болѣе старый по своему значенію, чѣмъ Ярославль.

Посѣщеніе Ростова составляетъ экскурсію въ сторону отъ прямого пути, которая была предпринята исключительно во вниманіе къ древностямъ ростовскимъ и къ замѣчательной реставраціи древняго кремля, завершенной сравнительно недавно. Шевыревъ посѣтилъ Ростовъ въ 1847 году, видѣлъ все это въ печальныхъ развалинахъ и глубоко грустилъ. Если бы онъ посмотрѣлъ на кремль теперь! Реставрація дѣйствительно стоитъ самаго полнаго одобренія: кремль опять существуетъ, воскресъ.

За годъ до освященія реставрированной святыни кремля, разсказываютъ очевидцы, глазамъ представлялись развалины безъ крышъ, безъ столбовъ, съ потеками отъ дождей, птичьими гнѣздами и даже цѣлыми рябинами, приносившими плоды и выраставшими на крышахъ; одну изъ этихъ рябинъ сохранили въ назиданіе потомства, чтобы показать, до чего мы небрежны и какъ много могутъ сдѣлать частный починъ, энергія и пожертвованія. Въ храмѣ Григорія Богослова помѣщались курень и бойня. А между тѣмъ въ Бѣлой палатѣ угощалъ трапезой Великаго Петра святитель Димитрій Ростовскій!

Значеніе Ростова въ исторіи нашего Сѣверо-Востока очень велико, какъ центра Суздальской земли, въ которой развилось и окрѣпло великорусское племя и которая предшествовала Москвѣ въ пониманіи объединенія и собиранія разрозненныхъ силъ нашихъ въ одно великое цѣлое. Кромѣ того, тутъ находился

духовный центръ; изъ него пошла проповѣдь христіанства въ языческую Пермскую землю, во главѣ которой стоялъ знаменитый св. Стефанъ Пермскій. Почти одновременно съ нимъ жилъ и трудился въ Ростовѣ другой видный дѣятель церковный, извѣстный жизнеописатель святыхъ нашей церкви, Епифаній Премудрый. И тотъ и другой воспитывались и учились въ той братской духовной академіи, которая существовала здѣсь 500 лѣтъ назадъ подъ именемъ «Затвора»; существующій при ней храмъ недавно возобновленъ.

Стефанъ Пермскій, сынъ псаломщика,—одна изъ крупнѣйшихъ подвижническихъ личностей нашей церкви, какъ Кириллъ Бѣлозерскій, Нилъ Сорскій и многіе другіе. Онъ пришелъ въ Ростовъ пѣшкомъ изъ Великаго Устюга, прослышавъ о томъ, что въ тамошнемъ «Затворѣ» «книгы многы быша ту»; это то же самое, что «книжицы» преподобнаго Кирилла: прочная основа дальнѣйшаго пути для человѣка готоваго подвизаться. «Затворъ» не былъ мертвою схоластическою школою; въ немъ имѣли мѣсто ученые и богословскіе препирательства и диспуты между учениками. Десять лѣтъ пробылъ Стефанъ въ «Затворѣ» и рѣшился просвѣтить сосѣднюю Пермскую землю. Онъ составилъ зырянскую азбуку, перевелъ на зырянскій языкъ нужныя книги и, въ санѣ іеромонаха, съ охранными грамотами великаго князя, пошелъ на подвигъ. Охранныя грамоты защищали его, однако, мало; на него не разъ нападали, намѣревались убить, сверглн съ моста. Безстрашно ходилъ онъ по кумирницамъ, и ночью, и днемъ, и по лѣсу, и по полю, и безъ народа, и предъ народомъ, «обухомъ въ лобъ біяше вдоловъ и сокрушаше имъ носы»; онъ снималъ съ главныхъ кумировъ священныя пелены, «и ихъ безъ вреда износилъ отрокъ его Матвѣйка». Пермь была уже присоединена въ то время къ Москвѣ, но это не помогало преподобному. До насъ дошли любопытныя свѣдѣнія о борьбѣ его съ главнымъ волхвомъ Памомъ, говорившимъ своимъ людямъ, что непригодно имъ слушать Стефана, потому что «Москва угнетаетъ васъ податями; развѣ отъ Москвы можетъ вамъ быть какое-нибудь добро? Не оттуда ли тіуны и приставники, дани и насильства»? Но преподобнаго все-таки слушали. Памъ думалъ взять обманомъ и предложилъ ему пройти сквозь огонь и воду. Зажжена была хижина, огонь уже пылалъ и трещалъ; Стефанъ двинулся къ огню и сказалъ волхву: «идемъ!» Волхвъ не пошелъ, однако; не рѣшился онъ нырнуть и въ прорубь, чтобы вынырнуть изъ другой, на что былъ готовъ Стефанъ; народъ хотѣлъ предать обманщика волхва смерти и только по настоянію Стефана ограничился изгнаніемъ его въ Сибирь.

«Читая житія святыхъ, составленныя другимъ ученикомъ «Затвора», Епифаніемъ Премудрымъ,—говоритъ извѣстный изслѣдователь Барсовъ,—мы присутствуемъ при двухъ основныхъ процессахъ нашей исторіи: мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ древнерусскимъ человѣкомъ, который, неустанно двигаясь съ крестомъ, топоромъ, съ сохой, въ зипунѣ и монастырской рясѣ, дѣлалъ одно немалое дѣло—расчищалъ мѣсто для исторіи отъ береговъ Днѣпра до Сѣвернаго океана и въ то же время, несмотря на такую растяжимость, умѣлъ собрать силы на созданіе государства, сдержавшаго вторженіе съ востока и пропаганду съ запада».

Третьимъ замѣчательнымъ лицомъ въ длинномъ ряду іерарховъ ростовскихъ является святитель Димитрій, вдохновенный составитель духовныхъ пѣсенъ и Четьи-Миней. Въ самый день кончины своей, стоя у печки и «грѣясь сердцемъ», слушалъ онъ, какъ исполнялъ ихъ его любимый, прекрасно обученный хоръ. Наслушавшись пѣсенъ вволю, онъ отпустилъ пѣвчихъ, также слугъ своихъ, остался одинъ, склонился на молитву и умеръ. «Св. Димитрій,—говоритъ Барсовъ,—былъ мужъ высокаго образованія. Онъ зналъ языки: славянскій, латинскій, греческій, еврейскій и польскій. Были и другіе въ его время славные ученые, но ихъ слава менѣе прочна въ исторической наукѣ. Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ больше политическій дѣятель и панегиристъ тогдашнихъ преобразованій; Стефанъ Яворскій былъ больше проповѣдникъ и православный полемизаторъ; честь перваго археолога и историка въ Великой Россіи, безспорно, принадлежитъ св. Димитрію Ростовскому».

Неудивительно, что Ростовъ, центръ широкой духовной дѣятельности, изобиловалъ памятниками историческаго зодчества, воздвигшаго величественныя кремлевскія зданія. Ростовскій соборъ служилъ образцомъ при постройкѣ суздальскихъ храмовъ вообще, а слѣдовательно и для характернаго суздальскаго стиля. Возстановленіе въ прежнемъ видѣ церкви св. Григорія Богослова, княжихъ теремовъ, Бѣлой палаты, начавшееся въ 1883 и завершившееся въ октябрѣ 1884 года,—фактъ въ высшей степени замѣчательный. Дай Богъ, чтобы нашлись ему подражатели. Очень много сдѣлалъ для этого бывшій начальникъ губерніи Левшинъ, примѣры подражанія которому были бы очень желательны. Главнымъ руководителемъ почти всѣхъ работъ былъ И. А. Шляковъ.

Почти все существенное въ кремлѣ—говоритъ мѣстный изслѣдователь—построено или возобновлено митрополитомъ Іоной III Сысоевичемъ въ концѣ XVII вѣка. Реставрація произведена прекрасно; небольшіе остатки стѣнныхъ бойницъ дали рисунокъ для возстановленія стѣны съ бойницами; едва замѣтныя детали одной дымовой трубы послужили образцами для возведенія остальныхъ трубъ. То, что погибло совершенно, возстановлено по соотвѣтствующимъ современнымъ образцамъ: такъ, оконныя рамы исполнены по образцу слюдяныхъ рамъ ярославскихъ церквей XVI и XVII вѣковъ; узоръ возстановленнаго на конькѣ крыши гребня взятъ изъ рукописи XVI вѣка; отпиленныя у сводовъ серьги придѣланы вновь, и т. д.

Слѣдуетъ упомянуть, говоря о ростовской каѳедрѣ, что тутъ было когда-то у ростовскихъ святителей сильное желаніе облечься «величавыми образами свѣтской власти», о чемъ въ своемъ повѣствованіи, вспоминая патріарха Никона, говоритъ Шевыревъ. Это довольно явственно сказавшееся въ свое время стремленіе, какъ нѣчто совсѣмъ неподходящее, несогласное съ остальнымъ складомъ русской жизни, отошло, конечно, въ вѣчность. Духовенство этимъ самымъ будто отдѣлило себя отъ народа, и характернѣйшимъ образчикомъ этого, если можно такъ выразиться, католическаго пошиба является реставрированная храмо-крестовая церковь — Спасъ-на-Сѣняхъ, гдѣ солея поднята выше роста человѣческаго и шестью золочеными колоннами съ высокимъ архитравомъ точно отрѣзала прихожанъ отъ причта. Странно, что это негармоничное движеніе

Ростовъ Великій, Видъ съ озера.

имѣло мѣсто именно въ Ростовѣ, въ чисто православномъ центрѣ, отличающемся и теперь самыми гармоничными колоколами. Ростовскій соборъ, древнѣйшее зданіе города, 1230 года, въ которомъ почиваютъ ростовскіе митрополиты, имѣетъ на своей колокольнѣ замѣчательный подборъ колоколовъ и свои особенные музыкальные звоны. Звоны эти обозначаются именами учредителей колоколовъ: Іоннискій, Георгіевскій, Іоакимовскій. Всѣхъ колоколовъ тринадцать, отъ 2.000, 1.000, 500 пудовъ вѣса до 20 и менѣе. Совершенно правы тѣ, которые говорятъ, что подобнаго звона нѣтъ нигдѣ рѣшительно; но, помимо достоинства колоколовъ, необходимо и умѣнье пользоваться ими, и оно тутъ есть; и звонъ этотъ удивительно пріятенъ.

Говоря о ростовскихъ реставраціяхъ, нельзя не сказать о послѣдней: о пещерной церкви, открытой въ 1884 году въ Успенскомъ соборѣ при перестилкѣ чугуннаго пола. Въ пещерную церковь эту, совершенно уже обновленную *), спускаются изъ собора; она очень невелика; справа и слѣва фрески XV вѣка, значительно пострадавшія, съ изображеніемъ сценъ погребенія и явленія мощей преподобныхъ Леонтія, и Игнатія и Исаіи. Первый изъ нихъ покоится тутъ же, направо отъ входа, тогда какъ свв. Игнатій и Исаія почиваютъ въ ракахъ своихъ, въ соборѣ, съ обѣихъ сторонъ алтаря. Фрески самаго собора сохранились хорошо; очень красиво изображеніе Тайной Вечери въ большихъ фигурахъ въ самомъ алтарѣ; Спаситель и апостолы окружаютъ алтарь внушительнымъ полукружіемъ, ясно видимымъ и изъ церкви, благодаря своимъ блестящимъ оглавіямъ. Говорятъ, будто поиски мощей св. Василька оказались тщетными. Замѣчательно, какъ быстро исчезаютъ воспоминанія: при раскопкахъ этой церкви стали также искать входа въ находившуюся подъ соборомъ усыпальницу; нашлось нѣсколько человѣкъ, когда-то ходившихъ въ нее, и, тѣмъ не менѣе, входа не нашли — все это будто свѣялось.

Путники обошли весь кремль; посѣтили церковь Іоанна Богослова, съ ея массивными иконами предъ алтаремъ и горнимъ мѣстомъ, обильно снабженную фресками; были въ Крестовой церкви, о которой упоминалось; посѣтили терема, проходя по узкимъ галлерейкамъ, по которымъ можно обойти весь кремль. Бѣлая палата задержала ихъ особенно долго. Это довольно обширное четырехугольное помѣщеніе, подъ парусным на четыре ската сводомъ, съ могучимъ столбомъ по срединѣ; она обращена въ музей ростовскихъ древностей. Здѣсь слушали они исполненіе двухъ очень характерныхъ вещей: былъ спѣтъ кантъ Спасителю, сочиненный св. Димитріемъ Ростовскимъ и начинающійся словами: «Похвалу принесу сладкому Іисусу», и тутъ же священникъ, отецъ Аристархъ, далъ возможность слушателямъ насладиться его превосходными камертонами. Камертоны эти построены въ ладъ ростовскихъ колоколовъ, и на нихъ воспроизводятся съ удивительною точностью всѣ ихъ характерные звоны. Эта гармоничнѣйшая музыка долгое время разносилась кругомъ по Бѣлой палатѣ; толпа посѣтителей стояла неподвижною, безмолвною; и можно бы было слушать музыку эту безконечно, — такъ она удивительно хороша. Не надо

*) Возстановленіе ея торжественно отпраздновано въ Ростовѣ 29-го сентября 1885 г.

Ростовъ Великій. Бѣлая палата.

забывалъ обстановку, въ которой ее удалось слушать: въ этой палатѣ угощалъ когда-то Димитрій Ростовскій Петра Великаго.

Яковлевскій монастырь находится вблизи города. Направо отъ входа въ церковь почиваетъ св. Димитрій, налѣво, близъ алтаря — св. Іаковъ. Храмъ обильно снабженъ фресками, расположенными одна надъ другими по параллельнымъ поясамъ. Въ монастырѣ 45 иноковъ; здѣсь хранятся древняя шапка и посохъ св. Димитрія; шапка эта находилась на немъ во время обрѣтенія мощей; сохранился также экипажъ, служившій когда-то святителю; это нѣчто въ родѣ огромной брички, съ весьма узкимъ верхомъ, на изогнутыхъ дрогахъ и огромныхъ, чуть не въ ростъ человѣка, колесахъ; онъ выкрашенъ сѣрою масляною краской.

Путешественники возвращались изъ монастыря въ Ростовъ на небольшомъ пароходѣ и любовались съ него однимъ изъ лучшихъ нашихъ видовъ, несмотря на безусловную плоскость береговъ озера. Тихо плескавшееся въ зеленѣющихъ берегахъ озеро Неро, обрамленное множествомъ деревень, въ которыхъ живутъ знаменитые ростовскіе огородники,—деревень, въ каждой изъ которыхъ бѣлѣла церковь, виднѣвшійся рядъ ростовскихъ храмовъ, числомъ 22, и почти непосредственно подходящая къ городу мощная стѣна съ шестью башнями Яковлевской обители съ ея куполами—составляли удивительную декорацію. Съ берега доносились праздничныя пѣсни толпы, а поверхъ всего стоялъ густой, гармоничный, музыкальный звонъ ростовскихъ колоколовъ. Этотъ чудный звонъ нужно слышать именно съ озера и, если возможно, въ вечерній часъ, какъ слышали его путники, для того, чтобы насладиться имъ вполнѣ. Органы католическихъ церквей, звучащіе подъ сводами, какъ бы хороши они ни были, не могутъ сравниться съ мелодичностью ростовскихъ колоколовъ, говорящихъ подъ открытымъ небомъ и посылающихъ звуки свои далеко, далеко...

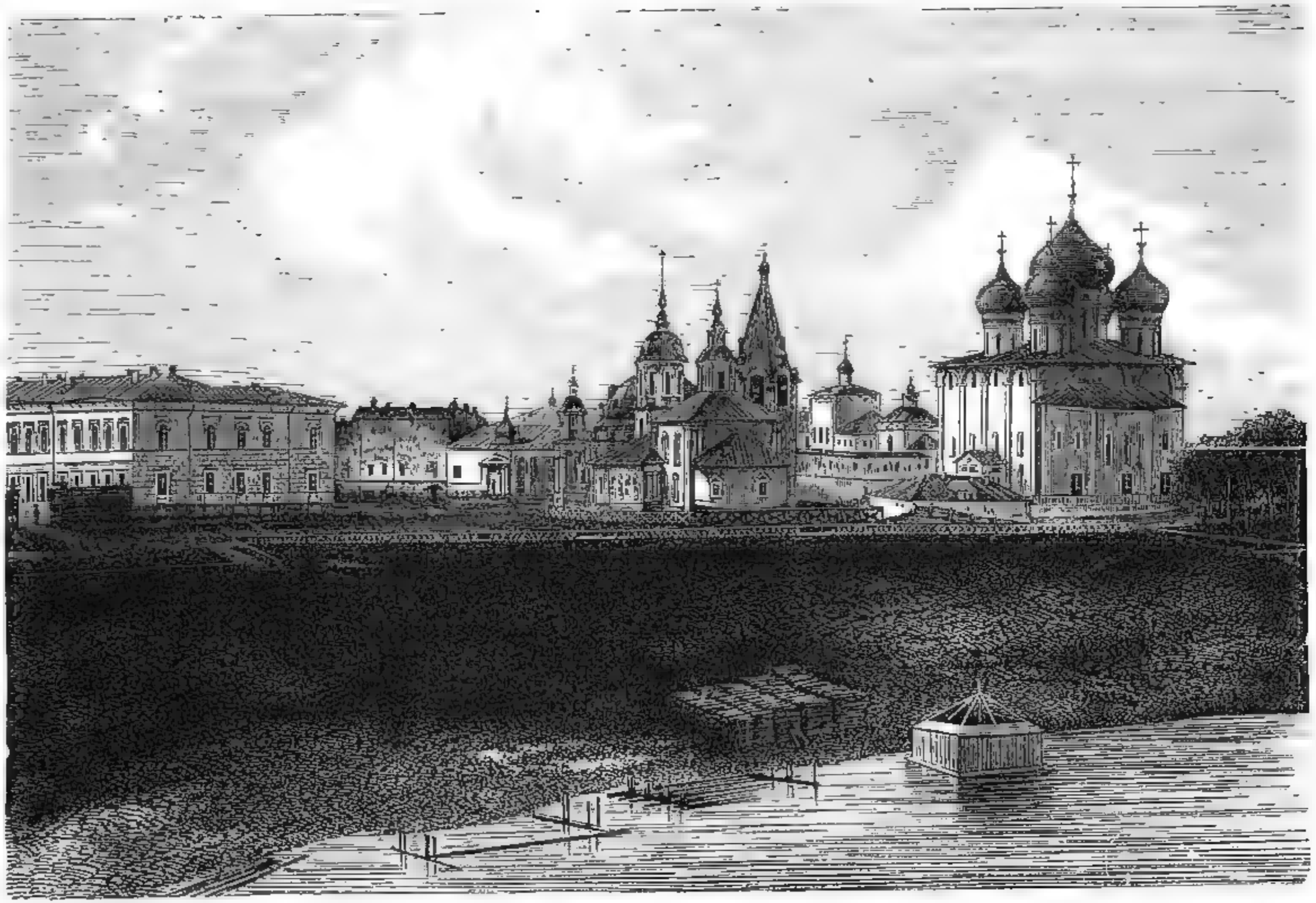
Вологда.

Историческое. Чудскія могилы. Пребываніе Іоанна Грознаго и его постройки. Соборъ. Пять посѣщеній Петра I. Нетѣя и Сапатѣевъ. Домикъ Петра I. Спасообыденная церковь. Воспоминанія о Батюшковѣ и архіепископѣ Иринеѣ. Прилуцкій монастырь. Двѣ поговорки.

Вологда, одинъ изъ древнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ русскихъ городовъ, лежитъ на совершенно ровной, частью болотистой мѣстности и страдаетъ недостаткомъ хорошей воды для питья.

Вологжане считаютъ свой городъ, по числу храмовъ, пятымъ въ Россіи, а ихъ 42. Соборъ построенъ при Іоаннѣ Грозномъ, подъ личнымъ его наблюденіемъ, въ 1568—1570 годахъ; говорятъ, будто постройка производилась съ такою тщательностью, что строеніе покрывалось на ночь лубками. Однажды царь вошелъ въ соборъ; что-то оторвалось отъ свода и упало ему на голову. Царь разгнѣвался, велѣлъ было сломать постройку, едва смилостивился; мѣсто въ сводѣ, съ котораго что-то упало, показываютъ и до сихъ поръ. Соборъ о пяти куполахъ, иконостасъ пяти-ярусный; по зеленому фону окраски золоченая орнаментика; фрески, покрывающія стѣны,—конца XVII вѣка; но сильно возобновлены лѣтъ 30 назадъ и кажутся свѣтловатыми, блѣдными. Въ храмѣ покоятся мощи неканонизованныхъ угодниковъ Антонія и Пимена. Красиво смотрятъ изъ алтаря высокія, въ полтора роста, фигуры святыхъ. Въ соборѣ почиваютъ вологодскіе архіереи. Совершенно не подходитъ къ собору новая колокольня въ стилѣ не то ренессансъ, не то готики. Недалеко отъ собора протекаетъ рѣка Вологда, вѣроятно, давшая имя городу.

Вологодская губернія — одна изъ частей древней призрачной Біарміи, того Заволочья, отъ котораго богатѣлъ Великій Новгородъ, торгуя съ Азіей; это—бывшія пепелища чуди, потомками которой являются зыряне, населяющіе два уѣзда губерніи: Яренскій и Усть-Сысольскій; когда-то было ихъ гораздо



Вологодскій соборъ.

Съ фотогр. А. П. Шевякова, рис. В. Щипкъ, грав. Е. Даммюллеръ.

больше, но они русѣютъ. Должно быть, борьба чуди съ напиравшими на нихъ славянами началась Богъ вѣсть когда; первое упоминаніе объ этой борьбѣ имѣется въ лѣтописи 1078 года, гдѣ говорится, что въ Заволочьѣ убитъ князь новгородскій Глѣбъ Святославичъ. Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ? Борьба эта шла не на жизнь, а на смерть; смерть выпала на долю чуди, жизнь—на долю славянъ; въ качествѣ послѣдней защиты чудь выкапывала ямы, укрывалась въ нихъ настилками на подпоркахъ, и если, отбиваясь въ этихъ ямахъ, видѣли они неминуемость пораженія, то разрушали подпорки и гибли; такъ объясняютъ нѣкоторые спеціалисты происхожденіе «чудскихъ могилъ», этихъ ямъ «погибельницъ», имѣющихся въ большомъ числѣ въ Вологодской губерніи.

Вологда возникла въ одно время съ Москвой, если вѣрить легендарному сказанію, въ которомъ говорится, что когда, въ 1147 году, въ эти мѣста прибылъ изъ златоверхаго Кіева преподобный Герасимъ, то онъ нашелъ уже здѣсь селеніе и малое торжище на площади и вскорѣ имѣлъ споръ съ купцомъ Пятышевымъ за участокъ земли; домъ противъ церкви Св. Троицы, въ которой почиваютъ мощи преподобнаго Герасима, до 1843 года принадлежалъ Пятышевымъ. Это ли не прочность землевладѣнія?

Вологда упоминается, какъ волость, въ грамотѣ Ярослава III въ 1265 г. Много потерпѣла она отъ новгородцевъ, потому что, словно предвидя будущее, постоянно тянула къ Москвѣ, подъ властью которой окончательно закрѣпилась и успокоилась при Василіи Дмитріевичѣ. Ослѣпленный Шемякою, Василій жилъ здѣсь и съ помощью вологжанъ возвратилъ себѣ московскій престолъ. При Іоаннѣ III Вологда служила для многихъ мѣстомъ заточенія.

Особенно нравилась Іоанну Грозному Вологда, чрезъ которую шелъ торный путь нашихъ царей на богомолье въ Кириллову обитель на Бѣло-Озеро. Онъ хотѣлъ даже сдѣлать ее столицей, началъ обносить каменною стѣной и былъ тутъ три раза, въ 1545, 1565 и 1568 годахъ, проживъ въ послѣднее посѣщеніе очень долгое время. Онъ построилъ, какъ сказано, Софійскій соборъ и недалеко отъ него, вдоль теченія Вологды, заложилъ огромное подземное зданіе для казнохранилища, слѣдовъ котораго искали, но не нашли; имъ же прокопаны канавки для осушенія города. Съ 1553 года завязался, какъ извѣстно, торгъ съ англичанами чрезъ Бѣлое море, и городъ Вологда сдѣлался тогда очень важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Первый русскій посолъ въ Англію, сопровождавшій отъѣзжавшаго Ченслера, былъ вологжанинъ Іосифъ Непѣя. Въ междуцарствіе Вологда пострадала отъ польскихъ шаекъ; молодому царю Михаилу Осодоровичу пришлось обнести городъ деревянною стѣною. Въ 1655 году половина жителей погибла отъ моровой язвы, и въ эту-то тяжкую годину была построена въ одинъ день «Спасообыденная Всеградская церковь». Храмъ начали строить въ ночи, срубили за два часа до свѣта, святить начали въ 5-мъ часу дня, такъ что въ храмѣ въ тотъ же день совершили всѣ божественныя службы. Отъ этого храма нѣтъ и слѣда; онъ имѣлъ 3 аршина длины и 8 ширины; нынѣшняя, каменная церковь построена въ самомъ концѣ XVII вѣка; сводъ надъ церковью въ видѣ шапки, о четырехъ скатахъ, встрѣчающійся здѣсь часто; по стѣнамъ, на штукатуркѣ, живопись масляными красками; алтарь — полу-

Вологда. Домъ начальника губерніи и церковь св. Зосимы и Савватія.

кругомъ. Въ 1780 году открыто въ Вологдѣ намѣстничество, въ 1796 году городъ сдѣланъ губернскимъ; въ 1824 году посѣтилъ Вологду императоръ Александръ I, въ 1858 — Александръ II, въ 1870 — Великій Князь Алексѣй Александровичъ, а въ 1885 году—Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Вологда относится къ числу тѣхъ городовъ, торговое значеніе которыхъ убито Петербургомъ. Петръ I былъ въ этомъ городѣ пять разъ. Къ несчастью, всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія—говоритъ г. Арсеньевъ—толкуютъ больше о томъ, что̀ дѣлали «для» царя Петра во время его пріѣздовъ, а не о томъ, что̀ дѣлалъ онъ самъ. Въ первый разъ царь прибылъ, вѣроятно, въ первое путешествіе къ Архангельску, въ 1693 году, и взялъ съ собою Макарова, будущаго кабинетъ-секретаря. Вторично былъ онъ здѣсь въ 1694 году, когда въ немъ созрѣла окончательно мысль открыть Россіи черезъ Архангельскъ морской путь; Петръ прибылъ въ Вологду въ іюнѣ, со свитой въ 105 человѣкъ, и прожилъ здѣсь три съ половиною дня; до Вологды ѣхалъ онъ изъ Москвы въ каретѣ на рессорахъ, обитой внутри разноцвѣтнымъ трипомъ; въ свитѣ его было сорокъ стрѣльцовъ и два карлика, Ермолай съ Тимоѳеемъ; царь обѣдалъ у архіепископа, а готовили дворцовые повара. Отъ Вологды до Архангельска, гдѣ царь оставался болѣе двухъ мѣсяцевъ, ѣхали на семи карбасахъ.

На третье путешествіе Петра I къ сѣверу заготовлены были для царя въ Вологдѣ 22 карбаса, и въ свитѣ его находилось 300 человѣкъ. Четвертое посѣщеніе состоялось въ 1702 году, и на этотъ разъ по адресу шведовъ взяты были Петромъ, кромѣ свиты, 4.000 преображенцевъ; державному отцу сопутствовалъ двѣнадцатилѣтній царевичъ Алексѣй; царь возвратился не черезъ Вологду, а совершилъ знаменитый богатырскій похацкій походъ отъ Бѣлаго моря черезъ дебри Архангельской и Олонецкой губерній къ Повѣнцу, навстрѣчу шведамъ. Въ пятый и послѣдній разъ великій преобразователь Россіи посѣтилъ Вологду въ 1724 году, возвращаясь съ императрицей Екатериной Алексѣевной съ олонецкихъ «марціальныхъ» водъ. Замѣчательно, что какъ первымъ посломъ нашимъ въ Англію былъ вологжанинъ Непѣя, такъ и съ Китаемъ, при Петрѣ, велъ торговыя сношенія опять-таки вологжанинъ Иванъ Саватѣевъ. Въ 1872 году открыты документы, касающіеся любопытнаго факта,—это грамоты царя Саватѣеву. До того были извѣстно только шесть случаевъ сношеній русскихъ съ Китаемъ; при Петрѣ I эти документы прибавляютъ къ нимъ еще одно. Насколько выгодна была эта торговля, видно изъ того, что купчина Саватѣевъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Китай, доставилъ государству прибыли на 223.550 рублей, что составляло ни болѣе, ни менѣе, какъ $^1/_{14}$ часть всѣхъ государственныхъ доходовъ того времени.

Память объ Іоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ какъ-то сочеталась и живетъ въ Вологдѣ. Близъ церкви Ѳеодора Стратилата находится домъ, въ которомъ пребывалъ въ теченіе двухъ дней Петръ I, а церковь эта построена Іоанномъ IV при полученіи имъ извѣстія о рожденіи сына его Ѳеодора. Домикъ Петра I стоитъ на берегу рѣки Вологды; онъ невеликъ и состоитъ всего изъ двухъ отдѣленій: одного — большого, другого — малаго. Въ немъ помѣщается небольшой историческій музей, въ которомъ сохраняются нѣкоторыя мѣстныя

Домъ, гдѣ жилъ Петръ I, въ городѣ Вологдѣ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

древности; тутъ же имѣется столикъ, ножки котораго подшплены собственноручно Александромъ I, такъ какъ столикъ, должно быть, качался, и хранится мѣдное яблоко съ балкона, на которое императоръ опирался; замѣчательна бронзовая ваза, несомнѣнно, древнегреческая, найденная въ Усть-Куломской волости, Усть-Сысольскаго уѣзда. Въ садикѣ передъ домомъ стоитъ петровская пушка, и виситъ старое церковное било.

Тридцать четыре года тому назадъ, т. е. въ 1862 году, печально окончилъ въ Вологдѣ свое существованіе нашъ поэтъ Батюшковъ. Онъ жилъ тутъ долгое время сумасшедшимъ, сначала буйнымъ, затѣмъ кроткимъ, меланхоличнымъ. Милость государя Николая I не забывала его: онъ получалъ пенсію. Но будучи безумнымъ, Батюшковъ, однако, сохранилъ память и читалъ наизусть Корнеля, Тасса, Державина; онъ любилъ вспоминать время своей военной службы, походы, бой при Гейльсбергѣ, въ которомъ былъ раненъ. Малиновая бархатная ермолка не сходила съ его бѣлыхъ волосъ; главное занятіе его состояло въ рисованіи; онъ воспроизводилъ все одинъ и тотъ же пейзажъ: бѣлая лошадь, разноцвѣтныя деревья, замокъ, крестъ, вдали море съ кораблями, темное небо и блѣдная луна. Батюшковъ родился въ Вологдѣ; литературное имя его было уже составлено, когда, во вниманіе къ нездоровью, онъ назначенъ былъ состоять при нашемъ посольствѣ въ Неаполѣ; но это не помогло; въ 1823 году уже въ Симферополѣ замѣчено было начало умопомѣшательства; Батюшкова перевезли въ Вологду, гдѣ онъ прожилъ послѣ того около сорока лѣтъ.

Въ Вологду же привезенъ былъ въ 1831 году извѣстный своими странностями Ириней Нестеровичъ, архіепископъ Иркутскій. Въ нашихъ историческихъ журналахъ помѣщено было нѣсколько статей и замѣтокъ о немъ, о его рѣзкихъ пререканіяхъ съ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Лавинскимъ, о такъ называемомъ «бунтѣ», имъ произведенномъ, окончившемся поселеніемъ его въ Вологду, въ Спасо-Прилуцкій монастырь. Его считали одно время помѣшаннымъ; другіе полагаютъ, что онъ былъ послѣднимъ представителемъ духовной оппозиціи мѣстной свѣтской власти, былъ подражателемъ архимандрита Фотія. Въ Вологдѣ онъ жилъ мирно, получилъ даже вновь разрѣшеніе на архіерейское служеніе, а затѣмъ переведенъ въ Толгскій монастырь; онъ умеръ въ 1864 году. Въ 1847 году посѣтилъ покойнаго профессоръ Шевыревъ, и съ глубокимъ чувствомъ говоритъ объ умѣ и характерѣ архипастыря.

Прилуцкій монастырь, въ которомъ былъ заключенъ Иринеи, находится въ пяти верстахъ отъ Вологды. Начало обители—конецъ XIV вѣка; св. Димитрій Прилуцкій, основатель ея, современникъ—Димитрія Донскаго. Въ этомъ монастырѣ въ 1812 году въ теченіе трехъ мѣсяцевъ лежали привезенныя изъ Москвы всѣ неоглядныя сокровища патріаршей ризницы кремлевскихъ соборовъ, Сергіевской лавры и монастырей. Въ церкви монастырской поклоняются мощамъ преподобнаго Димитрія и угличскаго князя Іоанна, сосланнаго сюда Грознымъ и принявшаго тутъ схиму. Объ раки, въ которыхъ почиваютъ ихъ мощи, серебряныя, стоятъ вправо отъ входа, надъ каждою изъ нихъ теплится по шести лампадъ; тутъ же хранятся ихъ вериги и такъ называемый киллікійскій

Соборъ Софійскій. Храмъ Николая Чудотворца. Храмъ Спаса Обыденнаго.

Храмы Спаса Обыденнаго и Николая Чудотворца на Сѣнной площади, въ Вологдѣ. Съ фотогр. Лаптева, гр. М. Рашевскій.

крестъ, привезенный св. Димитріемъ изъ Переславля; онъ деревянный; изображенія на немъ изъ слоновой кости. Въ монастырѣ 14 человѣкъ иноковъ, съ послушниками 25 человѣкъ; въ немъ всего 13 придѣловъ; монастырь обнесенъ могучими стѣнами съ круглыми башнями. Въ ризницѣ хранятся: риза, пожертвованная Димитріемъ Донскимъ, посохъ святителя и надгробныя пелены, пожертвованныя Строгановыми.

Въ Вологдѣ черезъ рѣку два моста; судостроеніе по рѣкѣ Вологдѣ очень развито, и спускается здѣсь на воду ежегодно около 300 судовъ *). Нельзя не вспомнить двухъ характерныхъ поговорокъ, касающихся Вологды и Грязовца,— поговорокъ, идущихъ, вѣроятно, отъ времени Іоанна Грознаго. Привели однажды вологжане въ даръ царю жеребенка съ серебряными подковами. Іоаннъ былъ недоволенъ. «Это—не жеребенокъ, а теленокъ»,—сказалъ царь и велѣлъ вологжанамъ съѣсть его. Они ѣли и все сомнѣвались: не теленокъ ли? и только доѣвъ до подковъ—убѣдились. Отсюда пословица: «вологжане телятники, жеребенка съ подковами съѣли». Такъ подшучивали надъ ними въ Грязовцѣ, откуда, будто бы, это преданіе происходитъ; на это вологжане отвѣчали: «пьяница Грязовица; семь кабаковъ, одна церковь». «Въ этихъ колкихъ шуткахъ,—замѣчаетъ Шевыревъ,—какъ бы отзываются древнія распри нашихъ городовъ, еще напоминающія времена удѣловъ».

*) Въ 1894 году разрѣшена постройка рельсоваго пути отъ Вологды до Архангельска.

Рѣка Сухона до Тотьмы. Тотьма.

Характеристика рѣки Сухоны. Воспоминаніе о Петрѣ I. Село Шуйское. Дѣдовъ Островъ и Сергіева пустынь. Тотьма. Историческое. Спасо-Суморинъ монастырь. Замѣчательныя иконы. Соляныя варницы. Выставка.

6-го іюня, около 10-ти часовъ утра, путешественники сѣли на пароходъ «Купецъ», для дальнѣйшаго слѣдованія рѣками Вологдою, Сухоною и Сѣверною Двиною до Архангельска.

Пароходы, идущіе отъ Вологды до Архангельска, грузятся обыкновенно въ четырехъ верстахъ отъ города; они могутъ сдѣлать въ продолженіе навигаціи до пяти рейсовъ; отсюда въ Архангельскъ отправляютъ до $1^1/_2$ милліоновъ пудовъ хлѣба. Не доходя верстъ 30 до Сухоны, судно проходитъ такъ называемыя «Озера»,—мѣсто колоссальныхъ разливовъ, достигающихъ 75 верстъ ширины. Быстрота спада водъ и ширина разливовъ — отличительныя черты нашихъ рѣкъ, ожидающихъ регулированія. Такъ какъ рѣка Вологда, очень извилистая, вскрывается обыкновенно ранѣе Сухоны, то этимъ обусловливается иногда любопытное явленіе обратныхъ теченій рѣки къ Кубинскому озеру. Недалеко отъ устья Вологды, на Сухонѣ, существуетъ такъ называемый «Прокопъ», саженъ въ 300 длиной, сокращающій путь по рѣкѣ на 26 верстъ. Никто здѣсь не знаетъ, кѣмъ этотъ прокопъ вырытъ. Эти «невѣдѣнія» у насъ поразительны. Если неизвѣстно кѣмъ прорытъ какой-нибудь водный путь, такъ, конечно, или самой природой, или Петромъ I. Пароходъ прошелъ этимъ «прокопомъ». Отъ города Вологды по рѣкѣ Вологдѣ до ея впаденія въ Сухону 34 версты.

Удивительно схожи, родственны между собою наши рѣки: онѣ порожисты, перемѣнчивы, имѣютъ быстрое паденіе и непремѣнно слишкомъ много или мало воды. То же и съ Сухоной. Кстати замѣтить, что слѣдуетъ говорить: Сухона, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а никакъ не на второмъ, какъ это принято. Сухона отъ Кубинскаго озера до Великаго Устюга, то-есть до образованія

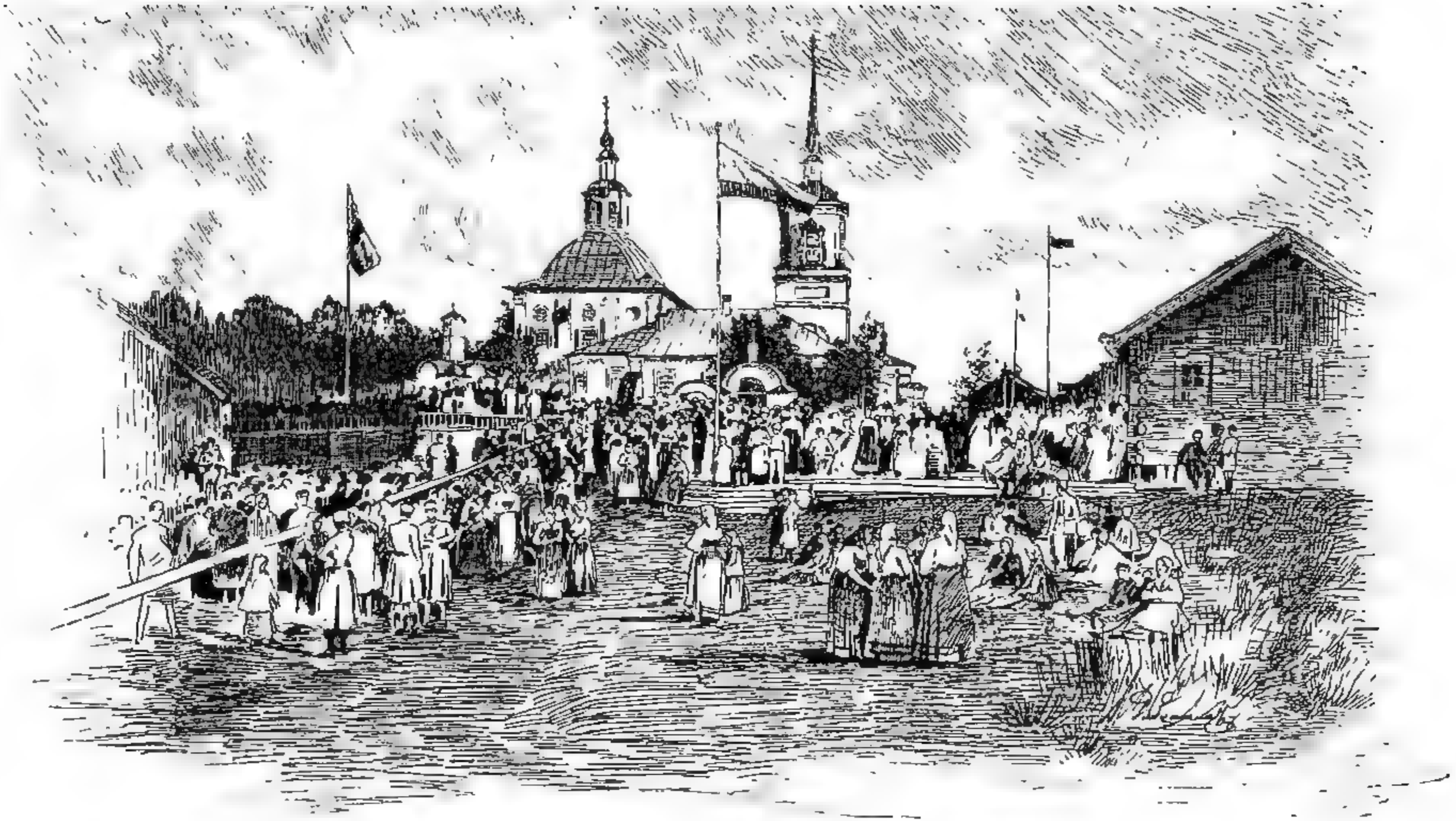
Сухона. Церковь села Шуйскаго.

Сѣверной Двины, имѣетъ 523 версты протяженія и дѣлится на двѣ различныя одна отъ другой половины: на 267 верстахъ до Тотьмы она глубже, удобнѣе для судоходства; на слѣдующихъ 256 верстахъ очень порожиста, причемъ въ малую воду на нѣкоторыхъ порогахъ, напримѣръ въ «Опокахъ», имѣетъ не болѣе семи вершковъ глубины. Всѣхъ порожистыхъ мѣстъ около 53. По фарватеру много грядъ, переборовъ, одинковъ, а песчаныя мели мѣняются словно по фантазіи по нѣсколько разъ въ навигацію. Въ весеннюю воду по Сухонѣ могутъ ходить суда съ осадкой 8 четвертей, но съ начала іюня вода спадаетъ очень быстро, въ особенности послѣ закрытія шлюза «Знаменитый». Обозначать стрежень рѣки вехами не стоитъ, потому что онъ виденъ, такъ сказать, на глазъ; шлюзовать рѣку невозможно, вслѣдствіе ея ширины. Надо, слѣдовательно, довольствоваться малымъ: заниматься по возможности расчисткой пороговъ. Существуетъ предположеніе періодически совсѣмъ закрывать шлюзъ «Знаменитый» и пускать изъ него воду для пропуска судовъ только временно; это дастъ возможность при очень низкой водѣ съ успѣхомъ расчищать переборы Сухоны и имѣть въ Кубинскомъ озерѣ достаточный запасъ воды.

Окрестности Сухоны довольно богаты хлѣбомъ; по ней идетъ много лѣса; судостроеніе сосредоточивается, главнымъ образомъ, между Тотьмою и Шуйскою слободою; по обоимъ берегамъ ея видны строящіяся въ большомъ количествѣ суда, главнымъ образомъ такъ называемые каюки. Остовы ихъ, окруженные щепою, бѣлѣли справа и слѣва иногда такъ высоко надъ водой, что не сообразить: какъ это, по окончаніи работы, спустятъ каюкъ на воду? Лѣса здѣсь достаточно. До самой Тотьмы и дальше оба берега сплошь покрыты лѣсами. Такъ какъ на людей не угодишь, то капитаны пароходовъ называютъ эти цѣнные лѣса своими врагами: большія деревья, зачастую подмываемыя водой, то и дѣло падаютъ въ рѣку и нерѣдко ломаютъ у пароходовъ колеса. Съ низменныхъ береговъ глядятъ повалившіяся и готовыя повалиться деревья—эти кандидаты на вражду капитановъ.

Петру I, изслѣдовавшему самолично всѣ сѣверные пути, Сухона была очень хорошо знакома, и память о немъ живетъ здѣсь повсюду. Недалеко отъ села Паремы имѣется камень «Пролей кашу», о который толкнулось будто бы судно царя и выплеснуло изъ тарелки его кашу; близъ рѣки Юрменга, не доѣзжая Устюга, есть деревня, будто, подаренная Петромъ какому-то лоцману. Царь, разсердившись, сбросилъ лоцмана въ воду; но лоцманъ этотъ, видя, что судно направляютъ не такъ, какъ бы слѣдовало, плылъ подлѣ и продолжалъ распоряжаться; Петръ I наградилъ его деревней. Въ селахъ Дмитріевомъ и Бобровскомъ есть памятники, свидѣтельствующіе о проѣздѣ Великаго Князя Алексѣя Александровича. У деревни Черменино замѣтенъ съ рѣки бьющій изъ скалы ключъ «Васька». Чортъ когда-то катилъ къ рѣкѣ камень, чтобы помѣшать судоходству или, какъ тутъ говорятъ, сдѣлать «пакость»; но закричали утренніе пѣтухи,—онъ долженъ былъ оставить работу, не докативъ камня, треснулъ по немъ со злости рукою, и съ тѣхъ самыхъ поръ «Васька» бьетъ ключомъ.

Къ 4½ часамъ пополудни пароходъ подошелъ къ одному изъ людиѣйшихъ



Сухона. Село Бобровское. Церковь.

селъ Сухоны—къ Шуйскому, лежащему на обоихъ берегахъ рѣки; двѣ церкви, съ пятью золотыми куполами каждая и съ колокольнями, снабженными шпилями, схожія точно два родные брата, глядятъ одна на другую черезъ рѣку. Судьбы этихъ церквей вовсе не одинаковы; храмъ праваго берега имѣетъ какого-то неизвѣстнаго благотворителя, украсившаго его такъ, что внутреннее убранство этой сельской церкви подъ стать любой столицѣ; благотворитель этотъ остается неизвѣстнымъ, и, чтобы поминать его, невѣдомаго, устроенъ въ храмѣ придѣлъ во имя Всѣхъ Святыхъ. Жители Шуйскаго,—такъ называемые, «питерщики», то-есть они ходятъ на заработки и для торговли въ Петербургъ, и благодаря имъ село богато и людно.

Берега Сухоны, по мѣрѣ приближенія къ Тотьмѣ, растутъ и становятся замѣчательно живописными. Между темныхъ лѣсовъ широкими изгибами бѣжитъ рѣка, постоянно подернутая струями вслѣдствіе быстроты паденія. Отъ поры до времени скользитъ вдоль молчащихъ лѣсовъ тихимъ ходомъ одинокій каюкъ или тянется узкій бревенчатый плотъ, по мѣстному «ведило», и на немъ разведенъ костеръ, возлѣ котораго обрисовываются ночью ярко-краснымъ цвѣтомъ рабочіе за котелкомъ, а днемъ—высится голубая струйка дыма. Такіе же костры виднѣются по берегамъ. Отъ верховьевъ своихъ до порога Скородумъ, на протяженіи 266 верстъ, Сухона падаетъ на $4^1/_2{}^{\prime}$, на протяженіи 259 верстъ паденіе это достигаетъ 24°; это обусловливаетъ при существованіи пороговъ нѣкоторую опасность; Малая Двина на протяженіи 65 верстъ падаетъ на 4°, Большая Сѣверная Двина на 437 верстахъ только на 15°, такъ что Сухона является сравнительно самою капризною, она же и самая красивая изъ мѣстныхъ рѣкъ. Замѣчательныхъ мѣстъ по красотѣ много. Не доѣзжая 9 верстъ до Тотьмы, есть рѣчка Царева, гдѣ Петръ I пилъ чай,—такъ утверждаетъ преданіе, хотя чай въ тѣ дни едва ли распивался; въ семи верстахъ на небольшомъ островѣ пріютилась въ соснахъ и елях маленькая Сергіева пустынь; пароходъ остановился, и путники сошли на островокъ. Переполохъ произошелъ великій; старенькій іеромонахъ въ старенькой ризѣ вышелъ на встрѣчу. Церковь очень мала; иконостасъ, однако, пятиярусный—цвѣта зеленаго съ желтымъ; въ церковкѣ масляною живописью по стѣнамъ или, лучше сказать, на нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ, въ разбросъ, совершенно неправильно, точно пробы кисти, намалеваны самыя первобытныя изображенія Марка Гробокопателя, искушеній Ѳеодосія и Арефы Печерскихъ, Іоанна Многострадальнаго и лицъ многихъ діаволовъ-соблазнителей. Пустынь стоитъ на Дѣдовскомъ островѣ; за нимъ слѣдуютъ острова: Бабій и Внуковъ. Отъ какихъ дѣдовъ, бабъ и внуковъ эти названія? Говорятъ, что сюда ссылаютъ на покаяніе провинившихся монаховъ; тотемцы ѣздятъ сюда для прогулки.

Пароходъ прибылъ въ Тотьму 7-го іюня, около часу пополудни. Уѣздный городокъ этотъ, имѣющій около 4.000 жителей и семь церквей, вырисовывается на лѣвомъ высокомъ берегу Сухоны очень красиво; на правомъ противъ него стоитъ одиноко кладбищенская церковь, бывшій женскій монастырь, въ которомъ до постриженія въ Суздальскомъ монастырѣ жила первая супруга Петра Великаго, Евдокія Ѳеодоровна,—такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, мѣстные

Тотьма. Соборъ отъ Рыночной площади.

исторіки; чуть-чуть подальше отъ этой церкви расположенъ такъ-называемый Выползокъ, небольшое поселеніе, выползшее изъ города. Видъ на пристань и высокій берегъ сильно напомналъ Романовъ, только городъ не на двухъ, а на трехъ холмахъ.

Соборъ о пяти куполахъ, съ очень высокою колокольнею, выкрашенъ желтою краскою, а купола зеленые, что̀ не особенно красиво; каменный куполъ только средній; остальные—деревянные на длинныхъ шейкахъ. Иконостасъ—въ стилѣ возрожденія, съ коринѳскими колоннами; надъ Царскими вратами, подъ высокою дугою, писанная масляными красками Тайная Вечеря; средній куполъ внутри также въ четыре ската.

Тотьма стоитъ при впаденіи въ Сухону рѣчки Песья Деньга. Извѣстно, что въ 1539 году казанскіе татары разрушили прежнюю древнюю Тотьму, бывшую верстъ на 15 ниже, и жители разбрелись по лѣсамъ. Два года бушевали татары въ этихъ мѣстахъ, неистово злодѣйствуя, и тутъ разыгрались многія кровавыя драмы, о которыхъ лѣтопись сохранила тяжелыя воспоминанія. Когда съ наступленіемъ лучшаго времени жители начали снова выходить изъ лѣсовъ, они селились въ двухъ верстахъ отъ нынѣшней Тотьмы, близъ соляныхъ варницъ. Когда-то посѣтилъ городъ Іоаннъ IV и стоялъ лагеремъ на лугу, называемомъ и понынѣ «Государевымъ», и тутъ же онъ чинилъ судъ и расправу, для чего имѣлась висѣлица на мѣстѣ, называемомъ «висѣлкой», о чемъ сохранилось много преданій. Въ судьбахъ Тотьмы играютъ видную роль Строгановы, вѣроятно, родственники тѣхъ, которые обогатили Сольвычегодскъ. Мало-по малу отъ варницъ жители селились все ближе къ Сухонѣ, и такимъ образомъ выросла нынѣшняя Тотьма.

Тотьма сильно пострадала въ лихолѣтье. Вмѣстѣ съ Вологдой сдалась она самозванцу, но послѣ, одумавшись, отреклась отъ него и съ другими городами Сѣвера послала своихъ людей стоять за правое дѣло. Въ соборѣ, выбравшемъ царя, были также и тотмичи. Въ XVI и въ особенности въ концѣ XVII вѣка Тотьма много торговала съ Сибирью, транзитъ изъ которой шелъ сюда; это былъ золотой торговый вѣкъ нашихъ сѣверныхъ городовъ, но они очень быстро обѣднѣли. Петръ I былъ въ Тотьмѣ три раза по пути къ Архангельску, посѣтилъ соляную варницу и пустилъ бадью въ разсолъ, за что и потребовалъ платы. Въ восьми верстахъ отъ Тотьмы лежитъ въ Сухонѣ, внѣ фарватера, справа, камень «Лось», на которомъ царь будто бы обѣдалъ. При проѣздѣ онъ виденъ очень хорошо. Посѣтивъ это мѣсто въ 1864 году, геологъ Барботъ-де-Марни изслѣдовалъ камень и нашелъ, что это гнейсовидный красный гранитъ, превосходящій величиной, по крайней мѣрѣ, вдвое «Громъ-Камень», попираемый Петровымъ конемъ въ Петербургѣ.

Главная святыня города, мощи Преподобнаго Ѳеодосія, хранятся въ Спасо-Сумориномъ Ѳеодосіевомъ монастырѣ, отстоящемъ отъ него не свыше двухъ верстъ. Монастырь окруженъ стѣной съ башнями, снабженными шпилями, и кажется, со своими девятью куполами и очень высокою колокольнею, съ гостинницей и помѣщеніемъ монашествующихъ, очень большимъ; въ дѣйствительности это не такъ, потому что монастырскія зданія очень узки и только декора-

Рѣка Сухона. Спасо-Суморинъ монастырь.

тивно вытянуты по лицевой сторонѣ, обращенной къ городу; обману глазъ содѣйствуетъ и то, что монастырь находится въ котловинѣ. Иноковъ 18 человѣкъ, всѣхъ живущихъ въ монастырѣ 80. Надъ главнымъ храмомъ большой куполъ съ двумя полукуполами по сторонамъ; на нихъ фрески совершенно новыя; иконостасъ деревянный, тоже совершенно новый; центральная часть его—какъ бы уменьшенная римская тріумфальная арка. Мощи угодника покоятся влѣво отъ входа въ серебряной ракѣ, подъ массивною серебряною сѣнью, на витыхъ столбахъ; надъ сѣнью почему-то держава.

Здѣсь показываютъ реликвіи, сохранившіяся послѣ угодника: часть крыши деревяннаго гроба, кожаные сапоги и завѣщаніе, писанное имъ собственноручно: свитокъ въ три аршина длины. Нельзя не обратить вниманія на то, что въ этомъ храмѣ, равно какъ и въ нижнемъ, имѣются иконы, изображающія преподобнаго почившимъ; какъ-то странно видѣть иконы, не глядящія на того, кто имъ молится; одно изъ подобныхъ изображеній занимаетъ даже очень видное мѣсто на иконостасѣ. Жители Вятской и частью Костромской губерніи считаютъ своею обязанностью побывать у Ѳеодосія; ежегодно 28-го января собирается здѣсь до 10.000 народа. Около 1554 года преподобный былъ надзирателемъ мѣстныхъ соляныхъ варницъ.

Немного далѣе монастыря находятся соляныя варницы **Кокорева** и Ракова; онѣ расположены въ холмистой мѣстности, на берегу небольшой рѣчки Ковды. Разсолъ получается изъ трехъ колодцевъ; ближайшій изъ нихъ очень слабъ: содержитъ не болѣе 7% соли; всѣхъ варницъ три, и на каждой получается до 200 пудовъ соли въ сутки, всего въ годъ около 200.000 пудовъ; цѣна соли здѣсь за пудъ 32 коп. въ продажѣ; по разсчету хозяевъ, получаютъ они дохода ¼ коп. съ пуда. Способъ добычи соли вполнѣ первобытный; разсолъ выпаривается на длинныхъ желѣзныхъ противняхъ, висящихъ надъ огромными крытыми кострами, и пожираетъ невѣроятное количество топлива; полагаютъ, что градирная система была бы здѣсь непримѣнима вовсе; но сбереженія въ топливѣ можно было бы достичь несомнѣнно.

Въ описываемое время въ зданіи мѣстнаго клуба была устроена выставка мѣстныхъ произведеній. Видное мѣсто занимали мѣха: медвѣдя, выдры, норки, куницы, выхухоля, рыси; за медвѣжью шкуру, очень большую и совершенно черную, заплачено было 22 руб.; обращали на себя вниманіе фисъ-гармоники, устроенныя крестьянами-самоучками Чучковымъ и Двойнишниковымъ; былъ тутъ очень странный глиняный самоваръ, цѣной 1 руб.; здѣсь же стояли образчики ружейныхъ березовыхъ ложъ для Сестрорѣцкаго завода и еловыя весла, идущія отсюда къ нашимъ яличникамъ на Неву; цѣна ложъ и веселъ за пару по 5 рублей. Виднѣлось достаточное количество сильно поврежденныхъ мамонтовыхъ костей, разныя ткани и пряжи и очень прочныя полотна; въ числѣ мѣстныхъ произведеній красовалась и пшеница; любопытны были образчики глауберовой соли съ находящагося отсюда въ 30 верстахъ казеннаго Леденгскаго солеваренаго завода. Въ небольшомъ саду клуба были разложены и висѣли по деревьямъ орудія рыбной ловли: курмы, верши, переметы. Стерлядь, довольно рѣдкая здѣсь, въ особенности при полой водѣ, ловится на переметы, безъ

Рѣка Сухона.
Кувакинская выставка.

приманки, т.-е. по-просту, сама зацѣпляется за крючки, когда идетъ; бѣлая нельма и розовая семга, и та и другая совсѣмъ свѣжія, были привозныя и въ Сухонѣ необычны.

Изъ Тотьмы пароходъ отправился въ семь часовъ вечера, около десяти часовъ миновалъ одинъ изъ пяти довольно опасныхъ пороговъ, «Жидятинъ», и къ 11½ часамъ бросилъ якорь для ночевки у Кувакинской выставки, въ 65 верстахъ отъ Тотьмы. Еще ранѣе Тотьмы Сухона, какъ выше сказано, становится рѣкою очень красивою, но ниже Тотьмы представляетъ она еще болѣе типичности и художественной красоты.

Устюгъ Великій.

Отъ Тотьмы до Устюга Великаго. Нюксеница. Опоки. Устюгъ. Историческое. Судьба волго-двинской желѣзной дороги. Церкви и монастыри. Выставка.

Отчевка на пароходѣ у Кувакинской выставки въ ночь на 8-е іюня прошла безусловно тихо, несмотря на присутствіе на берегу значительнаго числа людей, обозначавшихся въ полусвѣтѣ ночи отдѣльными группами. Вскорѣ по прибытіи, сойдя на возвышенный пустынный лѣсистый берегъ, словно вымощенный камнями подлѣ самой воды и изрытый мѣстами посохшими буераками, по которымъ по веснѣ сбѣгали, видимо, очень могучія воды, путники замѣтили въ полусвѣтѣ ночи большой, словно вытканный изъ слеи павильонъ; внизу, на водѣ, виднѣлись лодочки, «душегубки» или долбежки, вытянутыя вдоль берега для рыбной ловли. Ночь была свѣтла и безоблачна, но все-таки еще не совсѣмъ свѣтла, а по-петербургски, такъ какъ судно находилось тутъ на одной съ нимъ параллели и пойдетъ къ сѣверу только отъ Устюга.

Рыбная ловля не могла быть особенно удачна; пока строили павильонъ, приходили лодки и, наконецъ, появились два парохода, рыба догадалась уйти. Здѣшніе неводы очень длинны, тянуть ихъ трудно, вслѣдствіе каменистаго дна и множества корягъ всякихъ возрастовъ и размѣровъ. Переправляясь на лодкахъ съ одного берега на другой къ мѣсту вытягиванія неводовъ, можно по сносу лодокъ убѣдиться въ быстротѣ теченія Сухоны. По прибрежнымъ кустамъ виднѣлось одно красивое вьющееся растеніе, которое мѣстные жители называютъ лѣснымъ плющемъ; листъ его напоминаетъ обыкновенный Vitis, но цвѣты большіе, бѣлые, о четырехъ лепесткахъ, замѣчательно граціозны; они схожи съ весенними анемонами, но разнятся количествомъ лепестковъ и ихъ размѣрами; растеніе это обвисало вдоль всѣхъ прибрежныхъ кустовъ и, не находя на нихъ довольно мѣста, спускалось на землю и тянулось по травѣ.

Около девяти часовъ утра пароходъ снова бороздилъ Сухону, которая, несмотря на то, что была передъ глазами уже второй день, не могла не нравиться. Берега попрежнему высоки, волнисты, покрыты лѣсами; порой виднѣются поперечныя долинки; на берегу зачастую замѣтны временныя становища рыбаковъ и ихъ заколы. Здѣшнія села отличаются красивыми, прочными избами, большею частью двухъ-этажными, съ балкончиками и далеко впередъ выступающими навѣсами крышъ на швейцарскій ладъ. Пароходъ неожиданно остановился подлѣ села Нюксеница, расположеннаго на высокомъ лѣвомъ берегу рѣки. Всполохъ въ мирной деревнѣ былъ очень великъ, когда во множествѣ стоявшіе на берегу сельчане съ изумленіемъ замѣтили поворотъ, дѣлаемый пароходомъ. Надо было видѣть съ рубки эту суетню и бѣготню, поднявшуюся въ неожиданно посѣщенной деревнѣ, лежащей совсѣмъ въ сторонѣ отъ всякихъ путей и внѣ маршрута. Здѣсь обращали на себя вниманіе небольшіе парнички, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, вырци, стоявшіе на бревнахъ подлѣ избъ, съ весьма молодою порослью; на вопросъ: что это такое?—получился отвѣтъ, что это высѣянъ чрезвычайно нѣжный плодъ, а именно брюква, называемая тутъ голланкою; климатическія условія здѣсь таковы, что сѣять брюкву прямо въ гряды нельзя.

Гораздо круче и выше, чѣмъ прежде, становились берега Сухоны; кое-гдѣ виднѣлись очень тонкимъ слоемъ известковыя обнаженія, а поверхъ ихъ могучія толщи мергелей и песковъ, покрытыхъ нескончаемымъ лѣсомъ. Въ селахъ, довольно частыхъ, попадались иногда очень старинныя деревянныя церковки, какъ, напримѣръ, въ Березовской Слободкѣ и Копыловѣ, съ маленькими, чуть не волоковыми окнами и низенькою колокольнею, обведенною поверху галлерейкой, жиденькими столбиками и маленькими колоколами. Сухона не мѣняетъ своего характера на всемъ протяженіи: пароходъ то и дѣло шелъ тихимъ ходомъ, и производились промѣры. Сухону называютъ здѣсь также «Чортовою рѣкой»: несъ чортъ орѣхи въ рѣшетѣ, просыпалъ, и орѣхи обратились въ камни и попали въ Сухону. Около шести часовъ вечера пароходъ подошелъ къ селу Бобровскому; въ 1870 году посѣтилъ это село Великій Князь Алексѣй Александровичъ, и о пребываніи его гласитъ стоящая на берегу небольшая часовенька съ подходящею надписью; съ согласія Великаго Князя Владиміра Александровича, бывшаго здѣсь въ 1885 г., прибавлена вторая надпись—о его посѣщеніи, такъ какъ на постройку другой часовеньки онъ согласія своего не изъявилъ.

Самое опасное мѣсто Сухоны, это—Опоки; оно же очень красиво. Длина этого порога, или «перебора», немного менѣе версты, но рѣка дѣлаетъ тутъ крутой изгибъ, выписываетъ нѣчто въ родѣ буквы Z и такъ быстра, что паденіе замѣтно на глазъ. У церкви села Никольскаго, на лѣвомъ берегу, съ высокою, обитою блестящею жестью, колокольней, здѣшніе судохозяева и судорабочіе крестятся и входятъ въ стремнину. Лѣвый берегъ достигаетъ вышины 200 футовъ; онъ совершенно отвѣсный, обнаженный и представляетъ огромное количество рѣзкихъ наслоеній мергелей и розовато-сѣрыхъ глинистыхъ песковъ, тянущихся математически правильными параллелями. Чрезвычайно удачно и мѣтко было сдѣланное на пароходѣ сравненіе этой горы съ громадною пастилою;

такія пастилы въ Милютиныхъ лавкахъ въ Петербургѣ называются «союзными». Пароходъ прошелъ совершенно благополучно; въ этомъ не могло быть сомнѣнія только тогда, когда онъ поравнялся со Святымъ ручьемъ, прорѣзающимъ лѣвый берегъ, съ одноименною ручью деревнею на вершинѣ горы: тутъ конецъ пороговъ; на правомъ берегу виднѣлось село Порогъ.

Ночь пароходъ простоялъ на якорѣ въ Герменино и съ разсвѣтомъ двинулся дальше; здѣсь тоже строятъ суда, и остовы ихъ стоятъ здѣсь такъ высоко надъ водою, что удивляешься тому, какъ спускаютъ ихъ на воду?

Около одиннадцати часовъ утра путники подъѣзжали къ Устюгу Великому, въ которомъ простились, наконецъ, съ Сухоною. Видъ на древній городъ, съ широко раздавшеюся передъ нимъ рѣкою, съ двумя десятками высокихъ церквей, замѣтныхъ съ парохода — всѣхъ церквей въ городѣ 26 — съ высокою набережною, обдѣланною бревнами, поставленными торчкомъ,—очень красивъ. Пристань устроена подлѣ трехъ главныхъ церквей: собора, Прокофія Праведнаго и Іоанна Праведнаго, заключенныхъ въ одну общую ограду, гдѣ хранятся главныя святыни города: чудотворныя иконы и мощи угодниковъ.

Устюгъ—родина св. Стефана Пермскаго. Древній «Глядень» былъ построенъ противъ самаго истока Малой Двины, но постоянныя нападенія чуди заставили жителей съ 1212 года переходить мало-по-малу на нынѣшнее его мѣсто, къ такъ называемой Черной Лукѣ. Имя города произошло отъ Устье-Юга и въ настоящее время ему, собственно говоря, не подходитъ; древнее, прежнее мѣсто его на соединеніи трехъ великихъ рѣкъ: Двины, Сухоны и Юга, было величественно и остается таковымъ.

Въ XV вѣкѣ Великій Устюгъ считался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Россіи; почти всѣ коренные сибирскіе купцы по происхожденію устюжане; въ немъ и понынѣ совершаются нѣкоторые обороты бѣломорской торговли. Рѣка Сухона во все время существованія Устюга имѣла на него неблагопріятное вліяніе и то и дѣло подмывала и подмываетъ городъ; наводненій не перечесть; самое гибельное изъ нихъ случилось въ 1761 году; тогда были снесены водой дома, разрыты кладбища. Еще недавно, лѣтъ восемь назадъ, принуждены были снести церковь Прасковіи-Пятницы, стоявшую крайнею на берегу, по направленію къ соединенію Сухоны съ Югомъ. Нѣкоторую пользу приносятъ шесть небольшихъ поперечныхъ дамбъ, поставленныхъ вдоль набережной въ послѣдніе годы.

Устюгу слѣдовало бы быть губернскимъ городомъ. Онъ въ центрѣ губерніи. Это одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ нашихъ, если судить по виду, въ особенности подъѣзжая по рѣкѣ отъ Вологды; надъ нимъ замѣтенъ невысокій холмъ — Соколиная гора — съ женскимъ монастыремъ. Съ 1802 года Устюгъ—уѣздный городъ.

Сліяніе Сухоны съ Югомъ образуетъ только-что упомянутую такъ-называемую Малую Двину; при впаденіи Вычегды начинается Большая Сѣверная Двина, катящая свои желтыя воды къ Бѣлому морю. Здѣсь именно то мѣсто нашихъ сѣверныхъ водныхъ системъ, которому, несомнѣнно, суждено въ скоромъ времени оживиться и оживить все наше сѣверное богатое поморье.

Городъ Великій Устюгъ (Вологодск. губ.). Съ наброска Г. Кумминга, рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

Рѣчь идетъ о проектировавшейся еще въ 1868 году волго-двинской желѣзной дорогѣ и нынѣ получившей, наконецъ, разрѣшеніе въ видѣ желѣзнодорожной линіи Пермь - Вятка - Котласъ. Обстоятельство это настолько любопытно, что представляется далеко нелишнимъ привести здѣсь вкратцѣ обсужденіе вопроса о сооруженіи этой линіи, имѣвшее мѣсто въ XXIII засѣданіи комитета сибирской желѣзной дороги. Въ этомъ засѣданіи, происходившемъ 3-го мая 1895 года, была заслушана, какъ извѣстно, записка Министра Путей Сообщенія, о приступѣ къ сооруженію желѣзнодорожной линіи Пермь-Вятка-Котласъ.

Въ запискѣ этой, между прочимъ, указывалось, что при современныхъ условіяхъ земледѣлія въ Сибири количество свободныхъ избытковъ хлѣба, подлежащихъ вывозу изъ этой страны, достигаетъ 9—12 милліоновъ пудовъ. При измѣняющихся же въ настоящее время условіяхъ экономическаго строя края, въ ближайшемъ будущемъ, количество ихъ должно сильно возрасти.

Появленіе сибирскихъ хлѣбныхъ грузовъ на рынкахъ Европейской Россіи не можетъ остаться безъ вліянія на величину продажныхъ цѣнъ на хлѣбъ и, несомнѣнно, окажетъ понижающее дѣйствіе на эти цѣны, къ невыгодѣ какъ хлѣба сибирскаго, такъ и хлѣбовъ Европейской Россіи, уже отправляемыхъ черезъ балтійскіе порты.

Подобныя, невыгодныя для нашей хлѣбной торговли, послѣдствія будутъ въ значительной мѣрѣ ослаблены проведеніемъ пермь-котласской желѣзной дороги, посредствомъ которой сибирскій хлѣбъ будетъ имѣть для себя выходъ на міровой рынокъ не черезъ балтійскіе порты, откуда отпускъ за границу хлѣба уже совершается нынѣ въ значительныхъ размѣрахъ, но черезъ такой портъ, гдѣ отпускъ этотъ еще ничтоженъ. Такимъ портомъ для Сибири, при проведеніи указанной желѣзной дороги, сдѣлается Архангельскъ, который по своимъ природнымъ удобствамъ и по своему благоустройству находится въ вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ. Сѣверная Двина у гор. Архангельска представляетъ отличную, спокойную и помѣстительную гавань, а на всемъ протяженіи отъ Архангельска вверхъ до Котласа рѣка эта достаточно многоводна и способна къ перевозкѣ весьма значительнаго количества грузовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ сравненія стоимости доставки хлѣба въ Лондонъ черезъ Петербургъ и Архангельскъ усматривается, что съ проведеніемъ линіи Пермь-Котласъ, при существующемъ морскомъ фрахтѣ отъ Архангельска до Лондона, доставка хлѣба въ Лондонъ черезъ Архангельскъ будетъ обходиться дешевле, чѣмъ черезъ С.-Петербургъ, на $1^3/_4$ —$2^1/_4$ коп. изъ Тюмени и на $3^1/_4$—$6^1/_2$ коп. изъ Барнаула и Семипалатинска. Съ улучшеніемъ же судоходныхъ условій Сѣверной Двины и другихъ рѣкъ и съ пониженіемъ фрахтовъ, указанная разница еще болѣе увеличится въ пользу Архангельска.

Стоимость сооруженія пермь-котласской желѣзной дороги опредѣлилась въ 34.807.812 руб. Валовой доходъ собственно отъ перевозки грузовъ малой скорости исчисленъ въ 2.830.000 — 3.780.000 руб. Въ томъ числѣ хлѣба на 2—2,8 милліона рублей (отъ 15 до 20 милл. пуд.), льна—на 180 — 230 т. р., крупчатки на 40 45 тыс. руб., кожи на 35—37 тыс. руб., рыбы на 83 тыс. руб. и грузовъ, привозимыхъ съ воды, на 18 — 25 тыс. руб. Отъ перевозокъ

большой скорости ожидается получить дохода 413.000 руб.; такимъ образомъ, общій валовой доходъ линіи ожидается въ 3.500.000 — 4.200.000 рублей; при расходѣ по эксплуатаціи въ 2.425.550, минимальный чистый доходъ составитъ 1.075.450, или около 2,8% на затраченный капиталъ.

При обсужденіи этого дѣла, въ соединенномъ присутствіи комитета сибирской желѣзной дороги и департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта, прежде всего, обращено было вниманіе на то, что проектируемая нынѣ пермь-котласская желѣзная дорога можетъ быть разсматриваема, какъ совокупность двухъ отдѣльныхъ линій: Пермь-Вятка и Вятка-Котласъ. Что касается первой дороги, то въ соединенномъ присутствіи не было высказано возраженій противъ разрѣшенія приступить къ ея сооруженію, въ виду того, что эта линія должна неминуемо войти въ цѣпь желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ соединить великій сибирскій рельсовый путь съ Москвою или Петербургомъ, по сѣверному направленію, независимо отъ того, въ пользу котораго изъ названныхъ городовъ будетъ разрѣшенъ этотъ вопросъ. Относительно же линіи Вятка-Котласъ нѣкоторыми членами соединеннаго присутствія было выражено сомнѣніе, какъ бы осуществленіе ея не составило препятствія къ проведенію дороги отъ Вятки на западъ, и что не представляется ли необходимымъ, предварительно разрѣшенія приступа къ ея сооруженію, произвести провѣрочныя изысканія.

По этому поводу Министръ Финансовъ объяснилъ, что наши сѣверныя губерніи: Олонецкая, Архангельская и Вологодская, являются исконными русскими областями, такъ какъ онѣ уже въ XI вѣкѣ составляли часть земель Великаго Новгорода, а въ XV вѣкѣ, съ покореніемъ послѣдняго, вошли въ составъ московскаго государства. Несмотря на это, Правительство, вообще говоря, мало заботилось объ этомъ краѣ. Одинъ только императоръ Петръ I особенно занялся имъ, принимая мѣры къ его развитію. Послѣ же Петра I, все вниманіе Правительства привлекали къ себѣ, главнымъ образомъ, Западъ и Югъ Имперіи.

Между тѣмъ, Сѣверный край обладаетъ обширными лѣсами, значительными и разнообразными минеральными богатствами и многочисленными рыбными ловлями, словомъ имѣетъ всѣ данныя для своего дальнѣйшаго развитія. Единственный недостатокъ края -это малая пригодность его къ земледѣлію и отсюда постоянная нужда въ привозномъ хлѣбѣ. Какъ ни велики указанныя выше естественныя богатства, край не можетъ населяться и экономически развиваться, такъ какъ, за отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія съ земледѣльческими мѣстностями, сбытъ его произведеній и обмѣнъ ихъ на необходимый ему хлѣбъ затруднителенъ. Слѣдуетъ замѣтить, что производство собственнаго хлѣба вовсе не составляетъ непремѣннаго условія для благосостоянія страны; лучшимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить Англія, которая производитъ хлѣба гораздо менѣе потребнаго ей количества, что̀ отнюдь, однако, не мѣшаетъ ея процвѣтанію. Для дальнѣйшаго развитія страны необходимо только, чтобы она была вполнѣ обезпечена правильнымъ подвозомъ хлѣба, а это достигается устройствомъ путей сообщенія.

Для разъясненія вопроса о томъ, насколько цѣлесообразно проведеніе желѣзныхъ дорогъ на сѣверѣ Россіи, т.-е. въ той полосѣ ея, которая лежитъ сѣвернѣе 60° сѣв. шир. (параллель Петербурга), наиболѣе правильно сравнить этотъ край съ сосѣднею областью Имперіи, а именно — съ Финляндіею, и съ государствами Европы, расположенными въ тѣхъ же широтахъ. Такъ, приходится желѣзныхъ дорогъ на 1.000 кв. верстъ пространства: въ Финляндіи — 5,64 вер., въ Норвегіи—3,65 вер., а въ Швеціи — 7,7 вер., или на 10.000 жителей: въ Финляндіи –9,01 вер., въ Норвегіи—6,99 вер. и въ Швеціи—18,38 вер. Между тѣмъ, нашъ Сѣверный край, который по своему пространству немногимъ менѣе Германіи, Франціи и Австро-Венгріи, вмѣстѣ взятыхъ, пока еще совершенно не имѣетъ рельсовыхъ путей, а съ проведеніемъ проектируемыхъ дорогъ: Вологда-Архангельскъ и Вятка-Котласъ, будетъ имѣть на 1.000 кв. вер. пространства всего только 0,88 вер. желѣзнодорожной линіи, или на 10.000 жителей—1,8 верстъ.

Въ памятный для сѣверныхъ губерній 1868 годъ, въ Бозѣ почивающему Императору Александру III, бывшему тогда еще Наслѣдникомъ Престола и Предсѣдателемъ комитета, образованнаго для облегченія послѣдствій неурожая въ Сѣверномъ краѣ, благоугодно было выразить убѣжденіе, что для правильнаго развитія этого края необходимо проведеніе желѣзной дороги между Вологдою и Сѣверною Двиною. Послѣ этого вопросъ о сооруженіи желѣзной дороги на Сѣверъ Россіи неоднократно ставился на очередь; но, несмотря на всѣми признаваемое государственное значеніе подобной дороги, проведеніе ея по разнымъ причинамъ не получало осуществленія. Только въ прошломъ 1894 году была, наконецъ, разрѣшена постройка рельсовой линіи отъ Вологды до Архангельска. Однако, нельзя не замѣтить, что одна эта дорога далеко не удовлетворитъ истиннымъ интересамъ Сѣвера. Открывая Сѣверу обширные рынки для сбыта его произведеній, эта дорога въ то же время не дастъ ему самаго необходимаго — дешеваго хлѣба. Между тѣмъ, продовольствіе нуждающагося въ хлѣбѣ Сѣвера можетъ быть вполнѣ обезпечено, если направить сюда ищущіе себѣ выхода избытки дешеваго хлѣба Вятской губерніи и Сибири; наилучшимъ же образомъ достигнуть этого возможно путемъ сооруженія нынѣ проектируемой линіи Вятка-Котласъ. Продовольственное значеніе этой дороги тѣмъ болѣе серьезно, что, благодаря ей, пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на Сѣверѣ явится послѣдствіемъ открытія новыхъ рынковъ сбыта для обезцѣненныхъ нынѣ хлѣбовъ Сибири и Вятской губерніи, причемъ интересы земледѣльческихъ мѣстностей Европейской Россіи нисколько отъ этого не пострадаютъ. Само собою разумѣется. что появленіе сибирскаго хлѣба, хотя бы и въ значительныхъ количествахъ, не можетъ оказать существеннаго вліянія на хлѣбныя цѣны мірового рынка; но нѣтъ сомнѣнія, что оно могло бы произвести угнетающее дѣйствіе на цѣны отдѣльныхъ рынковъ Европейской Россіи, а въ томъ числѣ и балтійскихъ портовъ, гдѣ всякое накопленіе хлѣбныхъ излишковъ вызываетъ немедленное паденіе цѣнъ. Такимъ образомъ, дорога Вятка-Котласъ, давая выходъ сибирскимъ хлѣбамъ на міровой рынокъ чрезъ архангельскій портъ, обезпечитъ сибирскому земледѣлію возможность широкаго развитія, безъ

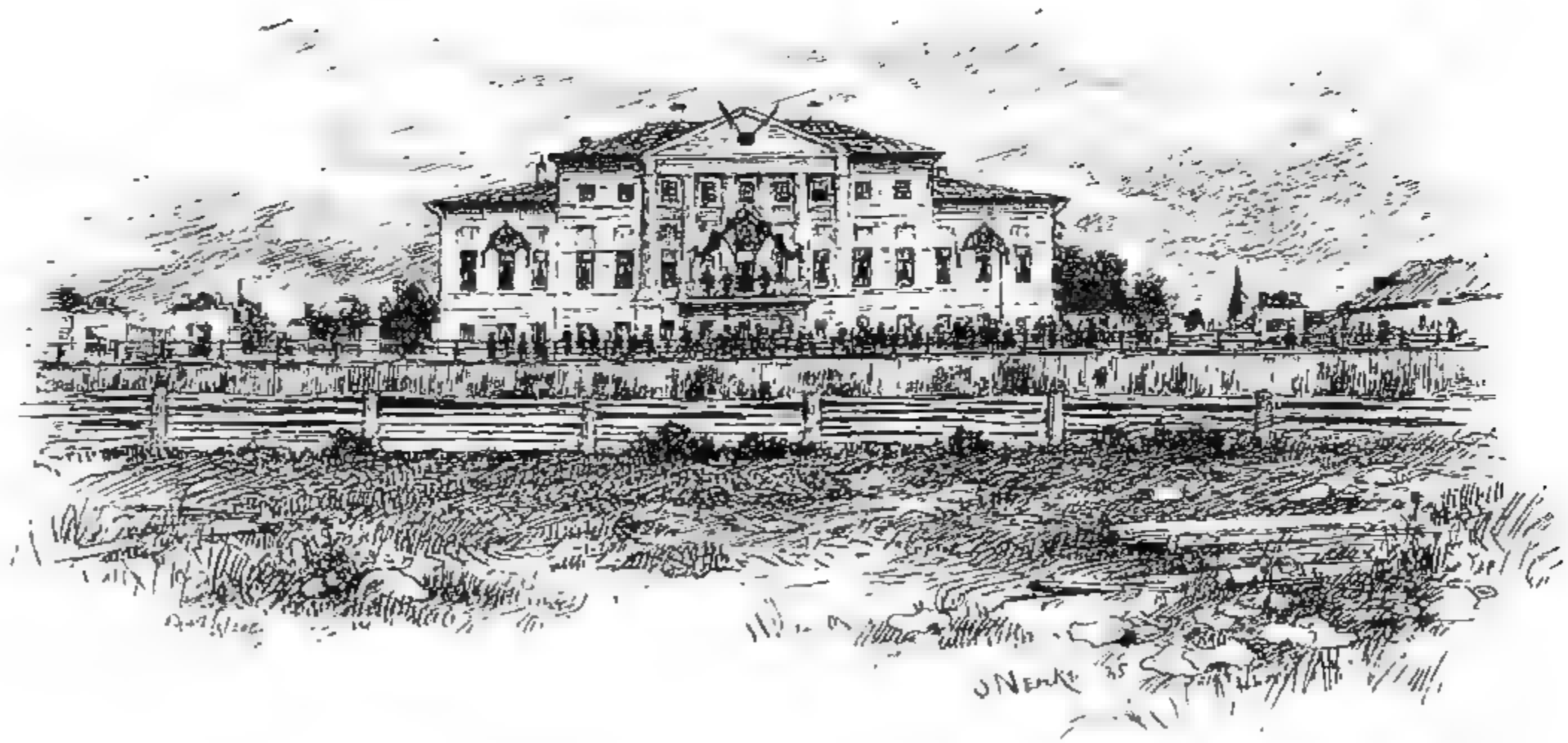
неблагопріятнаго вліянія на сельское хозяйство Европейской Россіи; въ то же время она доставитъ продовольствіе населенію сѣверныхъ губерній, возсоздастъ значеніе архангельскаго порта и будетъ содѣйствовать развитію судоходства по Сѣверной Двинѣ и ея притокамъ, главнымъ артеріямъ мѣстной жизни, а тѣмъ самымъ и обезпечитъ возможность экономическаго подъема всего Сѣвера. То вліяніе, которое линія Вятка-Котласъ будетъ имѣть на пониженіе стоимости хлѣба въ Сѣверномъ краѣ, видно изъ сопоставленія среднихъ цѣнъ на хлѣбъ въ Архангельской и Вятской губерніяхъ. Такъ, за пятилѣтіе 1889 — 1893 гг. средняя цѣна пуда ржи въ разныхъ уѣздахъ Архангельской губерніи была отъ 93 коп. до 1 руб. 38 коп., а въ Вятской губерніи она колебалась только въ предѣлахъ 70 и 77 коп. При такихъ условіяхъ, съ проведеніемъ дороги Вятка-Котласъ, возможно ожидать пониженія цѣнъ въ Архангельскѣ, главномъ распредѣлителѣ хлѣбовъ по краю, на 18,4 коп., что составитъ для одной только Архангельской губерніи ежегодное сбереженіе свыше 500.000 руб., считая средній годовой недостатокъ ея въ хлѣбѣ въ 2.750.000 пуд., какъ онъ опредѣлился по статистическимъ даннымъ для десятилѣтія 1883 — 1892 гг. Такимъ образомъ, линія Вятка-Котласъ является для нашего Сѣвера насущнымъ хлѣбомъ, въ которомъ Государство не имѣетъ права отказывать своей древней родной странѣ съ исконно-русскимъ населеніемъ. Въ виду этого, не зачѣмъ, казалось бы, откладывать приступа къ сооруженію намѣченной линіи, тѣмъ болѣе, что, какъ заявилъ Министръ Путей Сообщенія, произведенная по изысканіямъ дороги рекогносцировка дала такія подробныя свѣдѣнія, что никакихъ особенно существенныхъ экономическихъ данныхъ, могущихъ повліять на измѣненіе установленнаго направленія линіи, нельзя ожидать и при повторныхъ изысканіяхъ, которыя должны только послужить къ повѣркѣ технической стороны дѣла, съ цѣлью удешевленія стоимости дороги, и могутъ быть произведены одновременно съ приступомъ къ ея сооруженію.

Обращаясь къ финансовой сторонѣ дѣла, Министръ Финансовъ заявилъ, что, по его разсчетамъ, чистый доходъ дороги можетъ составить отъ 3 до 4% на затраченный капиталъ, но что, тѣмъ не менѣе, крайне желательно, при производствѣ окончательныхъ изысканій, обратить особое вниманіе на удешевленіе постройки проектируемой линіи. Для достиженія этого, слѣдовало бы, по возможности, упростить техническія условія сооруженія этой линіи, сокративъ нѣкоторыя предположенныя работы, преимущественно по постройкѣ желѣзныхъ зданій, по устройству водоснабженія, и т. п. Съ тою же цѣлью удешевленія дороги и въ виду предстоящаго пересмотра техническихъ условій, было бы полезно ограничить производство строительныхъ работъ по единичнымъ цѣнамъ, представленнымъ Министромъ Путей Сообщенія, лишь рабочимъ періодомъ текущаго года, съ тѣмъ, чтобы къ началу 1896 года измѣненныя техническія условія и расцѣночныя вѣдомости были представлены на благоусмотрѣніе комитета сибирской желѣзной дороги. Выслушавъ изложенныя сужденія, Государь Императоръ, въ присутствіи комитета сибирской желѣзной дороги и департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) утвердить общее направленіе пермь-котласской желѣзной

дороги, отъ ст. Пермь, уральской линіи, до пристани Котласъ на Сѣверной Двинѣ, съ выходомъ на городъ Вятку и продолженіемъ въ предѣлахъ Вятской губерніи по водораздѣлу рѣкъ Чепцы и Кильмези; 2) предоставить Министру Путей Сообщенія приступить въ 1895 году къ окончательнымъ изысканіямъ и сооруженію пермь-котласской линіи, и 3) отпустить на работы по сооруженію пермь-котласской желѣзной дороги 6.000.000 рублей.

Церкви въ Великомъ Устюгѣ во многихъ отношеніяхъ очень любопытны. Городской соборъ, Успенскій, существовалъ уже въ 1290 году, но нынѣшній построенъ въ 1658 году. Чудотворная икона Одигитріи пожертвована въ 1290 году ростовскими князьями Димитріемъ и Константиномъ Борисовичами и стоитъ на томъ именно мѣстѣ, которое опредѣлено ей Петромъ Великимъ. Иконостасъ собора, рѣзной, золоченый, съ коринѳскими колоннами, въ два яруса, очень хорошъ; это былъ бы одинъ изъ лучшихъ, видѣнныхъ по пути, если бы не впечатлѣніе крашеныхъ скульптурныхъ неудачныхъ фигуръ Спасителя на крестѣ и многихъ ангеловъ; эти распятія надъ иконостасомъ, эти крашеные, большею частью некрасивые, муміеобразные ангелы попадаются здѣсь чуть ли не въ каждой церкви и только портятъ впечатлѣніе. Сосѣдняя съ соборомъ церковь Прокофія Праведнаго — о пяти куполахъ съ богатымъ, но вычурнымъ рѣзнымъ иконостасомъ; мощи преподобнаго покоятся въ ракѣ налѣво, подъ деревянною золоченою сѣнью. Замѣчателенъ вышитый жемчугомъ образъ его, пожертвованный въ 1684 году московскимъ гостемъ, по прозвищу Скорая Запись. Еще менѣе обширна церковь Іоанна Праведнаго, покоящагося налѣво отъ входа въ нее, подъ деревянною золоченою сѣнью, на восьми витыхъ столбахъ; и тутъ опять уже на самой сѣни сидятъ неудачныя изображенія ангеловъ, держащихъ зажженныя свѣчи. Очень много сходства между шитою иконою Прокофія Праведнаго и такою же Іоанна Праведнаго, хранящихся въ одноименныхъ имъ церквахъ: контуры обведены жемчугомъ, черты выцвѣтшаго отъ времени лица — черным шелкомъ.

Мѣстный мужской Архангельскій монастырь, основанный въ XIII столѣтіи, имѣетъ около 20-ти иноковъ. Главная церковь его о пяти куполахъ на длинныхъ шейкахъ, съ такимъ же, какъ въ соборѣ, скульптурнымъ распятіемъ надъ иконостасомъ. Всѣ монастырскія зданія свидѣтельствуютъ о большой древности; во дворѣ есть нѣчто въ родѣ кремлевскаго крытаго Краснаго крыльца; дверь изъ собора, ведущая къ настоятелю, имѣетъ вмѣсто стеколъ слюду. Характерны одни изъ монастырскихъ воротъ, состоящія изъ трехъ проходовъ подъ арками, между которыми высятся длинные шпили, напоминающіе китайскіе мотивы. Женскій Предтеченскій монастырь — однолѣтокъ Архангельскому мужскому; онъ стоитъ на Соколиной горѣ и входъ въ церковь его идетъ по довольно высокой, крутой лѣстницѣ; къ несчастію, внутренніе столбы церкви обѣлены и украшены мѣстами плохою, совершенно новою живописью, которая рѣшительно не гармонируетъ съ почтенными архитектурными очертаніями храма и древностью многихъ рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлыхъ стѣнъ темныхъ иконъ. Въ женскомъ монастырѣ 180 сестеръ.



Устюгъ Великій. Домъ Грибанова.

Вообще сказать, Устюгъ богатъ церквами; если смотрѣть отъ пристани, то можно видѣть ихъ одну подлѣ другой, длиннымъ рядомъ. Въ одну сторону отъ собора и храмовъ Прокофія и Іоанна Праведныхъ идутъ церкви: Алексѣя Митрополита, Спаса-на-Городѣ, Рождественская, Николаевская, Варваринская, Іоанна Предтечи, Мироносицкая, Варламіевская, Петра и Павла, Симеона Столпника; въ другую—Ильинская, Леонтьевская, вдали—Янковскій монастырь; противъ города, на другой сторонѣ Сухоны, видна церковь Дымковской слободы во имя Сергія Радонежскаго; значительно дальше, въ глубинѣ обширнѣйшей панорамы, на берегу Юга, сливающагося съ Сухоной, бѣлѣются: Троицкій монастырь, церкви: Морозовская, Спасоубрусская и, наконецъ, самая далекая—Ивана Праведнаго, въ Пуховѣ. Это цѣлый словарь именъ святыхъ, наиболѣе чтимыхъ народомъ, писанный отъ вѣка каменными буквами. Это живое кольцо церквей, большею частью очень древнихъ, придаетъ Устюгу нѣкоторое сходство съ Ростовомъ Великимъ, однолѣткомъ его; только вмѣсто озера Неро является здѣсь Сухона; послѣдняя, какъ бы сильно утомившаяся въ своемъ долгомъ теченіи, разлеглась шире, довольная тѣмъ, что мѣняетъ свое каменистое дно на болѣе мягкое, песчаное въ Малой Двинѣ. Устюжане, какъ это замѣчено, кажется, Костомаровымъ, никогда не присягали Лже-Димитрію, и когда сосѣдная Тотьма и даже сама Вологда временно поклонились ему, Устюгъ выжидалъ и остался непреклоннымъ, твердымъ своими многочисленными храмами, окружающими его каменнымъ кольцомъ.

Много любопытнаго представляла устроенная въ описываемое время выставка мѣстныхъ произведеній въ городскомъ саду. Очень видное мѣсто занимали на ней, конечно, полотна, скатерти, салфетки мѣстной Грибановской мануфактуры, значительный отдѣлъ составляли шкатулки и шкатулочки всѣхъ величинъ со всякими хитростными замками, настолько хитростными, что забыть секретъ очень нетрудно, и тогда судьба шкатулки—быть взломанною самимъ собственникомъ; шкатулокъ было, главнымъ образомъ, два вида: поверхность однѣхъ блистала разноцвѣтною фольгою съ вырѣзными на ней узорами изъ бересты; поверхность другихъ была составлена изъ полосокъ жести, покрытой «морозомъ», т.-е. тѣми острыми, лучистыми оттѣнками жести, которые такъ хорошо извѣстны по дорожнымъ ящикамъ и погребцамъ Апраксина двора. На выставкѣ имѣлись очень недорогіе мѣха, — лосиная шкура стоила 5 руб.; имѣлась бумага съ фабрики Сумкина въ Ляльскѣ, мыло Полднева, щетина съ завода Кострова, идущая сюда сырцомъ изъ Сибири и обработываемая въ количествѣ 4.000 пудовъ, на 200.000 руб., въ самомъ Устюгѣ; изъ отбросковъ, получаемыхъ при обработкѣ щетины, дѣлаютъ коврики, башмаки, туфли, послѣднія цѣной въ 20 коп. Тутъ же виднѣлись разные сорты зерновыхъ хлѣбовъ; Кошковъ представилъ серебряныя издѣлія съ чернью.

Отъ Устюга до Сольвычегодска.

Грибановская мануфактура. Праздникъ. Пляска. Малая Двина. Ея характеристика. Забытый Екатерининскій каналъ. Распространеніе стерляди.

Длинный рядъ устюженскихъ церквей еще разъ показался на горизонтѣ, когда судно, едва покинувъ городъ, вошло въ Двину и круто повернуло налѣво, къ сѣверу; изъ-за плоской песчаной косы глянули онѣ всѣ разомъ и уходили вдаль, будто засыпаемыя подвижными двинскими песками. Сухона сливается съ Югомъ въ широкой равнинѣ, окаймленной на далекомъ разстояніи очень невысокими лѣсистыми холмами, причемъ Югъ значительно уже Сухоны и кончаетъ свое самостоятельное теченіе недалеко отъ стараго Троицко-Введенскаго монастыря, очень хорошо виднаго съ парохода. Тутъ же начинаются прибрежные пески, подвижные острова, своенравные двинскіе протоки или рукава, засоряющіеся иногда съ одной изъ сторонъ и получающіе тогда названіе «курье». Съ этими главными мотивами пейзажа путешественникъ не разстается болѣе до самаго Архангельска.

Льнопрядильная и полотняная фабрика В. И. Грибанова расположена въ двухъ верстахъ отъ Двины, на лѣвомъ берегу ея, по почтовому тракту отъ Устюга на Сольвычегодскъ. Она расположена очень красиво на берегу небольшой рѣчки Синеги; вдоль узкой долины, съ крутыми скатами, поросшими лѣсомъ, слѣдуютъ, одно за другимъ, ея красивыя кирпичныя зданія, начиная отъ прядильной до бѣлильной и складочной; это слѣва отъ дороги; справа на горѣ поднимается домъ хозяина, съ балкона котораго видны: вся фабрика, какъ на ладони, вся хорошенькая долина Синеги и безконечная двинская даль.

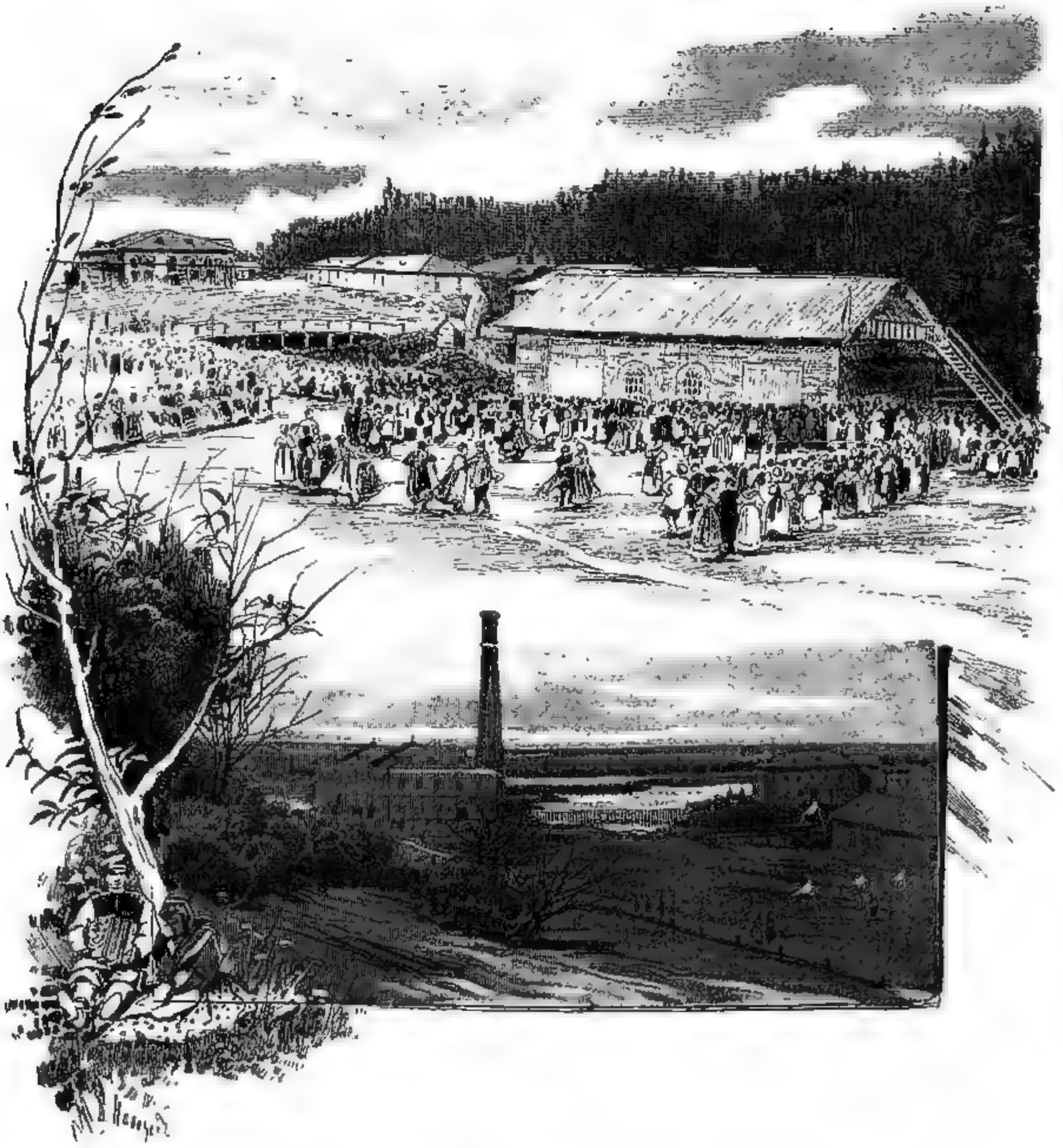
Фабрика основана въ 1815 году и вырабатываетъ пряжи, полотенъ и издѣлій на 700.000 рублей. Льнопрядильная и ткацкая дѣйствуютъ 50-сильною паровою машиною; для отбѣльной имѣется машина въ 20 силъ; всѣ апретурныя машины двигаются водянымъ колесомъ въ 25 силъ; рабочихъ на фабрикѣ 1.000 человѣкъ; ленъ до 30.000 пуд. скупается въ полуобработанномъ видѣ въ уѣздахъ:

Устюгскомъ и Сольвычегодскомъ, а главный сбытъ издѣлій — объ столицы, ярмарки: нижегородская и ирбитская. Въ томъ, что количество полотенъ, вырабатываемыхъ на фабрикѣ, велико, можно было убѣдиться еще издали, съ парохода, такъ какъ поверхность одного изъ холмовъ была устлана бѣлившимся полотномъ и напоминала солдатскій лагерь; это отбѣливаніе полотна производится не одинъ, а нѣсколько разъ. Пряжи работаются здѣсь нумерами, съ 10 по 145, т.-е. фабрика не производитъ самыхъ толстыхъ сортовъ, до нумера 10, и не занимается вовсе батистовымъ производствомъ, съ нумера 145 и выше. Изъ хорошо вычесаннаго льна производятся тонкія полотна, изъ оческовъ или пакли выдѣлываютъ болѣе грубыя фламандскія полотна—равентухи и коломянки. Всѣ болѣе тонкіе сорта, всѣ скатерти и салфетки дѣлаются здѣсь ручною работою и машинами, т.-е. ткацкій станокъ приводится въ движеніе ногой, а челнокъ пропускается поперекъ пряжи посредствомъ привода, подергиваемаго рукою. Очень любопытно воплощеніе различныхъ рисунковъ посредствомъ картонажей съ прорѣзными дырочками: чѣмъ сложнѣе рисунокъ, тѣмъ больше картонокъ. Все это производство должно быть отнесено къ чистымъ, если исключить пыль въ чесальной и запахъ хлора въ бѣльной. Десять красныхъ молотовъ, очень приличныхъ размѣровъ, замѣняютъ собою прачекъ. Самая большая ширина пряжи, здѣсь выдѣлываемой, три аршина; хорошая работница при задѣльной платѣ получаетъ 10—12 руб. въ мѣсяцъ; за пудъ льна платятъ отъ 6 до 8 руб.

Всѣ женщины, сидѣвшія за станками, были въ пестрыхъ платьяхъ и имѣли на головахъ платки, повязанные тремя-четырьмя характерными, особенными способами. Въ томъ, что платокъ и грація его обвязки составляютъ здѣсь существенную часть наряда, можно было убѣдиться въ устроенномъ на площадкѣ, внизу передъ домомъ хозяина, гуляньи и пляскѣ заводскихъ жителей. Благодаря хорошей погодѣ, гулянье это удалось вполнѣ. Смотрѣть съ высокаго балкона вглубь долины было очень пріятно. Поперекъ площадки шла такъ-называемая «улица», гдѣ выстроены были двумя длинными рядами мужчины и женщины, и, двигаясь медленно, какъ бы въ раздумьи, продѣлывали тихимъ, мѣрнымъ шагомъ разныя эволюціи. Влѣво плясала молодежь, состоявшая изъ семействъ лицъ, завѣдующихъ заводомъ, и тутъ особенно красивы были синіе шелковые сарафаны съ серебромъ и изящные кокошники. Вправо гораздо бо́льшимъ кругомъ шелъ забористый плясъ рабочихъ: посрединѣ возсѣдалъ «артистъ гармоники», и подлѣ него на землѣ валялись десятки шапокъ, брошенныхъ плясавшими парнями; шелъ трепакъ, гудѣла пѣсня, встряхивались кудри, у гармоникъ позванивали особые музыкальные молоточки, прекрасно обозначавшіе тактъ, шло угощенье пряниками, коврижками и фруктами.

Посѣтивъ, по пути къ пароходу, заводскую школу на 150 человѣкъ, путники въ $4^1/_2$ часа двинулись по Двинѣ дальше.

Отъ сліянія Сухоны съ Югомъ на протяженіи 66 верстъ Сѣверная Двина называется Малою Двиною; воды въ ней достаточно, но Югъ приноситъ съ собою огромное количество песчаныхъ наносовъ, образующихъ много косъ и заструг, что не исключаетъ также присутствія каменныхъ грядъ. Въ Большой



Грибановская мануфактура. Плясъ рабочихъ

Двинѣ воды всегда много, но она имѣетъ дурную привычку всѣхъ нашихъ великихъ рѣкъ: разливается чрезвычайно широко и развѣтвляется часто рукавами; въ ней тоже попадаются заструги въ аршинъ глубины, мели ея очень подвижны, и, кромѣ грядъ, есть и одиночныя; искусство лоцмановъ далеко не всегда предупреждаетъ крушеніе пароходовъ. Движеніе грузовъ по Двинѣ такъ дѣятельно, что въ полной мѣрѣ заслуживаетъ содѣйствія казны; существующихъ 453 вехи и 5 бакановъ далеко не достаточно. Двину необходимо расчистить отъ камней въ пятнадцати мѣстахъ; нужно углубить стрежень ея или подвижными щитами на судахъ, какъ это дѣлается на Рейнѣ, или желѣзными граблями Быкова, дѣйствующими на Волгѣ; новая обстановка баканами и вехами необходима, и въ этомъ смыслѣ, впрочемъ, и дѣйствуетъ наше Министерство Путей Сообщенія. Такъ, оно на Волгѣ достигло того, что лоцмана на этой рѣкѣ становятся предметомъ роскоши и, пожалуй, уйдутъ въ былое, подобно ямщикамъ старыхъ почтовыхъ трактовъ. На Двинѣ лоцманъ, пока что, совершенно необходимъ, а наука здѣшняго лоцмана—практика, и, какъ тутъ выражаются, «тотъ не лоцманъ, кто не топилъ судовъ».

Двина, по вѣрному замѣчанію Максимова, не осмыслилась ни въ одной народной пѣснѣ; нѣтъ ей хвалебныхъ, ласкательныхъ эпитетовъ, потому что ужъ слишкомъ перемѣнчива, и плыть по ней «не вольготно». Длина ея 614 верстъ, и путникамъ придется ознакомиться съ нею на всемъ протяженіи.

Подвижность мелей въ Двинѣ обусловливаетъ и очень рѣзкія перемѣны въ очертаніяхъ береговъ, въ постоянномъ образованіи и исчезновеніи цѣлыхъ острововъ. Это особенно замѣтно въ самомъ устьѣ; тамъ, гдѣ были острова и стояли деревни, теперь имѣется глубина, и наоборотъ. Преданіе говоритъ, что на Кегостровъ, лежащій противъ Архангельска, когда-то перебрасывались изъ города церковные ключи; теперь между ними слишкомъ двѣ версты водной поверхности.

Значеніе Двины въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ огромное, но оно будетъ несравненно больше съ проведеніемъ сѣверной желѣзной дороги. Сольвычегодскъ, къ которому направилось судно, стоитъ почти у самаго впаденія въ Двину Вычегды, приносящей съ Урала огромное количество воды; кромѣ воды, оттуда могли бы приходить и суда съ грузомъ, если бы не погибъ Екатерининскій каналъ. Находясь здѣсь, нельзя не вспомнить объ этомъ зачахнувшемъ каналѣ. Онъ когда-то соединялъ обѣ Кельтмы и посредствомъ нихъ поддерживалъ сообщеніе по Вычегдѣ, Волгѣ и Двинѣ. Въ 1781 году была образована комиссія по вопросу о соединеніи обѣихъ Кельтмъ; она выработала въ 1785 году проектъ Сѣверо-Екатерининскаго канала и предполагала затрату въ 400.000 руб. Работы начаты въ 1786, прекращены въ 1788 году, по случаю Шведской и Турецкой войны, и возобновлены въ 1803 году. Въ 1810 году былъ поднятъ странный вопросъ о томъ: нуженъ ли вообще этотъ начатый каналъ? Хотя во время производства работъ онъ потерпѣлъ значительныя поврежденія, прорывы, но, тѣмъ не менѣе, въ 1812 году выемка земли была кончена, какъ вдругъ разразилась Отечественная война, которая пріостановила дальнѣйшія сооруженія. Никто, однако, не предвидѣлъ тогда, что эта пріі-

остановка будетъ и концомъ: въ 1830 году рѣшили, что такъ какъ шлюзы сооружаемаго канала пришли въ ветхость, то и самъ каналъ ненуженъ; онъ былъ переданъ въ гражданское вѣдомство и—погибъ.

Не мѣшаетъ, однако, хотя бы изъ любопытства, сопоставить длину этого безвременно погибшаго пути, шлюзы котораго непонятнымъ образомъ сгнили еще до открытія канала, съ другимъ водянымъ путемъ, существующимъ и теперь: которымъ изъ двухъ грузу легче было добраться до моря, а въ этомъ, какъ извѣстно, весь вопросъ. Вотъ эта параллель, считая отъ Перми до Бѣлаго и Балтійскаго морей, говорящая сама за себя: Кама, Кельтма, Екатерининскій каналъ, Вычегда, Сѣверная Двина, Архангельскъ —1.738 верстъ; Кама, Волга, Шексна, каналы, Свирь, Нева, Петербургъ — 2.840 верстъ. Изъ этого сравненія ясно, что, если бы существовалъ Екатерининскій каналъ, часть грузовъ направилась бы, безъ всякаго сомнѣнія, не въ Петербургъ, а на Архангельскъ.

Но такъ какъ нѣтъ худа безъ добра, то разрушеніе Екатерининскаго канала сослужило службу: стерлядь, вкусная стерлядь прошла изъ Камы въ Двину и размножилась въ ней замѣчательно. Сначала, въ двадцатыхъ годахъ, ее на Двинѣ не ѣли, считали за змѣю, но какой-то солдатъ пріучилъ населеніе пользоваться ею. Теперь за большую двинскую стерлядь платятъ въ Петербургѣ свыше пятидесяти рублей. Кромѣ этой прибыльной ловли, добываютъ на Двинѣ въ достаточномъ количествѣ и семгу, и нельму, и налима. Такъ, у Аниспмова Взвоза, верстъ 50 выше Сіи, замѣтнаго съ рѣки своими алебастровыми берегами, производится порядочный ловъ семги; она для метанія икры заходитъ до этихъ мѣстъ изъ моря, обращается тогда въ «лоха», «лошаетъ», какъ говорятъ мѣстные жители, на нижней ея челюсти вырастаетъ рогъ, вся она удлиняется и принимаетъ свою обычную форму только впослѣдствіи, по возвращеніи своемъ въ море.

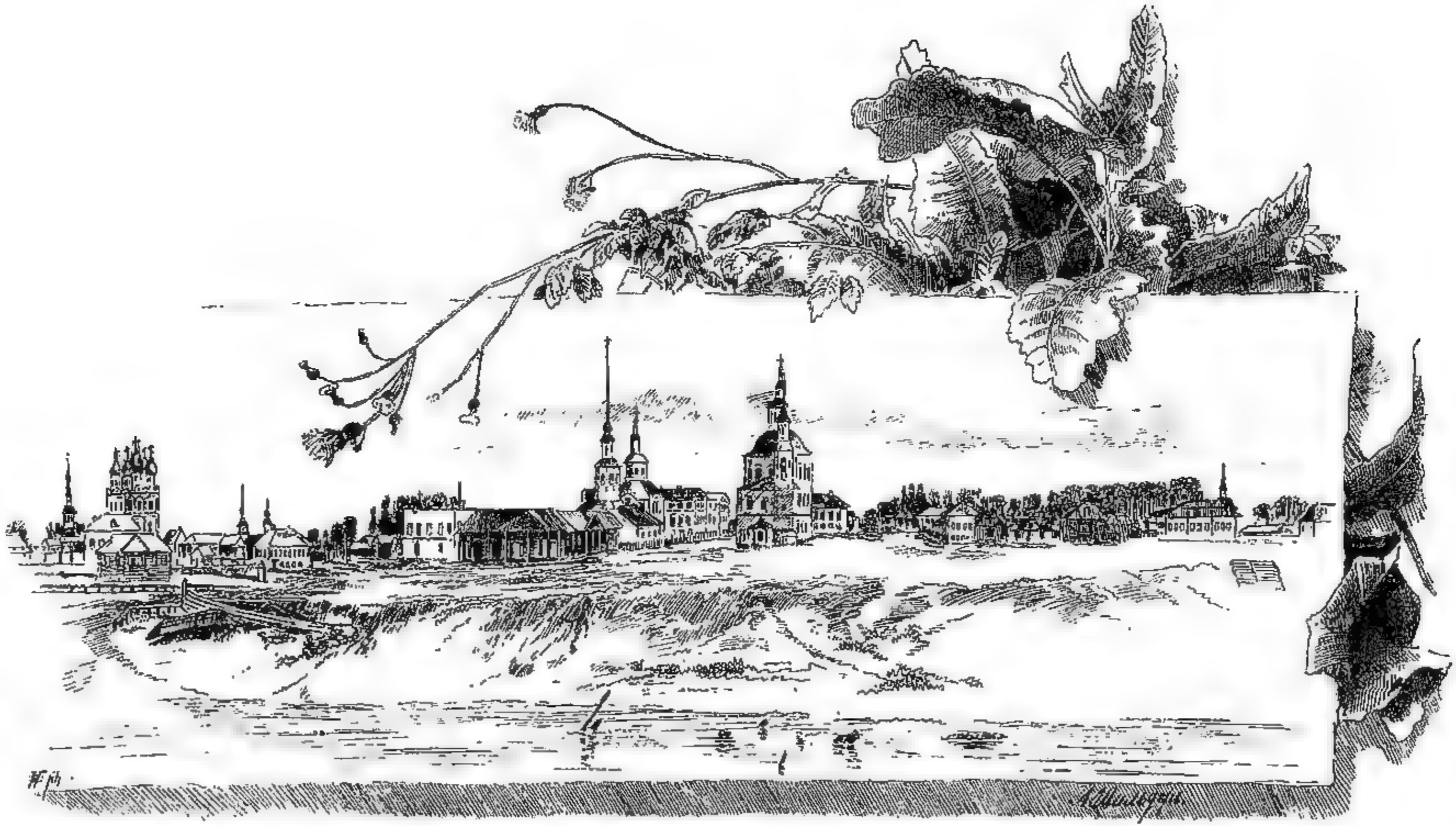
Рѣка Вычегда. Сольвычегодскъ.

Историческое. Строгановы. Соборъ и его неоцѣнимыя древности. Иконостасъ, иконы. ризница. Подземелья. Введенскій монастырь. Вполошный колоколъ. Посѣщеніе Котласа.

Часу въ девятомъ вечера пароходъ повернулъ, пройдя село Котласъ, къ востоку и вошелъ въ рѣку Вычегду, чтобы сдѣлать по ней 18 верстъ до Сольвычегодска. Вычегда очень схожа съ Двиною, только значительно быстрѣе; характеръ береговъ, подвижность песковъ, количество острововъ—тѣ же самые. Пароходъ шелъ спокойнымъ ходомъ противъ теченія, завивавшаго рѣку быстрыми струйками, по которымъ зачастую скользили столбики пѣны и крутились пузыри. Вычегда, какъ и Двина, то и дѣло «снимаетъ» свои острова, «ударитъ» въ одинъ берегъ, рветъ его и накладываетъ на другой, такъ что фарватеръ мѣняется иногда два, три раза въ навигацію. Разрушительная работа рѣки стала особенно наглядна при приближеніи къ одному изъ островковъ, поросшихъ густымъ, прочнымъ ивнякомъ; острый носъ острова, обращенный къ теченію, подтачивался и сокрушался въ моментъ прохода судна, и корни вырваннаго, лишеннаго почвы ивняка тутъ же промывались дочиста, добѣла, и уносился стремниною цѣлый кустъ, будто обмытый для похоронъ. Вода въ Вычегдѣ въ іюнѣ быстро падаетъ, по пяти вершковъ въ сутки.

Сольвычегодскъ—съ 1796 года уѣздный городъ—виденъ издалека, верстъ за двѣнадцать; верхушки церквей его, по мѣрѣ приближенія парохода, тонули въ глубокой дали и, выглядывая изъ-за низкихъ острововъ, то пропадали, то обозначались снова. Яснѣе другихъ видѣлись бѣлый соборъ и тяжеловатое очертаніе высокаго Введенскаго монастыря.

Давнымъ-давно, въ трехъ верстахъ выше нынѣшняго города, находилось селеніе Черниговъ, бойко торговавшее съ древнею Сибирью, когда Московское царство только еще начиналось. Путь въ Сибирь былъ общественною тайною тогдашняго города; знаменита была и характеризуетъ эту торговлю «соболиная» ярмарка.



Общій видъ Сольвычегодска.

Какъ Сухона въ Устюгѣ, такъ и здѣсь Вычегда безпрерывно занимается подмываніемъ береговъ; жители прежняго города, тѣснимые рѣкой, переселились со стараго мѣста къ соляным варницамъ, и такимъ образомъ возникъ нынѣшній городъ, называемый народомъ просто «Солью». Зыряне называютъ его «Совъ-Доръ», что̀ значитъ соляный край. Семья Строгановыхъ привела городъ къ богатству, заведя въ 1517 году свои соляныя варницы; позднѣе, какъ говорятъ, Аника Строгановъ открылъ Іоанну IV тайну существованія Сибири, тайну торговли съ нею, а Ермакъ покорилъ ее. Съ переѣздомъ Строгановыхъ въ Москву городъ быстро захирѣлъ, варницы его покинуты; но воспоминаніе о послѣднихъ долгое время сохранялось въ видѣ весьма значительной зловонной лужи посредѝнѣ города. Вычегда, оставаясь вѣрною своимъ привычкамъ, подходитъ къ городу все ближе и ближе, точно преслѣдуетъ его и угрожаетъ собору—послѣднему памятнику былого богатства и радѣнія городу Строгановыхъ.

Около 9-ти часовъ вечера пароходъ подошелъ къ пристани, устроенной подлѣ самаго собора, стоящаго на довольно возвышенномъ холму и окруженнаго деревянною оградою и березами. Съ парохода забросили на берегъ «легкость», то-есть бечеву съ тяжестью на концѣ, къ которой прикрѣпленъ причалъ.

Сольвычегодскъ очень малъ; онъ, такъ сказать, виденъ весь насквозь, такъ что приходится удивляться даже тому, гдѣ помѣщаются его 2.000 жителей. Это та блаженная страна, гдѣ дичь продается не по родамъ ея, а просто по 1 руб. 20 коп. съ пуда «пера». Тѣмъ величественнѣе вырисовывается въ немъ почтенное обличье его древняго Благовѣщенскаго собора, основаннаго въ 1560 году именитыми людьми Строгановыми и богато одареннаго ими. Внѣшность собора очень проста: поверхъ кубическаго корпуса пять небольшихъ куполовъ на длинныхъ шейкахъ и отдѣльно стоящая колокольня. По верхнему краю стѣнъ тянется простенькій, сложенный изъ кирпича, довольно широкій фризъ; стѣны ярко выбѣлены, крыши выкрашены зеленою краскою, такъ что по внѣшности соборъ ничего замѣчательнаго не представляетъ, — онъ вполнѣ заурядenъ. Зато поразительна внутренность собора, имѣющая полное право быть поставленною,—не по богатству, конечно, но по художественности, по высокому археологическому интересу,—рядомъ съ лучшими образчиками Московскаго кремля, Кіево-Печерской лавры, Ярославля. И это гдѣ же? въ Сольвычегодскѣ! И кѣмъ это сдѣлано? одною родовитою семьею вѣрныхъ сыновъ церкви и государевыхъ слугъ — Строгановыми. Мало на Руси храмовъ, сохранившихся въ такой удивительной неприкосновенности: входя въ него, вы входите въ настоящій XVI вѣкъ. Подъ пятью куполами съ восьмигранными шейками, отъ самыхъ вершинъ ихъ до низу стѣны, развивается въ древнихъ, нетронутыхъ рукой поправителя, фрескахъ великая эпопея Библіи и Евангелія. На стѣнѣ, противолежащей алтарю, во всю ширину, живописованы адъ и рай. И входите-то вы въ церковь не прямо съ земли, а поднимаетесь по крутой, высокой лѣстницѣ, минуете поперечную галлерею и идете сквозь низкую дверь подъ грузною круглою аркою, составленною изъ трехъ выпуклыхъ поясовъ. При входѣ въ церковь, видны два тянущіеся къ своду высокіе, длинные, исписанные

ликами святыхъ столба, отчасти закрывающіе величественный, четырехъ-ярусный иконостасъ; въ нижнемъ ярусѣ его, между образами, поблескиваютъ золоченыя коринѳскія колонки, шафты которыхъ словно насѣчены поперечными углубленіями и, если хотите, напоминаютъ не формою, но покровомъ своимъ столбики кукурузы; выше, въ третьемъ ярусѣ иконостаса, на выступающихъ красивыхъ кронштейнахъ поставлены витыя колонки съ коринѳскими капителями. Предъ образами иконостаса висятъ массивныя бронзовыя позолоченныя паникадила, изъ которыхъ каждое — археологическая замѣчательность; низъ ихъ состоитъ изъ круглыхъ, шарообразныхъ выступовъ удивительно гармоническихъ очертаній. Люстра, очень небольшая, предъ Царскими дверями повѣшена на трехъ широкихъ металлическихъ тесьмахъ и имѣетъ по низу очень широкій, характерный металлическій ободъ. Иконы собора всѣ древнія, всѣ неподновленныя; большинство ихъ одѣто цѣнными ризами, и такъ и кажется, что мало имъ было мѣста въ алтарѣ и по иконостасу, и вотъ обогнули онѣ по низу длинными поясами весь храмъ, обошли кругомъ всѣ его стѣны и основанія колоннъ; тѣ, которыя покрупнѣе, размѣстились внизу, которыя помельче—заняли мѣсто повыше, и висятъ онѣ безсчетныя, вплотную одна къ другой, и кажутся какимъ-то блистающимъ золотомъ ризъ, по черни ликовъ, удивительнымъ ожерельемъ. Сколько времени должно было пройти, чтобы собрать здѣсь столько иконъ, сколько молитвъ совершено надъ ними, сколько печалей облегчено?!

Центромъ, собирающимъ въ себя все это удивительное единеніе церкви, являются Царскія врата, совершенно единственныя, исключительныя въ своемъ родѣ. Они малы, узки, невысоки и состоятъ изъ арки о трехъ круглыхъ, углубляющихся къ алтарю частяхъ; по бокамъ дверей имѣются два столбика, составленные каждый изъ пяти шаровъ, связанныхъ невысокими шафтиками о четырехъ граняхъ съ утолщеніемъ къ срединѣ; шафтики образованы каждый изъ двухъ усѣченныхъ пирамидокъ, сложенныхъ широкими основаніями. Надъ аркою дверей три образа, на самыхъ дверяхъ по три на каждомъ створѣ, по столько же на каждомъ изъ столбиковъ, да еще два съ наружной стороны ихъ. Весь этотъ своеобразный комплексъ самыхъ простыхъ геометрическихъ фигуръ облицованъ довольно богатою прорѣзью, сдѣланною изъ олова, положеннаго на покрытую слюдою фольгу краснаго, бѣлаго, синяго и зеленаго цвѣтовъ. Въ общемъ, Царскія двери исключительно характерны, красивы и совершенно подходятъ къ стилю всего храма. Вправо отъ алтаря замѣчательно по цѣльности и сохранности архіерейское мѣсто подъ сѣнью. Очень хороша своею простотой деревянная сѣнь надъ алтаремъ. Фрески въ алтарѣ и діаконникѣ тоже древнія, необновленныя. Любопытны изображенія въ рисункѣ стиха Херувимской: «нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ»; художникъ задался мыслію изобразить невидимое служеніе и поставилъ двухъ священнодѣйствующихъ, головъ которыхъ не видно изъ-за пламени, обвившаго ихъ; въ самомъ пламени, образующемъ языками своими облики херувимовъ,—огненное изображеніе Спасителя, обвитаго пламенною плащаницею.

Создавъ эту замѣчательную церковь, Строгановы богато одарили ее. Пре-

восходны многіе шитые образа, между которыми имѣется нѣсколько экземпляровъ съ изображеніемъ того, какъ Качаловъ зарѣзываетъ царевича Димитрія, душа котораго — въ видѣ дитяти — вылетаетъ изъ него; самобытны такія же шитыя изображенія Благовѣщенія: Ангелъ благовѣствуетъ Богоматери, а въ утробѣ ея уже обозначенъ Св. Младенецъ. Перечислить всѣ рѣдкости собора невозможно. Очень любопытенъ складень, сдѣланный изъ доски съ гроба митрополита Петра, съ изображеніемъ на немъ, между другими святыми, Василія Блаженнаго, осѣняющагося двуперстнымъ знаменіемъ. Въ подвальномъ помѣщеніи собора хранятся остатки отъ возка и саней Строгановыхъ: на кожѣ, почти ободранной, тисненныя изображенія козероговъ, львовъ, и т. п. Подвалъ церкви состоитъ изъ отдѣльныхъ палатъ, разной величины, совершенно темныхъ, соединенныхъ узкими проходами, съ кольцами и засовами, служившихъ, видимо, и темницами, и казнохранилищемъ.

Сольвычегодскій соборъ, на берегу пустынной, далекой Вычегды, окруженный малонаселенными лѣсными пространствами, нетронутый радѣтелями мишурнаго блеска въ церковномъ благолѣпіи, составляетъ явленіе совсѣмъ исключительное. Его, высящагося въ темени и ветхости годовъ, слѣдуетъ беречь, какъ зѣницу ока, и тѣмъ обиднѣе было узнать, что нѣсколько времени тому назадъ совершенно частному человѣку проданы были три изъ древнихъ иконъ собора. Такъ ли это — и кто далъ на это право? Вѣдь это двойное святотатство.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе даетъ обзоръ мужского Введенскаго монастыря, основаннаго въ 1568 году; въ немъ живутъ теперь только четыре монаха. Внутри кажется онъ и пустъ, и бѣлъ, и негармониченъ, и иконы-то его почти всѣ безъ ризъ и оклавій, но зато наружность — одна изъ типичнѣйшихъ и лучшихъ, дошедшихъ до насъ въ полной неприкосновенности. Это какъ бы огромный не то кубъ, не то четырехугольная башня, въ четыре яруса оконъ. Пять куполовъ высятся надъ нею, а маленькая, гораздо позднѣе пристроенная, колоколенка робко жмется внизу, не достигая ихъ почтенной вышины. Эта кубическая, повидимому безформенная масса, оживлена тѣмъ, что имѣетъ дробные карнизы и балюстрады; что она опоясана сверху и снизу по обходу невысокими, плоскими кокошниками; что по срединѣ четырехъ фасовъ, наверху, на выступахъ, поднимаются, будто висятъ на воздухѣ, небольшія воротца-фронтончики, покоящіяся на витыхъ колонкахъ; что по нижнимъ частямъ строенія виднѣются колонки коринѳскія, и что, наконецъ, зданіе не обѣлено и прочная кирпичная кладка, потемнѣвшая отъ времени, придаетъ ему тотъ спокойный, пріятный колоритъ, который присущъ древности и котораго никакая краска не замѣнитъ. Къ несчастію, зданіе это не ремонтируется; портикъ его весь въ трещинахъ и уже погнулъ не совсѣмъ прочныя желѣзныя связи, его поддерживающія, до невозможности; пройти подъ нимъ, казалось, небезопасно: ступеньки покосились, потрескались, и въ расщелинахъ плитъ растетъ трава и мохъ.

Обозрѣвъ Введенскій монастырь, путники прошли въ сосѣднюю съ нимъ церковь Бориса и Глѣба; отъ той церкви, въ которую въ 1570 году царь Іоаннъ пожертвовалъ два колокола, нѣтъ болѣе и слѣда; нынѣшняя церковь — конца

Русская древняя архитектура. Введенскій монастырь въ г. Сольвычегодскѣ, въ его первоначальномъ видѣ (1688—1696).

Съ древняго рис. грав. М. Рашевскій.

XVIII вѣка. Въ недалекой отъ нея Воскресенской церкви виситъ «всполошный колоколъ», тоже пожертвованный Іоанномъ. Преданіе гласитъ, будто это—знаменитый вѣчевой колоколъ и предъ ссылкой сюда былъ, по приказанію царя, высѣченъ. Въ народѣ существуетъ вѣра въ цѣлебную силу таинственнаго колокола: больного ребенка держатъ подъ нимъ и звонятъ два-три раза; колоколъ достаточно великъ, чтобы звукомъ своимъ произвести въ положенномъ подъ него ребенкѣ нѣкоторую реакцію. Существуетъ здѣсь повѣрье, что веревка отъ языка этого колокола способна устранить безплодіе женщины.

Изъ Сольвычегодска пароходъ ушелъ во второмъ часу дня. День былъ необычайно жаркій; солнце палило. Спустившись по Вычегдѣ, путники осмотрѣли стоящій при впаденіи ея въ Двину Котласъ, который, какъ выше сказано, является теперь конечнымъ пунктомъ волго-двинскаго пути въ видѣ пермь-вятка-котласской желѣзной дороги, сооруженіе которой уже намѣчено. Посѣщены были обѣ церкви Котласа, и вслѣдъ затѣмъ, переѣхавъ на противолежащій берегъ Двины, путники присутствовали при рыбной ловлѣ, причемъ пойманы были всякіе представители мѣстной рыбы, кромѣ стерляди и налима. Часа чрезъ два пути, въ девять часовъ вечера, налетѣлъ сильный совершенно неожиданный шквалъ, и термометръ упалъ сразу до 4°. Поверхность Двины подернулась пестрою порывистою зыбью, запрыгали по волнамъ зайчики, и низко, низко пригибались къ водѣ прибрежные ивняки, похлестывая своими острыми, длинными листьями по неспокойнымъ водамъ.

По древнему Заволочью.

Сѣверная Двина отъ Сольвычегодска до Холмогоръ. Миѳическое и историческое. Сійскій монастырь. Его исчезнувшія древности. Преступныя подмалевки. Воспоминанія о Филаретѣ Никитичѣ Романовѣ.

Довольно однообразный путь по Двинѣ невольно обращалъ мысль къ прошедшему, къ очень отдаленнымъ временамъ,—нѣкоторыя историческія воспоминанія о Двинской странѣ будутъ нелишними.

Среднее теченіе Двины, по которой плылъ пароходъ, и гдѣ—какъ это ни странно—не встрѣтилось ни одного города до самыхъ Холмогоръ, уже восемь вѣковъ тому назадъ было далеко не безлюдно. Тутъ, въ этихъ безпредѣльныхъ равнинахъ такъ-называемаго Заволочья, съ XI вѣка воевали новгородцы, будучи и ратниками, и купцами, и друзьями, и грабителями одновременно. Почему называлась эта страна Заволочьемъ? Названіе идетъ, вѣроятно, отъ слова «волокъ», т.-е. такого мѣста между двухъ рѣкъ или озеръ, гдѣ ладьи должны были переволакиваться; другіе думаютъ, что названіе дано вслѣдствіе того, что страна была точно «обволочена» лѣсами и туманами. Первое вѣрнѣе, второе поэтичнѣе.

Совсѣмъ не ошибочно будетъ сказать, что Сѣверъ нашъ, такъ странно дремлющій теперь, оживился гораздо ранѣе центра; если онъ опоздалъ противъ нашего Юга, чтобы явиться на историческое поприще, то, тѣмъ не менѣе, вниманіе на него было обращено давнымъ-давно. Кто не знакомъ съ именемъ древней исчезнувшей Біарміи, съ описаніемъ страны Гипербореевъ по Геродоту, Тациту, Нестору? Здѣсь на Сѣверѣ жили миѳическіе Гипербореи, за безконечными равнинами, за Лукоморьемъ. Тацитъ описываетъ эту страну, какъ страну охоты, и говоритъ о туземцахъ, что «безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ, люди этихъ странъ достигли самаго труднаго — отсутствія желаній». Легенда сообщаетъ, будто рай зем-

ной находился за сѣверными горами, и что новгородцы видали его. Городъ Унградъ византійскихъ историковъ — скорѣе всего Холмогоры. Нѣчто близкое ко всему сказанному сообщаютъ сказанія скандинавскія. Фантазія изображала эти страны достояніемъ ужасовъ и чародѣйствъ. Несомнѣнно, что еще въ IX вѣкѣ приходили въ Біармію и Кіріаландію норманны; норманнъ Отеръ объѣздилъ Бѣлое море и привезъ королю Альфреду моржевые клыки и кожи. Съ XI вѣка начинаютъ, или продолжаютъ, воевать въ Заволочьи новгородцы; въ 1078 году погибаетъ здѣсь въ походѣ князь новгородскій Глѣбъ Святославовичъ; въ 1187 году имѣются свѣдѣнія о томъ, что здѣсь, въ этой Новгородской волости, было возстаніе, и новгородская рать перебита. Возставала чудь, возставали финны. Тѣснимые отовсюду норманнами, славянами, а потомъ и татарами, они углублялись все болѣе и болѣе въ дебри и трущобы нашего Сѣверо-Востока. Имѣется свѣдѣніе, что въ XIII столѣтіи норманны видѣли на берегахъ Двины богатую ярмарку и истуканъ Іомалы; подлѣ Холмогоръ указываютъ это мѣсто; истуканъ стоялъ будто бы на кладбищѣ; однажды, когда стражи спали, норманны забрали деньги, лежавшія предъ истуканомъ въ чашѣ, и хотѣли снять съ него ожерелья, но поднялся неожиданный звонъ, стража проснулась, и норманны, люди воинственные, убрались въ цѣлости. Несомнѣнно, что именно въ Холмогорахъ чудь имѣла свой центръ, какъ весь на Бѣло-Озерѣ, мери въ Ростовѣ, мурома въ Муромѣ. Вѣрно также и то, что чудь прибалтійская участвовала въ призваніи варяговъ заодно со славянами и кривичами.

Въ XIII вѣкѣ въ Заволочьѣ образовались обширныя владѣнія богатыхъ бояръ новгородскихъ; чудь все болѣе и болѣе русѣла, и мѣстная жизнь принимала формы чрезвычайно своеобразныя. Центръ былъ въ Холмогорахъ, но и вся страна не лишена была ни жизни, ни развитія. Заволочье для Новгорода было приблизительно тѣмъ, чѣмъ является Индія для англичанъ — источникомъ непомѣрнаго богатства. Бояре новгородскіе имѣли тутъ обширныя владѣнія; значительнѣйшія принадлежали знаменитымъ Борецкимъ; они имѣли возможность подарить Соловецкому монастырю всю Кемскую волость и Сумскій посадъ; Марѳою Борецкою богато одарены также монастыри Соловецкій и Никольскій. На Вагѣ владѣли бояре Степановы; богаты были Своеземцевы; на Мезени — Окладниковы; Строгановы владѣли и въ Колѣ, и на Новой Землѣ. У Никольскаго монастыря, находящагося въ 90 верстахъ отъ Архангельска, выброшены были бурей тѣла двухъ утонувшихъ сыновей Марѳы Борецкой, Феликса и Антона, объѣзжавшихъ свои владѣнія. Монастырь этотъ былъ разоренъ норвежцами въ 1419 году; Марѳа возстановила и одарила его.

Весьма и весьма характерно, что бокъ-о-бокъ съ боярами новгородскими жили и владѣльцы земель въ Заволочьѣ — бояре мѣстные, двинскіе. Откуда они? Бояре эти были такъ чужды Новгороду, что новгородская вольница, не щадившая, правда, и своихъ, жгла и грабила ихъ, не встрѣчая отпора. Съ XIV вѣка набѣги ушкуйниковъ, благодаря которымъ, собственно говоря, такъ непомѣрно расширилась новгородская земля, сдѣлались очень частыми и опустошительными. Бояре новгородскіе, со своей стороны, тоже тѣснили бояръ

двинскихъ, и вотъ мало-по-малу начинаетъ тянуть этихъ послѣднихъ къ недавно окрѣпнувшей Москвѣ, и Москва очень хорошо поняла, чѣмъ и какъ осилить она Новгородъ, и подала этимъ мѣстнымъ боярамъ руку.

Было время, когда Новгородъ не допускалъ того, чтобы великокняжескіе люди владѣли въ Заволочьѣ землями; при великомъ князѣ Андреѣ Александровичѣ великокняжескія ватаги допускались къ Бѣлому морю только для ловли рыбы для самого князя. Новгородцамъ было нелюбо усиленіе князей суздальскихъ; но опасность для нихъ стала очевидною только тогда, когда заговорила Москва.

Неудачно ходилъ на Двинскую землю Іоаннъ Даниловичъ Калита въ 1337 году. Удачнѣе совершилъ походъ на ушкуйниковъ Димитрій Іоанновичъ въ 1369 году: новгородцы заплатили ему дани 8.000 рублей, изъ нихъ на долю Заволочья пришлось 5.000 рублей, что̀ наглядно свидѣтельствуетъ о богатствѣ страны въ тѣ далекіе годы. Попытка Василія Димитріевича присоединить Заволочье въ 1394 году была тоже неудачна. Въ 1397 году посланъ былъ Андрей Альбертовъ къ двинскимъ боярамъ, предлагая имъ «задаться за великаго князя и крестное цѣлованіе Новгороду сложить»; но это кончилось ничѣмъ. Борьба продолжалась и при Василіи Темномъ. При Іоаннѣ III, 27-го іюня 1475 года, произошелъ между его ратью, въ 4.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Образца и Тютчева, и ратью новгородскою, въ 12.000 человѣкъ, бой на рѣкѣ Шиленгѣ. Битва длилась отъ 3-хъ часовъ утра до захожденія солнца; двиняне, какъ и слѣдовало ожидать, измѣнили новгородцамъ, московская рать побѣдила и по этому поводу она «заволочанъ посѣкоша и двинянъ изсѣкоша». Въ 1478 году царь объявилъ, что отнынѣ всѣ двиняне —московскіе, и началъ съ уничтоженія барщины.

Дань съ Заволочья въ 5.000 рублей, о которой было упомянуто, представляла по тому времени цѣнность огромную; страна дать ее не могла. Заволочье было дѣйствительно богато звѣрями, птицей, рыбой, но, главнымъ образомъ, было извѣстно, какъ торговый путь, связывавшій Европу съ Азіей. Во времена новгородскія главный торгъ шелъ въ Лампожнѣ, въ 18 верстахъ къ сѣверу отъ Мезени, а отнюдь не въ Холмогорахъ, которыя выступили гораздо позже съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи совершенно уступить мѣсто Архангельску. Хорошо торговали тутъ также закамскимъ серебромъ, соколами и соболями.

Берега Двины довольно однообразны, мѣстами холмисты, покрыты большею частью лѣсомъ; но есть много обработанныхъ полей, и села довольно часты. Отсюда начиная, близясь къ Бѣлому морю, Двина «палитъ» въ своихъ пескахъ, перестанавливаетъ берега, образуетъ временные озерки, промои, обвалы, оплывы, поднимаетъ и сноситъ острова, а весною, при таяніи снѣговъ, становится не уже Волги и несетъ огромныя, сокрушительныя массы воды. Села здѣсь какъ будто менѣе богаты, чѣмъ по Сухонѣ. Церкви ихъ бѣднѣе, приземистѣе тѣхъ, какія встрѣчались на Сухонѣ, и между ними много деревянныхъ, часто ветхихъ, типичныхъ, не лишенныхъ своеобразности. Глядя на эти церковки, можно подумать о бѣдности края; но

выставка и свѣдѣнія о мѣстной производительности говорятъ другое: онъ только и ждетъ рельсоваго пути.

Было около 6-ти часовъ вечера, 12-го іюня, когда пароходъ причалилъ къ берегу въ пяти верстахъ отъ селенія Сія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1858 году Императоръ Александръ II, совершивъ утомительный переѣздъ сухимъ путемъ, сѣлъ, направляясь въ Архангельскъ, на пароходъ; гранитная колонна сохраняетъ память объ этомъ, высясь на самомъ краю очень высокаго песчанаго берега. Сѣвъ въ тарантасы, путники въѣхали въ Сію, откуда вскорѣ направились далѣе въ Сійскій монастырь, находящійся отъ Сіи въ девяти верстахъ. Путь шелъ лѣсомъ, почтовою дорогою, направляющеюся къ Петербургу, сыпучими песками, такъ что даже пять лошадей и тѣ съ трудомъ тащили ничѣмъ не нагруженные тарантасы. Монастырь глянулъ очень привѣтливо въ густой зелени лѣсовъ, надъ водною поверхностью озера; это озеро было не единственное, встрѣченное по пути. Мѣстность ровная и, благодаря водѣ и лѣсамъ, красивая.

Сійскій монастырь имѣетъ немаловажное значеніе въ исторіи нашего Царствующаго Дома: Филаретъ Никитичъ, впослѣдствіи патріархъ московскій, долгое время томился въ немъ, въ суровомъ заточеніи. Причина — Годуновъ. Исторія гласитъ, что первая жена Іоанна Грознаго, Анастасія, была изъ рода Романовыхъ; извѣстно также, что Борисъ Годуновъ задумалъ уничтожить этотъ опасный для него родъ и всѣхъ сыновей Никиты Романовича, брата царицы Анастасіи, разослалъ въ тяжкія заточенія: одинъ былъ удавленъ въ ссылкѣ, двое другихъ посланы въ Пелымъ, Василій скоро умеръ, а Михаила Никитича держали въ земляной тюрьмѣ въ Пыровской волости, въ окрестностяхъ Чердыни, гдѣ и до сихъ поръ показываютъ его тяжелыя цѣпи. «Болѣе всѣхъ братьевъ,—говоритъ Костомаровъ, -выказывался дарованіями и умомъ Ѳеодоръ Никитичъ. Онъ отличался привѣтливымъ обращеніемъ, былъ любознателенъ, научился даже по-латыни. Никто лучше его не умѣлъ ѣздить верхомъ, не было въ Москвѣ красивѣе и щеголеватѣе мужчины; современникъ голландецъ говоритъ, что если портной сдѣлалъ кому-нибудь платье и, примѣривъ, хотѣлъ похвалить, то говорилъ своему заказчику: «теперь ты совершенный Ѳеодоръ Никитичъ». Этотъ-то именно Ѳеодоръ Никитичъ былъ насильно постриженъ въ Сійскомъ монастырѣ подъ именемъ Филарета; онъ рыдалъ во время обряда постриженія; при немъ годуновскимъ соглядатаемъ былъ приставъ Воейковъ. Жена постриженика, Марѳа, была тоже пострижена и заключена въ Егорьевскій погостъ Толвуйской волости, въ Заонежьи. Дѣтей ихъ оставили у тетки. Съ воцареніемъ Лже-Димитрія инокъ Филаретъ былъ возведенъ въ санъ ростовскаго митрополита и, по убіеніи самозванца до избранія Гермогена, ѣздилъ за мощами царевича Димитрія въ Угличъ. По словамъ Авраамія Палицына, «Филаретъ былъ разуменъ, не склонялся ни направо, ни налѣво». Исторія посольства его къ Сигизмунду Польскому извѣстна. Его плѣненіе — подвигъ передъ Русской землей. Въ 1619 году послѣдовало его возвращеніе въ Россію, его патріаршество и благотворное, но твердое вліяніе на сына, молодого тогда царя Михаила.

Сійскій монастырь.

Въ Сійскомъ монастырѣ имѣется портретъ этого бывшаго инока, впослѣдствіи патріарха московскаго; онъ виситъ въ помѣщеніи настоятеля, но на немъ значится 1769 годъ, слѣдовательно это—копія. Благодаря трудамъ археографической комиссіи, книгохранилище монастыря приведено въ извѣстность. Въ числѣ рукописей находилось замѣчательное произведеніе великаго князя Іоанна Іоанновича, писанное въ 1579 году: это—«Служба Преподобному Чудотворцу Антонію». Подлинникъ, по словамъ настоятеля, утраченъ, а имѣется очень хорошая копія; произведеніе это свидѣтельствуетъ, по словамъ лицъ, ознакомившихся съ этою службой, о глубокой начитанности и проникновеніи благочестіемъ царственнаго автора. «Азъ, любовію подвизаемъ», пишетъ царевичъ, «написахъ и двѣ пѣсни».

Монастырь, небольшой и теперь, имѣлъ когда-то 3.500 душъ крестьянъ; особенно много жертвовалъ на него Іоаннъ IV на поминовеніе убитаго имъ сына. Въ монастырѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи св. Антонія. Показываютъ и чудовищную кость, принадлежавшую будто бы какой-то колоссальной щукѣ, ходившей въ монастырскомъ озерѣ и пожиравшей людей; это, несомнѣнно, громадный, окаменѣлый позвонокъ какого-либо допотопнаго чудовища. Окрестности монастыря очень красивы; говорятъ, что императоръ Александръ I, проѣздомъ въ 1819 году, выйдя изъ коляски на ближней горѣ, долго любовался замѣчательнымъ видомъ. Увѣряютъ, будто въ округѣ не менѣе 90 озеръ. Монастырское преданіе, отчасти сомнительное, говоритъ также, что въ Сійскомъ монастырѣ, на пути своемъ къ столицѣ, юный бѣглецъ Ломоносовъ былъ въ теченіе нѣкотораго времени не то понамаремъ, не то псаломщикомъ.

Если гдѣ-либо время и люди не пощадили древности, такъ это именно въ Сійскомъ монастырѣ. XVI вѣкъ остался только отчасти въ прочныхъ, нерушимыхъ стѣнахъ—все остальное ново, подкрашено, испорчено, погибло. Церковь о пяти куполахъ, изъ которыхъ главный снаружи имѣетъ вполнѣ своеобразный видъ колокольчика, остальные четыре—луковичные; цѣльнѣе другого сохранилась невысокая, очень широкая въ основаніи колокольня. Мощи преподобнаго Антонія почиваютъ близъ алтаря, съ правой стороны, подъ такою же новенькою, вычурною сѣнью, какъ и весь блистающій позолотой по ярко-зеленому фону иконостасъ. Если сказать, что видѣть подобное уничтоженіе древности обидно, — это будетъ мало: это положительно ужасно! Особенно ярко должно было сказаться это чувство въ путникахъ, только-что посѣтившихъ почтенную древность сольвычегодскаго собора. Почти безошибочно можно сказать, что всѣ лики древнихъ иконъ монастырскихъ подмалеваны, и, право, не знаешь, что хуже: италіянизованные лоснящіеся новенькіе образа иконостаса или эти замаскированныя краскою и лакомъ очертанія неузнаваемыхъ древнихъ иконъ? Въ алтарѣ виситъ сохранившаяся какимъ-то чудомъ старая сѣнь стараго престола времени Алексѣя Михайловича; она виситъ, потому, что лишена четырехъ опоръ, когда-то поддерживавшихъ ее; но какъ хороша она въ своемъ забытьи, въ полумракѣ своихъ невозобновленныхъ досужимъ маляромъ красокъ и безъ всякой рѣжущей глаза позолоты!

Не вернуть также и погибшей келійки, въ которой жилъ когда-то Фи-

ларетъ Никитичъ. Приходится вѣрить тому, что она, будто бы, сгорѣла; фактъ тотъ, что на мѣстѣ ея воздвигнуто какое-то жилое помѣщеніе. Изъ числа предметовъ, имѣющихъ большую художественную цѣнность, слѣдуетъ упомянуть о евангеліи, писанномъ въ 1693 году инокомъ Паисіемъ или только пріобрѣтеннымъ имъ, и называемомъ: «Априкосъ». Оно писано полууставомъ и снабжено на каждой страницѣ замѣчательно типичными рисунками и орнаментами. Рисунковъ много, и само евангеліе толщиною фута въ полтора, если не больше. Древнѣе остальныхъ книгъ монастырскихъ другое евангеліе, писанное на пергаментѣ, 1339 года. Въ монастырѣ въ настоящее время 15 монаховъ; всѣхъ живущихъ въ немъ около 50 человѣкъ. Жилище архимандрита выходитъ на самое озеро.

Путники вернулись тою же лѣсною пыльною дорогою къ пароходу и двинулись въ дальнѣйшій путь вечеромъ, часовъ въ десять. Накрапывалъ дождь, и туманъ заволакивалъ берега. Пришлось ночевать на пароходѣ, на якорѣ, въ виду Орлецовъ; тутъ былъ когда-то опасный водоворотъ, о которомъ сохранилась поговорка: «Орлецкая водоворотъ надъ всѣми водоворотями водоворотъ»; въ настоящее время поговорка лжетъ, но волна струится тутъ очень быстро, какъ бы торопится пронестись къ морю отдохнуть.

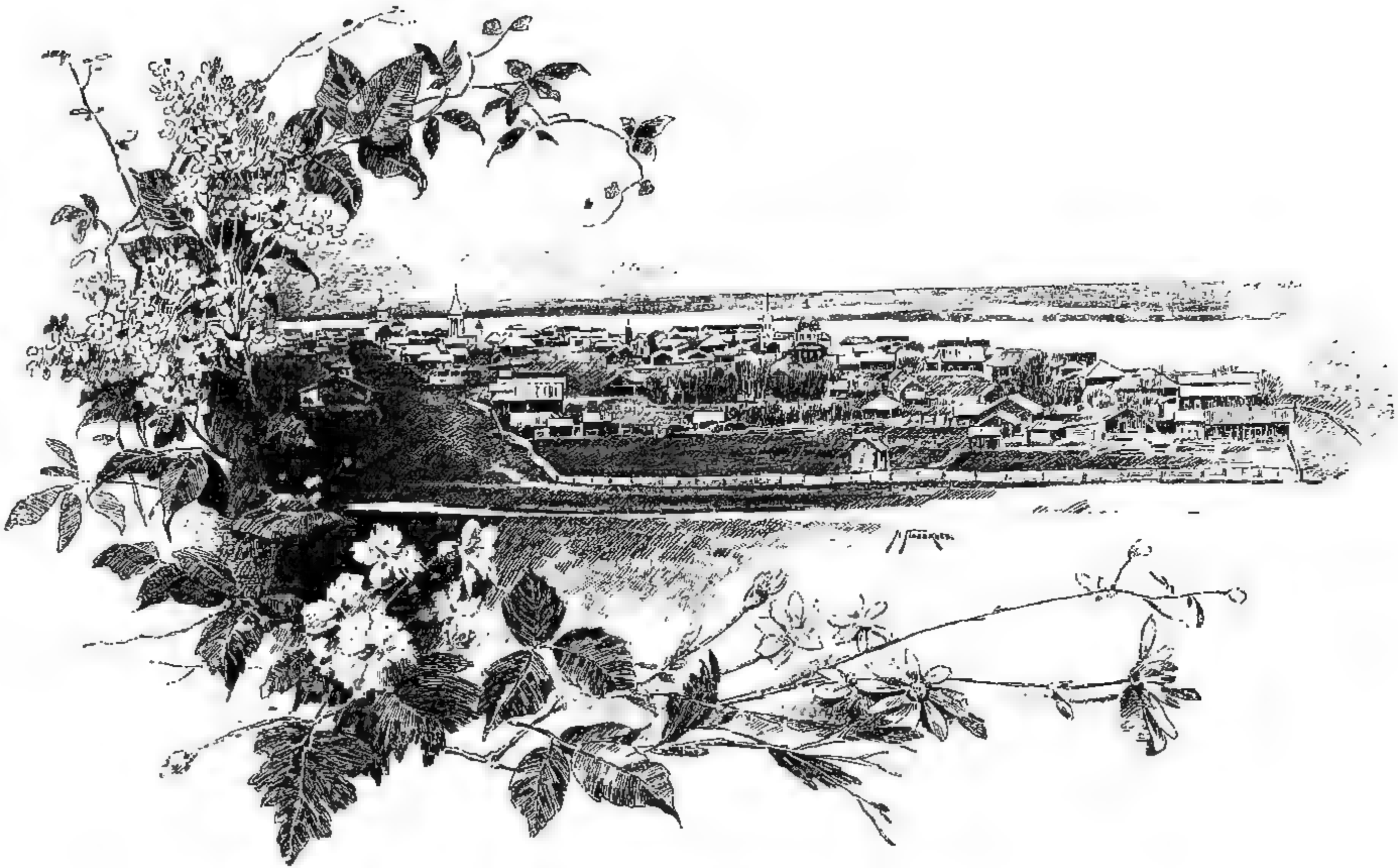
Холмогоры.

Вавчуга. Петръ I и Баженинъ. Историческое. Прежнее значеніе Холмогоръ. Соборъ. Успенскій монастырь. Судьба правительницы Анны Леопольдовны. Выставка. Холмогорскій скотъ. Поѣздка въ Денисовку. Ломоносовъ. Ломоносовское училище. Костяное дѣло.

Усть-Пинега при дальнѣйшемъ слѣдованіи парохода служила 13-го іюня мѣстомъ остановки, гдѣ еще разъ можно бы наблюдать ловлю рыбы. Невдали только-что приставъ къ тому же берегу другой пароходъ, шедшій изъ Архангельска и тянувшій двѣ крытыя баржи съ народомъ. Такимъ способомъ, за плату по 75 коп. съ лица до Великаго Устюга, возвращаются съ сѣвера богомольцы и сплавщики лѣса; на двухъ встрѣченныхъ баржахъ ѣхало около 2.000 человѣкъ; мѣстные жители говорили, что иной разъ перевозится сразу до 5.000 человѣкъ, и трудно понять, какъ они на баржахъ размѣщаются, чѣмъ кормятся и дышатъ? Пароходъ съ баржами не замедлилъ отвалить снова, высадивъ на берегъ тѣхъ, кому было нужно, и принявъ новыхъ пассажировъ. Здѣсь рыбы такъ много, что неводъ, заброшенный по тому же мѣсту три раза, далъ по нѣскольку пудовъ рыбы самой разнообразной: язи, сиги, щуки, окуни, нельма, лещъ и даже морская камбала, заходящая сюда изъ Архангельска,—все это блистало разноцвѣтными отливами чешуекъ; каждая изъ рыбъ, сообразно норову своему, подчинялась, такъ или иначе, своей печальной судьбѣ: сердитая щука неистово прыгала по лежавшимъ пластами камбаламъ; кроткая нельма даже не шевелилась. Семги не выловили: она періодически ловится здѣсь массами, по 25 пудовъ на неводъ, и ее солятъ на мѣстѣ.

Слѣдующая остановка предполагалась въ исторически важной Вавчугѣ, родинѣ нашего сѣвернаго кораблестроенія. Около двухъ часовъ пополудни пароходъ остановился предъ нею.

Верстъ за двѣнадцать до Холмогоръ, на возвышенномъ правомъ берегу Двины раскинулось небольшое село Вавчуга, издавна принадлежавшее посадскимъ людямъ Баженинымъ. Они первые начали отправлять лѣсъ за границу съ построеннаго ими завода: Петръ I, осмотрѣвъ ихъ заводъ, остался имъ



Холмогоры. Общій видъ.

очень доволенъ и далъ Баженинымъ жалованную грамоту. Въ 1700 году Баженины просили царя разрѣшить имъ корабельное дѣло, что̀ и было исполнено, и имъ дана еще другая грамота, съ освобожденіемъ всѣхъ работающихъ на верфи отъ земскихъ службъ. Въ 1702 году Баженинымъ были построены два фрегата, и при третьемъ посѣщеніи Петромъ I Архангельска, онъ, заѣхавъ въ Вавчугу, самъ спустилъ эти два фрегата, назвавъ ихъ «Св. Духъ» и «Курьеръ», и далъ Баженину званіе корабельнаго мастера; современемъ Баженины стали богатыми людьми; даже и теперь, если у кого въ Архангельскомъ краѣ сильное освѣщеніе въ домѣ, то говорятъ: «У него словно Баженинъ въ гостяхъ». Съ паденіемъ кораблестроенія и торговли въ Архангельскѣ, вавчужская верфь, раздѣляя судьбу его, тоже пострадала и сдѣлалась ничтожною. Максимовъ, посѣтивъ Вавчугу въ 1858 году, видѣлъ портретъ Петра I, подаренный имъ Баженину, вырѣзанный самимъ царемъ на кизилѣ; на головѣ царя лавровый вѣнокъ. Гдѣ этотъ портретъ въ настоящее время—неизвѣстно. Слѣдуетъ упомянуть также, что въ одно изъ посѣщеній Петромъ I Вавчуги чуть не произошло нѣчто очень плачевное. Царь, обладавшій, какъ извѣстно, большою физическою силою и вспоминая, вѣроятно, какъ остановилъ онъ въ Амстердамѣ крылья вѣтряной мельницы, пообѣщалъ сдѣлать то же самое и съ водянымъ лѣсопильнымъ колесомъ. Общій испугъ за царя былъ великъ; Петръ, намѣреваясь исполнить обѣщаніе, подошелъ къ колесу, и оно дѣйствительно остановилось. Послѣ узнали, какъ это произошло: Баженинъ слышалъ о намѣреніи царя и далъ приказъ во-время остановить колесо. Петръ расцѣловалъ хозяина, давшаго ему возможность исполнить обѣщанное и остаться невредимымъ. На колокольнѣ мѣстной церкви, говоритъ преданіе, Петръ I, бывало, звонилъ въ колокола «для потѣхи своей государевой милости».

Село Вавчуга очень невелико и стоитъ на довольно высокомъ берегу. Отъ прежняго времени мало что осталось; на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Баженинныхъ, недавно построенъ какой-то новый домъ; о верфяхъ нѣтъ и помину, и только каменныя части церковки, съ небольшимъ куполомъ на кубическомъ основаніи, да маленькая колоколенка съ деревянною галлереѣкой, можетъ быть, видѣли Великаго Петра.

Противъ самой Вавчуги впадаетъ въ Двину рѣчка Куроколка, на которой раскинулись Холмогоры; но она такъ мелка, что пароходъ спустился по Двинѣ дальше и, давъ крюку верстъ тридцать вмѣсто восьми, у церкви Спаса, взявъ мѣстнаго лоцмана, направился совсѣмъ къ югу въ рѣчку Холмогорку. Луговъ, на которыхъ пасется холмогорскій скотъ мѣстныхъ крестьянъ, очень много, потому что заливныхъ острововъ видимо-невидимо. Двина въ этомъ мѣстѣ, между Вавчугой и Холмогорами, будто раздулась, образовавъ цѣлыя группы острововъ, подѣленныя многими рукавами; воды было такъ много, что рѣчка Холмогорка и та казалась шириною съ Малую Неву. Передъ тѣмъ, какъ свернуть въ Холмогорку, пароходъ прошелъ мимо одной изъ древнѣйшихъ деревянныхъ церквей,—это Илья Пророкъ въ селѣ Ильинскомъ, называемомъ также Чукчерма. На кубическомъ основаніи поднимается девять луковицеобразныхъ куполовъ, изъ которыхъ средній повыше; со стороны па-

перти и алтарной части по одному большому луковицеобразному плоскому кокошнику; маленькая колокольня, съ галлерейкой наверху и шатровымъ верхомъ, стоитъ отдѣльно; купола и крыша крыты, кажется, гонтомъ, и вся древняя церковка смотритъ сѣренькою, глубоко почтенною старушкою. Сходная съ нею по древности церковь Николы виднѣлась верстъ на пять ниже Орлецовъ, въ погостѣ Паниловскомъ; только при ней старая деревянная колокольня уже «убрана», какъ тутъ выражаются, и на мѣстѣ ея стоитъ новая, заурядная, каменная. Эти «убиранія» церквей, свидѣтелей древности, очень печальны, именно потому, что даже снимковъ съ нихъ не остается, и онѣ погибаютъ безслѣдно, будто никогда не существовали.

Холмогоры вырисовываются издали на совершенно плоскомъ, невысокомъ берегу. Ближе всѣхъ къ судну, подходящему съ сѣвера, замѣтна деревянная кладбищенская церковь, отъ которой до города полныхъ двѣ версты; затѣмъ, вдали видны темно-зеленые куполы собора, церковь Троицкая, Успенскій монастырь; всѣхъ церквей въ городѣ пять. Кладбищенская церковь поднимается надъ высокимъ уровнемъ воды сажени на три; колокольня ея тоже три сажени вышины, и вотъ съ этой-то шестисаженной вышины, съ галлереи колокольни, весной 1884 года въ наводненіе спасенъ былъ писаремъ мѣстной воинской команды сторожъ. Можно представить себѣ стихійную силу весеннихъ водъ, залившихъ эти мѣста и катившихся до высоты колокольни? Возлѣ самой церкви вбиты со стороны теченія рѣки бревна, глядящія какъ-то странно, не то заборомъ, не то остатками не совсѣмъ прибраннаго стараго зданія,—это сваи, назначенныя защищать церковь отъ ледохода.

Пристань устроена близъ Троицкой церкви, приблизительно въ срединѣ Холмогоръ, растянувшихся въ одну улицу на полутораверстное разстояніе вдоль рѣки. Это, собственно говоря, не городъ, а не особенно большое село центральной Россіи; въ немъ около 1.000 жителей; луга и болота проникаютъ въ самый городъ, и холмогорскому скоту совершенно вольготно лежать даже на улицѣ. Вправо отъ пристани тянулись какія-то полуразрушенныя, накренившіяся лачуги—это мѣстный гостиный дворъ.

Своеобразность Холмогоръ сказывается даже въ томъ, что соборъ его, оконченный строеніемъ въ 1691 году, и лежащій подлѣ него Успенскій монастырь составляютъ два послѣднія крайнія зданія вытянутаго въ одну улицу города. Одинъ изъ историковъ города, Крестининъ, описывая гористыя будто бы окрестности, объясняетъ происхожденіе имени Холмогоры такъ: «Толь прекрасны виды естества, безъ сумнѣнія, подали причину назвать такъ описуемое селеніе реченіемъ, сложеннымъ изъ горъ и холмовъ». Надо имѣть сильную фантазію, чтобы признать мѣстность Холмогоръ гористою. Надо имѣть не менѣе сильную фантазію, чтобы признать за Холмогорами долгое, почтенное историческое прошлое, чтобы повѣрить возможности того, что здѣсь былъ когда-то культурный центръ всего Заволочья и еще въ московскій періодъ времени до самаго Петра сосредоточивалось административное и торговое значеніе края. Если гдѣ историческое прошлое совсѣмъ незамѣтно, такъ это—здѣсь, въ Холмогорахъ.

Когда-то на мѣстѣ Холмогоръ, болѣе тысячи лѣтъ назадъ, стоялъ другой

Холмогоры. Соборъ и Успенскій монастырь.

совсѣмъ позабытый городъ, столица древней Біарміи. Это было старое чудское мѣсто. Упоминаемый шведскими хрониками истуканъ Іомалы высился, вѣроятно, на островкѣ, называемомъ нынѣ Ельники. Въ десяти верстахъ отсюда есть островъ, названіе котораго любопытно въ филологическомъ отношеніи, — онъ зовется: Чубала,—«Чудь-была». Во времена новгородскія Холмогоры были уже центромъ Заволочья, въ то время, когда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Архангельскъ, стоялъ только одинъ-одинехонекъ уединенный монастырь. Изслѣдователь судьбы Заволочья, Соколовъ, даетъ нынѣшнимъ Холмогорамъ такую характеристику: окрестности хороши, но самъ городъ невзраченъ; «почернѣлая, ветхая наружность идетъ къ городу, какъ къ старой лѣтописи ея пятна и лоскутки».

Посады холмогорскіе, какъ и посады въ самомъ Новгородѣ, были почти за все время существованія Холмогоръ независимы одинъ отъ другого. Въ XIV вѣкѣ переселились сюда новгородскіе посадники, жившіе до того, какъ кажется, въ пяти верстахъ отсюда, въ Матигорахъ. По присоединеніи Заволочья къ Москвѣ въ 1478 году царемъ Іоанномъ III, Холмогоры окончательно избраны были административнымъ центромъ, и скоро о самостоятельныхъ боярахъ двинскихъ, а тѣмъ болѣе новгородскихъ, не стало ни слуху, ни духу. Въ 1557 году, по ходатайству мѣстныхъ жителей, намѣстниковъ замѣнили выборные головы; но, послѣ начала торговыхъ сношеній съ Англіей въ 1587 году, выборные головы оказались непригодны, и на Двину посылались царскіе воеводы, все болѣе люди именитые, и жили они въ самыхъ Холмогорахъ.

Нельзя не упомянуть о томъ, что въ 1606 году надъ царскими чиновниками произведена была здѣсь народная расправа. Граждане, въ помощь томившейся тогда въ безначаліи Москвѣ, снарядили для посылки въ нее ратниковъ. Дьякъ воеводы Гуся, Елчанинъ, попользовался собранными деньгами, какъ кажется, не безъ участія воеводы. 10-го января дьяка, послѣ короткаго суда, утопили въ рѣкѣ, а воеводу три дня держали подъ стражей, затѣмъ освободили, и онъ правилъ снова какъ ни въ чемъ не бывало. Въ 1613 году поляки, въ числѣ 7.000 человѣкъ, подходили къ Холмогорамъ, но безуспѣшно и должны были разбѣжаться и въ большинствѣ погибли въ пустыряхъ и дебряхъ. Намѣстники и тіуны царскіе получали жалованье большое; такъ, отъ посадскихъ людей возникшаго Архангельска въ 1623 году шло въ казну только 39 рублей, а намѣстнику холмогорскому—35. Правительство прибѣгало иногда къ незамѣщенію, чтобы пользоваться тѣми и другими деньгами одновременно, и города управлялись сами собою безъ управителей.

Въ 1686 году посады холмогорскіе существовали все еще каждый отдѣльно; они имѣли тогда пять верстъ въ окружности, тогда какъ теперешнія Холмогоры имѣютъ только $1^1/_2$ версты длины. Немного позже, въ 1692 году, вдоль крѣпостной ограды Холмогоръ высилось 12 башенъ, имѣлось четверо воротъ и глубокій ровъ, слѣды котораго отчасти еще видны; стрѣльцы явились сюда въ 1621 году; въ 1646 году ихъ было уже 1.000 человѣкъ.

Съ возникновеніемъ Архангельска торговый людъ, въ особенности иностранный, мало-по-малу сталъ покидать Холмогоры и переселяться къ морю;

воеводы оставались тутъ до 1702 года. Петръ I по пути въ Архангельскъ былъ въ Холмогорахъ три раза; по его повелѣнію, въ 1692 году были доставлены сюда голландскіе производители рогатаго скота, образовавшіе знаменитую холмогорскую породу, коровы которой даютъ 2—3 ведра молока въ день. Въ 1819 году посѣтилъ городъ императоръ Александръ I, по повелѣнію котораго начали разводить англійскій скотъ; но этотъ не акклиматизировался. Холмогоры посѣтили Великіе Князья: Алексѣй Александровичъ—въ 1870 г. и Владиміръ Александровичъ—въ 1885 году.

Нельзя не упомянуть, что въ 1744 году, въ каменный архіерейскій домъ, нынѣшній Успенскій монастырь, неожиданно привезены были «секретные» арестанты. Тайна продолжалась 36 лѣтъ, и только по истеченіи этого времени узнали, что Холмогоры служили мѣстомъ заключенія бывшей правительницы Анны Леопольдовны, супруга ея принца Антона-Ульриха и двухъ дѣтей ихъ. Позже родились тутъ еще два принца; въ 1746 году скончалась въ родахъ принцесса Анна Леопольдовна, а въ 1776 году—мужъ ея Антонъ-Ульрихъ. Императрица Екатерина II повелѣла отправить сиротъ въ Данію, что и было исполнено въ 1781 году, также тайно, ночью, какъ это было сдѣлано съ прибытіемъ покойныхъ родителей ихъ. Тѣло принцессы-матери отправлено въ Петербургъ, «послѣ учиненія надъ умершимъ тѣломъ анатоміи и положа въ спиртъ»; она покоится въ Александро-Невской лаврѣ, причемъ на отпѣваніи величалась «благовѣрною принцессой»; тѣло супруга ея, скончавшагося 30 лѣтъ позже, опущено въ землю въ Холмогорахъ на кладбищѣ, внутри ограды арестантскаго дома, но гдѣ именно—неизвѣстно.

Размѣры мѣстнаго собора грандіозны; четыре центральные столба, всѣ своды и пять куполовъ тщательно выбѣлены, и темнымъ пятномъ кажутся высокій на синемъ фонѣ пятиярусный иконостасъ и очень немногія иконы, разсѣянныя по церкви. Иконы въ иконостасѣ не отличаются роскошью отдѣлки; подчистка и лакировка хозяйничали и здѣсь въ достаточной степени. У лѣвой стѣны отъ входа покоятся въ рядъ архангельскіе архіереи, надъ ихъ могилами стоятъ деревянные гробы, надъ каждымъ портретъ, между которыми бросается въ глаза безбородое изображеніе Аѳанасія, борода котораго—по словамъ сказанія—была вырвана Никитой Пустосвятомъ.

Успенскій монастырь находится подлѣ собора; въ немъ 120 монахинь, состоящихъ въ вѣдѣніи игумена. Въ помѣщеніи, которое занимала нѣкогда несчастная семья принца Антона-Ульриха, живетъ сестра-казначея; это — небольшія, но свѣтлыя комнаты, съ унылымъ, однообразнымъ, безжизненнымъ видомъ на рѣку.

Устроенная здѣсь въ 1885 году выставка мѣстнаго скота заслуживала вниманія; надо отдать справедливость экспонентамъ: всѣ 15 коровъ и быкъ были красивы, вполнѣ соотвѣтствуя знаменитости породы. Цѣна хорошей коровы здѣсь 150—200 руб.; удой—20 крынокъ, по три стакана въ каждой. Цѣна бутылки молока въ продажѣ 2 коп., фунтъ мяса 6—8 коп. Тутъ же, на столахъ красовались мѣстные молочные продукты: масло и сыры. Виднѣлись на отдѣльномъ столикѣ костяныя издѣлія.

Женщины съ Куростровa.

Къ вечеру путники переправились на карбасѣ на другой берегъ Холмогорки, съ тѣмъ, чтобы проѣхать оттуда на лошадяхъ, версты три разстоянія, до Денисовки. Денисовка одна изъ многихъ (кажется — 40) деревень большого острова Куростровa, покрытаго лугами и полями. Ломоносовыхъ въ Денисовкѣ больше нѣтъ, а въ Архангельскѣ существуютъ потомки его по сестриной линіи, купцы Ершовы.

На подвижныхъ двинскихъ островахъ поднялась и выросла подвижная, колоссальная фигура Ломоносова; онъ родился въ 1712, умеръ въ 1765 году; слѣдовательно, человѣкомъ далеко не старымъ. Бурливы, какъ волны Сѣвернаго моря, были судьбы Ломоносова; по образцу прибрежныхъ скалъ, окаймляющихъ Мурманъ, сложились его мощныя, упрямыя воззрѣнія; мальчишка-поморъ, еще подросткомъ, побывалъ онъ и въ расколѣ, широко раскинувшемся по тогдашнему Сѣверу, такъ какъ отецъ его, Василій Дороосевъ, былъ раскольникомъ; въ Москвѣ собирались постричь его во священство для проповѣди въ языческой Карелiи; Марбургъ, Фрейбергъ, женитьба на нѣмкѣ, бѣгство отъ долговъ, Шуваловъ, дружба съ нимъ, академія, преувеличеніе буйства и его непріятныя послѣдствія, дѣло мести всякихъ ничтожностей, въ родѣ профессоровъ Винцгейма и Трускотта, и рядомъ съ этимъ серьезнѣйшія научныя работы, изслѣдованія, ученыя записки, оды, множество самыхъ послѣдовательныхъ усилій и трудовъ по всѣмъ отраслямъ знаній и, наконецъ, начало русской литературы... не правда ли, какъ это мало для крѣпыша-помора въ недолгую, едва только полвѣка длившуюся жизнь?! Ломоносовъ, несомнѣнно, самый сѣверный, самый полярный изъ всѣхъ геніальныхъ крѣпышей, изъ всѣхъ талантовъ міра, и онъ нашъ, онъ русскій, родился въ сосѣдствѣ Холмогоръ. 3-го октября 1868 года въ деревнѣ Денисовкѣ послѣдовало торжественное открытіе Ломоносовскаго училища, на добрую память, пользу и назиданіе потомкамъ. Въ Архангельскѣ поставленъ Ломоносову памятникъ, который сооруженъ на добровольныя пожертвованія и открытъ 25 іюня 1832 г. Хотя онъ воздвигнутъ по проекту знаменитаго Мартоса, но, въ сущности, одинъ изъ самыхъ неудачныхъ памятниковъ въ Россіи. Крестьяне разсказываютъ о Ломоносовѣ, будто «человѣкъ этотъ рукою тучи отводилъ, противъ Божья велѣнія шелъ; Богъ-отъ камнемъ ему носъ перешибъ, потому, значитъ, Ломоносовымъ прозывается». Такъ говоритъ о слышанномъ на мѣстѣ г. Михайловъ. Говоритъ онъ также, что приходятъ къ памятнику и такіе люди, что молятся на него и зажигаютъ вдоль ограды свѣчи, сбиваясь съ толку изображеніемъ крылатаго генія, ангела. Училище «Ломоносовское», открытое въ Денисовкѣ въ 1868 году, помѣщается въ одноэтажномъ зданіи, въ десять оконъ. Въ немъ приходящихъ 45 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ. О самомъ Ломоносовѣ на мѣстѣ его родины ничто рѣшительно не напоминаетъ, если не считать небольшого прудика, въ который, какъ говорятъ, отецъ его сажалъ пойманную рыбу; прудишко маленькій, зеленѣющій.

Въ связи съ именемъ Ломоносова, или, вѣрнѣе, съ именемъ зятя его Головина, находится, говорятъ, нынѣ захилѣвшій промыселъ холмогорскихъ костяныхъ издѣлій. Не столько въ Холмогорахъ, сколько въ волостяхъ, съ

Холмогоры. Денисовка. Ломоносовское училище.

легкой руки Головина, пошло это дѣло. Это извѣстные шкатулочки, бездѣлушки, футлярчики и пр., изготовляемые изъ костей, остающихся за употребленіемъ мяса, а также изъ моржевыхъ клыковъ; они состоятъ изъ болѣе или менѣе дробныхъ костяныхъ арабесковъ, сквозь которые блеститъ разноцвѣтная фольга. Дѣлаютъ также костяные ножи, вилки, ложки, шахматы, игольники; кто не знаетъ въ продажѣ изображенія оленей, запряженныхъ въ самоѣдскія санки? У нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ техниковъ есть такъ называемые «секреты», то-есть особые способы приготовленія, напримѣръ, цѣпочекъ, состоящихъ изъ колечекъ, продѣтыхъ одно въ другое. Максимовъ основательно замѣтилъ, что давно бы надо придти на помощь костянникамъ, ознакомивъ ихъ съ порядочными рисунками. На маленькой выставкѣ, устроенной здѣсь, имѣлось только незначительное количество костяныхъ издѣлій.

Архангельскъ.

Общій видъ города. Древнѣйшія судьбы его. Періодическія обновленія. Хорошее будущее. Исторія судостроенія. Отношеніе къ Архангельску Петра I. Соборъ. Соломбала. Льняной и смоляной буяны. Браковщики. Цифровыя данныя о торговлѣ. Выставка. Отъѣздъ на шхунѣ «Норденшильдъ». Ея былое.

Часовъ около десяти, пасмурнымъ утромъ, пароходъ приближался къ средоточію нашего Сѣвера, къ Архангельску. Изъ храмовъ ближе другихъ виднѣлся Архангельскій монастырь съ его пятью темными, почти черными вздутыми куполами; далѣе по берегу выдвигался соборъ съ пятью зелеными главами, покрытыми золотыми звѣздами.

Двина дѣлаетъ тутъ поворотъ вправо, и поэтому всей замѣчательной длины города, тянущагося, какъ и Холмогоры, вдоль берега, сразу не оглядишь: Троицкая, главная улица его, идетъ на семь верстъ. Вдоль вытянутыхъ подлѣ берега судовъ и поморскихъ классическихъ шхунъ, впервые встрѣченныхъ подлѣ барокъ, паузковъ и пароходовъ, судно взяло вправо и стало приближаться къ пристани. Влѣво глянули поросшіе зеленью историческіе: Моисеевъ островъ, Заостровье, Кегостровъ, съ ихъ церквами; глянула вдали не менѣе историческая Соломбала со своимъ соборомъ; пароходъ миновалъ двѣ стоявшія на якорѣ казенныя паровыя шхуны: «Баканъ» и «Полярную Звѣзду», имена которыхъ знакомы всему побережью Ледовитаго океана, и, наконецъ, остановился. Пристань устроена у самой таможни, одного изъ громаднѣйшихъ казенныхъ зданій, имѣющаго два высокіе, полукруглые купола,— зданія, свидѣтельствующаго величиною своею о томъ, что оно было разсчитано на гораздо болѣе широкую, на очень обширную дѣятельность порта.

Соборъ освященъ въ 1805 году. Это одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ соборовъ: онъ въ три свѣта; окнами снабжены не только его стѣны, но и всѣ пять куполовъ, и въ этомъ-то обиліи свѣтовыхъ лучей высится одинъ изъ красивѣй-

Архангельскъ. Видъ Набережной близъ собора.

шихъ по отдѣлкѣ и выдержкѣ характера рѣзной золоченый иконостасъ. Онъ въ строжайшемъ стилѣ возрожденія. Четыре совершенно открытые центральные столба собора и всѣ стѣны исписаны очень свѣтлыми фресками работы «двухъ художниковъ академіи художествъ чиномъ XIV класса». Очень характерны въ соборѣ стоящія съ обѣихъ сторонъ его по двѣ полукруглыя, на колоннахъ, подъ сѣнями, божницы; въ одной изъ нихъ, ближайшей къ алтарю, съ правой стороны, высится тотъ крестъ, который былъ собственноручно сдѣланъ Петромъ Великимъ въ благодарность за избавленіе его отъ бури близъ Унскихъ Роговъ. Полукруглый, драпированный темно-малиновымъ бархатомъ выступъ имѣется и надъ Царскими вратами. Нижняя церковь собора очень низка; иконостасъ ея богатъ, но украшенія немного грузны.

Архангельскъ, несомнѣнно, городъ будущаго; къ нему тянуть водные пути Россіи, къ нему въ скоромъ времени пойдетъ «Сѣверная» желѣзная дорога; она будетъ проложена по очень простой причинѣ: Сѣверное море—наше море, которое намъ запереть не могутъ, а мы безъ открытаго, незамерзаемаго моря существовать не можемъ и не должны. Къ нему должны тяготѣть не только сѣверныя окраины, но и вся Россія.

Архангельскъ получилъ свое имя отъ стоявшаго на его мѣстѣ, до основанія города, монастыря Чуда Архангела Михаила,—чуда, изображеннаго фрескомъ на его соборѣ: злые люди хотѣли затопить Божій Домъ и направили на него рѣку, но, призванный молитвою праведника, архангелъ Михаилъ отклонилъ рѣку. Имя острова Соломбала, на которомъ воочію совершались всѣ судьбы города, производится отъ финскаго «соломба», означающаго болотистое мѣсто. Кругомъ Архангельска, непосредственно возлѣ города, даже въ его проулочки забѣгаютъ и понынѣ и разстилаются тундроватыя, безотрадныя болота. Если въ Соломбалѣ и по двинскимъ берегамъ мѣстность немного поднята, то это совершилось нѣмецкою землею, привозившеюся сюда въ видѣ балласта и накопившеюся за долгое время громадными массами.

Исторія Архангельска, какъ города, начинается съ XVI вѣка; онъ основанъ Оеодоромъ Іоанновичемъ въ 1584 году и праздновалъ въ 1884 году свою 300-лѣтнюю годовщину; исторія Архангельска, какъ порта, начинается съ конца XVII вѣка, и тутъ именно становится она очень любопытною.

Мало городовъ въ Россіи, или, вѣрнѣе, такихъ, собственно говоря, совсѣмъ нѣтъ, которые, подобно Архангельску, имѣли бы законченные, завершившіеся періоды существованія. Онъ быстро возникъ, быстро расцвѣталъ, еще быстрѣе падалъ, опять расцвѣталъ, опять падалъ и, несомнѣнно, опять расцвѣтетъ. Мѣстности, непригодныя къ развитію, къ подобной пульсаціи жизни неспособны.

300 лѣтъ тому назадъ мѣсто, на которомъ стоитъ Архангельскъ, было пустыннымъ, мало возвышеннымъ глинистымъ берегомъ надъ очень глубокою и довольно узкою Двиною; Моисеевъ островъ былъ втрое больше теперешняго; на его мысу стоялъ одинокій монастырь Чуда Архангела Михаила. Въ 1419 году всѣ иноки этого монастыря были умерщвлены норвежцами, а монастырь сожженъ и отстроился вновь съ трудомъ. Въ 1553 году сюда впервые при-

Архангельскъ. Крестъ Уиских Рогов въ соборѣ.

были англичане. Отыскивая путь въ Китай чрезъ Ледовитый океанъ, они отправили на поиски три корабля, изъ которыхъ два погибли у Мурманскаго берега, а третій занесло къ устью Двины, къ монастырю, одиноко на берегу стоявшему. Кораблемъ управлялъ ставшій впослѣдствіи знаменитымъ Ченслеръ, скоро вслѣдъ затѣмъ отправленный въ Москву, гдѣ его снарядили въ путь обратно съ милостями царя Іоанна IV Васильевича и въ сопровожденіи нашего посла, вологжанина Іосифа Непѣя. Льготы англичанамъ предоставлены были большія, и торговля завязалась. Архангельска все еще не существовало.

Необходимо, однако, замѣтить, впрочемъ, что несуществованіе Архангельска въ то время подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, потому что 32 года спустя послѣ предполагаемаго его возникновенія тобольскіе воеводы свидѣтельствовали: «а отъ Архангельскаго города ходъ къ Мангазеѣ (лежащей на рѣкѣ Енисеѣ) близко поспѣваютъ въ полняты недѣли». Справедливо замѣчаютъ, что такого торнаго пути вглубь Сибири, въ такой короткій промежутокъ времени, какъ 32 года, не могло бы существовать, если бы Архангельскъ велъ свое начало только со времени прибытія англичанъ.

Если не дѣлать никакого заключенія изъ словъ тобольскихъ воеводъ, то придется вѣрить тому, что въ 1584 году совершенно неожиданно къ одинокому монастырю приплыли царскіе воеводы и заложили деревянную крѣпостцу—Новыя Холмогоры. Торговые люди селились подлѣ крѣпостцы, пріѣзжая сюда изъ богатыхъ Холмогоръ, составлявшихъ административный и торговый центръ края. Въ 1637 году случился пожаръ, монастырь перенесенъ выше по рѣкѣ, въ Печеры, и очистилъ, такимъ образомъ, мѣсто для быстро возникшаго города; говорятъ, будто планъ гостинаго двора составленъ самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Судьбы Архангельска—судьбы нашего сѣвернаго судостроенія и торговли; весь онъ жилъ и будетъ жить ими. Судостроеніе на Бѣломъ морѣ безконечно старѣе Архангельска, говоритъ историкъ архангельскаго порта, Огородниковъ; оно идетъ отъ начала плаванія по Бѣлому морю соловецкихъ монаховъ, около 1440 года; въ 1548 году монахи уже имѣли свои верфи. Впрочемъ, для промысловъ на взморье приходили сюда новгородцы еще въ IX вѣкѣ, до Рюрика; но самостоятельное значеніе получило наше пользованіе моремъ только со времени возникновенія Архангельска. Онъ будто подготовился и окрѣпъ какъ разъ ко времени появленія Петра I. Въ 1693 году въ городѣ было уже 29 торговыхъ домовъ иностраннаго купечества, и приходило до 40 кораблей. Было съ чего начать. Когда Петръ I посѣтилъ его впервые, 29-го іюля 1693 года, у одной изъ городскихъ пристаней стояла яхта «Св. Петръ», построенная для поѣздки царя въ Соловки, вѣроятно, братьями Баженинными, имѣвшими свою верфь въ Вавчугѣ. Въ 1696 году царь далъ Баженинымъ разрѣшеніе строить корабли. Кромѣ ихъ верфи, въ то время существовали еще и другія: Бармина, Амосова и Пругавина. Купеческое судостроеніе, слѣдовательно, древнѣе военнаго, начавшагося, какъ извѣстно, въ Воронежѣ въ 1696 году.

Три раза посѣтилъ Петръ I Архангельскъ: въ 1693, въ 1694 и въ 1702 годахъ. Царь, увидѣвъ впервые море, къ которому такъ упорно, такъ

страстно стремился и значеніе котораго провидѣлъ, немедленно принялся за дѣло, со всею энергіею, ему свойственною, принялся, такъ сказать, своими руками. На соломбальской верфи закипѣла работа. Въ платьѣ простого шкипера ежедневно посѣщалъ онъ верфи, биржу и ярмарку; негоціантъ Форколье объяснилъ ему,—въ чемъ Петръ, конечно, не нуждался,—что «будь у русскихъ свои корабли да ѣзди они сами, барышъ доставался бы имъ». Приказано было изготовить немедленно два купеческихъ судна, и одно изъ нихъ, нагруженное русскимъ грузомъ, царь отправилъ за границу при себѣ.

Во второй разъ царь прибылъ въ Архангельскъ на слѣдующій же годъ. 20-го мая вступилъ на Двину первый выстроенный у насъ царскій корабль, названный «Св. Павелъ»; царь самъ подрубилъ его подпоры. 12-го іюля прибылъ, построенный въ Голландіи, фрегатъ, названный «Св. Пророчество», и царь самъ провелъ его двинскимъ фарватеромъ къ городу. Отправившись въ Соловки на поклоненіе святынѣ, Петръ I вынесъ страшную бурю подлѣ Унскихъ Роговъ; онъ и всѣ плывшіе съ нимъ уже причастились, ожидая смерти, но лоцманъ Антипъ Тимофеевъ сумѣлъ провести судно въ Унскіе Рога. Крестъ съ надписью, поставленный по этому случаю Петромъ на берегу, можно видѣть въ архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Въ августѣ, по возвращеніи изъ Соловокъ, царь велѣлъ нагрузить русскимъ товаромъ судно «Св. Павелъ» и отправилъ его за границу подъ русскимъ флагомъ, впервые родившимся тогда на свѣтъ и составленнымъ изъ трехъ голландскихъ цвѣтовъ, только въ обратномъ порядкѣ. Къ 1701 году на архангельской верфи было построено шесть кораблей. Кто не видѣлъ, хотя бы на картинкахъ, этихъ неуклюжихъ, некрасивыхъ первообразовъ кораблестроенія того времени? Всѣ они были сосновые, имѣли три палубы, называвшіяся «житьями»; люки назывались «твориламп», а флаги были чудовищно-громадны; такъ, напримѣръ, кормовой имѣлъ 13 аршинъ длины и 9 полотнищъ ширины. Торговля царя съ заграницей, такъ называемые «царскіе торги», продолжалась съ 1694 по 1718 годъ. Царскіе корабли отдавались также иностранцамъ на откупъ, но подъ условіемъ, чтобы экипажъ на всѣхъ судахъ былъ русскій.

Въ третій разъ посѣтилъ Петръ I Архангельскъ въ 1702 году и прибылъ съ царевичемъ Алексѣемъ. Царь располагалъ тогда уже цѣлымъ флотомъ. На 13-ти корабляхъ съ 4.000 преображенцевъ вышелъ онъ въ море въ разсчетѣ встрѣтить шведовъ. Онъ ихъ не встрѣтилъ, зато совершилъ свой сказочный пюхацкій походъ отъ Бѣлаго моря на Повѣнецъ. Согласно сохранившемуся преданію, въ одинъ изъ пріѣздовъ Петра въ Архангельскъ зародилось будто бы и имя селенія—Соломбала. Царь увидѣлъ жнецовъ въ полѣ и захотѣлъ дать имъ балъ; снопы служили столами и скамейками, и это былъ настоящій «соломенный балъ». Это поэтичнѣе, чѣмъ финское «болотистое мѣсто», но исторически безусловно невѣрно. Въ ознаменованіе своего благоволенія, при одномъ изъ посѣщеній гор. Архангельска, Петръ Великій пожаловалъ архіепископу Аѳанасію штандартъ, карету и три пушки для храненія въ архіерейскомъ домѣ.

Вотъ нѣкоторыя любопытныя данныя, за Петровское время, касающіяся Архангельска. Въ 1694 году прибыло 50 кораблей, въ 1700—64, 1702—149,

Нѣмецкая слобода въ Архангельскѣ. Рис. Космаковъ, грав. Боярскій.

1708 — 208, 1716 — 233. Въ 1711 году цѣнность привоза и вывоза достигла полутора милліона рублей.

Строеніе собственно военныхъ судовъ на соломбальской верфи началось только въ 1708 году; въ 1710 вышли въ море три фрегата, но неудачно. Военные корабли были, пожалуй, еще некраснѣе и неуклюжѣе купеческихъ; тяжелые, сѣдловатые, съ пузато-закрѣпленными парусами, они имѣли чрезвычайно высокую корму; на кормѣ этой или снаружи галлереи съ аляповатыми изображеніями, и надъ ними высились три чудовищно-огромные фонаря; въ довершеніе всего на щекахъ виднѣлись статуи.

Насколько любилъ Петръ и холилъ Архангельскъ вначалѣ, настолько же безжалостенъ сталъ онъ къ нему, когда возникло другое его дѣтище, при другомъ, болѣе ласковомъ морѣ—Петербургъ. Указомъ 1722 года запрещено привозить къ Архангельску товаровъ больше, чѣмъ потребно собственно для губерніи; послѣ этого указа къ городу пришло только 26 иностранныхъ кораблей. Вслѣдъ за немилостью царя сказалась и немилость природы: въ 1723 году занесло пескомъ устье Двины, и суда, подходившія прежде къ самому Архангельску, принуждены были останавливаться у Соломбалы. Съ 1715 года строеніе военныхъ судовъ прекратилось совершенно, но съ 1733 года возобновлено; начали готовить экспедицію «Обскую»; 23-го іюня 1835 года спущенъ корабль «Городъ Архангельскъ», а за нимъ другіе.

Особенной удачи кораблямъ, дѣтищамъ второго расцвѣта Архангельска, не было. Эскадры 1742 и 1743 годовъ доказали наглядно, что наше судостроеніе страдало въ то время органическими недостатками. Корабли построены были слабо, чрезмѣрно нагружены артиллеріей, при спускѣ выгибались, давали течь, не имѣли устойчивости и даже опрокидывались, да и самое дерево ставили нерѣдко гнилое: въ мачтахъ попадалось по 15 дюймовъ гнили въ діаметрѣ. Характерно, что когда состоялся судъ за гибель «Варахаила», то оберъ-аудиторомъ назначенъ былъ нѣкто Клингстенъ, желавшій уклониться отъ этого назначенія, «за незнаніемъ русскаго языка и морской службы», какъ онъ рапортовалъ. Контора надъ портомъ этихъ пустыхъ резоновъ не уважила. Своеобразности тогдашнихъ порядковъ соотвѣтствовалъ костюмъ офицеровъ: на нихъ были бѣлые кафтаны и свѣтлозеленые камзолы и штаны. Матросы, встрѣчая начальство, кричали въ тѣ дни не «ура!», а «гузе! гузе!». Въ морскомъ уставѣ второй половины прошлаго вѣка опредѣлено съ точностью, кому и сколько разъ кричать «гузе!»

Уравненіе правъ Архангельска съ Петербургомъ, въ отмѣну Петровскаго указа 1722 года, послѣдовавшее въ 1762 году, снова подняло духъ и предпріимчивость архангелогородцевъ: завелось снова 40 торговыхъ домовъ, и вывозъ достигъ 10 милліоновъ; но золотымъ временемъ для города, «американскими годами» его, были 1809—1814, когда континентальная система закрыла англичанамъ всѣ порты, и они подъ американскимъ флагомъ стали ходить въ Архангельскъ. Бѣломорскій купеческій флотъ, способный къ дальнему плаванію, имѣлъ тогда до 300 судовъ.

Со времени Отечественной войны стало быстро совершенствоваться и ар-

хангельское военное судостроеніе, подъ руководствомъ замѣчательныхъ строителей-самоучекъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ: Курочкина, Ершова и Загуляева. Когда императоръ Александръ I посѣтилъ Архангельскъ въ 1819 году, въ гавани стояло до 150 судовъ, и милостью государя архангельское купечество избавлено было отъ гильдейскихъ пошлинъ на двадцать лѣтъ. Первый пароходъ заложенъ былъ въ Архангельскѣ въ 1824 году. Затѣмъ, съ 1852 года строеніе кораблей прекратилось, начато сооруженіе винтовыхъ двигателей, и первымъ былъ спущенъ «Полканъ», а въ 1856 году отсюда отправлены въ Балтику 6 клиперовъ.

Послѣднее двадцатипятилѣтіе, въ силу многихъ обстоятельствъ, оказалось гибельно для Архангельска. Улучшеніе водяныхъ сообщеній внутри Имперіи къ Петербургу и направленіе къ нему желѣзныхъ дорогъ повліяли, такъ сказать, косвенно; но начало и развитіе броненоснаго судостроенія, перенесшее постройку судовъ къ другимъ центрамъ, оказало вліяніе непосредственное. Неудачный спускъ, въ 1860 году, огромнаго фрегата «Пересвѣтъ» послужилъ послѣднимъ поводомъ къ Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 1862 году, объ упраздненіи въ Архангельскѣ главнаго порта, — тринадцать лѣтъ спустя послѣ закрытія порта на Охотскомъ морѣ; въ 1866 г. два послѣдніе элинга пошли съ молотка.

Быстро расцвѣталъ Архангельскъ, быстро и падалъ. Теперь, несомнѣнно, предстоитъ ему большая будущность; Соломбала, какъ купеческій портъ, развивается; къ 1870 году, за шесть лѣтъ, отпускъ возросъ съ 6 до 11½ милліоновъ, въ 1880 г. отпускъ былъ въ 10½ милліоновъ, въ 1883 г. онъ уменьшился до 7.400.000 рублей. Кораблей приходитъ, въ среднемъ, до 700, въ томъ числѣ 40 пароходовъ, и все это несмотря на неудобства плаванія въ Ледовитомъ океанѣ, на всѣ недостатки Сѣверной Двины и на то, что чинить суда въ Архангельскѣ негдѣ. Вологодско-архангельская желѣзная дорога, сооруженіе которой разрѣшено въ 1894 г., будетъ первою и ближайшею причиной новаго расцвѣта.

Выше было сказано, что еще въ 1723 г. занесло устье Двины пескомъ. Рѣка вливается въ море четырьмя устьями. Въ настоящее время въ ней три мели или такъ называемые бара: два — ниже Архангельска, одинъ почти въ предѣлахъ города. Они имѣютъ до тринадцати футовъ глубины, не болѣе, что, при постоянномъ возрастаніи осадки морскихъ судовъ и увеличеніи ихъ емкости, служитъ большою помѣхою, такъ какъ вызываетъ двойную перегрузку, увеличивающую цѣнность товаровъ. Фрахтъ до Англіи отъ Онеги и Сорокъ, гдѣ перегрузки нѣтъ, на 5—7 шиллинговъ дешевле, чѣмъ отъ Архангельска, и въ общей сложности наше купечество теряетъ въ названныхъ перегрузкахъ до 220 тыс. рублей въ годъ. Министерство Путей Сообщенія предполагаетъ углубить баръ у Мудьюгскаго острова землечерпаніемъ, а мель у Моисеева острова уничтожить водостѣснительными сооруженіями. Съ 1860 года существуетъ сѣверо-двинская компанія пароходства, имѣющая до пятнадцати пароходовъ и поддерживающая сообщеніе съ центромъ Россіи.

Если, какъ выше замѣчено, размѣры таможни свидѣтельствуютъ о томъ,

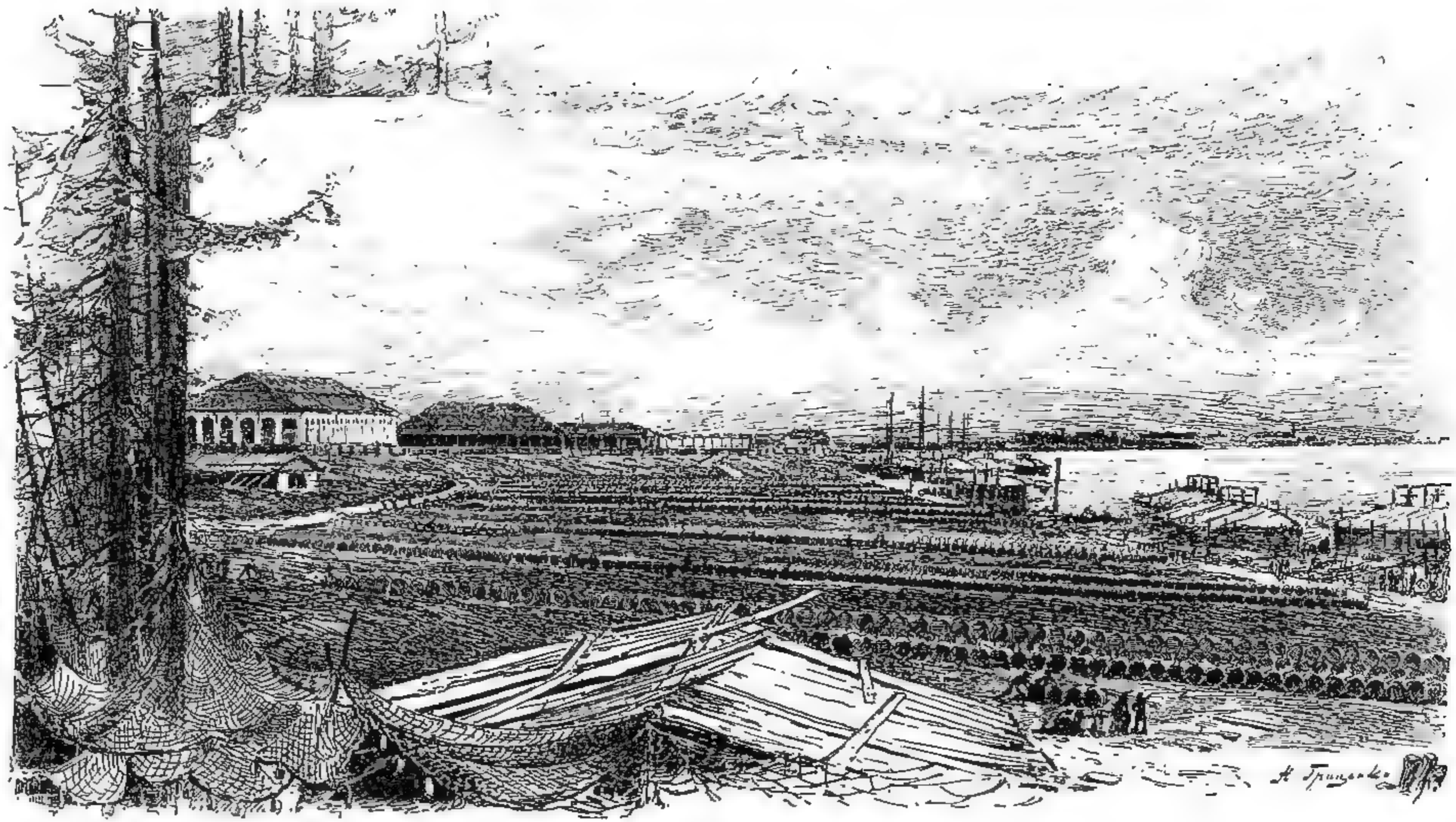
чѣмъ былъ архангельскій портъ, то посѣщеніе Соломбалы, морской казармы и тѣхъ мѣстъ, на которыхъ стояли верфи и элинги, подтверждаетъ это еще яснѣе. На Соломбалѣ путешественники посѣтили прежде всего соборъ, оконченный постройкою въ 1776 году; онъ тоже въ три свѣта и имѣетъ совершенно бѣлыя стѣны; иконы сосредоточиваются исключительно на иконостасѣ и его зеленомъ фонѣ. Въ соломбальскомъ соборѣ, какъ въ архангельскомъ и во многихъ церквахъ двинскаго побережья, надъ входною въ храмъ дверью, внутри церкви, противъ алтаря имѣется галлерея. Морскія казармы — это мастодонтъ между всѣми казармами. Въ нихъ въ двухъ корпусахъ помѣщаются: одно изъ самыхъ обширныхъ арестантскихъ отдѣленій—около 700 человѣкъ, архангельская флотская рота, морской госпиталь, офицерскій морской клубъ и многое другое, и, несмотря на это, значительная часть зданій пуста. Въ офицерскомъ клубѣ хранятся модели нашихъ старыхъ судовъ: «Ингерманланда», «Нептунуса», «Твери», «Славы Россіи» и др. Изъ оконъ казармъ видны пустыя мѣста находившихся подлѣ верфей и элинговъ, заваленныя мусоромъ и порастающія травой.

Внѣ города, вверхъ по теченію Двины, лежатъ обширные льняной и смоляной буяны, хранящіе періодически огромные запасы этихъ важныхъ отпускныхъ грузовъ. Любопытно было посмотрѣть на уцѣлѣвшее учрежденіе Петровскаго времени, на браковщиковъ, вызванныхъ къ жизни указомъ 2-го іюня 1700 г., и увидѣть ихъ въ дѣйствіи при отправленіи обязанностей, при раздѣленіи товаровъ по сортамъ: «добрые къ доброй, средніе къ средней и меньшіе къ меньшей статьѣ». Основаніемъ браковки товаровъ при архангельскомъ портѣ послужили подлоги, замѣчавшіеся въ русскихъ товарахъ, отправлявшихся за границу; браковщики появились только въ 1713 году, по доносу англичанъ и по просьбѣ русскихъ купцовъ. Браковщики нанимали нужное имъ количество помощниковъ, для льна—вязальщиковъ, дѣлившихся на десятки, имѣвшіе десятскихъ, изъ людей «добрыхъ и знающихъ свое дѣло». Въ общихъ чертахъ все это сохранилось и до настоящаго времени.

Браковка льна на буянѣ производится въ длинномъ деревянномъ строеніи 4 браковщиками, 60 десятниками и 288 рабочими. Начинается она съ осмотра «пробоекъ»: это нѣчто въ родѣ льняныхъ сноповъ, причемъ браковщики, захватывая между колѣнами связку льна, перебираютъ ее руками, будто расчесывая всю рѣшительно; такъ же поступаютъ и съ худшими сортами, съ куделью или очесомъ, и разобранныя по сортамъ пробойки переносятся на «машины», стягиваются, связываются въ «бунты» около 17 пудовъ вѣсомъ, и къ нимъ прикладывается пломба. Пломбѣ этой вполнѣ довѣряютъ за границей. Ленъ приходитъ сюда, главнымъ образомъ, изъ Вологодской и Вятской губерній, сбывается въ Англію, Францію, Америку, отчасти въ Германію, Бельгію и Голландію. Вывезено было льна:

Въ 1875 году	594.000 пуд.	на	2.600.000 руб.
» 1884 »	267.000 »	»	1.200.000 »

Упадокъ этотъ объясняется несовершенствомъ внутреннихъ сообщеній, направляющихся къ Архангельску; еще недавно было тутъ девять крупныхъ



Архангельскъ. Смоляной буянъ.

торговыхъ домовъ льномъ, теперь ихъ только два: Грибановъ-Фонтейнесъ и Линдесъ. Дурное вліяніе, оказываемое этимъ упадкомъ на крестьянское хозяйство смежныхъ губерній, понятно само собою.

Въ недалеко отстоящемъ отъ города смоляномъ буянѣ, бочки со смолой и пекомъ лежатъ на землѣ, открыто, длинными правильными рядами, и надо поистинѣ удивляться искусству браковщика, слѣдующаго отъ бочки къ бочкѣ и мгновенно опредѣляющаго, всунувъ въ смолу небольшую деревянную ложку «щупъ», одинъ изъ пяти сортовъ; на бочкѣ «водянкѣ», т.-е. съ примѣсью воды, выцарапываютъ крестъ. Пеку только два сорта, и браковщикъ, ломая плиточку, опредѣляетъ его достоинство по взлому и по вкусу; на буянѣ два браковщика, русскій и иностранный, и шестьдесятъ рабочихъ. Товаръ приходитъ въ Архангельскъ изъ уѣздовъ—Холмогорскаго, Пинежскаго и Шенкурскаго и изъ Вологодской губерніи, уѣздовъ—Сольвычегодскаго и Вельскаго. Очень много пеку направляется въ Италію и Испанію, для передѣлки въ каниоль для смычковъ. Количество смолы, вывозимой изъ архангельскаго порта за послѣднее десятилѣтіе, почти неизмѣнно — до 114.000 пуд., на сумму 600.000 рублей.

Вотъ любопытная табличка о поступленіяхъ въ архангельской таможнѣ:

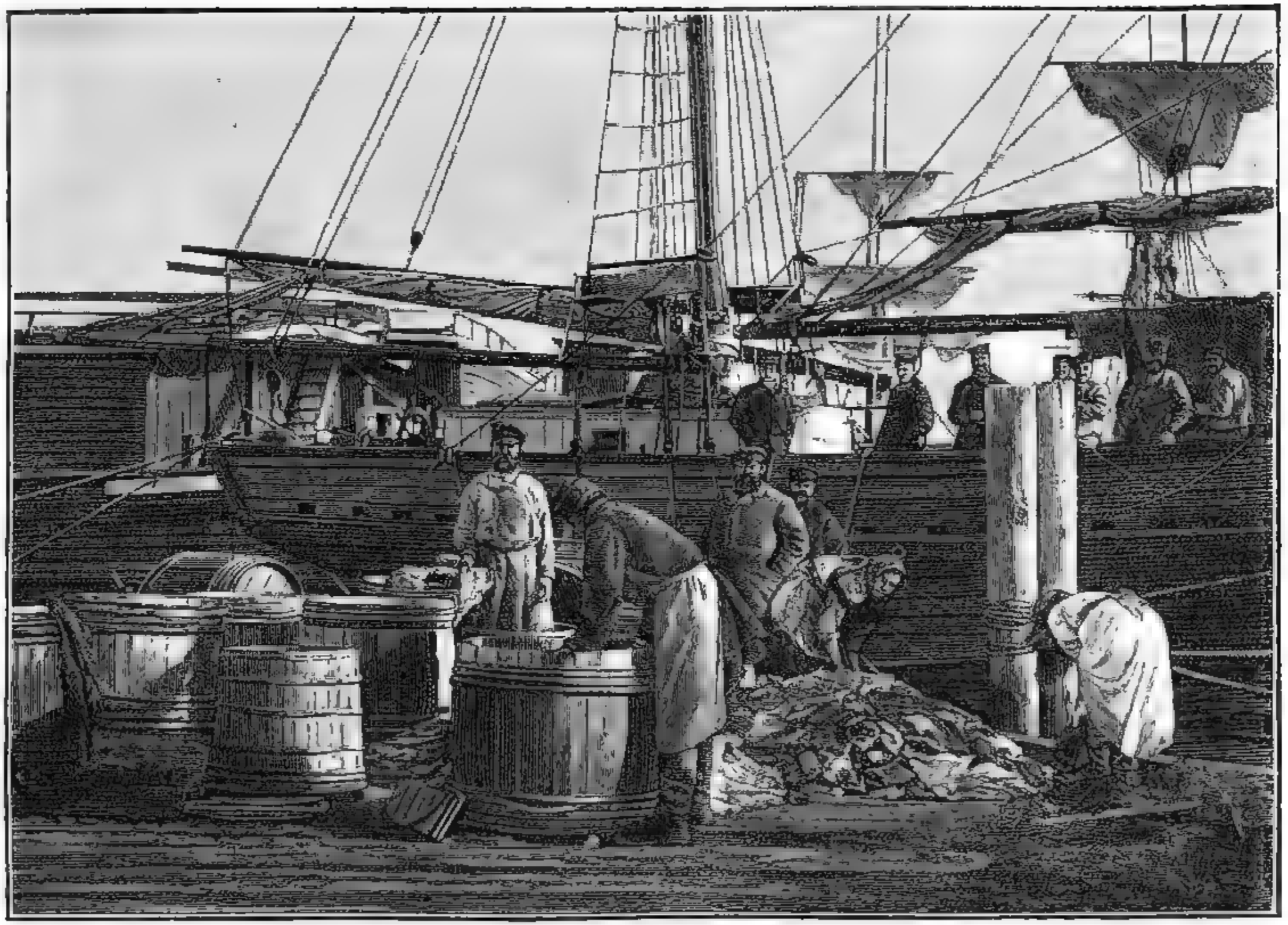
	1875 года.	1884 года.
Пошлинъ съ привозныхъ товаровъ	127.000 р.	55.000 р.
Вывезено изъ архангельскаго порта на	8.600.000 »	7.200.000 »
Привезено въ архангельскій портъ	803.000 »	859.000 »
Въ приходѣ иностранныхъ пароходовъ и кораблей	484 »	305 »
Судовъ русскихъ по заграничному и каботажному плаванію .	957 »	580 »

По средней десятилѣтней сложности привозъ товаровъ изъ-за границы простирается до 772.000 руб., вывозъ—до 8.949.000 руб. Главнѣйшіе товары привоза: чай, кофе, оливковое масло, вино, поваренная соль, нефть, свинецъ, желѣзо, машины, рыба соленая, сушеная и вяленая; главнѣйшіе товары вывоза: ленъ, пакля, лѣсной матеріалъ, смола, овесъ, мука, крупа, мясо, щетина и рогожи. Привозъ къ намъ соли и рыбы—явленіе совершенно ненормальное, требующее извѣстныхъ мѣръ. Совершенно характерное торговое значеніе Архангельска выражается и въ присутствіи многихъ иностранныхъ консуловъ; пестрые, часто богатые, не русскіе мундиры ихъ придаютъ собранію представителей мѣстныхъ властей, администраціи и сословій совершенно своеобразный видъ, не имѣющій мѣста въ другихъ губернскихъ городахъ. Особое, важное значеніе Архангельска для нашего Сѣвера сказывается по осени, въ сентябрѣ, на Маргаритинской ярмаркѣ. Тутъ производится снабженіе припасами и матеріалами на всю нашу долгую зиму; тутъ устанавливаются годовыя цѣны добычи всѣхъ поморскихъ промысловъ; тутъ можно наблюдать въ это время всю пестроту нашего сѣвернаго населенія, — кореловъ, самоѣдовъ, лопарей, поморовъ, каждаго со своими особенностями. За послѣдніе годы, и объ этомъ слѣдуетъ упомянуть, сдѣланы были нашими поморами Хохлинымъ, Митрофановымъ и др., попытки вывозить грузы изъ Архангельска прямо въ Англію на собственныхъ судахъ; попытки увѣнчались успѣхомъ, и нельзя не пожелать

имѣ дальнѣйшаго, болѣе широкаго развитія. Украшеніемъ города является памятникъ Ломоносову, воздвигнутый на площади, переименованной въ Ломоносовскую.

Большого вниманія заслуживала выставка, устроенная здѣсь въ 1885 году въ биржевой залѣ. Богатство края сказалось въ этой выставкѣ весьма наглядно. Очень хорошъ и полонъ былъ орнитологическій отдѣлъ промысловой и вообще мѣстной птицы, морского звѣроловства, рыбной и лѣсной охоты, съ образчиками и моделями сѣтей, западней и т. п.; любопытны были издѣлія изъ дерева, котелокъ съ цѣльною, вырѣзанною изъ дерева изъ одного куска цѣпью, издѣлія изъ бересты, мѣстныя ткани, пряжи, зырянскіе деревянные замки, замши и кожи изъ оленьихъ шкуръ, образчики тресковаго жира и смолы; въ совершенномъ загонѣ, на полу, помѣщались образчики зерна, красовавшіеся такъ царственно, такъ самостоятельно на выставкѣ рыбинской биржи; характерны были можжевельниковый стволъ въ 4—5 дюймовъ въ діаметрѣ и нѣсколько образчиковъ женскихъ головныхъ уборовъ, почелковъ и повойниковъ. За ткацкимъ станкомъ, въ богатомъ мѣстномъ одѣяніи, сидѣла за работой женщина, и противъ нея дѣвочка ткала на «ставинѣ» золотую тесьму. Были тутъ и вещи историческаго интереса: два стеклянные кубка и пивная кружка, принадлежавшіе принцу Антону-Ульриху, и старое деревянное кресло Филарета Никитича Романова—изъ Сійскаго монастыря. Продуктомъ не мѣстнымъ, но очень характернымъ, были два рога, длиной около сажени, одного изъ чудовищъ океанской пучины близъ Шпицбергена, рыбы-однорога; прямые, но завитые винтомъ рога были срѣзаны на Новой Землѣ съ прибитыхъ волнами мертвыхъ экземпляровъ. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что на выставкѣ, въ садикѣ, имѣлся самоѣдскій чумъ, со всѣмъ его обширнымъ населеніемъ цѣлыхъ трехъ поколѣній, начиная отъ грудного младенца включительно до дѣда и бабушки; посрединѣ чума горѣлъ костеръ, наполняя его своимъ ѣдкимъ дымомъ; одѣтые съ ногъ до головы въ оленьи шкуры, съ примѣсью другихъ мѣховъ, самоѣды говорили очень порядочно по-русски; всѣ они замѣчательно низки ростомъ; волосы въ бородкахъ и усахъ мужчинъ могутъ быть сосчитаны.

Въ шестомъ часу вечера путешественники покинули Архангельскъ на пароходѣ «Норденшильдъ», имѣющемъ весьма любопытное прошедшее, и направились за баръ, гдѣ ихъ ожидалъ крейсеръ «Забіяка», разведя пары, для немедленнаго слѣдованія въ Соловецкій монастырь. «Забіяка», сидящій сравнительно глубоко, долженъ былъ воспользоваться приливомъ, чтобы заблаговременно выйти въ море. Пароходъ шелъ по Маймаксѣ, одному изъ рукавовъ Двины. «Норденшильдъ», какъ судно, построенное спеціально для полярныхъ плаваній, само по себѣ представляло значительный интересъ: оно невелико, но имѣетъ много не только поперечныхъ, но и продольныхъ связей, способныхъ противостоять напору льдовъ; носъ его стальной и служитъ тараномъ; множество бочекъ, размѣщенныхъ повсюду, свидѣтельствовало о запасахъ прѣсной воды, которые берутся на судно въ полярное плаваніе. Въ 1879 году этотъ маленькій «Норденшильдъ» совершилъ долгій путь Суэзскимъ каналомъ и Индійскимъ океаномъ, навстрѣчу «Вегѣ», на которой Норденшильдъ чрезъ Ледовитый океанъ прошелъ въ Бе-



Перегрузка трески изъ шхуны въ бочки въ Архангельскѣ.

Съ фотогр. Лейцингера, грав. Флюгель.

Ломоносовская площадь и гимназія въ Архангельскѣ.

Съ фотогр. Лейцингера, грав. Рашевскій.

Архангельскъ. Памятникъ Ломоносову.

Архангельскъ. Выставка. Семья самоѣдовъ.

Архангельскъ. Самоѣдская кочевка въ тундрѣ.

ринговъ проливъ. Встрѣчи этой не состоялось, потому что близъ Японіи «Норденшильдъ» сѣлъ на мель и простоялъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ; волны разбили всѣ его каюты, и, снятый съ мели англичанами, онъ долженъ былъ отстроиться заново. Въ 1883 году «Норденшильдъ» около Вайгача нашелъ экипажи «Варны» и «Луизы»... Въ описываемое время, онъ былъ совершенно готовъ къ выходу въ Полярное море, но опасался идти, потому что, вслѣдствіе поздней весны и сѣверныхъ вѣтровъ, Новая Земля была окружена льдами. Путешественники пересѣли на крейсеръ «Забіяку» въ виду Мудьюгскаго маяка, очень близко къ пловучему; навстрѣчу выѣхала лодка съ Мудьюгской спасательной станціи. Этихъ станцій на Бѣломъ морѣ три: Мудьюгская, Лѣтнегорская и Анзерская на Соловецкихъ островахъ; кромѣ того, на зимнее время устраиваются зимнія станціи: подлѣ Архангельска, въ Соломбалѣ, на Кегостровѣ, и въ Холмогорахъ—Коскогорская, приносящія несомнѣнную пользу при вскрытіи и закрытіи рѣкъ, сопровождающихся здѣсь опасными неистовствами водной стихіи, поднимающейся выше обыкновеннаго уровня на три и болѣе сажени.

Соловецкій монастырь.

Знакомство съ «Забіякою». Описаніе крейсера. Исторія возникновенія обители. Связь съ древнимъ Новгородомъ. Петръ I. Монастырская стѣна. Чайки. Святыня. Ризница. Пекарня. Рухлядня. Другія учрежденія. Иконы. Усыпальницы. Митрополитъ Филиппъ. Авраамій Палицынъ. Нападеніе англичанъ въ 1854 году. Возмущеніе раскольничествовавшихъ монаховъ въ XVII вѣкѣ. Путь богомольцевъ.

Крейсеръ «Забіяка», на которомъ рѣшено было продолжать путешествіе,—судно 2-го ранга. Онъ построенъ въ Филадельфіи, на заводѣ Крампа, и впервые вышелъ на рейдъ въ февралѣ 1879 года. На немъ около двадцати офицеровъ и полутораста человѣкъ команды. Длина его по палубѣ 233 фута, а ширина 30 футовъ; корпусъ желѣзный, вѣсъ корпуса 335 тоннъ. Наибольшій ходъ далъ крейсеръ при пробѣ въ Кронштадтѣ: 15½ морскихъ миль въ часъ; силою одного котла крейсеръ можетъ сдѣлать въ часъ 8—9 миль; слѣдовательно онъ быстроходный; запасъ угля у него достаточный; имѣются два опрѣснительныхъ аппарата, опрѣсняющіе въ сутки 1.584 ведра воды. Трюмъ судна раздѣленъ на девять непроницаемыхъ отдѣленій: девять шансовъ не пойти ко дну въ случаѣ пробоины.

Несмотря на свою миловидность, «Забіяка» можетъ преобразиться, въ случаѣ надобности, въ очень сердитое, рычащее существо: на немъ два орудія 6-ти-дюймоваго калибра, пять 9-ти-фунтовыхъ дальнобойныхъ, на станкахъ Барановскаго, одно горное орудіе 2½ дюйма и четыре пушки Гочкиса, скромно прижавшіяся на палубѣ, возлѣ бортовъ; для дѣйствія онѣ выставляются на мостикъ. Ядеръ, гранатъ, шрапнелей, картечи, всякихъ патроновъ, бердановъ, револьверовъ — множество; кромѣ того, судно несетъ на себѣ разныя

мины самыхъ пріятныхъ особенностей; имѣются фальшфейеры, ракеты и динамо-электрическія машины, благодаря которымъ крейсеръ пользуется электрическимъ освѣщеніемъ. Если бы встрѣтилась надобность, то имѣетъ возможность стрѣлять и гальваническимъ способомъ. Количествомъ боевыхъ припасовъ «Забіяка» вполнѣ удовлетворяетъ своему имени. Ходить по палубѣ приходится очень осторожно, изъ опасенія зацѣпиться то за мѣдные погоны, по-просту рельсы для орудій, то за какіе-нибудь кольца или крюки, такъ-называемыя рымы, за которыя что-либо привязывается. Въ силу существующаго закона курить на палубѣ нельзя, и тѣмъ, кто любитъ это невинное занятіе, предстоитъ испытывать въ пути большое лишеніе. Законъ запрещаетъ даже сидѣть на палубѣ, и все это имѣетъ свои основанія. Спичекъ при себѣ имѣть тоже нельзя. На «Забіякѣ» высятся вдоль бортовъ его: паровой катеръ, вель-ботъ и пять шлюпокъ. Борта очень высоки, такъ что, гуляя по палубѣ, вы, если не обладаете большимъ ростомъ, ничего по сторонамъ не видите; всякій рѣшительно кругозоръ съ палубы прекращенъ днемъ, когда матросскія койки, связанныя мѣшками, становятся поверхъ бортовъ; для того, чтобы видѣть что-либо, необходимо пройти или на носъ судна, на бакъ, нѣчто въ родѣ салона или гостиной матросовъ, гдѣ имъ позволено курить, или на ютъ, на кормовой части, гдѣ стоитъ подъ ружьемъ вѣчный часовой, или, наконецъ, на одинъ изъ двухъ поперечныхъ мостиковъ; на одномъ изъ нихъ установленъ компасъ, на другомъ имѣется постоянный вахтенный офицеръ, и отсюда исходитъ всякая команда. Подъ этимъ мостикомъ — рубка, царство штурманскаго офицера; здѣсь лежатъ угломѣрные инструменты и карты, на которыхъ отмѣчается путь судна, такъ что въ каждую минуту вы можете знать мѣсто, на которомъ находится судно. Четыре рулевые матроса стоятъ подъ другимъ мостикомъ у колеса; одинъ изъ нихъ немедленно отвѣчаетъ на всякую команду, и если сказано, напримѣръ: «право руля», онъ, совершивъ указанное, немедленно говоритъ: «есть право руля!» Этотъ глаголъ «есть» играетъ на военномъ суднѣ весьма видную роль, и если вы въ каютъ-компаніи говорите вѣстовому: «подай стаканъ воды», онъ, отправляясь по порученію, отвѣчаетъ вамъ немедленно: «есть стаканъ воды» или просто: «есть». По характеръ военнаго судна настолько типиченъ, такъ разнообразенъ въ разные моменты дня и ночи, что описывать его возможно только отдѣльными чертами, по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ сказываться въ пути. Къ 10½ часамъ вечера погрузка крейсера окончилась, и раздались одна за другою обычныя при подъемѣ якоря команды: «канатъ на шпиль! пошелъ шпиль! всталъ якорь! чистъ якорь!»

Къ исходу 1895 года крейсеръ «Забіяка» заслужилъ почетную извѣстность чуть ли не на всѣхъ моряхъ обоихъ полушарій. Молодымъ былъ онъ, бороздя темныя волны Ледовитаго океана; состарился онъ въ болѣе привѣтливыхъ, южныхъ волнахъ, но вездѣ оставался вѣрнымъ той службѣ. для которой былъ созданъ. Примѣръ, показанный имъ на Мурманскомъ побережьѣ, остался не единичнымъ.

Правительство, озабочиваемое судьбами нашего сѣвернаго Поморья, за послѣдніе годы постоянно посылаетъ на лѣтнее время одно изъ своихъ воен-

ныхъ судовъ. Такъ, въ 1893 году ходилъ на Мурманъ, въ Бѣлое море и на Новую Землю крейсеръ «Наѣзднивъ»; ему послѣдъ—крейсеръ «Вѣстникъ», и есть полное основаніе полагать, какъ показали примѣры, что время полнаго хозяйничанья въ нашихъ водахъ норвежцевъ и другихъ пришлыхъ людей отошло, наконецъ, въ область воспоминаній. А первый примѣръ былъ показанъ «Забіякою».

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что подобное хищническое хозяйничанье въ нашихъ водахъ производилось иностранными судами и на окраинѣ нашего дальняго Востока. Тамъ безпощадно истреблялся ими морской котикъ,—животное, водящееся исключительно въ сѣверной части Великаго Океана, преимущественно въ Беринговомъ проливѣ, и уже сильно уменьшившееся въ числѣ. Животное настолько безпомощно, что достаточно 10 или 15 человѣкъ, чтобы гнать стадо въ 1.000—5.000 головъ.

Незаконная эксплуатація нашихъ морей сначала американцами и канадцами, а потомъ и всѣми другими любителями легкой наживы, начавшаяся преимущественно въ семидесятыхъ годахъ, особенно усилилась къ 1891 году. Въ этомъ году былъ заключенъ трактатъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами съ Англіею, лишившій подданныхъ обоихъ государствъ права боя котиковъ въ Беринговомъ морѣ; стѣсненные трактатомъ, хищники направили свою преступную дѣятельность на русскія владѣнія, результатомъ чего явилось самое безпощадное истребленіе котиковъ; однако, этому хозяйничанью положенъ конецъ закономъ 1 іюня 1893 года. Съ тѣхъ поръ наши крейсеры зорко охраняютъ Беринтово море. Въ силу этого закона, совершенно воспрещается *морской* котиковый промыселъ, и допускаются убой, ловъ и вообще промыселъ котиковъ *на сушѣ*, и притомъ только съ дозволенія нашего Правительства, на особо опредѣляемыхъ для этого основаніяхъ.

Было уже около одиннадцати часовъ лѣтняго іюньскаго вечера, когда «Забіяка», везшій путешественниковъ, двинулся на сѣверо-западъ, по направленію къ Соловецкимъ островамъ. Вечеръ и ночь прошли совершенно тихо, безмятежно. Ровно черезъ двѣнадцать часовъ, 16-го іюня, утромъ, судно подходило уже къ нашему сѣверному Аѳону. Утро было очень хорошее, и море едва-едва подергивалось легкою зыбью. Раньше другихъ, вправо отъ парохода, показался Анзерскій островъ, затѣмъ Муксалма и, наконецъ, прямо противъ носа судна большой Соловецкій и на немъ обитель. Ближайшими островами, съ правой стороны, поднимались невысоко надъ водою своими гранитными глыбами, поросшими мелкимъ кустарникомъ и мхами, лежали въ розовомъ сіяніи утра небольшіе островки Заячьи; между ними есть и Бабій островъ, тотъ именно, на которомъ когда-то должны были останавливаться женщины, посѣщавшія монастырь; теперь онѣ поселяются въ монастырскихъ гостиницахъ. Влѣво, верстахъ въ тридцати, виднѣлись нѣмецкіе и русскіе Кузова и другіе островки, совершенно измѣнявшіе свои очертанія благодаря сильному миражу. Эти миражи въ тихую погоду здѣсь удивительны; въ это время всѣ верхушки острововъ кажутся приподнятыми на воздухъ и обрѣзанными точно столы, напоминая, какъ нельзя лучше, горы саксонской Швейцаріи. Иногда выплываютъ вдругъ несуществующіе острова, и тогда поморъ говоритъ: «на-

дысь на этомъ самомъ мѣстѣ острова намъ блазнили»; миражъ приближаетъ предметы, и тогда говорится: «берегъ завременился, острова временятъ».

Крейсеръ бросилъ якорь у Песьей-Луды, въ 3½ верстахъ отъ монастыря, пройдя большой Заячій островъ, обставленный значительнымъ количествомъ крестовъ всякой величины. Путешественники пересѣли на подошедшій катеръ Соловецкаго монастыря; на веслахъ сидѣло двѣнадцать гребцовъ-монаховъ; на рулѣ — монахъ съ медалью за спасеніе погибавшихъ; катеръ направился къ монастырю. Съ окрестныхъ гранитныхъ утесовъ глядѣли многіе, очень многіе кресты; значительная часть крестовъ стояла на колодахъ. Обогнувъ послѣдній мысокъ ближайшаго островка, катеръ пошелъ прямо къ пристани, лицомъ къ лицу къ Святымъ Вратамъ обители. Надъ гранитною набережною въ недалекомъ разстояніи отъ берега, высились древнія монастырскія стѣны и три выходящія на эту сторону башни: флагъ-мачтовая, арсенальная и предѣльная; между ними, четко выдѣляясь высокою аркою, прикрывающею образъ Нерукотвореннаго Спаса, обозначались Святыя Ворота.

За стѣнами, вплотную одна къ другой, тѣснились церкви монастырскія: Успенія или Трапезная, Никольская, Троицкая—Зосимы и Савватія, Преображенскій соборъ и крайнею вправо, немного въ сторонѣ, Больничная. Золоченыхъ маковокъ нѣтъ,—всѣ онѣ зеленые; съ наружной стороны Святыхъ Воротъ пестрѣли тремя красками, расположенными шахматами, два массивные столба весьма сложнаго профиля, напоминающіе древне-индійскіе храмы Эллоры; пестрыя фрески глядѣли поверхъ каменной монастырской ограды со стѣны собора. Вся набережная маленькой гавани была покрыта народомъ, большею частію богомольцами; виднѣлись у берега два монастырскіе парохода: «Вѣра» и «Соловецкій», имѣющіе, какъ и крѣпость, свой утвержденный флагъ. Въ Троицкой церкви Зосимы и Савватія, близъ мощей обоихъ преподобныхъ, покоящихся въ богатыхъ ракахъ, подъ роскошною двойною сѣнью, обвѣшенною поверхъ ярко-пунцовою шелковою матеріею, подобранною фестонами, въ свѣтѣ многихъ разноцвѣтныхъ лампадъ, богомольцы отслушали литію, а затѣмъ отстояли литургію. Это архимандритское служеніе литургіи, въ воскресный день, у мощей соловецкихъ преподобныхъ, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи, при двухъ хорахъ пѣвчихъ, особенно торжественно. Оно совершено соборнѣ архимандритомъ со всею пышностью, установленною еще царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1651 году, то-есть въ шапкѣ съ палицею, ручнымъ сулкомъ, рипидами, осѣняльными свѣчами и ковромъ. Петромъ I въ 1702 году прибавлены были мантія съ поматами — скрижалями и посохъ, какъ у архимандрита Чудова монастыря.

Соловецкая обитель полна такихъ почтенныхъ и поучительныхъ воспоминаній, что волей-неволей приходится говорить о нихъ подробнѣе. Вся святыня, вся древность монастыря сосредоточена вокругъ внутренняго двора обители, обращеннаго въ садъ; густо насаженныя и обрѣзанныя березки и рябины образуютъ куртины, окруженныя деревяннымъ заборомъ; дорожки между нихъ вымощены плитнякомъ, и на этихъ дорожкахъ происходитъ постоянное движеніе богомольцевъ. Характерное зрѣлище представляютъ монастырскія чайки, кото-

Соловецкій монастырь. Общій видъ.
Съ фотогр. Лейпингера, грав. Шюблеръ.

Соловецкій монастырь. Видъ съ угловой башни.
Съ фотогр. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

рыя тутъ же собираются во множествѣ. Чайки эти—крупныхъ размѣровъ, величиною съ гуся, и почти совершенно бѣлы. Онѣ налетаютъ съ весной, съ Благовѣщенія, и разселяются по монастырю. Въ началѣ іюня онѣ выводятъ птенцовъ, называемыхъ здѣсь «чебары»; многочисленныя гнѣзда ихъ расположены вдоль дорожекъ, устланныхъ плитнякомъ; онѣ видны и въ зелени куртинъ, и внѣ монастыря по холмикамъ и кочкамъ, на самыхъ торныхъ мѣстахъ, на крышахъ, подлѣ стѣнъ. Гнѣзда эти въ буквальномъ смыслѣ слова лежатъ подъ ногами проходящихъ, вѣчно толкущихся тутъ людей, но ихъ старательно обходятъ; богомольцамъ не трудно наблюдать не только птенцовъ, но и самое появленіе ихъ на свѣтъ изъ яицъ, и чайка, увѣренная въ своей безопасности, только покрикиваетъ, сидя въ гнѣздѣ, и, поднявъ голову, любуется людьми, ее обступившими. Чайки, по отзыву монаховъ, отлетаютъ по осени на сѣверъ. Куда? Едва ли найдется гдѣ-либо на свѣтѣ что-нибудь похожее на соловецкихъ чаекъ! Крикъ этихъ птицъ рѣзокъ и непріятенъ, не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью; говорятъ, что онѣ очень мстительны. Каждая изъ чаекъ имѣетъ свое гнѣздо и весною возвращается непремѣнно къ нему. Отъ монастыря онѣ корму не получаютъ, но обиліе прѣсныхъ озеръ и морской воды съ ихъ фауною доставляетъ имъ полное обезпеченіе. На многихъ изъ монастырскихъ деревянныхъ издѣлокъ, на ложечкахъ, перечницахъ и т. п., можно видѣть изображеніе бѣлой чайки съ ея сѣренькими крыльями, желтымъ клювомъ и темноватымъ хвостомъ.

Соловецкіе острова были когда-то необитаемы. «Богоизбранная двоица»—блаженные Германъ и Савватій перенеслись чрезъ морскія глубины въ 1429 году и водрузили крестъ близъ горы Сѣкирной, отстоящей нынѣ отъ монастыря на 12 верстъ, имѣющей на самой вершинѣ,—высшей точкѣ острововъ, —церковь, а на колокольнѣ ея—маякъ. Шесть лѣтъ жили они тутъ. Жена одного карелянина, пытавшагося завладѣть островами, назначенными Богомъ подъ монастырь, была жестоко наказана прутьями ангелами во образѣ двухъ благообразныхъ юношей, и мужъ съ женою были удалены съ острова. На мѣстѣ наказанія поставлена часовня и въ ней соотвѣтствующее факту изображеніе: ангелы съ розгами въ рукахъ приближаются къ сидящей на землѣ женщинѣ, для исполненія наказанія.

Во время отлучки съ острова Германа, Савватій, почувствовавъ приближеніе смерти, переѣхалъ на матерую землю, гдѣ принялъ причащеніе и, «совлекшись бреннаго тѣла», скончался. Скоро вслѣдъ затѣмъ преподобный Зосима, третій и главнѣйшій изъ соловецкихъ подвижниковъ, будучи еще юнымъ, роздалъ свое имѣніе нищимъ и, провѣдавъ отъ бывшаго въ то время въ Сумахъ Германа о мѣстоположеніи Соловокъ, способствовавшемъ уединенію, достигъ съ Германомъ вдвоемъ, въ 1436 году, острова и соорудилъ первую келью въ двухъ верстахъ отъ нынѣшняго монастыря; въ полуверстѣ отъ него поселился Германъ, и только позже и уже вмѣстѣ явились они основателями первой церкви монастырской на томъ именно мѣстѣ, гдѣ стоитъ обитель.

Когда обитель возникла, то преподобный Зосима послалъ въ Великій Новгородъ одного изъ братій за антиминсомъ и получилъ его. Отсюда завязались первыя сношенія монастыря съ древнимъ Новгородомъ, и усердіе богатыхъ

Соловки. Внутренній дворъ монастыря. Колокольня «Благовѣстника».

Соловецкій монастырь. Чайки.

новгородцевъ не замедлило жертвовать монастырю участки земли съ рыбными ловлями. При третьемъ настоятелѣ, Іонѣ, была исходатайствована отъ правителей Великаго Новгорода, «ото всѣхъ пяти концовъ его», грамота на вѣчное владѣніе островами Соловецкими; безцѣнный документъ этотъ, писанный полууставомъ и снабженный восемью висльми свинцовыми печатями, хранится въ монастырской ризницѣ. На документѣ нѣтъ ни года, ни мѣсяца, ни числа; но онъ совершенно свѣжъ и нерушимъ на видъ.

Только въ 1452 году посвященъ былъ въ игумены преподобный Зосима; для этого ѣздилъ онъ самъ опять-таки въ Новгородъ; въ 1465 году, въ тринадцатый годъ настоятельства, перенесъ онъ съ берега нетлѣнныя мощи преподобнаго Германа. Новгородская вольница, не разъ наносившая ущербъ обители, вынудила Зосиму еще разъ поѣхать въ Новгородъ. Всѣ новгородскіе вельможи были милостивы къ нему, кромѣ одной только Марѳы Борецкой. Она велѣла отогнать его отъ дома; «затворятся двери дома этого, и пусть будетъ дворъ его»,—отвѣтилъ Зосима. Позванный обратно раскаявшеюся въ своей посѣщности Марѳою, преподобный былъ угощенъ на богатомъ пиру. Молча сидѣлъ онъ и видитъ страшное видѣніе: знатные посадники—Борецкій, Селуневъ, Арзубьевъ и другіе трое сидѣли безъ головъ. По окончаніи пира, Марѳа вручила Зосимѣ вкладную крѣпость на владѣніе участкомъ земли на Карельскомъ берегу. Представшее преподобному видѣніе и предсказаніе его о запустѣніи двора Марѳы Борецкой скоро исполнились: Іоаннъ III, взявъ Новгородъ, сослалъ Марѳу, а шестерыхъ названныхъ бояръ казнилъ. Дарственная запись на Карельское побережье тоже хранится въ монастырѣ. Зосима скончался въ 1478 году. Соляныя варницы обители заведены имъ.

Особенно покровительствовалъ обители Іоаннъ Грозный во время игуменства св. Филиппа, впослѣдствіи знаменитаго митрополита московскаго. Василій Іоанновичъ пожаловалъ монастырю несудимую грамоту. Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ ему право по всѣмъ исковымъ дѣламъ обращаться непосредственно въ приказъ Большого двора и освободилъ всѣ монастырскія подворья по всей Русской Землѣ отъ постоя и повинностей. Въ 1765 году монастырь сдѣланъ ставропигіальнымъ и состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Св. Синода, а не мѣстнаго епархіальнаго начальства. Въ 1865 году окончилось единоличное управленіе настоятеля, и учрежденъ «соборъ» изъ шести человѣкъ. Въ описываемое время настоятельствовалъ архимандритъ Мелетій; счетомъ это пятьдесятъ восьмое настоятельство.

Петръ I посѣтилъ монастырь дважды. Въ 1694 году, послѣ опаснаго шторма у Унскихъ Роговъ, пріѣхалъ онъ 7-го іюня и оставался здѣсь три дня: въ 1702 году прибылъ онъ 10-го августа на тринадцати корабляхъ съ царевичемъ Алексѣемъ и остановился между Анзерскимъ и Муксаломскимъ островами 11-го августа Великій Преобразователь Россіи самъ читалъ здѣсь Апостолъ и обѣдалъ за братскимъ столомъ, 12-го ѣздилъ по острову на конѣ, 15-го пѣлъ на клиросѣ и того же числа съ флотомъ отправился къ Нюхатской волости, чтобы идти на Повѣнецъ.

Въ 1844 году посѣтилъ Соловецкій монастырь великій князь Констан-

тинъ Николаевичъ, въ 1858 году императоръ Александръ II, въ 1870 году Великій Князь Алексѣй Александровичъ, а въ 1885 году Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Монастырь расположенъ на большомъ Бѣломорскомъ островѣ, имѣющемъ около ста верстъ въ окружности. Кругомъ него раскинуто пять малыхъ острововъ и разсѣяно много мелкихъ, безыменныхъ. Островъ Муксалма соединенъ съ Бѣломорскимъ длинною гатью, сложенною изъ огромныхъ валуновъ; по ниѣ вьется дорога, словно лента по морю, по синему морю; въ двухъ мѣстахъ гати перекинуты небольшіе деревянные мосты, подъ которыми рѣзко обозна-

Соловецкій монастырь. Часть стѣны съ гатью.
Съ фотогр. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

чаются теченіями, смотря по временамъ дня, приливы и отливы моря. Разстояніе Соловокъ отъ Кеми 60 верстъ, отъ Сумы—120, отъ Онеги—108, отъ Архангельска—306 верстъ. Острова очень богаты прѣсною водою; на нихъ насчитываютъ до 300 озеръ.

Каналы, пересѣкающіе островъ,—дѣло рукъ Филипповыхъ, этого великаго человѣка русской исторіи, вышедшаго изъ Соловокъ. Они соединяютъ многія озера и осушаютъ мѣстность. Почти весь островъ покрытъ лѣсомъ, при чемъ характеръ лѣсовъ не одинаковъ: въ сѣверной части, къ Муксалмѣ, деревья приземисты, елочки или безвременно сохнутъ или вымерзаютъ, и замѣтно преобладаетъ карликовая береза-сланецъ съ ея мелкими, жесткими, круглыми листиками и постоянною наклонностью стлаться по землѣ; въ южной части, къ Сѣкирной горѣ, лѣсъ рослый, строевой, а трава пестрѣетъ различными цвѣтами. Чтобы

Соловецкій монастырь. Экипажъ спасательной лодки Анзерскаго острова.

убѣдиться въ томъ, что̀ значитъ для растеній «дыханіе Сѣвера», стоитъ сравнить сѣверъ и югъ сравнительно небольшого Соловецкаго острова.

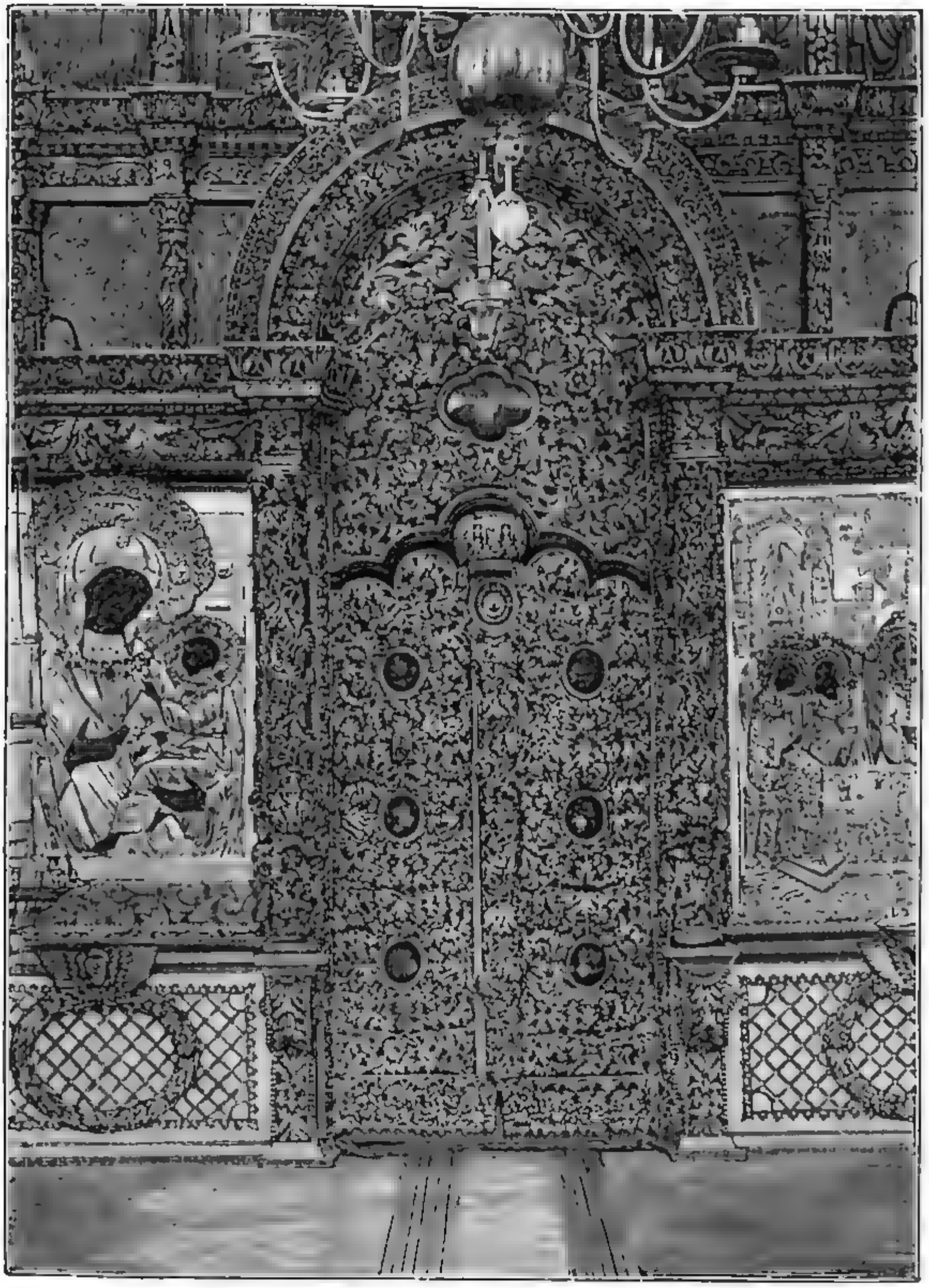
Центральныя зданія монастыря, представляющіяся внушительною громадою, окружены, какъ извѣстно, каменною стѣною, сложенною въ 1584 году монахомъ Трифономъ, «довольно искуснымъ въ военномъ дѣлѣ». Стѣнѣ этой минуло уже 300 лѣтъ; но она непоколебима своими десяти-аршинными камнями и восемью башнями; длина ея—одна верста; въ воротахъ помѣщены модели тѣхъ кораблей, на которыхъ пріѣзжалъ въ монастырь Петръ Великій. Кругомъ вся стѣна покрыта дощаною крышею; мѣстами приходится подниматься и опускаться; сквозь амбразуры и стрѣльницы блещетъ море съ зеленѣющими островами; въ башняхъ стоятъ старинныя пушки.

Въ этихъ стѣнахъ, словно въ каменномъ кольцѣ, заключены святыни обители, десять храмовъ, изъ которыхъ главнымъ является, конечно, соборъ Преображенія Господня, построенный св. Филиппомъ въ 1558—1566 годахъ. Иконостасъ его пятирусный, съ древними иконами, нижній рядъ которыхъ—въ богатыхъ ризахъ, и надъ нимъ длиннымъ поясомъ тянутся раскрытые створки. Фрески по стѣнамъ новыя. Кромѣ храмовъ, стѣны монастырскія окружаютъ пятнадцать отдѣльныхъ корпусовъ: жилыхъ, образовательныхъ и хозяйственныхъ; тутъ же нѣсколько часовенъ, и вся эта сплоченная масса оживляется денно и нощно православными молитвами иноковъ и богомольцевъ. Вѣчно шумитъ и бьется о твердыни монастырскія Бѣлое море; но черные иноки въ храмахъ Благовѣщенія, на Голгоѳѣ и на Сѣкирной, совершаютъ такое же неусыпное, какъ шумъ моря, безконечное, неустанное чтеніе псалтири. Черными и бѣлыми являются тутъ и безконечныя стаи пернатыхъ, тоже чередующихся съ точностью удивительною: едва прилетаютъ въ мартѣ мѣсяцѣ чайки,—вороны, обитавшія всю зиму, почти всѣ исчезаютъ куда-то безслѣдно, можно бы сказать непостижимо. И все это повторяется изъ-году-въ-годъ, безъ измѣненія.

Звонъ монастырскихъ колоколовъ разносится далеко по морю, постоянно примѣшиваясь къ его неумолкающему прибою; всѣхъ колоколовъ въ центральной обители 42, на прочихъ островахъ и скитахъ еще 43. На особой низенькой колокольнѣ, почему-то называемой здѣсь готическою, въ центрѣ садика виситъ колоколъ въ 72 пуда вѣсомъ, называемый «Благовѣстникъ»; онъ подаетъ свой почтенный голосъ только въ особыхъ случаяхъ; колоколъ этотъ пожалованъ обители въ 1860 году въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ II и отлитъ изъ украшеній, которыя имѣлись налицо при погребеніи тѣла императора Николая I. На немъ, кромѣ изображеній,—три очень длинныя надписи, повѣствующія о бомбардированіи обители англичанами въ 1854 году.

Чрезвычайно богата и отлично устроена просторная ризница монастырская. Здѣсь имѣется много различныхъ грамотъ: и новгородскія—Марѳы Борецкой, и почти всѣхъ нашихъ царей, начиная отъ Годунова и Василія Шуйскаго. Богатѣйшихъ ризъ и стихарей не оглядѣть; самая дорогая—царя Михаила Ѳеодоровича; подарковъ Іоанна Грознаго очень много; роскошны мечи Скопина Шуйскаго и князя Пожарскаго; замѣчательна книга «Садъ Спасенія»

Внутренность Преображенскаго собора въ Соловецкомъ монастырѣ.
Съ фотогр. Лейцингера, грав. Шюблеръ.



Царскія двери въ соборѣ Соловецкаго монастыря.

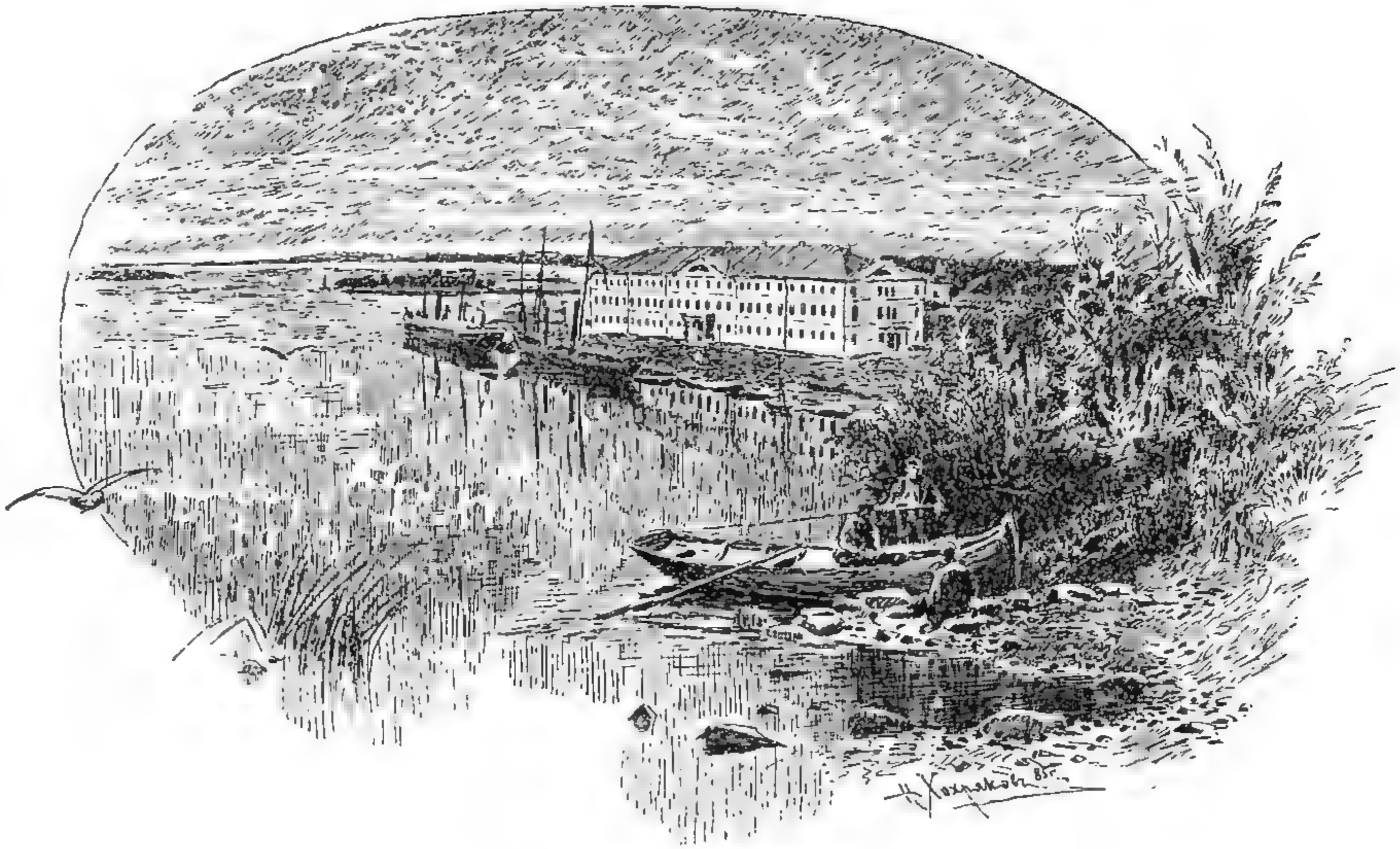
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

(1811 года), въ которой описано житіе Зосимы и Савватія «зуграфнымъ мастерствомъ», и число изображеній въ ней, пестрѣющихъ водяными красками, неисчислимо. Очень богаты многіе шитые образа, Евангелія, ладанницы, кубки. Тутъ же хранятся различныя подвижническія вериги, ризы Филиппа и Зосимы и деревянные сосуды, служившіе послѣднему при богослуженіи.

Кромѣ святынь и жилыхъ помѣщеній иноковъ и богомольцевъ и трехъ большихъ гостиницъ, монастырскія стѣны обнимаютъ замѣчательный рядъ различныхъ учрежденій и заведеній, подобныхъ которымъ въ ихъ совокупности и устройствѣ нѣтъ нигдѣ. Они свидѣтельствуютъ о безпрерывномъ въ теченіе многихъ столѣтій трудѣ и выдержкѣ и наглядно показываютъ, чѣмъ и какъ жило наше монашество въ дебри и пустыни, проповѣдуя и слово Божіе, и религіозно-нравственное развитіе человѣка. Мѣстные люди наглядно видѣли упорядоченіе, улучшеніе жизни и обращались къ вѣрѣ. Окруженный непривѣтливымъ моремъ, открытый дыханію Сѣвера, на голыхъ скалахъ, при чахлой растительности, на краю тѣхъ странъ, гдѣ царитъ двухмѣсячная ночь, а лѣто является только проблесками, монастырь создалъ жизнь и распространилъ ее. Поднимались и поднимаются голоса въ пользу того, чтобы монастырь устроилъ монашеское общежитіе на Новой Землѣ. Несомнѣнно, что эта задача была бы очень трудна, но не невозможна для энергичныхъ и трудолюбивыхъ монаховъ соловецкихъ, отличающихся своею предпріимчивостью. Что зимою на Новой Землѣ жить можно—доказательство въ опытѣ, произведенномъ въ 1878 году, когда командированный туда штабсъ-капитанъ Тягинъ прозимовалъ здѣсь съ своею семьею. Задача была бы и подъ силу, и подъ стать Соловецкому монастырю. Въ настоящее время на Новой Землѣ, въ становищѣ Малые Кармакулы, на средства казны построена спасательная станція; тамъ же съ 1879 года поселены семь семействъ самоѣдовъ, а 19-го іюня 1881 года состоялось Высочайшее повелѣніе о заселеніи Новой Земли съ пособіемъ отъ правительства деньгами 350 руб., лѣсомъ на обзаведеніе и правомъ возвратиться на родину черезъ пять лѣтъ. Желающихъ, однако, не явилось.

Большинство богомольцевъ приходятъ въ Соловецкій монастырь по обѣту, иногда цѣлыми семьями, и могутъ оставаться на монастырскомъ иждивеніи три дня; чтобы гостить больше, необходимо получить разрѣшеніе, которое обыкновенно и дается. Значительная часть странниковъ—изъ сѣверныхъ губерній, но пріѣзжаютъ и южане. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были богомольцы алеутскіе. Характерны такъ называемые «годовики», или вкладчики, взрослые и дѣти, остающіеся въ монастырѣ на годъ по обѣту и справляющіе всѣ работы; дѣти отдаются сюда родителями по обѣту же, и для нихъ это пребываніе очень полезно: это цѣлая школа грамотности и мастерства. Надо замѣтить, что въ Соловкахъ вся жизнь пришлыхъ людей, вся обстановка, совершенно приспособлена къ народному быту, и если не обставлена роскошью, зато сытая, теплая и совершенно по сердцу народу. Монаховъ въ обители 300, послушниковъ 100, годовиковъ 400, богомольцевъ, обыкновенно, свыше 1.500 человѣкъ, и все это питается монастыремъ. Подъ Успенскимъ соборомъ помѣщается пекарня съ чудовищными двумя печами, изъ которыхъ въ каждой испекается хлѣба до 60

Трапеза въ Соловецкомъ монастырѣ.
Съ фотогр. Лейцингера, грав. Шюблеръ.



Соловки. Одна изъ гостиницъ.

пудовъ, въ одной—80 хлѣбовъ, въ другой—150. Просфоръ выходитъ въ день отъ 1.500 до 2.000. Въ кельяхъ монаховъ, вѣдающихъ пекарню, температура превышаетъ 20°, и они постоянно живутъ тутъ и совершенно довольны. Квасу готовится соотвѣтствующее количество.

Обитель, отрѣзываемая отъ материка зимними льдами почти на десять мѣсяцевъ, должна имѣть въ запасѣ все необходимое для существованія, и она это все имѣетъ. Вотъ простой перечень ея учрежденій: училище, школы—живописная, сѣтная, каменотесная, слесарная, малярная, бондарная, переплетная, портная, чеботарная, мастерская глиняной посуды, кожевня, лѣсопильня, кирпичный заводъ, чугунолитейная мастерская, кузница, доки. Въ Макарьевской пустыни бѣлятъ воскъ; имѣется девять зданій при рыбныхъ тоняхъ и восемь избъ при сѣнокосныхъ пожняхъ, назначенныхъ для породистаго монастырскаго скота. На Анзерскомъ островѣ устроена спасательная станція, на которой содержатся атаманъ и двѣнадцать послушниковъ. Монастырю принадлежатъ два парохода: «Вѣра» и «Соловецкій». По мысли профессора Вагнера, устроенъ рыборазводный отдѣлъ, и предполагаютъ разводить стерлядь, треску и мойву. Монастырскій скотъ, рослый и красивый, головъ около ста, содержится въ семи верстахъ отъ обители, въ Сергіевой пустыни на Муксалмѣ. Замѣчательно и совершенно необъяснимо, почему въ зимнемъ помѣщеніи скотъ стоитъ безъ подстилки; недостатокъ соломы могъ бы быть легко замѣненъ верескомъ и мхами, какъ это дѣлается мѣстами въ Швейцаріи и Германіи, и монастырь не лишался бы значительной части удобренія.

Помимо святыни и строеній, находящихся въ стѣнахъ монастыря, имѣется еще шесть церквей, два скита и восемнадцать часовенъ, разсѣянныхъ по островамъ. Изъ часовенъ слѣдуетъ упомянуть о двухъ. Одна, «Чудопросфорная», находится въ двадцати саженяхъ отъ воротъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ пріѣзжіе купцы обронили просфору; собака хотѣла схватить ее, но пламя, исходившее изъ просфоры, не давало ей прикоснуться. Другая часовня, «Предтеченская», въ 400 саженяхъ отъ монастыря, поставлена надъ могилою воиновъ царя Алексѣя Михайловича, погибшихъ во время семилѣтней борьбы съ мятежными монахами-раскольниками во время знаменитаго соловецкаго сидѣнія.

Заслуживаютъ также большого вниманія живописная мастерская и «рухлядня». Въ мастерской молодые послушники обучаются живописи; между ними встрѣчаются весьма даровитые. «Рухлядня» — это необозримое собраніе всякихъ предметовъ одежды, пополняющаяся постоянно какъ изъ монастырской швальни, такъ и отъ добровольныхъ пожертвованій. Она расположена въ четырехъ ярусахъ, соединенныхъ деревянными крутыми лѣстницами. Чего, чего только нѣтъ въ этомъ пестромъ сборѣ одѣяній, и сколько продрогшихъ и промокшихъ людей прикроютъ они! Здѣсь есть овчины и кожи собственной монастырской выдѣлки. Моржевые ремни безупречны по достоинствамъ; ими опоясываются монахи, послушники и годовики.

Если въ живописной мастерской не особенно много работы, то очень характерною эпопеею монастырской живописи являются галлереи, соединяющія церкви съ жилищемъ архимандрита, и парадная лѣстница, ведущая къ нему

со двора. На лѣстницѣ въ естественную величину написанъ цѣлый звѣринецъ: слонъ большой и малый, бурый и бѣлый медвѣди, левъ, тигръ, олень; яблонь, лимонное и апельсинное деревья, отягченныя очень крупными плодами. Въ галлереѣ вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ изображеній архангеловъ и преподобныхъ слѣдуютъ иллюстраціи къ преданіямъ и бытописаніямъ церкви. Много мѣста занимаютъ изображенія странствій Ѳеодоры въ преисподнюю; вы видите: Лазаря и богатаго, человѣка съ бревномъ въ глазу и другого—со спицей, гору Аѳонскую, Тріипостась, бичеваніе, несеніе Креста; вы видите явленіе игуменьи Аѳанасіи, по смерти ея, въ сопровожденіи двухъ ангеловъ: она посѣтила свой монастырь, который вѣдала при жизни, чтобы уличить монахинь въ томъ, что онѣ вмѣсто сорокадневнаго поминовенія учинили только девятидневное; предъ вами видѣніе Пахомія, которому предсталъ огромный глубокій ровъ, наполненный преступными монахами; тутъ же сказаніе о послѣднихъ монахахъ, ставшихъ плотолюбцами, славолюбцами и сребролюбцами; предъ вами—крестъ съ распятымъ на немъ инокомъ, изображающій подвиги и искушеніе монастырской жизни: слѣва отъ инока — въ розовой юбкѣ и соломенной шляпкѣ какая-то красавица, старающаяся соблазнить, но монахъ не смотритъ на нее, такъ какъ онъ «съ Христомъ сроспяхся». Очень типичны слѣдующія изображенія: въ одномъ олицетворено «любите другъ друга»: два ангела вѣнчаютъ одинъ другого вѣнцами и подаютъ другъ другу руку; въ другомъ изображеніе «духа христіанина»: къ одной ногѣ его привязана огромная бомба, притягивающая его къ землѣ; въ рукѣ сердце, тянущее его къ небу; въ другой рукѣ мечъ. Есть въ галлереѣ Іоаннъ Лѣствичникъ, Антоній, видящій, какъ діаволы оплетаютъ сѣтями землю, и т. д. Живопись исполнена въ тридцатыхъ годахъ, и никакой критики не выдерживаетъ, но обильно снабжена подписями. Предъ этими изображеніями цѣлый день толкутся богомольцы, странницы, идутъ объясненія, соображенія, и сказывается великая набожность.

Главныя святыни Соловецкаго монастыря—это святыя, явленныя, чудотворныя иконы; мощи св. угодниковъ и живыя въ народѣ воспоминанія о главныхъ представителяхъ монастырскаго подвига и благочестія, здѣсь почивающихъ и почивавшихъ, такъ или иначе связанныхъ съ судьбами монастыря.

Церкви монастырскія весьма богаты потемнѣвшими отъ времени иконами, и многоярусные иконостасы ихъ, въ особенности пяти-ярусный Преображенскаго собора,—даръ Петра Великаго, и придѣлы, и часовеньки—все это щедро обвѣшано затуманивающимися отъ времени ликами святыхъ. Цѣнныя ризы изъ золота и серебра, многія осыпанныя каменьями, обрамляютъ пожелтѣвшія и потемнѣвшія изображенія и трепетно искрятся въ свѣтѣ неугасающихъ никогда лампадъ и множества дешевенькихъ свѣчъ, поставленныхъ на трудовую копейку, идущую сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Кто не знаетъ Соловокъ, «святой островъ Соловецъ», и откуда только не шествуютъ къ нему богомольцы?

Главныя иконы монастыря слѣдующія: нерукотворенный образъ Спасителя въ святыхъ вратахъ, висящій въ нихъ съ начала XVII вѣка, недоступный дѣйствію насыщеннаго морскою солью воздуха; чудотворная икона

Соловецкій монастырь. Саввatіевскій скитъ.

Знаменія Божіей Матери надъ западнымъ входомъ въ Преображенскій соборъ, дважды поврежденная англійскими бомбами въ 1854 году; на ризахъ маленькихъ образковъ, продаваемыхъ въ монастырской лавкѣ, тщательно прорѣзываются два кругленькихъ отверстія, обозначающія мѣста поврежденія иконы; чудотворная икона «Сосновская», явившаяся св. Филиппу во время его молитвы за печкою монастырской хлѣбопекарни.

Центральною усыпальницею главнѣйшихъ представителей монастырскаго подвига, полною самыхъ драгоцѣнныхъ воспоминаній, должно считать непосредственно прислоненную къ собору Троицко-Зосимо-Савватіевскую церковь и находящуюся подъ нею церковь преподобнаго Германа. Въ богатыхъ серебряныхъ ракахъ почиваютъ преподобные Зосима и Савватій, одинъ подлѣ другого. Изъ множества людей, приходящихъ сюда помолиться угодникамъ, мало кто вспомнитъ, мало кто знаетъ, какимъ выдающимся человѣкомъ былъ преподобный Зосима, сдѣлавшій изъ Соловецкаго монастыря то, что онъ есть, прожившій въ Соловкахъ сорокъ два года и имѣвшій когда-то въ Великомъ Новгородѣ встрѣчи и разговоры съ могущественною Марѳою Борецкою и другими вѣчевыми людьми. Отъ раки святителя вѣетъ отдаленною уже исторіею нашею съ четырехсотлѣтняго разстоянія. Рѣзная деревянная сѣнь отѣняетъ серебряные рельефные лики обоихъ подвижниковъ; оба преподобные въ поясныхъ писанныхъ изображеніяхъ сами созерцаютъ эти металлическіе лики изъ двухъ сосѣднихъ арокъ; три массивныя древнія лампады неугасаемо теплятся надъ ними; въ большихъ подсвѣчникахъ пылаютъ десятки постоянно возобновляемыхъ свѣчъ.

Въ находящейся подъ этою — нижней церкви св. Германа почиваютъ подъ спудомъ святыя мощи его. Собственно говоря, св. Германъ былъ однимъ изъ первыхъ въ дѣлѣ основанія Соловокъ, такъ какъ онъ направился сюда съ преподобнымъ Савватіемъ, онъ же направилъ сюда Зосиму. Подлѣ него, тоже подъ спудомъ, покоятся мощи преподобнаго Иринарха; тутъ же возлѣ почивали до перенесенія мощи св. Филиппа. Надгробныя надписи, замѣтныя кое-гдѣ, гласятъ о другихъ угодникахъ, почивающихъ въ безмятежномъ спокойствіи.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ длинномъ ряду памятей соловецкихъ святитель Филиппъ въ его заслугахъ, страданіяхъ, въ его великой и безстрастной стойкости предъ Іоанномъ Грознымъ занимаетъ первое мѣсто. Не монастырю только, но всей православной Россіи знакомъ и дорогъ этотъ величавый, страдальческій обликъ. Филиппъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода Колычевыхъ и воспитывался въ царскомъ дворцѣ въ Москвѣ. По тридцатому году оставилъ онъ царскій дворъ и удалился, въ 1539 году, въ Соловки; десять лѣтъ спустя былъ онъ игуменомъ. Во всей исторіи русскаго монашества нѣтъ другого лица, ему подобнаго. Онъ былъ образцовымъ хозяиномъ; благодаря ему, дикіе острова сдѣлались благоустроенными; пользуясь своимъ богатствомъ, Филиппъ рылъ канавы, засыпалъ болота, созидалъ пастбища, разводилъ скотъ, устроилъ кожевенный заводъ и ввелъ выборное управленіе между монастырскими крестьянами. Если на Муксалмѣ богатъ и оби-

ленъ скотный дворъ, если по острову бродятъ стадами лапландскіе олени, если созданы соляныя варницы, — всему этому причиной неутомимое трудолюбіе Филиппа.

Шелъ восемнадцатый годъ игуменства Филиппа, когда царь Іоаннъ Грозный, обуянный страстями, больной, жестокій, кровожадный, подозрительный, окруженный лютою опричиной, вспомнилъ о сверстникѣ своего дѣтства Филиппѣ и призвалъ его на московскую митрополію. Слыхалъ соловецкій настоятель о томъ, кто такой Іоаннъ и противъ какой воли придется ему бороться, но, повинуясь царскому слову, прибылъ въ Москву и сталъ на митрополію. Кто не знаетъ этихъ яркихъ страницъ нашей исторіи, гдѣ противостоятъ другъ другу, лицомъ къ лицу, Іоаннъ и Филиппъ? Много ли подобныхъ страницъ въ любой исторіи? «Благослови насъ по нашему изволенію», говоритъ митрополиту царь; Филиппъ не даетъ ему благословенія. «Не я просилъ тебя о санѣ», отвѣчаетъ митрополитъ, «постыдись своей багряницы! Не могу повиноваться твоему велѣнію, паче Божьяго». И кому говоритъ эти слова митрополитъ? Іоанну, въ періодъ злѣйшаго развитія его душевной болѣзни, говоритъ въ церкви предъ лицомъ всѣхъ опричниковъ, изъ которыхъ каждый — злодѣй.

Царь долгое время щадилъ смѣлаго іерарха, но, наконецъ, назначилъ судъ. Обвиненіе повели изъ далекихъ Соловокъ, потому что въ Москвѣ поводовъ не нашлось; подкупили соловецкаго игумена Паисія. Филиппъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ, разоблаченъ изъ святительства и, приговоренный къ вѣчному заключенію, лозорно заточенъ въ тверской Отрочъ монастырь. Здѣсь, 23-го декабря 1569 года, былъ онъ задушенъ Малютою Скуратовымъ. Царь переказнилъ, въ отместку Филиппу, много неповинныхъ людей изъ рода Колычевыхъ, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что величавый святитель былъ ему страшнѣе Курбскаго, говорившаго не всегда правду, и ту только издалека.

Въ 1591 году, послѣ того какъ наслѣдникъ Іоанновъ сослалъ лжесвидѣтельствовавшаго игумена Паисія на Валаамъ, мощи Филиппа были перевезены въ Соловецкій монастырь и опущены въ землю. Трогательнымъ пѣніемъ гимна, на этотъ случай сочиненнаго, привѣтствовали монахи изможденное тѣло мученика; гимнъ начинается словами: «Не надо было бы тебѣ, о святителю Филиппе, оставлять твое отечество!» Въ 1646 году, повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича, мощи вскрыты и перенесены въ Соловецкій соборъ; въ 1652 году торжественно перенесены въ Москву, а въ Соловкахъ оставлены только ихъ части, хранимыя въ соборномъ храмѣ, въ серебряной ракѣ, вправо отъ алтаря.

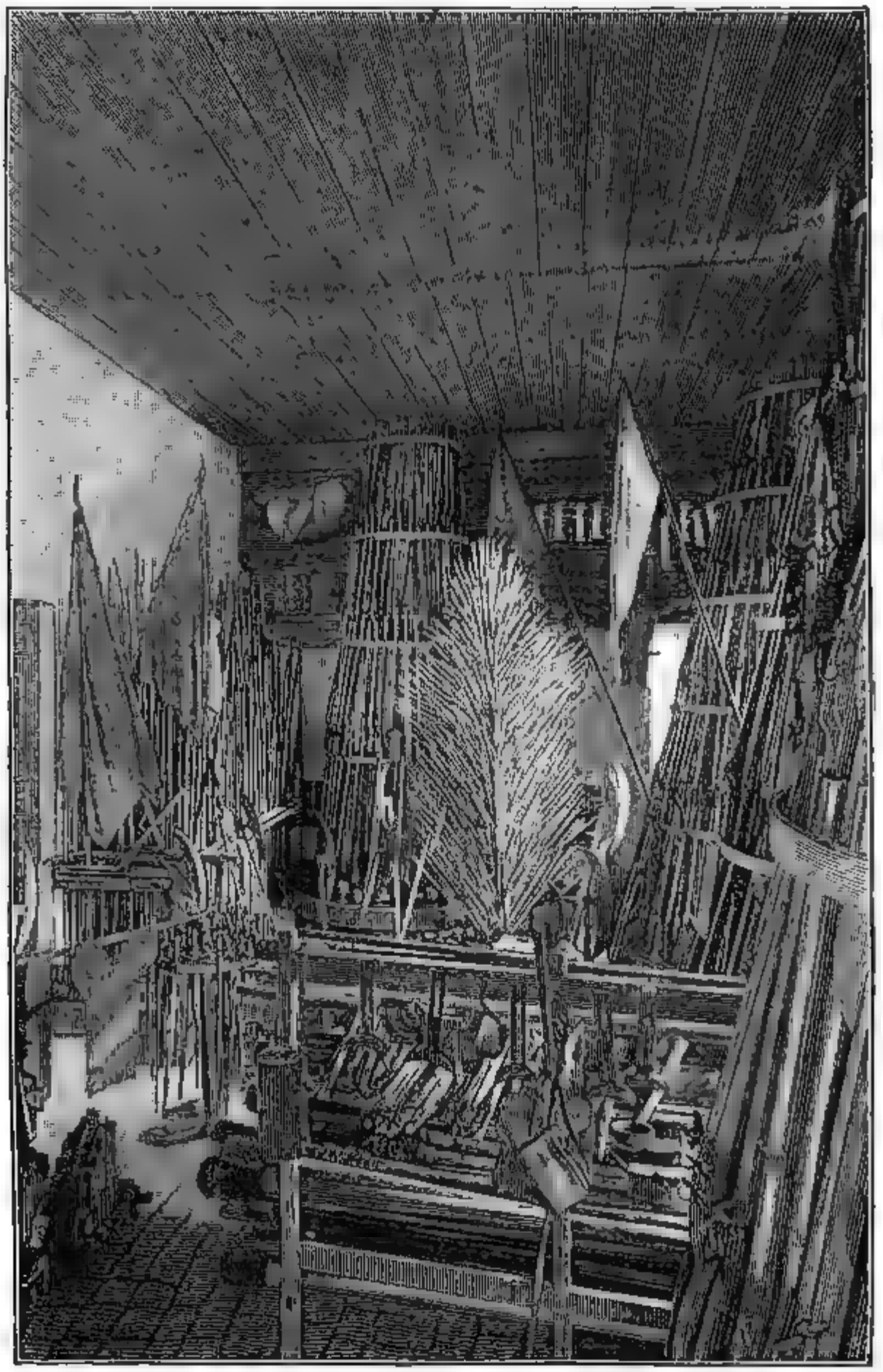
Хотя память митрополита Филиппа и опустѣвшая усыпальница его имѣютъ для посѣтителя преобладающее значеніе, но нельзя не вспомнить и о другомъ дѣятелѣ, почивающемъ въ монастырской оградѣ во дворѣ, подлѣ собора. Это — Авраамій Палицынъ, келарь Троицкой лавры, одинъ изъ самыхъ выдающихся людей годины лихолѣтія. Онъ былъ членомъ посольства, отправленнаго въ Смоленскъ къ Сигизмунду; во время движенія къ Москвѣ Пожарскаго и Минина, онъ съ Діонисіемъ, архимандритомъ Троицкой лавры, писалъ имъ грамоты и торопилъ придти; Авраамій ѣздилъ въ Ярославль, для уничтоженія

раздоровъ и безпорядковъ въ рати Пожарскаго, шедшей къ Москвѣ; онъ, наконецъ, былъ членомъ посольства, отправленнаго просить молодого царя Михаила Оеодоровича принять царство. Авраамій умеръ въ 1647 году въ Соловкахъ, въ которыхъ недобровольно прожилъ семь лѣтъ. Отъ Палицына осталось сочиненіе: «Лѣтопись о многихъ мятежахъ», за время обладанія столицею поляками, одинъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ для изслѣдованія смутнаго времени. Палицыны происходили отъ знатнаго рода новгородскихъ выходцевъ, прибывшихъ въ Москву въ XIV вѣкѣ и носившихъ имя родоначальника своего, прозваннаго Палицей. Здѣсь, въ Соловкахъ, патріархъ Никонъ принялъ иночество и прожилъ нѣсколько лѣтъ; также принялъ здѣсь постриженіе и бывшій царь казанскій Эдигеръ. Одна изъ надгробныхъ надписей на монастырскомъ дворѣ гласитъ, что тутъ покоится кошевой атаманъ сѣчи, Кольнишевскій, сосланный сюда «на смиреніе» въ 1776 году.

Въ одной изъ башенъ монастырской стѣны, называемой Успенскою, помѣщается очень любопытный арсеналъ или оружейная палата монастыря, съ большимъ количествомъ деревянныхъ стрѣлъ, копій, алебардъ, бердышей, кольчугъ, пищалей и пушекъ. Посѣщающій этотъ арсеналъ, вспоминаетъ историческіе факты, въ которыхъ монастырская жизнь принимала военную окраску. Этими бердышами и алебардами вооружались монахи въ XV и XVI столѣтіяхъ противъ шведовъ; изъ этого арсенала взято было оружіе во время раскольничьяго мятежа въ XVII столѣтіи, противъ царскихъ войскъ. Когда, въ 1854 году, бомбардировали обитель англичане и монастырь вооружался противъ нихъ, то въ арсеналѣ оказалось 20 пушекъ разнаго калибра, 381 пика, 648 бердышей, и все это пошло въ ходъ и послужило для вооруженія. Главный начальникъ края поручилъ тогда одному изъ офицеровъ, Бруннеру, осмотрѣть побережье Бѣлаго моря и Мурмана, строить и вооружать батареи, но только мѣстными средствами. Такимъ образомъ, при помощи монаховъ и богомольцевъ, построено было нѣсколько батарей и въ Соловкахъ; для защиты скотнаго двора на Муксалмѣ, на который зарились англичане, устроено было для дѣйствій противъ десанта нѣчто въ родѣ конной артиллеріи въ три орудія, ѣздовыми которой были богомольцы, прислужники, а командованіе поручено монаху, бывшему фейерверкеру; командиръ этотъ, въ монашеской одеждѣ, командовалъ молодецки. Орудія изъ-за монастырской стѣны глядѣли грозно, но взяты они были съ бору да съ сосенки. Одна пушка, отлитая при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, найдена была въ банѣ, гдѣ замѣняла каменку для полученія пара; въ другихъ орудіяхъ была масса свищей и раковинъ; пришлось просверливать стволы Вооруженію монастыря помогали: отставной коллежскій асессоръ Соколовъ и отставной гвардіи унтеръ-офицеръ Крыловъ. Слѣды бомбардировки имѣются налицо въ грудахъ бомбъ и ядеръ, въ знакахъ на стѣнахъ и на иконахъ. Стрѣляли англичане плохо; лѣсистый островокъ заслонялъ монастырь, и бо́льшая часть бомбъ перелетала черезъ монастырь и ложилась за нимъ въ Святое озеро. Въ этомъ озерѣ лѣтніе богомольцы считаютъ долгомъ своимъ искупаться. Въ память бомбардировки монастыря, въ 1854 году, сооружены были три пирамиды изъ непріятельскихъ снарядовъ.

Не лишнее будетъ упомянуть нѣсколько подробнѣе о раскольничьемъ мятежѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Соловкахъ, такъ какъ это одна изъ любопытныхъ страницъ исторіи нашего Сѣвера.

Явное возмущеніе раскольничествовавшихъ монаховъ началось при настоятелѣ Варѳоломеѣ и длилось ровно десять лѣтъ. Личное недовольство



Оружейная палата въ Соловецкомъ монастырѣ.
Съ фотогр. Лейпцигера, грав. Шюблеръ.

патріархомъ Никономъ, множество братіи и приливъ ссыльныхъ не мало способствовали смутамъ. Много было тутъ военныхъ и мірскихъ людей. Уже давно шло пьянство по келіямъ, о чемъ игуменъ Илія и доносилъ царю; доносилъ онъ, что слишкомъ часто мѣняютъ игуменовъ и что много времени

проходить безъ нихъ. Въ отвѣтъ на это царская грамота 1647 года возбранила приносъ по келіямъ питья. Когда Никонъ управлялъ новгородскою епархіею, онъ тоже замѣтилъ многіе безпорядки въ Соловкахъ, а именно: что просфоры искутъ не изъ одной пшеничной муки, а съ примѣсью ржаной; что поютъ въ два, три и четыре голоса, вмѣсто того, чтобы пѣть единогласно; питаются въ постъ рыбою, допускаютъ жить мірскихъ людей, вводятъ хмѣльное и нарушаютъ преданіе объ откровеніи главъ. Объ этомъ писалъ сюда Никонъ въ 1651 году.

Особенно противились Никону соловецкіе ссыльные, и между ними велъ главенство князь Львовъ, бывшій главный начальникъ печатнаго двора въ Москвѣ. Въ 1655 году вызванъ былъ изъ Соловокъ въ Москву для исправленія книгъ грекъ Арсеній; когда онъ вернулся, то жилъ двусмысленно и одобрялъ мнѣнія раскольниковъ. Противъ исправленія книгъ былъ и самъ архимандритъ Илія. Въ 1657 году прибылъ въ Холмогоры съ новыми книгами боярскій сынъ; книгъ этихъ не приняли въ монастырѣ, и монахи начали писать свои знаменитыя челобитныя въ Москву. Число недовольныхъ росло; такимъ оказался и Никаноръ, архимандритъ Саввина-Сторожевскаго монастыря, тоже удалившійся въ Соловки. Самъ соловецкій архимандритъ Варѳоломей исключилъ изъ символа вѣры слово «истиннаго», и онъ же ѣздилъ въ Москву со своими объясненіями. Тогда послана была отъ царя въ Соловки комиссія, подъ начальствомъ архимандрита Старо-Ярославскаго монастыря Сергія. Это былъ «мужъ гордый, якоже древній фараонъ и велерѣчивый», то-есть совсѣмъ непригодный къ роли умиротворителя. 4-го октября 1666 года прибылъ онъ и, собравъ монаховъ, прочелъ имъ царскій указъ. Раздались крики: «Указу послушны во всемъ, но повелѣнія о символѣ вѣры, сложеніи перстовъ, аллилуіи и новоизданныхъ книгъ не пріемлемъ...» «Горе намъ! отнимаютъ у насъ сына Божія! Гдѣ вы дѣвали сына Божія»? кричали монахи. Они хотѣли даже потопить присланныхъ стрѣльцовъ, и самъ Сергій поторопился отбыть въ Москву съ келаремъ Савватіемъ; онъ взялъ съ собою также князя Львова и другихъ непокорныхъ. По отъѣздѣ его, избранъ былъ монахами новый келарь Азарій, открытый врагъ новоисправленныхъ книгъ; монахи послали царю челобитную, въ которой изложили, что за вѣру чудотворцевъ готовы смерть принять; многіе приняли схиму; «позволь намъ, государь», писали они, «въ томъ же преданіи быть, чтобы намъ врозь не разбрестись и твоему богомолью, украйному и порубежному мѣсту, отъ безлюдства не запустѣть».

Настоятель за это время отсутствовалъ, и мятежъ усилился. Притекали въ Соловки, прослышавъ о немъ, разные люди, «даже и грабители изъ шайки Стеньки Разина». Когда изъ Москвы отправленъ былъ новый архимандритъ Іосифъ и съ нимъ прежній Варѳоломей, то допущенъ былъ въ поѣздку — что было уже совершенно некстати — и заявившій свои раскольничьи воззрѣнія Никаноръ. Онъ предпослалъ своему возвращенію въ Соловки лживое письмо, послѣдствіемъ котораго было то, что Іосифа не приняли, а у Варѳоломея разорвали клобукъ и выдрали волосы.

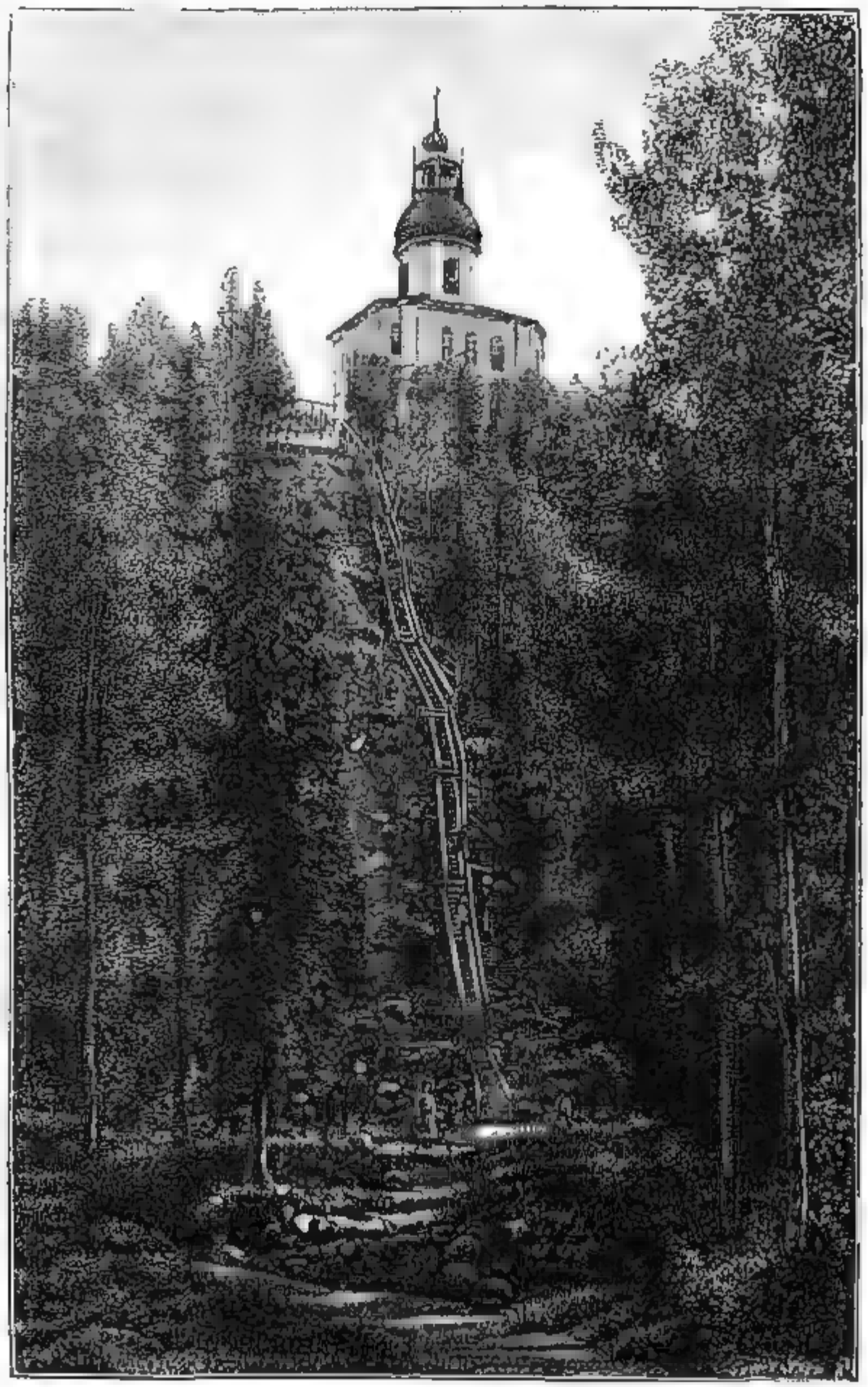
22-го сентября 1668 года отправлена была царю еще одна, самая зна-

менитая челобитная. Царь рѣшился тогда прибѣгнуть къ строгости: онъ отписалъ на себя всѣ земли монастырскія, не велѣлъ пропускать запасовъ и послалъ въ Соловки сотника стрѣльцовъ Чадуева. Это была полумѣра, которая и не помогла; монахи писали: «и повели, государь, прислать на насъ свой царскій мечъ, и переселить насъ отъ сего мятежнаго житія на безмятежное и вѣчное». Въ отвѣтъ на это царь послалъ въ Соловки стрянчаго Волохова съ сотнею двинскихъ стрѣльцовъ, съ приказомъ подчинить монаховъ оружіемъ и ввести законнаго настоятеля архимандрита Іосифа. Это распоряженіе, какъ мѣра запоздалая, тоже не принесло ожидаемой пользы: царское войско встрѣчено было пушками. Главными дѣятелями въ монастырѣ были: келарь Азарій, архимандритъ Никаноръ и послушникъ Бородинъ; первый и послѣдній были вскорѣ захвачены въ плѣнъ царскими стрѣльцами, стоявшими передъ запертыми монастырскими воротами. Въ монастырѣ въ это время, въ 1674 году, находилось 200 братій, 300 бѣльцовъ, 90 пушекъ, 500 пудовъ пороху и хлѣба лѣтъ на десять. Почти семь лѣтъ стояли стрѣльцы подъ стѣнами соловецкими; въ 1674 году назначенъ начальствовать надъ ними воевода Мещериновъ, человѣкъ болѣе предпріимчивый. Но и со стороны осажденныхъ росла дерзость, въ которой не было больше и помину о прежнемъ послушаніи царю, изображенномъ въ челобитныхъ. На сходкѣ 28-го декабря рѣшено было не молиться за царя; въ сентябрѣ 1675 года монахи не ходили болѣе къ священникамъ, говоря: «и безъ нихъ проживемъ»; явились, словно изъ-подъ земли выросли, люди, о которыхъ прежде не было слышно: сотники, невѣдомо кѣмъ такъ названные, Исачка и Сашка, подстрекавшіе ко всему; самъ Никаноръ, бывшій архимандритъ, въ ожиданія приступа, ходилъ по стѣнамъ и кропилъ святою водою пушки, нѣжно величая ихъ: «О, матушки мои, голаночки!»

Приступъ былъ сдѣланъ 23-го декабря 1676 года, но отбитъ. Только 8-го ноября 1677 года перебѣжчикъ Ѳеоктистъ сообщилъ Мещеринову, что въ крѣпость можно проникнуть изъ рва Онуфріевой церкви; въ ночь на 22-е января Мещериновъ самъ или лицо, имъ посланное, дѣйствительно съ пятидесятью стрѣльцами пробрались въ монастырь, и началась жестокая расправа. Никаноръ, Сашка и многіе другіе люто казнены, многіе разосланы. Описаніе расправы оставлено въ свидѣтельствѣ Семена Денисова, который въ своемъ Выгорѣцкомъ раскольничьемъ скитѣ написалъ «Исторію о запорѣ и взятіи Соловецкаго монастыря», конечно, съ точки зрѣнія раскольнической. Значительная часть монаховъ бѣжала на берега олонецкой рѣки Выга, въ такъ называвшуюся Выгорѣцію, гдѣ быстро росли объемомъ, значеніемъ и богатствомъ раскольничьи монастыри Даниловъ и Лекса. Такъ кончился соловецкій раскольничій мятежъ, и памятью его служитъ нынѣ часовня Предтеченская, гдѣ покоятся царскіе воины, погибшіе и умершіе во время осады монастыря. Монахи показываютъ мѣсто, сквозь которое проникли стрѣльцы; оно находится у сушильни, близъ Бѣлыхъ воротъ южной стороны.

Огромное число богомольцевъ ежегодно посѣщаетъ монастырь много уже вѣковъ. Дней за десять до Троицына дня, въ Петербургѣ, на Калашниковой пристани, можно видѣть отправленіе соловецкихъ паломниковъ. Пестрый народъ

этотъ помѣщается въ одну или двѣ соймы и двигается, буксируемый пароходомъ, вверхъ по Невѣ. Путь ихъ разсчитанъ такъ, чтобы поспѣть къ Троицыну дню въ Свирскій монастырь, ко времени ежегоднаго перенесенія мощей св. Александра Свирскаго изъ одного храма въ другой. Оттуда Свирью и Онежскимъ озеромъ двигаются они на Повѣнецъ, чрезъ Олонецкій горный кряжъ,



Соловецкій монастырь. Скитъ Сѣкиръ-Гора.
Съ фотогр. Лейцингера, грав. Шюблеръ.

Масельгу, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, или въ телѣгѣ, а иногда по пескамъ на саняхъ, приходятъ они къ Сумскому посаду на Бѣломъ морѣ, гдѣ ихъ ожидаютъ карбасы или пароходы Соловецкаго монастыря. Сто двадцать верстъ, остающіяся до обители, въ сравненіи съ пройденнымъ путемъ кажутся имъ, конечно,

недалекими. Какъ только завидятъ они въ морѣ мелькающую точкою монастырскую святыню, тотчасъ радостно и торжественно привѣтствуютъ ее общимъ колѣнопреклоненіемъ и молитвою. Эта минута могла бы дать богатѣйшій сюжетъ кисти живописца-художника.

Когда-то, еще сравнительно недавно, Соловецкая обитель служила мѣстомъ ссылки; сюда ежегодно командировалась особенная военная команда въ составѣ одного офицера и двадцати рядовыхъ изъ архангелогородскаго мѣстнаго батальона для различныхъ служебныхъ нарядовъ. Такъ какъ цѣль командированія ея для содержанія караула при тюрьмѣ утратила всякое значеніе, за упраздненіемъ тюрьмы, то дальнѣйшее содержаніе команды на островѣ признано безцѣльнымъ, и она возвращена къ своему батальону.

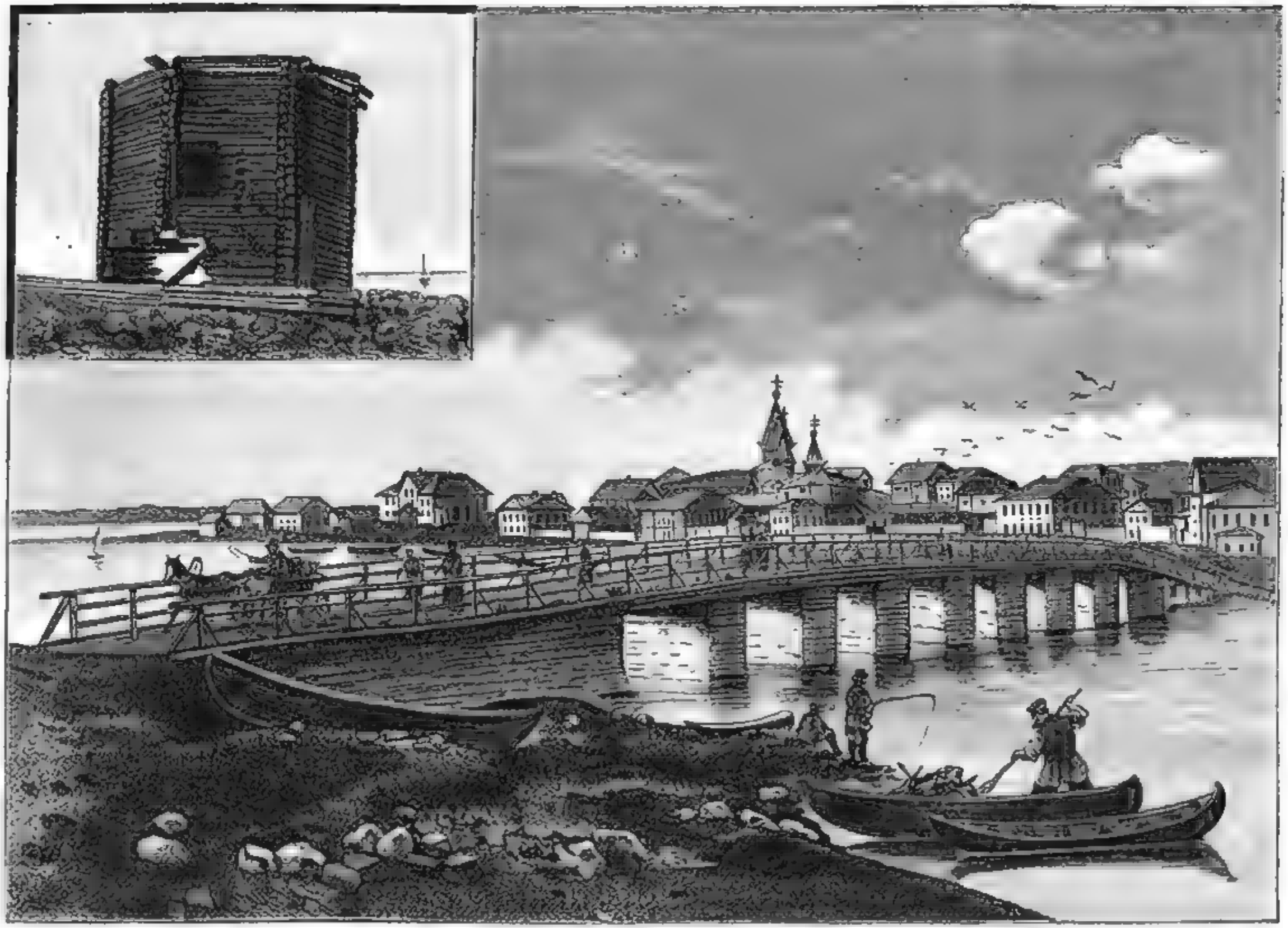
Къ числу наиболѣе живописныхъ мѣстностей на Соловецкомъ островѣ принадлежатъ окрестности Живоноснаго источника, Сергіевой пустыни на Муксалмѣ, скитъ на Сѣкирной горѣ, Савватіева и Макаріевская пустыни. Дороги на островѣ очень хороши, и быстроходныя монастырскія лошадки мчатся по нимъ очень бодро. Лѣсъ южной части острова такъ зеленъ и красивъ, травы такъ густы и сочны, день иногда бываетъ такъ теплъ и ясенъ, что рѣшительно не вѣрится близости Ледовитаго океана. Но пройдетъ это короткое лѣто, и обитель покроется глубокими снѣгами, и отгородится она отъ всего остального міра неприступными, навороченными осеннимъ взводнемъ волнъ льдинами; станетъ тогда застывшая поверхность моря «ропачиста», и нѣтъ тогда съ обителью никакого сообщенія. Но прилетаетъ въ Благовѣщеніе чайка, часъ воскресенія настаетъ, и всѣ три заснувшія царства природы сразу пробуждаются къ жизни.

Отъ Соловокъ до Кеми. Кемь.

Ночевка у Якъ-Острова. Таможенный постъ. Видъ на Кемь. Переправа черезъ порогъ. Два собора. Женскій городъ. Жемчугъ и его добыча. Историческое о Кеми. Легенда о 40 рукавицахъ.

—

Ловко и быстро снялся съ якоря «Забіяка», покидая Соловки; сильно вспѣнивалъ онъ винтомъ своимъ за кормою тяжелую бѣломорскую волну. Въ полнѣйшей ясности сѣверной полуночи на 18-е іюня скрылись, мало-по-малу долго и постепенно умалявшіяся, очертанія Соловецкихъ острововъ, и все ближе выяснялись влѣво отъ судна острые, темные профили непривѣтливыхъ острововъ Кузова. Они виднѣлись почти на полпути между Соловками и Кемью, совершенно дикіе, мрачные, голые, угрюмые, и дали предвкусить своимъ очертаніемъ то, что̀ предстояло путникамъ видѣть на безконечномъ Мурманскомъ берегу. Вслѣдъ за ними, будто декораціи, шествовали въ свѣтлой ночи, выплывая изъ нѣдръ морскихъ, другія очертанія, другіе острова, тоже голые, скалистые, необитаемые, большіе и маленькіе, острова съ названіями и безъ названій, и, наконецъ, около двухъ часовъ ночи близъ Якъ-Острова «Забіяка» бросилъ якорь для ночевки. Тутъ окружалъ его темнѣвшій по свѣтившемуся полуночнымъ свѣтомъ морю цѣлый архипелагъ и виднѣлись: Дальній Кузовъ, Нѣмецкій Кузовъ, ближе и гораздо ниже ихъ Ольховый, Топоруха и еще многіе. Море въ этихъ мѣстахъ никогда неспокойно, оно вѣчно терзается приливами и отливами, чрезвычайно разнящимися своею вышиною въ той или другой губѣ его. Эти четырехкратныя перемѣны дня и ночи слѣдуютъ одна за другою по пятамъ, непосредственно, и вызываютъ наблюдаемую простымъ глазомъ борьбу теченій; борьба прилива съ отливомъ, обозначающаяся видимо, называется «сулоемъ». Отъ мѣста якорной стоянки, Якъ-Острова, до Кеми оставалось верстъ тридцать, и судно



Видъ города Кеми, отъ моста на р. Кемь.
Рис. Н. Суслова, грав. М. Рашевскій.

прошло это разстояніе съ утра очень быстро. Для съѣзда съ него на берегъ необходимо было воспользоваться приливомъ, и для перваго же знакомства съ характеромъ бѣломорскихъ портовъ приходилось сдѣлать девять верстъ, отдѣлявшихъ пугниковъ отъ Кеми, сначала на паровомъ катерѣ, а дальше, ближе къ городу, въ порогахъ рѣки Кеми, на мѣстныхъ лодченкахъ.

День выдался очень теплый и свѣтлый, и глазамъ было больно смотрѣть на яркое серебро моря, едва колеблемое вѣтромъ. Влѣво отъ судна виднѣлись на берегу: бездѣйствующій казенный лѣсопильный заводъ и зданіе Ягостровскаго таможеннаго поста; таможенные солдаты въ матросскихъ курткахъ, съ зелеными воротниками и такими же околышами фуражекъ, большею частью люди мѣстные, очень отважные и ловкіе моряки. Всѣхъ таможенныхъ карбасовъ въ Бѣломъ морѣ 43; имѣется еще и паровой карбасъ. Въ 1860 году простой карбасъ стоилъ 135 руб., въ 1870—250 руб., а въ 1885 году обходился онъ постройкою 400 руб.; сравненіе этихъ цѣнъ можетъ служить наглядным доказательствомъ довольно быстраго возрастанія стоимости лѣса. Береговая линія Ягостровскаго поста, подлѣ котораго «Забіяка» стоялъ на якорѣ, составляетъ 130 верстъ; отсюда же наблюдаютъ таможенные и за Соловецкими островами. Контрабанда вообще слабо развита, но не будь здѣсь этихъ «зеленыхъ» людей, она бы, несомнѣнно, процвѣтала.

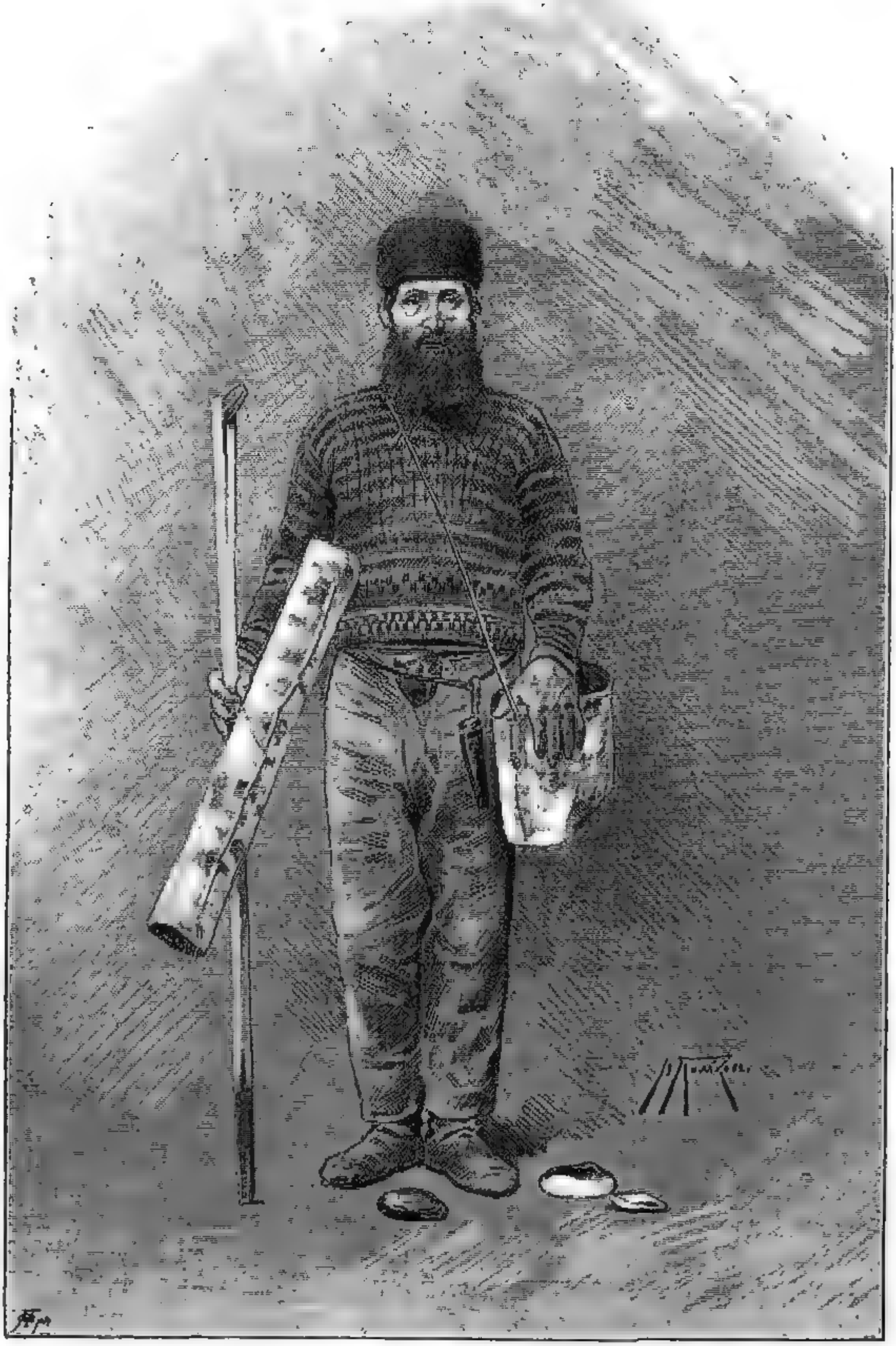
Паровой катеръ, несмотря на встрѣчный юго-восточный вѣтерокъ, или—какъ его здѣсь называютъ — «обѣдникъ», отваливъ отъ судна, шелъ быстро. Прежде всего обозначилась на приближавшемся берегу сосновая роща съ часовнею Ильи Пророка, отстоящею на три версты отъ Кеми; роща эта—любимое мѣсто прогулокъ кемлянъ и единственная представительница зелени на голыхъ скалистыхъ окрестностяхъ. Почти одновременно съ нею глянула вдали и сама Кемь, и яснѣе другихъ обозначились на плоскомъ берегу двѣ церкви—старый, закрытый по ветхости, и новый, неоконченный, соборы; имѣется еще небольшая третья церковь—кладбищенская, такъ что въ городѣ церквей двѣ или три—какъ считать. По мѣрѣ приближенія катера, все яснѣе и яснѣе поднимались изъ воды мелкія строенія; вырасталъ какъ будто и берегъ, замкнутый вдали по кругу довольно высокими холмами; вправо виднѣлся въ морѣ каменистый мысокъ; невдалекѣ отъ него, по зелени прибрежнаго луга, двигалось, направляясь къ городу, довольно большое стадо скота. По нѣкоторымъ изъ печатныхъ источниковъ, мурманскія и бѣломорскія коровы питаются рыбою, треской, вслѣдствіе безусловнаго недостатка травы. Можетъ быть, такія коровы и существуютъ гдѣ-нибудь дальше, но тутъ, въ Кеми, нѣтъ достаточной причины этому своеобразному развитію коровьяго вкуса.

Около двухъ часовъ времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ путешественники покинули судно и, идя противъ вѣтра, но по приливу, оставивъ влѣво полуразрушенную батарею, построенную противъ англичанъ въ 1855 году, въѣхали въ довольно широкій бассейнъ, образуемый рѣкою Кемью; на берегу, вправо, лежало, накренившись, нѣсколько судовъ, прибитыхъ весеннимъ ледоходомъ; невысокіе, голые, скалистые холмы вырисовывались за ними и будто вырастали. Отсюда виднѣлись очень ясно: новый соборъ съ его тремя шатро-

выми шапками, мостъ на колодахъ черезъ рѣку Кемь, сильно пострадавшій въ послѣдній ледоходъ, такъ какъ третью часть его снесло, небольшіе домики, островокъ съ часовенькою, благополучно существующій въ самой стремнинѣ порога. Путники могли любоваться на зелень, разстилавшуюся по берегу. До берега казалось такъ близко, рукой подать, можно было отличить черты каждаго лица, чуть ли не рисунки сарафановъ и кацавеекъ сновавшихъ по берегу кемлянокъ, а между тѣмъ самое трудное предстояло: по близости клокоталъ порогъ, покрывая своимъ вѣчнымъ ревомъ оклики, доносившіеся съ берега. Между островкомъ съ часовенькою и городомъ рѣка Кемь перекидываетъ свои крупныя, сердитыя волны черезъ крутой и высокій гребень скалъ и направляетъ ихъ дугою, образуя сильную круговую стремнину. Паровой катеръ могъ двигаться только до этого мѣста, а тутъ предстояла пересадка на маленькія лодочки, легкія, быстрыя, доски которыхъ связаны сосновыми корнями или тростникомъ. Порогъ ревѣлъ невообразимо, заглушая людскіе голоса, когда у самаго края его къ катеру подъѣхало множество быстроходныхъ лодочекъ съ гребцами женскаго пола. Съ лентами на лбахъ, въ золототканыхъ повойникахъ, съ цвѣтными платками на шеѣ и груди, быстро и ловко подгребли кемлянки къ катеру; нельзя было терять секунды, чтобы не быть снесенными стремниною. Удивительно ловко принялись кемлянки за работу: разъ, два, три,—и утлая лодочка, подчиняясь могучимъ ударамъ веселъ нашихъ плечистыхъ сѣверянокъ, скользнула по направленію къ берегу по безумно прыгавшимъ бѣлымъ волнамъ порога. Минуть черезъ пять путешественники были уже на берегу.

Въ Кеми путешественникъ впервые встрѣчается съ характернымъ типомъ кемлянокъ. Все мужское населеніе города, способное работать, отправляется въ мартѣ или апрѣлѣ на Мурманъ и возвращается не ранѣе сентября или октября. Въ это время, въ Кеми все женское населеніе, матери, жены и дочери, остаются на мѣстахъ, что̀ нисколько не мѣшаетъ имъ отваживаться пускаться въ открытое море, когда и на чемъ угодно, и прибрежное дитя еще въ люлькѣ готовится быть морякомъ, не знающимъ страха и вскормленнымъ непривѣтливымъ моремъ, такъ какъ матери-кормилицы берутъ съ собою дѣтей въ лодки и укладываютъ спать на носу или въ кормѣ. Смѣлы кемлянки до безумія, и нерѣдко тонутъ онѣ даже въ городскомъ порогѣ; но эти безвременныя жертвы не вліяютъ ни на общій строй жизни, ни на личные характеры. Тонуть—такъ тонуть, кричать - такъ кричать, и кричатъ же кемлянки невообразимо, потому что говорить обыкновеннымъ голосомъ въ Кеми нельзя, такъ какъ человѣческая рѣчь заглушается неумолкаемымъ ревомъ порога.

Соборъ въ Кеми какъ-то очень долго строился, на деньги (кажется, 60.000 рублей), пожертвованныя частнымъ лицомъ. Объясняли это тѣмъ, будто и въ самой постройкѣ не было необходимости, такъ какъ старый соборъ вовсе не ветхъ; говорили тоже, что большинство населенія Кеми, и въ особенности заправилы,—раскольники; что поддерживать собора они не хотѣли. Вѣрно то, что старый соборъ вовсе не такъ ветхъ, какъ о немъ толковали; хотя онъ строенъ 185 лѣтъ тому назадъ, но онъ еще проченъ и при нѣкоторой поддержкѣ могъ бы служить еще очень долго; въ немъ трехъ-ярусный иконостасъ и весьма



Ловецъ жемчужинъ.

Кемлянка.

древнія иконы, несомнѣнно, болѣе древнія, чѣмъ самъ соборъ; иконы эти, быть можетъ, даже новгородскія, изъ какихъ-нибудь прежнихъ исчезнувшихъ церквей; имѣются два придѣла, въ каждомъ по иконостасу рѣзному, деревянному, съ очень характерными царскими вратами: краска съ нихъ лупится, позолота потерта.

Новый, недостроенный соборъ не можетъ выдержать сравненія со старымъ: это—заурядная небольшая церковь, скорѣе комната, чѣмъ церковь, имѣющая сѣни, отдѣленныя перегородкою, и украшенная очень немногими иконами; въ старомъ соборѣ ихъ много, и если не озаботиться о перенесеніи ихъ или починкѣ крыши, то предстоитъ неминуемое и скорое разрушеніе, такъ какъ дождевые потоки уже разрисовали сиротѣющія стѣны храма своими сталактитными изображеніями. Отъ стѣнъ вѣетъ сыростью, несмотря на широкій доступъ сквозному вѣтру въ храмѣ.

Поморы въ общемъ живутъ безбѣдно. У нѣкоторыхъ замѣчаются даже предметы роскоши; у одного изъ богатыхъ хозяевъ-поморовъ имѣется семь шнякъ, три шхуны и двѣ промысловыя яхточки; домъ убранъ чисто и красиво; вообще поморскіе дома могутъ похвастать обстановкою: занавѣси, зеркала и мягкая мебель — не рѣдкость у хозяевъ промысловъ. Живутъ поморы обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, по праздникамъ переходятъ въ верхній и тутъ принимаютъ гостей; однимъ изъ существенныхъ украшеній является гладко вычищенный самоваръ; онъ ставится на почетномъ мѣстѣ. Наряжаться любятъ жены и дочери не только хозяевъ, но и простыхъ работниковъ—«покручниковъ», такъ что если вѣрить разсказамъ, то почти все, что остается свободнымъ отъ заработковъ, расходуется на одѣяніе. Яркость цвѣтовъ дѣйствительно поразительна; какъ и во многихъ мѣстахъ Сѣвера, мѣстный жемчугъ, вылавливаемый въ рѣкѣ Понькѣ, въ пятидесяти верстахъ отсюда, составляетъ одно изъ любимыхъ украшеній; шелковой и золотой ткани тоже очень много. Здѣсь, какъ и вездѣ, любятъ «пѣсни играть», и во всякое время на берегу, подъ рокотанье порога, съ разныхъ сторонъ слышатся пѣсни.

Жемчужница, Unio margaritiferus, по словамъ профессора Гримма, очень распространена въ прозрачныхъ, свѣтлыхъ водахъ рѣчекъ нашего Сѣвернаго края, и подтвержденіе этому имѣется дѣйствительно въ богатыхъ нарядахъ олонецкихъ и архангельскихъ женщинъ; особенно славятся жемчужницами рѣчки Сюзьма, Сума и Повѣнчанка; добыча же жемчуга наиболѣе развита въ Колѣ. Ловятъ жемчужницу или «ракушницею»,—деревянною рамою, снабженною ножемъ, помощью которой сцарапываютъ ракушку съ каменистаго дна, или просто руками, обходя извѣстныя мѣста и пользуясь свѣтомъ полуденнаго солнца. У промышленниковъ имѣется даже нѣчто въ родѣ особаго одѣянія съ принадлежностями лова; надо имѣть много опытности, чтобы по наружному виду раковины судить о томъ, есть ли въ ней жемчугъ, и не вскрывать понапрасну; попадаются жемчужины до 100 рублей цѣною, но рѣдко; сбытъ жемчуга обезпеченъ всегда.

Жителей въ Кеми около 1.000 человѣкъ. Какъ и значительная часть побережья Бѣлаго моря, Кемь въ свое время служила вотчиною Марѳы Борец-

кой, и въ 1450 году отдана ею Соловецкому монастырю, о чемъ и свидѣтельствуетъ хранящаяся въ монастырѣ «вкладная крѣпость» съ висѣвшими свинцовыми печатями. На этихъ древнихъ документахъ зачастую не обозначалось ни числа, ни года; не болѣе точны были и межевые знаки; опредѣлялось, напримѣръ, что уступаются тѣ «два лука (или двѣ обжи, каждая длинника 126, а поперечнику 32 сажени) земли, гдѣ Пареенка да Першица живутъ». Слѣдовательно, эти сгинувшія Пареенки да Першицы—тоже историческія данныя. Въ 1597 году вторглись сюда «коянскіе нѣмцы», то-есть финляндцы изъ города Кояна, причемъ были побиты соловецкій воевода Озеровъ и бывшіе съ нимъ стрѣльцы. Новое нападеніе послѣдовало годъ спустя, но воевода Аничковъ отбился; въ 1657 году Соловецкій монастырь, повидимому, сильно интересовавшійся Кемью, поставилъ здѣсь острогъ и снабдилъ его пушками, пищалями и припасами. Сохранилось свѣдѣніе, что острогъ этотъ напоромъ льда снесенъ въ 1763 году. Съ 1785 года Кемь—уѣздный городъ, и открывалъ его бывшій въ то время олонецкимъ губернаторомъ Державинъ, едва не потонувшій при этомъ случаѣ.

Хотя Кемь считается однимъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, тѣмъ не менѣе лѣтомъ нѣтъ въ него въѣзда въ экипажѣ. Михайловъ, пробывшій здѣсь цѣлое лѣто, утверждаетъ, что онъ видѣлъ одну только лошадь, занятую развозомъ водки на саняхъ. Онъ былъ счастливѣе путешественниковъ, бывшихъ здѣсь въ 1885 году: они не видѣли ни одной лошади. По его словамъ, гористая мѣстность Кемскаго уѣзда, дальше, вглубь страны, выработала даже особый типъ архангельскихъ горцевъ, а близость моря, опаснаго моря, воспитала замѣчательныхъ моряковъ. Отъ Кеми до Онеги и по всему Кандалакскому заливу на протяженіи 500 верстъ нѣтъ вовсе сухопутныхъ дорогъ, и все сообщеніе происходитъ на карбасахъ, для чего приблизительно на 40 верстахъ разстоянія устраиваются почтовые пункты; гребутъ опять-таки только женщины, которыя могутъ сдѣлать въ сутки 120 верстъ, работая въ двѣ смѣны. По окраинамъ города имѣются кое-гдѣ огороды, гдѣ растутъ: морковь, рѣдька, рѣпа и брюква; повидимому картофель—корнеплодъ слишкомъ нѣжный для этихъ широтъ; капусту тоже привозятъ, и цѣна ей около пяти рублей за сотню кочней. Но и Кемь—нѣкоторымъ образомъ югъ относительно недалекаго Мурмана, потому что въ одномъ изъ становищъ морского побережья Ура, морковь уже не вызрѣваетъ, и люди ограничиваются только тремя остальными овощами. Говорятъ, впрочемъ, что въ этой далекой Урѣ въ 1873 году не безъ успѣха пытались сѣять ячмень.

Легко, конечно, относиться саркастически къ этой скудости и угрюмости страны двухмѣсячной ночи; наѣзжающимъ легко судить о томъ, что измаянный работою, часто становящійся лицомъ къ лицу со смертью въ океанѣ, со смертью въ становищѣ въ образѣ цынги или скорбута, поморъ—лишнее выпьетъ. Но что за сила воли таится въ этихъ людяхъ; какихъ только подвиговъ нельзя ожидать отъ нихъ! Въ 1850 году въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано, что кемскій мѣщанинъ Михаилъ Никитинъ вдвоемъ съ женою ходилъ на шнякѣ на Новую Землю. Въ тридцатыхъ годахъ

Типы поморовъ.

умеръ тотъ Старостинъ, который проводилъ зимы на Шпицбергенѣ въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ. Это ли не люди, это ли не характеры, это ли не моряки?

Существуетъ любопытное мѣстное преданіе, напоминающее отчасти легенду о Вильгельмѣ Теллѣ; это—разсказъ «О сорока рукавицахъ». Дѣло въ томъ, что шведы пришли по обыкновенію на рѣку Ковду грабить; чтобы добраться имъ до села, нужно было пройти порогъ, и нуженъ былъ человѣкъ, способный провести лодку. Нашелся такой человѣкъ, но на самой быстринѣ соскочилъ онъ съ лодки на берегъ, оттолкнулъ ее, и всѣ находившіеся въ ней погибли; выплыло только сорокъ рукавицъ.

Какъ уѣздный городъ, Кемь обставленъ и всѣми соотвѣтствующими принадлежностями власти; здѣсь есть шкиперское училище, но лѣтнихъ занятій въ немъ нѣтъ. Въ рѣкахъ Кемскаго уѣзда одною изъ важныхъ статей дохода является семга и ея промыселъ; городъ Кемь отъ семужьихъ заколовъ получаетъ 700 рублей, Сорока—500 рублей, Ковда и Умба по 2.000 рублей, Поной—5.000 рублей, а доходы Кузомени достигаютъ крупной цифры 10.000 рублей.

«Забіяка» готовился къ отплытію. Сойдя на скалы, кемлянки живописно размѣстились по нимъ и неумолчно «играли пѣсни», пока судно снималось съ якоря и давало большой полукругъ, поворачивая носъ къ морю. Термометръ показывалъ 20° въ тѣни; небо и воды были совсѣмъ лазурны. Наконецъ, завертѣлся могучій винтъ судна. Совершенно невольно, безотчетно, проскальзывала мысль о томъ: неужели же это—нашъ туманный, забытый, отличающійся неясными очертаніями Сѣверъ? Что же дѣлаютъ наши художники, не заѣзжая сюда и предпочитая для воспроизведенія на полотнѣ находящіяся подъ рукою изображенія Финскаго залива или невскихъ тоней? Эта скала съ цвѣтными кемлянками, эта лазурь небесъ, это лучезарное море—не видали еще нашихъ художниковъ.

Посѣщеніе Кеми явилось роскошнымъ, цвѣтистымъ предисловіемъ дальнѣйшаго пути на Мурманъ. Путешественники направились дальше поперекъ Кандалакскаго залива, въ началѣ четвертаго часа пополудни, имѣя предъ собою одинъ изъ самыхъ длинныхъ, предстоявшихъ имъ переѣздовъ къ недалекой отъ норвежской границы Териберской губѣ. По разсчету времени, на слѣдующій день, 19-го іюня, около восьми часовъ утра, должны они были пересѣчь полярный кругъ и войти въ область незаходящаго солнца.

Отъ Кеми до Териберки.

Вечерняя молитва на пароходѣ. Терскій берегъ. Гидрографія сѣверной окраины. Заслуги Литке и его сочиненіе. Родіонъ Ивановъ. Обская экспедиція. Маяки. Ночь на 20-е іюня. Общее впечатлѣніе бури. Св. Носъ. Появленіе первыхъ китовъ. Мурманскій берегъ. Входъ въ Териберскую бухту.

— —

Вѣренно и покойно двинулся «Забіяка», простившись съ Кемью, съ знойнымъ днемъ и еще болѣе знойными красками женскихъ одѣяній. Легкій туманъ началъ окружать судно, по мѣрѣ движенія къ сѣверу, къ горлу Бѣлаго моря, связывающему море воедино съ безбрежнымъ Ледовитымъ океаномъ. Подъ равномѣрные звуки винта совершались обычныя на суднѣ занятія. Когда спустился вечеръ,—что было замѣтно только по часовой стрѣлкѣ, но никакъ не по слабости свѣта,—ровно въ восемь часовъ, раздались обычные свистки, и команда собралась на молитву. Двумя рядами вытянулись матросы вдоль праваго борта, и сняли шапки. Отчетливо и неторопливо пропѣли они «Отче нашъ», осѣнялись крестами, и звуки молитвы разносились далеко кругомъ надъ глубокою теменью непокойной пучины. Въ высшей степени пріятно сознавать, что эту самую молитву и въ этотъ самый часъ возсылаетъ русскій человѣкъ къ Небу и въ Бѣломъ морѣ, и въ Индійскомъ океанѣ, и по лазурнымъ заливамъ Средиземнаго моря. Какъ ни прочно судно, какъ ни вѣренъ компасъ, какъ ни опытенъ капитанъ или штурманскій офицеръ, но все-таки подъ скорлупкою—верста и болѣе глубины, а надъ нею безконечное небо, изъ таинственныхъ пространствъ котораго

нѣтъ, нѣтъ да и вырвется шквалъ или штормъ и докажетъ очень наглядно, что проволочные канаты—не болѣе какъ паутинныя нити, а путешественникъ—охъ, какое маленькое, хотя и смѣлое, существо! Молитва и только молитва, исходя отъ сердца,—подъ рость колоссальнымъ пространствамъ неба, темени неизвѣданной глубины и еще болѣе темному сознанію неизвѣстности.

А глубины нашего побережья Ледовитаго океана и Бѣлаго моря въ значительной степени дѣйствительно неизвѣстны. Плаваніе здѣсь вовсе не то, что въ другихъ моряхъ, имѣющихъ прочныя, вѣчно исправляемыя карты, гдѣ къ услугамъ—рейды и порты, являющіеся тихими, покойными заводями. Гидрографическій департаментъ только весьма недавно предпринялъ изслѣдованіе Бѣлаго моря; въ 1884 году хронометрическая экспедиція астрономически соединила десять пунктовъ съ Архангельскомъ, и, затѣмъ, предполагалось постепенно приступить къ систематическимъ измѣреніямъ и къ производству съемокъ на основаніи этихъ десяти, уже опредѣленныхъ, пунктовъ.

Что касается болѣе отдаленнаго Сѣвера, то мореплаватели пользуются трудами одного, сравнительно, недавно умершаго знатока морского дѣла, поставившаго себѣ вѣчный памятникъ въ трудѣ, изданномъ въ 1828 году, подъ заглавіемъ: «Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ—Литке, въ 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ». Сочиненіе это, въ полномъ смыслѣ слова, классическое, издано in quarto и составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Настольною книгою моряковъ при путешествіяхъ въ этихъ странахъ служитъ изданное въ 1876 году гидрографическимъ департаментомъ «Гидрографическое описаніе сѣверныхъ береговъ Россіи» Рейнеке, въ 1883 году дополненное Неупокоевымъ; эта книга—только извлеченіе изъ капитальнаго труда Литке, памяти котораго нельзя не поклониться, какъ только приходится переплывать сѣверный полярный кругъ.

Въ сочиненіи Литке, помимо множества картъ, съ обозначеніемъ промѣровъ, разныхъ таблицъ и очень характерной гравированной панорамы большей части нашего сѣвернаго побережья, имѣется и историческій очеркъ того, какъ давно, очень давно пытался простой русскій человѣкъ на утлыхъ суденышкахъ, безъ всякихъ картъ, проникнуть въ «челюсти полюса». Исторически несомнѣнно, что первымъ русскимъ кормщикомъ, рѣшившимся пробраться далеко на сѣверъ явился, въ 1690 году, Родіонъ Ивановъ. Литке замѣчаетъ, что много было и другихъ кормщиковъ, задолго до Родіона Иванова ходившихъ до Оби и Енисея и на Новую Землю, но имена ихъ заглохли, потому что съ ними не случилось того, что случилось съ этимъ Ивановымъ. Иностранецъ Витсенъ, со словъ Иванова, описалъ его путину: какъ шли они, какъ были разбиты на островѣ Шарапова-Кошка, на восточномъ берегу Карскаго моря, какъ зимовали, сдѣлавъ себѣ хижину изъ глины и моржевой и тюленьей крови и шерсти; изъ 15 человѣкъ въ живыхъ осталось только четверо. Темная и ужасная драма эта остается до сихъ поръ единственнымъ извѣстнымъ путешествіемъ въ XVII вѣкѣ и единственнымъ, кажется, описаніемъ Шараповыхъ-Кошекъ. Въ концѣ XVIII вѣка пробрался къ восточному берегу Новой Земли кормщикъ Лошкинъ; но не нашлось Витсена, чтобы записать его слова.

Въ третьемъ десяткѣ лѣтъ прошлаго вѣка, императрица Анна Іоанновна задумала снарядить экспедицію, подобной которой, по обширности предположенныхъ задачъ, почти нѣтъ примѣра въ лѣтописяхъ морскихъ открытій: предполагалось подробно описать берега отъ Архангельска до Америки! Суда, назначенныя въ это плаваніе, назывались «Экспедиціонъ» и «Обь»; въ 1734—1735 годахъ начальствовали ими лейтенанты Муравьевъ и Павловъ; позже прибавлены другія суда, и были другіе лейтенанты. Съ 1736—1739 года посѣщены были Югорскій Шаръ, Канинъ-Носъ, устья Оби и Печоры. Всѣ эти плаванія совершались почти безъ картъ. Карты Новой Земли, очень гадательныя и весьма неполныя, могли быть составлены до 1807 года только по плаваніямъ Баренца, Размыслова и Поспѣлова. Въ 1819 году участвовалъ въ томъ же дѣлѣ лейтенантъ Лазаревъ. Въ 1828 году изданo, наконецъ, капитальное сочиненіе Литке. Сѣверъ давнымъ-давно служилъ нашимъ смѣльчакамъ-казакамъ и промышленникамъ путемъ-дорогою ко всякимъ открытіямъ. Въ описываемое время, благодаря щедротамъ Императора Александра III, по представленію Академіи Наукъ, на берегахъ Ледовитаго моря, въ Устьянскѣ, далеко на востокѣ, работала ученая экспедиція, снаряженная съ цѣлью обслѣдованія Новосибирскихъ острововъ. И оттуда, какъ и съ Новой Земли, еще въ 1710 году казакъ Пермяковъ доносилъ о существованіи къ сѣверу какихъ-то невѣдомыхъ острововъ, и якутскій воевода послалъ къ нимъ Вагина съ одиннадцатью казаками. Въ 1810 году промышленникъ Санниковъ открылъ на нихъ русскую могилу съ крестомъ. Чью же? Въ 1808 и 1820 гг. снаряжены были туда еще двѣ экспедиціи, и только, 60 лѣтъ спустя, предположено окончательное научное обслѣдованіе, и докторъ медицины Бунге отправился въ Устьянскъ и благополучно завершилъ свое дѣло. Но начальный путь, какъ и въ Новой Землѣ, указанъ и здѣсь смѣльчакомъ, простымъ русскимъ человѣкомъ.

Всѣ перечисленныя имена невольно мелькаютъ въ памяти при приближеніи къ горлу Бѣлаго моря, когда, послѣ спокойно проведенной ночи, около девяти часовъ утра, подлѣ Сосновца—маяка, стоящаго на островѣ, «Забіяка» перебѣжалъ въ первый разъ полярный кругъ. О вчерашней хорошей погодѣ не было и помину. Мелкій холодный дождикъ шлепалъ по палубѣ и по снастямъ; зыбь, никогда почти не прекращающаяся въ этомъ мѣстѣ соединенія Бѣлаго моря съ океаномъ, давала себя чувствовать очень ясно. Судно миновало Кандалакскій берегъ, на которомъ имѣются налицо: «матушка Турья гора, госпожа Кандалука губа и батюшка Оленій рогъ», и шло въ разстояніи трехъ миль отъ высокаго скалистаго Терскаго берега, по гранитамъ котораго, прибавляя холоду къ картинѣ, рѣзко бѣлѣлъ снѣгъ, спускаясь бѣлыми пятнами и нитями отъ вершинъ къ самому уровню моря и вырисовывая арабески. Часовъ около двѣнадцати миновали Орловскій маякъ, ясно выдѣляющійся своею вышиною надъ морскою пучиною. Въ 1872 г., въ іюлѣ, со шхуны «Баканъ», привезшей на маякъ припасы, спущенъ былъ баркасъ для доставки ихъ на берегъ; командиръ Сафоновъ, очень молодой человѣкъ, не внялъ совѣтамъ, перегрузилъ баркасъ, и четырнадцать человѣкъ съ командиромъ своимъ погибли вслѣдствіе борьбы теченій, достигающихъ здѣсь наибольшей силы; спасся

на двухъ веслахъ одинъ только человѣкъ. Снѣга на берегу виднѣлось довольно, и во мглистой неясной атмосферѣ образовывался миражъ, поднимавшій эти снѣга надъ моремъ; въ недальнемъ разстояніи видны были поморскія шхуны, которыя, казалось, двигались по землѣ.

Къ шести часамъ вечера «Забіяка» приближался къ знаменитому, какъ самое бурное мѣсто, Святому Посу; судно двигалось съ достаточною быстротою, до одиннадцати узловъ въ часъ, къ которымъ отливъ прибавлялъ еще четыре узла. Въ Бѣломъ морѣ вообще нѣтъ покоя, но въ горлѣ его царитъ вѣчная зыбь, постоянная толчея, и судно выходило въ открытый океанъ при нехорошихъ предзнаменованіяхъ; барометръ падалъ; самый опасный изо всѣхъ вѣтровъ, сѣверо-восточный, крѣпчалъ; дождь и мгла, туманъ и облака перепутывались одни съ другими самымъ безсвязнымъ образомъ, и туманъ былъ такъ великъ, что потерялся изъ виду берегъ, находившійся въ разстояніи не далѣе двухъ миль. Святой Посъ со своимъ маякомъ тоже скрылся, потонулъ гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Ровно въ восемь часовъ вечера, собрались люди опять на молитву; на этотъ разъ она была не пропѣта, а прочитана, потому что матросы могли быть нужны ежеминутно, да и пѣніе было бы нескладно при качкѣ, все болѣе и болѣе усиливавшейся. Въ каютъ-компаніи не раздавалось обычнаго въ вечерніе часы пѣнія одного изъ путешественниковъ; его замѣняло посвистываніе вѣтра по снастямъ, пощелкиваніе той или другой упавшей со стола вещи и внушительные всплески волны, видимо стремившейся посѣтить крейсеръ, войдя къ нему непрошенною поверхъ бортовъ. Становилось очень холодно; равновѣсіе въ температурѣ воды и воздуха было полное, термометръ показывалъ въ обѣихъ стихіяхъ всего только 4°.

Ночь съ 19-го на 20-е іюня принадлежала къ числу тѣхъ крайне рѣдкихъ во все время путешествія ночей, которыя могли называться темными. Мгла висѣла кругомъ сырая, полусвѣтлая и все-таки непроглядная по всему широкому горизонту неба и океана. Ярко и даже очень ярко свѣтилось только въ машинномъ отдѣленіи судна, гдѣ въ острому серебряномъ блескѣ электрическаго освѣщенія двигались на глубинѣ, если смотрѣть съ палубы, составныя части машины, всѣ эти поршни, рычаги, поблескивая гдѣ желтою мѣдью, гдѣ бѣлою сталью; по металлическому помосту машиннаго отдѣленія, передъ печью, краснѣли темныя груды чернаго угля, готоваго отправиться въ печь, и на вымазанныхъ сажей лицахъ кочегаровъ лежало то же самое родственное красное отраженіе. Какая громадная разница: глядѣть на гнѣвное море, съ его безпорядочными темными волнами, идущими на перебой одна другой, съ его сѣро-свинцовыми красками, съ неравномѣрными посвистами и множествомъ отдѣльныхъ вихрей, безтолково хозяйничающихъ въ одномъ могучемъ теченіи сѣверо-восточнаго вѣтра, и глядѣть въ правильно-дѣйствующую могучую машину. Вы стоите наклонившись надъ нею, смотрите въ нее и, въ тотъ или другой моментъ качки, чувствуете по вздрагиванію судна, что въ него ударилась могучая волна; вы ждете, что это вздрагиваніе, передавшееся вамъ, непремѣнно отразится и на машинѣ. Ничуть не бывало: она бьетъ тотъ же неизмѣнный тактъ; только перебѣгутъ отраженія огней съ одного мѣста на другое, только откатится съ угольной

кучи который-нибудь изъ кусковъ, но тотчасъ-же успокоится и будетъ продолжать краснѣть тѣмъ же багровымъ отблескомъ, что и его собратья, оставшіеся лежать на мѣстѣ. Вы смотрите въ машину, и она успокаиваетъ васъ, прибавляетъ увѣренности.

Не успѣло судно вступить въ океанъ и ознакомиться съ его разыгрывавшеюся зыбью, какъ представилась другая, очень характерная картина. Подлѣ Святаго Носа, около семи вечера, съ «Забіяки» увидѣли первыхъ китовъ. Кита не сразу отличишь, если нѣтъ къ этому привычки или сноровки. Вамъ говорятъ: «вонъ китъ! смотрите!» и вы ровно ничего не видите: во-первыхъ, потому что горизонтъ слишкомъ безконеченъ, на немъ сразу не уловишь отдѣльныхъ предметовъ, а во-вторыхъ, киты, эти колоссы Ледовитаго океана, такъ быстры, такъ юрки, что вы никакъ этого не ожидаете, и глазъ, готовящійся смотрѣть на нѣчто довольно грузное, не улавливаетъ быстро движущагося животнаго. Неправда также и то, какъ рисуютъ обыкновенно китовъ на картинкахъ: на нихъ громадное туловище кита виднѣется все поверхъ воды, а надъ головою его поднимается снопъ воды, падающей наискось въ видѣ фонтана; такъ говорятъ картинки; но на самомъ дѣлѣ китъ мелькаетъ надъ поверхностью только небольшою частью своего тѣла—головой, хвостомъ, спиной, и фонтана онъ не «пускаетъ», а «брызжетъ», такъ что никакой струи вы не отличаете, а видите только брызги, разлетающіеся конусомъ изъ одного центра. Можетъ быть, при спокойномъ морѣ киты ложатъ на поверхности и пускаютъ фонтанчики, но на этотъ разъ они представились совсѣмъ иначе. Быстрота движенія китовъ очень велика и напоминаетъ какъ нельзя болѣе движеніе черноморскихъ дельфиновъ, съ тою разницею, что киты не кувыркаются, а дельфины не пускаютъ брызгъ.

При первомъ появленіи китовъ, увидали ихъ штукъ шесть разомъ; такъ какъ китъ, доставленный на китобойный заводъ, даетъ, въ среднемъ, около двухъ тысячъ рублей, то подлѣ судна плавалъ маленькій капиталецъ. Капиталецъ этотъ встрѣтился у самаго начала пути по Ледовитому океану и представлялъ собою красивое зрѣлище. Въ послѣдніе годы киты держатся недалеко отъ горла Бѣлаго моря, и нашимъ китобойнымъ пароходамъ, находящимся почти подлѣ границы Норвегіи, приходится выѣзжать за сотню, другую миль.

Съ полночи сѣверо-восточный вѣтеръ крѣпчалъ все болѣе и болѣе. Помимо тѣхъ непріятностей, которыя онъ причинялъ путешественникамъ, разрушилъ онъ и послѣднюю надежду побывать на Новой Землѣ. Если еще недавно слаба была надежда пробраться туда, то теперь, послѣ появленія сѣверо-восточнаго вѣтра, погасла она совершенно, потому что, по мнѣнію опытныхъ моряковъ, подобный вѣтеръ обязательно нагонитъ льдинъ и уставитъ ихъ по берегамъ острова плотною массою. Можетъ быть, говорили эти люди, вѣтеръ и измѣнится, но достаточно и теперешняго его бушеванія, чтобы быть увѣреннымъ въ невозможности пути; льды, говорили они, находятся теперь отсюда миляхъ въ 300, и при попутномъ вѣтрѣ движутся очень быстро. Новая Земля, посѣщеніе которой, повидимому, состояться не могло, остается до сихъ поръ съ восточной стороны своей почти совершенно необслѣдованною. Новая Земля,—это спасительница нашего

Сѣвера; если гольфстремъ, теплое теченіе идущее отъ запада, обогнувъ Норвегію и направляясь вдоль нашего Мурмана къ Новой Землѣ, обусловливаетъ сравнительную мягкость температуры и незамерзаніе нѣсколькихъ гаваней, то Новая Земля задерживаетъ движеніе къ намъ отъ сѣверо-востока вѣчныхъ, колоссальныхъ льдинъ; не будь этого острова, очень можетъ быть, что бѣлый медвѣдь существовалъ бы и въ Бѣломъ морѣ, а въ Петербургѣ и Москвѣ было бы значительно холоднѣе.

Къ утру, часамъ къ тремъ, на пароходѣ сдѣлано было распоряженіе «найтовить» разные грузные предметы, т. е. для прочности прикрѣпить ихъ особыми добавочными канатами; затѣмъ вдоль палубы протянули «леера», веревки, за которыя при ходьбѣ по палубѣ можно бы было держаться. Это было совершенно необходимо, хотя отъ канатовъ, протянутыхъ поперекъ, ходьба была крайне затруднительна, да и вообще особеннаго удовольствія въ ходьбѣ по наводненной палубѣ, при пошлепываніи съ боку на бокъ, при необходимой въ этомъ случаѣ широкой разстановкѣ ногъ, не предвидѣлось. Буря крѣпчала; кренометръ, висѣвшій въ рубкѣ штурманскаго офицера, показывалъ 30° качки. т. е. 60° въ обѣ стороны, по килю. Было холодно, всего 8°, и сырость пронизывала насквозь. Мгла—такъ казалось по крайней мѣрѣ—только сгущалась, а между тѣмъ необходимо было видѣть берегъ къ тому времени, когда судно подойдетъ къ ближайшей цѣли пути—къ Териберской губѣ, чтобы войти въ нее; до сихъ поръ «Забіяка» оказывался удивительно точенъ въ своемъ пути; будетъ ли онъ таковымъ сегодня? будетъ ли онъ около восьми часовъ утра подлѣ Териберки?

Непростительно, испытавъ порядочную бурю въ Ледовитомъ океанѣ, не полюбоваться ею вполнѣ, т. е. не взойти, и не разъ, на тотъ или другой мостикъ. Палуба скоро приглядѣлась. Матросы въ желтыхъ кожаныхъ курткахъ, шапкахъ и штанахъ, такихъ жесткихъ, что глядѣть на нихъ было жестко, заняты каждый своимъ дѣломъ: «поправь то, да прикрѣпи это, да полѣзай туда!» Эти кожаныя куртки на частныхъ пароходахъ называются «олеофраками», въ насмѣшку, конечно, и надо быть достаточно ловкимъ и сильнымъ, чтобы при лазаньи погнуть какъ слѣдуетъ упругую, неподатливую желтую кожу. Зато эта кожа отлично защищала отъ соленой воды, перемахивавшей изъ-за бортовъ на палубу, а также и отъ той, что подливалась снизу изъ такъ называемыхъ «шпигатовъ», этихъ отверстій хорошо всѣмъ знакомыхъ, расположенныхъ по краямъ палубы для стока воды. Очень занимательно было видѣть, какъ при сильномъ накрененіи судна океанская вода, бурля словно въ котлѣ, проникала въ шпигаты ключомъ и тотчасъ же разливалась по палубѣ, чтобы убраться туда же, откуда пришла. Эти посѣщенія волны снизу и разливы ея были бы равномѣрны, если бы не неожиданные притоки воды черезъ бортъ въ большемъ или меньшемъ, но совершенно неожиданномъ и разнообразномъ количествѣ. Вода сверху попадала самымъ непріятнымъ образомъ то за шею, то въ рукава, и составляла для путниковъ, если можно такъ выразиться, самую непривлекательную особенность бури при 3° тепла въ водѣ.

Видъ съ мостика на океанъ былъ чудесенъ. Необозримыми легіонами

двигались исполинскія волны по слѣдамъ парохода, какъ бы нагоняя и подгоняя его. Здѣсь, на мостикѣ, высоко надъ палубою, чувствительнѣе были розмахи качки, и можно было наблюдать, сколько саженъ по всякимъ кривымъ вышисывали въ воздухѣ вершины мачтъ. Кто не знаетъ, кто не слыхалъ, что существуетъ въ народномъ повѣрьѣ такъ называемый «девятый валъ», гораздо болѣе крупный, чѣмъ всѣ остальные. Можетъ быть, это—и такъ; можетъ быть, это подтверждаетъ и наука, но простому, непосвященному въ морское дѣло наблюдателю это кажется немного иначе. Самыя судорожныя, самыя неожиданныя вздрагиванія и колебанія, захватывающія духъ, испытываетъ судно вовсе не отъ видимой волны. Если вы смотрите на эти надвигающіяся, изрѣдка изребитыя шеренги ихъ, вы приблизительно вѣрно опредѣляете, въ какую сторону и насколько накренитъ васъ. Но вотъ, совершенно неожиданно, безъ всякаго предупрежденія, на полпути уже совершающагося накрененія въ одну сторону, качнетъ васъ съ титанической силою въ другую, вы какъ будто куда-то глубоко опуститесь и какъ-то очень высоко подниметесь, васъ повалитъ на бокъ, какъ бы потянетъ опрокинуться. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это—работа волны, но отнюдь не той, видимой, хотя бы и девятой, а какой-то другой, идущей глубоко подъ волнами, какая-то совокупность этихъ волнъ, сила, не имѣющая вида, очертанія, имени, но безконечно бо́льшая всѣхъ остальныхъ въ отдѣльности!

Былъ седьмой часъ утра, когда на мостикѣ стало замѣтно особенное оживленіе. По разсчету, судно должно было находиться недалеко отъ входа въ Териберскую губу; надо было распознать, отличить входъ въ нее. Это было не легко по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, самъ Мурманскій берегъ въ этихъ мѣстахъ настолько однообразенъ скалистыми своими очертаніями, что и въ свѣтлый день входъ въ бухту особенно рѣзкими признаками не отличается. Во-вторыхъ, туманная мгла, завѣса дождя, облегала берегъ сѣрою, сомнительною теменью; идти къ берегу ближе $1^1/_2$ — 2 миль при вѣтрѣ, сильно навалившемъ къ нему, было опасно, а на этомъ разстояніи отъ очертаній Мурмана видѣлись какъ бы клочья, то и дѣло задвигавшіеся туманомъ и вновь открывавшіеся. Вдали, сквозь туманъ, мѣстами прорывавшійся, двигались передъ глазами будто какіе-то осколки, клочки берега. За долгій путь, вслѣдствіе вѣчной неспускавшейся завѣсы тумана, мало что удалось видѣть отъ Мурманскаго берега; оставалось надѣяться, что на обратномъ пути удастся ознакомиться съ нимъ основательнѣе, и декорація его предстанетъ съ желательною ясностью. Къ счастью, разсчетъ и на этотъ разъ оказался совершенно вѣрнымъ, и пароходъ, несмотря на бурю, доставилъ въ желаемую бухту точь-въ-точь въ свое время. Изъ-за мглы, тумана и дождя замѣтно стало на берегу какое-то будто бы углубленіе общаго фасада скалъ: это именно и была Териберская бухта, и судно направилось къ ней. Териберка — одна изъ лучшихъ, но небольшихъ бухтъ нашего Поморья, и хорошія качества ея сказались именно теперь, потому что она, будучи почти открытою сѣверо-западному вѣтру, отлично защищена отъ подгонявшаго судно, сѣверо-восточнаго, отвѣсными скалами, поднимающимися съ этой ея стороны и называемыми здѣсь,

подлѣ этой губы, «Волчкамп». А зайти въ бухту было вполнѣ своевременно: вѣтеръ быстро крѣпчалъ, и кренометръ показывалъ уже не 30°, а 35° наклоненія; команда замѣтно утомилась; большею частью всѣ продрогли и промокли, да и качки натерпѣлись достаточно,—пора было отдохнуть. Въ шканечномъ журналѣ всякому вѣтру, а тѣмъ болѣе бурѣ, выставляются баллы. Той, которая потрепала въ этомъ пути, поставлено 9; должно быть 12 балловъ не ставятъ никогда, потому что судно погибаетъ. Судно входило въ Териберскую губу въ десятомъ часу утра. Здѣсь почти конецъ нашего Поморья, т. е. той окраины, возвращаясь отъ которой, поморы «идутъ въ Русь».

Териберская губа.

Входъ въ Териберскую губу. Путь промышленниковъ на Мурманъ. Очеркъ трескового промысла. Шпилка. Артель. Ярусъ. Заготовка трески. Осмотръ поселенія. Церковь. Зуйки. Санитарная часть побережья. Обходъ факторій, колоній и становищъ. Значеніе рыбы мойвы. Морозники. Общество «Рыбакъ». Соляное дѣло въ Поморьѣ.

Традно выйти изъ области шторма и очутиться вдругъ въ царствѣ успокоенія. Еще пріятнѣе — и въ этомъ послѣднемъ чувствѣ есть даже нѣкоторое злорадство—слышать, какъ гудитъ и мечется этотъ штормъ позади васъ, словно рычитъ, сердится на то, что вы спаслись отъ него, рычитъ, но уже безсильно, васъ не касаясь; въ погоню за вами долетаютъ только какіе-то клочья вихрей, которые кажутся вамъ сладкими дуновеніями зефира—такъ они пріятны. Входъ въ Териберку довольно широкъ; справа скалы отступаютъ назадъ, словно пятясь отъ моря; онѣ не высоки и вовсе не закрываютъ вида на него, такъ что отъ западнаго вѣтра тутъ защиты нѣтъ; зато слѣва отъ сѣверо-востока бухта закрыта темною завѣсью мрачныхъ, высокихъ гранитныхъ скалъ. Входя въ губу, пароходъ держался средины пролива; вправо, по довольно далекимъ, отступившимъ назадъ отъ общей линіи побережья, изможденнымъ глыбамъ, въ черныя непроглядныя щели ихъ, на совершенно лысые, округленные лбы, со всею мощью ударяла гигантская волна, вкатываясь высоко, и едва-едва поспѣвала внизъ, такъ какъ за нею шла новая волна, и эта опять лѣзла, подбирая, подлизывая остатки прежней, и скатывалась сама, подбираемая третьею. Глядя на эту гигантскую толчею, легко было представить себѣ, во что̀ должно обратиться любое судно, выброшенное въ такую погоду на подобныя пѣнящіяся подушки? Тутъ не могло бы быть никакого вопроса ок акомъ бы то ни было сохраненіи судна,— оно меньше чѣмъ въ нѣсколько минутъ превратилось бы въ мелкія щепы.

А что бы было съ людьми! Но наши поморы живутъ и заработываютъ

свой хлѣбъ въ большинствѣ случаевъ въ подобныхъ или вблизи подобныхъ грозныхъ явленій природы, и у нихъ въ распоряженіи не океанскій пароходъ, а утлыя суденышки, не компасы и штурманы, а привычка, смѣтка, чутье.

Скала лѣвой стороны слегка поблескивала по всѣмъ выступамъ и жиламъ своимъ струйками дождя; мѣстами свѣтились узкими полосками временно проявившіеся водопады. Бѣлыми пятнами выдавались неподвижные потоки птичьяго помета отъ тѣхъ выступовъ скалы, на которыхъ по бархатистымъ, пухлымъ подушечкамъ мховъ гнѣздились въ несмѣтномъ количествѣ морскія птицы. Онѣ только-что вывели птенцовъ и отъ поры до времени слетали съ гнѣздъ. Тутъ былъ и черный бакланъ, и такой же черный чистикъ, и цѣлыя семьи сѣрыхъ и бѣлыхъ чаекъ и гагаръ; бакланъ тянулъ прямо, чайка кружила въ воздухѣ; замѣчались также философы-птицы, остававшіяся сидѣть на мѣстахъ.

«Забіяка» бросилъ якорь на шести саженяхъ глубины, верстахъ въ трехъ отъ поселенія, виднѣвшагося въ глубинѣ бухты и раскинувшагося на совершенно гладкомъ наносѣ песковъ, скопившихся за сотни лѣтъ усиліями впадающей здѣсь рѣчки Териберки. Сквозь дождь и туманъ довольно большое поселеніе обозначалось не совсѣмъ ясно; замѣтнѣе другихъ выдѣлялись небольшая новая церковь и домикъ, занятый больницею санитарнаго отряда архангельскаго благотворительнаго общества, подъ бѣлымъ флагомъ съ краснымъ крестомъ. Бухта, кругловатая по плану, очень не велика, имѣетъ около 40 саженъ глубины и, какъ кажется, одну только песчаную банку, на которой судно и бросило якорь; она представляется какъ бы чашею, бока которой состоятъ изъ скалъ 300—400 футовъ вышины, почти совершенно лишенныхъ растительности; только къ сѣверо-западу и къ океану принижаются онѣ, будто одинъ край этой чаши былъ когда-то кѣмъ-то сломанъ, разрушенъ и далъ просвѣтъ, чтобы открыть свободный доступъ сѣверо-западному вѣтру. Скалы сквозь дождь и туманъ виднѣлись не особенно ясными, аспиднаго цвѣта, очертаніями, по которымъ тутъ и тамъ нависали временные водопады. На одной изъ этихъ скалъ, въ самой глубинѣ залива и почти подлѣ вершины ея, обратило на себя вниманіе явленіе, оставшееся невыясненнымъ: изъ земли, или, вѣрнѣе, изъ скалы, поднимался значительный снопъ водяныхъ брызговъ, клонившихся султанчикомъ по волѣ вѣтра въ ту или другую сторону.

Подобные выходы воды изъ почвы случается видѣть въ Швейцаріи при очень сильныхъ дождяхъ, но только въ самой глубинѣ долинъ; палка, воткнутая въ землю и вынутая изъ нея, даетъ свободу и мѣсто довольно высокому фонтанку; здѣсь явленіе это замѣчалось на вершинѣ горы, на скалѣ, и чѣмъ могло оно обусловиться—объяснить трудно.

Приливъ начался въ Териберкѣ въ одиннадцать часовъ, и для съѣзда на берегъ надо было соображаться съ нимъ, такъ какъ обмелѣніе подлѣ самаго поселенія значительно. Около четырехъ часовъ пополудни, путешественники на вельботѣ направились къ песчаному наносу, къ поселенію. Сѣрымъ тонамъ неба и воды и завѣшенныхъ туманомъ и дождемъ скалъ вполнѣ соотвѣтствовалъ видъ берега и людей, собравшихся на немъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ

слова негативъ того, что̀ ранѣе видѣли въ Кеми. Тамъ—солнце, тишина, женщины, пестрота и блескъ нарядовъ, тутъ—тѣ именно мужчины, которые уходятъ отъ своихъ женъ на промыслы, ихъ сермяжныя одежды, ихъ темныя различнѣйшихъ покроевъ шапки, сапоги, лапти, босыя ноги, сѣрая непогода и порывистые вихри. Когда вельботъ приблизился настолько, что ясенъ сталъ звонъ очень небольшого колокола маленькой церкви, скорѣе — избы, на горизонтѣ обрисовалась другая старая церковь. Нельзя было не обратить вниманія на значительное количество мальчишекъ-подростковъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ: это—такъ-называемые «зуйки», существенно важные участники промысловъ. Териберка считается центромъ главнаго и главнѣйшаго промысла Поморья, — трески; въ общихъ чертахъ, этотъ промыселъ представляется въ слѣдующемъ.

Въ началѣ марта, задолго до того, пока прилетаетъ въ Соловки первая чайка, когда еще вполнѣ сильны мартовскіе морозы въ Петербургѣ, и мы, столичные жители, собираемся кончать наши театральные и другіе сезоны,— по бѣлымъ, безбрежнымъ саванамъ нашего Сѣвера, по мерзлымъ тундрамъ и озерамъ, не имѣющимъ дорогъ, пользуясь для ночлега рѣдкимъ лопарскимъ чумомъ или простымъ навѣсомъ на бревешкахъ, воткнутыхъ неизвѣстнымъ добрымъ человѣкомъ, на томъ же основаніи, на какомъ въ степяхъ Аравіи вырытъ колодезь,—тянутся изъ волостей Архангельской и ближней Олонецкой губерніи къ Поморью промысловые люди, такъ называемые «покручники». Они законтрактованы своими хозяевами; еще съ осени въ Архангельскѣ, на Маргаритинской ярмаркѣ. Покручники въ долгу у нихъ, потому что забрали деньги впередъ; они идутъ на отработку съ тѣмъ, чтобы повторить въ будущемъ году то же самое: тотъ же снѣжный путь въ глубокую зиму и ту же «отработку». Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на оленяхъ, довольствуясь въ качествѣ пищи почти исключительно далеко не свѣжею треской, двигаются эти темные, безземельные люди къ великому, насаждаемому Богомъ полю, къ Ледовитому океану. Для любителя мрачныхъ красокъ было бы гдѣ разойтись при описаніи этого стихійнаго движенія покручниковъ, по бережному бѣлому савану, сквозь длинныя, длинныя ночи, въ свѣтѣ полярныхъ сіяній, по едва видимымъ, постоянно заносимымъ буранами, тропиночкамъ. Для полной законченности картины слѣдуетъ сказать, что такъ называемыя «становища», жилья, разсѣянныя по Мурману, принадлежащія тому или другому хозяину, къ которымъ покручники приходятъ послѣ описаннаго пути и гдѣ живутъ лѣтомъ на берегу, между однимъ уловомъ и другимъ, это настоящія гноилища; нары узки, стары, грязны; десятки людей дышатъ тутъ воздухомъ, спертымъ въ грязномъ помѣщеніи, размѣрами не болѣе какихъ-нибудь двадцати кубическихъ саженъ, а цынга, скорбутъ и горячки свили себѣ гнѣзда самаго злокачественаго характера. Эти гноилища, остающіяся на зиму пустыми или поручаемыя наблюденію наемнаго лопаря, населяются съ марта мѣсяца народомъ, первою обязанностью котораго при появленіи на мѣстѣ должна быть очистка становищъ отъ снѣга и задѣлка пробуравленныхъ зимними пьюгами отверстій.

Къ счастью, со стороны Правительства за послѣдніе годы сдѣлано многое

На шнякѣ. Зуекъ, тяглецъ и весельщикъ.

для измѣненія санитарныхъ условій жизни покручника къ лучшему *). Достаточно только напомнить здѣсь о нѣкоторомъ, уже состоявшемся, урегулированіи медицинской помощи, въ чемъ главнымъ дѣятелемъ является архангельское общество Краснаго Креста; нельзя также не отмѣтить и другой фактъ огромной важности, принадлежащій всецѣло почину Правительства, ближайшимъ образомъ со стороны бывшаго Министерства Государственныхъ Имуществъ. Весь мракъ картины, только-что обрисованной, ложится на простого рабочаго, на покручника; свѣтовые проблески оставались на сторонѣ хозяина. Мало что помѣшаетъ теперь работнику-покручнику преобразиться въ хозяина: въ 1883 году распространенъ льготный отпускъ лѣса для постройки судовъ всѣмъ жителямъ Архангельской губерніи. Это распоряженіе имѣетъ величайшее значеніе для края; оно уже облегчено нѣкоторымъ кредитомъ, и, такимъ образомъ, судьбы поморовъ преобразились въ послѣднее время во многомъ. Преобразиться покручнику-работнику въ хозяина тѣмъ легче, что искони вѣковъ весь поморскій промыселъ строится и держится на артельномъ началѣ. Артель у поморовъ имѣетъ такое же историческое, стихійное значеніе, какъ земельная община въ земледѣльческой Россіи, и недостаетъ еще очень немногихъ правительственныхъ распоряженій, чтобы значительно осчастливить этотъ славный, смѣлый, работящій народъ.

Что касается возможнаго облегченія мартовскаго пути на Мурманъ нашихъ промышленниковъ, то на первое время можно было бы устроить только три постоялыхъ двора: одинъ—между Кандалакшей и Растъ-Наволокомъ, другой — въ Растъ-Наволокѣ, третій — между нимъ и Колою. Это стоило бы недорого, а помощь была бы значительная, потому что, такимъ образомъ, промышленники приходили бы къ Поморью здоровыми, не принося задатковъ простудныхъ и горячечныхъ болѣзней, схваченныхъ въ пути, какъ это зачастую случалось ранѣе. Все равно, будутъ ли дворы эти построены въ видѣ большихъ корчемъ или составятся изъ ряда менѣе значительныхъ построекъ, но, главное, долженъ существовать пріютъ, въ которомъ можно бы было отдохнуть и спастись отъ непогоды. Чаще всего свирѣпствуетъ тутъ цынга; заболѣвающихъ ею мѣстные люди начинаютъ мять, колотить, таскать. «Коли, значитъ, цынги ты боишься, больше смѣйся, больше бѣгай, шевелись — не пристанетъ», говоритъ поморъ.

Однако—къ самому промыслу. Когда поморы уже на мѣстахъ, становища обитаемы и снасти изготовлены и починены, а море открылось, на сцену выступаетъ самый ловъ и прежде всего классическая поморская шняка. Это—судно въ шесть или семь саженъ длины, только сажень съ вершкомъ ширины, и можетъ поднять никакъ не болѣе двухсотъ пудовъ; оно совершенно открыто и очень легко заливается океанскою волною. На шнякѣ—двѣ мачты, и когда поставлены всѣ весьма широкіе паруса, то она скользитъ по морю довольно

*) Въ теченіе десяти лѣтъ, истекшихъ со времени этого путешествія, сдѣлано не мало на пользу описываемаго края; много улучшеній, безъ сомнѣнія, внесетъ въ экономическую жизнь края строящаяся въ настоящее время Сѣверная желѣзная дорога.

быстро. Въ этихъ утлыхъ судахъ ежегодно погибаетъ много поморовъ, и, тѣмъ не менѣе, оставшіеся въ живыхъ товарищи ихъ все-таки идутъ на промыслы и на такой же шнякѣ. Суденышко имѣетъ свои отдѣленія: чердакъ, гребло, кладь; въ одномъ лежатъ рыболовныя снасти, въ другомъ — наживка, въ третьемъ—пойманная рыба, и т. д.

Насколько неизмѣнна въ своихъ очертаніяхъ шняка, настолько же постояненъ въ своемъ составѣ экипажъ ея; промысловая шнячная артель состоитъ изъ опредѣленнаго числа людей, сколько необходимо для управленія шнякою и производства лова, а именно изъ четырехъ покручниковъ: кормщика, тяглеца, на обязанности котораго, главнымъ образомъ, лежитъ выбрасываніе въ море и сборъ снасти; весельщика, помогающаго, при свободѣ отъ собственнаго прямого дѣла, всѣмъ остальнымъ, и, наконецъ, наживочника—зуйка, малолѣтка, обязаннаго наживлять крючки; огромное число этихъ зуйковъ бросается въ глаза при приближеніи къ Териберскому поселенію; это—тѣ подростки, изъ которыхъ вырабатывается безстрашный поморъ. Всѣ участники лова называются «покручниками» и работаютъ не за деньги, а получаютъ одну треть улова, при готовыхъ харчахъ и содержаніи. Лучшимъ мѣриломъ того, что̀ можетъ остаться покручнику въ концѣ лѣта, можетъ служить то, что хозяева отпускаютъ имъ въ долгъ до ста рублей. Идея артели, давность ея существованія, хороши; но примѣненіе къ дѣлу требовало бы улучшеній.

Для того, чтобы новому хозяину «поднять» промыселъ съ одною шнякою, считая стоимость ея рыболовныхъ снастей, устройство становища на берегу, выдачу задатковъ покручникамъ и заготовленіе припасовъ, необходимо около 900 рублей; выходъ на промыселъ со старою шнякою и старою снастью обходится около 600 рублей.

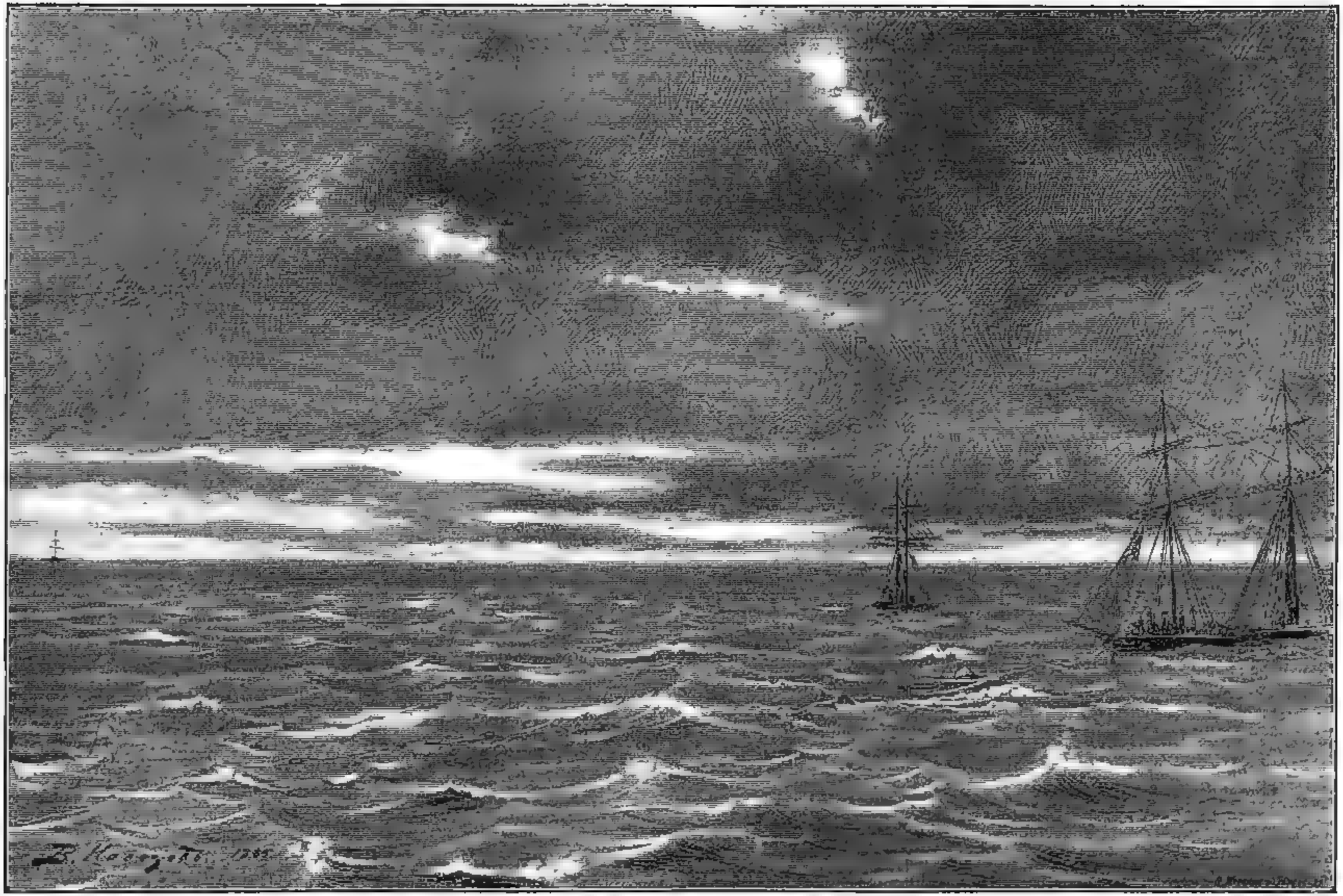
Главное орудіе лова трески—это такъ называемый «ярусъ», имѣющій нерѣдко поистинѣ океанскіе размѣры, а именно до 12 верстъ длины. Ярусъ—это нѣчто въ родѣ хорошо извѣстныхъ нашимъ рыболовамъ - любителямъ переметовъ. Главная нить, направляющая яруса, — та именно, которая достигаетъ 12 верстъ длины; это пеньковая бечева, состоящая изъ «стоянокъ», отъ сорока до шестидесяти саженъ длины каждая; если связать три стоянки, получится то, что называется «тюкомъ», въ 120 — 180 саженъ длины. Для того, чтобы получить двѣнадцативерстную длину, требуется, слѣдовательно, около сорока тюковъ. Вдоль этихъ связанныхъ стоянокъ прикрѣплены, въ разстояніи $1^1/_2$ сажени одна отъ другой, такъ называемыя «оростяги»,—тонкія, крученыя бечевки около двухъ аршинъ длины, и къ каждой изъ нихъ привязанъ крючокъ съ наживкою; на каждой стоянкѣ имѣется, слѣдовательно, около 100—120 крючковъ; на двѣнадцативерстномъ ярусѣ ихъ—отъ двѣнадцати до четырнадцати тысячъ.

Когда приготовленный ярусъ закинутъ въ океанъ, то получается такая картина: на одномъ концѣ яруса плаваетъ на поверхности воды «кубасъ», или буекъ; у каждаго изъ промышленниковъ для отличія имѣются свои особые значки; отъ кубаса вглубь океана идетъ бечева до двухсотъ саженъ глубины, и на ней—якорь. Отъ этого кубаса вытягивается ярусъ по поверхности океана, мѣ-

стами поддерживаемый другими кубасами, поплавками, по направленію, избранному кормчимъ. Четырнадцать тысячъ крючковъ, наживленныхъ рыбкой мойвою, о которой, какъ о предметѣ очень важномъ, будетъ сказано вслѣдъ за этимъ, или песчанкою, или червемъ, или, наконецъ, если нѣтъ лучшаго, кусками свѣжей трески, качаются въ водѣ одинъ подлѣ другого, на всемъ протяженіи яруса, ожидая прохода трески; на другомъ крайнемъ концѣ яруса—тоже якорь, тоже кубасъ, и къ нему-то привязывается сама шняка, въ которой послѣ долгаго труда засыпаютъ промышленники, выжидая время уборки яруса, то-есть около шести часовъ времени, что̀ соотвѣтствуетъ одной полной водѣ; это время стоянки называется «ложей». Затѣмъ, слѣдуетъ уборка яруса и возвращеніе съ добычею домой. Въ непогоду, въ теченіе недѣли ярусъ можно выкинуть не болѣе двухъ разъ,—такъ тяжела эта работа.

Трудно себѣ вообразить все количество труда, умѣнья и смѣлости, которыя необходимы, чтобы произвести всю описанную операцію! Легко ли шнякѣ, имѣющей съ небольшимъ сажень ширины, наживить четырнадцать тысячъ крючковъ и выкинуть ярусъ такъ, чтобы онъ не перепутался крючками и каждая изъ оростягъ висѣла по назначенію! При этомъ необходимо принять во вниманіе почти вѣчное порывистое волненіе океана, мѣшающее работать, весенній и осенній холодъ, обмораживающій и леденящій руки; необходимость такъ же бережно убрать ярусъ, какъ его ставили (иначе съ нимъ не распутаешься)! Прибытіе къ становищу,—это начало новой работы: приведеніе въ порядокъ яруса и немедленная заготовка уловленной трески,—немедленная, потому что иначе вся она погибнетъ. А сколько случаевъ, что непогода помѣшаетъ кончить уловъ, что шквалъ сорветъ со стоянки шняку, что акулы, падкія до трески, пожрутъ часть улова или—что̀ еще хуже—перепутаютъ, разрушатъ ярусъ.

Вторая работа, заготовка трески, по прибытіи на берегъ, очень кропотлива. Треска, только-что пойманная, рыба очень некрасивая, съ большою головою, большимъ прожорливымъ брюхомъ и какого-то зеленовато-чернаго, непривлекательнаго цвѣта; это—не тѣ изящные серебряные сиги, лососки и семги, которые уже по одному виду своему вкусны. Работа начинается съ того, что тяглецъ отрубаетъ рыбѣ голову, кормщикъ распластываетъ ее и разворачиваетъ, такъ что на одной сторонѣ ея остается хребетная кость, и вручаетъ внутренности наживочнику, который отдѣляетъ отъ нихъ самую дорогую часть—печень или «максу», матеріалъ, служащій для изготовленія извѣстнаго рыбьяго жира, а остальное кидается въ море. Еще недавно головы трески тоже выкидывались въ море; теперь собираютъ ихъ и сушатъ для продажи норвежцамъ, вырабатывающимъ изъ нихъ отличное гуано; головы эти составляютъ собственность покручниковъ и покупаются у нихъ хозяевами копѣекъ по двадцати за сотню; осенью, высушенныя, онѣ продаются хозяевами норвежцамъ уже значительно дороже. Можетъ быть, время и добрые люди научатъ когда-нибудь поморовъ не выкидывать въ море полезныхъ внутренностей трески, тоже пригодныхъ на переработку въ отличное удобреніе. Еще недавно, какъ сказано, выкидывались головы трески; еще недавно на одномъ изъ двухъ нашихъ кито-



Стоянка шняки послѣ постановки яруса.

бойныхъ заводовъ пользовались только китовымъ жиромъ, китовымъ усомъ и китовымъ ухомъ,—послѣднимъ для очень характерныхъ пепельницъ,—а остальныя части туловища кита, представляющія огромную цѣнность, бросали въ море. Это кажется невѣроятнымъ, но это—такъ.

Дальнѣйшая операція съ трескою, какъ она производится на Мурманѣ, тоже очень любопытна. Послѣ навѣски рыбы, произведенной для того, чтобы артели могли знать, кто сколько получаетъ, треску, сильно загрязнившуюся при этой навѣскѣ, необмытую, окровавленную, укладываютъ или подъ особые навѣсы, или прямо на судно, принимающее треску для дальнѣйшаго препровожденія; кладутъ ее обыкновенно рядами, одинъ поперекъ другого, и чуть-чуть просаливаютъ. Это «чуть-чуть» соли и сохраненіе въ распластанной трескѣ хребетной кости, способствующей гніенію, обусловливаютъ низкую стоимость нашей русской трески на рынкѣ и общеизвѣстный убійственный запахъ ея. Если скупость на соль еще имѣетъ какія-либо причины, довольно основательныя впрочемъ, а именно—недостатокъ ея, — недостатокъ, впрочемъ, легко устранимый, то сохраненіе хребтовой кости, — это полнѣйшій, вполнѣ дѣтскій самообманъ промышленниковъ: хребтовая кость, правда, придаетъ трескѣ бо́льше вѣсу, но зато понижаетъ ея стоимость несравненно больше. Помимо соленія трески, весьма дурного, какъ сказано, на Мурманѣ ее еще и сушатъ, вывѣшивая раздѣленную на-двое рыбу на длинныя жерди, такъ называемые «палтуха», лежащіе на козлахъ, называемыхъ «елунцами». Въ Норвегіи въ большомъ ходу своеобразныя приготовленія трески, извѣстныя подъ именами «лабардана», «штокфиша», и др., имѣющія хорошій сбытъ; но нашъ Мурманъ предпочитаетъ оставаться при завѣщанной предками простотѣ прежняго времени.

Когда вельботъ подошелъ къ песчаной косѣ, на которой расположено поселеніе, на берегу виднѣлись далеко кругомъ палтуха и елунцы; были вытянуты по кольямъ и разостланы по песку различныя сѣти; возлѣ невысокихъ избенокъ вдоль изгородей, подъ крышами, на крышахъ виднѣлась треска; ярко, ярко обозначался на сѣромъ фонѣ обнаженныхъ скалъ бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ надъ больницею.

Сойдя на берегъ, путешественники направились прямо въ церковь; это нѣчто въ родѣ выбѣленной избы, и въ ней небольшая комната съ сѣнями; иконостасъ очень малъ и бѣденъ, и на немъ едва ли найдется десятокъ образовъ; маленькій куполъ-колокольня отличаетъ церковь въ длинномъ ряду сѣренькихъ, низенькихъ избъ, разбросанныхъ по пескамъ, отчасти обросшихъ травою. Церковь построена немного поодаль отъ жилыхъ строеній; направляясь къ ней, приходилось то и дѣло цѣпляться за разостланныя по песку сѣти, что̀ для людей непривычныхъ было особенно неудобно. Такъ какъ Териберка густо населяется лѣтомъ, а зимуетъ въ ней только нѣсколько семействъ, то и священникъ пріѣзжаетъ сюда исключительно на лѣтніе мѣсяцы. Едва ли будетъ ошибкою сказать, что изъ всѣхъ православныхъ храмовъ Россіи эта церковь—самая бѣдная, самая спротная.

Изъ церкви путешественники прошли въ больницу. Еще недавно на всемъ Мурманѣ медицинской помощи не было никакой, если не считать двухъ-трехъ

фельдшеровъ, терявшихся со своими великими научными познаніями въ безконечныхъ пространствахъ побережья! До 1860 года не командировали даже и фельдшеровъ; въ 1883 году впервые выработанъ и утвержденъ главнымъ управленіемъ общества Краснаго Креста проектъ устройства временныхъ, подвижныхъ лазаретовъ и пріемныхъ покоевъ архангельскаго общества Краснаго Креста на Мурманскомъ берегу. Больница не велика, но устроена чисто; при ней находятся двѣ сестры Холмогорскаго женскаго монастыря; больныхъ оказалось только пять человѣкъ. Всѣхъ временныхъ больницъ въ настоящее время на Мурманѣ четыре: Териберка, Цыпъ-Наволокъ, Семь-Острововъ и Киберка.

Въ Териберкѣ скопляется народа больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Лѣтомъ 1884 года собралось тутъ 460 человѣкъ, изъ нихъ 175 зуйковъ; въ числѣ послѣднихъ нѣсколько женщинъ, не желающихъ покидать своихъ мужей. Ловятъ эти люди на 141 суднѣ, и становъ у нихъ двадцать; постоянно живетъ здѣсь пятьдесятъ восемь человѣкъ русскихъ колонистовъ, или тринадцать семействъ; они имѣютъ одиннадцать жилыхъ строеній, рогатаго скота три головы, овецъ двадцать, оленей, пасущихся зимой по сосѣдству, а лѣтомъ уходящихъ дальше,—тридцать головъ. Кромѣ тресковаго промысла, тутъ ловятъ въ заливахъ и губѣ семгу и пользуются половиною семужьихъ угодій по рѣкѣ Териберкѣ; другая половина принадлежитъ лопарямъ Кильдинскаго погоста. По рѣкѣ имѣется вдоволь и сѣна, и дровъ; попадаются и пушные звѣри.

Териберка замѣчательна тѣмъ, что это одновременно факторія, колонія и становище. Факторіями называютъ по Мурману мѣста, въ которыхъ имѣется какая-либо торговля, главнымъ образомъ, рыболовными принадлежностями и припасами; колоніями—постоянныя, осѣдлыя поселенія, пользующіяся нѣкоторыми, закономъ опредѣленными, льготами, и, наконецъ, становищами — мѣста причаловъ и лѣтнихъ поселеній промышленниковъ, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ. Въ Териберкѣ—только двѣ факторіи; торговые обороты териберскихъ фактористовъ достаточно велики: одного—до 17.000 рублей, другого—до 60.000 рублей.

Осмотръ Териберки представлялъ высокій интересъ. Путешественники находились все время въ атмосферѣ, насыщенной запахомъ трески, цѣплялись за сѣти; длинными гирляндами висѣли повсюду тресковыя головы, треска, вязига; зуйки—будущіе поморы—шмыгали подъ ногами самымъ развязнымъ образомъ. Нельзя было не обратить вниманія на грязь тѣхъ чановъ, въ которыхъ хранится дорогой тресковый жиръ. Эта грязь—причина того, что петербургскіе дрогисты платятъ за пудъ норвежскаго жира, чистаго, свѣтлаго, до тридцати рублей; за нашъ же родной Мурманскій—только восемь рублей. Что̀ теряется на одной этой грязи, — и сообразить трудно. У обоихъ фактористовъ Териберки имѣется по одному заводу съ паровыми машинами для приготовленія рыбьяго жира.

Годовой уловъ трески по Мурманскому берегу весьма неодинаковъ и достигаетъ въ среднемъ 600.000 пудовъ; легко могло бы быть вдесятеро больше; на Маргаритинской ярмаркѣ, въ Архангельскѣ, треска идетъ соленая до 1 рубля 50 копѣекъ за пудъ, сушеная—около четырехъ рублей. Обидно сознавать, что

на этой же ярмаркѣ норвежской трески продается нерѣдко до 860.000 пудовъ, нашей только 250.000; а между тѣмъ не надо забывать, что наши сѣверныя губерніи живутъ треской, замѣняющею хлѣбъ. Специфическій запахъ трески въ крестьянскихъ домахъ начинаетъ преслѣдовать путника чуть ли не отъ сліянія Сухоны съ Югомъ; линія его распространенія очень точно опредѣляется линіею недозрѣванія ржи; весьма значителенъ сбытъ трески въ Петербургъ, Москву, на Поволожье; но вездѣ, рѣшительно вездѣ предшествуетъ нашей—норвежская треска. Трудно представить себѣ, до чего вкусна треска свѣжая; она не выдерживаетъ, впрочемъ, и нѣсколькихъ часовъ пути, но способна въ рукахъ хорошаго повара дать тончайшія гастрономическія блюда.

Кромѣ добычи ярусами, треска добывается поморами и на «поддевъ»—на удочку. Этотъ способъ улова составляетъ немаловажную статью заработковъ на побережьи, во многихъ мѣстахъ единственную, тоже очень прибыльную и не зависящую отъ погоды и даже отъ времени года. Но нельзя не остановиться въ заключеніе очерка тресковаго промысла, составляющаго, безспорно, крупнѣйшую хозяйственную отрасль нашего Поморья, крупнѣйшую на ряду съ такими крупными промыслами, какъ китобойный, сельдяной, семужій и звѣриный, на возникшемъ въ недавнее время обществѣ «Рыбакъ», имѣющемъ въ виду исключительно тресковый промыселъ. Общество это избрало средоточіемъ своей дѣятельности факторію въ корабельной бухтѣ, и еще до 1882 года введены имъ въ мурманскій промыселъ двѣ существенныя новинки: «морозники»—для сохраненія мойвы—и «кошельковый неводъ»—для ея ловли, успѣшно замѣняющій не особенно пригодныя въ данной случаѣ простые неводы.

Рыбешка «мойва», весьма схожая съ крупною корюшкою или небольшою сельдью,—рыбешка, названіе которой въ нашихъ столицахъ даже неизвѣстно—составляетъ, такъ сказать, основаніе главныхъ промысловъ нашего Поморья. Если, какъ было сказано, линіею недозрѣванія ржи опредѣляется линія распространенія по Россіи трески, какъ главнаго предмета пищи, то движеніемъ, передвиженіемъ и количествомъ мойвы опредѣляется весь заработокъ помора. Нѣтъ мойвы—нѣтъ улова; гдѣ мойва—тамъ и треска, и китъ, и многіе другіе изъ вкусныхъ или доходныхъ обитателей океана; всѣ остальныя наживки—только подсобляющія, въ мойвѣ—вся суть. Отъ давнихъ временъ существовали такъ называемыя «мойвенныя» артели, на обязанности которыхъ лежало и лежитъ ловить исключительно ее, и только тогда, когда артели эти завершили свое дѣло, покручники могутъ выѣзжать на промыслы. Есть излюбленныя мойвою мѣста и извѣстны особенно богатые ею мѣсяцы. Но наловить ее еще не значитъ сохранить и обезпечить себя ею на все лѣто. Въ числѣ многихъ чудесъ Земли Русской встрѣчается здѣсь чудо совершенно поразительное: тамъ, гдѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ можно вволю гулять по снѣгу, нѣтъ и не было никогда «морозниковъ», ледниковъ для сохраненія безусловно необходимой мойвы! Къ описываемому времени посѣщенія Териберки мѣстные промышленники уже не имѣли мойвы и должны были ограничиваться песчанкою. Возникшее общество «Рыбакъ» уже получило извѣстную долю пользы отъ продажи мороженой мойвы нашимъ поморамъ. Это—одно изъ нововведеній «Рыбака», но есть и другое. Дѣло въ

томъ, что общество это построило и пользуется американскою промысловою шхуною. Шхуна эта—что̀ весьма важно,—такъ велика, что она одновременно служитъ и жилищемъ поморовъ, и промысловымъ судномъ, и складомъ для пойманной рыбы; при шхунѣ имѣется шесть плоскодонныхъ лодокъ, такъ называемыхъ «дорій»; на ней есть морозникъ для храненія мойвы. Шхуна совершенно свободна въ своихъ движеніяхъ. Она можетъ, въ случаѣ надобности, направиться къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ густые тресковые юры; здѣсь спускаетъ она свои лодки, съ которыхъ по радіусамъ отъ шхуны и производится ловъ; одинъ человѣкъ гребетъ, другой выпускаетъ небольшой хорошо осмоленный и наверпутый на кадушку ярусъ. Въ случаѣ непогоды, шхуна подбираетъ лодки; при передвиженіи тресковыхъ юровъ она ихъ преслѣдуетъ; ей не зачѣмъ возвращаться къ берегу, какъ нашей поморской шнякѣ, не поднимающей болѣе двухсотъ пудовъ наловленной рыбы. Само собою разумѣется, что постройка такого рыболовнаго судна требуетъ значительной затраты капитала; но и между хозяевами шнякъ есть люди состоятельные, и работать вкладчину для русскаго промышленника—дѣло не диковинное. Примѣръ показанъ обществомъ «Рыбакъ». Что же касается устройства на Мурманѣ «морозниковъ», то это дѣло до такой степени простое, наглядное, необходимое, что несуществованіе ихъ должно быть отнесено къ чудесамъ Земли Русской, о которыхъ и любопытно, и чрезвычайно полезно иногда поговорить. Общество «Рыбакъ», еще до времени прибытія путешественниковъ, отправило въ Петербургъ свой пароходъ «Мурманъ» съ наловленною трескою. У него имѣлись двѣ промысловыя яхты, американская и шведская, и пароходикъ «Мойва», назначенный для храненія и продажи лѣтомъ замороженной наживки.

Выше упоминалось о недостаткѣ соли,—недостаткѣ, который чувствуется по всему нашему Поморью; это явленіе—довольно странное. По имѣющимся свѣдѣніямъ, еще въ началѣ текущаго столѣтія въ Архангельской губерніи добывалось до 200.000 пудовъ соли; она была недоброкачественна, и это обусловило то, что въ настоящее время на Мурманъ привозятъ иностранной соли до 300.000 пудовъ, и прежде всего страдаютъ отъ этого бѣднѣйшіе поморы. Между тѣмъ, по офиціальному изслѣдованію Ненокскихъ соляныхъ источниковъ и мѣстныхъ варницъ, оказывается, что все дѣло въ простомъ улучшеніи техники работы; о немъ не заботятся; наша соль не улучшается и волей-неволей уступаетъ мѣсто иностранной. Если успѣшно пойдутъ дѣла общества «Рыбакъ», такъ это именно потому, что оно занялось улучшеніемъ техники лова; то же—и съ солью: стоитъ улучшить варницы, не пожалѣвъ средствъ, и тогда солеварамъ не придется возлагать надежды только на то, что Правительство избавитъ нашу соль отъ иностранной конкуренціи возвышеніемъ пошлины. Въ настоящее время, добыча на нашемъ Сѣверѣ соли не превышаетъ 50.000 пудовъ.

Отъ Териберки къ Арѣ губѣ.

Видъ Мурмана въ солнечный день. Западная часть его. Характеръ скалъ. Гольфстремъ. Островъ Кильдинъ. Міръ пернатыхъ. Охотничьи разсказы. Иностранцы. Прибытіе къ китобойному заводу.

Іюня 21-го былъ яркій, горячій день. Около восьми часовъ утра, снявшись съ якоря, крейсеръ покинулъ Териберскую бухту. По выходѣ въ океанъ, онъ взялъ курсъ на западъ, къ границѣ Норвегіи, въ обходъ острова Кильдина, направляясь къ самому сѣверному, къ самому далекому пункту плаванія—къ Арской губѣ, такъ что Кола, въ который онъ заѣдетъ на обратномъ пути, самый сѣверный городъ Россіи, останется къ югу слишкомъ на полъ-градуса широты. Вѣтра нѣтъ почти никакого, но зыбь все-таки велика; куда дѣвались и темень, и туманъ, и могучіе порывы шторма; кажется, имъ и мѣста не могло быть въ этой безупречной лазури неба, надъ свѣтящеюся волною океана, надъ розовыми очертаніями мурманскихъ скалъ. Можно ли было предполагать, что эти изможденныя скалы тоже умѣютъ быть розовыми?

А Ледовитый океанъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ обладаетъ богатыми красками; разрѣзываемая пароходомъ вода—цвѣта зеленаго, выступающаго съ особенною яркостью, благодаря безусловной бѣлизнѣ пѣны, разстилающейся по ней кружевомъ; дальше, тамъ, гдѣ, повидимому, волнъ больше, гдѣ онѣ нестрятъ своими несчетными гребнями, кажущимися за далью малыми гребешками, и, наконецъ, исчезаютъ,—искрящаяся зелень переходитъ въ глубокую синь, въ сильнѣйшій аквамаринъ. На самомъ горизонтѣ, на сѣверѣ, этотъ аквамаринъ сгущается въ одну могучую бархатную черту, проведенную гигантскою рукою живописца, какъ бы сказавшаго этимъ: «тутъ небо, тутъ водное пространство,—никогда имъ не смѣшиваться!» и голубое небо, какъ оно ни лазурно, не перс-

ходитъ завѣтной бархатной черты глубочайшей сини водной пучины, способной, какъ люди, на страсти, на страданія и на великія радости.

Хотя вѣтра не было почти никакого, но зыбь въ океанѣ, какъ сказано выше, ходила отнюдь не слабѣе вчерашней. Не скоро улегаются взводни Ледовитаго океана; цѣлыми днями длятся они, когда причина ихъ—вѣтеръ—давно уже прекратилась. Та же самая вышина волнъ, то же почти широкое раскачиваніе судна, только не льется вода черезъ бортъ, не клубится она въ шпигаты; и если злобствовали волны вчера, сегодня онѣ только запгрываютъ, такъ, да не совсѣмъ такъ: вчера все было пасмурно, сыро, сѣро, все рокотало, свистѣло, было холодно; сегодня все лазурно, волна ласкаетъ своимъ шумомъ, не пробуравливаемая вихрями, и солнце ярко, и вамъ тепло.

А берегъ? Мурманскій берегъ? Онъ былъ весь впереди, вытянутый въ безконечность въ самой живописной его части. Если про какія-либо скалы въ мірѣ можно сказать, что онѣ похожи на остовы. скелеты, такъ это именно—о Мурманѣ. Онѣ, эти скалы, въ очертаніяхъ своихъ костлявы и жилисты, и жилы эти какъ-будто служили когда-то путями какой-то жизни и остались слѣдами погасшихъ геологическихъ процессовъ отъ тѣхъ дней, когда камни еще двигались и совершали свои странствія. Берегъ, иззубренный, продырявленный, выдвинутый со дна океана, съ великой глубины, совершенно обнаженъ; граниты и гнейсы—оголенные; при колоссальныхъ размѣрахъ пейзажа, ни во что пойдутъ, конечно, всякіе мхи, обильно и цѣпко растущіе повсюду, равно какъ чрезвычайно миловидная розовыми цвѣточками своими мелкая воронича и, наконецъ, березка-лилипутъ, березка-карлица, стланецъ, предпочитающая стлаться по землѣ, поблескивая своими густозелеными, крѣпкими листиками, въ серебряный гривенникъ величиною. Послѣдняя представительница на Сѣверѣ нашихъ лиственныхъ лѣсовъ, березка, съежившись и мельчая, все-таки не покидаетъ здѣсь родной земли, гнется къ ней, лобызаетъ, довольствуется тѣмъ, что даетъ ей эта тощая земля, а даетъ она ей очень мало, и то только въ теченіе короткаго, двухмѣсячнаго лѣта.

Обращенный въ сторону океана, Мурманскій берегъ, начиная отъ Святаго Носа до норвежской границы, т.-е. на всемъ его тысячеверстномъ протяженіи, представляетъ весьма разнообразную поверхность: она постепенно возвышается по мѣрѣ приближенія къ норвежской границѣ. Скалы Терскаго берега, Святаго Носа, Семи Острововъ, Оленьяго, Териберки не превышаютъ 400 футовъ; очертанія этихъ береговъ въ высшей степени однообразны, большихъ заливовъ нѣтъ; начиная отъ Териберки, скалы вырастаютъ, достигаютъ 700 футовъ, и берега изрѣзываются глубокими бухтами; множество острововъ, съ ихъ разнообразными очертаніями, дробитъ на многіе планы неподвижный, утомительный видъ Мурмана и образуетъ множество глубоко-художественныхъ эффектовъ. Это—съ художественной стороны, но и со всякихъ другихъ сторонъ западная часть Мурманскаго побережья является и характерною, и достойною серьезнаго вниманія.

Гольфстремъ — теплое теченіе, опоясывающее наше полушаріе, направляется, какъ извѣстно, къ западнымъ берегамъ Норвегіи, въ ея фіорды; онъ

заходитъ прямо въ нихъ и обусловливаетъ мягкость температуры и развитіе рыбнаго промысла, которыя служатъ главнѣйшею основою существованія всего Норвежскаго побережья. Что тамъ все это процвѣтаетъ, что къ услугамъ рыбаковъ имѣются телеграфы и телефоны, срочныя пароходства и удобства сбыта,—причина этого кроется, конечно, не въ одномъ только благодѣтельномъ, оживотворяющемъ гольфстремѣ, такъ какъ онъ касается и Россіи и приноситъ и ей свою обильную ленту. Облагодѣтельствовавъ норвежскіе фіорды, онъ отталкивается ими, огибаетъ Норвегію и направляется прямо на нашъ Рыбачій полуостровъ; отсюда, полосою въ полтораста миль ширины, идетъ онъ сперва къ юго-востоку, затѣмъ, къ востоку и, наконецъ, отклоняется на востоко-сѣверо-востокъ, постепенно удаляясь отъ нашихъ береговъ и уже у Святаго Носа находится въ одномъ градусѣ разстоянія по прямому пути на Новую Землю. Вся причина обилія трески, сельди и идущихъ за ними крупныхъ представителей морской фауны — китовъ, акулъ, и др., кроется исключительно въ этомъ тепломъ теченіи, отчасти касающемся и Россіи; отъ него же зависитъ и незамерзаніе многихъ нашихъ сѣверныхъ бухтъ въ глубокую зиму, когда и Нева и Волга скованы льдами; оно же, одновременно съ бурливымъ характеромъ Сѣвернаго океана, обусловливаетъ и то, что берега океана мѣстами не замерзаютъ совершенно или замерзаютъ узкою полоскою верстъ на тридцать, временно, при чемъ этотъ «припай» льдовъ, не успѣвъ образоваться, уже ломается и разносится по сторонамъ, унося съ собою зачастую промышленниковъ, ушедшихъ на «наледный промыселъ».

Рыбачій полуостровъ, почти-что омываемый гольфстремомъ,—самое бойкое мѣсто нашего западнаго Мурмана, служитъ центромъ весенняго лова, и къ нему-то чрезъ Колу и другими путями идутъ со всѣхъ сторонъ тѣ наши промышленники, о мартовскихъ походахъ которыхъ сказано было выше. Тутъ же, въ этихъ мѣстахъ Мурманскаго побережья, еще со времени новгородцевъ, широко занималась жизнь; сюда заглянулъ, образовывая китобойное дѣло, Петръ Великій; здѣсь существуетъ Екатерининская гавань, въ которой зимовалъ когда-то нашъ военный флотъ; здѣсь же, наконецъ, въ послѣднюю четверть вѣка, когда поднялись первые голоса въ пользу нашего забытаго Сѣвера, сказалась первая попытка его оживленія и эксплуатаціи; тутъ въ настоящее время сосредоточивается весь промышленный Мурманъ, и, наконецъ, въ будущемъ — вѣроятно нигдѣ, какъ тутъ — должны мы стать твердою военною ногою. Обидно видѣть на картѣ, изданной гидрографическимъ департаментомъ, что, какъ-разъ подлѣ этихъ мѣстъ, на самомъ сѣверномъ пунктѣ Норвегіи, открытая со всѣхъ сторонъ всѣмъ вѣтрамъ, обозначена лучистою звѣздочкою крѣпостца Вардэ-Хусъ; она словно зарится на нашъ Рыбачій полуостровъ.

По мѣрѣ движенія «Забіяки» на западъ, по мѣрѣ того, какъ въ полной солнечной ясности тянулись предъ глазами разныя очертанія скалъ надъ глубокою зеленью океана, картины становились все привлекательнѣе—не жизнью людскою, которой здѣсь все-таки очень мало, но возможностью такой жизни въ будущемъ. Примѣръ маленькой Норвегіи у всѣхъ на глазахъ: сѣверъ ея оживился только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Крейсеру пришлось выйти въ открытый океанъ довольно далеко или, какъ говорятъ поморы, «въ голомя», въ открытое море, для того, чтобы обогнуть самый характерный, въ геологическомъ отношеніи, островъ Кильдинъ. Мало на Мурманѣ такихъ выдѣляющихся своею конфигураціею мѣстъ, какъ Кильдинъ. Онъ виденъ за много, много миль, какъ съ востока, такъ и съ запада. Если смотрѣть на него съ моря во всю его длину, составляющую девять миль, онъ представляется совершенно отвѣсною, со всѣхъ сторонъ обрубленною и обнаженною скалою въ 600—650 футовъ вышины; только снизу будто присыпанъ къ нему песокъ, чтобы скала не качалась. Тутъ, въ этомъ внѣшнемъ видѣ острова Кильдина, все—обманъ. Во-первыхъ, это—не скала, а хрупкіе сланцы первозданныхъ породъ, песокъ, если угодно; всѣ острова, весь матерой берегъ начиная отъ Бѣлаго моря, все это—гранитъ; по словамъ геолога Иностранцева, острова Бѣлаго моря гнейсовые, а вотъ именно Кильдинъ почему-то составился изъ хрупкихъ сланцевъ и принялъ неуклюжую, столообразную форму. Другой обманъ — это пустынность Кильдина. Съ сѣвера, съ моря, онъ дѣйствительно совершенно обнаженъ,—даже и мховъ на немъ не замѣтно; но съ юга, тамъ, гдѣ отдѣляется онъ отъ матерой земли узкимъ проливомъ, отъ 350 саженъ до трехъ верстъ ширины, онъ представляетъ рядъ террасъ, возвышающихся амфитеатромъ и густо поросшихъ богатою зеленью. Это южная сторона Кильдина; она совсѣмъ защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ; есть здѣсь и прѣсная вода, сбѣгающая изъ находящагося на столовой поверхности острова озера, есть и поселеніе, и имѣются олени.

Было около полудня, когда, обогнувъ Кильдинъ, судно начало сворачивать къ юго-западу, направляясь къ губѣ Ара. Отсюда видъ становился очень красивъ, потому что впереди изъ волнъ океана возникла въ полной цѣльности одною своею стороною вся главная, животрепещущая западная часть Мурмана. Впереди, далеко впереди видѣлся очень ясно, даже съ деталями скалъ и ихъ очертаній, Рыбачій полуостровъ, находившійся миляхъ въ тридцати. Въ сіяніи полуденнаго солнца надъ глубокою синью моря полуостровъ этотъ, состоящій изъ темныхъ шиферовъ, казался весь розовымъ съ сильными полосами бѣлыхъ снѣговъ, залегавшихъ на немъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Онъ казался островомъ, потому что Мотовскій заливъ какъ бы отрѣзывалъ его отъ материка совершенно. Влѣво отъ парохода, на такомъ же разстояніи, пестрая собою монотонность линіи береговыхъ скалъ, обозначались одинъ подлѣ другого входы въ бухты Уру и Ару; судно направлялось къ послѣдней, самой дальней. Скалы, обрамляющія оба входа, освѣщаемыя солнцемъ сбоку, очень красиво оттѣнялись. По мѣрѣ приближенія къ нимъ, нагота ихъ становилась совершенно наглядною, и могучія волны буруна злобно ударяли въ нихъ, вытягивая вдоль береговъ длинную ленту звѣздившейся пѣны.

Если вчера, входя въ Териберку, крейсеръ двигался осторожно,—сегодня не уменьшалъ онъ хода, увѣренно направляясь къ проливу. Онъ держался болѣе лѣвой стороны; справа, на низенькіе Арскіе острова, состоящіе изъ огромныхъ гранитныхъ глыбъ, океанская зыбь налегала неимовѣрно сильнымъ буруномъ. Въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ сине-зеленыя волны взлетали на острый

Входъ судна въ губу Ару. Толстикъ.

мысокъ ближайшаго, совершенно открытаго сѣверо-восточному вѣтру островка. Тутъ уже не одною только бѣлою полосою, а нѣсколькими параллельными, разорванными полосами виднѣлась пѣна прибоя, вздымаемая безконечно возобновлявшеюся волною. Полосъ этой бѣлой пѣны было много; дальнѣйшія отъ берега, старѣйшія, покачивались будто мертвыя, отжившія, и исчезали. И трескъ, и стонъ неслись отъ этой могучей толчеи, и «Забіяка» очень благоразумно держался отъ нея возможно далеко, ближе къ лѣвому берегу.

Эта лѣвая сторона представляла изъ себя нѣчто совершенно противоположное. Тутъ поднимались совершенно отвѣсныя, высокія скалы, такъ называемый Толстикъ; въ могучую, накренившуюся темную щель, наполненную осколками попадавшихъ въ нее камней, скрывался прыгавшій съ вершины водопадъ, слѣдъ вчерашняго дождя. На всѣхъ выступахъ Толстика, по всѣмъ острымъ кронштейнамъ и фантастическимъ карнизамъ, на мягкихъ подушечкахъ мховъ, будто на диванчикахъ, высоко, высоко, подъ самый верхній край скалы возсѣдала въ огромномъ количествѣ морская птица. При приближеніи судна, съ мѣстъ слетали немногія; но когда пароходъ, чтобы оповѣстить о своемъ приходѣ лежащій въ глубокой бухтѣ китобойный заводъ, далъ свой баистый свистокъ волжскаго пошиба, большинство птицъ шарахнулось со своихъ сидѣній и пустилось въ летъ. Одни изъ нихъ улетали опрометью, чуть не касаясь трубы и мачтъ парохода, въ сторону; другія тотчасъ же возвращались, покружившись тревожно и немного: должно быть, это были матери.

Міръ пернатыхъ по нашему сѣверному Поморью очень богатъ. Часкъ тутъ больше всего, затѣмъ слѣдуютъ утки. Цѣннѣе всѣхъ, безспорно, гага, Somateria mollissima, сохраненіе яицъ которой въ Норвегіи вызвало самые строгіе охранительные законы; послѣднихъ, къ сожалѣнію, въ Россіи не имѣется, и бѣдная гага, которой очень нравились когда-то наши бухты и заливчики, почти покинула ихъ, почти перевелась; за полученіемъ гагачьяго пуха русскимъ приходится теперь обращаться къ Норвегіи. Характерна изъ здѣшнихъ птицъ кайра, съ бѣлою грудью и черною спиною, съ ногами, поставленными далеко назади; кайра выстиваетъ одно только яйцо, синее, испещренное какъ будто еврейскими буквами. Очень малъ и юрокъ черненькій съ краснымъ носкомъ и лапками чистикъ; крупенъ и важенъ черный бакланъ, обладающій зобомъ, схожимъ съ тѣмъ, что отличаетъ пеликана; очень велики нѣкоторые виды морскихъ орловъ. Чаекъ, какъ сказано, больше другихъ: Larus marinus, L. argentatus, L. tridactylis, L. canus—чайка-буревѣстникъ; очень характерна Lestris parasitiens—разбойница, ворующая рыбу, уже схваченныхъ другою птицею; камнепворка, Strepsilas interpres, ворочающая камешки для добычи червяковъ; слѣдуютъ морскія ласточки, морскія сороки, морскіе кулики, гагары, глупыши и т. д. Сычей и совъ достаточно; дикіе возгласы ихъ по ночамъ и раскатывающееся эхо пугаютъ поморовъ, и тогда говорится, что «лѣшій вторьемъ морочитъ». Это—цѣлый особенный міръ пернатыхъ, все больше бѣлыхъ, сѣрыхъ и черныхъ, но почти у всѣхъ изъ нихъ есть какія-либо яркія отмѣтины: красный клювъ, клокъ ярко-синихъ перьевъ, пятно на лбу или на груди, напоминающія о другихъ, болѣе счастливыхъ странахъ красокъ и свѣта.

Какія именно изъ этихъ птицъ, вспугнутыя свисткомъ парохода, кружились надъ головами,—сказать невозможно: во-первыхъ, потому, что ихъ было слишкомъ много, а во-вторыхъ—потому, что судно продолжало идти полнымъ ходомъ, не стѣсняясь птицами, направляясь къ китобойному заводу. «Лотовый на лотъ!» послышались командныя слова, и пароходъ пошелъ самымъ тихимъ ходомъ: слѣдовали промѣры. Заводъ открылся вправо. Онъ построенъ вокругъ небольшой бухты, совершенно закрытой отъ всякихъ вѣтровъ, но очень маленькой. Можно было вволю налюбоваться дѣйствительно красивымъ видомъ на это еще такъ недавно возникшее поселеніе, потому что судно едва двигалось. Вправо, на скалистомъ отдѣльномъ холмѣ, стоялъ двухъэтажный домъ управляющаго заводомъ; прямо противъ моря поднимались деревянныя постройки завода, размѣстившись у подножія скалъ; передъ ними, частью въ водѣ, на дощатой покатости лежали два убитыхъ кита: большой—синій и малый—полосатикъ. Темныя исполинскія туловища ихъ блестѣли на солнцѣ будто лакированныя; темныя крутыя полосы бороздили тѣла. Съ вершины скалы, поверхъ завода, сползалъ небольшой водопадикъ, бѣгущій отъ двухъ небольшихъ расположенныхъ на горѣ озеръ; онъ будто плакалъ о судьбѣ водяныхъ гигантовъ, привлеченныхъ въ эту маленькую бухточку и ожидавшихъ терпѣливо и безмолвно своего распластанія, и спускался къ нимъ по острымъ уступамъ скалы.

На самой бухтѣ, расцвѣченныя флагами, слегка покачивались пять китобойныхъ пароходовъ, принадлежащихъ двумъ компаніямъ: той, заводъ которой посѣтило судно, и другой, имѣющей свой центръ въ Еретикахъ, который предстояло посѣтить на слѣдующій день. На носахъ пароходовъ виднѣлись небольшія толстенькія пушки, которыми стрѣляютъ китовъ; на мачтѣ одного изъ нихъ висѣла плетеная корзина, изъ которой, какъ съ вышки, высматриваютъ кита.

День былъ удивительно ясенъ, прозраченъ; глаза, утомленные видомъ голыхъ скалъ, успокоились на довольно яркой зелени береговъ бухточки; тутъ виднѣлись небольшія березки и какіе-то кустики вербы или лозы и чахлой рябины, просовывавшіеся сквозь груды обточенныхъ камней и кругляковъ. Мховъ и воронцы было тоже вволю; бѣлѣли ягели; голубая вода бухты такъ чиста, что тарелка, брошенная въ нее, совершенно исчезаетъ отъ глазъ только на глубинѣ тридцати саженъ. Цѣлыя стада рыбы кружились въ ней подлѣ крейсера, и вся игра ихъ была видна, какъ на ладони. Грохнулся якорь, и «Забіяка» остановился.

Термометръ показывалъ 20° въ тѣни, и картина была бы прелестная, если бы не запахъ самыхъ убійственныхъ свойствъ, доносившійся отъ поры до времени отъ завода и ждавшихъ своего распластанія китовыхъ тушъ.

Стоявшій тутъ заводъ—центръ дѣятельности «Товарищества китоловства на Мурманѣ», существующаго съ 1883 г. Затрачено на все дѣло въ теченіе двухъ лѣтъ свыше 300.000 рублей; промышленниковъ и рабочихъ на заводѣ имѣлось сто девять человѣкъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ десять, которые назначены исключительно для ловли трески, какъ главнаго предмета пищи, и остаются здѣсь сторожами на зиму. Товарищество имѣетъ два большіе китобойные парохода и еще одинъ, небольшой; на каждомъ изъ первыхъ двухъ—по

Губа Ара. Китобойный заводъ.

Губа Ара. Туши китовъ близъ китобойнаго завода.

десяти человѣкъ народа; собственно на заводѣ участвующихъ въ обработкѣ китовыхъ тушъ пятьдесятъ человѣкъ. Одною изъ первыхъ, но не единственныхъ выгодъ для мѣстныхъ людей отъ этого прочно поставленнаго дѣла является то, что заработная плата за лѣтній сезонъ, не превышавшая шестидесяти рублей, поднялась до девяноста рублей.

За это лѣто, ко времени посѣщенія судна, было убито двѣнадцать китовъ; въ недалекихъ Еретикахъ другою компаніею убито четырнадцать; тѣ два кита, туловища которыхъ блистали на солнцѣ, распространяя убійственное зловоніе, были счетомъ одиннадцатый и двѣнадцатый. Изъ этихъ двѣнадцати экземпляровъ было три синихъ и девять полосатиковъ, большинство—самки; мѣстные жители простодушно передавали, будто эти самки-киты, рѣзвясь по океану, принимаютъ китобойные пароходы за самцовъ. Сообщаютъ промышленники и другое наблюденіе, касающееся этихъ же странъ и такого же страннаго характера: толкуютъ, будто на Новой Землѣ, опять-таки по наблюденіямъ надъ убитыми экземплярами, въ противность всякимъ обычнымъ порядкамъ, самки и самцы моржей держатся въ отдѣльности на восточномъ и западномъ берегу острова. Островъ этотъ величиною чуть не съ Англію, и можно себѣ представить, какъ трудно этимъ зубастымъ, толстѣйшимъ и грузнѣйшимъ кавалерамъ быть любезными со своими склонными къ отшельничеству плотными дамами. Но опять-таки это, вѣроятно,—одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ охотничьихъ разсказовъ, которые сохраняютъ свою правдоподобность подъ всѣми градусами долготы и широты, совершенно на томъ же основаніи, на которомъ гранитъ остается вездѣ гранитомъ, а сланецъ—сланцемъ.

Замѣтимъ, однако, что эти и тому подобные разсказы далеко не безполезны. Иностранцы отлично умѣютъ представить ту или другую мѣстность любопытною, распуская о ней всякія возможныя и невозможныя сказки, правды, предположенія; люди любятъ чудеса и ѣздятъ къ нимъ. Мурманъ тоже, то и дѣло, посѣщался и посѣщается различными иностранцами. Передавали, что какой-то лордъ Дудлей съ женой и семействомъ ѣздитъ сюда ловить рыбу и зажигать папироску, съ помощью лупы, свѣтомъ полуночнаго солнца; какіе-то англичане арендуютъ у лопарей Назрѣцкаго погоста, Кемскаго уѣзда, рѣку Пазъ и пріѣзжаютъ лѣтомъ, на своихъ яхтахъ, для ученія рыбы; сообщаютъ о нѣсколькихъ посѣщеніяхъ какого-то Роланда Бонапарта; ученый французъ Рабо недавно появлялся здѣсь, отыскивая какіе-то допотопные черепа, небывалыхъ, исключительныхъ размѣровъ. Почему избралъ онъ для этой цѣли Россію и именно ея сѣверное побережье,—неизвѣстно.

Арскій китобойный заводъ.

Распространеніе кита и добыча продуктовъ. Распластываніе. Выварка. Сушка. Осмотръ китобойнаго парохода. Пушка и снарядъ. Характеръ и порядокъ китоваго боя. Промыселъ и его развитіе у иностранцевъ и у насъ. Потерянныя нами гавани. Норвежскій ромъ. Выѣздъ къ губѣ Ура. Ложныя солнца. Промыселъ палтуса и камбалы. Гастрономическое значеніе этихъ рыбъ.

Зданій Арскаго китобойнаго завода, собственно говоря, только два; это — деревянные, длинные, въ два свѣта, корпуса, построенные такъ, какъ строятъ вообще въ Америкѣ: изъ прочнаго лѣса, не скрывая стропилъ и связей, не дѣлая ничего для вида и роскоши соображаясь только съ одною пользою. Изъ двухъ лежавшихъ на наклонномъ деревянномъ помостѣ китовъ, большой, синій, имѣлъ восемьдесятъ футовъ длины; меньшій, полосатикъ—шестьдесятъ футовъ; наибольшіе экземпляры первыхъ, водящіеся здѣсь, достигаютъ ста десяти футовъ; наибольшіе экземпляры вторыхъ—только семидесяти футовъ. При полной обработкѣ кита, при добычѣ изъ него жира, китоваго уса и обращеніи туши въ гуано, большой китъ даетъ дохода 2.500 руб., малый—800 рублей.

Оба экземпляра, находившіеся здѣсь, лежали животами кверху; хвосты ихъ полоскались въ водѣ. Убитые и доставленные сюда пароходомъ,—при чемъ китъ для пути на заводъ привязывается сбоку парохода,—они были положены на эти мѣста въ приливъ. Когда, при обработкѣ, жиръ съ одной стороны снятъ и туловище кита приходится перевертывать, ждутъ опять-таки прилива. Гніющая туша заражаетъ воздухъ и воду, и со временемъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія—ихъ будутъ отдалять отъ воды, пользуясь для переворачиваній кранами. Можетъ ли не быть зловонія тамъ, гдѣ распластываются и разлагаются по нѣскольку дней подобныя колоссальныя тѣла? Недалеко отъ берега, въ лазурной, прозрачной водѣ залива видѣлись остатки другихъ китовъ, громадныя, бѣлыя

кости; онѣ же валялись, разбросанныя по берегу между камнями, и обусловливали очень характерную, не лишенную сказочной грандіозности, картину. Теплый, яркій, солнечный день былъ какъ бы созданъ для того, чтобы въ замкнутой со всѣхъ сторонъ скалами бухтѣ плодить неописуемый запахъ. Синій китъ, лежавшій уже нѣсколько дней, былъ найденъ въ морѣ убитымъ. Сколько времени тому назадъ и кѣмъ былъ онъ убитъ,—неизвѣстно; это дѣло обыкновенное, что китъ, смертельно раненый съ одного парохода, ускользаетъ отъ него, околѣваетъ и достается въ пользованіе другому, болѣе счастливому.

Синій китъ былъ вздутъ неимовѣрно, такъ что операція распластанія, долженствовавшая совершиться тотчасъ, началась съ того, что одно мѣсто живота его было проткнуто. Невидимою, но ясно обоняемою струею устремились изъ него газы, и туша начала немедленно опадать и принимать тотъ обликъ кита, который всѣмъ такъ хорошо знакомъ. Волей-неволей пришлось уйти съ помоста и удивляться носовымъ нервамъ того человѣка, который стоялъ подлѣ сдѣланной въ тушѣ дыры и готовился приступить къ слѣдующей затѣмъ операціи. По мѣрѣ того, какъ непривычные къ запаху зрители отступали, всякія мухи, которыхъ давно не видѣли, направились именно къ источнику зловонія, празднуя въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ одно изъ своихъ роскошнѣйшихъ пиршествъ.

Подлѣ отверстія, сдѣланнаго въ китѣ, человѣкъ съ крѣпкими носовыми нервами, продолжая работу, дѣлаетъ въ сторонѣ отъ отверстія вертикальный взрѣзъ, приблизительно въ одинъ футъ длины; онъ прорѣзываетъ весь жиръ вплоть до мяса и дѣлаетъ это длиннымъ не то ножомъ, не то серпомъ. Отъ этого надрѣза проводитъ онъ два другіе надрѣза, параллельные, во всю длину кита; затѣмъ въ отверстіе, служившее для выпуска газовъ, вкладывается крюкъ на блокахъ, соединенный системою веревокъ съ тою гильотиною на заводѣ, которая назначена рѣзать жиръ въ куски. По данному знаку, сообщающему, что крюкъ вкинутъ, можно видѣть, какъ веревки блока мало-по-малу натягиваются, полоса жира отдирается отъ кита, чему помогаетъ опять-таки человѣкъ съ крѣпкими носовыми нервами, и отдираемая полоса, заворачиваясь, принимаетъ поступательное движеніе къ заводу, сначала по помосту, потомъ по очень крутому деревянному откосу, и медленно, длинною, жирною, оставляющею слѣдъ змѣею, волочится къ работающей паромъ въ 12 силъ гильотинѣ. Полоса, разрѣзываемая на куски, наполняетъ подставляемыя одна за другою телѣжки, которыми и подвозится къ котлу, растапливающему жиръ паромъ же. Вытопленный жиръ сохраняется въ огромныхъ чанахъ. Онъ очень чистъ и почти безъ запаха; въ 1884 году продано было въ Англію около 4.000 пуд.; за тонну жира синяго кита платятъ 60 фунтовъ стерлинговъ, за жиръ полосатика и кнорра—отъ 25 до 30 фунтовъ.

Когда туша кита ободрана, приступаютъ къ ея обработкѣ, при чемъ прежде всего добываютъ китовый усъ. Продуктъ этотъ отъ нашихъ китовъ, не особенно рослыхъ, не пользуется высокою цѣною на рынкѣ и не можетъ идти наровень съ гренландскимъ. У синяго кита онъ—черный, у полосатика—изсѣра-бѣлый; тотъ и другой, сваленные на землю кучею близъ завода, предста-

вляются какъ бы большими полупрозрачными картонажами со множествомъ мелкихъ щетинистыхъ волосъ по краямъ. Замѣчательна, между прочимъ, тоненькая кожица, покрывающая кожу кита; она полупрозрачна, дымчатаго цвѣта и какъ нельзя болѣе напоминаетъ самые тонкіе сорта гуттаперчи. Добываютъ и еще одинъ продуктъ: это—китовыя уши, могущія служить своеобразными пепельницами. Они удивительно тяжелы, длиною дюйма въ четыре и по строенію своему очень сложны, замысловаты, странны.

Обработка туши кита на гуано производится въ другомъ сосѣднемъ, гораздо болѣе обширномъ зданіи. Оно расположено вдоль линіи побережья, тогда какъ первое, жировое, стоитъ поперекъ. Тушу, мясо и кости отдѣльно рубятъ, пилятъ и разносятъ на части, выволакиваютъ и подвергаютъ вываркѣ въ котлахъ тоже отдѣльно. Мясо перекладываютъ для этого кусками желѣза, кости бросаются безъ перекладки, такъ какъ паръ подъ сильнымъ давленіемъ и безъ того свободно проходитъ между ними. Въ котлахъ два крана; изъ нижняго выпускаютъ сильно насыщенную клеемъ воду, изъ верхняго—жиръ. Для нагрузки котловъ частями туши, сложенными въ телѣжки, онѣ поднимаются по наклонной плоскости машиною въ 18 силъ.

Когда выварка произведена, оставшіяся твердыми части переходятъ въ сушильни, гдѣ мясо и кости просушиваются тоже отдѣльно; въ сушильняхъ—по семи сковородъ. Послѣднимъ актомъ обработки являются раздробленіе высушенныхъ частей туши и обращеніе ихъ въ порошокъ, въ гуано. Это китовое, смѣшанное изъ костей и мяса, гуано идетъ, главнымъ образомъ, для корма скота; для удобренія должно идти исключительно гуано изъ костей; отдѣленія одного отъ другого по настоящее время на заводѣ не дѣлается. Полученное на заводѣ гуано ссыпается въ мѣшки по шести пудовъ въ каждомъ и поступаетъ въ продажу по 12 марокъ за мѣшокъ. Гуано требуется за границу, главнымъ образомъ въ Германію, отчасти во Францію и Голландію. Насколько невыносимъ запахъ и безобразенъ видъ гніющихъ кусковъ китоваго мяса и раздробленныхъ костей, поступающихъ въ сушильню, настолько же чистъ на видъ розоватый, снабженный легкимъ запахомъ мясныхъ консервовъ порошокъ китоваго гуано. Вотъ табличка, изображающая приблизительно при нынѣшнихъ цѣнахъ стоимость продуктовъ, добываемыхъ изъ кита средней величины:

Жиръ	1.300 руб.
Гуано	200 »
Усъ	80 »
Чѣлюсти	20 »
Итого	1.600 руб.

Казарма заводскихъ рабочихъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ помѣщаются русскіе, въ другомъ—норвежцы.

На Мурманѣ вы услышите непремѣнно сообщеніе о томъ, что нововведенный способъ убиванія китовъ изъ орудій особыми снарядами—изобрѣтеніе норвежца Фойна. Этотъ Фойнъ долженъ быть человѣкомъ замѣчательнымъ, если судить по разсказамъ о немъ, потому что охота на китовъ—его страсть, его жизнь. Основавъ китобойный промыселъ въ Норвегіи и наживъ огромное

состояніе, главнымъ образомъ на китахъ нашего, русскаго, побережья, Фойнъ, теперь человѣкъ уже пожилой, перебрался со своими пароходами къ Исландіи и промышляетъ тамъ въ размѣрахъ болѣе широкихъ, не безъ матеріальной выгоды, конечно. Говорятъ, что онъ до сихъ поръ первый рабочій на своихъ промыслахъ, и что милліонное состояніе его нисколько этому не мѣшаетъ. Вѣрно то, что не онъ изобрѣлъ или, лучше сказать, примѣнилъ къ китобойному промыслу огнестрѣльные снаряды, такъ какъ снаряды эти патентованы въ Америкѣ еще въ 1852 году. Фойну удалось, такъ сказать, снять сливки съ нашего китобойнаго дѣла, примѣнивъ здѣсь впервые пушку. По свѣдѣніямъ офиціальнаго характера значится, что Фойномъ убито:

Въ 1879 году	97	китовъ.
» 1880 »	94	»
» 1881 »	107	»

Если перевести все это въ деньги, получится сумма очень и очень порядочная, и большое состояніе его окажется дѣломъ возможнымъ.

Современный китобойный пароходъ навсегда обратилъ въ преданіе прежній способъ боя китовъ съ лодочекъ гарпунами. Всѣ эти разсказы, всѣ эти картинки, изображавшія смѣльчаковъ, подъѣзжавшихъ къ океанскимъ гигантамъ вплотную и бившихъ ихъ съ руки, эти замѣчательные типы гарпунщиковъ исчезли, какъ исчезло въ свое время рыцарство послѣ изобрѣтенія порохового зелья, какъ исчезли ямщики съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нынѣшній способъ боя китовъ изъ орудій много безопаснѣе, много успѣшнѣе прежняго; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ совсѣмъ легокъ, вполнѣ безопасенъ.

Первое, съ чѣмъ приходится ознакомиться вступившему на китобойный пароходъ, это, конечно, орудія боя и снаряды. Китобойные пароходы, отваживающіеся ходить за сотни миль въ океанъ, далеко не велики и очень близко подходятъ своими размѣрами къ обыкновеннымъ невскимъ буксирамъ средней руки. «Елена», осмотрѣнная путешественниками, длиною — всего 84 фута, «Покровъ», находившійся въ это время въ морѣ, — 90 футовъ; стоятъ они около 50.000 рублей каждый. Орудіе расположено на шворнѣ, на самомъ носу, и можетъ быть легко поворачиваемо во всѣ стороны и подъ всѣми углами склоненія, что совершенно необходимо въ виду неожиданности появленія и движеній кита. Снарядъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно изъ разрывного снаряда, вкладываемаго въ дуло, и соединеннаго съ нимъ гарпуна, остающагося внѣ его. Гарпунъ обладаетъ особеннымъ механическимъ приспособленіемъ, состоящимъ въ томъ, что, въ случаѣ удачнаго выстрѣла, снарядъ, разорвавшись въ китѣ, раскрываетъ зубцы гарпуна и этимъ обезпечиваетъ, хотя не вполнѣ, его довольно прочную связь съ тушею животнаго.

Когда орудіе заряжено, гарпунъ, какъ сказано, остается внѣ дула, и это вполнѣ объясняетъ недостаточную вѣрность выстрѣла, такъ какъ снарядъ, снабженный гарпуномъ, подчиняется сильнѣйшему отклоненію. Если принять въ разсчетъ колебанія самого парохода и движенія кита, то становится яснымъ,

Высматриваніе кита.

насколько необходимъ хорошій наводчикъ въ данномъ случаѣ, — ихъ дѣйствительно немного, и всѣ они на перечетѣ.

Къ гарпуну прикрѣпленъ канатъ. На «Елисѣ» онъ имѣетъ шесть «линей» длины, изъ нихъ каждая въ 150 футовъ, т.-е. весь канатъ длиною около двухъ верстъ, и помѣщеніе, ему отведенное, весьма почтенно: онъ наворочень въ трюмѣ. Снабженное этимъ кишечнообразнымъ канатнымъ нутромъ, съ десятью человѣками экипажа, судно выходитъ въ море, но только въ возможно тихую погоду: иначе выслѣживаніе кита и въ особенности бой его становятся совершенно немыслимыми. Океанская зыбь, не прекращавшаяся послѣ бури и въ день посѣщенія завода, и еще на слѣдующій день—такъ долго она держится здѣсь, однажды начавшись—помѣшала путешественникамъ присутствовать при китовой охотѣ, которая была предположена въ грандіозныхъ размѣрахъ, съ пятью китобойными пароходами одновременно. Какъ заряжаніе орудія, такъ и самый выстрѣлъ были произведены по постановленной цѣли въ самой бухтѣ, и далекое эхо множествомъ перекатовъ отвѣтило на могучій звукъ.

По киту въ океанѣ далѣе 25 футовъ разстоянія не стрѣляютъ: это было бы лишнею тратою времени и зарядовъ, потому что даже съ такого близкаго разстоянія, съ какого производится стрѣльба, промахи поглощаютъ около 70%. Замѣтимъ еще, что, по увѣренію мѣстныхъ жителей, введеніе огнестрѣльной охоты повліяло и на самую натуру китовъ въ прямой ущербъ промыслу: прежде китъ, выбравшись на поверхность, дѣлалъ около семи вдыханій; теперь, напуганный, дѣлаетъ онъ не болѣе четырехъ. Довольно рѣдки случаи попасть въ кита такъ, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ въ успѣхѣ. Хорошо, что китъ, научившись сокращать количество вдыханій, не научился, будучи раненъ, мѣнять направленіе: почувствовавъ ударъ, онъ уходитъ по прямой линіи и тѣмъ способствуетъ свободному разворачиванію каната; пароходу даютъ немедленно полный ходъ. Иногда замѣчали даже нѣчто въ родѣ сопротивленія или отместки со стороны кита; такъ, однажды, пораненный китъ едва не отбилъ винта у норвежскаго парохода; въ 1883 году 12-го іюля, въ Кольской губѣ, раненый китъ въ 90 футовъ длины едва не опрокинулъ парохода и передъ издыханіемъ поразилъ совершенно оригинальною, красивою картиною: онъ вышелъ изъ воды головой вверхъ футовъ на тридцать и потомъ уже кончилъ свое существованіе. Онъ былъ убитъ по второму выстрѣлу, и на преслѣдованіе его употреблено тридцать шесть часовъ времени.

Профессоръ Гриммъ, извѣстный ихтіологъ, того мнѣнія, что киты размножаются очень медленно и начинаютъ плодиться поздно, можетъ быть на 50—60 году отъ роду; они производятъ на свѣтъ по одному дѣтенышу въ періоды, продолжающіеся нѣсколько лѣтъ, такъ какъ утробная жизнь длится, вѣроятно, два, три десятка мѣсяцевъ. Къ счастью, для сохраненія породы они плодятся, вѣроятно, гдѣ-нибудь далеко на сѣверѣ, куда ни гарпунъ, ни ядро не достигаютъ; совершенно исключительны были случаи, когда въ морѣ встрѣчали самку съ дѣтенышемъ: онѣ точно чуютъ гибель, ожидающую ихъ при движеніи къ югу; однажды была какъ-то убита Фойномъ самка, и величина дѣтеныша, заключавшагося въ ней, достигала 24 футовъ длины и трехъ ар-

шинъ въ обхватѣ. Неизвѣстно даже, сколькихъ дѣтенышей рождаетъ китъ, и образъ жизни его относится къ самымъ неопредѣленнымъ, необслѣдованнымъ областямъ зоологіи.

Бой китовъ, какъ промыселъ на нашемъ Мурманѣ, существуетъ болѣе двадцати лѣтъ; но до послѣдняго времени хозяйничали больше норвежцы, взявшіе у насъ, на памяти мѣстныхъ жителей, около 300 китовъ. Фойнъ, основавъ въ Вадсэ, въ Норвегіи, жиротопенный заводъ, имѣлъ сначала одинъ, а потомъ три китобойныхъ парохода. Въ настоящее время въ Норвегіи 17 компаній съ 34 пароходами, и съ 1872 по 1883 годъ, по свѣдѣніямъ профессора Гримма, убито ими 1.536 китовъ. Количество убитыхъ китовъ до послѣдняго времени постоянно возрастало; если оно понизилось теперь, то едва ли вслѣдствіе уменьшенія количества китовъ, а скорѣе—вслѣдствіе уменьшенія спроса на продукты промысла, на спермацетъ и китовый жиръ, такъ какъ имъ обоимъ перебила дорогу нефть и ея продукты. Вѣдь точно такъ же уменьшился спросъ и на другой продуктъ поморскихъ промысловъ: моржевое сало, находившее въ прошломъ столѣтіи сбытъ въ количествѣ до 70.000 пудовъ, а съ начала нынѣшняго вѣка требованіе не превышаетъ 12.000 пудовъ ежегодно.

Въ Америкѣ китобойный промыселъ существуетъ съ 1712 года; съ 1807 по 1845 годъ число китобойныхъ судовъ увеличилось съ 15 до 257; до начала шестидесятыхъ годовъ промыселъ по интенсивности своей остается тамъ почти неизмѣннымъ. Считая на каждое китобойное судно среднее число бочекъ китоваго жира, добытаго имъ, приходится: съ 1817 по 1856 годъ отъ 1.192 до 1.560 бочекъ; съ 1857 по 1866 годъ оно падаетъ на 30%, а съ 1867 по 1877 годъ—на цѣлыхъ 50%. Намъ, русскимъ, остается только радоваться этому уменьшенію американской энергіи, такъ какъ значительная часть побоищъ производится ими въ нашихъ водахъ Берингова и Охотскаго моря. Говорятъ, будто количество китовъ тамъ невѣроятно велико и ихъ до пяти видовъ, начиная съ крупнѣйшихъ; говорятъ, будто, запираемые льдинами въ Охотскомъ морѣ, они могутъ быть убиваемы на выборъ. Кромѣ американцевъ, орудуютъ на нашемъ Востокѣ англичане и китайцы, такъ что въ отношеніи числа національностей наши берега Тихаго океана болѣе гостепріимны, чѣмъ берега Мурмана, оказывающіе гостепріимство однимъ только норвежцамъ. Впрочемъ, Охотское море такъ далеко! Но Мурманъ близко и подумать есть о чемъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что наши поморскіе промыслы вообще падаютъ. Теперь какъ-то мало слышно, чтобы русскіе промышленники ходили на Шпицбергенъ, къ Медвѣжьему, на Новую Землю. О томъ, что они прежде бывали тамъ, свидѣтельствуютъ преданія и кресты или такъ называемыя «кекуры», или «гуріи»—пирамидки, сложенныя изъ камней и гласящія о прежнихъ посѣщеніяхъ. Значеніе нашихъ промысловъ очень правильно и очень ясно понималъ Петръ Великій. Удивительно, право, какъ это всегда во всемъ и вездѣ встрѣчаешься съ этимъ колоссальнымъ именемъ?! Въ 1725 году Петръ построилъ три китоловныхъ корабля, и они ходили къ Шпицбергену. Екатерина II назначила даже для осѣдлости китолововъ спеціальную бухту, которая и понынѣ называется Екатерининскою. Послѣдній китоловный корабль былъ по-

строенъ при Александрѣ I министромъ коммерціи Румянцевымъ и сожженъ англичанами въ 1806 году.

Объ англичанахъ пришлось вспомнить на Мурманѣ еще вотъ по какому поводу. Много разсказываютъ мѣстные люди о томъ, что прежде, еще не очень давно, въ шестидесятыхъ годахъ, владѣли мы нѣсколькими хорошими, незамерзающими гаванями на Мурманѣ, близъ границы Норвегіи. Затѣмъ, гавани эти были уступлены Норвегіи, и англичане, говорятъ, тотчасъ же будто заключили съ новою собственницею этихъ гаваней, Норвегіею, секретное условіе, въ силу котораго она никогда и ни въ какомъ случаѣ не должна возвращать этихъ гаваней Россіи. Должно полагать, что Норвегія и безъ того не уступитъ ихъ, и горячія сожалѣнія поморовъ объ утраченныхъ гаваняхъ очень сильны и глубоко искренни. Изъ уступленныхъ гаваней, уже въ мартѣ мѣсяцѣ, когда наши поморы только еще направляются пѣшкомъ сквозь снѣжныя дебри къ Мурману, норвежцы уже плывутъ на всѣхъ парусахъ къ Канину, Калгуеву, по пути къ Новой Землѣ, нападаютъ на зимовавшія тамъ стада тюленей и моржей, бьютъ ихъ, распугиваютъ и оставляютъ нашимъ промышленникамъ, прибывающимъ значительно позже, одни только остатки того, чѣмъ могли бы поморы поживиться вполнѣ. Обо всемъ этомъ говорятъ на Мурманѣ всѣ.

На Мурманѣ нельзя не вспомнить знаменитаго норвежскаго рома, которымъ пользуется наше Поморье и распространеніе котораго должно быть отнесено тоже къ чудесамъ Земли Русской. Ромъ этотъ, цвѣта крѣпкаго кофе, разитъ какимъ-то невозможнымъ запахомъ и даетъ осадокъ; это—подслащенный, подкрашенный сандаломъ спиртъ, которому приданы всѣ свойства опіума примѣсью кукольвана, стручковаго перца и, можетъ быть, чего-либо еще худшаго. Если—такъ говорятъ—прибавить въ этотъ ромъ полуторахлористаго желѣза, то онъ обращается въ чернила—несомнѣнное доказательство присутствія дубильнаго вещества; согласно анализу, произведенному медицинскимъ департаментомъ, это—«одурѣвающая жидкость». Испробовать на вкусъ этотъ классическій ромъ было дѣломъ одной секунды; гораздо труднѣе и долыше избавиться отъ остраго, ѣдкаго вкуса, производимаго безподобнымъ ромомъ.

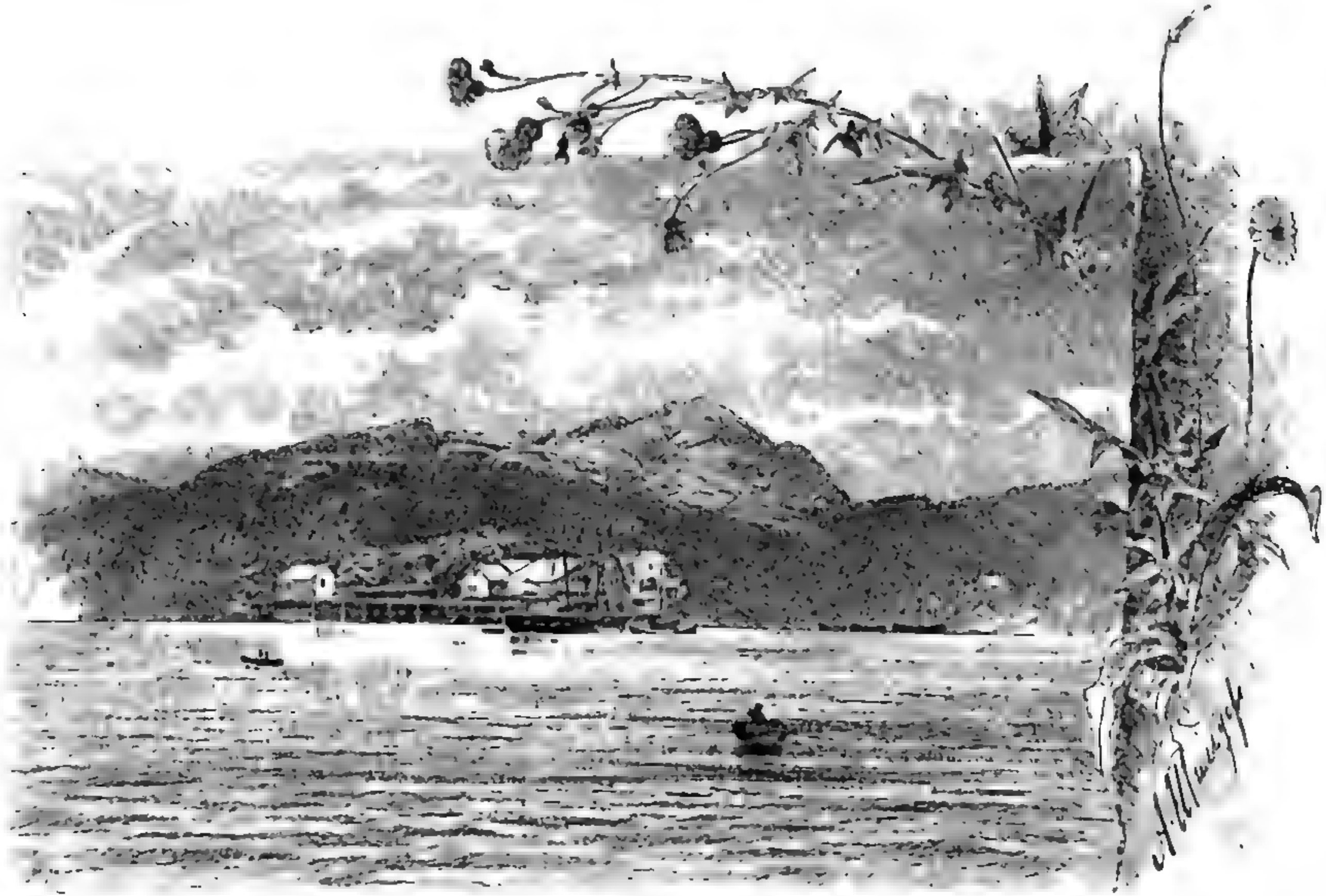
Если норвежскій ромъ самъ по себѣ чудо, то безконечно чуднѣе то, что онъ распространялся у насъ безпошлинно. Трудно вѣрится, а между тѣмъ это такъ. Цѣлый рядъ губернаторовъ, цѣлый рядъ комиссій, какъ административныхъ, такъ и ученыхъ, въ особенности «сѣверная», и поморскій съѣздъ,—всѣ, всѣ рѣшительно ратовали противъ этого рома, и, къ несчастью, безплодно. По положенію 14-го мая 1876 года, питейная торговля на Мурманскомъ берегу объявлена безакцизною, безпатентною и свободною, и одно изъ крупнѣйшихъ, вопіющихъ, необъяснимѣйшихъ золъ существовало, словно насмѣхаясь надъ людьми и опаивая поморовъ. А вѣдь очень легко споить поморовъ: тяжелая работа требуетъ подкрѣпленія, а русская натура легко переходитъ отъ необходимаго къ излишкамъ. Особенно тяжело ложилось это опаиваніе на-смерть на молодыхъ зуйковъ и на слабыхъ лопарей; если лопарской расѣ суждено вымереть, такъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, дать совершиться Божьему повелѣ-

вію по Его позволенію, а не пособничествомъ норвежскаго рома съ его дубильнымъ веществомъ.

Сколько именно ввозится на Мурманъ этого рома,—рѣшительно неизвѣстно; хранить это тайну,—прямой разсчетъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ фактористовъ. О томъ, сколько земли уступлено было Норвегіи, извѣстно; на старыхъ картахъ граница наша доходила до мыса Вересъ, но была отведена къ востоку на 70 верстъ по прямому направленію и на 500 верстъ по береговой линіи. Но сколько переплатили мы Норвегіи за ромъ, сколько взяли они изъ нашихъ водъ рыбьяго и животнаго матеріала, сколько получили они барышей, продавая намъ нашу же рыбу, сколько опоили народу — этого ни въ какихъ спискахъ не значится и контролю не поддается.

По возвращеніи путешественниковъ на пароходъ къ обѣду, температура въ воздухѣ начала быстро падать, и около восьми часовъ вечера, ко времени выхода въ море, термометръ показывалъ только $4^1/_2^0$ тепла. Но вечеръ былъ удивительно ясенъ; лучи все еще высоко стоявшаго солнца золотыми снопами западали въ каютъ-компанію. Предстоялъ очень недалекій переходъ въ сосѣднюю губу Ура, а оттуда въ бухту Еретики, гдѣ предполагались почевка и осмотръ другого китобойнаго завода, гораздо менѣе значительнаго по обстановкѣ и характеру.

Урская губа значительно болѣе Арской; какъ гавань, она просторнѣе и удобнѣе. Она соединяется съ моремъ тремя проходами: большимъ, среднимъ и малымъ, образуемыми довольно объемистымъ островомъ Шалимомъ и другимъ некрупнымъ—Еретики. Входъ въ губу при вечернемъ освѣщеніи очень красивъ. Справа тянется длинная, закругленная, невысокая скала, скорѣе луда, чѣмъ скала; слѣва глядятъ изъ морской пучины такіе же невысокіе островочки; какъ слѣдъ долгаго, все еще не успокоившагося вполнѣ волненія, поперекъ проливчика протянулась густая, широкая полоса бѣлой пѣны. Пароходъ перерѣзалъ ее, и нельзя было не любоваться глубокою, состоявшею изъ многихъ плановъ панорамою губы. Казалось, будто судно входило въ какую-то широкую, могучую рѣку, обставленную жилистыми, футовъ въ 600 вышины, скалами. Эта рѣка—такъ казалось по крайней мѣрѣ—должна идти куда-то далеко внутрь нашей родимой Россіи, къ нашимъ центральнымъ губерніямъ. Если въ Арской губѣ виднѣлись и березки, и рябинки, здѣсь все было безусловно голо, даже и мха казалось мало по этимъ безотраднымъ гранитамъ. Но очертанія чудесны. Легкій туманъ, носясь неширокими, гладкими полосками, давалъ горизонтальныя линіи; скалы воспроизводили—вертикальныя. Это была молчаливая музыка камней и тумановъ въ розовомъ свѣтѣ опускавшагося солнца. Заводъ, факторія и становища, стоящія на самомъ дѣлѣ другъ противъ друга на обоихъ берегахъ губы, были замѣтны справа и стояли — такъ казалось по крайней мѣрѣ—на одномъ берегу. Колонія, имѣющаяся въ этой губѣ, расположена на двѣнадцать верстъ дальше внутрь. Повидимому, въ этой странѣ полуночнаго свѣта мало было свѣта одного только солнца, и вотъ зажглось надъ нею, медленно поигрывая широкими радужными лучами своими, какъ на туманныхъ картинахъ, другое, ложное солнце. Мало было и этого: зажглось



Ура-губа. Крепость. Фактория.

Ура-губа. Китобойные пароходы.

третье, но уже очень блѣдное, едва видневшееся тусклымъ пятномъ въ сѣровато-розовыхъ легкихъ облакахъ.

Благодаря обилію свѣта этихъ трехъ солнцъ, путешественники рѣшили съѣхать къ китобойному заводу и тотчасъ по прибытіи осмотрѣть его, съ тѣмъ, чтобы имѣть полную возможность распорядиться завтрашнимъ днемъ съ утра. Въ этотъ день пища матросовъ была совершенно исключительнаго характера. Ихъ угостили громаднымъ палтусомъ, ближайшимъ родственникомъ кривой, но вкусной камбалы. Достигаютъ здѣшніе палтусы, говорятъ, до 14 пудовъ вѣса; видъ этой рыбы вполнѣ своеобразный и даже внушительный; крѣпость навара ухи этой колоссальной рыбы и вкусъ ея заслужили всевозможныя похвалы. Палтусъ называется не напрасно «свининой промышленника». Уха изъ него была дѣйствительно чѣмъ-то изъ ряду вонъ хорошимъ и питательнымъ. Подавали палтусъ жареный и отварной; которому изъ двухъ отдать первенство,— осталось неразрѣшеннымъ. Но экипажъ судна былъ въ восторгѣ и упитывался лукулловскимъ обѣдомъ на славу.

Палтусы—это одно изъ неисчислимыхъ богатствъ нашего Поморья. Иногда цѣлыя стада палтусовъ гуляютъ или отдыхаютъ неподвижно въ поясѣ Рыбачьяго полуострова, верстахъ въ 30—40 отъ берега. Ихъ забираютъ, конечно, норвежцы, узнающіе о присутствіи ихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ по устнымъ сообщеніямъ, или печатнымъ бюллетенямъ. Ловятъ камбалу и палтусовъ на «продольники», укрѣпляемые по дну якорями. На отмеляхъ, при ясной водѣ, сквозь спинь воды, распластавшіеся палтусы и камбалы лежатъ большими массами и кажутся на бѣлыхъ пескахъ темными пятнами. «Палтусовая карга» идетъ отъ Терпберки къ сѣверо-западу, къ Сергѣеву мысу на Рыбачьемъ полуостровѣ и тянется въ океанъ, какъ говорятъ, на очень далекое разстояніе. Несомнѣнно, что добыча палтуса и камбалы, какъ и все остальное, подлежала бы на нашемъ Мурманѣ безконечному развитію, и гастрономы Москвы и Петербурга только возликовали бы успѣху этого дѣла.

Еретики въ Урской губѣ.

Второй китобойный заводъ. Акулы и акулій промыселъ. Необходимость его поднятія. Полуночный свѣтъ. Характеристика поморовъ. Торосный промыселъ. Посѣщеніе лопарскаго чума. Характеръ побережья на вершинѣ скалъ. Лѣсной звѣрь и лѣсная птица. Китовое мясо какъ пища. Отъѣздъ въ Колу.

Китобойная компанія, промышляющая въ Еретикахъ, носитъ довольно длинное названіе: «Перваго русскаго китобойнаго и иныхъ промысловъ товарищества». Заводъ ея открытъ въ 1883 году и имѣетъ два китобойныхъ парохода, стоявшіе невдали отъ него на якоряхъ. Слѣдуетъ пожелать добраго развитія и этой компаніи, для чего, однако, ей необходимо прежде всего существенно преобразиться. Надобно одно изъ двухъ: или поступить такъ, какъ поступила Арская компанія, задавшись исключительно китобойнымъ дѣломъ, или, какъ это сдѣлалъ «Рыбакъ», поставивъ себѣ главною цѣлью треску. Вѣроятно, ни чѣмъ инымъ, какъ недостаткомъ капитала или разбросанностью и неясностью программы, можно объяснить себѣ то, что заводъ этотъ только жиротопенный, и что туши китовъ за извѣстное вознагражденіе передаются имъ сосѣднему Арскому заводу для переработки въ гуано. Если разсчеты Арскаго общества вѣрны и китобойный промыселъ можетъ дать очень хорошій барышъ только при переработкѣ всего кита, то разсчеты Урскаго не могутъ быть вѣрны, такъ какъ общество, въ прямой ущербъ себѣ, снявъ съ кита жиръ, уступаетъ тушу своему конкуренту.

Заводъ расположенъ очень красиво, на скалахъ; но растительности на нихъ, кромѣ мха, нѣтъ никакой. Урская губа, въ одномъ изъ развѣтвленій которой заводъ находится, самая спокойная и защищенная отъ всѣхъ вѣтровъ бухта западнаго Мурмана; она врѣзывается въ материкъ верстъ на пятнадцать, и въ глубинѣ ея, невидная отъ завода, находится колонія Ура, одна изъ самыхъ большихъ: въ ней жителей—около двухсотъ человѣкъ, имѣю-

щихъ пятнадцать промысловыхъ елъ, до восьмидесяти головъ скота, одну лошадь (какъ видно, лошадь остается на всемъ Мурманѣ большою рѣдкостью), шестьдесятъ овецъ и свыше трехсотъ оленей. Здѣсь, слѣдовательно, какъ и раньше, можно было убѣдиться во-очію, что Мурманъ далеко не вполнѣ лишенъ возможности скотоводства, какъ многіе упорно и увѣренно сообщали; правда, здѣсь кормятъ скотъ не однимъ только сѣномъ, а со значительною примѣсью оленьяго моха — ягелей. Почти всѣ колонисты Уры — финляндцы; въ ихъ пользованіи рѣка Ура съ ея семгою; зимою тутъ ловится пушной звѣрь; довольно добычливъ акуліи промыселъ въ самой губѣ. «Рыбка — Божье дарованье»,—говоритъ поморъ, при чемъ тутъ слѣдуетъ разумѣть и кита, и акулу. Акуліи промыселъ находится у поморовъ въ младенчествѣ; это, такъ сказать, Золушка всѣхъ нашихъ мурманскихъ промысловъ, что̀ очень жаль и очень странно. У норвежцевъ акула входитъ самостоятельною цифрою въ статью доходовъ. Сѣверная акула, этотъ бродяга-разбойникъ океана, этотъ морской волкъ, злѣйшій врагъ нашихъ поморовъ, не разъ уничтожающій ихъ долгій трудъ постановки яруса, достигаетъ размѣровъ колоссальныхъ, до трехъ сажень длины, отнюдь не меньшихъ, чѣмъ акулы Южнаго океана. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ на Мурманѣ акулъ вовсе не ловили; объ этомъ свидѣтельствуетъ академикъ Озерецковскій въ своемъ сочиненіи: «Кола и Астрахань», 1804 года. Онъ говоритъ, что акулъ «ни на что не употребляютъ». По причинѣ великаго множества ихъ въ Кольской губѣ,—говоритъ академикъ дальше,—жители въ этой губѣ никогда ярусовъ не кидаютъ, «потому что рыба, за крючки схватившая, была бы жертвой акулъ, а не промышленниковъ». Въ «Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1868 года сообщено свѣдѣніе, что одна удачная ночь акульяго лова можетъ дать до 300 пудовъ, до 50 бочекъ «максы», акульей печени. Вице-адмиралъ Рейнеке, авторъ гидрографическаго описанія нашего сѣвернаго побережья, говоритъ, что акуламъ въ Кольской губѣ въ его время не было числа, и что онѣ положительно мѣшали промышленникамъ плавать. Въ шестидесятыхъ годахъ кольскій мѣщанинъ Неронинъ сдѣлалъ первый опытъ ихъ ловли, на что̀ нужна была большая смѣлость, такъ какъ самый удачный ловъ производится обыкновенно въ темныя октябрьскія и ноябрьскія ночи, въ глубоко свирѣпое время океанскихъ непогодъ. Около того же времени дана была правительственная ссуда въ 600 рублей нѣкоему Сулю, для ловли акулъ и пріобрѣтенія «максы»; въ 1862 году въ Кольской губѣ добыто ея около 5.000 пудовъ, а цѣна достигала 1 рубля 50 коп. за пудъ. Въ 1867 году между островомъ Кильдиномъ и Кольскою губою акулъ было такъ много, что на нихъ даже не осмѣливались охотиться: онѣ ударяли толстыми носами въ борта лодокъ, пожирали другъ друга и наводили паническій страхъ своими огромными тупо глядящими глазами. Въ 1874 году въ Кольской и другихъ сосѣднихъ съ нею бухтахъ появилось столько акулъ, что ихъ убивали изъ ружей.

Такъ какъ нѣтъ причины полагать, что количество акулъ, на которыхъ никогда не производилось правильно организованной охоты, уменьшилось и такъ какъ ворвань, добываемая изъ ихъ жира, имѣетъ на рынкѣ постоянную, установившуюся цѣну, то развитіе этого промысла было бы и жела-

тельно, и необходимо. По сообщеніямъ мѣстныхъ жителей, большія акулы держатся обыкновенно верстъ на двѣсти отъ берега огромными стадами; подвижныя полчища ихъ должны представлять нѣчто совершенно противоположное лежащимъ вдоль палтусовой банки распластанными палтусамъ и камбаламъ. Акулъ ловятъ у насъ, такъ сказать, случайно, и правильнаго промысла на нихъ не организовано. Онѣ попадаются на большіе желѣзные крюки, наживленные жареным тюленьимъ саломъ и прикрѣпленные къ цѣпямъ полутора-саженной длины. Хватившая крюкъ акула обопрется, нейдетъ и сдерживается нѣсколькими рабочими; живуча она настолько, что разрѣзанные куски шевелятся. Оставаясь вѣрными преданіямъ, наши промышленники беруть отъ акулы только «максу»—печень, иногда кожу, всю же остальную довольно цѣнную тушу бросаютъ въ море, совершенно на томъ же основаніи, на которомъ у насъ летятъ обратно въ море и десятки тысячъ пудовъ внутренностей трески. Разспросы о томъ, насколько пригодны туши акулъ для переработки ихъ въ гуано, хуже онѣ или лучше китовыхъ,—не вызвали никакихъ положительныхъ отвѣтовъ; но нѣтъ никакой основательной причины предполагать, чтобы разница была очень большая. Чрезвычайно благопріятно для ловли акулъ то обстоятельство, что онѣ обладаютъ сильно развитымъ обоняніемъ, и что жареный тюленій жиръ привлекаетъ ихъ съ очень далекихъ разстояній. Полярная акула, Selache maximum, достигаетъ, какъ сказано, трехъ саженъ длины, и мѣстные жители сообщали, что когда къ закинутому ярусу подходитъ стадо этихъ чудовищъ, то даже самымъ смѣлымъ поморамъ приходится удалиться отъ нихъ по добру-по-здорову, предоставляя имъ путать ярусъ сколько угодно и пользоваться насѣвшею на крючки трескою.

Къ китобойному заводу вела небольшая арка, обвитая мхомъ, по которому выдѣлялись яркою желтизною своею желтоголовки, купавки, эта желтая роза нашихъ сѣверныхъ пажитей; почему заходитъ на Сѣверъ такъ далеко желтоголовникъ и совершенно не видно нашего плебейскаго одуванчика и лютика,—сказать трудно. Небольшой домикъ управляющаго стоитъ на довольно возвышенномъ перешейкѣ, между малымъ и среднимъ рукавами, соединяющими Урскую губу съ океаномъ, и видъ отъ него, какъ на губу, обставленную скалами, такъ и на открытую воду океана, очень хорошъ. Ожиданіе увидѣть полуночное солнце и на этотъ разъ исполниться не могло, такъ какъ легкія облака затягивали небо; полуночный свѣтъ одѣвалъ скалы своими какъ бы безцвѣтными, безжизненными тѣнями. Дневнымъ свѣтомъ назвать его нельзя; но это—ни въ какомъ случаѣ не полусвѣтъ нашихъ петербургскихъ лѣтнихъ ночей, а что-то такое странное, среднее, хочется сказать—безполое, если только подобное выраженіе можетъ быть допущено. Силу этого свѣта можно, конечно, опредѣлить,—на то есть всякіе приборы,—но едва ли можно съ такою же точностью опредѣлить вліяніе, имъ производимое. Этотъ непогасающій къ ночи свѣтъ обусловливаетъ невѣроятно быстрое развитіе мѣстной растительности; въ теченіе шести недѣль здѣшняя трава зеленѣетъ, цвѣтетъ и даетъ сѣмя; это—жизнь безъ отдыха, жизнь запоемъ, и на человѣка нервнаго это полное отсутствіе ночи едва ли можетъ дѣйствовать успокоительно.

На заводѣ, какъ сказано, смотрѣть было нечего. Заговоривъ съ поморами, находившимися на берегу, путешественники сообщили имъ, между прочимъ, что недавно видѣли ихъ женъ, оставшихся въ Кеми. Вѣроятно, они были рады услышать такую неожиданную вѣсточку; но особенною откровенностью чувствъ поморы не отличаются: они сосредоточены, опасливы. На вопросъ, имъ сдѣланный, о томъ: какой это сарай или домишко поставленъ у самой воды, одинъ поморъ отвѣтилъ: «тутъ уголь живетъ»; оказалось, что это—угольный сарай. У поморовъ «шкупа живетъ», «волны въ морѣ живутъ», медвѣдь на зиму въ снѣгъ зарывается «голодомъ жить» — обычныя выраженія. При разспросахъ о лѣтнихъ заработкахъ за описываемое время, когда зашла рѣчь о большой бурѣ 30-го мая, поморы съ невозмутимымъ хладнокровіемъ сообщили, что въ Еретикахъ было нехорошо, и что у нихъ потонуло до пятидесяти человѣкъ. Эти люди родятся въ смѣлости и опасностяхъ, и все имъ ни по чемъ. Стоитъ вспомнить хотя бы одинъ только «торосной промыселъ», несущій свое названіе отъ слова «торосъ»—нагроможденныя одна на другую льдины, составляющія зимою «припай», то-есть бордюры льдовъ вдоль берега, на краю незамерзающей океанской воды. На эти торосы взбирается морской звѣрь: тюлень и нерпа-сюда же идетъ промышленникъ въ глубокую зиму, верстъ за двѣсти отъ жилья, и ночуетъ подъ открытымъ небомъ. «Сколько ихъ, нашихъ, поуносило!»—говоритъ поморъ, вспоминая объ оторванныхъ льдами и безвѣстно погибшихъ.

На «Забіяку» путешественники возвратились около полуночи. Ни одной звѣзды не поблескивало по свѣтлому небу, и, слегка темнѣвшія по обѣимъ сторонамъ бухты, факторія и становище опускали свои длинныя отраженія въ тихо колебавшуюся воду и казались рослѣе, богаче, людиѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Поверхъ становища на скалѣ вырисовывалась небольшая деревянная церковь, построенная кольскимъ городскимъ головою. Съ мостика судна можно было видѣть, что въ глубинѣ матерой земли бухта развѣтвляется, скалы становятся ниже, какъ бы миловиднѣе; говорили, что тамъ есть луга, и лѣсъ растетъ.

Утромъ слѣдующаго дня, 22-го іюня, рѣшено было выйти на китобойномъ пароходѣ «Елена», чтобы спуститься гдѣ-либо на самое побережье и осмотрѣть какое-либо людское поморское жилье. Пока пароходъ разводилъ пары, въ самой бухтѣ, ближе къ южному берегу, производились опыты взрыва двухъ учебныхъ минъ; распространеніе сферы дѣйствія ихъ въ водѣ сказалось очень наглядно по множеству всплывшей на поверхность воды оглушенной рыбы.

Небольшой пароходъ «Елена» рѣзво выбѣжалъ въ сторону къ океану, по синимъ волнамъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ день былъ удивительно свѣтелъ и океанъ игралъ самыми роскошными красками. Держали къ сѣверо-востоку и сдѣлали первую остановку тамъ, гдѣ замѣтенъ былъ въ разсѣлинѣ скалы лопарскій чумъ. Съѣхавъ на берегъ, путешественники пошли скалистымъ берегомъ и поднялись на скалу. Путь этотъ былъ совершенно адскій, такъ какъ тутъ, конечно, не было никакого пути и предстояло двигаться вдоль поэтической мостовой, сложившейся самопроизвольно изъ всякихъ катышей и голяковъ. Съ удивительною равномѣрностью чередовались по этому пути полосы снѣга и мѣстной флоры.

Снѣгъ былъ, видимо, на убыли, потому что изъ-подъ довольно громоздкихъ пластовъ его, журча, сбѣгала вода; растительность вся, какая была, мелка и небогата количествомъ видовъ; эти бѣлые ягели, эти вороницы съ розовыми цвѣточками, главные, заглушающіе всѣхъ остальныхъ собратій, представители сѣверной флоры, эти приземистые кустики можжевельника и березки-лилипута,— все это блестѣло на яркомъ солнцѣ полною жизнью, жизнью цѣлыхъ двадцати четырехъ часовъ въ сутки. На котловинахъ, обращенныхъ къ югу и защищенныхъ вполнѣ отъ дыханія Сѣвера, будто въ парникахъ, густѣли травы, точно толкая одна другую, такъ ихъ было много. Желтоголовниковъ виднѣлось больше другихъ, бѣлѣли нѣжные цвѣточки морошки; кустилась брусника; попадалось нѣчто въ родѣ молочая, и блеснулъ въ одномъ мѣстѣ своимъ ярко-розовымъ цвѣткомъ небольшой «шиповникъ» (шиповникъ), Rosa canina, мелкая, очень мелкая, но тѣмъ болѣе яркая и замѣтная. Виднѣлись повсюду кучками желтыя звѣздочки небольшого растенія, вѣроятно, того же вида, что и «молодило», Sedum acre, любящаго скалы и пески. Попадалась и брусника; говорятъ, что встрѣчаются мѣста, усыпанныя ею, и тогда они издали рѣзко краснѣютъ, отсюда слово «бруснявѣть» —краснѣть, «дѣвица бруснявѣетъ»; мѣста, обильно покрытыя цвѣтами или ягодою, называютъ здѣсь «грусна». Не такъ ужъ голъ и мертвъ оказался Мурманъ, какъ его описываютъ,—думалось проходившимъ подлѣ цвѣтовъ; впрочемъ, надо замѣтить, что экземпляръ «шиповника», попавшійся на самомъ, такъ сказать, краю Сѣвера, если не исключеніе, то все-таки явленіе довольно рѣдкое; это былъ, вѣроятно, какой-нибудь искатель приключеній, нѣчто въ родѣ Христофора Колумба или Ермака, растительнаго царства.

Подняться на Мурманъ на 500—600 футовъ по скаламъ вовсе не легко. За вершинами ихъ въ безконечную даль матерой земли пейзажъ, по завѣреніямъ мѣстныхъ жителей, однообразенъ до невѣроятія. Это—безконечныя тундры, болота, низкорослый лѣсъ, совершенное отсутствіе людского жилья и дорогъ, если не считать одинокихъ, разбросанныхъ на значительныхъ разстояніяхъ охотничьихъ сторожекъ и тропинокъ — «путиковъ», проложенныхъ охотниками. Вотъ и все, что одѣваетъ гранитныя основанія подпочвы. Удивительная страна—Сѣверъ! Какъ поражаетесь вы полуночнымъ солнцемъ, какъ не сразу увидите играющаго предъ вами въ морѣ кита, такъ точно не замѣтите вы того, что называетъ мѣстный охотникъ тропочкой, «путикомъ». Вамъ говоритъ охотникъ, что вы стоите на «путикѣ», что вонъ онъ тамъ, дальше, тянется; но вы рѣшительно ничего не замѣчаете, кромѣ безконечной крупной сыпи каменьевъ да торчащихъ между ними кустиковъ и стволиковъ растительныхъ лилипутовъ, покрытыхъ мелкимъ буреломомъ, отъ котораго въ глазахъ пестритъ,— такъ она, эта окрестность, сѣра, безконечна, безотрадна.

А между тѣмъ въ этихъ сумрачныхъ пажитяхъ глубокаго Сѣвера есть много жизни, своеобразной жизни. По безконечнымъ озерамъ и моховымъ болотамъ на короткіе сроки прилетаютъ бекасъ, дупель, утка и всякіе шнепы въ количествахъ невѣроятныхъ; тамъ, гдѣ, въ силу особенно счастливыхъ условій, защищенный отъ сѣвера, разросся лѣсокъ, никѣмъ не мѣренный, мало кѣмъ пройденный, тамъ то и дѣло шарахается въ сторону отъ васъ куропатка, ряб-

чикъ; толкуютъ, что былъ такой годъ, 1860-й, когда тетерева сидѣли въ Архангельскѣ, въ самой столицѣ Сѣвера, по крышамъ. По озерамъ, роняя въ тихую заводь залива свои острыя отраженія, виднѣются цѣлыми стадами журавли, тѣ самые, что тянутся, покрикивая, въ мартѣ мѣсяцѣ, надъ южною Россіею, сюда, къ сѣверу; по песчанымъ отмелямъ «жируютъ» гуси, и жестоко бьются другъ съ другомъ турухтаны въ своемъ роскошномъ весеннемъ оперенін, которое они очень скоро, какъ только пройдетъ охота драться и любить, потеряютъ. Говорятъ, что лебедь, самку котораго убилъ охотникъ, ежегодно прилетаетъ все на то же озеро и остается всегда одинокимъ; объ этомъ разсказываетъ Брэмъ; но совершенно самостоятельно, и навѣрно не читавъ Брэма, разсказываютъ и мѣстные охотники. Особенно много чирканья и посвистовъ въ сѣверныхъ странахъ не раздается. Есть одна гагара, которую называютъ здѣсь «ревухой»; «пугачомъ» называютъ тутъ особый видъ крупнаго филина, Strix bubo, голосъ котораго, раздающійся только ночью, составляетъ отличный припѣвъ къ непривѣтливымъ очеркамъ глубоко безотраднаго гранитнаго пейзажа. Характерно то, что у поморовъ птицы «говорятъ», а не поютъ, свистятъ или чирикаютъ.

Это все въ вѣтвяхъ надъ землею, а на самой землѣ есть своеобразная, тоже широкая жизнь. Волкъ не менѣе сильно, чѣмъ небрежность лопаря и страсть его къ норвежскому рому, уменьшилъ когда-то многотысячныя стада оленей; попадается тутъ и «бѣлый волкъ». Дальніе родственники волка — одичавшія собаки бродятъ здѣсь, напримѣръ въ Керетьской волости, цѣлыми стаями и устраиваютъ на оленей правильныя охоты. Подтверждаютъ разсказъ о томъ, что куница перегрызаетъ птицѣ горло, вцѣпившись въ нее и не оставляя ее на лету. То же продѣлываетъ и ласка. Тигромъ здѣшнихъ лѣсовъ считается россомаха; рысь тоже водится, и одинъ экземпляръ ея, какъ говорятъ, жилъ цѣлую недѣлю, опять-таки, въ Архангельскѣ, въ столицѣ Сѣвера, и только съ трудомъ былъ убитъ. Медвѣдь къ самой окраинѣ Мурмана не подбирается: лѣса для него мелки и малы.

Какъ бы въ подтвержденіе несомнѣннаго присутствія звѣря, въ очень недалекомъ разстояніи протянула по бѣлому снѣгу крупная хвостистая лисица; рѣзкая, почти черная тѣнь волочилась подлѣ нея по снѣгу; лисица эта, вѣроятно, имѣла свой «путикъ», свою тропинку, по которой слѣдовала.

На берегу виднѣлся между скалами чумъ. Такъ какъ время было теплое, то входъ въ него былъ открытъ, и оленья шкура, закрывающая его, отворочена. Чумъ, лопарскій чумъ, это одинъ изъ первообразовъ человѣческаго жилья. Примѣнившись къ мѣстности, какъ примѣняется грибъ, когда онъ растетъ между кореньями, потягиваясь къ свѣту и теплу, пріютился чумъ въ глубокой расщелинѣ скалы, между навороченными отъ вѣка камнями, защищенный ими отъ всякихъ вѣтровъ. Чумъ — это вязанка жердей; съ одного конца, сверху, онѣ связаны такъ, чтобы между концами оставалось небольшое отверстіе для выхода дыма; съ другого конца жерди раздвинуты по кругу и понатыканы въ землю, въ мохъ, въ расщелины между камнями. Поверхъ этихъ жердей наложенъ слоемъ гдѣ дернъ, а гдѣ и досочки; на мѣстахъ менѣе прочныхъ

настлана оленья шкура, и все это скрѣплено одно съ другимъ чѣмъ Богъ послалъ: веревочкой, прутьями, плетенкою морской травы. Чумъ этотъ—полная собственность лопаря. Подобныя мѣста по побережью насиживаются, какъ мѣста нищихъ у той или другой изъ папертей церковныхъ. На зиму лопарь уйдетъ въ свое зимнее становище, состоящее тоже изъ чумовъ, только покрупнѣе, и расположенное гдѣ-нибудь по близости, на матерой землѣ; онъ захватитъ съ собою то, что̀ поцѣннѣе; образочки, оленьи шкуры, посуднну; онъ вытащитъ на берегъ свою лодченку, оставитъ свой чумъ до слѣдующей весны и вернется къ нему въ полной увѣренности въ томъ, что никто другой не займетъ его. Это—взаимная гарантія самыхъ бѣдныхъ на свѣтѣ людей, прочнѣйшая, чѣмъ всевозможныя писанныя условія.

Вѣроятно, что приближеніе множества людей, не дававшихъ себѣ обѣта молчанія, движеніе ихъ по гранитнымъ катышамъ, перевертывавшимся подъ ногами, было издали замѣчено обитателемъ чума. Внутренность чума гораздо прочнѣе и пріятнѣе его внѣшности: оленьи шкуры были разостланы по землѣ; прямо противъ входа, мелькая изъ-за дыма костра, разведеннаго посрединѣ, виднѣлось нѣсколько образочковъ, створней, поставленныхъ на почетное мѣсто, на низенькую скамеечку; небольшая кошка—одно изъ пріятнѣйшихъ достояній лопаря—присосѣдилась къ нимъ. На жердяхъ висѣло большими комьями вяленое китовое мясо. Лопарь объяснилъ, что его пищу составляетъ не одна только рыба, но и это мясо, добываемое «даромъ» съ ближайшаго Урскаго завода, и что съ тѣхъ поръ, какъ китовыя туши, по снятіи съ нихъ жира, идутъ въ Арскій заводъ, эта статья хозяйственнаго обихода, пожалуй, прекратилась.

Около двухъ часовъ дня, 22-го іюня, «Забіяка» оставилъ Еретики. Предстоялъ переѣздъ очень небольшой, всего въ два часа времени, къ Кольской губѣ и далѣе къ городу Колѣ, оставшемуся къ югу. Съ этимъ вмѣстѣ началось обратное путешествіе.

Кольская губа.

Екатерининская гавань. Ея исторія. Надежды Поморья. О мурманскихъ гаваняхъ и бухтахъ вообще. Вопросъ военный и вопросъ промысловый. Абрамова пахта. Прибытіе въ Колу.

Глубокій Сѣверъ — 68° сѣверной широты, за полярнымъ кругомъ. Здѣсь, послѣ двухмѣсячной ночи, по народной примѣтѣ, только съ Василія Солноворота—съ 1-го января—опять «заотсвѣчиваетъ», т. е. днемъ свѣтить начинаетъ.

Да не ошибаемся ли мы,—такъ ли это? Чудеснѣйшій день; термометръ показываетъ въ тѣни 20°, и навстрѣчу крейсеру, вступающему въ Кольскую губу, чуть слышно вѣетъ теплый южный вѣтеръ. Едва только судно направилось къ губѣ и стало поворачивать въ нее, не доходя острова Кильдина, какъ сумрачное обличье Мурмана будто свѣялось, исчезло куда-то. Тутъ у входа въ Кольскую губу, словно огромные зѣвы, раскрываются къ океану многія губы, которыми побережье изрѣзано совершенно; вотъ слѣва губа Волоковая, справа — островъ Торосъ, губы Кислая, Сайда, Оленья, Пола. Впереди тянулась вглубь материка какъ бы широкая, очень широкая рѣка, обставленная горами, футовъ въ 300—400 вышиною, густо поросшими довольно высокимъ лиственнымъ лѣсомъ. Глаза отвыкли отъ этой яркой, позлащенной солнцемъ зелени, и вотъ она опять передъ вами, изумрудная, свѣтлая, спускающаяся съ вершинъ вплоть до синей волны, нѣжно обмывающей ея корни, и это рядомъ, бокъ-о-бокъ съ Мурманскимъ побережьемъ! Будто воспоминаніе Мурмана, его жилистыхъ очертаній, его непривѣтливыхъ тѣней, тамъ или тутъ высится въ зелени отдѣльная скала, часто совершенно отвѣсная, называемая тутъ «пахтой», но зелени много и на ней.

Сѣверъ ли это, Мурманъ, или, можетъ быть, частичка Волги, подлѣ Жигулей, чудомъ перенесенная къ Ледовитому океану и подсунутая подъ крейсеръ съ полною обстановкою иной, южной картины? Говорятъ, будто возникали подобныя неожиданныя картины въ степяхъ южной Россіи, ублажая очи путешествовавшей когда-то великой императрицы.

Обратимся, однако, для повѣрки себя къ источникамъ, къ изслѣдова-

ніямъ, и тутъ первое мѣсто какъ по точности, такъ и по новости должно быть отдано книгѣ «Мурманскій берегъ въ промысловомъ и санитарномъ отношеніи» врача В. Гулевича, одного изъ главныхъ работниковъ архангельскаго санитарнаго отряда. Вотъ данныя средней температуры Мурмана по Реомюру: зима 6 градусовъ, весна +2,29, лѣто +8,95, осень +2,5; 20 и болѣе градусовъ тепла въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ не рѣдкость. Океанъ по Мурману зимою не замерзаетъ никогда; по немъ плаваютъ льдины, не мѣшающія движенію судовъ; обмерзаютъ иногда берега на недолгое время такъ называемымъ «припаемъ», который очень быстро разбивается и образуетъ мѣстами «торосы», ледяныя горы; совершенно замерзаютъ только бухты.

Судя по этимъ коротклмъ, но яснымъ даннымъ, несомнѣнно, что нельзя считать Ледовитый океанъ по Мурману побережьемъ закрытымъ. Объ Устюгѣ Великомъ было сказано, что разница между продолжительностью навигаціи петербургскаго порта и архангельскаго не превышаетъ 30—60 дней; но это—для Бѣлаго моря, имѣющаго нехорошую привычку замерзать, а не для Мурмана. Вопросъ о срокѣ плаванія по Ледовитому океану настолько существенно важенъ какъ съ военной, такъ и съ торговой стороны, что о гаваняхъ и бухтахъ нашего побережья должно поговорить подробнѣе; это будетъ совершенно кстати послѣ посѣщенія Екатерининской гавани, предстоявшаго немедленно по входѣ въ Кольскую губу.

Около четырехъ часовъ пополудни крейсеръ круто повернулъ вправо, въ губу Палу, и немедленно перемѣнилъ въ ней курсъ налѣво. Это и была Екатерининская гавань. Просторная гавань, съ тихо плескавшеюся водою, широко раскидывалась вокругъ, обрамленная скалами, разукрашенными зеленью лѣсовъ. Широкій кругъ чертилъ по ней крейсеръ.

Гавань не особенно велика: въ ней двѣ версты длины, одна—ширины; замерзаетъ она, и то не всегда, только на полтора мѣсяца. Это не бухта, это собственно проливъ между островомъ Екатерининскимъ и матерою землею. Всѣ берега ея чисты и приглубы, подлѣ нихъ около десяти саженъ глубины; подальше—отъ шестидесяти до ста саженъ. «Нельзя вообразить себѣ—говоритъ Рейнеке—стоянки безопаснѣе и спокойнѣе»; единственное неудобство ея—это узость входа, не допускающая лавировки, что, какъ извѣстно, для судовъ съ паровыми двигателями—вопросъ третьестепенный. Съ давнихъ, давнихъ лѣтъ была Екатерининская гавань на виду и считалась кладомъ, такъ какъ выходъ изъ нея весною и возвращеніе въ нее позднею осенью,—что существенно важно для успѣха промысловъ—представляются вполнѣ удобными. Недаромъ стремятся наши промышленники, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, къ сосѣдней съ нею Колѣ, составляющей главную станцію ихъ на пути къ Мурману. Съ 1741 по 1744 годъ зимовали въ Екатерининской гавани наши военные корабли, такъ какъ въ Архангельскъ входить они не могли, вслѣдствіе Березовскаго бара. Въ 1741 году были произведены—подробный осмотръ гавани и снятіе ея на планъ; въ 1742 году—вторично. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1748 года адмиралъ Брендаль, зимовавшій тутъ съ флотомъ, получилъ приказаніе идти отсюда съ двумя соединенными эскадрами въ Балтійское море; но оказалось, что кедровый лѣсъ, изъ

котораго была построена «Діана», «есть какъ губка»; что на двухъ фрегатахъ не хватаетъ 48 пушекъ, а вообще нѣтъ пороху, нѣтъ мундировъ и люди по восьми мѣсяцевъ жалованья не получали. Такъ рапортовалъ Брендаль посылавшей его въ Балтику адмиралтействъ-коллегіи. Въ 1744 году изъ Екатерининской гавани ушли—и на этотъ разъ, чтобы болѣе не возвращаться—наши послѣдніе три военныхъ корабля.

Выше сообщалось уже о тѣхъ печаляхъ поморовъ, которыя были повѣданы ими по поводу уступки Норвегіи нѣсколькихъ лучшихъ незамерзающихъ гаваней. Но что̀ съ возу упало, то пропало,—надо беречь остальное. Арская губа не замерзаетъ никогда; Терпберка — не совсѣмъ; Еретики сковываются льдомъ недѣли на двѣ; Екатерининская гавань это—то мѣсто, изъ котораго промысловый пароходъ, прозимовавъ, можетъ направиться къ Новой Землѣ уже въ мартѣ мѣсяцѣ и помѣшать норвежцамъ снимать богатыя сливки съ нашихъ моржевыхъ промысловъ. Кромѣ перечисленныхъ удобныхъ для промысловъ мѣстностей, имѣется цѣлый рядъ другихъ, не менѣе, если не болѣе удобныхъ: губы Зеленецкая, Шельпинская, Харловка, Семь Острововъ, Лица. По обширности, безопасности и удобству лучше прочихъ бухтъ считаются Екатерининская и Зеленецкая.

Вопросъ о спокойныхъ стоянкахъ на нашемъ сѣверномъ побережьи — вопросъ очень важный и давно уже вызывалъ всякія изысканія и соображенія. Въ вопросѣ этомъ собственно двѣ стороны: одна—промысловая, другая—военная; для той и другой совсѣмъ разныя требованія; но чтобы наше сѣверное Поморье оставалось такимъ беззащитнымъ, какъ въ настоящую минуту, это нежелательно и невѣроятно. Когда рельсы соединятъ Волгу съ Сѣверною Двиною, что̀ должно, какъ извѣстно, совершиться въ близкомъ будущемъ, тогда значительная часть грузовъ направится не къ Петербургу, а къ сѣверному побережью при новыхъ условіяхъ,—неужели же только старички «Баканъ» да «Полярная Звѣзда» будутъ, попрежнему, представительствовать здѣсь отъ имени нашего флота, а остатки земляныхъ валовъ, поднятыхъ противъ англичанъ въ 1854 году руками горожанъ и монаховъ въ Онегѣ, Колѣ, Кеми и Соловецкомъ монастырѣ, примутъ на себя обязанность внушать людямъ почтеніе къ нашей береговой оборонѣ? Это немыслимо.

О промысловыхъ гаваняхъ на Мурманѣ у насъ, отъ поры до времени, за послѣдніе годы подумывали. Еще въ 1871 году при Министерствѣ Финансовъ была образована особая комиссія для разсмотрѣнія въ этомъ отношеніи различныхъ предположеній. Отъ этой комиссіи, нашедшей необходимымъ устройство хорошаго порта, была отправлена на Мурманъ подкомиссія, рѣшено было задаться мыслью устройства порта свободнаго ото льда, лежащаго приблизительно на полпути отъ Норвегіи къ Архангельску, въ которомъ могли бы быть поставлены всякіе склады, начиная отъ угольныхъ. Такою гаванью предположена была комиссіею губа Могильная, находящаяся на южной части острова Кильдина, въ которой съ устройствомъ мола получилась бы прекрасная стоянка въ 12 или 14 верстъ въ окружности. Тутъ, въ защитѣ отъ всякаго вѣтра, подходя къ берегамъ вплотную, суда могли бы запасаться всѣмъ необходимымъ;

тутъ находились бы: мировой судья, становой, судебный слѣдователь и врачъ съ больницею. Мнѣніе комиссіи расходилось, повидимому, съ мнѣніемъ департамента мануфактуръ и торговли, останавливавшагося на губѣ Ура. Близки ли были всѣ подобныя предположенія къ осуществленію, — неизвѣстно; но вѣренъ самый фактъ, что вопросъ объ устройствѣ торговаго порта поднимался.

Былое Екатерининской гавани гласитъ, какъ сказано, о томъ, что въ ней гостили и флоты. Если поискать хорошенько, то и кромѣ Екатерининской гавани найдутся для той же цѣли и другія, хотя бы близъ Святаго Носа, у Іоканскихъ острововъ. Мечта—мечтой, а дѣло—дѣломъ, и можно бы, пожалуй, рискнуть изображеніемъ слѣдующей мысли: если бы Петръ Великій почувствовалъ всю тягость нашего положенія въ Дарданеллахъ и Зундѣ, онъ едва ли бы обошелся съ Архангельскомъ такъ безцеремонно, какъ обошелся съ нимъ, открывая всѣ льготы въ пользу Петербурга и Балтійскаго моря. Имѣть море и не пользоваться имъ—это дѣйствительно странно, и Петръ Великій непремѣнно обратился бы къ нему. Мурманъ съ его неисчерпаемымъ рыбнымъ богатствомъ, не особенно далекій отъ Петербурга и Москвы, былъ всегда Золушкою по сравненію съ каспійскими рыбными и тюленьими промыслами. Архивъ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1850—1870 года хранитъ множество бумагъ, касающихся послѣднихъ; не проходило мѣсяца, чтобы какое-либо мѣропріятіе не восходило до Сената, Комитета Министровъ, Государственнаго Совѣта, до Высочайшей власти; тамъ устроено было и дѣйствуетъ до сего дня особое управленіе; имѣется съ 1870 года свой пароходъ, а съ 1867 года управленію и всѣмъ судамъ, находящимся въ его распоряженіи, даны были даже особый флагъ и вымпелъ. Это все для Каспія; для Мурмана до семидесятыхъ годовъ не сдѣлано было ничего или очень мало, и сѣверное побережье наше не только въ натурѣ, но и въ государственномъ сознаніи заволакивалось туманами. Съ Высочайшаго соизволенія, въ сентябрѣ 1882 года была учреждена въ Архангельскѣ временная совѣщательная комиссія о потребностяхъ Сѣвернаго края; въ октябрѣ того же года — особая на этотъ предметъ комиссія при Министерствѣ Финансовъ, окончившая свои работы въ апрѣлѣ 1885 года. Мѣры, ею проектированныя, въ большинствѣ приведены уже въ исполненіе.

«Забіяка», давъ кругъ по Екатерининской гавани, въ зеленомъ кольцѣ ея береговъ и въ молчаливомъ, незримомъ присутствіи воспоминаній, вышелъ снова въ Кольскую губу и направился прямо къ югу. Эта губа дѣйствительно похожа на извивающуюся рѣку. Нѣкоторые называютъ всю ее рѣкою Колою, и это, пожалуй, имѣетъ нѣкоторое основаніе, потому что близъ города Колы губа какъ бы образуется отъ сліянія двухъ рѣкъ: Колы и Туломы. «Кольская губа—что московская тюрьма»,—говорятъ поморы, изображая этимъ довольно неудачно ту особенность ея, что она, не замерзая во всю зиму, иногда въ началѣ марта покрывается льдомъ и стоитъ подъ нимъ за Благовѣщенье, мѣшая промышленникамъ, собравшимся въ Колу, выйти въ океанъ.

Въ восьми верстахъ отъ города, уже къ вечеру, судно бросило якорь подлѣ Абрамовой «пахты», то-есть скалы, и Анна-«корги», то-есть обсушной, песчаной мели. Слѣва поднимались обросшія сплошнымъ лѣсомъ, довольно поло-

гія, но не менѣе возвышенныя горы, а подлѣ самой воды виднѣлся лопарскій чумъ. Скала Абрамова пахта, отвѣсная, въ 100 футовъ вышины, совершенно темная, была усѣяна, будто свѣтлымъ бисеромъ, по всѣмъ выступамъ своимъ морскою птицею; иногда бисеръ этотъ приходилъ въ движеніе; одинъ изъ бѣлыхъ бисеринокъ перелетали къ другимъ, будто дѣлая другъ дружкѣ визиты; бѣлыя полосы помета написали по скалѣ отовсюду, и неумолчные крики доносились издали, когда судно, выпустивъ всѣ пары, окончательно замолкло; это были, должно быть, разговоры при визитахъ птицъ, болѣе или менѣе занимательные. Съ якорнаго мѣста еле-еле виднѣлась, едва поднимаясь надъ водою, Кола.

Такъ какъ было предположено на-завтра, воскресенье, 23-го іюня, быть у обѣдни въ Колѣ, то весь вечеръ оставался свободнымъ. Двое изъ путниковъ, попедшихъ на охоту, безъ собакъ, конечно, на авось, видѣли цѣлую массу куликовъ на берегу и много куропатокъ и тетеревовъ, то и дѣло вынархивавшихъ съ великимъ шумомъ по зеленому лѣсу. Ходьба по лѣсу была очень трудна, такъ какъ почва представляла груды валуновъ, обросшихъ мохомъ, между которыми, неизвѣстно чѣмъ питаясь, растутъ: ель, сосна, береза, ива. Ходьба по берегу, по сырому песку въ часъ отлива была гораздо пріятнѣе; оставленныя водою гроздья морской капусты, Crambe maritima, пощелкивали подъ ногами; длинными, зелеными прядями лѣпились по мокрымъ камнямъ густыя бороды всякихъ тонняковъ и нитчанокъ; розовыя, бѣлыя и голубоватенькія ракушки виднѣлись повсюду; ходить было хорошо, но надо было подумать о возвращеніи къ берегу, такъ какъ приливъ, слѣдовавшій непосредственно вслѣдъ за отливомъ, набѣгалъ очень быстро, такъ быстро, что не въ шутку легко можно было быть отрѣзаннымъ отъ земли; кругомъ никого—дѣлай тогда, что̀ хочешь.

Въ девять часовъ утра слѣдующаго дня, 23-го іюня, спущены были паровой катеръ и вельботъ, и при довольно сильномъ вѣтрѣ путешественники направились къ обѣднѣ въ Колу. Вельботъ шелъ на буксирѣ парового катера. По мѣрѣ приближенія къ Колѣ, заливъ становился все у̀же, все болѣе похожимъ на рѣку; городокъ выросталъ своими небольшими очертаніями на песчаномъ, обросшемъ сочною травою мысу, образуемомъ сліяніемъ Туломы и Колы. Долины этихъ рѣчекъ, уходившія вглубь, дѣлили—такъ казалось—Кольскую губу на-двое; особенно широкою, уходившею въ холмистую голубую даль, была долина рѣки Туломы; тутъ была цѣлая амфилада горъ. Рѣзче всего бѣлѣла на берегу городская церковь, а за городомъ поднималась между двумя долинами гора Соловарака, въ 250 фут. вышины; «вàрака» по-фински значитъ скала, гора, «сòло»—солнечная. Слѣва отъ нея, выше другихъ, почти противъ города поднималась гора Горѣла. Берегъ былъ усыпанъ народомъ или, вѣрнѣе, женщинами, такъ что тутъ повторялось то, что̀ наблюдалось въ Кеми: изъ воды возникалъ амазонскій городъ сѣвернаго побережья,—та же пестрота, тотъ же характерный типъ одѣяній. Все это представилось въ самомъ сѣверномъ городѣ Россіи, въ Колѣ. Это — древнѣйшія мѣста новгородской жизни, и нѣсколько историческихъ чертъ не лишнее привести именно на этомъ мѣстѣ.

Кола.

Любопытныя историческія данныя. Нападенія англичанъ. Метеорологическія особенности. Репутація Колы. Посѣщеніе церкви. Видъ города. Кладбище. Гора Соловарака. Лопарская выставка. Пѣсни и пляска. Возвращеніе на крейсеръ и отплытіе.

— —

Кола основана новгородцами около семисотъ лѣтъ тому назадъ. Въ договорѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ новгородцами, въ 1264 году, значится, что въ Колѣ управляли мужья новгородскіе. Изъ бояръ новгородскихъ видными вотчинниками здѣсь были Строгановы, что̀ явствуетъ изъ грамоты, данной Печенгскому монастырю. Въ 1500 году существовалъ здѣсь крѣпкій острогъ, отразившій нападеніе шведовъ; онъ служилъ мѣстомъ ссылки. Въ 1590 году шведы разорили Троицкую Печенгскую обитель, основанную въ 1533 году крещенымъ евреемъ Трифономъ, и она перенесена въ Колу, а затѣмъ упразднена. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ снабдилъ несудимыми грамотами проживавшихъ въ Колѣ старцевъ, слугъ и крестьянъ Соловецкой обители. Въ 1664 году царь Алексѣй Михайловичъ опредѣлилъ сюда стрѣльцовъ и воеводу. При Петрѣ Великомъ крѣпостца перестроена, вооружена 53 пушками и снабжена гарнизономъ; при Екатеринѣ II въ ней оставалось 35 пушекъ, а затѣмъ крѣпость предана разрушенію, но почтенные остатки ея видны кое-гдѣ и до сихъ поръ.

Въ 1809 году Кола испытала нападеніе англичанъ; они послали въ нее со своего флота двѣ шлюпки съ 35 матросами; Кола имѣла тогда въ гарнизонѣ всего 50 инвалидовъ и ни одной пушки. Горожане, завидѣвъ врага, немедленно ополчили 300 человѣкъ и передали начальство надъ ними купеческому сыну Герасимову. Этотъ купеческій сынъ задумалъ было взять англичанъ живьемъ въ плѣнъ, преградивъ имъ отступленіе; но мѣстный исправникъ предпочелъ встрѣтить англичанъ иначе и малодушно отдалъ имъ свою шпагу. Часъ спустя по выходѣ на берегъ всѣ англичане были мертвецки пьяны и убрались съ грудомъ, потому что горожане, удалившіеся на гору Соловарака, стали мало-по-малу возвращаться; болѣе трезвые изъ англичанъ положили совсѣмъ пья-

ныхъ товарищей въ кольскіе карбасы и перевезли къ своимъ кораблямъ. Въ 1854 году англичане бомбардировали Колу и сожгли 64 дома; слѣды разрушеній видны и до сихъ поръ. Все вооруженіе Колы тогда состояло изъ двухъ орудій: одно изъ нихъ находилось у соляного магазина: это былъ фальконетъ безъ цапфъ, привязанный къ двумъ бревешкамъ, замѣнявшимъ лафетъ, а у древней башни—большое старинное орудіе съ отбитою дульною частью. Жители все-таки рѣшили защищаться; они нашли эти оба орудія въ Екатерининской гавани и перевезли съ великими затрудненіями, твердо рѣшивъ дать непріятелю отпоръ. Защитою Колы руководилъ Бруннеръ, о которомъ было сказано при воспоминаніи о бомбардировкѣ Соловецкаго монастыря. Одна изъ этихъ пушекъ красуется и теперь возлѣ церкви за оградою.

До 1858 года Кола была городомъ заштатнымъ, затѣмъ уѣзднымъ, потомъ опять разжалована и въ 1882 г. повышена снова въ уѣздные. Съ 1877 г. тутъ имѣется метеорологическая станція. Здѣшнее обширное лѣсничество—что очень характерно — приноситъ казнѣ всего только около 5.000 руб. дохода, потому что въ немъ насчитывается до 8.000.000 десятинъ тундры, не производящей ничего, кромѣ лишаевъ. Ни больницы, ни аптеки въ этомъ уѣздномъ городѣ къ описываемое время еще не было; только сравнительно недавно устроена больница на шесть кроватей, имѣются врачи, и (съ 1895 г.) городъ соединяется телеграфною линіею съ внутренними городами.

Въ 1867 году архангельскій вице-губернаторъ Сафроновъ нашелъ въ Колѣ, бывшей тогда уѣзднымъ городомъ, «одного чиновника, правившаго должности исправника, городничаго, судьи, казначея и стряпчаго; одну лошадь и одни дрожки». Видимо недовольный Колою, вице-губернаторъ замѣчаетъ, что «кто же пойдетъ на сѣверъ въ челюсти полюса»? Другія мнѣнія о городкѣ—менѣе мрачныя. Жившій здѣсь довольно долго судебный слѣдователь находилъ мѣстный климатъ безъ сравненія лучше петербургскаго, а шведскій профессоръ Вульфсбергъ считаетъ его даже лучше итальянскаго! Съ 13-го ноября по 9-е января солнце на горизонтѣ здѣсь даже и не показывается и въ пасмурные дни свѣта не бываетъ совсѣмъ, а только сумерки. Съ 20-го мая по 10-е іюля, наоборотъ, солнце съ горизонта не сходитъ вовсе. Въ послѣднія зимы холодъ не превышалъ $35^1/_2{}^0$ по Реомюру. Сравнительная рѣзкость въ процентномъ отношеніи тьмы и свѣта обусловила, вѣроятно, существованіе поговорки, гласящей о Колѣ: «городъ уда, а народъ крюкъ»; сложилась она, безъ сомнѣнія, въ тѣ дни, когда большинство маленькаго населенія, едва достигающаго тысячи человѣкъ мужчинъ и женщинъ, были сутягами; съ кѣмъ и почему сутяжничали они—необъяснимо. Вообще, если судить по поговоркамъ, репутація Колы очень незавидна: «въ Колѣ съ одной стороны море, съ другой — гора, съ третьей — мохъ, а съ четвертой –охъ!»; «кто въ Колѣ три года проживетъ, того на Москвѣ не обманутъ». Есть еще и другія поговорки—похуже приведенныхъ.

Велико было въ былые годы богатство рыбы въ Кольской губѣ. Разсказываютъ, будто въ 1825 году жители черпали тутъ сельдей ведрами, а ранѣе того, въ 1777 году, на отмеляхъ обсохло однажды стадо сельдей по колѣно вышиной. Изобильны въ Кольской губѣ, какъ сказано было раньше, и акулы.

По словамъ вице-адмирала Рейнеке, сюда заходило столько акулъ, что промышленники молились объ избавленіи ихъ отъ этихъ чудовищъ. Акулъ бывало такъ много, что ихъ по зароку не ловили вовсе; но когда принялись за нихъ снова, то промышленники въ одну ночь заработывали по 25 руб.; «страхъ забиралъ глядѣть, говорили они, какъ потянутъ двухсаженную рыбу, а другія, окруживъ шняку, десятками высматриваютъ изъ воды, чернѣясь на ея освѣщенной огнемъ поверхности своими чудовищными спинами». Въ прежнія времена, за недостаткомъ стеколъ, изъ кожи акулъ дѣлали «окончины». Заходятъ въ Кольскую губу и киты. Г. Кушелевъ очень занимательно описываетъ мародерство норвежскихъ китобойныхъ пароходовъ въ нашихъ заливахъ и бухтахъ. По десяти и болѣе пароходовъ вторгались въ заливъ вслѣдъ за китами: «подводные частые взрывы какъ попавшихъ въ китовъ ядеръ, такъ и ударяющихся въ морское дно; рѣзкій свистъ пара; шумныя плесканія издыхающихъ китовъ, до пѣны взбивающихъ могучими хвостами и плавниками неглубокія воды маленькой бухты; грохотъ и лязганье цѣпей и якорей; визгъ быстро выбираемыхъ талей; крики и возгласы команды; хриплыя командныя выкрикиванія шкиперовъ; глухой гулъ морского прибоя; гудѣніе и свистъ вѣтра въ снастяхъ». А на берегу? что дѣлается въ это время на берегу? Киты вошли въ бухту вслѣдъ за мойвою; мойва исчезаетъ; промышленники наши остаются безъ наживки, и неудивительны неистовыя причитанія нашихъ мойвеныхъ артелей, предъ глазами которыхъ совершается все описанное...

Кола, какъ центръ нашего китобойнаго промысла, была намѣчена давнымъ-давно. Въ 1723 году иноземецъ Гарцинъ представилъ Петру I проектъ учрежденія китоловной компаніи, и тогда же велѣно было построить для этой цѣли въ Архангельскѣ три или четыре корабля и отправить ихъ въ главный операціонный пунктъ — Колу. Корабли строилъ Баженинъ, и одинъ изъ нихъ назывался «Вальфишъ». Въ 1803 году, по ходатайству министра коммерціи графа Румянцева, была учреждена «Бѣломорская компанія» для сельдяныхъ и китоловныхъ промысловъ; складочнымъ мѣстомъ назначена опять-таки Кола; стоянкой для судовъ—Екатерининская гавань. Въ 1813 году эта компанія прекратила свою дѣятельность.

Изъ краткаго очерка прошлаго Колы видно, насколько городокъ этотъ представлялъ интереса. Паровой катеръ и вельботъ на его буксирѣ, везшіе путешественниковъ, не могли подойти къ пристани, устроенной на рѣкѣ Туломѣ, шаговъ на сто разстоянія; тутъ поставленъ былъ на якорь баркасъ, за который придержались. Между баркасомъ и берегомъ Тулома бѣжала очень быстро по мелкому каменистому ложу; пришлось пересѣсть на маленькія лодочки и переплыть черезъ стремнину, не менѣе быструю, чѣмъ въ Кеми, но не порожистую. Путешественники вышли на берегъ и направились къ церкви, пѣшкомъ, конечно, потому что и тутъ лошадей въ заводѣ нѣтъ. Солнце блистало во всю, и небо было глубоко лазурно; сине-зеленая бухта, такая же рѣка, кружная панорама горъ, уходившихъ вдаль долиною Туломы, были въ полномъ смыслѣ слова роскошны. Толпа женщинъ въ праздничныхъ нарядахъ, состоявшихъ изъ пестрѣйшихъ одѣяній и златотканныхъ сарафановъ, кокошниковъ и кацавеекъ,

Лопарь съ болкомъ.

Лопарка съ кережкой.

называемыхъ здѣсь «коротенька», также отвалила вслѣдъ за прибывшими. Нѣкоторые изъ головныхъ, ярко блиставшихъ золотомъ на солнцѣ, кокошниковъ достигали одного фута и болѣе вышины; самостоятельный предметъ украшенія составляютъ здѣсь цѣпи на шеяхъ женщинъ, начиная отъ тонкихъ до массивныхъ серебряныхъ, золоченыхъ, перевитыхъ жемчугомъ. Такъ и вспоминались женщины богатаго древняго Новгорода, времень Марѳы Борецкой, прямыми потомками которыхъ являются колянки. Существуетъ поговорка: «Кола—бабья воля», что̀, по объясненію Подвысоцкаго въ его за гѣчательномъ «Словарѣ архангельскаго областного нарѣчія», значитъ, что колянки при крѣпкомъ, крупномъ тѣлосложеніи отличаются энергіею и самостоятельностью не только въ хозяйствѣ, но и въ морскихъ промыслахъ, управляя нерѣдко судами, ходящими въ Норвегію.

Небольшая каменная городская церковь съ луковицеобразнымъ куполомъ и шатровою колокольнею расположена въ уровень съ остальными строеніями города, тоже на зеленомъ лугу; куполъ и верхъ колокольни зеленые, стѣны выбѣлены; церковь—небольшая, въ два свѣта, съ бѣлымъ деревяннымъ иконостасомъ. Есть въ городѣ и другая церковь, кладбищенская, деревянная; она расположена противъ городской церкви на островкѣ, образуемомъ порогами рѣки Колы; сѣренькая, неподновляемая, она, видимо, идетъ къ разрушенію, и нижняя часть ея рѣзного иконостаса уже замѣнена какою-то сѣрою коленкоровою завѣсью. Вокругъ церкви на островкѣ раскинулось кладбище; есть много старыхъ, даже провалившихся, полуоткрытыхъ, зіяющихъ могилъ; здѣсь, на этомъ кладбищѣ, судя по надписямъ на разбитыхъ, накренившихъ плитахъ, въ мирѣ почиваютъ исправники прежнихъ временъ и другіе люди, власть имѣвшіе. Перевозъ покойниковъ на этотъ островокъ не всегда удобенъ; въ весеннюю и осеннюю воду рѣка Кола не разъ уже промывала могилы; въ нихъ, вѣроятно, и костей не сыскать. Отъ этой церкви очень хорошо видна высящаяся надъ Колою гора Соловарка или Соловарака, едва поросшая кустарникомъ; она довольно простого, утомительнаго очертанія; слѣва на ней замѣтенъ совершенно гладкій песчаный откосъ, слѣдъ землетрясенія, приключившагося въ 1872 году, въ февралѣ, въ самую мясопустную субботу. Говорятъ, что это было въ четыре часа утра; подземные удары длились около пяти минутъ. Соловарака дала большой оползень къ рѣкѣ Колѣ и обнажена однимъ бокомъ и до сихъ поръ.

Въ описываемое время, въ Колѣ, въ домѣ Хинагина, бывшаго городского головы, построившаго въ Еретикахъ церковь, была устроена своеобразная выставка мѣстныхъ предметовъ. На зеленой муравѣ, недалеко отъ церкви, была разбита лопарская палатка «куйвакса», состоявшая изъ жердей, обтянутыхъ парусиною, и населенная многочисленною семьею лопарей; типичныя дѣтскія «зыбки», маленькія берестовыя саночки, внутри которыхъ, какъ тѣла египтянъ въ муміяхъ, покоятся ребятишки, лежащіе обязательно носами кверху. Тутъ же виднѣлись два главные дорожные санные экипажа: «кережный болокъ», открытый, и такой же подъ парусиннымъ колпакомъ, называемымъ «волчокъ»; они назначены для ѣзды на оленяхъ и тоже непремѣнно лежа, потому что въ

Кола. Выставка. Лопарскій чумъ.

этомъ единственное ручательство вывалиться возможно рѣдко, ѣдучи безъ дороги.

Видѣлись подлѣ болоковъ и маленькія сапочки «кережки», неразлучныя спутницы пѣшеходныхъ странниковъ, перетаскивающихъ на нихъ необходимые припасы: путникъ идетъ, кережка волочится за нимъ, и если она не опустѣла, то человѣкъ съ голоду не умретъ. Замѣтимъ, что для таскания ихъ, да и вообще въ упряжи, важную роль играютъ здѣсь собаки, которыя и сидѣли подлѣ, впряженныя. Во всей Европѣ, какъ извѣстно, собака находитъ себѣ полезное примѣненіе; въ одной только Великой Россіи, почему — неизвѣстно, этою двигательною силою, судя по количеству нашихъ собакъ — колоссальною, не пользуются вовсе.

Живые экспонаты выставки—лопари и лопарки всѣхъ возрастовъ—были очень разговорчивы, а женщины положительно болтливы, въ особенности одна сорокалѣтняя лопарка съ муміеобразнымъ ребенкомъ на рукахъ. На головахъ мѣстныхъ русскихъ женщинъ, какъ сказано выше, обычны кокошники и повязи; на лопаркахъ красуются «шамшуры», или лопарскія «сороки»; это нѣчто въ родѣ кокошника; по наружной сторонѣ его данъ изгибъ по формѣ головы, вилотную, такъ что вся фигура головного убора очень вычурна; сзади твердый остовъ шамшуры переходитъ въ мягкую шапочку, покрывающую затылокъ; цвѣта выбираются самые яркіе; много на нихъ бисера, бляхъ, пуговочекъ, нашизанныхъ дробинокъ и разноцвѣтныхъ вставокъ сукна.

Въ домѣ Хипагина, лучшемъ во всей Колѣ, причемъ надо замѣтить, что тутъ, какъ и на всемъ Сѣверѣ, дома хороши, просторны, чисты,—путешественниковъ ожидалъ завтракъ, весь цѣликомъ приготовленный изъ мѣстныхъ продуктовъ; красовались: пирогъ изъ трески, отварная семга, треска запеченная съ картофелемъ; этотъ картофель составлялъ исключеніе и былъ привознымъ; сельдь въ разныхъ видахъ и цѣлый рядъ удивительно вкусныхъ печеній къ чаю, которыя и были уничтожены въ достаточномъ количествѣ, потому что свѣжій хлѣбъ былъ для нихъ за послѣднее время предметомъ недоступнымъ. Длинные столы едва умѣщали на себѣ всѣ эти пестрыя угощенія. Столъ вообще въ великомъ почетѣ у поморовъ; «не бей стола: столъ—Божья ладонь», говорятъ тому, кто бьетъ по немъ рукою.

Особенно удаченъ былъ слѣдовавшій вслѣдъ за угощеніемъ плясъ. На улицѣ или, правильнѣе сказать, на лугу передъ окнами тянулись постоянные хороводы, неслась безконечная пѣсня, и подвижная радуга женскихъ нарядовъ отливалась въ солнечномъ блескѣ. Особенно ярко поблескивали «глазнецы» — стекляпныя, бусяныя монисты. Было какъ-то странно смотрѣть на этотъ женскій персоналъ въ одиночествѣ, безъ участія мужчинъ. Слова пѣсни, отъ поры до времени доносившіяся четко и рѣзко, сообщали о томъ, что:

У порядного сосѣда
Собрана была бесѣда,

что въ этой бесѣдѣ принимали участіе съ парнями вмѣстѣ:

Красна-дѣвица несмотрѣнная,
Красавица пепѣловатая.

Колянка за станиной.

Пѣсня сообщала очень своеобразное приглашеніе:

Сорви мушечку съ меня,
Наложи ты на себя, и т. д.

А представителями этихъ милыхъ дружковъ, срывающихъ мушечки, являлись возрастные старики, давно выслужившіе всякіе пенсіоны, и дѣти, никакихъ правъ ни на какіе пенсіоны не имѣвшія. Все мужское населеніе находится въ морѣ за дѣломъ, за трудомъ.

Пляска—пляской, а разспросы—разспросами. Много сообщено было любопытныхъ мѣстныхъ свѣдѣній о Колѣ и ея значеніи для всего сѣвернаго побережья. Не мало было говорено объ оленеводствѣ, какъ объ одной изъ главнѣйшихъ отраслей мѣстнаго хозяйства; многотысячныя стада оленей уже отощали въ былос, а бѣлаго моха, ягеля, нужнаго для ихъ прокормленія, растетъ столько же, если не больше. И тутъ опять, какъ при многихъ случаяхъ, черный призракъ чернаго норвежскаго рома побѣждаетъ слабаго лопаря: лопарь пьетъ не въ мѣру, теряетъ способность сообразительности, и случается, что олень уступается чуть ли не за стаканъ одуряющаго питья.

Вѣтеръ тѣмъ временемъ крѣпчалъ очень быстро и подулъ прямо съ сѣвера. Отъ крейсера сюда путешественники ѣхали полтора часа; теперь противъ вѣтра, иногда усиливавшагося до шквалова, они должны были пройти гораздо больше. Паровой катеръ и вельботъ ныряли въ брызгахъ, по волнамъ, настолько сильно, что, ко времени прибытія на пароходъ, всѣ были мокры съ головы до ногъ и великое наслажденіе доставило путникамъ—осушиться.

Было около пяти часовъ пополудни, когда раздались обычныя предъ снятіемъ съ якоря команды. Началось съ подъема катера и вельбота; «Тали заложить! Слабину выбрать! Пошелъ тали! Стопъ тали! Стопора положить! Тали травить! Брось тали! Тали убрать»! и оба маленькія суденышка, привезшія пассажировъ изъ Колы, были уже на пароходѣ и прибинтованы къ нему самымъ прочнымъ образомъ; паровая машина катера поднята была отдѣльно. Затѣмъ, слѣдовали обычные: «Канатъ на шпиль! Пошелъ шпиль! Всталъ якорь! Чистъ якорь! Закладывать кать! Травить канатъ! Пошелъ кать! Фишъ заложить! Пошелъ фишъ»!

Съ этими послѣдними словами судно освобождается отъ привязей и якоря и можетъ двинуться въ путь. На этотъ разъ предстоялъ очень длинный переходъ. Такъ какъ путь къ Новой Землѣ былъ уже закрытъ окончательно, то рѣшено было посѣтить городъ Мезень, не входившій прежде въ общій маршрутъ путешествія. Была любопытна Кола, но и Мезень не менѣе ея. Предстояло пройти вновь вдоль всего Мурмана, перерѣзать Бѣлое море поперекъ и очутиться сразу въ самомъ восточномъ, самомъ отдаленномъ изо всѣхъ его заливовъ.

Обратный путь вдоль Мурмана.

Происхожденіе его названія. Словарь морскихъ выраженій. Двигающіеся островки чаекъ. Какъ дерутся киты съ касатками. Ночь на Ивановъ день. Полуночное солнце во всемъ его блескѣ.

Ровно въ пять часовъ пополудни, 23-го іюня, наканунѣ Иванова дня «Забіяка» двинулся въ путь; оставляя Кольскую губу, путешественники поклонились еще разъ, проѣзжая мимо, Екатерининской гавани и, пожелавъ ей воскреснуть, направились въ океанъ. Опять поднялся передъ ними столообразный островъ Кильдинъ, опять возникли жилистыя, суровыя скалы Мурмана. Между Кильдинымъ и Кольскою губою побережье какъ будто голѣе, изможденнѣе, многострадальнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Отсюда на западъ, какъ уже сказано, побережье, по направленію къ Норвегіи, становится выше, извилистѣе, красивѣе, взломаннѣе; по пути къ Бѣлому морю на востокъ оно монотонно, утомительно однообразно; тутъ, на раздѣлѣ обѣихъ частей Мурмана, словно выскочилъ изъ моря совершеннымъ особнякомъ геологически странный островъ Кильдинъ; здѣсь въ тѣ дни, когда слагались горы, были, слѣдовательно, встрѣчи какихъ-то различныхъ силъ, различныхъ вліяній, и шелъ большой допотопный споръ.

Такъ какъ солнце свѣтило влѣво, то гранитный Мурманъ, находившійся вправо, вытягивался весь розовый, даже нѣжный; полосы снѣга были на немъ совершенно бѣлыя; берегъ казался пятнистымъ. На плоскомъ песчаномъ подножьи Кильдина, словно пріютившись къ подножію его, лежалъ выкинутый на берегъ пароходъ. Онъ былъ похожъ издали, какъ двѣ капли воды, на видѣннаго въ Арскомъ заводѣ кита, до его прободенія: толстый, раздутый, съ тою только разницею, что китъ былъ какъ смоль черный, днище же парохода сіяло яркокраснымъ цвѣтомъ, киноварью. Что это за пароходъ? жертва ли бури, своя ли оплошность? во всякомъ случаѣ отрывокъ какой-то драмы. Издали было видно, что возлѣ берега, поддѣ краснаго покойника, шныряли какія-то суденышки: ужъ не пираты ли это какіе, думалось невольно, обрадовавшіеся легкой, даровой наживѣ? Тутъ, такъ далеко отъ какого бы то ни было обще-

ственнаго центра, всякій крикъ, всякій голосъ, даже голосъ требующей помощи пушки, заглохнетъ, испугавшись безпредѣльности, и прозвучитъ напрасно.

По мѣрѣ удаленія отъ Кильдина потянулся вблизи Мурманъ нескончаемою, однообразною стѣною. Конечно, это однообразіе только кажущееся, потому что всякая безпредѣльность непремѣнно однообразна. Названіе Мурманъ, безъ сомнѣнія, не русское, но какое? Если придерживаться лопарскихъ словъ, то будетъ такъ: мюрь—море, маннъ—луна, миннъ—наше, слѣдовательно—Лунное, или Наше море; если придерживаться норвежскихъ, то выйдетъ немножко иначе: муръ—мать, маннъ—человѣкъ, то-есть мать—кормилица человѣка, въ чемъ норвежцы вполнѣ справедливы, выражая этимъ заслуги океана относительно своей страны и вспоминая гостепріимство всѣхъ русскихъ водяныхъ урочищъ, не только отдаленныхъ отъ берега, но даже и въ узенькой чертѣ каботажнаго плаванія. Норвежцы, поселяющіеся на нашемъ берегу, пользуются многими льготами; въ виду постоянной любезности нашей и хлѣбосольства, можетъ быть, слѣдовало бы подумать о томъ, нельзя ли прибавить имъ еще чего-нибудь?

Роскошенъ и теплъ проходилъ день предъ Ивановымъ днемъ, и на суднѣ только и было работы, что людямъ, занятымъ у машины. Всегда перемазанные сажей, они составляютъ совсѣмъ особую статью въ рядахъ остального, очень часто моющагося, изъ любви къ водѣ, персонала. «Духи долой!» кричитъ иногда вахтенный, когда нѣсколько человѣкъ выпачканныхъ машинныхъ выползутъ на палубу, чтобы дохнуть свѣжаго воздуха, выползутъ какъ разъ по срединѣ судна, въ самомъ узкомъ и бойкомъ мѣстѣ, и мѣшаютъ проходу. Черные духи по командѣ мгновенно исчезаютъ, впрочемъ на время, а потомъ выползутъ потихоньку опять. Вообще надо замѣтить, что своеобразный словарь всякихъ морскихъ кличекъ, прибаутокъ, выраженій очень характеренъ; онъ весьма часто любитъ смѣшивать, какъ бы уродовать настоящій смыслъ словъ; напримѣръ: «живо копайся!» (какъ это можно дѣлать что-либо «быстро-медленно»? думаете вы) или: «вались на верхъ!» (собственно говоря, валиться можно только книзу). Если вы услышите распоряженіе: «заложить на одну, на двѣ закуски», то вамъ и въ голову не придетъ догадаться, что дѣло касается поднятія люка на ту или другую высоту. Очень жаль, что въ короткое пребываніе на суднѣ не удалось ознакомиться болѣе подробно съ этимъ своеобразнымъ словаремъ.

Приближалась ночь, а, между тѣмъ, этого не было замѣтно вовсе. Свѣтлыми казались очертанія Мурмана, свѣтло и синее море, и солнце, не задергиваемое ни единымъ облачкомъ, катилось по небу вполнѣ лучезарнымъ. За снятіемъ коекъ слѣдовала молитва, и на суднѣ стало сравнительно тише. Тогда одно изъ своеобразнѣйшихъ зрѣлищъ морской жизни нашего Сѣвера не замедлило выясниться во всей своей кажущейся невѣроятности. Много толковали и печатали о томъ, будто разная болѣе мелкая рыба ходитъ иногда по Сѣверному морю такими юрами или косяками, что образуются, будто бы, цѣлые островки, что островки эти обладаютъ способностью самовольнаго передвиженія,

Острова чаекъ.

Киты подлѣ Св. Носа.

и что морская птица, отличающаяся* большимъ прожорствомъ, не должна летать надъ водою, выжидая минуты для того, чтобы клюнуть ту или другую жертву свою, а попросту садится на эти острова, ходитъ по нимъ и поклевываетъ. Этого счастливаго воплощенія птичьей страны съ кисельными берегами и молочными рѣками на этотъ разъ, правда, видѣть не удалось, но нѣчто подобное совершилось на самомъ дѣлѣ. По обѣимъ сторонамъ судна, въ недалекомъ отъ него разстояніи и нисколько его не пугаясь, показывались цѣлые островки чаекъ; этихъ бѣлыхъ островковъ плавало нѣсколько, и количество чаекъ, изъ которыхъ они состояли, было неисчислимо велико. Мѣстные жители передавали, что это явленіе довольно обыкновенное, что, несомнѣнно, тутъ проходитъ въ настоящую минуту какой-нибудь видъ рыбешки, что она идетъ по самой поверхности почти плотною сбившеюся массою, и чайкамъ раздолье наслаждаться вволю, во всю свою прожорливость. Такихъ уровъ или косяковъ рыбы нашимъ поморскимъ неводамъ не осилить, а если бы и осилили, то остается, вслѣдствіе недостатка и дороговизны соли, сдѣлать то, что сдѣлано было въ 1884 году въ Кандалакской губѣ съ сельдью: милліоны вкусныхъ рыбъ преданы были гніенію и долгое время заражали воздухъ мѣстнаго побережья.

Ночь на Иванов день наступила ясная, безоблачная, при полнѣйшемъ штилѣ на водѣ и въ воздухѣ. «Море слоснло»,—говорятъ поморы. Яркое солнце катилось на небѣ какъ ни въ чемъ не бывало и бросало по палубѣ хотя и длинныя, но все-таки рѣзкія тѣни. Въ эту ночь, какъ извѣстно, совершаются на матерой землѣ чудеса, ищутъ чудодѣйнаго папоротника и разрывъ-травы; само полуночное солнце было чудомъ для людей къ нему непривычныхъ; какъ было не вѣрить въ возможность увидѣть одну изъ величественнѣйшихъ картинъ Сѣвернаго моря, картину боя китовъ съ касатками! По мѣрѣ приближенія парохода къ Святому Носу, киты начали показываться снова и въ количествѣ гораздо болѣе значительномъ, чѣмъ прежде. Хотя никто не возьметъ на себя смѣлости сказать, что плавающихъ китовъ, мелькающихъ одновременно съ разныхъ сторонъ, счесть можно, но приблизительная вѣрность допускается: одновременно видно было до тридцати китовъ. При безусловно спокойномъ и облитомъ сильнымъ боковымъ солнечнымъ свѣтомъ морѣ, прогулки китовъ были виднѣе, чѣмъ при первомъ проходѣ судна этими же мѣстами въ туманъ и дождь, въ надвигавшійся штормъ. Темныя массы ихъ выдѣлялись рѣзче; фонтаны казались, благодаря замѣтному паденію ихъ брызговъ въ тихую погоду, гораздо продолжительнѣе, выше, гуще, и такъ какъ китовъ гуляло несравненно больше, то картина представлялась дѣйствительно очень красивою.

Что если бы, такъ думалось, какъ одно изъ чудесъ Ивановой ночи, да на это стадо китовъ напали касатки! Касатка или касатикъ—Orca gladiator, Balaena rostrata, это злѣйшій врагъ кита, хотя и свойственникъ его по зоологическимъ и біологическимъ даннымъ; вражда этихъ свойственниковъ водяного царства такова же, какъ вражда между собакою и волкомъ. Касатки-гладіаторы, уничтожающіе не одну сотню китовъ въ теченіе года, быстры, юрки и

Полуночное солнце.

смѣлы до невозможности. Если нѣсколько касатокъ — говоритъ г. Кушелевъ — увяжутся за китомъ, то спасенія для него нѣтъ никакого; какъ бы ни отбивался онъ своимъ могучимъ хвостомъ, каждая хватка ловкой и гибкой касатки ея, какъ сталь, крѣпкою и острою челюстью наноситъ киту зіяющую рану, и кровь льется потокомъ. Сопѣніе, оглушительный плескъ и частые удары обезумѣвшаго кита отчетливо раздаются надъ океаномъ, и бой исполиновъ слышенъ за нѣсколько верстъ, нарушая общую тишину рѣдкихъ штилей полярныхъ широтъ. Если касатки одолѣютъ, онѣ объѣдаютъ весь жиръ кита, но не трогаютъ мяса. Побѣда касатокъ несомнѣнна, за исключеніемъ развѣ только случая, когда ошалѣвшій отъ боли и страха китъ, если бой происходитъ вблизи земли, выбросится на берегъ. Г. Михайлову удалось видѣть, вѣроятно, подобнаго несчастнаго кита въ Керети, на Бѣломъ морѣ. Выброшенный на берегъ китъ—собственность ближайшихъ селеній, и Керетское общество заработало тогда въ одну недѣлю большія деньги; крестьяне быстро обрубили, срѣзали жиръ и тутъ же вытопили. Огромныя ребра кита, на половину занесеннаго пескомъ, торчали изъ-подъ воды, точно бока разбитаго корабля. Китъ этотъ былъ еще живъ, когда къ нему приступили съ топорами.

Въ Иванову ночь все было на-лицо: полярная широта, штиль, океанъ, цѣлое стадо китовъ, не хватало только касатокъ, и пассажиры судна лишены были возможности полюбоваться одною изъ множества чудныхъ картинъ надводной жизни Ледовитаго океана. Зато Иванова ночь дала полную возможность увидѣть, наконецъ, ни разу не сіявшее еще полуночное солнце во всемъ его величіи. Стрѣлка часовъ подходила къ двѣнадцати. Небо сіяло совершенно чистое, и только надъ самымъ солнцемъ нависало одно небольшое, продолговатое облачко, ярко озлащенное снизу. Въ самую полночь солнце не дошло до горизонта на шесть или семь солнечныхъ діаметровъ. Оно было ярко, но могло быть созерцаемо, хотя и вызывало въ глазахъ множество бѣгавшихъ, сбивавшихъ одна другую, огневыхъ точекъ. Края солнечнаго диска лучились золотистымъ пурпуромъ, такъ что оно казалось окруженнымъ искрившимся, будто кипѣвшимъ, краснымъ кольцомъ. Красноватъ былъ также и столбъ отраженія солнца въ океанскихъ волнахъ, которыя если и блестѣли, то не давали того аквамаринаго цвѣта, который такъ хорошъ, такъ глубоко бархатенъ днемъ. Эти отраженія солнца и луны столбами въ водѣ называются у поморовъ «гралицы». Палуба судна и все, что̀ на немъ находилось: люди, снасти, рубка — все это облилось отнюдь не розовымъ свѣтомъ утра, но какимъ-то красноватымъ, неспокойнымъ сіяніемъ. Тѣни были далеко не рѣзки, не черны, а какъ бы сѣроваты; онѣ тоже будто мерцали тою же краснотою и этимъ какъ бы роднились со свѣтовыми поверхностями тѣхъ предметовъ, отъ которыхъ падали.

Іоканская гавань.

Ея качества и важное значеніе. Необходимость рѣшить вопросъ. Мурманское общество пароходства. Пароходство по Сѣверной Двинѣ. Его недостатки. Особенности очертаній мурманскихъ скалъ. Фауна океанской воды. Румбическія названія вѣтровъ у поморовъ. Отплытіе въ Мезень.

Южный вѣтерокъ чуть-чуть рябилъ поверхность океана, когда, въ Ивановъ день, 24-го іюня, около восьми часовъ утра, съ «Забіяки» замѣтили утесистыя очертанія Святого Носа и маякъ на немъ; но Іоканскихъ острововъ, которые лежатъ къ западу отъ него, то-есть по пути, видно не было. Океанская гладь подступала—такъ казалось — къ утесистому подножію далекаго маяка, и никакихъ острововъ на ней не замѣчалось. Карта, между тѣмъ, показывала противоположное, и, дѣйствительно, мало-по-малу, сначала черточками, потомъ небольшими возвышеніями начали они обозначаться одинъ за другимъ. Они выплыли изъ воды будто вдругъ; тумана не было никакого, солнце горѣло полнымъ блескомъ. Едва только стали ясны ихъ приземистыя глыбы, какъ судно уменьшило ходъ, потому что, несмотря на ясность голубого дня и тишину моря, отыскать фарватеръ одного изъ проходовъ было нелегко. Это, безспорно, недостатокъ гавани, въ которую судно направлялось, но одинъ изъ тѣхъ легко устранимыхъ недостатковъ, о которомъ, при существующихъ средствахъ освѣщенія береговъ маяками, башнями, створами и т. п., не можетъ быть и рѣчи.

Іоканскихъ острововъ — семь, но только пять изъ нихъ участвуютъ въ образованіи гавани, имѣющей длины около шести миль, въ которой, согласно мнѣнію Рейнеке, «многочисленной флотъ можетъ расположиться весьма покойно». На Іоканскій рейдъ ведутъ два прохода: одинъ — сѣверо-западный, между островомъ Чапчынъ и материкомъ, въ 350 саж. ширины, и восточный, въ 800 саж. ширины, между островами Сальнымъ и Медвѣжьимъ. Крейсеръ на-

правился къ послѣднему, безусловно лучшему, и, пройдя самою срединою его, повернулъ къ югу и тотчасъ же бросилъ якорь.

Видъ на гавань былъ очень красивъ. Къ югу высились скалы берега, образуя нѣсколько углублявшихся декорацій къ устью рѣки Іоканки; къ востоку ясно очерчивались маякъ Святого Носа и помѣщенія находящейся при немъ команды; съ сѣвера и запада прикрывали отъ взора океанъ невысокіе гранитные острова, Сальный и Медвѣжій, такъ что судно очутилось въ полномъ смыслѣ слова въ каменномъ кольцѣ; по недалекимъ островамъ и по синей водѣ гавани перепархивало множество утокъ, чистиковъ, баклановъ, чаекъ; глубоко внизу, подлѣ судна, гуляла всякая рыба, отпугиваемая, а отнюдь не приманиваемая, какъ это бываетъ съ болѣе южною рыбою, всякимъ брошеннымъ въ воду предметомъ. Нѣсколько крестовъ и каменныхъ пирамидокъ, «гурій» или «кекурій», виднѣлось на Медвѣжьемъ островѣ; стадо въ 10—12 оленей разгуливало по небольшому островку Сальному.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что устройство хорошей гавани на нашемъ Мурманѣ необходимо. Ранѣе уже упомянуто объ Іоканской. Все, что можно сказать о ней, будетъ, конечно, только гадательно, но съ большою долею вѣроятія. Ни точныхъ промѣровъ, ни правильныхъ метеорологическихъ и физическихъ наблюденій здѣсь не производилось, и физіономія этой гавани, какъ и всего Мурмана, остается неопредѣленною. Тѣмъ не менѣе, отъ будущности не уйти, и въ этомъ отношеніи полезно рѣшительно всякое указаніе. Существенно важно рѣшить, напримѣръ, слѣдующее: правда или нѣтъ сообщаемое г. Сидоровымъ свѣдѣніе, будто теплое теченіе гольфстрема направляется именно на Іоканскіе острова и иногда приноситъ съ собою американскія деревья и капитаны? основательно или нѣтъ существующее у поморовъ названіе «живой камень» для плода американской мимозы, заносимой въ Бѣлое море? Если это правда, то на сколько времени, на какое разстояніе, какъ и когда обмерзаетъ эта гавань? Расположеніе острововъ и побережья безусловно удобны для возведенія обширной системы отдѣльныхъ фортовъ, и если гавань дѣйствительно способна пріютить цѣлый флотъ, то можетъ ли этотъ флотъ быть защищенъ не только со стороны моря? Гавань эта сама по себѣ обширна и приглуба, но въ ней есть про запасъ еще и другая гавань—это рѣка Іоканка. Подобно сліянію рѣкъ Колы и Туломы, Іоканка расширяется при устьѣ своемъ въ цѣлую сѣть сплетеній изъ отдѣльныхъ рукавовъ, образующихъ глубокій заливъ; послѣдній длиною почти двѣ мили, шириною болѣе версты, при глубинѣ трехъ саженъ; приливы въ этой рѣкѣ такъ велики, что въ ней съ особеннымъ удобствомъ можно килевать суда; зимовать въ ней тоже удобно, потому что ледоплавы и наводненія весны и осени здѣсь невозможны. Снабженіе водою не оставляетъ желать ничего лучшаго, потому что во многихъ бухточкахъ южнаго побережья стремятся съ вершины Мурмана постоянные водопады нѣсколькихъ ручьевъ.

Нужна ли намъ вообще гавань на Мурманѣ? Нужна ли военная, или можно было бы удовлетвориться коммерческою? Нужно ли имѣть тутъ военный оплотъ, или достаточно довольствоваться норвежскими крѣпостями? Если

нужно, то подходятъ ли гавань Іоканская или Екатерининская, или какая-либо третья? Все это—вопросы большой важности, и для такой первостепенной державы, какъ Россія, запертой Дарданеллами и Зундомъ, едва ли не жизненные. Наше сѣверное Поморье, этотъ существенно важный для насъ край, остается какъ-то внѣ всякихъ соображеній и о немъ вспоминаютъ только урывками, случайно. Во всякомъ случаѣ и что бы тамъ ни говорили, слѣдуетъ выяснить разъ и навсегда, стоитъ ли наше сѣверное побережье чего-либо въ отношеніи общаго хозяйства Россіи, стоитъ ли оно чего-либо само по себѣ? Если не стоитъ, такъ и будемъ знать на будущее время, и пожалѣемъ о томъ, что край этотъ совершенно напрасно вызвалъ цѣлую литературу всякихъ ученыхъ трудовъ и беллетристическихъ описаній. Если же онъ стоитъ чего-либо, то слѣдуетъ безостановочно, не теряя времени, опредѣлить его значеніе, его средства и начать дѣйствовать немедленно въ избранномъ направленіи.

Одно изъ существенныхъ условій неправильной организаціи здѣшней жизни состоитъ въ совершенномъ почти отсутствіи какого-либо почтоваго или телеграфнаго соединенія. Въ настоящее время (1895 г.) состоялось уже правительственное распоряженіе о соединеніи Мурмана съ внутреннею Россіею телеграфною линіею; это чувствуется на каждомъ шагу. Въ особенности необходимо упорядоченіе пароходныхъ сообщеній. «Мурманское общество пароходства» имѣетъ четыре парохода; изъ нихъ два—«Кемь» и «Онега»—назначены для Бѣлаго моря, два—«Архангельскъ» и «Чижовъ»—для Мурманскаго берега и Новой Земли. За все лѣто обязаны они сдѣлать только 11 рейсовъ, да кромѣ того два рейса на Новую Землю. За точное исполненіе этихъ рейсовъ компанія получаетъ отъ казны 55.000 руб. субсидіи, такъ что за каждый рейсъ по Бѣлому морю ей приходится по 2.500 рублей. Въ пути довелось не однажды слышать жалобы на это общество, на то, что пароходы его то и дѣло минуютъ попутныя становища. Г. Кушелевъ называетъ эти рейсы не «срочными», а «безсрочными», и говоритъ, что бываютъ двухнедѣльныя, и болѣе, опаздыванія пароходовъ.

Безсрочность сообщеній—это гангрена всякаго торговаго и промышленнаго дѣла. Не говоря уже о Мурманѣ, не угодно ли кому-либо отважиться на путешествіе по Сухонѣ и по Сѣверной Двинѣ, т.-е. на тотъ именно путь, который выше описанъ. Для сообщеній по Двинѣ существуютъ три компаніи. Характерно то, что, упоминая о нихъ, приходится дѣлать это съ оговоркою: «если не ошибаемся». Эта оговорка свидѣтельствуетъ лучше всего о томъ, какъ мало свѣта и опредѣленности существуетъ въ этомъ дѣлѣ; если при добромъ желаніи, при сравнительномъ удобствѣ собрать нужныя свѣдѣнія, собрать ихъ все-таки было трудно, то что же должны дѣлать тѣ, а ихъ-то именно и слѣдовало бы имѣть въ виду, кому эти свѣдѣнія необходимы? Никакихъ почти объявленій, никакихъ точно обозначенныхъ центровъ, спрятанныя гдѣ-то конторы, почти безо всякихъ сношеній съ Москвою и Петербургомъ, полнѣйшая трудность получить какія-либо нужныя торговому человѣку справки! Все здѣсь пока дремлетъ и свидѣтельствуетъ о своей жизни только временными про-

блесками, ожидая руководящей смѣлой указки, ожидая направляющей силы. А богатства много, стоитъ только приложить къ нему руки.

Пока судно грузилось углемъ, путешественники съѣзжали на оба ближайшіе, совершенно пустынные, острова. На Сальномъ гуляли олени. Такъ какъ островъ очень невеликъ, то представлялась возможность подходить къ нимъ довольно близко. Это было одно изъ тѣхъ оленьихъ семействъ въ 10—12 особей, которыя принадлежатъ лопарямъ ближайшаго Іоканскаго погоста. Почва острова—гранитъ, покрытый тонкимъ слоемъ торфа и тамъ, гдѣ торфъ можетъ держаться, порослій ягелемъ—Cladonia rangiferina, составляющимъ главную пищу оленя. Мало этого ягеля на небольшомъ островѣ, и можно было видѣть, какъ обдирали олени со скалъ не только ягель, но заодно и весь тонкій слой торфяной почвы, обнажая скалу до щелей. Исхудалые, бродили они, покрытые клочьями обвисавшей мѣстами шкуры, въ желтоватыхъ и сѣрыхъ пятнахъ, и словно скользили своими тонкими, струнными ногами, неслышною поступью, по невозможно острымъ утесамъ острова, убѣгая отъ людей.

Сальный островъ, равно какъ и Медвѣжій, это цѣлый міръ роскошнѣйшихъ этюдовъ сѣверныхъ поморскихъ скалъ. Въ нихъ есть нѣчто совершенно самостоятельное въ смыслѣ очертаній, то, чего не встрѣтите вы ни въ скалахъ южнаго берега Крыма, ни въ Нормандіи. Тамъ, съ большею или меньшею ясностью, видите вы, какъ бы рисуете себѣ, пути ихъ образованія, направленіе щелей, напластованіе, окаменѣлое былое движеніе ихъ, живописуемыя въ рѣзкихъ и опредѣленныхъ чертахъ; тамъ, при всемъ разнообразіи линій и ихъ изломовъ, вы какъ бы чувствуете направляющую совершавшагося геологическаго переворота и не можете не признать окончательнаго успокоенія. Здѣсь, въ утесахъ Ледовитаго океана, нѣтъ ничего подобнаго; глядя на нихъ, вы ничего сообразить не можете, вы никакого успокоенія не находите. Какія-то страшныя силы наворочали утесы и образовали щели, совершенно невозможныя съ точки зрѣнія статики; гранитныя массы налегли одна на другую въ какомъ-то безумномъ страданіи, въ какомъ-то чудовищномъ хаотическомъ безпорядкѣ. Эти глубокія царапины, зіяющія по розовымъ массамъ гранитовъ, эти черныя раскрытыя трещины, эти сплошные утесы величиною съ громадный домъ, подпираемые сравнительно небольшими камнями и между ними на разныхъ уровняхъ покоящаяся, словно въ чашахъ, морская вода, вѣчно пополняемая приливами и захлестывающими въ нихъ волнами, — все это говоритъ о чемъ-то злобномъ, неистовомъ, едва-едва умиротворенномъ. Изъ всѣхъ художниковъ, изображавшихъ скалы, плодовитѣе и разнообразнѣе всѣхъ былъ, конечно, Густавъ Доре въ своихъ иллюстраціяхъ, но напрасно искали бы вы въ нихъ своеобразныхъ мотивовъ скалъ Мурманскаго побережья. Они—совсѣмъ иные, до сихъ поръ въ художествѣ никогда и никѣмъ не воспроизведенные.

Ходить по берегамъ обоихъ острововъ значило постоянно карабкаться, и не безъ помощи рукъ, по фантастическимъ ступенямъ гранитовъ; множество чистиковъ изъ семейства утиныхъ, черныхъ какъ смоль, съ ярко-малиновыми клювами и лапками, постоянно выпархивало изъ-подъ ногъ. Въ тихихъ заводяхъ утесовъ, пригрѣтыхъ, какъ въ аквaріумахъ, теплымъ солнцемъ, можно

Островъ Сальный. Лопарскіе олени.

было видѣть безформенные клочья студенистой массы морскихъ обитателей низшаго порядка, розоваго или даже малиноваго цвѣта съ бѣлыми ободками, называемой тутъ «морскимъ саломъ», какой-то видъ Acalephe; говорятъ, что попадается и нѣсколько видовъ «морскихъ звѣздъ» –Astraea. Въ одной изъ подобныхъ высокихъ гранитныхъ чашъ можно было замѣтить почему-то закинутыхъ сюда изъ океана небольшихъ раковъ—бокоплавовъ, которыми, между прочимъ, питаются нѣкоторые киты. Вообще говоря, фауна нашей сѣверо-океанской волны далеко не богата видами. Профессоръ Гримм обобщаетъ это и для всѣхъ нашихъ морей. «Наши воды—говоритъ онъ—богаты сравнительно, такъ сказать, на вѣсъ, по числу особей, но весьма бѣдны видами. Если сосчитать всѣ существующіе въ Европейской Россіи, включая и Каспій съ Кавказомъ, виды рыбъ, какъ промысловыхъ, такъ и не промысловыхъ, то найдемъ около 300 видовъ, что составляетъ немного болѣе 2% того числа рыбъ, какое извѣстно ученымъ со всей земли». То, что сказано о рыбахъ, можетъ быть повторено и относительно всякихъ моллюсковъ, червей, рачковъ, улитокъ, ракушекъ, и пр. Напрасно было бы искать по Мурману той мозаичной пестроты морской жизни, которая имѣется въ Средиземномъ морѣ и гораздо сѣвернѣе этого моря, на берегахъ Нормандіи. Въ здѣшней морской волнѣ царитъ торжественное молчаніе, глубокое молчаніе жизни, и только отъ поры до времени проявляется она, сосредоточенная въ крупныхъ очертаніяхъ китовъ, акулъ, палтусовъ, бѣлухъ, моржей или въ необозримыхъ полчищахъ сельди и трески, образующихъ въ океанѣ какъ бы свои космическія теченія.

Около трехъ часовъ пополудни, крейсеръ со свѣжимъ запасомъ угля покинулъ Іоканскіе острова. Еще разъ промелькнули: широкая, покойная гавань, ея гранитныя обрамленія, низкіе острова съ безмолвными крестами, неизвѣстно кѣмъ поставленными. Олени Сальнаго острова, видимо довольные отъѣздомъ людей, всѣ собрались на центральную, высокую часть его и, откинувъ рога на спины, повернувъ головы въ сторону удалявшагося судна, вырисовывались неподвижно цѣлымъ рядомъ тоненькихъ, дробныхъ силуэтовъ.

У Святого Носа, какъ всегда, море было неспокойно.

Закипѣла въ морѣ пѣна—
Будетъ вѣтру перемѣна,

говорится на Поморьѣ.

Вѣтеръ былъ юго-восточный или, какъ его здѣсь называютъ, «обѣдникъ». Всѣ почти вѣтры имѣютъ на Мурманѣ свои названія: южный называется «лѣтникъ», юго-западный—«шалонникъ», сѣверо-западный—«побережникъ», сѣверный—«морянка», сѣверо-восточный—«полуночникъ»; западный и восточный сохраняютъ свои названія; промежуточные называются «межниками». «Восточники да обѣдники—заморозные вѣтречки», говоритъ поморъ. Въ компасѣ, какъ извѣстно, 32 румба и значительная часть ихъ имѣетъ здѣсь свои мѣстныя названія, причемъ имъ придаются нумера, напримѣръ: «7-й межъ (межникъ) востока полуночникъ»; цѣлыхъ 16 румбовъ называются «стрыками», и о нихъ говорится: «10-й стрыкъ встрыка къ обѣднику». Эти названія и ихъ систематика доказываютъ во-очію, насколько нашъ поморъ—прирожденный морепла-

ватель, насколько это призваніе его ясно опредѣлено. Изъ нихъ ли не набрать удивительныхъ матросовъ?

Ночь на этотъ разъ спускалась не особенно ясная, и полуночное солнце вторично не показалось. Войдя въ гирло Бѣлаго моря, крейсеръ держался праваго, Терскаго берега и не шелъ на перерѣзъ, какъ бы слѣдовало для краткости пути на Мезень, во вниманіе ко множеству «кошекъ» въ гирлѣ.

Къ восьми часамъ утра, 25-го іюня, то-есть менѣе, чѣмъ черезъ сутки, предполагалось прибыть въ Мезень, то-есть перейти все Бѣлое море поперекъ. Такіе усиленные переходы можетъ дѣлать только очень хорошее судно.

Мезенскій заливъ. Мезень.

Характеръ уѣзда. Очертаніе береговъ. Русановскій лѣсопильный заводъ. Путь по рѣкѣ Мезени. Старый и новый соборы. Характерность одѣяній. Даха и малица. «Адъ» подлѣ города. Ничтожность рѣки Мезени.

Идеаль было, обогнувъ Святой Носъ и направившись Бѣлымъ моремъ, проститься съ Мурманомъ, съ которымъ удалось ознакомиться вполнѣ во всю его длину. «Отъ Кеми до Колы сорокъ три Николы», говоритъ поговорка, свидѣтельствуя будто бы о существованіи сорока трехъ маленькихъ часовенъ, поставленныхъ этому высокочтимому, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, святому; говорятъ, будто въ нѣкоторыхъ изъ часовенъ имѣется до сорока образовъ съ его изображеніями, поставленныхъ бѣднѣйшими людьми.

Насколько быстро шелъ крейсеръ, видно изъ простого взгляда на карту: отъ Святого Носа, находящагося съ западной стороны Бѣлаго моря, у самаго входа въ него, меньше чѣмъ чрезъ сутки былъ онъ, къ восьми часамъ утра, 25-го іюня, недалеко отъ города Мезени, расположеннаго въ береговой глубинѣ самаго восточнаго изъ его заливовъ. Утро было вполнѣ золотистое, и полнѣйшій штиль вырисовывалъ недалекіе берега. Не далѣе какъ двадцать часовъ тому назадъ съ палубы судна виднѣлись одни только возвышенныя, острыя, жилистыя очертанія Терскаго берега; теперь, насколько видѣлъ глазъ вправо и влѣво, разстилался берегъ совершенно ровный, низкій, точно край какого-то неизмѣримо большого картоннаго листа, разложеннаго надъ моремъ. Вправо, какъ бы прорывомъ этого листа, очерчивалось устье рѣки Кулоя; замѣтно было, что глинистый берегъ поросъ лѣсомъ.

Судно бросило якорь въ сорока верстахъ отъ города Мезени—такъ неудобенъ подступъ къ городу, такъ много благопріятныхъ условій требуется для съѣзда на берегъ. Сорокъ верстъ, конечно, не мало; но нельзя было предвидѣть, что и эти сорокъ верстъ дадутся съ большимъ трудомъ. До Руса-

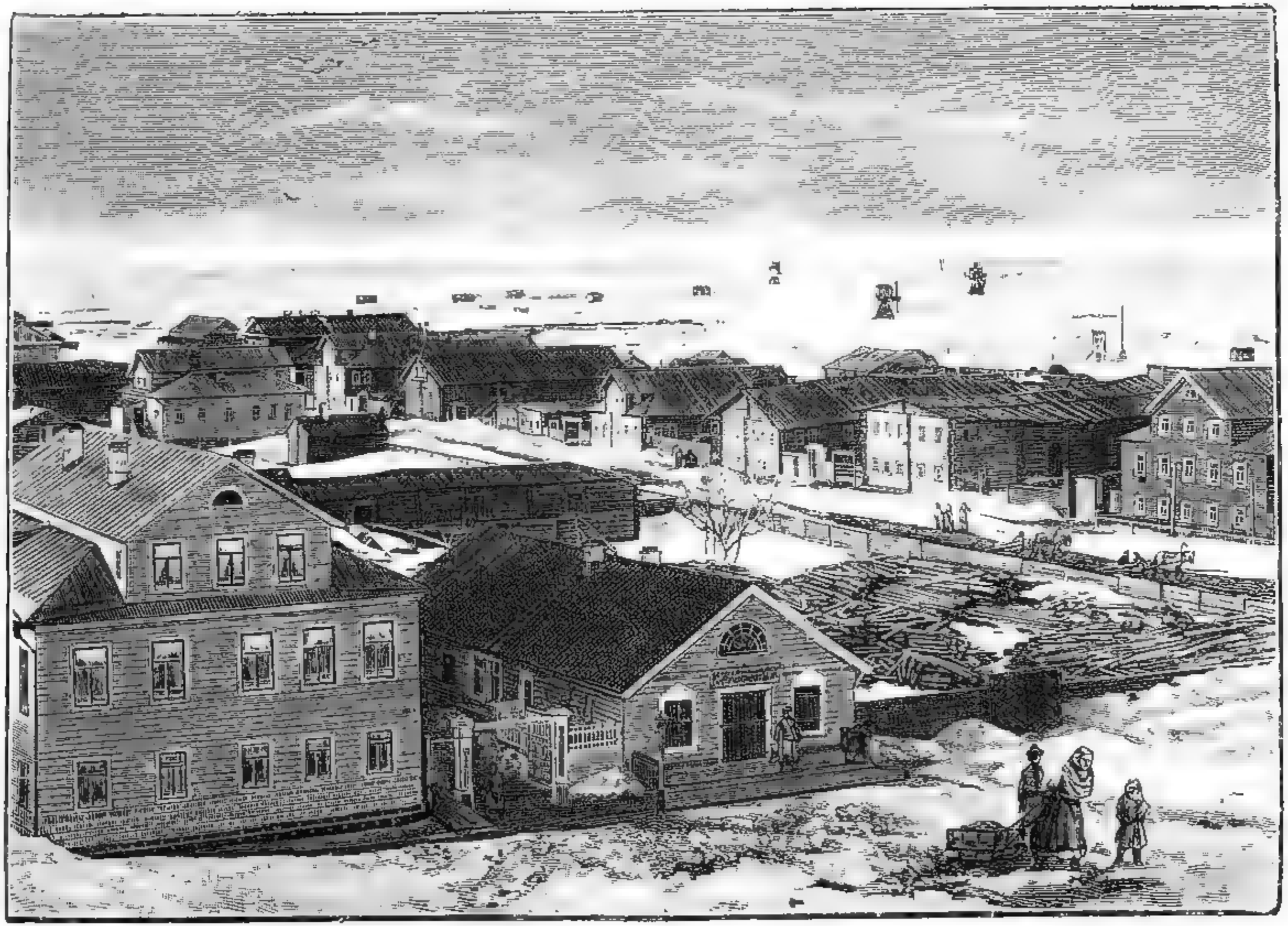
новскаго лѣсопильнаго завода. находящагося на рѣкѣ Мезени, отъ мѣста якорной стоянки «Забіяки» было пятнадцать верстъ; до города—сорокъ.

Прибытія крейсера ожидали здѣсь два паровыя судна: «Баканъ», старый знакомецъ, назначенный для доставленія путешественниковъ, если возможно, въ рѣку Мезень, и пароходъ Русановскаго завода «Мезень», сидящій очень мелко, только четыре фута, и долженствовавшій вести ихъ дальше, если можно, къ самому городу. Такъ какъ погода установилась хорошая, и заводскій пароходъ, одинъ изъ самыхъ старыхъ, съ постукивающею машиною, вздрагивающими колесами и значительно искривленною палубою, могъ одинъ исполнить эту службу, то и рѣшено было пересѣсть прямо на него для того, чтобы избѣгнуть второй пересадки. Когда крейсеръ бросилъ якорь, на носу его подняли небольшой флагъ, извѣстный подъ именемъ «гюйса». Флагъ этотъ, выставляемый на носу судна по опусканіи якоря и означающій, что судно, лишенное возможности двигаться, совершенно беззащитно, и что его должны обходить всѣ суда,—имѣетъ на себѣ англійскіе цвѣта; говорятъ, будто причина этого историческая и сохраняется какъ воспоминаніе союза Петра I съ Англіею противъ шведовъ.

Старушка «Мезень», постукивая и побрякивая всѣмъ своимъ стародавнимъ механизмомъ, отвалила отъ «Забіяки» ровно въ пять часовъ пополудни, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы войти въ рѣку Мезень въ самую полную воду и сократить, насколько возможно, дальнѣйшій переѣздъ къ городу въ лодкахъ. Много было говорено о томъ, что, если гдѣ, то—именно въ Мезени, съѣздъ на берегъ находится въ полнѣйшей, такъ сказать, моментальной зависимости отъ прилива, достигающаго здѣсь огромной—двадцати-двухъ-футовой вышины.

Какъ извѣстно, уѣзды: Кемскій, Кольскій и Мезенскій, пользуются по правамъ службы чиновниковъ особыми льготами; Мезенскому уѣзду предоставлялись также особыя льготы для обмѣна ассигнацій старыхъ образцовъ, какъ это было еще въ 1848 году; какъ почти самый сѣверо-восточный городъ Европейской Россіи, Мезень, которую предстояло осмотрѣть, до 1885 года, когда городъ этотъ посѣтилъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ, никогда не видала никого, не только изъ Особъ Царствующаго Дома, но даже гражданскихъ и военныхъ начальствующихъ лицъ въ губерніи, за рѣдкими исключеніями. Такъ труденъ къ нему доступъ. Въ полутора верстахъ отъ него начинается тундра, извѣстная подъ характернымъ названіемъ «Адъ» и идущая въ безконечность; почта не приходитъ иногда по четыре мѣсяца въ году. Къ Мезенскому уѣзду относятся—шутка сказать!—весь Запечорскій край и вся Новая Земля съ островами Калгуевымъ и Вайгачемъ. Это ни больше, ни меньше какъ 372.108 квадратныхъ верстъ!

Мезенскій уѣздъ очень характеренъ. Въ немъ три стана. Въ составъ перваго входятъ десять волостей и тундры Канинская и Тиманская, съ населеніемъ около 18.000 человѣкъ. Второй и третій станы составляютъ такъ называемый Запечорскій край, состоящій изъ шести волостей; къ нему принадлежитъ Большеземельская самоѣдская тундра; въ этомъ краѣ около 23.000 человѣкъ, изъ нихъ самоѣдовъ 4.298. Населеніе уѣзда составляютъ: великоруссы по рѣкѣ Мезени и частью по рѣкѣ Печорѣ, зыряне—четыре волости и самоѣды, кочую-



Мезень, уѣздный городъ Архангельской губ. (вдали тундра «Адъ»).
Сн. фотогр. Лейнингера, грав. Фюгель.

щіе по тундрамъ. Главныя занятія—хлѣбопашество, скотоводство, лѣсная охота, а въ волостяхъ приморскихъ, Долгощельской, Койденской и Пустозерской—рыбные и морскіе звѣриные промыслы. Въ Мохченской зырянской волости процвѣтаетъ оленеводство, и изъ всѣхъ оленей уѣзда, около 220.000 головъ, этой волости принадлежатъ 180.000, такъ что хозяевами тундры должно считать зырянъ, а не самоѣдовъ, обратившихся съ теченіемъ времени въ зырянскихъ работниковъ и пастуховъ.

Мезенскій заливъ, по которому судно плыло, отличается особеннымъ обиліемъ бѣлухъ, достигающихъ здѣсь 3½ саженъ длины и составляющихъ главное основаніе быта мѣстныхъ поморовъ. Крупныя бѣлухи то и дѣло показывались подлѣ судна на поверхности воды своими бѣловатыми спинами, настолько бѣлыми, что ихъ иногда бываетъ трудно отличить отъ пѣны, бѣгущей по волнѣ. Хотя бѣлуха водится и въ другихъ заливахъ Бѣлаго моря, и ихъ особенно много ближе къ Печорѣ и на Новой Землѣ, но изъ всѣхъ ближайшихъ мѣстъ она почему-то искони полюбила заливъ Мезенскій.

Вправо отъ парохода, какъ сказано, виднѣлось устье рѣки Кулоя. Слѣдуетъ упомянуть, что тутъ, въ этомъ забытомъ, непосѣщаемомъ краѣ, еще существуетъ пользованіе «волоками». Волокъ со времени древняго Новгорода имѣлъ громадное значеніе на всемъ Сѣверѣ Россіи; волоками шли всѣ сообщенія; волокомъ пользовался Петръ I. Здѣсь и въ настоящее время существуетъ волокъ: изъ Сѣверной Двины идутъ въ рѣку Пинегу, оттуда, волокомъ въ полторы версты длиною, до рѣки Кулоя, слѣдовательно — къ Бѣлому морю. Близъ устья Кулоя чуть-чуть обрисовывалась на низменномъ берегу деревня Щелье, отъ которой до города Мезени берегомъ 85 верстъ. Населеніе Щелья—рыболовы, и главный ихъ промыселъ — бѣлуха, особенно обильный весною. Дальше, вглубь страны, тянется тундра, одна безотрадная тундра.

Влѣво, на совершенно низменномъ берегу, выяснялась деревня Семжа, съ церковью и восемнадцатью домами; изъ нея образовался выселокъ въ двѣ избы; вотъ и все, что имѣлось жилья на этомъ отстраненномъ отъ всякой жизни побережьи, тянущемся надъ моремъ нескончаемою узенькою тесьмою, песчаною близъ воды и только чуть-чуть затемненною по верху жиденькимъ слоемъ почвы, на которой даже и лѣсъ не растетъ. Дальше, за этою полоскою, какъ и за деревнею Щелье, лежащею на противолежащей сторонѣ воды, опять-таки та же безконечная тундра. Жители Семжи, кромѣ бѣлухъ, добываютъ еще и семгу.

Пароходъ подвигался, слѣдовательно, въ глубоко-мертвую область тундръ. Хотя онъ сидѣлъ въ водѣ только четыре фута и время прилива было разсчитано какъ слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе надо было торопиться. Нигдѣ рѣшительно не встрѣчалось такой мутной воды, какъ въ Мезенскомъ заливѣ; ужъ не эту ли муть любитъ бѣлуха? Вода была въ полномъ смыслѣ слова шоколаднаго цвѣта, и солнечные лучи, несмотря на всю свою силу, проникнуть вглубь ея не могли. Эта муть обусловливается песчано-глинистыми берегами и такимъ же дномъ и необыкновенною силою приливовъ и отливовъ, взбаламучивающихъ массы воды неустанно: кончится приливъ—отливъ начинается, и это два раза

въ сутки, на двадцать два фута вышины начиная отъ самаго дна. Такъ же мутна была эта вода во времена Литке, замѣтившаго, что въ ведрѣ подобной воды образуется осадокъ песка и ила въ четверть аршина.

Сдѣлавъ пятнадцать верстъ и войдя въ рѣку Мезень, судно прошло мимо Русановскаго лѣсопильнаго завода, пароходомъ котораго пользовались путники; отсюда до города оставалось двадцать пять верстъ. Остановки на заводѣ сдѣлано не было. Годовой оборотъ этого завода достигаетъ 300.000 руб., рабочихъ въ лѣтнее время бываетъ 200 человѣкъ. Зимою—только 80. Существуетъ онъ около десяти лѣтъ и доставляетъ сосну исключительно въ Англію, а лиственницу—по заказамъ нашего Морского Министерства; въ 1884 году было отправлено отсюда лиственницы по одному пароходу въ Кронштадтъ и въ Николаевъ. Контрактъ на добычу лѣса съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ долженъ былъ продолжиться около семи лѣтъ. Весь рѣшительно лѣсъ вывозится распиленнымъ на доски. Самъ заводъ имѣетъ три парохода, съ которыхъ нагрузка лѣса производится прямо на англійскія суда. Тутъ имѣются больница и церковь, но школы нѣтъ.

Заводъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки; изъ старыхъ отброшенныхъ рекъ воздвигнуто подлѣ берега нѣсколько поперечныхъ дамбъ, необходимыхъ какъ защита отъ приливовъ; бревна, доски, плоты тѣснились цѣлыми массами у берега, на которомъ виднѣлись гдѣ лугъ, гдѣ лѣсокъ, преимущественно лиственницы. Рѣка и въ особенности фарватеръ ея извилисты до невозможности, и по близости то и дѣло показывались изъ воды гдѣ отмель, гдѣ цѣлыя кучи темнѣвшихъ каменьевъ.

Часовъ около восьми вечера показался городъ Мезень, медленно выдвигавшійся влѣво. Онъ стоитъ на правомъ берегу и ясно виденъ верхушками своихъ двухъ церквей.

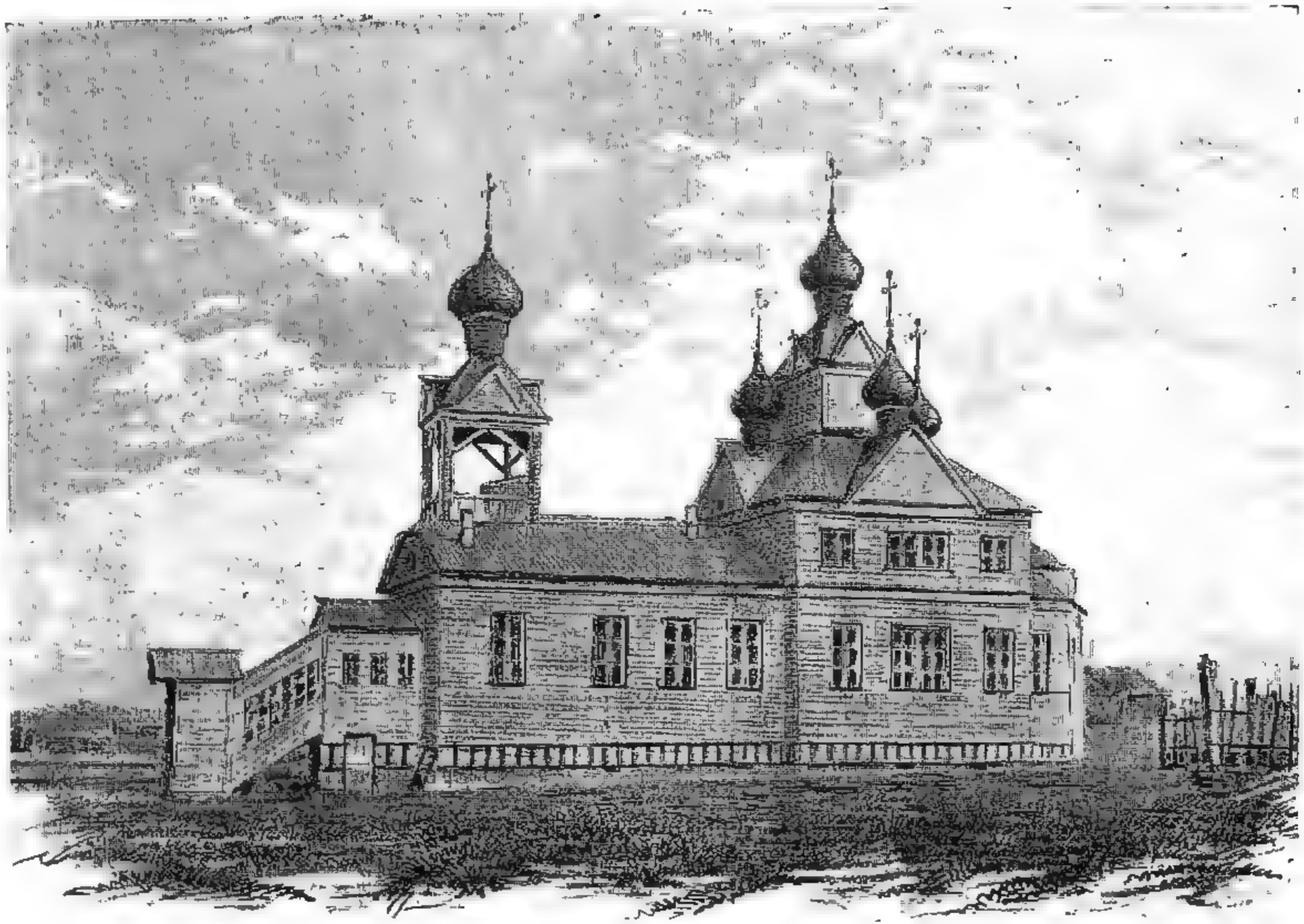
Берегъ, вдоль котораго вытянулся городъ, возвышается надъ уровнемъ рѣки сажени на четыре. Въ городѣ имѣются улицы, недурные дома; но тундра пробивается къ самымъ крыльцамъ ихъ, и кочки почтенныхъ размѣровъ мѣшаютъ ходьбѣ и ѣздѣ. Главная улица, Богоявленская, переименована во Владимірскую. Большинство мужского населенія имѣло на себѣ оленьи «дахи» и «малицы», иногда покрытыя полотняными или ситцевыми балахонами; на головахъ мужчинъ виднѣлись мѣховыя шапки; женщины кокошниковъ тутъ не носятъ, а обвязываютъ головы платками, оставляя на лбу два конца ихъ колыхаться небольшими рожками. Въ самой Мезени жителей около двухъ тысячъ человѣкъ; каменныхъ домовъ—одинъ, деревянныхъ—195. Самоѣдовъ въ Мезени только двое мужчинъ и двѣ женщины; живутъ они близъ города въ своихъ чумахъ. Прежнее названіе Мезени—«Большая Слобода»—и теперь еще въ ходу у мѣстныхъ жителей. Впервые упоминается о Мезени въ жалованной пинежанамъ грамотѣ 1607 года, какъ о селѣ, ставившемъ подводы до Кулойскаго посада; грамотою этою мезенцы освобождены отъ дачи судовъ и снастей въ Колу, но зато увеличенъ съ нихъ денежный сборъ «на Пинежанскій уѣздъ и на Кеврольской станъ, и на Мезень прибавлено 116 рублей 27 алтынъ 2 деньги», что составляло ровно 1.000 рублей годового взноса

податей. Ранѣе 1667 года мезенецъ Ома Кыркаловъ посылался для обслѣдованія Новой Земли, а въ 1667 году, по грамотѣ 30-го марта, тотъ же Кыркаловъ отправленъ былъ для разысканія мѣдной руды по рѣкѣ Цильмѣ съ пустозерскимъ воеводою Пеѣловымъ.

Враждебныя вторженія сибирскихъ самоѣдовъ въ Большеземельскую тундру принудили московское правительство имѣть на Мезени отдѣльнаго воеводу, а значительное движеніе русскихъ людей за Уралъ, во избѣжаніе платежа податей, обусловило постановку въ Верхотурьѣ крѣпостной заставы съ командою. Съ 1668 года мезенцы, заодно съ сошными плательщиками девяти уѣздовъ, начали платить по 60 рублей съ сохи на постройку гостинаго двора въ Архангельскѣ. Въ концѣ XVII вѣка таможенныя и кабацкія пошлины не отдавались болѣе казною на откупъ, а собирались цѣловальниками, что̀ свидѣтельствуетъ о бѣдности и ничтожномъ значеніи Мезени, тогдашней «Большой Слободы».

Новый соборъ, Богоявленскій, деревянный, освященъ въ 1861 году; онъ—о пяти чешуйчатыхъ куполахъ, съ небогатымъ иконостасомъ, на которомъ въ три ряда видѣются изображенія святыхъ; эти изображенія новыя, старыя иконы развѣшаны по сторонамъ; надъ церковью —гладкій, будто въ комнатѣ, потолокъ. Подлѣ этого новаго собора, рядомъ съ нимъ, высится старая деревянная, крытая шатромъ, со сквозною галлереею наверху, колокольня; ея однолѣтокъ, старый соборъ, находится шагахъ въ полутораста и обведенъ общею съ новымъ соборомъ рѣшеткою. Оба они стоятъ на зеленомъ лугу. Собственно говоря, трудно понять, почему понадобился въ Мезени новый соборъ, заурядный по архитектурѣ и не каменный, если подлѣ него въ полнѣйшемъ здравіи стараго, массивнаго, неразрушимаго лѣса красуется соборъ древній, вполнѣ типичный, характерный. Онъ освященъ въ 1718 году, слѣдовательно почти одновременно съ церковью Вытегорскаго погоста, Олонецкой губерніи, построенною, будто бы, по собственноручному плану Петра I, и имѣющею съ нимъ нѣкоторое сходство. Центральныхъ куполовъ на немъ пять, причемъ средній высится на конусообразной основѣ; кромѣ того, имѣются купола надъ придѣлами; всѣ они крыты чешуйками; высокіе, плоскіе кокошники очень красиво взламываютъ своими изогнутыми очертаніями прямыя линіи главнаго кубическаго основанія собора. Древній иконостасъ—въ четыре яруса; въ соборѣ два придѣла, но есть еще и третій, пристроенный не совсѣмъ симметрично, во имя Алексія Божія Человѣка. Престольный образъ собора—Рождество Богородицы. Въ общемъ, включительно съ колокольнею, это—одинъ изъ самыхъ цѣльныхъ, сохранившихся до насъ, деревянныхъ памятниковъ Петровскаго времени и, какъ таковой, требуетъ сбереженія и поддержки.

Одинъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ, въ которомъ остановились путники, принадлежитъ купцу Ружникову, имѣющему въ Мезени, кромѣ торговли, салотопенный заводъ бѣлушьяго жира; сало топится у него въ деревянныхъ бочкахъ, въ которыя проведены чугунныя трубы, нагрѣваемыя горячею водою. Цѣна бѣлушьяго сала здѣсь на мѣстѣ—три рубля. Изъ оконъ дома видна была толпа прохожихъ. Главныя характерныя одѣянія, какъ сказано, были «малицы» и «дахи». Первыя изъ нихъ, это —нѣчто въ родѣ длинныхъ рубахъ изъ шерсти



Мезень. Новый соборъ.

Мезень. Старый соборъ.

«неблюя», то-есть оленьяго телепка, одѣваемыхъ черезъ голову и составляющихъ одѣяніе, недоступное никакому вѣтру, такъ какъ въ немъ нѣтъ вовсе щелей, имѣющихся въ дахѣ, запахиваемой на груди. Костюмъ довершается мѣховою шапкою «пыжикомъ» и «пимами», сапогами, сдѣланными изъ оленьей шерсти волосомъ вверхъ, какъ и все остальное. Эти «пимы» шьются изъ самой крѣпкой, жесткой шерсти отъ ногъ и лба оленя; для теплоты подъ нихъ въ видѣ чулковъ одѣваются «липты», сдѣланныя изъ мягкой шерсти неблюевъ. Малицъ и пыжиковъ виднѣлось въ толпѣ очень много; для защиты отъ дождя, поверхъ ихъ одѣваютъ полосатые ситцевые или полотняные балахоны. Нарядъ женщинъ никакими особенностями не отличался, если не считать обвязки головныхъ платковъ съ двумя рожками на лбу. Хотя красивыхъ женщинъ не было и тутъ, но все-таки онѣ были гораздо миловиднѣе кемлянокъ и колянокъ.

Ясный іюньскій вечеръ былъ очень прохладенъ. Пользуясь временемъ, нужно было поѣхать осмотрѣть одну исключительную замѣчательность Мезени. Мѣстные люди сообщили о томъ, что «Мезень находится въ полутора верстахъ отъ Ада». Какъ было не взглянуть на такой близкій къ жизни адъ! Это было тѣмъ необходимѣе, что о преисподней вспоминаетъ поговорка, гласящая, что «отъ Колы до ада только три версты»; этихъ трехъ верстъ въ Колѣ никто изъ посѣтившихъ этотъ городъ не сдѣлалъ,—какъ было не сдѣлать одной версты въ Мезени? И дѣйствительно, — стоило того. Не вдали отъ города находится стрѣльбище команды; оно расположено на зеленомъ лугу, и подлѣ этого луга, отдѣляясь отъ него прямою, рѣзкою чертою, точно проведенною плугомъ, безъ всякихъ переходовъ или градацій, начинается безконечная тундра, идущая отсюда на многія тысячи верстъ къ океану. Рѣшительно нельзя объяснить себѣ этого удивительнаго, рѣзкаго прямолинейнаго начала тундры. Она возлѣ города совершенно суха и усѣяна огромными кочками темнобураго цвѣта съ самыми чахлыми слѣдами растительности. Говорятъ, что на эту тундру не отважпвается ни одно живое существо, что сюда не прикочевываетъ самоѣдъ, звѣрь не идетъ, птица не залетаетъ. Безотрадною теменью идетъ она отсюда въ безконечность, начинаясь вплотную у зеленой муравы. Не напрасно называютъ ее «адомъ», потому что взглядъ на нее такъ полонъ безконечной, молчаливой, безотвѣтной смерти, что ничего подобнаго и представить себѣ нельзя. Надо стоять на обрѣзанномъ прямою чертою краю этой тундры, видѣть, какъ сторонится ее пасущаяся подлѣ лошадь, какъ отлетаетъ въ сторону птица, чтобы признать возможнымъ то впечатлѣніе, которое дѣйствительно выносится. Кажется, безобидна тундра, и молчитъ она и не трогаетъ, но смертью вѣетъ отъ нея, смертью со всего безконечнаго разстоянія многихъ, очень многихъ тысячъ верстъ.

Второе чудо Мезени — это рѣка Мезень. На географическихъ картахъ, всѣмъ извѣстныхъ, рѣки: Двина, Мезень, Печора, обозначаются совершенно одинаковыми темными извилинами. Это величайшая ложь. Что Двина могуча, въ этомъ не трудно убѣдиться, проѣхавъ ее всю; говорятъ, что Печора слабѣе ея; но что касается Мезени, то это—дрянная, проходимая въ бродъ рѣчонка. Вода точно принухаетъ въ ней дважды въ день, во время приливовъ, но и

тогда пароходъ, сидящій въ водѣ только четыре фута, не рискуетъ подойти къ городу. Что же должно быть дальше, выше по рѣкѣ?! Во время отлива рѣка предетавляется небольшою мутною рѣчонкою, текущею по извилистому фарватеру, въ длинныхъ подушкахъ обсушныхъ песковъ, истыканныхъ повсюду камнями, торчащими вдоль обоихъ береговъ лентами какой-то неприглядной, острой сыпи. Рѣки Мезени—такой, какою является она на нашихъ географическихъ картахъ, положительно не существуетъ.

Почти четыре мѣсяца въ году въ Мезень, какъ сказано, не приходитъ рѣшительно никакой почты, если не считать случайно доставляемую черезъ заводъ. До ближайшаго города Пинеги, еще болѣе глухого, чѣмъ Мезень, отсюда 303 версты лѣтомъ и 143 зимою. Очень дешевы здѣсь шкуры оленя, лисицы, песца; на одномъ изъ городскихъ дворовъ лежали сваленные въ большую груду оленьи рога; они идутъ отсюда за границу, и цѣна имъ—отъ сорока копеекъ до двухъ рублей пудъ, смотря по требованію и достоинству самого матеріала. Недурны образчики мѣстной ржи, которая созрѣваетъ въ Мезени порядочно. Луговъ очень много и, сообразно съ этимъ, скота.

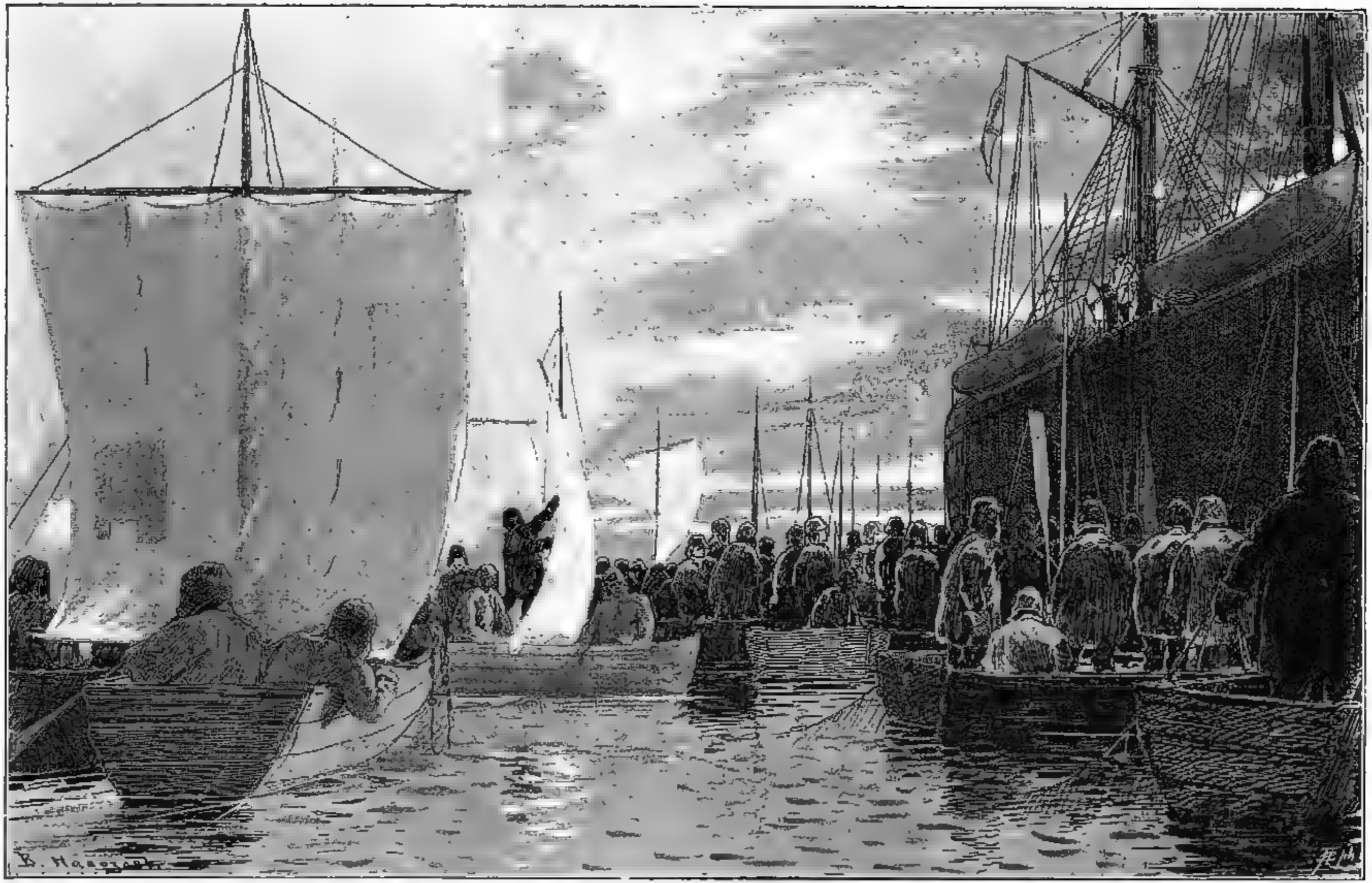
Свѣтла и очень прохладна была тихая ночь. Дахи и малицы, какъ лѣтнее одѣяніе, были совсѣмъ умѣстны. Отъѣздъ изъ Мезени назначенъ былъ, по соображенію съ приливомъ, на завтра, 26-го іюня, къ 11 часамъ утра. Путники и не подозрѣвали, какую чудесную картину увидятъ они въ заливѣ, подойдя къ ожидавшему ихъ судну.

Отъ Мезени къ Онегъ.

Флотилія бѣлужниковъ. Бѣлужій промыселъ. Онежскій рейдъ. Городъ Онега. Историческое о городѣ. Исторія сѣвернаго лѣснаго дѣла. Нынѣшнее его положеніе. Лѣсопильный заводъ. Замѣчательная выставка въ Андѣ. Мѣстная охота и охотники.

Флотилія бѣлужниковъ—вотъ та картина, которою налюбовались путники въ-волю, выйдя снова въ Мезенскій заливъ. Въ 11½ часовъ утра, 26-го іюня, покинувши они характерную Мезень, съ ея оленьими малицами и дахами, съ ея тундровымъ адомъ и невозможно мелкою рѣчкою. Они покинули ее такъ же, какъ прибыли, т.-е. на лодкахъ. Замѣчательно характерны всѣ прибытія и отплытія судовъ во всѣхъ посѣщенныхъ сѣверныхъ городахъ, приливы и отливы регулируютъ ихъ съ такою точностью, что въ данный часъ все и вся торопится, суетится, какъ бы не отстать; не поспѣть значитъ потерять безвозвратно двѣнадцать часовъ времени со всѣми послѣдствіями этой потери. Морской приливъ ко времени отъѣзда былъ въ полной высотѣ, и вельботъ стоялъ у самой пристани. Рѣка Мезень была неузнаваема: куда исчезли всѣ эти камни, лежавшіе обнаженными вчера къ ночи по всему ея песчаному руслу? Рѣка казалась многоводною,—такою, какою обозначается она на нашихъ географическихъ картахъ, чуть не подъ-стать Двинѣ или Сухонѣ. Все населеніе города Мезени находилось на берегу.

Пароходъ «Мезень» ожидалъ путниковъ верстахъ въ двухъ отъ города. Они пересѣли на него и увидѣли опять его покоробленную палубу и услыхали снова стукъ говорливой машины. Помѣрѣ движенія внизъ по теченію и слѣдуя очень извилистымъ фарватеромъ, судно дѣлало постоянные промѣры и постоянно поскребывало о дно. Путники любовались на лежавшія на боку суда, ожидавшія полной воды, для того, чтобы выпрямиться, стать какъ слѣдуетъ и выйти въ море. Опять увидѣли они низкіе берега залива, тянувшіеся полосками въ безконечную даль, его густую, илистую воду, отражавшую, но не принимавшую въ себя яркихъ солнечныхъ лучей. Путники направлялись прямо къ привез-



Крейсеръ, окруженный флотилею бѣлужниковъ.

шему ихъ крейсеру, не замедлившему обозначиться далеко впереди, и въ волю налюбовались цѣлою флотиліею бѣлужниковъ, собравшеюся передъ ихъ глазами со всей видимой поверхности залива.

Мезенскій заливъ — одинъ изъ самыхъ важныхъ для промысла бѣлухи, Delphinopterus leucas, называемой иногда совершенно неправильно бѣлугою. Это китообразное, достигающее до 3½ саженъ длины, даетъ до 22 пудовъ жира. Барышъ, доставляемый бѣлухою, если принять въ разсчетъ и кожу, идущую на обувь, около семидесяти рублей; малая бѣлуха даетъ не болѣе двадцати рублей. Во всемъ Бѣломъ морѣ водится бѣлуха; живетъ она тутъ круглый годъ и очень много ея по всему безконечному сѣверному побережью Сибири до самаго Охотскаго и Берингова морей, и вездѣ охотятся на нее, и всюду бьютъ и истребить не могутъ. Бѣлуха — существо кроткое и глупое и ходитъ всегда большими косяками, причемъ—и это для нея гибельно—любитъ забираться въ довольно мелкіе заливы. Плавающій по заливу косякъ бѣлухи легко выслѣживается промышленниками, такъ какъ свѣтлыя спины особей то и дѣло обозначаются на водной поверхности. Если такой косякъ попадетъ на болѣе мелкое мѣсто, а онъ именно такого мѣста ищетъ, то окружается лодками промышленниковъ; лодки эти ходятъ по двѣ, причемъ каждая изъ нихъ несетъ одинъ изъ концовъ невода; окруженный кольцомъ подобныхъ неводовъ, косякъ подвергается почти поголовному избіенію такъ называемыми «пешнями». Косяки бѣлухи достигаютъ иногда огромной густоты по числу особей и, повидимому, не переводятся. Въ 1857 году въ Кандалакской губѣ зимой бѣлухи торчали обледенѣлыми статуями; въ 1867 году въ Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ сдѣлано сообщеніе, что бѣлуха проходитъ иногда такими сплошными массами, занимая отъ пяти и до десяти верстъ поверхности, что заливы подергиваются ею какъ бы льдомъ; въ 1880 году однимъ промышленникомъ добыто бѣлухъ въ два дня на 12.000 руб., въ 1883 году тому же промышленнику въ одну тоню попало 400 бѣлухъ около Новой Земли.

Мезенскій заливъ, какъ сказано, особенно богатъ бѣлухами, въ чемъ путники могли убѣдиться, любуясь державшимся въ сторонѣ косякомъ, поблескивавшимъ многочисленными бѣлыми спинами; по одной изъ бѣлухъ сдѣланъ былъ изъ винтовки выстрѣлъ, повидимому, удачный. Норвежцы много стрѣляютъ ихъ; иногда орудуютъ этимъ путемъ и наши поморы. Въ деревнѣ Щелье, близъ рѣки Кулоя, видной издали, бѣлушій промыселъ—главное занятіе жителей; въ 1884 г. онъ дѣлился на 300 пасвъ, и на пай пришлось по тридцати рублей. Убитую бѣлуху «брѣютъ», то-есть снимаютъ съ нея жиръ и въ бочкахъ везутъ въ Архангельскъ; самую тушу, представляющую значительную цѣнность, бросаютъ въ море.

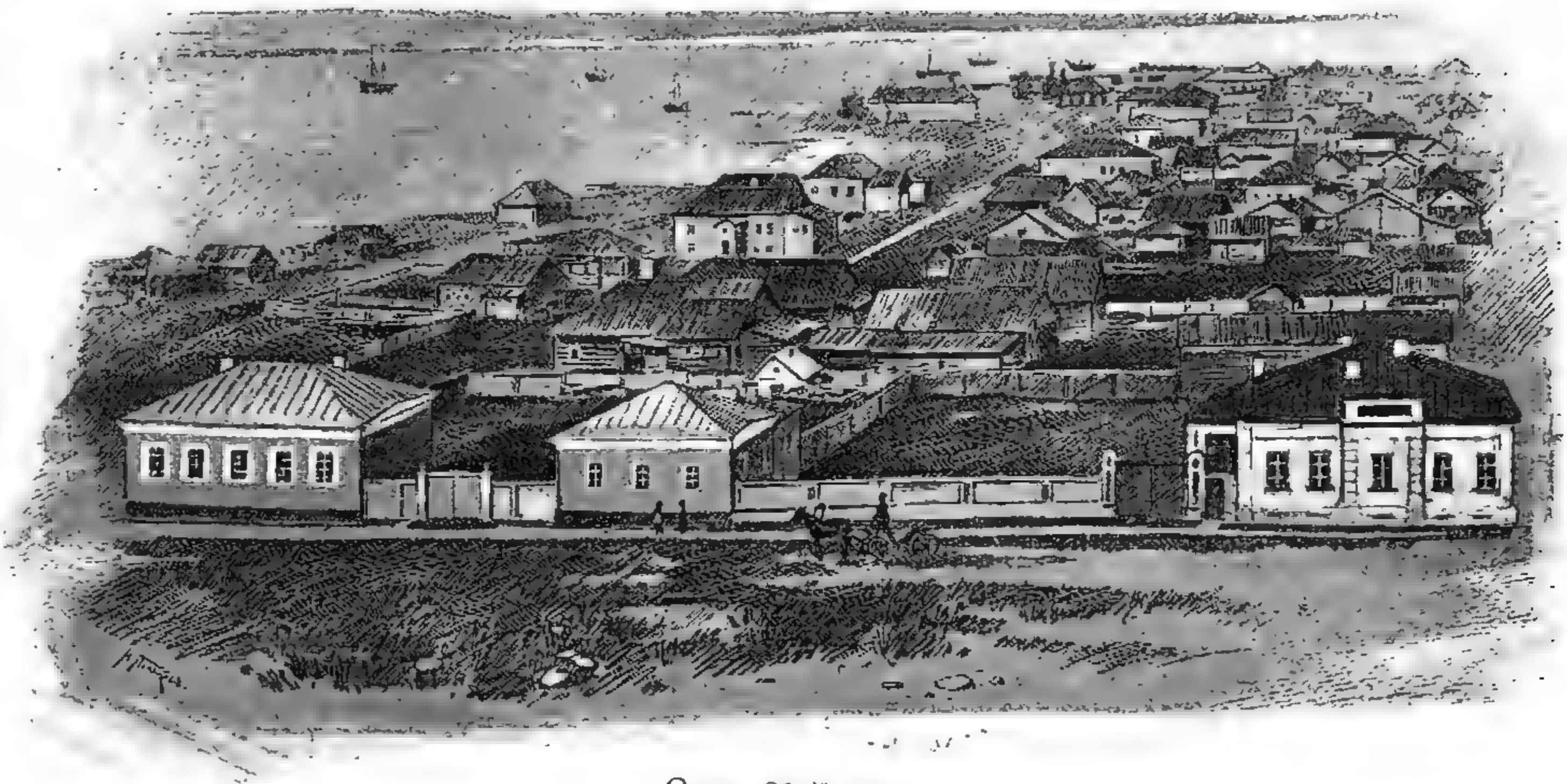
При разведенныхъ парахъ, «Забіяка» не замедлилъ тронуться въ путь; предстояло сдѣлать опять-таки очень длинный переѣздъ съ восточнаго берега Бѣлаго моря къ южному, къ городу Онегѣ. Въ десять часовъ вечера, крейсеръ, въ который уже разъ, пересѣкъ полярный кругъ и втянулся въ горло Бѣлаго моря; довольно однообразное плаваніе было очень своеобразно нарушено прилетѣвшимъ воробушкомъ, привлекшимъ къ себѣ общее вниманіе. Отъ судна до берега

было тогда верстъ сорокъ. Смѣльчакъ-воробей, Богъ вѣсть почему занесшійся такъ далеко, опустился на палубу, видимо уставшій, изнуренный; онъ, казалось, нисколько не пугался обрадованной его посѣщеніемъ команды, отдохнулъ съ полчаса и пустился въ обратный летъ, по направленію къ берегу.

Къ полудню слѣдующаго дня, 27-го іюня, выяснился вправо отъ борта, первымъ изъ группы знакомыхъ уже Соловецкихъ острововъ, подлѣ которыхъ показался снова, Анзерскій островъ, и на немъ ярко отмѣчался надъ синевою моря бѣлый скитъ. Скоро, вслѣдъ за нимъ, преображенные полуденнымъ миражемъ, поднятые и плоско обрѣзанные по верхамъ, обозначились другіе Соловецкіе острова, и, наконецъ, на короткое время глянула вдали и сама обитель. Миражъ удваивалъ и утраивалъ очертанія скалъ, дѣлилъ острова на два и на три яруса, причемъ нижній слой составляли облака, а твердыя массы точно плыли выше ихъ въ голубомъ, совершенно чистомъ небѣ. Было 9° тепла, и вѣтеръ стоялъ южный.

Около двухъ часовъ дня, опять-таки вправо, показался островъ Жужмуй и на немъ маякъ печальной памяти, на которомъ не очень давно жили. Люди, привезшіе припасы, нашли весь личный составъ служившихъ мертвымъ. Причина смерти осталась до сихъ поръ невыясненною, но полагаютъ, что они угорѣли. По мѣрѣ движенія къ юго-востоку, въ самое остріе Онежскаго залива, обозначались все настойчивѣе многіе острова, дробимые на части сильнѣйшимъ миражемъ, и берегъ матерой земли, къ которой судно, наконецъ, приближалось. Крейсеръ шелъ со скоростью тринадцати узловъ, но противъ него дѣйствовалъ отливъ со скоростью трехъ узловъ, такъ что въ сущности онъ совершалъ только десять узловъ. Къ восьми часамъ вечера, вправо отъ судна выплылъ изъ воды островъ Кіо, скалистый, лѣсистый, и на немъ монастырь, который предстояло посѣтить завтра. Нѣсколько судовъ стояло по разнымъ сторонамъ на якорѣ; глубина тутъ — около тридцати футовъ Рейдъ, на которомъ крейсеръ бросилъ якорь, въ 15-ти верстахъ отъ города Онеги, давнымъ-давно служилъ и служитъ предметомъ пререканій между городомъ и компаніями лѣсного торга: городъ находитъ, что рейдъ то и дѣло засоряется балластомъ, кидаемымъ въ воду съ судовъ, приходящихъ за лѣсомъ, и якорныя стоянки что ни годъ удаляются отъ города.

Вечеръ былъ удивительно прозрачный, при 18° тепла; море разстилалось кругомъ, безусловно зеркальное, серебряное, скорѣе жемчужное, и цѣлыя группы скалистыхъ острововъ и недалекіе берега ясно обрисовывались по округѣ: тѣ, что находились поближе, вслѣдствіе какой-то странной игры свѣта, казались черными; тѣ, что отстояли дальше, заливались огнями спускавшагося солнца и ярко, ярко краснѣли. Вдали показался пароходъ «Онега», на который пересѣли путешественники и стали огибать Кіо-Островъ, оставляя его влѣво и направляясь такъ называемымъ новымъ фарватеромъ, обозначившимся только три года тому назадъ; до того здѣсь пользовались старымъ, идущимъ съ другой стороны острова. Обогнувъ островъ почти по цѣлому кругу, начали втягиваться въ самую узкую часть залива; къ рѣкѣ, гдѣ-то вправо, должна была лежать знаменитая Нюхча, та, отъ которой пошелъ Петръ I къ Онежскому озеру; этотъ берегъ совершенно



Онега. Общій видъ.

Онега. Соборъ.

низменъ, тогда какъ на другомъ, лежавшемъ влѣво, виднѣлись невысокія лѣсистыя горы. Рѣка Онега, благодаря приливу, казалась полноводною, но это только казалось, потому что въ отливъ обнажается и она, хотя и не до такой степени какъ Мезень, и въ руслѣ, передъ самымъ городомъ Онегой, глубина никогда не бываетъ менѣе двадцати футовъ. Скоро вслѣдъ за входомъ въ рѣку, съ берегами ея, поросшими лѣсомъ, увидѣли влѣво, основанный лѣтъ 15 тому назадъ, лѣсопильный заводъ Шенглейна; вправо, немного повыше, растянулся вдоль воды старинный заводъ компаніи Онежскаго лѣсного торга съ неисчислимымъ множествомъ бревенъ и досокъ, сложенныхъ въ многоярусные штабели. Штормъ, испытанный недавно на Мурманѣ, нанесъ большіе убытки заводу Шенглейна, разметавъ и унеся около 4.000 бревенъ.

Сильно темнѣло, когда судно подошло, наконецъ, къ городу, лежащему на правомъ берегу рѣки, плоскомъ, обрывистомъ, песчаномъ. Въ виду его стояло на якорѣ пятнадцать судовъ, отчасти нагруженныхъ лѣсомъ для отправки за границу, и три парохода; всѣ они были расцвѣчены флагами; между ними тѣснилось множество лодочекъ, и вся набережная была усыпана людьми. Городъ тянется вдоль рѣки версты на двѣ и, какъ и всѣ сѣверные города, начиная отъ Холмогоръ и Архангельска, придерживается воды и имѣетъ одну только улицу, если не считать коротенькихъ поперечныхъ переулочковъ, поросшихъ сочною травою, вполнѣ пригодною подъ пастбище. Тундра, какъ и въ Мезени, топорщится по улицамъ и здѣсь. Въ глубинѣ, за городомъ, обозначались невысокіе, поросшіе густымъ лѣсомъ, холмы. Въ городѣ—2.740 жителей, въ уѣздѣ—38.284. Слѣдуетъ замѣтить, что тутъ, какъ и въ Мезени, мѣстная интеллигенція очень немногочисленна.

Городской соборъ—объ одномъ восьмипарусномъ куполѣ съ колокольнею и отличается очень богатымъ, рѣзнымъ, точенымъ, бѣлое съ золотомъ, иконостасомъ. По посѣщеніи собора, позднее время дня не допускало какихъ-либо осмотровъ и посѣщеній.

Въ Онегѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ городахъ сѣвернаго побережья, путники находились опять на древней, очень древней исторической почвѣ. Такой маленькій, невзрачный городокъ и такая удивительная историческая давность! Городъ основанъ въ XV вѣкѣ новгородцами, подъ именемъ «Устьянской волости»; въ мѣстномъ соборѣ хранится Евангеліе съ надписью, сдѣланною на немъ въ 1601 году. Онега уѣздный городъ съ 1780 года. Въ 1755 г. императрица Елисавета Петровна дала графу Шувалову привилегію на завсденіе тутъ лѣсопильныхъ заводовъ и иностранную торговлю лѣсомъ; съ тѣхъ поръ городъ является однимъ изъ самыхъ важныхъ лѣсопромышленныхъ центровъ. Шуваловы продали это право англичанину Гому на тридцать лѣтъ; въ 1762 г. Гомъ имѣлъ при одной онежской верфи своихъ пятьдесятъ кораблей. Въ 1781 году, по указу Екатерины II, учрежденъ въ Онегѣ открытый портъ. Если англичане, сжегши въ 1856 г. Колу и бомбардировавъ Соловки, пощадили Онегу, такъ это потому, что тутъ лежали большіе запасы лѣсныхъ матеріаловъ, оплаченные англійскими капиталами, и стоялъ лѣсопильный заводъ, принадлежавшій англійскому торговому дому.

Когда со второй половины XVIII вѣка въ здѣшнихъ лѣсахъ началъ хозяйничать Гомъ, то тщетно входила адмиралтействъ-коллегія, видя страшное и быстрое оскудѣніе корабельныхъ лѣсовъ, съ представленіями о вредѣ дарованной Гому привилегіи. Къ счастью, у самого Гома дѣло не пошло, и казна передала права его Гауману въ 1769 году. Въ 1811 году «лѣсной торгъ» состоялъ подъ управленіемъ особыхъ директоровъ; съ 1833 года его отдали въ аренду Бранту; въ 1846 году—Кларку; съ 1856 года образовалась компанія «Онежскаго лѣсного торга». Насколько дурно понимали у насъ лѣсное хозяйство, видно, между прочимъ, изъ того, что еще въ 1843 г. начальникомъ главнаго морского штаба сообщено было Министерству Государственныхъ Имуществъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы дозволить лѣсопромышленникамъ не вывозить съ мѣста рубки вершинникъ, сучья, щепы и кору — т.-е. дозволено дѣлать именно то, что мѣшаетъ лѣсовозращенію.

Уже въ царствованіе Петра I начались жалобы на оскудѣніе нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ. Весь Мурманскій берегъ, за малыми исключеніями, лишенъ лѣсной растительности, которая, такъ сказать, не смѣетъ подступить къ Полярному морю и начинается только верстахъ въ сорока отъ него. Тамъ, гдѣ въ укрытой бухтѣ виднѣются на Поморьѣ сосны и ели, онѣ бываютъ иногда очень почтенныхъ размѣровъ, но многія изъ нихъ, если не большинство, пускаютъ вѣтви только въ сторону материка; къ морю, боясь его дыханія, словно отворачиваясь отъ сѣвера, глядятъ онѣ своими мшистыми, лишенными вѣтвей стволами. Полярная сосна, подобно нашей южной таврической, тоже любитъ иногда украшаться шатровою вершиною, что̀ при жесткихъ очертаніяхъ скалъ надъ порожистыми рѣками даетъ пейзажу особенно своеобразный, законченный видъ. Но крупные, прежніе, старые лѣса, обрамлявшіе нѣкогда Двину, Онегу, Мезень и многія другія сѣверныя рѣки, отошли въ вѣчность.

Серьезность положенія нашего сѣвернаго лѣсного хозяйства вызвала особенно тщательныя изслѣдованія. Въ іюлѣ 1881 года командированы были въ Архангельскую губернію лѣсные чины, и они нашли, что лѣсная операція ведется тутъ вовсе нежелательнымъ способомъ: рубки, производимыя только по рѣкамъ, идутъ не далѣе какъ на десять верстъ отъ береговъ ихъ и, при возрастаніи требованія на лѣсъ, распространяются не вглубь лѣсныхъ пространствъ, а къ верховьямъ рѣкъ. Министерство пришло къ заключенію, что на будущее время рубку слѣдуетъ допускать не съ общей площади лѣсныхъ дачъ, а съ тѣхъ береговыхъ полосъ, въ которыхъ рубка должна производиться. Найдено было также очень невыгоднымъ, что все лѣсное дѣло сосредоточено въ рукахъ немногихъ лицъ, и что контракты съ ними слишкомъ продолжительны; найдено также, что самое использованіе ведется неправильно, потому что рубятъ, какъ бы по недоглядкѣ, много недомѣрнаго лѣса и оставляютъ его лежать, что̀, заодно съ отрубленнымъ и валяющимся вездѣ вершинникомъ, дѣйствуетъ въ высшей степени вредно на возобновленіе лѣса. Рѣшено было также, въ виду повторявшихся на торгахъ стачекъ лѣсопромышленниковъ, не повторять въ томъ же году однажды несостоявшихся торговъ. Мѣра—довольно простая, но для казны очень благодѣтельная, такъ какъ лѣсъ, простоявъ на

корню линій годъ, въ цѣнности своей не убавится, а промышленникамъ пустующій годъ — не доходъ.

Какъ сказано, кончившіеся сроки контрактовъ очень помогли Министерству, но нельзя не сказать ему спасибо за то, что оно исходатайствовало Высочайшія повелѣнія на расторженіе двухъ контрактовъ: со «Святнаволокскимъ товариществомъ» и съ «Вытегорскою лѣсною операціей». Эти оба контракта являлись настоящимъ покушеніемъ на обезлѣсеніе береговъ Онежскаго озера сразу съ двухъ сторонъ, съ восточной и съ западной.

Огромное значеніе имѣютъ наши сѣверные лѣса и для поморовъ. Не говоря уже о томъ, что охота въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ для очень многихъ является единственнымъ заработкомъ, но и для развитія и поддержанія рыбныхъ оксанскихъ промысловъ наши лѣса крайне необходимы. Цѣлый рядъ комиссій, имѣвшихъ предметомъ поднятіе экономическаго благосостоянія нашего Сѣвера, ходатайствовалъ о помощи поморамъ. Отъ лѣснаго вѣдомства за послѣдніе годы оказана имъ помощь большая. Вотъ перечень нѣкоторыхъ льготъ. Въ 1882 году разрѣшенъ безденежный отпускъ лѣса карелямъ Кемскаго уѣзда, разрѣшено всѣмъ лопарямъ и Яковлевскому обществу безденежное пользованіе лѣсомъ на домашнія потребности, а всей Архангельской губерніи—по цѣнамъ, пониженнымъ въ такомъ размѣрѣ, что кубическая сажень дровъ отпускается имъ по 16 коп., тогда какъ рыночная цѣна ея отъ 85 коп. до 1 руб. 75 коп., а для норвежцевъ даже до 2 руб. 55 коп. Въ 1883 году распространенъ льготный отпускъ лѣса для постройки судовъ всѣмъ жителямъ Архангельской губерніи, и, наконецъ, въ 1884 году разрѣшено мѣстному управленію государственными имуществами допускать крестьянъ къ безплатному пользованію пнями, корнями и валежникомъ для смолокуренія. Если не смотрѣть на казну какъ на кошель, открытый всѣмъ и каждому, то нельзя не согласиться, что лѣсныя льготы, данныя жителямъ Архангельской губерніи, достаточно велики: поморъ можетъ строиться, отапливаться и поднимать свою шняку для промысловъ чуть ли не даромъ.

На слѣдующій, по прибытіи въ Онегу, день, 28-го іюня, путникамъ предстояло много любопытнаго: посѣщеніе лѣсопильнаго завода и замѣчательной выставки охоты и рыболовства. Доказательствомъ того, что они находились въ лѣсной мѣстности, служили необозримыя полчища комаровъ, забиравшіяся въ комнаты. Спасало только жженіе на блюдцахъ персидскаго порошка при закрытыхъ окнахъ: едва только разстилался синій дымокъ его по комнатѣ, какъ комары валились сотнями, и несносное, назойливое жужжаніе ихъ, сопряженное съ молчаливыми уколами, прекращалось.

Эти вечернія и ночныя нападенія комаровъ не прекратились и утромъ слѣдующаго дня. Яркій солнечный день нисколько не умалилъ ихъ ожесточенныхъ нападеній. Впрочемъ, онежскіе комары были только слабою прелюдіею того, что предстояло встрѣтить впослѣдствіи.

Лѣсопильный заводъ, лежащій почти противъ города, — одинъ изъ тѣхъ пунктовъ нашего сѣвернаго побережья, изъ котораго съ давнихъ дней прошло за границу огромное количество нашихъ лѣсныхъ матеріаловъ. Нынѣ дѣйствую-

щая лѣсная компанія пріобрѣла заводъ въ собственность въ 1863 году за ничтожную сумму—65.000 рублей; количество заготовляемаго лѣса, съ 1856 по 1885 годъ,—до 125.000 бревенъ, но бревнами онъ за границу не отправляется, ихъ пилятъ, обращаютъ въ доски и отправляютъ въ Англію въ количествѣ 75.000 дюжинъ. Рейки, остающіяся съ боковъ бревенъ, и обрѣзки концовъ идутъ, главнымъ образомъ, на дрова. Безконечно хуже и обиднѣе судьба опилковъ, получающихся въ огромномъ количествѣ и лежащихъ кругомъ изжелта-бѣлыми холмами. Подобно тому какъ бросаютъ въ море внутренности трески, туши бѣлухи и акулы, и еще недавно бросались туши китовъ,—опилки эти безпощаднымъ образомъ сжигаются, чтобы не занимали мѣста; мало, въ самомъ дѣлѣ, мѣста на сѣверѣ Россіи! Изъ нихъ можно бы добывать и уксусную кислоту, и другіе химическіе продукты, и дѣлать древесную массу, но, говорятъ, устройство спеціальнаго завода слишкомъ дорого, жечь несомнѣнно дешевле. И путники видѣли, какъ за заводомъ голубымъ дымкомъ улетучивались значительные капиталы нашей небогатой капиталами Россіи.

Въ описываемое время заготовленнаго лѣса лежало на заводѣ тысячъ на шестьсотъ, преобладала сосна, но имѣлось не мало и ели, которая въ послѣднее время, вслѣдствіе оскудѣнія сосны, начинаетъ находить сбытъ. Самая удаленная отъ завода доставка лѣса идетъ изъ Каргопольскаго уѣзда по рѣкамъ Мошѣ и Онегѣ розсыпью; у села Карельскаго поставленъ затонъ, ниже — другой, подлѣ Анды, откуда лѣсъ, связанный плотами бревенъ въ шестьсотъ, спускается до Онеги. Въ Англію отпускается около двадцати четырехъ судовъ; для нагрузки имѣются два парохода. Заводъ устроенъ хорошо; рабочихъ лѣтомъ 500, зимою—200 человѣкъ, для нихъ устроена особая казарма; паровая машина — въ 70 силъ. Досокъ четыре сорта, пятый — бракъ, остающійся, конечно, для сбыта поморамъ, которые торгуютъ имъ въ розницу.

Въ четвертомъ часу пополудни путешественники выѣхали въ экипажахъ для осмотра замѣчательнѣйшей выставки, устроенной въ Андѣ, верстахъ въ 5—6 отъ города, на высокомъ, живописномъ берегу Онеги. Лошадей было достаточно, такъ что пословица, гласящая, что «во всей Онегѣ нѣтъ телѣги», оказалась несправедливою. Дорога идетъ по правому, высокому берегу Онеги, то теряясь въ лѣсу, то выбѣгая на самую кручу къ рѣкѣ, изгибающейся далеко внизу. Въ Андѣ, при впаденіи небольшой рѣчки Анда, стоитъ бездѣйствующій старый лѣсопильный заводъ. На высокой горѣ, на расчищенной площадкѣ, въ сплошномъ лѣсу, поставленъ былъ красивый павильонъ, изъ котораго открывался богатый видъ на протекавшую глубоко внизу, вдоль обнаженныхъ камней, Онегу и на лѣсопильный заводъ, виднѣвшійся въ поперечной къ ней котловинѣ. Сосна, ель, осина, береза, можжевельникъ образовывали кругомъ сплошныя кущи, и множество народа въ праздничныхъ одѣяніяхъ тѣснилось близъ павильона, образуя самыя характерныя живописныя группы.

Главный интересъ посѣщенія Анды состоялъ въ выставкѣ, разбросанной по гористому лѣсу. Устроители задались счастливою мыслью представить охоту и рыбную ловлю — два главные мѣстные промысла — въ образцахъ, но не уменьшенныхъ, не въ моделяхъ, а въ естественную величину. Вся волнистая

поверхность лѣса была изрѣзана берлогами, обставлена силками и тенетами; на болѣе открытыхъ мѣстахъ во всю вышину и многосаженную длину протянуты были хитрыя, очень сложныя сѣти, мережи, мѣшки, затоны, заколы, практическую примѣнимость которыхъ можно было видѣть на томъ, какъ случайно забѣжавшая въ заколъ собачонка не могла выбраться на свободу и была освобождена только съ великимъ трудомъ.

Въ онежскомъ лѣсничествѣ десять волостей, промышляющихъ охотою. Самый большой процентъ приходится на лѣсную дичь, затѣмъ на бѣлку и самый ничтожный—на куницъ, лисицъ и оленей. Промыслы начинаются съ перваго октября. Еще зимою, за восемь мѣсяцевъ до начала охоты, на лошадяхъ или на лыжахъ, вывозятъ охотники на мѣста своихъ охотъ, къ избушкамъ или лабазамъ, съѣстные припасы, состоящіе изъ муки, крупы, сухарей и соли; такъ и ожидаютъ они тамъ все лѣто и осень. Порохъ, свинецъ и котелокъ приноситъ охотникъ съ собою. Самая малая доля птицъ убивается изъ ружья; остальное количество добывается ловушками, настями, силками, очапами, наворами, и пр. Каждый промышленникъ имѣетъ въ лѣсу свой участокъ по нѣскольку верстъ въ окружности; дѣленіе это, свято соблюдаемое, произошло изстари, совершенно съ тою же, нигдѣ не записанною, никакому нотаріусу не явленною прочностью, какъ и владѣніе лопарскими чумами на Мурманѣ. Каждый промышленникъ имѣетъ свой «путикъ», по которому онъ ходитъ, и никогда не вторгается въ чужое владѣніе. Начинающій охотиться или покупаетъ путикъ, или пріискиваетъ новый. При раздѣлѣ семьи, при свадьбахъ, путики дѣлятся, какъ и прочее имущество. Ловушки, поставленныя по путику, промышленникъ обходитъ въ два дня; у самыхъ богатыхъ выставляется до трехъ тысячъ силковъ. Собранная дичь хранится въ «лабазахъ»: это—бревенчатыя клѣтки, торчащія высоко на одномъ бревнѣ. Добываемую птицу крестьяне продаютъ скупщикамъ: рябчики, глухари, бѣлка, оленье мясо, лисицы — все это продается или на Шунгской ярмаркѣ, или въ Петербургѣ; медвѣжьи шкуры, цѣною нерѣдко до 50 руб., находятъ сбытъ также и въ Финляндію.

О характерѣ мѣстной охоты можно было бы написать цѣлую книгу, полную высокаго интереса. Отъ медвѣжьей берлоги и лисьей норы вплоть до колодъ для ловли выдръ и оленей, капкановъ, настей — все это было размѣщено въ извѣстномъ порядкѣ; виднѣлись лабазы, промысловыя избушки, рѣчные и морскіе переметы для семги, уремы для налимовъ, заборы для ловли камбалы, сельдяные рюжи и невода, и все это—въ натуральную величину, съ самыми точными объясненіями.

Нѣкоторыя изъ выставленныхъ вещей и снарядовъ свидѣтельствовали о большой хитроумной практичности. Къ числу таковыхъ надо отнести, напримѣръ, петлю для ловли рябчика: въ моментъ стягиванія петли на попавшую птицу опускается берестяный колпачокъ, сохраняющій ее отъ непогоды за все то время, пока отсутствуетъ промышленникъ; характерна «нодья» или «норья»— костеръ для поддержанія долгаго, медленнаго огня въ долгую осеннюю ночь, безъ ухода за огнемъ: все дѣло въ двухъ бревнахъ, положенныхъ одно на другое со щелью посреднѣ и обгорающихъ только съ одного бока.

Онега. Анда. Группа охотниковъ.

Онѣжскій охотникъ съ лайкою.

Очень характерны были тридцать пять мѣстныхъ промышленниковъ, стрѣлковъ, въ ихъ одѣяніяхъ, со всякими навѣсками у пояса и на груди, стрѣлявшихъ на призы, съ разстоянія двадцати одной сажени съ подставъ — обыкновенный способъ ихъ стрѣльбы; большинство попадало въ яблоко; даже такіе, у которыхъ нѣтъ своего ружья, потому что нѣтъ денегъ свое ружье «вести»,— и они отлично стрѣляли изъ чужихъ ружей. Ружья эти — допотопныя.

Около семи часовъ вечера путники покинули Онегу на пароходѣ «Онега» и направились къ «Забіякѣ» старымъ фарватеромъ; по пути, передъ тѣмъ, чтобы сѣсть на крейсеръ и сдѣлать на немъ послѣдній рейсъ къ недалекому Сумскому посаду, предстояло посѣтить Кіостровскій монастырь. Вѣтеръ свѣжѣлъ, пристать къ монастырскимъ скаламъ было трудно. Звонъ колокола вѣщалъ о томъ, что это вечеръ передъ Петровымъ днемъ.

Въ Онегѣ имѣется мореходный классъ, въ зимнее время, конечно. Это учрежденіе очень полезно, какъ и шкиперскіе курсы, въ основаніе которыхъ положено Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 27-го іюня 1868 года. «Шкиперскій курсъ», училище третье-разрядное, состоитъ вполнѣ на иждивеніи казны; ихъ въ настоящее время на Сѣверѣ два: въ Кеми и Архангельскѣ; «мореходные классы», пользующіеся правами II разряда, открываются только тогда, когда мѣстное общество отпускаетъ не менѣе 200 руб.; казна въ такомъ случаѣ прилачиваетъ львиную долю—800 руб. Этихъ классовъ въ настоящую минуту четыре: въ Патракѣевской волости, близъ Мудьюгскаго маяка, имѣющей около 60 собственныхъ судовъ, въ Купрѣкѣ, между Онегою и Сумою, въ Сумскомъ посадѣ и въ Онегѣ. Въ зиму 1883—1884 года въ шкиперскихъ курсахъ учениковъ насчитывалось: въ архангельскомъ 35, въ кемскомъ 31; въ мореходныхъ классахъ: въ сумскомъ 17, кушерѣцкомъ 21, онежскомъ 16, патракѣевскомъ 25. Очень немногіе изъ учениковъ учатся пятую и шестую зиму, большинство ограничивается 2—3 курсами; по выпускѣ значатся они штурманами, шкиперами, юнгами, коками, матросами, попадаются и зуйки. По свѣдѣніямъ Императорскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, во всѣхъ 40 школахъ всѣхъ нашихъ европейскихъ морей, зимою 1883—1884 года, имѣлось 1.335 учениковъ; для полноты слѣдуетъ прибавить 15 человѣкъ тобольской, — единственной для всей Сибири. При болѣе широкомъ поднятіи промысловъ на Сѣверѣ, особенно въ сторону Новой Земли, въ открытое море, классы и курсы непремѣнно разовьются, такъ какъ готовый матеріалъ въ прирожденныхъ морякахъ существуетъ и потребность есть. То, что̀ пришлось слышать въ Онегѣ о выпущенныхъ ученикахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что цѣль достигается вполнѣ, люди знаютъ свое дѣло. а отъ дѣдовъ и отцовъ завѣщаны имъ качества отваги и смѣтки, которыхъ въ другихъ мѣстахъ поискать.

Конецъ морского пути. Сумскій посадъ.

Островъ Кіо. Крестный монастырь и его древности. Сумскій рейдъ. Опять женскій городъ. Сумлянки. Сельдяной и семужій промыслы. Рѣка Сума. Сумскій посадъ. Его соборы и подворье. Замѣчательныя древности.

День былъ совершенно тихій, и небо свѣтило ясно; но къ вечеру появились Богъ вѣсть откуда небольшіе, порывистые шквалы, и поверхность залива подернулась довольно крупною волною. Крейсеръ оставилъ Онегу, идя старымъ фарватеромъ, гораздо болѣе короткимъ, чѣмъ новый, доступнымъ только въ приливъ; онъ обставленъ баканами.

До Кіостровскаго монастыря близехонько. Легенда сообщаетъ, что названіе Кіо-островъ произошло такъ. Судно Никона, будущаго патріарха, когда-то инока Соловецкаго монастыря, разбила въ этомъ мѣстѣ буря; «Кій островъ?»—(какой это островъ), спросилъ будто бы Никонъ, и названіе это за островомъ и за воздвигнутымъ Никономъ монастыремъ такъ и осталось.

Островъ Кіо, или лучше—небольшая группа островковъ, извѣстныхъ подъ этимъ названіемъ, поднимается изъ моря, въ виду устья Онеги, обточенными временемъ и вѣчными приливами скалами; при полной водѣ имѣются только три острова, при малой—ихъ много; скалы словно обрѣзаны на-двое тою горизонтальною чертою, до которой поднимаются приливы; подъ нею не цѣпляется за скалы ни единой травки, ни одного корешка, и скалы эти вѣчно лоснятся въ своемъ розовомъ обнаженіи, вѣчно обмываемыя; надъ этою чертою непосредственно начинаются мхи и травы, и поднимается старый хвойный боръ, въ гущахъ котораго пріютились три монастырскія церкви. Путникамъ, приставшимъ къ острову на вельботѣ, жаль было смотрѣть, какъ постукивали бѣлые бока его, какъ царапался киль о твердые граниты, благодаря колыхавшейся волнѣ. Отъ берега идетъ некрутой подъемъ, и такъ какъ гранитныя глыбы, составляющія весь островъ, вовсе неудобны для хожденія, то по нимъ проложены доски. Въ этой обители имѣется настоятель и десять человѣкъ братіи. Звонъ

небольшихъ колоколовъ тихо разносился по старымъ хвоямъ, позлащаемымъ опускавшимся солнцемъ. Вслѣдствіе свѣжаго вѣтра, несмотря на канунъ Петрова дня, никого молящихся на пустынномъ островкѣ не было.

Монастырь построенъ въ срединѣ XVII вѣка. Запрестольный образъ главнаго храма—Воздвиженіе креста, и монастырь зовется Крестнымъ. Иконостасъ старый, рѣзной, четырехъярусный; подлѣ Царскихъ дверей, справа, нарушая его симметрію, между четырьмя массивными столбами изъ розоваго мрамора, подъ аркою, поставленъ большой деревянный, имѣющій триста лѣтъ вѣка, крестъ. Замѣчательно, что на этомъ храмѣ всего только три купола: одинъ центральный—побольше, два другіе—поменьше, и помѣщаются они надъ абсидами; замѣчательно и то, что на хорахъ, подъ куполомъ, имѣется однопридѣльная церковь Михаила Архангела, изнутри храма не видная.

Вся обстановка храма, благодаря уединенному положенію монастыря, въ теченіе долгаго времени не измѣнилась и отъ нея вѣетъ далекимъ прошедшимъ. Древняя люстра съ двуглавымъ орломъ красуется, низко нависая подъ главнымъ куполомъ; имѣется портретъ патріарха Никона 1665 года, его шапка, описаніе жизни, суда надъ нимъ и отвѣты Никона. Имѣется небольшой архивъ съ грамотами и письмами былыхъ властителей и властительницъ Земли Русской; очень недурны нѣкоторые изъ вкладовъ, напримѣръ кубокъ аугсбургской работы, подарокъ боярина Матюшкина, съ характерною припискою къ надписи: «А кто украдетъ, да будетъ проклятъ».

Вѣроятно, не моложе главнаго храма небольшая деревянная церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, стоящая на братскомъ кладбищѣ; немногочисленные кресты окружаютъ ее, и трудно представить себѣ, какъ устроиваются могилы въ мирѣ отошедшихъ братьевъ въ этихъ скалахъ вѣковѣчнаго гранита. Темень хвои стелется надъ ними; сумрачно смотритъ лѣсная чаща, но скромные крестики, кое-гдѣ покосившіеся, гласятъ о какомъ-то невозмутимомъ спокойствіи, о какой-то святой увѣренности въ томъ, что есть будущее и что могила—не послѣднее слово. Скалы холодятъ впечатлѣніе. Подобно тому, какъ возрастаютъ на скалахъ старинныя сосны, на этихъ гранитныхъ обнаженіяхъ появляются и новыя могилы. Видъ на монастырь съ моря очень недуренъ; зеленые, луковичные куполы его рѣзко выдѣляются на бѣлыхъ стѣнахъ и царятъ надъ вѣчною зеленью сосенъ; вечернее освѣщеніе ударяло со стороны, и картинка просилась въ рамку.

Въ девятомъ часу вечера путники вернулись уже на крейсеръ и поднялись на него по трапу въ послѣдній разъ, такъ какъ предстоялъ только одинъ небольшой переходъ моремъ, до Сумскаго посада, а затѣмъ предвидѣлось прощаніе съ «Забіякой». Снявшись съ якоря, крейсеръ, 29-го, утромъ, въ Петровъ день, въ $8^1/_2$ часовъ, бросилъ якорь въ тринадцати верстахъ отъ Сумскаго посада.

Заключительный переѣздъ былъ сдѣланъ. Предстояло прощанье съ моремъ и съ крейсеромъ. День былъ удивительный, и термометръ показывалъ 22° въ тѣни. Широко раскидывался серебряною гладью заливъ; надъ водою выплывали замыкавшіе его почти отовсюду кольцомъ гдѣ берега, гдѣ островки; вдали

Кіо островъ. Крестный монастырь.

Кіо островъ. Кладбищенская церковь.

чуть-чуть поблескивали строенія Сумскаго посада, составляющаго, подобно Архангельску, вторую главную станцію богомольцевъ, отправляющихся въ Соловки. Кое-гдѣ по заливу виднѣлись стоявшія на якорѣ суда, плывшіе навстрѣчу карбасы мѣстнаго отряда пограничной стражи.

Солнце стояло высоко надъ горизонтомъ, когда путники, распростившись съ крейсеромъ, на паровомъ катерѣ направились къ Сумамъ. Блескъ моря былъ ослѣпителенъ. Сѣверное море, казалось, хотѣло оставить по себѣ самое свѣтлое, самое теплое впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ удалявшимся теперь крейсеромъ, удалялись также, подрѣзываемые миражемъ, островки Бѣлаго моря: они словно таяли и, приподнимаясь въ воздухъ, исчезали. Миражи встрѣтили путниковъ, миражи проводили.

Сумскій рейдъ такъ же мелокъ, какъ и всѣ остальные, и фарватеръ направляется къ посаду очень извилисто. Для его обозначенія поставлены были въ открытомъ морѣ—такъ мелко оно здѣсь—березки и елочки, кое-гдѣ обвѣшанныя вѣнками. Подлѣ ближайшихъ къ судну, первыхъ со стороны моря, вельботь былъ встрѣченъ цѣлою флотиліею лодченокъ: на веслахъ сидѣли все женщины; кое-гдѣ на руляхъ, но рѣдко, виднѣлись мужчины. Если женщина сядетъ на руль, здѣсь, какъ и на всемъ Поморьѣ, надъ этимъ смѣются. Тутъ повторилась картина женскаго города, видѣнная въ Кеми и Колѣ, съ тѣмъ же блескомъ одѣяній, пестротой лентъ и золотомъ кокошниковъ; съ тою же силою и ловкостью управлялись сумлянки со своими лодченками, такъ же дружно налегали онѣ на весла, такъ же громко кричали. Пересѣвъ на одну изъ лодокъ, путники не замедлили войти въ самую рѣку Суму, довольно узкую, извилистую, бѣгущую въ яркой сочной зелени низменныхъ береговъ.

Было бы неправильно, покидая Бѣлое море и помянувъ китовый, тресковый, акулій и бѣлушій промыслы, пройти совершеннымъ молчаніемъ цѣлые два, составляющіе существенный вкладъ въ богатства сѣвернаго побережья, промысла сельдяной и семужій. Хотя оба они процвѣтаютъ по всему побережью, но умѣстно говорить о нихъ именно тутъ: бѣломорскія, соловецкія сельди, по мнѣнію свѣдущихъ въ дѣлѣ лицъ, лучше голландскихъ, а самая цѣнная семга, это—та, которая ловится въ недалекой отсюда Кеми и въ Онегѣ; послѣднюю называютъ «порогомъ»; съ нею соперничаетъ только двинская.

Сельдь, это одинъ изъ продуктовъ, не имѣющихъ у насъ и десятой доли того значенія, которое она должна бы имѣть. Кто ѣлъ мѣстную сельдь, крупную, жирную, пускающую изъ себя масло при разрѣзываніи, тотъ поражается тѣмъ, что въ столицахъ нашихъ до сихъ поръ еще имѣются въ продажѣ сельди голландскія, королевскія. Количество нашей сельди огромно; въ Кандалакской губѣ и Сороцкомъ заливѣ «жируетъ» она весною и осенью въ количествахъ необозримыхъ и находитъ себѣ обильную пищу во всякихъ мелкихъ обитателяхъ моря. Нагуливается сельдь въ Бѣломъ морѣ давнымъ-давно. Въ 1842 году въ Сороцкой бухтѣ, при устьѣ Выга, выловлено было до 40.000 возовъ; наваливаетъ ся иногда такъ много, что палка, воткнутая въ массу сельди, держится какъ вбитая въ землю, и не ловятъ сельди неводомъ до тѣхъ поръ, пока не нащупаютъ массы ея палкою.

Сравнительно недавно, въ 1884 году, въ Кандалакской губѣ милліоны сельдей были выкинуты на побережье вслѣдствіе недостатка и дороговизны соли; поморы говорятъ о такихъ гущахъ сельди въ морѣ, что отъ поры до времени грести бываетъ трудно, что «киты въ юровахъ сельдей какъ въ кашѣ жируютъ». И все это гибнетъ безвозвратно по двумъ главнымъ причинамъ: первая—недостатокъ соли и неумѣнье солить; вторая, это то, что добыча сельди производится береговымъ, волоковымъ неводомъ, а не прочнымъ, кошельковымъ въ открытомъ морѣ. Кушелевъ совершенно правъ, если говоритъ, что введеніе кошелькового невода и правильной посолки сельди произвели бы переворотъ въ бѣломорскомъ промыслѣ; но переворотъ этотъ немыслимъ, пока пудъ соли стоитъ иногда на мѣстѣ 1 руб. 60 коп., да и то не всегда она имѣется въ потребномъ количествѣ. Въ настоящее время откармливаютъ сельдью свиней.

Свѣжая сельдь удивительно вкусна и можетъ быть зажарена въ собственномъ жирѣ. Дождутся ли ея наши столичные любители этой рыбы? Вѣрно то, что ящикъ съ соловецкими сельдями, свѣжепросольными, прибываетъ въ Петербургъ сильно попорченнымъ, а о дальнѣйшемъ пути ея по Россіи не можетъ быть и рѣчи. Въ Сорокахъ копченая сельдь стоитъ до четырехъ рублей тысяча, и волость получаетъ отъ продажи сельди около 35.000 рублей. Солятъ ее, складывая въ кучи, чуть-чуть пересыпая солью и ворочая попросту лопатами. Можно ли ожидать хорошаго продукта?

Семужій промыселъ, это —промыселъ повсемѣстный. Далеко вглубь Россіи, по всѣмъ сѣвернымъ рѣкамъ, какъ это видно было на Двинѣ и Сухонѣ, проходитъ семга и ловится она, болѣе или менѣе удачно, вездѣ. «Семужка—мать родная, барышная рыба», говоритъ сѣверянинъ. Чуть ли не каждая рѣка имѣетъ свою семгу и служитъ доходною статьею мѣстныхъ волостей, отдающихъ на разные сроки семужьи «заборы»; попадаются экземпляры до пятидесяти фунтовъ вѣсу, и если бы обращать хотя какое-нибудь вниманіе на заготовку ея извѣстными способами, то и здѣсь, какъ съ сельдью, заграничная семга должна бы была предоставить мѣсто своей, ни въ чемъ рѣшительно ей не уступающей. Семга для метанія икры входитъ по осени въ рѣки, тутъ слабѣетъ она, чахнетъ, становится безвкусною, «лошаетъ» и называется тогда «лохомъ»; на нижней челюсти ея за это время вырастаетъ рогъ; въ различные періоды своего развитія называется она «вальчагъ», «кирьякъ». Для входа въ рѣку семга должна перескакивать чудовищные пороги, какъ, напримѣръ, сажени двѣ вышиною въ Ужмѣ, недалеко отъ села Подужемья, въ Кемскомъ уѣздѣ. Совсѣмъ изнуренная за зиму, возвращается она, со вскрытіемъ льда, въ море, и здѣсь теряетъ рогъ, принимаетъ опять краску, силу и получаетъ возможность перескакивать къ зимѣ двухсаженные пороги.

Изъ прибылей отъ всѣхъ этихъ сельдей, семги, наваги, камбалы, палтусовъ, а также и трески, женское населеніе Сумскаго посада снаряжаетъ свои роскошныя одѣянія. Говорятъ, не рѣдкость, что сумлянка къ Рождеству изготовляетъ себѣ нарядъ въ нѣсколько сотъ рублей стоимостью; вышивать онѣ большія мастерицы, что нисколько не мѣшаетъ имъ, за все полугодовое отсутствіе мужей на промыслы, исполнять въ Сумскомъ посадѣ обязанности десят-

Заборъ для ловли семги.

скихъ, сотскихъ и возить на веслахъ почту. «Сума ума не купитъ, сама продаетъ», говоритъ мѣстная поговорка, выражая этимъ свое благорасположеніе къ красивому посаду.

Въ зиму, въ долгую зиму, у нихъ здѣсь въ ходу бесѣды «рябишекъ», и «рябиковъ», жениховъ и невѣсть, и златотканные наряды имѣютъ въ нихъ, конечно, свое воздѣйствіе. Главная пища—сайда и треска помельче; есть и соленая говядина въ значительной степени съ душкомъ; очень любимы тресковыя головы: ихъ толкутъ и варятъ изъ нихъ щи. Зимою главное дѣло вернувшагося съ промысловъ мужского персонала—судостроеніе; у сумлянъ до тридцати своихъ судовъ; съ давнихъ лѣтъ ходятъ они отсюда на Новую Землю, и мореходный классъ, имѣющійся здѣсь, совершенно на мѣстѣ.

По узкой, извилистой рѣкѣ, преодолѣвъ съ трудомъ три порожистыя мѣста, путники достигли на лодочкахъ къ одиннадцати часамъ дня до посада. Если есть гдѣ-либо въ сѣверной Россіи такой видъ на поселеніе, который французы охарактеризовали бы словомъ pittoresque, а нѣмцы -romantisch, который прелестенъ, типиченъ, собранъ въ одно удивительно красивое цѣлое и художественъ вдоль и поперекъ, такъ это Сумскій посадъ. Посадъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Сумы, пробѣгающей тутъ подъ двумя мостами и образующей подлѣ верхняго, пѣшеходнаго, роскошный, блестящій, богатый порогъ; выбѣжавъ, выскочивъ изъ-подъ этого моста, перекинутаго дугою, рѣка рьяно кидается на небольшой островокъ, стараясь снести его, но—неудачно, и на немъ, подъ навѣсомъ, сохраняется листеръ-ботъ посѣтившаго посадъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. Когда подъѣзжаете къ посаду съ моря, васъ поражаетъ характерная его особенность: это безсчетные амбарчики, стоящіе близехонько къ рѣкѣ и нависающіе надъ Сумою, имѣющею въ посадѣ саженъ тридцать ширины. Амбарчики опираются на сваи, стоятъ рядомъ, одинъ подлѣ другого, во всю длину посада, и отъ нихъ къ водѣ сбѣгаютъ лѣстницы, ступени которыхъ состоятъ иногда изъ цѣлыхъ бревенъ и служатъ для удобства выгрузки; между ними просвѣчиваютъ жилые дома, опрятные, высокіе, хорошо обставленные, какъ и всѣ дома нашихъ сѣверныхъ городовъ.

Вдоль обоихъ береговъ Сумы тянутся эти дома, двухъ и трехъ-этажные, вплотную одинъ подлѣ другого, такъ что если вы хотите гулять, то можете обходить въ круговую, отъ моста къ мосту, по обоимъ берегамъ. Это главный центръ посада, и тутъ-то именно, въ глубокой неприкосновенности и высокой типичности высятся на двухъ холмахъ старинныя церкви посада и Соловецкое подворье, окруженное стѣнами. Объ набережныя рѣки Сумы — деревянныя.

Былъ день Петра и Павла, 29-го іюня, — день удивительно роскошный, когда лодка съ путешественниками причалила къ пристани въ виду собора; шла обѣдня, и деревянная церковь, построенная въ 1767 году, во имя Николая Чудотворца, предстала предъ ними во всей прелести яркаго дня и глубокой молитвы. Передъ церковью трапеза; иконостасъ четырехъ-ярусный и надъ нимъ большое изображеніе Спасителя. Храмъ полонъ древнѣйшими иконами; такова древняя Новгородская Троица, въ типичномъ черномъ кольцѣ на красномъ огненномъ фонѣ, съ грузными цатами; икона Строгановскаго письма,

Вознесеніе Спасителя, несомаго ангелами, въ серебряномъ кругу; такова икона Успенія Богоматери: Спаситель принимаетъ Ея душу, и Богоматерь видна наверху образа возсѣдающею въ небѣ (ризы надъ обѣими изъ цвѣтной фольги и жемчуга); таковъ образъ Преображенія, на которомъ отъ Спасителя спускаются три широкіе луча, тоже изъ фольги. Царскія врата—рѣзныя, въ гроздьяхъ. Все это, вмѣстѣ взятое, дышетъ такою глубокою древностью, такою цѣльностью впечатлѣнія, что не могло не напомнить сольвычегодскаго собора.

Каменный соборъ, во имя Успенія Богоматери, находится рядомъ и построенъ въ 1668 году; но основаніе его положено гораздо раньше, въ XV вѣкѣ, Маѳою Борецкою, подарившею его Соловецкому монастырю; снаружи низъ собора весь коричневый; пять куполовъ его—чешуйчатые, зеленые, на длинныхъ шейкахъ. И въ немъ квадратная трапеза и массивный столбъ посрединѣ; въ столбѣ, по крайней мѣрѣ, полторы сажени поперечника, и, расходясь развѣтвленіемъ своимъ подъ круглыя арки, онъ является въ видѣ какого-то колоссальнаго цвѣтка, поддерживающаго весь верхъ. Сама церковь маленькая съ придѣлами святыхъ Зосимы и Савватія; иконостасъ — видимо сборный изъ очень древнихъ иконъ; оба отдѣленія церкви—подъ круглыми сводами. Имѣется также отдѣльная часовня съ мощами соловецкаго подвижника Елисея, находящимися подъ спудомъ.

Высоко поднимаются на холмахъ оба названные храма, стоящіе бокъ-о-бокъ подлѣ самаго моста черезъ Суму. Тутъ же, также высоко, взгромоздилось въ стѣнахъ своихъ, имѣющихъ еще бойницы, подворье Соловецкаго монастыря, входъ къ которому идетъ отъ рѣки. Здѣсь же, на этихъ же возвышеніяхъ, въ самомъ жизненномъ центрѣ посада, обозначается крестиками, стоящими въ-разбросъ, старое кладбище, не обнесенное заборомъ, и все это, вмѣстѣ взятое,—церкви, мостъ, холмы, кладбище, подворье и оживленная толпа женщинъ въ пестрѣйшихъ нарядахъ, съ быстрою рѣкою и античными, на сваяхъ, амбарчиками,—составляло картину изъ ряда вонъ великолѣпную, чудесно замыкавшую прощаніе путешественниковъ съ сѣвернымъ побережьемъ.

Сумскій посадъ дарованъ Маѳою Посадницею Соловецкому монастырю. Въ 1586 году поставленъ тутъ острогъ, который былъ осаждаемъ финляндцами, но неудачно. Основанія острога намѣчены и по сегодня: стѣна его имѣла около версты длины, три сажени вышины, и въ немъ находилось шесть башенъ. Въ 1806 году, въ хорошіе годы торговаго мореплаванія, посадъ имѣлъ до 148 судовъ, изъ нихъ 80 мореходныхъ; чрезъ Сумы шло снабженіе кипѣвшаго тогда работою архангельскаго порта, такъ какъ всѣ нужные матеріалы шли туда гужомъ съ олонецкихъ заводовъ и изъ Петербурга. Будущее, вѣроятно, улыбнется Сумамъ, при осуществленіи Бѣломорскаго канала, которому, повидимому, нѣтъ причины не осуществиться.

Въ Сумахъ жителей 386 мужчинъ и 481 женщина; значительная часть, болѣе половины,—старовѣры. Большихъ морскихъ судовъ у нихъ 32, шнякъ 61, изъ числа которыхъ 40 ходятъ на Мурманъ. Населеніе всего уѣзда около 31.000 человѣкъ.

Изъ Сумъ путникамъ предстояло сдѣлать 200 верстъ почтовымъ трактомъ

Сумлянка.

до Повѣнца, на Онежскомъ озерѣ, и прослѣдовать тѣмъ путемъ на Петровскій ямъ, которымъ шелъ когда-то Петръ I со своими преображенцами и тащилъ по суху, яко по морю, фрегаты; здѣсь же состоялась его знаменитая встрѣча съ раскольниками; тутъ же, вѣроятно, пройдетъ проектируемый Бѣломорскій каналъ. Все это самыя любопытныя страницы былого и будущаго. Могучій ревъ порога Сумы, сквозь блескъ его горѣвшихъ на солнцѣ волнъ, покрывалъ собою грохотъ экипажей; онъ промелькнулъ мимо, весь въ пѣнѣ, брызгахъ, кудряво-бѣлый, грохочущій, и въ радужномъ сіяніи солнца и праздничномъ звонѣ всѣхъ посадскихъ церквей скрылось за очень крутыми холмами и извивами дороги хорошо знакомое Бѣлое море.

Отъ Сумскаго посада до Петровскаго яма.

Олонецкій край. Почтовый путь отъ Бѣлаго моря. «Государева дорога» Петра Великаго. Нюхацкій походъ. Встрѣча Петра съ раскольниками. Расколъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Выгорѣцкіе: Даніловскій монастырь и Лекса. Петровскій ямъ.

День былъ жаркій, блестящій. Гранитные холмы, поросшіе лѣсомъ, озера, рѣчки, болота—потянулись мимо, выдвигая одну за другою, какъ, напримѣръ, въ Сумостровѣ, Варенжи, Коросъ-Озерѣ, типическія картинки олонецкаго пейзажа.

Счастливою случайностью было то, что тѣ 193 версты, которыя предстояли до Повѣнца, на Онежскомъ озерѣ—такъ близко Бѣлое море къ Балтійскому бассейну—тянулись приблизительно тѣми же мѣстами, которыми совершилъ Петръ I свой колоссальный Нюхацкій походъ, именно въ Петровъ день, 29-го іюня. Ночью предстояло остановиться въ Петровскомъ ямѣ; это—то мѣсто, на которомъ останавливался и Великій Императоръ. Еще виднѣются кое-гдѣ сваи, сохранившіяся отъ его похода. Путники были, слѣдовательно, въ полной мѣрѣ окружены богатыми благоговѣйными воспоминаніями о немъ.

Дорога, по которой они ѣхали, проложена въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1876 по 1879 годъ; 154 версты достались на долю олонецкаго земства и обошлись около 150.000 руб.; остальныя 39 верстъ по Архангельской губерніи стоили 36.000 руб. и построены казною. Дорога чрезвычайно горриста; встрѣчаются подъемы чуть ли не въ 40^0 и такіе спуски, что здѣсь въ полномъ ходу тормазъ-башмакъ, котораго такъ не любятъ въ Россіи и такъ высоко цѣнятъ въ Германіи. Есть мѣста положительно опасныя, съ заворотами на крутыхъ спускахъ, и уже теперь дорогу мѣстами удлиняютъ, чтобы сдѣлать ее болѣе удобною. Говорятъ, что именно вслѣдствіе этой крутизны гужевое сообщеніе Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ, на которое дорога главнымъ образомъ разсчитана, идетъ очень слабо: лошади не берутъ.

Крутизны начались съ Пупокъ-Горы и Сапожничьей, такъ что то и дѣло тормазили экипажи. Залитая яркимъ солнцемъ мѣстность была однообразно живописна; благодаря тому, что путь проложенъ на гранитныхъ и гнейсовыхъ основаніяхъ Олонецкихъ горъ, пыли было не особенно много. Сквозь густую зелень лѣса то и дѣло мелькали озерки и рѣчки. Олонецкія горы, такъ называемыя «Масельги», тянутся безсчетными параллельными кряжиками, съ сѣверо-запада къ юго-востоку, отъ Финляндіи къ Онежскому озеру, вьются, дробятся, перебиваютъ другъ другу дорогу и выполняютъ собою весь этотъ угрюмый Сѣверный край; того же направленія, и не уступая имъ въ числѣ, придерживаются и озера. Гдѣ не гора, не озеро, тамъ поросшее лѣсомъ болото и очень мало полей. Дорога совсѣмъ своевольно вьется между ними и идетъ нерѣдко по самому гребню кряжа, весьма неширокаго, такъ что направо и налѣво—обрывы, а подъ ними—болото или озерко. На станціяхъ имѣется, обыкновенно, только по четыре лошади; при самыхъ крутыхъ спускахъ были выставлены колья съ надписью: «тормазить»; это тѣмъ болѣе необходимо, что большинство ямщиковъ—не мѣстные, а прибывшіе издалека, даже изъ Вытегорскаго уѣзда.

Ѣзда на быстрыхъ и сытыхъ лошадкахъ, послѣ долгаго странствія по морю, казалась очень пріятною. Скоро путь не замедлилъ слиться съ такъ называемою «Государевою дорогою», — съ путемъ Петра I, очень добросовѣстно обслѣдованною г. Майновымъ, и вотъ вкратцѣ изложеніе его заключеній, освѣщающихъ одну изъ любопытнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ страницъ исторіи Петра I.

Выѣхавъ изъ Соловокъ 15-го августа 1702 года, на тринадцати корабляхъ съ 4.000 войска, съ царевичемъ Алексѣемъ и свитою, Петръ прибылъ въ деревню Нюхчу 16-го августа. Отсюда велѣлъ онъ флоту идти обратно въ Архангельскъ, а при себѣ оставилъ только два фрегата. Началось необычайное! Оба военные фрегата были вытащены на берегъ, и потянулъ ихъ царь за собою волокомъ на Повѣнецъ, на разстояніи 160 верстъ. Онъ шелъ къ Пуль-Озеру, къ рѣкѣ Выгу, на деревню Телекину, чрезъ рѣку Муромку и Мягкозерскою, и употребилъ на это только десять дней. Путники ѣхали тѣми же мѣстами отъ Вожмосалмы начиная по проложенной дорогѣ, со всѣми удобствами, и продѣлали указанный путь безъ малаго сутки. Не вѣрить пройденному Петромъ нельзя: сваи торчатъ на мѣстахъ; но вѣроятіе достигаетъ крайнихъ предѣловъ, послѣ которыхъ начинается сказочное.

Въ Нюхчѣ, на Бѣломъ морѣ, царя встрѣтило 5.000 народа, согнаннаго для работъ отовсюду. Часть ихъ пошла рубить дѣвственные тогда лѣса, закладывать топи, строить мосты; часть тащила фрегаты, гдѣ волокомъ, гдѣ водою, гдѣ на каткахъ. Самъ Петръ рубилъ лѣсъ и подставлялъ катки; выпьетъ, бывало, анисовки и снова за работу. На одной рѣкѣ, очень бурной, нельзя было, говорятъ, свайку вбить; царь самъ поѣхалъ, а за нимъ, конечно, и другіе. «Лиха бѣда—сказалъ Петръ—первому оленю въ гарь кинуться, остальные всѣ тамъ же будутъ». И дѣйствительно всѣ были тамъ! Первую мостовину царь клалъ всегда самъ, и при этомъ и боярина, и нѣмца и всѣхъ имѣвшихся налицо работать заставлялъ.

Въ двадцати верстахъ отъ Нюхчи войска остановились, и царь приказалъ устроить ямъ (станъ); тутъ были раскинуты шалаши и тотчасъ же пошла торговля; въ сорока верстахъ отъ Нюхчи находился второй ямъ, въ пяти верстахъ отъ деревни Пуль-Озера. За этимъ ямомъ идти стало хуже, труднѣе; начались болѣзни, потому что сказалось изнеможеніе. Петръ ободрялъ всѣхъ и каждаго, а самъ не изнемогалъ.

Въ восьмидесяти верстахъ, у Вожмосалмы, былъ устроенъ третій ямъ. Отсюда предстояло идти въ обходъ Выгъ-озера, на цѣлыхъ тридцать верстъ, или же строить мостъ черезъ проливъ; царь рѣшилъ построить пловучій мостъ. Пока кипѣла чудовищная работа, царь хотѣлъ побывать и на праздникѣ Ильи, по просьбѣ старшины Выгозерской волости; но дождливая погода помѣшала; мѣстное преданіе сообщаетъ о словахъ Петра: «Вѣрно Илья пророкъ не хочетъ этого, дождь послалъ, но снесите ему отъ меня гостинецъ», и вручилъ посланнымъ нѣсколько червонцевъ. Преданіе говоритъ также о томъ, что царь крестилъ тутъ сына у крестьянина Никиты, не нашедшаго себѣ другого кума, по бѣдности.

Переночевавъ въ Вожмосалмѣ, государь на слѣдующій день хотѣлъ перевести войска по мосту, но было опасно; на утро все-таки перешли; въ семи верстахъ отъ устья Выга былъ устроенъ еще ямъ: прежнія лодки, служившія на Выгъ-озерѣ, переведены сюда, и на Выгѣ поставленъ другой мостъ. 22-го августа, вечеромъ, войска перешли на лѣвый берегъ Выга, а съ этимъ вмѣстѣ трудная часть пути была пройдена, оставалось легкое. На полпути могучаго царскаго похода выгорѣцкіе раскольники поднесли царю хлѣбъ-соль. «Что за люди?» спросилъ Петръ. «Это раскольщики», отвѣтили ему, «властей духовныхъ не признаютъ и за тебя, царь, не молятся». «Ну, а подати платятъ исправно?» спросилъ Петръ. «Народъ трудолюбивый, безъ недоимокъ». «Живите же, братцы», промолвилъ царь раскольникамъ, «на доброе здоровье; о Царѣ Петрѣ, пожалуй, хоть не молитесь, а раба Божія Петра во святыхъ молитвахъ иногда поминайте, тутъ грѣха нѣтъ!» Конечно, весь этотъ разсказъ несетъ на себѣ характеръ раскольничьяго апокрифа, но какъ онъ хорошъ!

Слѣдующій ямъ былъ у деревни Телекиной, въ двадцати пяти верстахъ отъ Выгорѣцкаго. Чрезъ Машозерку и Муромку построены были мосты, остатки которыхъ видны и теперь. На полпути до Повѣнца поставленъ еще ямъ, но тутъ идти было легко, и 26-го августа войска вступили въ самый Повѣнецъ, а фрегаты спущены на Онежское озеро. Скоро, вслѣдствіе Нюхацкаго похода, зайдя шведамъ въ тылъ, царь, со взятіемъ Шлиссельбурга, рѣшилъ участь Невы. Изъ Повѣнца Петръ, какъ утверждаютъ нѣкоторые источники, чрезвычайно скромно писалъ королю польскому: «Мы, при помощи Божьей, не чаемъ быть праздны».

Гигантскій слѣдъ царева похода, несмотря на истекшія почти двѣсти лѣтъ, не зарастаетъ и нынѣ; сваи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣются несомнѣнно; относительно просѣкъ мнѣнія мѣстныхъ людей расходятся, и нѣкоторые не признаютъ ихъ за Петровскія, давая имъ гораздо позднѣйшее, чисто хозяйственное значеніе.

Только-что сказано было о бесѣдѣ Петра I съ раскольниками Выгорѣцiи. Эта Выгорѣцiя, слѣдовъ которой теперь не имѣется, находилась близехонько отъ описываемаго пути, и поэтому умѣстно будетъ припомнить въ общихъ чертахъ о ея существованiи. Въ 1677 году взятъ былъ царскими войсками Соловецкiй монастырь, послѣ раскольничьяго мятежа монаховъ. Въ 1682 г. обнародованы такъ называемыя двѣнадцать статей царевны Софьи—основныя положенiя карательныхъ законовъ противъ раскольниковъ. Разселенiе раскольниковъ на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, до Спрiи, до центральной Азiи началось. Раскольникъ бѣжалъ въ пустыню; въ пѣснѣ его говорится о пустынѣ:

Поставлю въ тебѣ малую хижу,
Полезное въ ней азъ увижу.

Раскольникъ обращается къ пустынѣ такъ:

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ азъ тебя соглядати.
Потщися мя воспрiяти
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутнаго мiра прiими мя,
Съ усердiемъ въ тя убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вершинамъ,
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.

Знаменитое Даниловское пустынножительство возникло въ 1694 году на рѣкѣ Выгѣ, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Первыми пришли сюда послѣ «сидѣнiя» и разгрома соловецкiе старцы, и самыми замѣчательными между ними были Ипатiй и Корнилiй, особенно первый, образовавшiй цѣлое поколѣнiе раскольничьихъ дѣятелей, каковы Данiилъ Викуловъ, въ честь котораго и самое общежитiе названо Даниловскимъ, и два брата Андрей и Семенъ Даниловы. Быстро размножался расколъ по нашему Сѣверу, въ различныхъ сектахъ самосожигателей, запащиванцевъ, морельщиковъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ дѣятелей выгорѣцкаго раскола является Андрей Денисовъ, происходившiй отъ князей Мышецкихъ. Онъ пришелъ въ пустыню въ 1692 году, семнадцатилѣтнимъ юношей, и не только съумѣлъ соединить разрозненныхъ выговскихъ поселенцевъ и создать Даниловское общежитiе, говоритъ изслѣдователь Абрамовъ, «но и превратилъ это ничтожное вначалѣ поселенiе въ большой торговый и промышленный городъ-монастырь, и сдѣлалъ его центромъ безпоповщинской половины раскольничьяго мiра». До сего дня разсказываютъ о постоянныхъ сношенiяхъ его съ князьями Мышецкими и другими именитыми особами Петербурга и Москвы и о томъ, что для изученiя логики, философiи и богословiя Андрей ходилъ въ Кiевъ къ Оеофану Прокоповичу. Онъ умеръ въ 1730 году, слѣдовательно въ лучшихъ годахъ своей жизни, и относился, несомнѣнно, къ явленiямъ народной жизни, наиболѣе выдающимся.

Въ 1700 году на всѣхъ улицахъ и площадяхъ съ барабаннымъ боемъ объявлено было повелѣнiе Петра I всѣмъ служилымъ и городскимъ людямъ

снять русское платье и одѣть нѣмецкое; въ 1705 г. объявлены штрафы за ношеніе бородъ; въ 1724 г. началось гоненіе на «бородачевыхъ» женъ: имъ велѣно носить платья, опашни и шапки съ рогами. Все это было, конечно, съ точки зрѣнія старыхъ людей, «дѣломъ антихристовымъ», и раскольничьи пустыни населялись все болѣе и болѣе; скоро въ Даниловскомъ общежитіи не было больше мѣста, и въ тридцати верстахъ отъ него, въ 1706—1709 годахъ, основанъ женскій монастырь Лекса, на рѣкѣ Лексѣ.

Никто не повѣритъ теперь, когда отъ Данилова и Лексы не осталось болѣе и тѣни, что пустынный край этотъ былъ когда-то по всѣмъ направленіямъ перерѣзанъ дорогами, на которыхъ стояли постоялые дворы, что у даниловцевъ имѣлись и процвѣтали мастерства, конные и коровьи дворы, обширная литература (А. Денисовымъ написано 115 сочиненій, и составлено уложеніе), школы, различныя древле-хранилища, книжныя и живописныя лавки, имѣлись большіе капиталы, существовали свои суда, ходившія до Петербурга и Вытегры. Самъ монастырь Даниловъ занималъ въ цвѣтущее время около восьми квадратныхъ верстъ въ округѣ; монастырскимъ скитамъ, изъ которыхъ иные, какъ, напримѣръ, Шелтопорожскій, имѣвшій 57 дворовъ, 62 избы, 75 амбаровъ, 45 хлѣвовъ, 22 риги, не было счета, и они были разсѣяны повсюду.

И всего этого нѣтъ теперь. Если бы въ долгіе дни лютѣйшаго гоненія на раскольниковъ могъ найти себѣ хотя малое мѣсто тотъ взглядъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, который отличаетъ нынѣшнее Правительство, вѣроятно не исчезли бы безслѣдно ни Даниловъ, ни Лекса, и дебрямъ Олонецкой и Архангельской губерній не пришлось бы ожидать вторичнаго оживленія. Нельзя не вспомнить, говоря о Даниловскомъ общежитіи, объ одной странной игрѣ случая, которыми такъ часто шутитъ судьба: въ числѣ его основателей былъ потомокъ князей Мышецкихъ, и жандармскій офицеръ, назначенный запечатать общежитіе, носилъ ту же фамилію.

Замѣтимъ, что въ Даниловомъ монастырѣ были люди, добывавшіе гдѣ-то серебро, въ какой-то тундрѣ къ сѣверу. Изъ серебра этого дѣлали они очень хорошо извѣстные нумизматамъ «Екатерининскіе рубли», схожіе съ настоящими, только немного поменьше. Работали они также и другія серебряныя издѣлія. Съ удаленіемъ раскольниковъ пропали и свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія серебра. Въ 1871 году было сдѣлано заявленіе о нахожденіи серебро-свинцовой руды въ окрестностяхъ губы Печенги. Академикъ Гельмерсенъ, недавно умершій, нашелъ однако, что эти жилы прикосновенія, заключающіяся между господствующимъ здѣсь гнейсомъ и пересѣкающими его жилами діорита, разработки не стоятъ, и дальнѣйшихъ изслѣдованій произведено не было.

Въ настоящее время въ Повѣнецкомъ уѣздѣ живутъ безпоповцы, раздѣляющіеся на два толка: даниловцевъ и филипповцевъ; первыхъ около 530 человѣкъ, а вторыхъ не болѣе 15. Еще въ сороковыхъ годахъ раскольники Данилова и Лексы давали много дѣла секретному комитету. Странны судьбы Олонецкаго края: его оживилъ расколъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ хлопотало со своей стороны о томъ, чтобы для удобства надзора за нимъ въ краѣ проводились хорошіе пути сообщенія; это было въ 1840 году.

Петровскій ямъ. Поселокъ.

По крутымъ извивамъ пути постоянно встрѣчались Петровскіе ямы. Во 109 верстахъ отъ Сумскаго посада, въ Вожмосалмѣ, мѣстѣ очень красивомъ, переправляются на паромѣ черезъ озеро Выгъ. Хорошенькая часовенька съ башенкою и куполочкомъ, выкрашенная желтою краскою, рѣзко выдѣлялась

Петровскій ямъ. Часовня.

надъ синими водами озера, окруженная сѣренькими избами деревни. Отсюда до Петровскаго яма около пятнадцати верстъ; у Талапога-губа черезъ озеро Выгъ—перевозъ; подлѣ самаго Петровскаго яма, черезъ рѣку Выгъ—другой.

Къ Петровскому яму дорога, шедшая до того густымъ боромъ, неожи-

данно уперлась въ паромъ. Рѣка Выгъ въ этомъ мѣстѣ шириною съ Невку и катитъ въ зеленыхъ берегахъ свои быстрыя, но спокойныя воды. На противоположномъ берегу въ ясномъ свѣтѣ сѣверной полуночи, словно освѣщенная голубоватымъ электрическимъ свѣтомъ, видна была новенькая, современная дорогѣ, очень красивая часовня, походящая болѣе на церковь, чѣмъ на часовню, и нѣсколько строеній. Всѣ они возникли исключительно въ силу священныхъ воспоминаній о Петрѣ, потому что поселенія не было здѣсь никакого до 1879 года; часовня освящена въ 1882 году. Ночь стояла удивительная, свѣтлая, безмолвная. Глубоко сосредоточенная лежала она въ хрустальной ясности своей надъ почивающимъ Петровскимъ ямомъ; красныя рубахи паромщиковъ, синь воды, глубокая, бархатная зелень лѣса, фырканье усталыхъ лошадей, легкій скрипъ каната на паромѣ, безконечная прозрачность зеленоватаго неба, чириканье какой-то безсонной птички, все это было бы стройно и гармонично, если бы не комариныя полчища, одолѣвавшія на берегу рѣки съ возмутительнѣйшею настойчивостью.

Отъ Петровскаго яма къ Повѣнцу. Повѣнецъ.

Повѣнецъ. Историческія свѣдѣнія. Геологическія изысканія. Вопросъ о Бѣломорскомъ каналѣ. Его направленіе. Оба городскіе собора. Отъѣздъ Онежскимъ озеромъ. Промѣры, дѣлаемые въ озерѣ. Характеристика его очертаній.

—

Рѣзво бѣжали почтовыя тройки; утро было прохладно, и туманъ подбирался не сразу. Дальнѣйшій путь отъ Петровскаго яма къ Повѣнцу шелъ тою же характерною олонецкою мѣстностью, гранитными кряжиками, озерами, болотами, лѣсами, какъ и прежде. Такъ же точно мелькали по сторонамъ признаки подсѣчнаго хозяйства, наиболѣе примѣнимаго въ краѣ: нивы, колосившіяся по только-что расчищеннымъ лѣснымъ угодьямъ; пройдетъ два, три года—ихъ запустятъ снова подъ лѣсъ, а подъ ниву подсѣкутъ новое, свѣжее мѣсто. Между Телекиной и Масельгой, какъ говорили, имѣется болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь слѣдовъ Петровскихъ свай и мостовинъ. По замѣчанію инженеровъ, занимавшихся проведеніемъ почтоваго пути, направленіе, которому слѣдовалъ Петръ I, поразительно своею вѣрностью. Очень красивъ видъ близъ деревни Телекиной, въ которой мѣняютъ лошадей; тутъ тоже былъ Петровскій ямъ. Розовое утро, розовые туманы, розовые отливы сосновыхъ лѣсовъ тихо размстывались по голубоватымъ очертаніямъ просыпавшагося озера; вся деревня была на ногахъ, и въ маленькой часовнѣ теплилась неугасимая лампада.

Къ семи часамъ утра путники подъѣзжали къ Повѣнцу, сдѣлавъ почти 200 верстъ въ семнадцать часовъ времени. Повѣнецъ, лежащій въ углу, образуемомъ заливомъ Онежскаго озера и быстрою, бѣгущею по камнямъ рѣчкою

Повѣнчанкою, представляется съ сѣверной стороны далеко не такъ миловидным, какъ съ южной, со стороны озера.

Повѣнецъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Россіи: это одинъ изъ самыхъ богатыхъ и незапутанныхъ въ своихъ дѣлахъ городовъ. Жителей въ немъ всего 482 мужчины и 348 женщинъ; но доходы города, владѣющаго большимъ количествомъ земли и сдающимъ за богатую арендную плату лѣсопильный заводъ, достигаютъ замѣчательно крупной цифры 97.650 руб., расходовъ всего 62.988 руб., и поэтому финансовое положеніе Повѣнца одно изъ самыхъ радужныхъ какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ значеніи слова. Неудивительно, что запасный капиталъ его достигаетъ 146.924 руб., и долговъ у него нѣтъ. Подобнаго положенія поискать не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. Если принять въ разсчетъ будущее, которое, вѣроятно, принесетъ съ собою прорытіе Бѣломорскаго канала отъ Повѣнца на сѣверъ, то маленькій городокъ, въ которомъ жителей менѣе, чѣмъ публики на любомъ представленіи въ Большомъ театрѣ, можетъ только радоваться; спаси его Господь отъ всякихъ предпріимчивыхъ радѣтелей и дѣятелей. Петрозаводскъ, столица Олонецкой губерніи, имѣетъ полное право завидовать Повѣнцу: доходы его—37.000 руб., расходы—37.000 руб., запаснаго капитала—5.000 руб. Какъ не позавидовать? Вотъ бы обратить въ пригородъ.

При Борисѣ Годуновѣ Повѣнецъ уже былъ селомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «пристань» или «рядокъ»; а когда село это появилось на свѣтъ — неизвѣстно; съ 1784 г. село обратилось въ городъ и замѣнило въ своихъ обязанностяхъ Поданскъ. При Павлѣ I городъ упраздненъ, при Александрѣ I возстановленъ. Здѣсь, въ 1701 году, спущены были въ Онежское озеро два фрегата, перевезенные Петромъ I по-суху изъ Бѣлаго моря. Развалины чугуно-плавильнаго и желѣзо-дѣлательнаго завода тоже напоминаютъ о Петрѣ I. Остатки петровскихъ доменныхъ печей находятся за рѣкою Повѣнчанкою; имѣются слѣды двухъ печей; камни ихъ простеклянились насквозь, такъ что нельзя не замѣтить, что Петръ I не дремалъ и здѣсь и плавилъ чугунъ во-всю. Невысокія развалины обнесены заборчикомъ, поросли зеленью, и шумливая Повѣнчанка, бѣгущая совсѣмъ подлѣ, нарушаетъ ихъ вѣчное молчаніе своею вѣчною говорливостью. Въ соборной церкви имѣется икона святыхъ Петра и Павла, предъ которою Петръ I служилъ молебенъ по случаю избавленія его отъ бури на озерѣ; онъ вернулся, застигнутый бурею, отъ острова, который съ того времени называется «Воротнымъ». Для великаго Царя поговорка: «Повѣнецъ — міру конецъ», конечно, не существовала, потому что онъ побывалъ на сѣверѣ далеко за этимъ концомъ. Лучшія, чѣмъ теперь, времена проходили надъ живущимъ Повѣнцомъ, когда шла тутъ заводская работа; лучшія времена должны непремѣнно проглянуть и въ будущемъ, когда состоится, наконецъ, проведеніе Бѣломорскаго канала. Насколько безвременно погибъ на восточномъ краю нашего Сѣвера Екатерининскій каналъ, настолько же трудно появленіе этого новаго, совершенно необходимаго воднаго пути. Не только десятки тысячъ пудовъ трески, сельдей, тресковаго жира и ворвани, идущіе въ Петербургъ кружнымъ путемъ, на Бельты и Зундъ, съ нашего Сѣвернаго моря, пошли бы

Повѣнецъ. Соборъ.

здѣсь, но и обратно, товары и хлѣбъ, необходимые Поморью, потянулись бы каналомъ, идя изъ Петербурга. Если Петръ I перетащилъ по-суху два фрегата отъ Пюхчи до Повѣнца, то что же будетъ значить пройти каналомъ десяткамъ миноносокъ, со всякими торпедами, въ вѣчно открытое намъ Сѣверное море, если это будетъ нужно? Это стратегическое соображеніе—далеко не пустая фантазія.

О прорытіи канала въ Олонецкихъ лѣсахъ, хотя и не для соединенія съ Бѣлымъ моремъ, а для сплава лѣса, ходатайствовалъ еще купецъ Громовъ въ 1848 году. О соединеніи Повѣнца съ Сороками на Бѣломъ морѣ постоянно ходатайствовали губернаторы, земство, поморы, частные предприниматели; императоры Александръ I, Николай I, Александръ II были расположены къ этой мысли, а канала все-таки нѣтъ. Геологическія изысканія произведены были очень тщательно Иностранцевымъ по такъ называемому пути соловецкихъ богомольцевъ, пути древнему, много разъ исхоженному. Богомольцы двигаются отъ Повѣнца вдоль Долгихъ озеръ; тутъ постоянно выступаютъ крупнозернистые красные гнейсы, т. е. кристаллическія породы, вслѣдъ за наноснымъ растительнымъ слоемъ. Богомольцы двигаются по самому высокому мѣсту горъ на 430 футовъ надъ уровнемъ Бѣлаго моря и 168 футовъ надъ Матко-Озеромъ. По сторонамъ пути ихъ тянутся цѣлыя системы моховыхъ болотъ и озерковъ, лежащихъ одно выше другого, и между ними виднѣются опять-таки красные гнейсы, напоминающіе французскіе «бараньи лбы»; шрамовъ ледянаго періода на нихъ незамѣтно; мѣстами попадаются наносы съ валунами, образующими иногда огромныя скопленія красноватыхъ и сѣрыхъ гнейсовъ. По мнѣнію Иностранцева, обойти хребетъ Масельгу можно очень удобно. Изъ пороговъ самый значительный Ольховецъ, на рѣкѣ Телекинской, падающей на протяженіи 44 верстъ на 116 футовъ. Самое большое озеро Выгъ лежитъ на пескахъ, почти безъ всякихъ обнаженій; на немъ острововъ «двумя больше чѣмъ въ году дней»; всѣ они состоятъ изъ наносовъ и имѣютъ то же направленіе, что и Сельги.

Дальнѣйшій путь богомольцевъ идетъ отъ деревни Койницы на деревню Варнихи, Чернымъ Волокомъ, то взбираясь на Сельги, то опускаясь къ моховымъ болотамъ. Валуны попадаются до трехъ аршинъ длиною; самыя высокія точки пути лежатъ на 618 фут. надъ Бѣлымъ моремъ. Сумозеро тоже изобилуетъ островами, а рѣка Сума—порогами; у самаго Сумскаго посада тѣ же валуны, пороги и тѣ же обнаженія красныхъ и сѣрыхъ гнейсовъ.

Путь для устройства водной системы вполнѣ возможенъ; изысканія 1869, 1870 и 1874 годовъ доказали это. Проектированное направленіе слѣдующее: Повѣнецъ, Повѣнчанка, Узкое озеро, Водло-озеро, какъ раздѣльный пунктъ, Матко-озеро, рѣка и озеро Телекинскія, Выгъ-озеро, Выгъ-рѣка. Длина всего пути была бы 219 верстъ, причемъ каналы имѣли бы только 40 верстъ. Раздѣльное Водло-озеро поднимается надъ Онежскимъ на 31,6 сажени, надъ Бѣлымъ моремъ—на 51,72. Эти паденія предположено распредѣлить на полсотню шлюзныхъ камеръ; техническихъ трудностей не предстоитъ никакихъ. Стоимость составила бы около 8.000.000 руб. Любопытны нѣкоторыя геологическія,

ботаническія и геодезическія свѣдѣнія, касающіяся этого края. Онежское озеро лежитъ на 276 фут. выше Бѣлаго моря и на 240 фут. выше Балтійскаго. Этою разницею уровня обоихъ морей очень хорошо объясняются постоянныя теченія, существующія въ Зундѣ и Бельтахъ. На основаніи изслѣдованій каменныхъ породъ и флоры можно утверждать съ большимъ вѣроятіемъ, что когда-то, въ доисторическое время, Бѣлое море было соединено съ Балтійскимъ, и наши оба большія озера, Ладожское и Онежское, составляли съ ними одно цѣлое. Ледовитый океанъ и Балтійское море были тогда однимъ и тѣмъ же водянымъ пространствомъ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Зундъ и Бельты, высились скалы, и соединенія Балтійскаго моря съ Нѣмецкимъ не существовало.

Проектируемый Бѣломорскій каналъ, который соединитъ то, что разрушено геологическимъ переворотомъ, одинъ изъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Въ 1882 году министръ путей сообщенія внесъ въ комитетъ министровъ записку, которая была выслушана комитетомъ министровъ, вполнѣ согласившимся съ ея основаніями и съ необходимостью возможно скораго осуществленія проекта, и журналомъ 31-го августа всѣ обстоятельства этого дѣла доведены до свѣдѣнія государя императора, удостоившаго ихъ разсмотрѣніемъ 11-го сентября. Устроится ли этотъ путь на средства казны, дано ли будетъ предпочтеніе акціонернымъ основаніямъ—дѣло второстепенное. Вѣрно то, что для нашего Сѣвера, для промысловъ Поморья, для лѣсныхъ и минеральныхъ богатствъ Олонецкаго края, для стратегическихъ соображеній общегосударственнаго характера, возникновеніе давно ожидаемаго Бѣломорскаго канала болѣе чѣмъ желательно. Дѣло не въ томъ, что въ теченіе шести мѣсяцевъ будетъ онъ лежать подо льдомъ, дѣло—въ остальныхъ шести мѣсяцахъ. Если сѣверная природа въ шестинедѣльный срокъ поднимаетъ траву, даетъ цвѣтъ и производитъ сѣмя, то не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что и Бѣломорскій каналъ послѣдуетъ ея примѣру и въ короткій срокъ навигаціи дастъ все то, чего отъ него ожидаютъ. Спорнымъ могъ бы быть вопросъ о томъ: не удобнѣе ли желѣзная дорога, хотя бы узкоколейная; но здѣсь существенными аргументами явятся лишняя перегрузка, громоздкій характеръ грузовъ—руда, хлѣбъ, лѣсъ, и большинство мнѣній склонится въ пользу канала. Сообщаютъ, что олонецкому губернатору изъ Финляндіи былъ представленъ характерный проектъ о соединеніи желѣзною дорогою Выборга съ Кемью прямымъ путемъ. Для Финляндіи это, конечно, были бы выгодно, но что̀ сказалъ бы на это нашъ исконно-русскій Олонецкій край, для котораго стальные рельсы Выборгскаго пути были бы смертельнымъ ударомъ, направивъ грузы всего нашего Сѣвернаго края, Бѣлаго моря и Поморья не такъ, какъ слѣдуетъ, не по адресу. Олонецкій край отъ такого удара не поправился бы никогда...

Соборовъ въ Повѣнцѣ два: старый, временъ Бориса Годунова, обязанный своимъ возникновеніемъ въ 1600 году новгородскому купечеству и схимонаху Аѳанму, и новый. Оба собора деревянные, во имя Петра и Павла, и стоятъ рядомъ на самомъ берегу залива. Старый соборъ, ветхій, очень характеренъ своею малостью и грузною, шестигранною шатровою шапкой; колокольня его

снесена была для очистки мѣста новому собору. Икона Петра и Павла — та самая, предъ которою молился Петръ I. Имѣется налицо и нѣсколько иконъ, писанныхъ въ несуществующихъ уже раскольничьихъ монастыряхъ Даниловѣ и Лексѣ. Въ Повѣнцѣ заслуживаютъ также вниманія земская больница, богадѣльня и находящаяся тутъ же общественная земская библіотека.

Около семи часовъ вечера путники оставили Повѣнецъ на пароходѣ «Онега». Видъ на Повѣнецъ съ озера не лишенъ миловидности, и имъ пришлось долго любоваться, потому что выбраться изъ рѣчки Повѣнчанки въ открытую воду довольно длиннымъ пароходомъ было не легко; онъ почти касался бортами амбарчиковъ, стоящихъ въ водѣ на подобіе сумскихъ. У самаго выхода въ озеро, подлѣ лѣсопильнаго завода, окруженнаго лавами бревенъ, лежитъ пять небольшихъ зеленѣющихъ островковъ; городокъ расположенъ такъ низко, что кажется выступающимъ прямо изъ воды. Очень красивъ былъ видъ на зеркальную гладь Онежскаго озера въ вечернемъ освѣщеніи; множествомъ болѣе или менѣе близкихъ силуэтовъ обозначались его берега и острова, изрѣзанные въ сѣверной части неисчислимымъ количествомъ бухтъ; вдали, вправо, виднѣлись Петрозаводскія горы, къ которымъ путники направлялись; согласно намѣченному маршруту, предположено было посѣтить Петрозаводскъ вторично, и оттуда уже проѣхать поперекъ Онежскаго озера въ Пудожъ,—послѣдній городъ, предстоявшій посѣщенію въ этомъ путешествіи.

На Онежскомъ озерѣ съ 1874 года производятся тщательные промѣры; изъ 7.000.000 квадр. верстъ его поверхности снято уже около $^4/_5$, включая въ то число и самыя трудныя части, безсчетныя губы и островки сѣверной половины; въ этой части озера промѣры дѣлаются на каждыхъ пятидесяти саженяхъ, въ южной на сто саженяхъ, такъ что карта, имѣющая быть изданною, будетъ относиться къ числу самыхъ точныхъ и подробныхъ. Опредѣлено сорокъ пять астрономическихъ пунктовъ. Насколько въ этомъ отношеніи наше знакомство съ гораздо болѣе обширнымъ Бѣлымъ моремъ плохо, видно изъ того, что на немъ такихъ пунктовъ опредѣлено пока что только десять.

Вечеръ былъ исключительно хорошъ. Отъ Повѣнца до Петрозаводска водою 172 версты. Двигаясь по озеру, убаюканному полнѣйшимъ серебрянымъ штилемъ, путешественники съ палубы видѣли издали Шунгу, знаменитую своею ярмаркой; судно проходило недалеко отъ Палеостровскаго монастыря, извѣстнаго самосожженіемъ въ немъ 2.000 раскольниковъ; виднѣлась также деревня Кузоронда, населенная большею частью плотниками, и на ея счетъ немного позлословили, объяснивъ, что кузорондцы по существу недовѣрчивы и что они для обезпеченія другъ отъ друга изобрѣли особаго рода хитрые замки, которые у нихъ въ деревнѣ повсюду виднѣются. Въ этихъ же странахъ, въ Толвуйскомъ погостѣ, по повелѣнію Бориса Годунова, около 1601—1605 годовъ, заключена была супруга Ѳеодора Никитича Романова—инокиня Марѳа, мать царя Михаила Ѳеодоровича. Слѣды терема и самое мѣстонахожденіе, конечно, исчезли, но двѣ недалекія деревни называются и теперь Ближнее и Дальнее Царево: ихъ посѣщала отошедшая въ вѣчность инокиня.

Количество острововъ въ этихъ частяхъ Онежскаго озера очень велико

и всѣ они густо поросли темнозелеными хвойными лѣсами, отражавшимися своими острыми, бахромистыми вершинами въ штилевавшей серебряной водѣ. Острововъ и бухтъ тутъ столько же, сколько озеръ и горныхъ кряжей на материй землѣ Олонецкаго края. По розовой глади слѣдъ парохода не исчезалъ, а, расходясь по двумъ линіямъ, обозначался настолько, насколько видно было воды. Кое-гдѣ взламывалъ ихъ подвернувшійся островокъ. Бросили не надолго якорь у Ивановскихъ острововъ. Къ десяти часамъ утра пароходъ былъ въ Петрозаводскѣ, откуда направился въ Пудожъ.

Пудожъ.

Рѣка Водла. Что такое «гнусъ»? Пудожъ. Его характеристика. Возвращеніе въ Петербургъ.

Хорошъ Петрозаводскъ съ озера, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но такъ какъ достопримѣчательности города были осмотрѣны въ прошломъ году, то путники въ исходѣ третьяго часа были уже снова на пароходѣ, чтобы сдѣлать водою 105 верстъ, по направленію къ городу Пудожу. Ночь на 2-е іюля была удивительно хороша, тепла, безмятежна. Судно входило въ рѣку Водлу, когда сумерки налегли на озеро, спустились по береговымъ лѣсамъ. Кое-гдѣ съ плотовъ и береговъ сіяли красными огнями костры, и обозначались, довольно рѣдко, барки и лодченки; часто поперекъ пути парохода стремглавъ проносилась ночная птица и, крикнувъ, исчезала. Рѣка Водла, мало кому извѣстная, мало посѣщаемая, достаточно глубока и широка, чтобы принять на себя озерный пароходъ. Двигаясь между зеленыхъ, поросшихъ плотнымъ лѣсомъ глубоко молчаливыхъ береговъ, путники слушали съ перемѣнною ясностью отдачу звуковъ колесъ парохода. Едва только вошли они въ Водлу, какъ подверглись нападенію необозримыхъ комариныхъ полчищъ; тишина въ воздухѣ и малый ходъ парохода обусловливали то, что полчища эти росли по мѣрѣ движенія вверхъ по рѣкѣ; мѣстность, лѣсистая и болотистая, мало посѣщаемая, видимо создана для размноженія комаровъ; утромъ предстояло убѣдиться въ томъ, что въ ней имѣются и другія прелести: оводы, шершни, шмели всѣхъ видовъ и величинъ, называемые здѣсь очень типичнымъ именемъ «гнуса»; гнусѣе этихъ полужесткокрылыхъ трудно представить себѣ что-либо. На Мурманѣ «гнусомъ» называютъ только мышей и крысъ.

Было за-полночь, когда судно причалило къ правому берегу рѣки близъ лѣсопильнаго завода Русанова, съ тѣмъ, чтобы прибыть въ Подпорожье и затѣмъ въ Пудожъ своевременно. Комарамъ не трудно было преслѣдовать пасса-

Пудожъ.

жировъ судна до этого мѣста; но здѣсь, при остановкѣ, они одолѣли въ полной мѣрѣ, чему не мало способствовала близость лѣсопильнаго завода. Ихъ было такъ много, что, насѣдая на пароходныя снасти, они словно одѣвали ихъ какими-то футлярами, и стоило провести по нимъ чѣмъ-либо, рукой или вѣткой, чтобы снять цѣлую коросту комариной трухи и видѣть, къ полнѣйшему своему отчаянію, что на только-что очищенную снасть уже насѣлъ новый толстый чехолъ звонко жужжавшаго гнуса. Оставалось одно: скрыться въ каюты и накурить въ нихъ до невозможности персидскимъ порошкомъ.

Около семи часовъ утра, 2-го іюля, тронулись дальше и остановились близъ деревни Подпорожье; отсюда предстояло сдѣлать въ экипажахъ девять верстъ до Филимонихи, затѣмъ переѣхать на правый берегъ рѣки Водлы къ деревнѣ Гурьевой, отъ которой, опять-таки въ экипажахъ, оставалось до Пудожа всего полторы версты. Въ той части рѣки Водлы, которую миновали на лошадяхъ, есть Миевскій порогъ, въ $^1/_2$ сажени паденія; если бы не онъ, то Пудожъ былъ бы соединенъ съ Онежскимъ озеромъ водянымъ путемъ; мѣстное земство ходатайствуетъ объ осуществленіи этого пути и, согласно сообщеніямъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, разстояніе отъ Невы къ Архангельску было бы сокращено на триста верстъ, и транзитъ трески, семги и льна не долженъ бы былъ давать крюкъ на Вытегру. Шлюзованіе стоило бы около 80.000 рублей; производительность этой затраты подлежала бы, впрочемъ, обсужденію. Въ навигацію 1884 года ходили между Вознесеньемъ и Подпорожьемъ пароходы купца Фогеля, но, за смертью его, рейсы прекратились, и возобновленія ихъ здѣсь желаютъ очень сильно. Говорятъ, что, благодаря своему отчужденному положенію, Пудожъ замираетъ иногда совершенно, и бываютъ дни, что на рынкахъ его ни мяса, ни рыбы достать нельзя.

Нельзя было не вспомнить «двигающагося лѣса» въ Шекспировскомъ «Макбетѣ», когда, сойдя съ парохода, сѣли въ экипажи для переѣзда въ Пудожъ и взглянули на себя. Единственною слабою защитой противъ одолѣвавшаго дневного «гнуса», противъ необозримыхъ полчищъ шмелей, шершней, осъ и оводовъ, было то, что, нарвавъ древесныхъ вѣтокъ, окружили себя ими, понасовавъ куда только было возможно, во всѣ отверстія экипажей, и безостановочно отмахиваясь. Въ жгучихъ лучахъ іюльскаго солнца, въ густыхъ облакахъ горячей пыли, «гнусъ» становился дерзокъ до невѣроятія; сентиментальное жужжаніе ночныхъ комаровъ смѣнило рѣзкое, сердитое жужжанье болѣе крупныхъ особей. Что должны были испытывать бѣдныя лошади, можно себѣ вообразить, такъ какъ «гнусъ», однажды впившись въ коня и насытившись его кровью, не отпадаетъ даже при непосредственномъ прикосновеніи къ нему кнута или ерзающей по коню сбруи: онъ упитывался, наслаждался въ полномъ смыслѣ этого слова, до смерти.

Около $9^1/_2$ часовъ утра вдали показался Пудожъ, стоящій на холмистомъ берегу Водлы и отдѣленный отъ рѣки небольшими заливными лугами. Время прибытія путниковъ въ Пудожъ совпало со столѣтіемъ существованія города. Въ одномъ изъ официальныхъ описаній говорится, что городокъ стоитъ на трехъ рѣкахъ: Водлѣ, Пудогѣ и Журавкѣ и трехъ озерахъ, и что онъ живо-

писенъ. Расположенъ онъ на холмахъ дѣйствительно не дурно и сравнительно чисто, благодаря пескамъ. Есть ли какое-либо историческое прошедшее у Пудожа? Несомнѣнно есть, но оно такъ же скромно, какъ и судьбы рѣки Водлы, на которой онъ стоитъ. Учрежденъ онъ Екатериной II въ 1785 году изъ села Пудога, при Павлѣ I упраздненъ, при Александрѣ I возстановленъ. Въ концѣ XVII вѣка былъ онъ извѣстенъ, какъ мѣсто особеннаго распространенія раскола. Церквей въ немъ двѣ. Соборъ во имя Св. Троицы, внутренность котораго покрыта деревяннымъ куполомъ, окрашеннымъ въ голубую краску, состоитъ изъ двухъ церквей: лѣтней и зимней, отдѣленныхъ одна отъ другой каменною стѣной, и обѣ онѣ съ деревянными рѣзными иконостасами; другая церковь города—кладбищенская. Жителей въ Пудожѣ 1.426 человѣкъ; доходы—3.951 руб., расходы—3.951 рубль, то-есть полнѣйшее совпаденіе; запаснаго капитала всего 1.061 рубль, и неудивительно, что Пудожъ считается однимъ изъ бѣднѣйшихъ городовъ не только Олонецкой губерніи, но и вообще Россіи. Говорятъ, будто имя города идетъ отъ рѣки Пудоги, а Пудога названа такъ потому, что плыла по ней когда-то какая-то дуга въ одинъ пудъ вѣсомъ. Это, конечно, осколокъ какой-то легенды, свидѣтельствующій развѣ о томъ, что Пудожъ изобиловалъ когда-то лѣсами. Еще въ 1828 году тогдашнее министерство финансовъ ходатайствовало о допущеніи пудожскихъ подрядчиковъ къ заготовкѣ лѣса «не согласно узаконеніямъ», и лѣса порѣдѣли.

Въ Пудожскомъ уѣздѣ 29.000 жителей; главное дѣло — льноводство, но оно все-таки не превышаетъ годовой продажи на 15.000 руб. въ самомъ уѣздѣ; ленъ этотъ—хорошихъ качествъ и извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ «Корелки»; цѣна его здѣсь отъ трехъ до пяти рублей пудъ, а въ Петербургѣ — около восьми рублей.

Посѣтивъ земское училище и богадѣльню на 26 человѣкъ, устроенную на средства мѣстныхъ купцовъ, братьевъ Малокрошечныхъ, мужскую и женскую земскія больницы, около трехъ часовъ пополудни, путники направились обратно на Гурьево и Подпорожье. У пристани ожидалъ ихъ пароходъ и знакомые изъ горькаго опыта назойливые «гнусы». Путешественники взошли на палубу, запасшись достаточнымъ количествомъ вѣтвей; комары и оводы, не покидавшіе ихъ даже въ домѣ, и облипавшіе потолки и окна его живыми, жужжавшими коврами, тутъ, подъ брезентомъ палубы, при полнѣйшемъ отсутствіи вѣтра, при тридцатиградусной жарѣ, сдѣлались невыносимыми. Необозримыя, блестящія полчища ихъ устремлялись къ пароходу отъ обоихъ лѣсныхъ, болотистыхъ береговъ рѣки и провожали неуклонно, безостановочно, до невѣроятности дерзкіе и изворотливые. Тутъ, въ этихъ тихихъ, забытыхъ странахъ примѣняется обмазываніе рабочихъ людей во время занятій дегтемъ, какъ единственное средство защиты. Пассажиры надѣялись, что, оставивъ рѣку и выйдя въ открытое озеро, они немедленно избавятся отъ гнуса, но это было на долгое время тщетною надеждою. Оводы и комары какъ будто выползали откуда-то на самомъ пароходѣ и провожали его не одинъ часъ времени. Невольно припомнился разсказъ таможенныхъ солдатиковъ на Бѣломъ морѣ о томъ, что мѣстные комары терзаютъ ихъ даже на открытой водѣ; комары прячутся въ карбасѣ на берегу, скрыва-

ются въ дождь и вѣтеръ; но стóитъ только установиться погодѣ, и они тутъ какъ тутъ, несмотря на стоверстное разстояніе, отдѣляющее карбасъ отъ матерой земли.

Дальнѣйшій путь отъ восточнаго берега Онежскаго озера къ Петербургу можно назвать почти непрерывнымъ. Для перемѣны лоцмановъ пароходъ останавливался у Пидмы; въ Лодейномъ-Полѣ путники посѣтили соборъ, и 4-го іюля, въ восемь часовъ утра, они уже были въ Петербургѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ТРЕТЬЕ

(1885 г.)

Нижній-Новгородъ. Ярмарка.

Легенда о Нижнемъ-Новгородѣ. Историческое о городѣ и ярмаркѣ. Главный ярмарочный домъ. Преображенскій соборъ. Гробница Минина. Кадетскій корпусъ графа Аракчеева. Новодѣвичій монастырь. Лагерь. Выставочный павильонъ. Значеніе кустарно-промышленной выставки.

Третье путешествіе—въ Нижній-Новгородъ и Владиміръ,—было вызвано желаніемъ ближе ознакомиться съ этими важными фабрично-промышленными центрами Поволжья, и главное посѣтить ярмарку и выставку кустарно-промышленную и сельско-хозяйственную, устроенную въ Нижнемъ-Новгородѣ лѣтомъ 1885 года. Являясь предшественницею всероссійской выставки 1895 года, выставка эта возникла тогда по почину членовъ нижегородскихъ городскаго и биржевого обществъ и членовъ мѣстнаго отдѣленія техническаго общества.

Въ одной изъ мордовскихъ пѣсенъ основаніе Нижняго объясняется такъ. Ѣхалъ русскій князь-мурза по Волгѣ; на ту пору мордва въ бѣлыхъ своихъ балахонахъ молилась на горѣ Богу; спросилъ мурза своихъ воиновъ: «что это за березникъ мотается, шатается, къ землѣ матушкѣ на востокъ приклоняется»; князю объяснили, что это мордва Богу молится. Старики изъ мордвы, узнавъ о прибытіи русскаго князя, послали ему съ молодыми людьми говядины и пива; молодые люди говядину съѣли, пиво выпили, а князю принесли земли да воды. Князь поплылъ далѣе по Волгѣ; гдѣ кинетъ на берегъ горсть принесенной земли, тамъ быть городу, гдѣ броситъ щепотку—тамъ быть селу. Такъ покорилась русскимъ земля мордовская.

Такъ, будто бы, возникъ и Нижній изъ горсточки земли, брошенной русскимъ княземъ-мурзою. Несомнѣнно, что Нижній основанъ въ 1222 году великимъ княземъ Юріемъ II Всеволодовичемъ и это событіе, по словамъ Соловьева, является фактомъ наступательнаго движенія нашего на Азію, на финскія племена и, по справедливому замѣчанію Гацискаго, представляетъ первое звено въ той исторической цѣпи событій, которая на нашихъ глазахъ завершилась въ Мервѣ.

Н. Новгородъ. Общій видъ города и р. Оки.

Н. Новгородъ. Нижне-волжская набережная.

Въ 1350 году въ отпоръ великому княженію московскому, образовалось здѣсь свое великое княженіе, но въ концѣ XIV вѣка подчинилось Москвѣ. Татарское владычество, Іоаннъ Грозный, лихолѣтье—все это живописалось въ исторіи Нижняго; ярко теплится въ немъ имя Минина; тутъ же имѣютъ что поразсказать легенды и исторія о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ; отсюда шелъ Петръ I въ персидскій походъ; здѣсь представился Екатеринѣ II геніальный механикъ-самоучка Кулибинъ; здѣсь же передала императрицѣ, оставшись съ нею наединѣ, свою глубоко-трагическую судьбу извѣстная Осокина, и Екатерина велѣла снять съ нея кандалы; извѣстна также легенда о «Кунавинской кумѣ». Что касается ярмарки, то, зародившись въ Скоромошкахъ, побывавъ временно въ Василѣ и Лысковѣ, она открыта въ Нижнемъ, офиціально съ 1817 года; гостиный дворъ ея построенъ подъ наблюденіемъ генерала Бетанкура, въ 1822 году; центръ его—въ главномъ ярмарочномъ домѣ.

Много уже вѣковъ замышляютъ «оползни» горъ, на которыхъ красуется Нижній, снять съ него красоты, принизить его горы, и все-таки это не удается имъ. Красивъ и высокъ Нижній, какъ прежде. Послѣдній большой оползень произошелъ въ 1867 году надъ соляными амбарами; когда-то, въ 1597 году, разрушенъ подобнымъ оползнемъ Печерскій монастырь, основанный въ XIV вѣкѣ; оползень снесъ его долой и достигъ только того, что монастырь этотъ стоитъ попрежнему, только немного повыше. Боязнь этихъ оползней принудила очень недавно срѣзать такъ называемую Муравьевскую башню—«дылду», надъ которою въ свое время много трунили и которая была такъ характерна своимъ длиннымъ розовымъ очертаніемъ на нагорномъ берегу Волги, обращенная циферблатомъ своихъ часовъ къ лежащей по другую сторону Оки ярмаркѣ.

Постройка нижегородскаго собора, производящаго невыгодное впечатлѣніе, обошлась ярмарочному купечеству, обложившему себя для этой цѣли особымъ сборомъ, въ 508.000 руб. Построенъ онъ по проекту архитектора Даля, умершаго до окончанія постройки; доведенъ до конца архитекторомъ Килевейномъ. Всѣ пять шатровыхъ куполовъ его, кубическое основаніе, почти плоскія абсиды, расчлененія стѣнъ, ихъ пилястрированіе, до такой степени мало связаны одно съ другимъ, такъ несоразмѣрены, что невольно сомнѣваешься въ томъ: исполненъ ли проектъ такъ, какъ онъ задуманъ? Красящая нагота кирпичей и зелень шатровыхъ куполовъ только увеличиваютъ невыгоду впечатлѣнія, и несуразная масса собора рѣшительно подавляетъ собою невысокія зданія лежащей вокругъ него ярмарки. Нѣкоторое исправленіе возможно, если оштукатурить и окрасить его.

Ярмарочный Главный Домъ, центръ обращенія тѣхъ милліардовъ, которые за все время существованія ярмарки перешли черезъ Нижній, служитъ во время ярмарки постояннымъ мѣстопребываніемъ губернатора, такъ какъ губернаторскій домъ находится отсюда въ шести верстахъ, въ Кремлѣ, за Окой. При томъ безустанномъ наплывѣ всякаго народа, при пестротѣ и количествѣ массъ его, которыя имѣютъ мѣсто, присутствіе представителя власти въ центрѣ самой ярмарки необходимо. Новый Главный Домъ очень красивъ и своеобразенъ. Старый однимъ фронтономъ съ колоннами выходилъ на площадь, другимъ

былъ обращенъ въ сторону бульвара и густо отѣненъ столѣтними осокорями, тянувшими вѣтви свои къ его окнамъ. Подъ самымъ домомъ въ галлереяхъ происходитъ торговля и будто выползаетъ отсюда по всѣмъ направленіямъ на цѣлыхъ шестнадцать квадратныхъ верстъ ярмарки, выползаетъ на волжскіе и окскіе пески, вплоть до непсчислимыхъ хлѣбныхъ, чайныхъ и рыбныхъ каравановъ, на нихъ пріютившихся. Но шестнадцать квадратныхъ верстъ—это еще не все пространство, занятое ярмаркою, потому что вплотную къ пескамъ подтянуты безсчетныя суда, непосредственно соединяемыя сходнями; за судами въ глубокой водѣ стоятъ пароходы, и все это—та же ярмарка, знаменитая ярмарка, когда-то Макарьевская, существовавшая у монастыря этого имени, но съ 1817 года перенесенная въ Нижній-Новгородъ. Въ 1885 году въ ярмарочномъ районѣ значилось 2.694 судна, и занятую ими поверхность надо прибавить къ этимъ шестнадцати квадратнымъ верстамъ.

Для посѣщенія Преображенскаго собора, путникамъ предстояло подняться отъ низменной ярмарки къ самой вершинѣ кремля. Внушительная декорація Нижняго высилась передъ ними во всей ея высотѣ и широтѣ. Отъ Главнаго Дома до собора, находящагося подлѣ дома начальника губерніи, около шести верстъ. Ѣхать приходится Нижнимъ-Базаромъ и подниматься Зеленскимъ спускомъ, глубоко врѣзаннымъ въ самое тѣло кремлевской горы. Съ грохотомъ колесъ экипажей пронеслись путешественники подъ воротами старинной стѣны и, выйдя изъ нихъ, очутились въ глубокой тишинѣ городского Преображенскаго каѳедральнаго собора: влѣво отъ входа виднѣлась подъ красивою сѣнью могила Минина.

Соборъ построенъ въ 1221 году, но много, много разъ перестраивался. Въ немъ имѣется церковь верхняя и церковь въ подвальномъ этажѣ. Въ верхней свѣтло поблескиваютъ шесть стройныхъ, облицованныхъ алебастромъ столбовъ; синими кассетами расписаны изгибающіяся надъ ними арки; по стѣнамъ—фресковыя изображенія; изнутри видны всѣ пять куполовъ, обильно снабженные окнами; въ главномъ корпусѣ окна въ два свѣта. Въ соборѣ почиваютъ многіе изъ великихъ князей и княгинь нижегородскихъ, цѣлый рядъ митрополитовъ и между ними Питиримъ, такъ много извѣстный въ судьбахъ поволжскаго раскола.

Гробница Минина поставлена по проекту архитектора Даля, строителя ярмарочнаго собора, и сдѣлана удачно. Великій гражданинъ Нижняго почиваетъ въ подвальной церкви, къ которой сходятъ внизъ по сторонамъ очень красивой шатровой сѣни, высящейся въ верхней церкви. Узорчатая размалевка внутреннихъ и внѣшнихъ частей мавзолея строга, выдержана и вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру сооруженія. Немного нужно было усилій воображенія, чтобы вспомнить то лихолѣтье, когда прозвучалъ голосъ человѣка, почивающаго теперь въ этой могилѣ, подъ сѣнью знаменъ ополченій 1812 и 1856 годовъ. Петръ I и многія державныя лица, посѣщавшія соборъ, поклонялись этому праху «Миновича», покоящагося здѣсь «избавителя Россіи». Полусвѣтъ подвальнаго этажа только способствуетъ ясности воспоминанія, и мѣсто это, безусловно, одно изъ святыхъ мѣстъ нашей Россіи.

Н. Новгородъ. Гробница Минина въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ.

Въ разведенномъ въ 1871 г. скверѣ на берегу горы помѣщенъ памятникъ Минину и Пожарскому, поставленный въ 1826 году; памятникъ представляетъ обелискъ на гранитномъ пьедесталѣ. Этотъ памятникъ поставленъ взамѣнъ того, который теперь находится въ Москвѣ, но раньше предназначался для Нижняго-Новгорода.

Н. Новгородъ. Церковь св. Георгія.

Въ сосѣдствѣ собора, въ кремлѣ, находится нижегородскій графа Аракчеева корпусъ, куда вслѣдъ затѣмъ и направились путники. Корпусъ этотъ былъ помѣщенъ по волѣ императора Николая I въ двадцати восьми верстахъ отъ Новгорода, въ четвертомъ округѣ военныхъ поселеній. На содержаніе корпуса, кромѣ суммъ, ассигнованныхъ изъ Государственнаго Казначейства, поступали: часть процентовъ съ $2^1/_2$ милл., пожертвованныхъ дворянствомъ двадцати семи губерній на устройство губернскихъ кадетскихъ корпу-

совъ, и проценты съ 300.000 руб., внесенныхъ графомъ Аракчеевымъ. Это былъ первый изъ губернскихъ корпусовъ. Чрезъ мѣсяцъ по открытіи корпуса графъ Аракчеевъ скончался; чрезъ двѣ недѣли послѣдовалъ указъ, чтобы до-

Н. Новгородъ. Дворецъ въ Кремлѣ.

ходы съ Грузинскаго имѣнія графа шли всегда на воспитаніе юношей этого корпуса. Корпусу переданы библіотека графа и многія изъ его вещей, хранящихся въ корпусѣ и понынѣ.

Н. Новгородъ. Видъ на верхнюю часть города съ Ильинскаго проѣзда.

Изъ числа вещей, оставшихся послѣ графа Аракчеева, слѣдуетъ упомянуть объ очень хорошемъ портретѣ его, во весь ростъ, писанномъ масляными красками, и о бронзовомъ бюстѣ; ни въ томъ, ни въ другомъ графъ не польщенъ; бюстъ, по плечи, безо всякаго одѣянія, и на шеѣ висптъ, отлитый съ нимъ заодно, медальонъ, съ изображеніемъ императора Александра I. Много воспоминаній вызывалось взглядомъ на стеклянный бокалъ и такую же рюмку, которыми чокнулись въ Тильзитѣ императоры Александръ I и Наполеонъ. Въ Нижній-Новгородъ кадетскій корпусъ графа Аракчеева переведенъ въ 1866 г.

Переѣздъ отъ корпуса къ Новодѣвичьему монастырю, составлявшему слѣдующій пунктъ посѣщенія, былъ довольно далекъ. Крестовоздвиженскій первоклассный общежительный дѣвичій монастырь лежитъ въ густой зелени старыхъ деревъ своихъ, за такими же старыми стѣнами. Онъ основанъ въ концѣ прошлаго столѣтія; церквей въ немъ три, и купола ихъ глядятъ вплотную одинъ подлѣ другого въ обильной листвѣ. Монахинь и послушницъ 174, на испытаніи находилось 55; должно быть, между ними много было мастерицъ рукодѣлій, потому что работы, разложенныя на одномъ изъ столовъ, свидѣтельствовали объ этомъ несомнѣнно. Средства монастыря достаточны; это—благотворители и вкладчики, родственники которыхъ погребаются или въ самомъ монастырѣ, или на монастырскомъ кладбищѣ. При монастырѣ—училище на десять дѣвочекъ.

Еще болѣе далекъ отсюда былъ обратный переѣздъ къ центру ярмарки—къ выставкѣ, главной причинѣ посѣщенія города. Кустарно-промышленная и сельско-хозяйственная выставка помѣщалась въ особомъ зданіи — павильонѣ, устроенномъ на ярмарочномъ обводномъ каналѣ, на сваяхъ. Она, находясь въ центрѣ ярмарки, нисколько не стѣснила ея и, такъ сказать, не занимаетъ мѣста. Конкурсъ предоставилъ постройку архитекторамъ Лемке и Григорьеву на коммерческомъ правѣ за 21.000 руб. Павильонъ, очень красивый, занималъ площадь въ 400 кв. саженъ. Весь расходъ по устройству простирался до 27.000 руб. и покрытъ губернскимъ земствомъ и городскими думами Нижегородской губерніи, а также доходами съ самой выставки.

Кустарное производство въ Россіи вообще настолько привилось народу, такъ развито, даетъ заработки огромной массѣ людей, проявляетъ удивительныя способности нашего простолюдина производить вещи поразительныхъ достоинствъ инструментами самыхъ первобытныхъ свойствъ, такъ что выдвинуть его впередъ, выдвинуть совершенно самостоятельно и оказать ему всевозможную помощь—крайне необходимо. На выставкахъ въ Москвѣ и, кажется, въ Петербургѣ имѣлись отдѣлы кустарнаго производства; здѣсь, въ Нижнемъ, впервые вошло оно даже въ названіе выставки. Должно надѣяться, что оно проявится, наконецъ, и вполнѣ самостоятельно. Починъ сдѣланъ Нижегородскою губерніею. Что если бы испытать всероссійскую выставку исключительно кустарную, безъ примѣси фабричнаго производства? Здѣсь, въ Нижнемъ, въ особенности вызывается надежда на это. То, что дала здѣсь одна губернія,—дала далеко не полно и не въ подобающемъ правдѣ количествѣ, узаконяетъ надежду о возможности будущей выставки, существующей, пока что, только въ мечтѣ,

но способной вызвать безсчетное множество самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Наше кустарное дѣло—дѣло народное; оно чрезвычайно велико, и почину Нижняго-Новгорода надобно желать всевозможнаго благополучія.

* * *

Осмотръ ярмарки. Мануфактурныя производства: Никольское—Саввы Морозова, Богородское Глуховское товарищество Викулы Морозова, товарищество Тверской мануфактуры и др. Чайная торговля Губкина-Кузнецова. Характеръ и нужды чайной торговли. Мѣховое дѣло Сорокоумовскаго и Козлова. Фарфоры и фаянсы Кузнецова. Стекло Нечаева-Мальцева. Склады Караванъ-Сарая. Поѣздка по Самокату. Народныя столовыя и кухни. Ночлежные дома. Сибирская пристань. Пески, желѣво и рыба.

Осмотръ Нижегородской ярмарки—задача не легкая. Волей-неволей приходится придерживаться только крупныхъ чертъ, только общихъ набросковъ; 25-го августа закроется ярмарка, спустится флагъ, сведутся концы съ концами. и тогда получатся опредѣленныя цифры. Цифры эти уже намѣчены довольно четко: какой бы ни былъ исходъ ярмарки, но она все-таки центральное, русско-европейско-азіятское всероссійское торжище; отъ него протоптаны историческія тропы до Тибета и Амура съ одной стороны, до Америки на западъ съ другой. Что бы ни сказали будущія цифры, сколько бы векселей ни было протестовано, но вѣрно то, что существуютъ уже рынки ситцеваго, льняного, фаянсоваго, чайнаго товара, отвоеванные нашимъ купечествомъ; есть предметы производствъ, не исключая кустарнаго, къ которому привѣшиваются иностранныя пломбы иностранцами и продаются намъ же за произведенія чужой земли. Какъ ни мелка стала Волга, какъ бы ни становились могучи пески въ ней, но наша народная торговля и производительная сила еще могущественнѣе, еще упорнѣе. Не такіе дурные годы переживали мы, и не изъ Нижняго ли пошли и Мининъ, и Пожарскій?

Въ два дня посѣщенія ярмарки путники объѣхали и обошли всѣхъ крупнѣйшихъ представителей производствъ и торговли. Начали съ одной изъ старѣйшихъ, почтеннѣйшихъ фирмъ, или, лучше сказать, съ трехъ самостоятельныхъ крупныхъ фирмъ, трехъ братьевъ Морозовыхъ, преемниковъ извѣстнаго Саввы Морозова, основавшаго мануфактурное производство въ 1797 году; этотъ Савва Морозовъ былъ когда-то помощникомъ ткача, съ жалованьемъ по пяти рублей въ годъ; началъ онъ съ того, что поставилъ семь станковъ; теперь ихъ многія тысячи, и десятки тысячъ людей живутъ ими, и глубоко въ Азію шествуетъ нашъ мануфактурный товаръ и одолѣваетъ англійскій.

Потомкамъ Саввы Морозова принадлежатъ въ настоящее время три громадныхъ производства: 1) «Никольская мануфактура Саввы Морозова Сынъ», Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, работаетъ и отдѣлываетъ въ годъ свыше милліона кусковъ товара, даетъ занятіе 18.125 рабочимъ и на жало-

Н. Новгородъ. Ивановскій съѣздъ и Ивановскія ворота.

ванье имъ расходуетъ 2.035.000 рублей; 35 паровыхъ котловъ въ 1.078 лошадиныхъ силъ двигаютъ механизмы; веретенъ около 128.000; самоткацкихъ станковъ свыше 1.950; въ вѣчномъ владѣніи товарищества 35.555 десятинъ земли, изъ нихъ 20.000 строевого и дровяного лѣса; кромѣ того имѣется 1.088 десятинъ торфяныхъ залежей; при фабрикахъ двѣ больницы на 210 кроватей, два училища съ 600 учениковъ, имѣются ремесленные курсы, дѣтскій пріютъ съ колыбельней и богадѣльня; отъ Орѣховской станціи московско-нижегородской желѣзной дороги на фабрику проведена своя вѣтвь; на фабрикѣ два артезіанскихъ колодца, дающіе воды въ день свыше 465.000 ведеръ. 2) «Компанія Богородско-Глуховской мануфактуры» въ Москвѣ; фабрика при сельцѣ Глуховѣ имѣетъ около 83.000 веретенъ и 1.700 механическихъ станковъ; рабочихъ около 10.000 человѣкъ; паровые двигатели въ 700 лошадиныхъ силъ; больница на 300 человѣкъ, училище съ 800 учащихся, пріютъ, убѣжище для сиротъ; годовой сбытъ около 10 милліоновъ рублей. 3) «Товарищество мануфактуръ Викула Морозова съ сыновьями» въ мѣстечкѣ Никольскомъ; 40.000 веретенъ, 1.260 механическихъ станковъ, работаетъ около 5.000 человѣкъ; годовой оборотъ около 5 милліоновъ рублей, больница на 60 кроватей, школа—на 250 человѣкъ. Изъ приведеннаго бѣглаго перечня видно, что одни потомки Саввы Морозова даютъ заработокъ свыше чѣмъ 33.000 рабочихъ. Всѣ эти неоглядныя полосы ситца, зефира, тика, демикотона, миткалей, бархатовъ, рипсовъ, пике, со всѣми ихъ безконечными подраздѣленіями, способныя опоясать землю, тянутся отъ названныхъ мануфактуръ далеко въ Сибирь, Персію, Бухару, Хиву, Китай, Мервъ, не забывая ни Россіи, ни Царства Польскаго, ни Финляндіи. Роскошь и достоинство отдѣлки безупречны, рисунки и колера безпрестанно совершенствуются.

Не менѣе внушительны производительныя силы другихъ мануфактуристовъ. Крупнѣе прочихъ является, начавшее свое дѣло въ 1859 году, «Товарищество Тверской мануфактуры»; оно имѣетъ около 74.000 прядильныхъ веретенъ и 2.185 ткацкихъ станковъ, рабочихъ 6.000 человѣкъ, школу на 1.200 человѣкъ, больницу на 100 коекъ, колыбельню, пріютъ, родильный пріютъ, богадѣльню; продажа товаровъ достигаетъ суммы 6.000.000 рублей. Изъ числа другихъ видныхъ дѣятелей этой отрасли нашей производительности въ дѣлѣ ситцевъ, бархатовъ, шелковъ, льняного товара посѣщены были: Третьяковъ и Коншинъ, Носовы, Лабзинъ, Осиповъ, Сапожниковъ, два Барановыхъ и др. Безконечными вереницами тянулись куски замѣчательнѣйшихъ матерій всѣхъ видовъ, цвѣтовъ, размѣровъ, достоинствъ, начиная отъ восьми-копеечныхъ ситцевъ до златотканыхъ парчей и матерій на бухарскіе халаты въ тридцать пять рублей аршинъ. И все это вытаскивалось изъ необозримыхъ грудъ, въ которыхъ и разобраться-то трудно. Хотя нѣкоторое спеціализированіе работъ и существуетъ (напримѣръ, обширныя мануфактуры, работающія только красные миткали), но въ общемъ многія производства идутъ рука-объ-руку, и, право, трудно сказать: кто и въ чемъ отстаетъ одинъ отъ другого.

Во главѣ нашей чайной торговли стоитъ домъ А. Губкина; наслѣдникъ его Кузнецовъ. Ящики и цибики громоздятся стѣнами, выползаютъ во внутрен-

Нижегородская ярмарка. Главный домъ.

ніе дворы, имѣютъ свои неизсякаемые источники подлѣ Сибирской пристани, гдѣ въ характерныхъ, рогожевыхъ павильончикахъ обрѣтаются приказчики, пробуются и раскупаются различные чаи. Стальной совокъ пробуравливаетъ цибикъ, щепоть чая кладется въ особый небольшой чайничекъ, держится въ кипяткѣ ровно пять минутъ—и стоимость цибика опредѣлена. Нижегородскіе склады находятся въ прямой, непосредственной связи съ русскими торговыми домами Токмакова, Молоткова, Пяткова, Молчанова, Родіонова и К°, крѣпко сидящими въ самомъ Китаѣ и не боящимися какой-либо конкуренціи. Все чайное дѣло, несмотря на разнообразіе сортовъ чая, дѣлится на два главные, такъ-сказать, органическіе отдѣла: байховые чаи, разсыпные, тѣ, что̀ распиваются нами, и кирпичные, плиточные чаи, дешевые, потребляемые инородцами и идущіе въ простой народъ—что ни годъ, то больше. На два отдѣла дѣлится оно и по характеру ввоза: чай, идущій сухимъ путемъ, чрезъ Кяхту, и привозимый моремъ черезъ западную границу; тутъ, по вопросу о доставкѣ, чернымъ призракомъ поднимается, по словамъ торговыхъ людей, необходимость пересмотра и установленія большей соразмѣрности въ пошлинахъ того и другого пути. Настоятельность пересмотра изображается въ цифрахъ: въ 1865 году нашъ отпускъ мануфактурныхъ товаровъ въ Китай по оптовой мѣновой въ Кяхтѣ торговлѣ достигалъ почтенной суммы: 4.775,000 руб.; въ 1884 году онъ понизился до 1.552.000 руб. Горячее пожеланіе купечества состояло въ описываемое время въ томъ, чтобы сдѣлана была разница въ пошлинахъ за чай, покупаемый нами у китайцевъ на деньги и вымѣниваемый отъ нихъ. Не сдѣлать этого значитъ понизить все наше мануфактурное производство, находящееся въ тѣснѣйшей связи съ чайнымъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, Правительствомъ уже приняты надлежащія мѣры. На ярмарку 1885 года было привезено кяхтинскаго ханькоускаго чаю 65.000 ящиковъ отъ 123 до 160 руб., кирпичнаго мелкаго 30.000 ящиковъ отъ 77 до 80 рублей и кирпичнаго зеленаго 23.000 ящиковъ отъ 65 до 67 рублей. Около 100.000 ящиковъ пришло чрезъ Сибирь, остальные изъ Одессы и Лондона.

Большой интересъ представляло также посѣщеніе фирмъ: Сорокоумовскаго, основанной въ 1793 году, и Козлова, торгующихъ мѣхами. Какъ въ мануфактурныхъ складахъ вытягивались безконечные аршины кусковъ, такъ громоздились здѣсь различные мѣха, поочередно закрывая другъ-друга. Къ концу осмотровъ лежали цѣлые курганы мѣховъ. Дешевыя шкуры оленей, лосей, бѣлыхъ волковъ, свѣтлыхъ лисицъ, шкуры изъ лапокъ и головокъ накрывались цѣннѣйшими соболями, черными лисицами, песцами, бобрами; связочка очень небольшая, изъ десяти штукъ соболей, стоитъ 2.000 рублей, ротонда изъ совершенно черной лисицы—3.000 руб. И все это грудами, курганами. Цѣлыя мозаики мѣховъ завѣшивали стѣны, покрывали полы и столы помѣщеній; куницы, норки, горностаи, выхухоли, медвѣди, еноты, илькн пестрѣли въ глазахъ, перебивая другъ дружкѣ дорогу, удовлетворяя всѣмъ вкусамъ, всѣмъ требованіямъ. Тепла въ этихъ мѣхахъ можетъ хватить на всевозможныя полярныя зимы. Всѣ сырые пушные товары, идущіе съ Амура и изъ областей Якутской и Забайкальской, доставляются въ Москву, главнымъ

Н. Новгородъ. Софроновскій сквер. на Нижнемъ Базарѣ и видъ р. Оки.

образомъ почтою, и поступаютъ въ московскую таможню, которая, какъ объясняютъ купцы, не признавая яко-бы этотъ товаръ за русскій, взимала съ него за свой родной продуктъ отъ пятнадцати до тридцати рублей золотомъ съ пуда.

Фарфоры и фаянсы Кузнецова наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что и эта отрасль нашей промышленности дѣлаетъ успѣхи. Всякихъ чашекъ, начиная отъ характерныхъ персидскихъ и бухарскихъ, шествующихъ глубоко въ Азію, здѣсь имѣлось какъ разъ столько, чтобы распивать безсчетные цибики всякихъ чаевъ. Фирма Кузнецова существуетъ съ 1832 года и имѣетъ четыре фабрики въ губерніяхъ: Владимірской, Тверской и Харьковской и въ городѣ Ригѣ. На нихъ 4.000 рабочихъ, при каждой школа на сто человѣкъ и больница на двадцать коекъ; фарфоровую глину добываютъ на собственномъ заводѣ въ Елисаветградскомъ уѣздѣ. Годовой оборотъ около 3.000.000 рублей; 80% производства идетъ въ Россію, а 20%—въ Персію и Среднюю Азію. Особенно утѣшительно то, что фирма Кузнецова нашла себѣ путь въ Прибалтійскій край, прочно утвердилась въ Ригѣ, гдѣ имѣетъ свои центральные склады. Она отвоевала себѣ и дальнѣйшую дорогу, потому что изоляторы телеграфныхъ проводовъ для Голландіи были изготовлены ею и фигурируютъ въ мануфактурныхъ центрахъ самой промышленной страны Европы. Это хорошій признакъ, добрый починъ. Стеклянное дѣло Нечаева-Мальцева—тоже одно изъ громкихъ дѣлъ—не только оттѣсняетъ, но уже оттѣснило заграничные товары; тяжелые свинцовые хрусталя фирмы могутъ выдержать всякое сравненіе. Особенно ходокъ какъ у нея, такъ и у Кузнецова, такъ называемый дешевый товаръ; онъ находитъ сбытъ самый широкій, самый полезный и вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ того огромнаго рынка, который имѣетъ передъ собою.

Для подробнаго обозрѣнія, избраны были, конечно, только самыя характерныя, самыя разнообразныя торговли и производства. Многія изъ нихъ имѣли своихъ представителей на Антверпенской всемірной выставкѣ, привлекавшей десятки тысячъ народа и вызвавшей со стороны европейскихъ цѣнителей тотъ отзывъ, что «мануфактурная часть русскаго отдѣла—самая богатая и разнообразная и составляетъ славу Россіи». Кромѣ перечисленныхъ фирмъ, посѣщены были: складъ зеркалъ Смольянниновыхъ, торговля скупнымъ товаромъ Титова, существующая болѣе ста лѣтъ; Кудринъ, товарищество на паяхъ, служащее обмѣну всякихъ товаровъ съ Центральною Азіей; дома Хлѣбникова, Корниловыхъ, Немирова-Колодкина, занимающіеся ювелирнымъ и серебрянымъ производствомъ; бухарецъ Солейбай-Алемжанъ съ его туркестанскими коврами, «каракулями»—овчинками, шелковыми и полушелковыми халатами и особымъ, специфическимъ запахомъ помѣщенія; обойдены были нѣкоторые изъ складовъ Каравань-Сарая, съ тѣмъ же запахомъ, тѣми же товарами, и осмотрѣнъ внутренній дворъ его, съ фонтаномъ для омовеній посрединѣ. Глубоко грязны были нѣкоторые переходы, но жизни, движенія, кликовъ, флаговъ было еще больше.

Путники проѣхали по Самокату. Это, такъ-сказать, подвальный, самый населенный, этажъ чудовищной ярмарки. Самокатъ расположенъ на самой окраинѣ, за татарскою мечетью, за соединительнымъ каналомъ, близъ Мещерскаго озера,

Н. Новгородъ. Общій видъ ярмарочной стороны и мостъ изъ города на ярмарку.

того озера, изъ котораго запрещено брать воду не только для питья, но даже и для прачечныхъ. Тутъ вѣчные балаганы, вѣчные трактиры, тутъ ночной разгулъ и надзоръ полиціи. Прежде—такъ сообщаютъ—мало проходило ночей безъ убійствъ; за послѣдніе годы ихъ нѣтъ вовсе, что̀ должно приписать отчасти уменьшенію разгула и, конечно, умѣлой концентраціи этого разгула. Объѣздъ Самоката былъ очень живописенъ, несмотря на непролазную грязь и то и дѣло возобновлявшійся дождикъ. Русская архитектура любитъ балкончикъ; балкончиками всѣхъ длинъ, высотъ и ширины обведены, обвѣшены деревянные дома, трактиры и другія заведенія Самоката. Этюды для художника кишмя кишѣли отовсюду; по непролазной грязи, спѣша, быстро пробирались впередъ женщины и мужчины, русскіе, татары, бухарцы, люди пестрые, темные, заплатанные, которыхъ нельзя было отнести къ какой-либо національности. Пестротѣ картины много способствовали рисунки и фигуры, красовавшіеся на лицевыхъ сторонахъ балагановъ, всѣ эти драконы, полулюди, сирены, волшебники.

Путешественники посѣтили народную кухню, чайную и народную столовую, безспорно полезнѣйшія учрежденія. Этихъ заведеній нѣсколько. Въ кухнѣ, заплативъ 3 коп., вы можете готовить свое кушанье; за 8 коп. получаете вы 2 блюда; за 5 коп.—щепотку чая и сахаръ. Здѣсь же кормится масса всякихъ сидѣльцевъ, рабочихъ, крючниковъ, возчиковъ, за которыхъ уплачиваютъ хозяева отъ десяти до двадцати рублей и болѣе, за все время ярмарки. Эти заведенія—маленькіе бараки. Ночлежный домъ на Самокатѣ (другіе существуютъ въ самомъ городѣ) построенъ въ 1881 году, стоилъ 40.000 руб. и можетъ пріютить 528 человѣкъ ночлежниковъ; это огромное желѣзное полуцилиндрическое зданіе; нары въ немъ тоже желѣзныя, въ два яруса.

На Сибирской пристани была произведена пожарная тревога. Благоустройство этой части болѣе чѣмъ важно, и надо отдать справедливость разумности этого устройства. Существующія пожарныя части съ каланчами и выѣздными бочками, и бочки, стоящія въ разныхъ мѣстахъ, ничто въ сравненіи съ паровыми трубами. Благодаря пожарнымъ пароходамъ, находящимся постоянно подъ парами, и длинѣ пожарныхъ шланговъ, можно въ полномъ смыслѣ слова залить ярмарку въ данномъ мѣстѣ; струи воды изъ двухъ и болѣе шланговъ могутъ быть сведены къ центру ярмарки, на крышу театра. Случаевъ пожара бывало много, но они немедленно прекращались въ зародышѣ. Сибирская пристань служитъ, между прочимъ, складомъ чаевъ и хлопка.

На паровомъ катерѣ проѣхали путники по Окѣ, на Пески, къ складамъ желѣза и рыбы. Надо было маневрировать съ великою ловкостью, чтобы пройти между всѣхъ этихъ баржъ, барокъ, полубарокъ, косовыхъ и даже древнихъ коноводокъ, чтобы добраться до Песковъ, чтобы не задѣть за причалы и не коснуться громадныхъ неуклюжихъ рулей, скрывающихъ свои широкія боковыя поверхности подъ водой. Всего привезено было въ 1885 году на ярмарку около 8.215,500 пудовъ желѣза. Желѣзные ряды тянутся въ безконечность. Вы шествуете вдоль цѣлыхъ формацій металла, вытянутыхъ изъ нѣдръ Уральскихъ горъ и положенныхъ на мягкую песчаную поверхность. Желѣзо сортовое, ли-

стовое, литье чугунное, чугунъ, сталь томленая, желѣзная проволока, гвоздь, все это чередуется передъ глазами, правильно разложенное и установленное. Имена самыхъ крупныхъ производителей, извѣстныхъ по всей Россіи: Демидовъ, Стенбокъ-Ферморъ, Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, Яковлевъ, Балашевъ, Сергинско-Уфалейцы и др. чередуются съ именами торговыхъ фирмъ Журавлева, Рукавишникова, Пастухова и т. д., значащихся на черныхъ дощечкахъ бѣлою прописью. Это трауръ, если хотите, и онъ справедливъ, какъ выраженіе состоянія нашего желѣзнаго рынка. Какъ, почему и чѣмъ помочь — вопросы существенные.

* * *

Лучшіе виды Нижняго. Посѣщеніе различныхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Реальное училище. Маріинская женская гимназія. Александровскій дѣтскій пріютъ. Маріинскій институтъ. Маріинское родовспомогательное заведеніе. Второй дѣтскій пріютъ. Дворянскій институтъ императора Александра II. Цифровыя данныя о ярмаркѣ. Вопросъ о торговлѣ съ Китаемъ. Закрытіе ярмарки. Борьба съ обмелѣніемъ.

Очень характерною чертою жизни Нижняго-Новгорода является обнищаніе самаго города, лежащаго на высотахъ, на все время ярмарки, расположенной глубоко внизу за Окою. Видъ на ярмарку съ высоты удивительный. Лучшими видами надобно признать, безъ сомнѣнія, два: видъ изъ двухъ угловыхъ оконъ третьяго этажа губернаторскаго дома и видъ изъ сада, окружающаго домъ, принадлежавшій когда-то бывшему генералъ-губернатору Огареву, расположеннаго на самомъ краю Нижняго, вверхъ по Окѣ.

Красиваго вида сдѣлать нельзя: онъ родится съ тою или другою мѣстностью и присущъ ей, какъ ея геологическій характеръ. Наслажденіе видомъ, какъ чувство вполнѣ самостоятельное, насколько подсказываетъ исторія, родилось въ человѣчествѣ сравнительно довольно поздно; оно сказалось ясно только съ того времени, когда, въ началѣ Возрожденія, въ Италіи, пѣвецъ Лауры, мечтательный Петрарка, сталъ восходить съ этою цѣлью на горы. Въ исторіи искусства пейзажная живопись, имѣющая тотъ же источникъ, родилась гораздо позднѣе прочихъ, за Возрожденіемъ.

Тѣ два вида, о которыхъ упомянуто, относятся, безспорно, къ самымъ блестящимъ, самымъ роскошнымъ въ Россіи. Предпочтеніе слѣдуетъ отдать виду изъ губернаторскаго дома; хотя оба они очень похожи одинъ на другой, но послѣдній имѣетъ то преимущество, что въ немъ участвуютъ два элемента, отсутствующіе въ Огаревскомъ: башни и стѣны кремля, находящіяся на первомъ планѣ, и близость Волги съ пристанями пароходныхъ обществъ и безконечностью панорамы низовой стороны ея. Общее обоимъ видамъ: ярмарка, раздѣленная на прямоугольники съ нумерованными линіями, занимающая почти прямой уголъ сліянія Волги и Оки; безконечное побережье Сибирской пристани,

Н. Новгородъ, Видъ со стрѣлки на ярмарку во время весенняго разлива.

тянущейся вдоль Волги и Песковъ, расположенныхъ по Окѣ, загруженныхъ товарами, тюками всѣхъ сортовъ и величинъ, бочками, разсыпанными безъ числа, между которыми снуютъ тысячи людей, ломовики и городскіе экипажи, кажущіеся съ высоты такими маленькими; общее обнимъ видамъ на этотъ людской муравейникъ—вереницы судовъ, маковки множества церквей и, наконецъ, эта необозримая даль лѣсовъ, луговъ и полей, по которой поблескиваютъ мѣстами гдѣ Волга, гдѣ Ока, а гдѣ и небольшое озеро, даль, не имѣющая границы, на тающихъ голубыхъ тѣняхъ которой въ хорошую погоду вырисовывается отстоящая отсюда за тридцать верстъ Балахна.

Изъ мѣстныхъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній наиболѣе любопытны слѣдующія.

Нижегородское реальное училище—открыто въ 1877 году съ двумя классами, теперь ихъ семь; всего окончило курсъ въ VI и VII классахъ 56 учениковъ, изъ которыхъ 24 поступили въ высшія спеціальныя учебныя заведенія. Къ 20-му августа въ немъ состояло 182 ученика; на содержаніе училища въ 1884 году издержано 25.300 рублей; участвуютъ въ содержаніи: Государственное Казначейство, губернское земство и городское общество въ равной части, и кромѣ того городское общество отпускаетъ по 2.000 руб. на содержаніе училищнаго дома. При училищѣ библіотека съ 6.000 томовъ, естественно-историческій кабинетъ и химическій классъ, состоящіе изъ 1.500 предметовъ и приборовъ; въ физическомъ кабинетѣ 381 приборъ. Изъ числа стипендій десять—имени Александра I и двѣ—Александра II. Новое зданіе построено роскошно, просторно, удобно.

Маріинская женская гимназія открыта въ 1859 году; на содержаніе ея расходуется около 22.000 руб.; участвуютъ въ этомъ: Государственное Казначейство, губернское и уѣздное земства и городское общество; самая крупная часть сборовъ, 8.500 руб., составляется изъ платы за ученіе. Число учениць 412. Въ попечительномъ совѣтѣ находятся представители учрежденій, участвующихъ во взносахъ на содержаніе гимназіи.

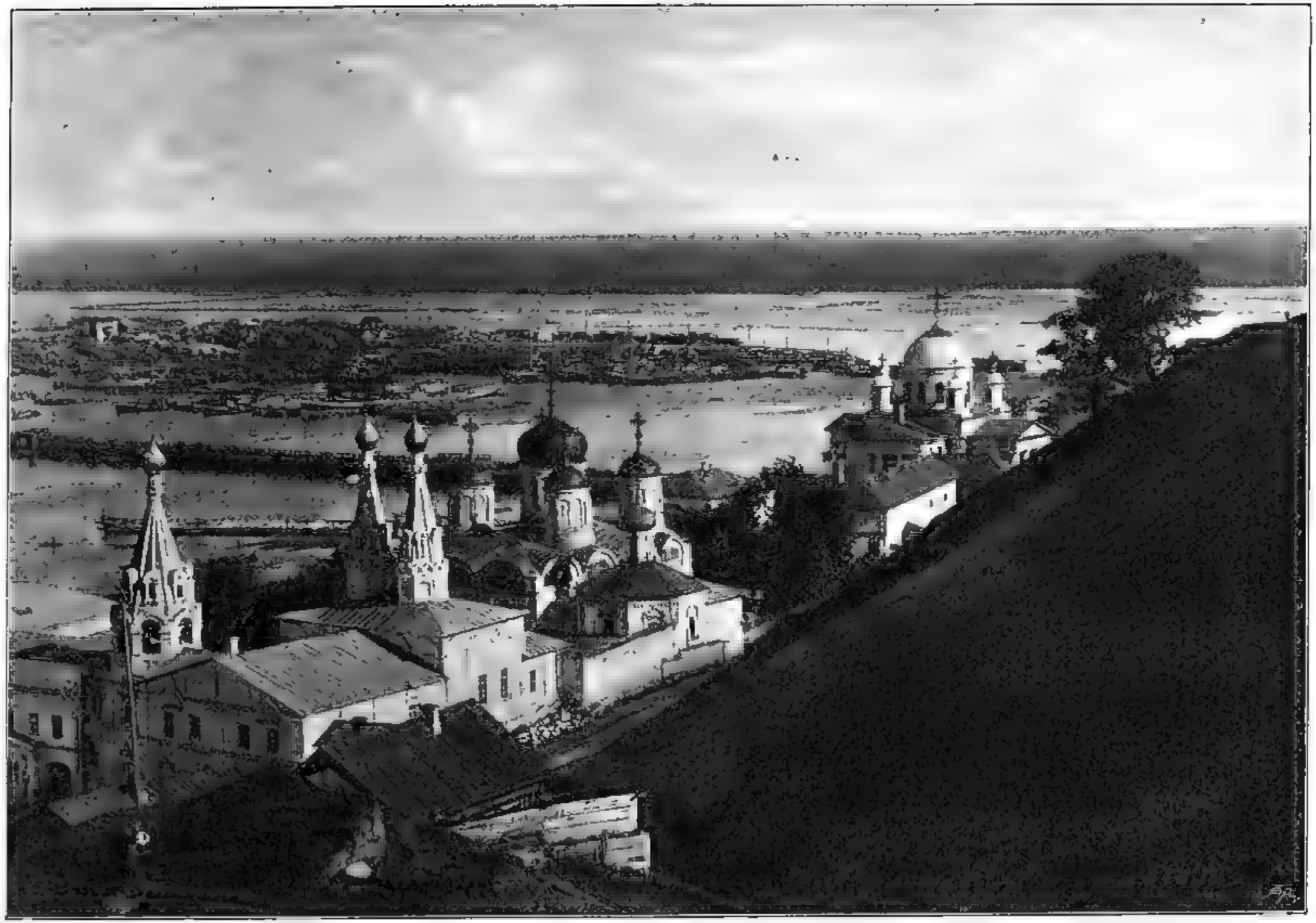
Нижегородскій Александровскій дѣтскій пріютъ существуетъ съ 1845 года, помѣщается въ собственномъ домѣ и содержится на проценты съ пріютскаго капитала 100.000 руб., доходы съ Главнаго Ярмарочнаго Дома, членскіе взносы, взносы городской управы и единовременныя пожертвованія. «Александровскимъ» называется онъ съ 1885 года, со дня исполнившагося сорокалѣтія его существованія. Мальчиковъ, живущихъ въ пріютѣ, 40; приходящихъ 35; первые обходятся пріюту по 90 руб., вторые по 30. По достиженіи 12 лѣтъ, дѣти по выдержаніи экзамена, переводятся въ состоящее при пріютѣ «ремесленное училище», существующее съ 1878 года. Оно содержится на тѣ же средства, что̀ и пріютъ; въ немъ 30 мальчиковъ, обучающихся мастерствамъ: портняжному, сапожному и переплетному; содержаніе каждаго изъ воспитанниковъ обходится пріюту до 100 руб.; курсъ пятилѣтній; годовой заработокъ въ ремесленномъ училищѣ по всѣмъ тремъ мастерскимъ—4.200 руб., поступающихъ въ общую сумму его расходовъ.

Нижегородскій Маріинскій институтъ благородныхъ дѣвицъ основанъ дво-

рянствомъ въ 1852 году, въ ознаменованіе дня бракосочетанія императора Александра II. Въ 1858 году помѣщенъ институтъ въ то зданіе, въ которомъ находится и которое построено опять-таки на средства нижегородскаго дворянства. Въ 1875 году онъ преобразованъ изъ закрытаго трехкласснаго въ семиклассный, съ допущеніемъ полупансіонерокъ и приходящихъ. Въ немъ

Н. Новгородъ. Китайскіе ряды на ярмаркѣ во время наводненія.

260 дѣвицъ. Проценты съ капиталовъ и сборы съ учащихся даютъ институту до 53.000 руб. въ годъ; недостающія на содержаніе его 6—9 тысячъ рублей приплачиваетъ управленіе учрежденій Императрицы Маріи. Съ открытія института окончили курсъ 304 дѣвицы, изъ нихъ съ шифрами 26. Моложе десятилѣтнихъ въ институтѣ нѣтъ.



Н. Новгородъ. Благовѣщенскій монастырь.

Посѣщенное вслѣдъ затѣмъ Маріинское родовспомогательное заведеніе съ сиропитательнымъ отдѣленіемъ открыто въ 1869 году въ память посѣщенія наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и цесаревной Маріей Ѳедоровной. Зданіе, въ которомъ оно помѣщается, сооружено городомъ и освящено въ 1882 году. Сиропитательное заведеніе открыто въ 1878 году. Въ 1884 году въ заведеніяхъ было: въ родовспомогательномъ 181 роженица, въ сиропитательномъ 31 питомецъ. Содержится заведеніе на городскія средства; кроватей въ заведеніи 25, изъ нихъ только три для платящихъ. Пріютъ назначенъ для родившихся и осиротѣвшихъ въ родовспомогательномъ заведеніи младенцевъ; въ немъ содержатъ ихъ до десятилѣтняго возраста, а затѣмъ опредѣляютъ въ учебныя заведенія. Стоимость содержанія заведенія и пріюта около 8.000 рублей въ годъ. Тутъ же находится Александровская безплатная лѣчебница для приходящихъ, учрежденная въ память 25-лѣтія царствованія императора Александра II. Число больныхъ ежедневно отъ 30 до 50; лѣкарства безплатны.

Нижегородскій второй дѣтскій пріютъ, съ Высочайшаго соизволенія, называется «Маріинскимъ»,—именемъ посѣтившей его въ 1885 году Великой Княгини Маріи Павловны. Онъ существуетъ съ 1852 года, помѣщенъ въ зданіяхъ, ему принадлежащихъ, и содержится на проценты съ пріютскаго капитала 100.000 руб., доходы съ Главнаго Ярмарочнаго Дома, членскіе взносы, средства, отпускаемыя городскою управой, и единовременныя пожертвованія. Дѣвочекъ въ пріютѣ 155; приходящія платятъ по 30 руб., живущія въ немъ, 105 дѣвочекъ,—по 90 руб. При пріютѣ существуетъ мастерская для обученія рукодѣліямъ.

Послѣднимъ былъ посѣщенъ Нижегородскій дворянскій институтъ императора Александра II, основанный въ 1884 году, въ память пріѣзда въ 1837 году въ Нижній наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи императора Александра II. Институтъ имѣетъ широкою цѣлью доставить воспитывающемуся въ немъ юношеству всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія, кромѣ не-христіанъ, общее образованіе и служитъ приготовительнымъ заведеніемъ для поступленія въ университеты и другія высшія заведенія. Институтъ этотъ классическій, восьмиклассный, при немъ существуетъ пансіонъ. Онъ содержится на счетъ суммъ нижегородскаго дворянскаго банка, до 43.000 руб. ежегодно, изъ процентовъ съ небольшихъ капиталовъ и платы съ пансіонеровъ. Воспитанниковъ въ немъ 250 человѣкъ.

Ярмарка 1885 года принадлежитъ къ числу посредственныхъ. Вотъ нѣкоторыя любопытныя цифры, ея касающіяся. Съ начала навигаціи по 21-е августа грузилось и отправилось:

Пароходовъ	1.037
Баржъ	438
Прочихъ судовъ	935
	2.410

Н. Новгородъ. Видъ ярмарки и р. Оки съ Александро-Невской улицы.

Пришло и разгрузилось:

Пароходовъ	807
Барж	783
Прочихъ судовъ	1.695
	2.285

Объявленная стоимость товаровъ достигала 30.953.000 руб.; въ 1884 году—30.729.000 руб.; такъ замѣчательно близки обѣ приведенныя цифры!

Полицейскихъ чиновъ на ярмаркѣ было 394; изъ нихъ петербургскихъ и московскихъ по 73 человѣка. Тутъ же находился батальонъ новоингерманландскаго полка и сотня казаковъ. Этими силами поддерживался вполнѣ удовлетворительный порядокъ.

Въ Нижнемъ особенно рѣзко бросается въ глаза великая, можно сказать всероссійская, нужда, огромныя отмели Волги, лежащія тяжелыми, хотя и розовыми пластами по всей ширинѣ и длинѣ рѣки. Кому случалось видѣть нашу великую рѣку прежде, тотъ не могъ не сознаться, что такого обмелѣнія, такой «тигристости» не бывало никогда. Вода 21-го августа 1884 года была на три вершка ниже уровня 21-го августа 1882 года, а этого совсѣмъ достаточно, чтобы характеризовать положеніе дѣла. Пески продвинулись на такихъ мѣстахъ, по которымъ искони вѣковъ бѣжала вода, и съ вышины кремля виднѣлись они всюду, во всю безконечную даль. Капитальныхъ работъ для улучшенія Волги не производится; для расчистки фарватера имѣются только временно полезныя приспособленія: подвижныя плотины Янковскаго, землечерпательныя машины, Базеновскіе аппараты и грабли Быкова. Необходимо регулировать матушку Волгу, прекратить возможность размыванія береговъ и ихъ обвалы устройствомъ въ необходимыхъ мѣстахъ дамбъ. Очень сочувственно отнеслось наше купечество къ мѣрѣ, разрѣшенной министерствомъ путей сообщенія, чтобы дамбы строились изъ старыхъ, затопленныхъ судовъ; эта временная мѣра не пропадетъ безслѣдно и въ томъ случаѣ, если рѣшено будетъ перейти къ системѣ капитальныхъ улучшеній. До того слѣдуетъ во всякомъ случаѣ—и надо прибавить, что этому вполнѣ сочувствуетъ крупное купечество—сдѣлать надзоръ за плаваніемъ болѣе внушительнымъ. Неправильно веденное, остановившееся поперекъ фарватера, судно тотчасъ же обусловливаетъ заносъ; обычный порядокъ обращенія къ мировому судьѣ, когда навигація кипитъ и по рѣкѣ двигаются милліоны, едва ли удовлетворителенъ; цѣлесообразнѣе было бы административное наложеніе штрафовъ. Стоитъ взять въ руки списокъ перекатовъ Волги, составленный въ вѣдомствѣ путей сообщенія, чтобы ужаснуться ихъ количеству; чудесными розовыми иллюстраціями къ нему являются тѣ пески, которые проступили массами въ описываемомъ году и могутъ проступить еще въ большемъ количествѣ въ будущемъ.

Другая существенная нужда, представляющаяся именно здѣсь,—это жгучій вопросъ о китайскихъ и среднеазіатскихъ рынкахъ. Фабрики у насъ есть; онѣ работаютъ удивительно, онѣ огромны; имъ необходимо не только обезпеченіе, но и регулированіе сбыта. При этомъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ упу-

скать изъ виду той глубокой связи, которая существуетъ между всѣми отраслями торговли. Напримѣръ, связь между чайною и мануфактурною торговлей въ Кяхтѣ такъ сильна, что какое-либо распоряженіе, касающееся одной изъ нихъ, неминуемо касается другой, не говоря уже о мѣстномъ населеніи, живущемъ на длинныхъ путяхъ этой торговли. Возчики до Кяхты заработываютъ ежегодно до двухъ милліоновъ рублей; они везутъ въ Россію чай, изъ Россіи—мануфактурные товары. Путь отъ Кяхты на Иркутскъ, Томскъ, Тюмень, Екатеринбургъ, Пермь считаетъ въ числѣ заинтересованныхъ не только возчиковъ, но также многія пароходныя и желѣзнодорожныя общества, и все то, что̀ съ ними такъ или иначе связано.

До сихъ поръ, насколько помнится, устройство каравановъ принимали на себя исключительно торговые люди; тутъ, конечно, не могло быть единства, и правительственное воспособленіе сказывалось только въ общихъ чертахъ. Регулированіе этого важнаго дѣла, упорядоченіе кровообращенія между рынкомъ и производителемъ со всего азіатскаго Востока на весь русскій Западъ—потому что относительно Азіи Россія — западъ — подлежало бы давно не только обсужденію, но и приведенію въ исполненіе. Въ настоящее время, какъ извѣстно, вопросъ этотъ нашелъ себѣ разрѣшеніе въ великой сибирской желѣзной дорогѣ.

Послѣдній день пребыванія путниковъ въ Нижнемъ, 25-го августа, совпалъ съ днемъ закрытія ярмарки. Погода хмурилась, но не разражалась дождемъ, и десятки тысячъ людей съ непокрытыми головами, осѣнявшіеся крестнымъ знаменіемъ, въ великомъ порядкѣ и съ подобавшимъ благочестіемъ, стояли шпалерами или шли за длинною вереницею образовъ и хоругвей, собранныхъ отъ многихъ церквей нижегородскихъ. Когда спущенъ былъ флагъ, ровно въ полдень, путники покинули Нижній, направляясь къ городу Владиміру.

Владиміръ.

Историческое о городѣ и храмахъ. Посѣщеніе собора. Хозяйничанье съ древностью въ прошломъ вѣкѣ. Фрески. Реставраціи послѣднихъ лѣтъ. Неожиданныя открытія. Могильныя плиты. «Комары». Усыпальницы великихъ князей и святителей. Огненная жертва 1237 года. Великая княгиня Агаѳія и ея семья. Епископъ Митрофанъ. Келарь священникъ Патрикій. Торжество 3-го ноября 1884 года. Легенды. Общее впечатлѣніе.

Нѣльзѣ, чѣмъ гдѣ въ Россіи, кромѣ одного только Кіева, путешествующій окружается цѣлымъ міромъ внушительнѣйшихъ воспоминаній, не только преданіями и легендами, а правдой бытописанія, именно во Владимірѣ. Относительно него даже Москва—и та юница. Семьсотъ двадцать семь лѣтъ тому назадъ, въ 1158 году, повѣствуетъ лѣтописецъ, св. благовѣрный князь Андрей Боголюбскій, сынъ Юрія Долгорукаго, поставилъ соборный храмъ Успенія. Такъ высится онъ и понынѣ, съ тою только разницей, что, 27 лѣтъ спустя послѣ его построенія, вслѣдствіе пожара, Всеволодъ Георгіевичъ, тогда уже не князь, а великій князь, распространилъ храмъ, раздвинулъ его стѣны, устроивъ въ прежнихъ арки для выхода въ пристройки, такъ что Андреево построеніе находится, такъ сказать, въ одѣяніи построенія Всеволодова; онъ же прибавилъ къ одному луковицеобразному золоченому куполу еще четыре незолоченые, и такъ и красуются они понынѣ въ своей исторической нестротѣ. Много ли во всей Европѣ однолѣтковъ Владимірскаго собора, много ли сохранившихся цѣлостно настолько, какъ онъ? Кромѣ того, тутъ почиваютъ цѣлые ряды мучениковъ великокняжескихъ и духовныхъ; затѣмъ, здѣсь совершилась великая драма гибели великой княгини Агаѳіи, одна изъ богатѣйшихъ картинъ нашей исторіи, никогда и нигдѣ, если не ошибаемся, не воспроизведенная нашими художниками.

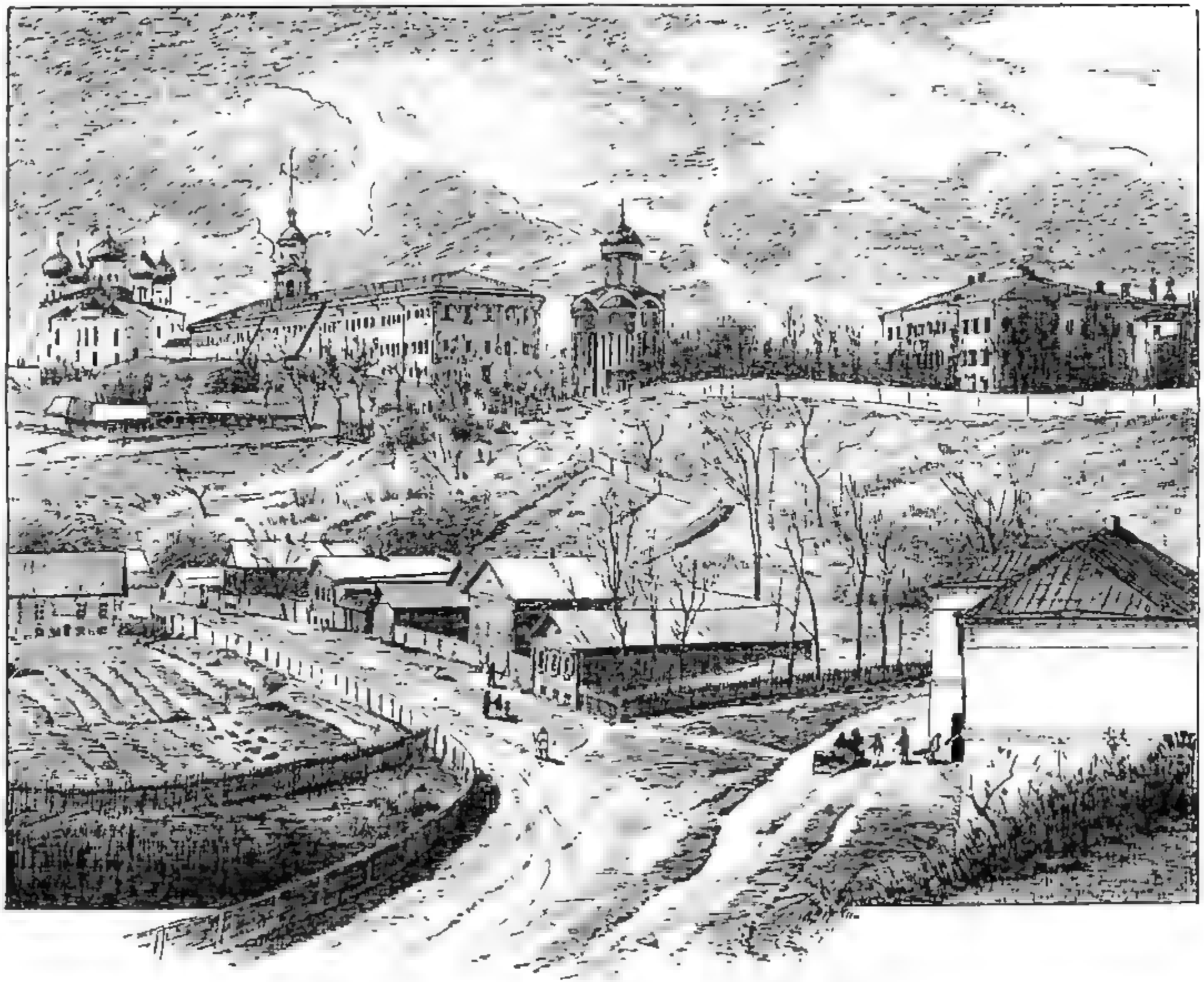
26-го августа, въ памятный день Бородинской кровавой битвы, утромъ, поѣздъ остановился у Владимірскаго вокзала, отъ котораго видъ на высокій кремль, на его стѣны и церкви очень красивъ. Погода была не особенно хороша; въ городъ, по довольно крутому подъему, путники проѣхали прямо въ соборъ, и, приложившись ко кресту, направились поклониться мощамъ великихъ князей Андрея, Георгія и Глѣба, почивающихъ въ богатыхъ ракахъ.

Массивныя крыши ихъ были подняты, и очертанія почивающихъ святыхъ видѣлись совершенно ясно. Преосвященный приподнялъ лежащую на груди Глѣба Андреевича руку. Когда, много лѣтъ назадъ, императоръ Павелъ посѣтилъ соборъ, съ великими князьями Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ, то приподнималъ эту руку и, подозвавъ великихъ князей, сказалъ имъ: «Поглядите, рукн князя какъ живаго». При посѣщеніи собора императоромъ Николаемъ было сдѣлано то же самое. Вслѣдъ за поклоненіемъ мощамъ послѣдовалъ продолжительный, внимательный, полный высокаго интереса обходъ собора.

Впечатлѣніе, производимое соборомъ, удивительно цѣльно и величественно. Цѣльность была бы полною, если бы не высокій, чуть ли не шести-ярусный рѣзной, золоченый иконостасъ въ итальянскомъ вкусѣ, съ италіанизованными образами. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, послѣ посѣщенія собора Екатериною II, и на средства, ею данныя, два епископа, Павелъ и Іеронимъ, отступили отъ прямого смысла рескрипта императрицы, «рекомендовавшей» древность сего зданія сохранить и поддержать наилучшимъ образомъ. Все, что было сдѣлано ими, сдѣлано въ стилѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ нашимъ, русскимъ; таковъ именно иконостасъ. Но было нѣчто и хуже этого: многіе оклады и вѣнцы съ древнихъ образовъ и многіе предметы ризницы пошли на сплавъ, и получено $5^1/_2$ пудовъ серебра, изъ котораго сдѣланы лампады и потиръ. Какова должна была быть художественно-историческая цѣнность погибшихъ вещей! Того же глубоко-прискорбнаго пріема, практикуемаго, къ позору нашему, и теперь во многихъ мѣстахъ Россіи, придержались и въ 1810 году, когда снесли поврежденную молніей въ 1806 году древнюю колокольню и построили новую, имѣющую претензію на готическіе мотивы. Все это звучитъ глубокою фальшью, и если бы не значеніе и объемистость всей дѣйствительной древности собора, въ которой эти художественныя неурядицы какъ бы тонутъ, то мы утратили бы безвозвратно одинъ изъ роскошнѣйшихъ памятниковъ до-московской Россіи.

Всѣ пять куполовъ и многія окна въ стѣнахъ обильно заливаютъ соборъ свѣтомъ. Древняя живопись тоже очень свѣтла по своему тону. Если вспомнить малое количество свѣта, отличающее московскіе и кіевскіе соборы, темноту ихъ ликовъ и мракъ, залегающій по вершинамъ сводовъ, то не трудно придти къ заключенію, что наша древнѣйшая до-московская архитектура и живопись были гораздо ближе къ своему византійскому источнику— къ обилію свѣта и простора.

Соборъ весь сіяетъ древними ликами и не только одиночными, но изображеніями цѣлыхъ сценъ Священнаго Писанія. Еще въ 1859 году академикъ Солнцевъ нашелъ подъ известью и штукатуркой остатки фресковыхъ изображеній XII вѣка. Когда, въ 1882 году, преосвященный Ѳеогность задумалъ его обновленіе и возсозданіе, приступлено было къ подробнымъ розыскамъ древней живописи. Находки на стѣнахъ храма, подъ штукатуркой за иконостасомъ, были поразительны, какъ по количеству, такъ и по свѣжести того, что сохранилось, и вызванные сюда члены московскаго археологическаго общества не замедлили



Владиміръ. Видъ на Успенскій и Дмитріевскій соборы.

признать въ нихъ стѣнопись XII вѣка, временъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, живопись чистѣйшаго византійскаго пошиба. Лѣтопись сообщаетъ, что соборъ былъ расписанъ въ 1161 году; въ 1408 году великій князь Василій Дмитріевичъ повелѣлъ дополнить это расписаніе русскимъ художникамъ Иконину и Рублеву, и этимъ внесенъ въ соборъ второй существенный вкладъ другихъ людей, другого древняго времени. Начавшаяся съ 1882 года реставрація производилась подъ наблюденіемъ особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ такого авторитетнаго лица, какъ Забѣлинъ; возстановленіе самой живописи поручено было иконописцу села Палеха, Вязниковскаго уѣзда, Сафонову.

Пока шли эти работы, случай открывалъ одинъ за другимъ памятники еще болѣе высокаго значенія, свѣянные временемъ и засоренные мусоромъ, а именно цѣлый рядъ гробницъ великокняжескихъ, княжескихъ и высшихъ дѣятелей духовенства. Въ настоящее время, если вы стоите посрединѣ собора, то находитесь въ цѣломъ кольцѣ могилъ, каменныхъ гробовъ, взирающихъ на васъ изъ-подъ своихъ надписей; большинство этихъ гробовъ расположено въ небольшихъ нишахъ — «комарахъ», устроенныхъ, вѣроятно, великимъ княземъ Всеволодомъ при расширеніи храма, указавшимъ, гдѣ, какъ и кого погребать и перенесшимъ многихъ изъ почившихъ сюда въ новыя ихъ усыпальницы. Если, какъ сказано, свѣтла была древняя русская живопись, свѣтлы были и соборы, то подъ стать имъ и впечатлѣніе этихъ простыхъ каменныхъ бѣлыхъ гробницъ; мысль о смерти, хотя вы въ полномъ смыслѣ слова окружены смертью, отъ васъ чрезвычайно далека, и вы сознаете, что почившіе не умерли, а только переселились.

Печаленъ былъ видъ этихъ могилъ до ихъ возстановленія; многія были совсѣмъ задѣланы, другія разбились; въ отверстія навалился мусоръ и щебень, и пришлось выбирать ихъ оттуда, освобождая кости усопшихъ; на нѣкоторыхъ изъ княжескихъ мощей, увидѣвшихъ вторично на краткій срокъ свѣтъ Божій, при перемѣнѣ на гробницахъ ихъ камней, видны были одежды, ткани, обувь, нѣкоторые полуистлѣвшіе предметы, даже пучечекъ красной вербы съ сохранившимися бѣленькими росточками. Освобождены были и гробницы святителей, и при совершеніи заупокойныхъ литій бренные останки ихъ одѣты новыми пеленами. Прототипомъ для возстановленія всѣхъ «комаровъ» послужила гробница епископа Луки, сохранившаяся вполнѣ, такъ какъ она была заложена наглухо въ очень давнее время: это — бѣлокаменный гробъ о двухъ скатахъ крыши подъ невысокою полукруглою арочкой въ стѣнѣ; такіе гробы глядятъ на васъ отовсюду, словно бѣлыя очи изъ-подъ полукруглой арки и надписи, означающейся темною бровью. Мрачности въ этомъ царствѣ смерти нѣтъ никакой. Да и откуда взяться ей, этой мрачности, когда передъ вами вспыхиваютъ одни за другими такія внушительныя, полныя блеска воспоминанія, какъ огненная жертва великокняжеской семьи 1237 года? Вотъ она.

Татары исполосовали Россію. Многострадальнѣе всѣхъ былъ именно Владиміръ, потому что въ тѣ дни это былъ городъ великокняжескій, первопрестольный городъ, почти первый по пути татаръ, городъ устроенный, богатый,

съ храмами, полными сокровищъ, «яко тогда знаменитѣйшій и столичный великихъ князей градъ», гдѣ восходили они на княженіе (преимущество, перенесенное впослѣдствіи въ Москву). Соборъ былъ такъ богатъ, что паникадиламъ и сосудамъ золотымъ и серебрянымъ не было числа; безъ числа были и порты, шитыя золотомъ и жемчугомъ; по словамъ лѣтописи, «яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви, отъ Золотыхъ Воротъ до владычнихъ сѣній, въ двѣ же верви чюдныхъ».

Поручивъ защиту Владиміра двумъ сыновьямъ своимъ и покинувъ семью, благовѣрный князь Георгій съ племянниками сталъ станомъ на берегахъ рѣки Сити, собирая войско противъ татаръ. Батый тѣмъ временемъ взялъ Владиміръ и пожегъ, и порубилъ его. Нетронутымъ оставался только соборъ. Тяжелыя двери его были заперты, и долго должны были ломиться въ нихъ татары. Весь помостъ собора былъ полонъ людьми, запершимися въ немъ, передъ образомъ Владимірской Божіей Матери, тогда еще не перенесеннымъ въ Москву (святая икона эта была писана евангелистомъ Лукой и перенесена въ Москву только въ 1395 году; на мѣстѣ ея имѣется теперь точная, старинная копія). Виднѣлись тутъ, на помостѣ, бояре и боярыни, народъ, старцы и дѣти, и много ихъ было, и всѣ молились подъ страшные звуки ломившихся въ двери татаръ. А наверху, на всходныхъ палатахъ, пребывала великая княгиня Агаѳія со своею дочерью, снохами и внучатами, большая великокняжеская семья въ трехъ поколѣніяхъ, окруженная боярскими женами. Тутъ же находился епископъ Митрофанъ. Подъ неустанный грохотъ въ дверяхъ соборныхъ, подъ стенанія колѣнопреклоненной на помостѣ церковномъ толпы, облекалъ святитель великокняжескую семью въ монашескій образъ, въ схиму, и пріобщалъ Св. Таинъ.

Когда двери соборныя уступили, наконецъ, усиліямъ татаръ и все, находившееся на помостѣ церковномъ, было посѣчено и истерзано, а сокровища разграблены, замѣтили татары и великокняжескую семью, находившуюся высоко, на палатахъ. Къ нимъ велъ потайный ходъ; тамъ, думалось татарамъ, имѣются главныя сокровища. Ласки и угрозы не открывали имъ хода наверхъ. Тогда натасканъ былъ въ храмъ хворостъ и зажженъ, и все погибло въ пламени, все—кромѣ иконы Божіей Матери... На берегахъ Сити тѣмъ временемъ сложилъ свою вѣнчанную голову и великій князь Георгій.

Духовное, невидимое присутствіе этой огненной жертвы ясно сознавалось въ живомъ разсказѣ преосвященнаго Ѳеогноста, обводившаго посѣтителей по собору и указывавшаго мѣсто палатъ. Въ бѣлыхъ «комарахъ» почивали кругомъ вещественныя доказательства былаго—многострадательныя мощи.

И много, много было такихъ страданій во Владимірскомъ соборѣ. Вотъ еще одно. Въ 1485 году, уже на самомъ исходѣ татарскаго ига, Владиміръ былъ взятъ ордынскимъ царевичемъ Талычемъ; нижегородскій бояринъ, измѣнникъ Карамышевъ, тайно провелъ ихъ окрестными лѣсами. Въ городѣ, по словамъ лѣтописи, не было даже намѣстника, и онъ былъ взятъ и разграбленъ. Соборному ключарю, священнику Патрикію, поручены были сокровища храма; онъ скрылъ ихъ; и не узнали татары, гдѣ они, несмотря на то, что пытали

священника огнемъ, забивали ему подъ ногти спицы, сдирали кожу и, продѣвъ насквозь его веревку, влачили, привязавъ къ конскому хвосту, по городу. Замученъ былъ Патрикій, но не выдалъ достоянія церковнаго; тѣло его почиваетъ на границѣ Рязанской и Владимірской губерній, на озерѣ Святѣ. Какъ не перенести его въ соборъ?—вѣдь это его достояніе! Кажется, что это слѣдовало бы сдѣлать непремѣнно.

Сколько видѣлъ соборъ Владимірскій вѣнчаній на великое княженіе! Сколько разъ оглашался онъ звуками свадебныхъ и похоронныхъ пѣсенъ духовныхъ! Еще недавно, въ 1884 году, видѣлъ соборъ одну изъ чрезвычайно рѣдкихъ, высокохудожественныхъ службъ церковныхъ. Когда окончено было возобновленіе его, то мощи трехъ святыхъ великихъ князей, Георгія, Андрея и Глѣба, перенесенныя на два съ половиною года въ Георгіевскій соборъ, возвращались въ свое завѣтное обиталище. Это было 3-го ноября. Въ глубокую зиму вѣяло тогда надъ Владиміромъ вѣчною весною православія, когда, покачивалась на плечахъ тѣхъ людей, между которыми, нѣтъ сомнѣнія, въ тяжелую годину могутъ проявиться и проявятся отцы Патрикіи, богатыя раки святыхъ, одна за другою, втянулись въ соборъ и заняли свои мѣста. Налѣво отъ входа между столбовъ почиваетъ Андрей Боголюбскій; направо противъ него—Георгій; подлѣ алтаря съ правой стороны—Глѣбъ.

И какъ спокойно свѣтелъ, какъ одухотворенъ возсозданный соборъ. А вѣдь было же это когда-то и не разъ, что среди него, опустѣвшаго и ограбленнаго, птицы вили свои гнѣзда и гулялъ вѣтеръ. Такимъ былъ онъ еще въ началѣ XVIII вѣка, ко времени открытія мощей Андрея и Глѣба. Теперь это одна изъ внушительнѣйшихъ святынь земли Русской. Нужны не дни, а недѣли, чтобы подробно ознакомиться съ соборомъ, съ его вещественными сокровищами, съ его историческимъ и легендарнымъ богатствомъ. Какъ красиво преданіе о томъ, что при Іоаннѣ Васильевичѣ, во время нашествія Девлеть-Гирея, благовѣрные князья поднимались изъ гробовъ своихъ и уносились на брань на снѣговидныхъ коняхъ. Очень любопытны стихи на гробницахъ княжескихъ; тѣ, что̀ читаются надъ Георгіемъ и Андреемъ, согласно преданію, сочинены императрицей Екатериной II; надъ гробницей епископа Платона, умершаго въ 1757 году, читается очень длинное стихотвореніе и—что очень рѣдко, примѣръ едва ли не единственный,—акростихъ очень хитростнаго сложенія, первыя буквы строкъ котораго, въ перемежку чрезъ строку, изображаютъ слова: «преосвященный епископъ Платонъ». Какъ умилительно хорошо письмо этого Платона императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, писанное въ 1753 году, о «переоблаченіи» мощей великокняжескихъ въ новыя одѣянія, въ «бѣлые пристойные хитоны», въ великокняжескія порфиры парчевыя, обшитыя вмѣсто горностая «подобнымъ бархатомъ»; какъ подъ святыя главы мощей положены были три золотого глазета подушки; «да на главы же и лица ихъ святопочивающія сдѣланы изъ бѣлаго полковаго фліору три капи; на нетлѣнныя же руцѣ съ таковоже фліору такожъ и на носъ сдѣланы пристойныя каптурки». Эти фліоры, капи и каптурки посѣтители разглядывали и приложились къ бережно одѣтымъ мощамъ. Прежнія одѣянія ихъ, темные лоскуты, разложенные по бѣлому полотну,

были тоже показаны. Къ этому времени яркіе лучи осенняго солнца, оспливъ непогоду, глянули во всю силу свою сквозь многія окна стѣнъ и куполовъ, и ветхій деньми соборъ, играя всѣми красками живописи, всѣми оглавіями безсчетныхъ ликовъ и матовыми отблесками бѣломраморныхъ гробницъ, благолѣпно окружалъ и написалъ надъ путешественниками въ молчаливомъ, но сознательномъ величіи.

Слѣдуетъ сказать, что возобновленному собору посчастливилось и тѣмъ, что въ средѣ его духовенства нашелся и хорошій описатель—это протоіерей Виноградовъ; благодаря яснымъ и мастерскимъ указаніямъ его, въ «Исторіи Владимірскаго каѳедральнаго собора» можно легко разобраться съ тѣмъ обильнымъ историческимъ и археологическимъ матеріаломъ, который присущъ собору. Если бы всѣ наши главныя святыни обладали такими описателями, путешествующій былъ бы счастливъ и вразумленъ.

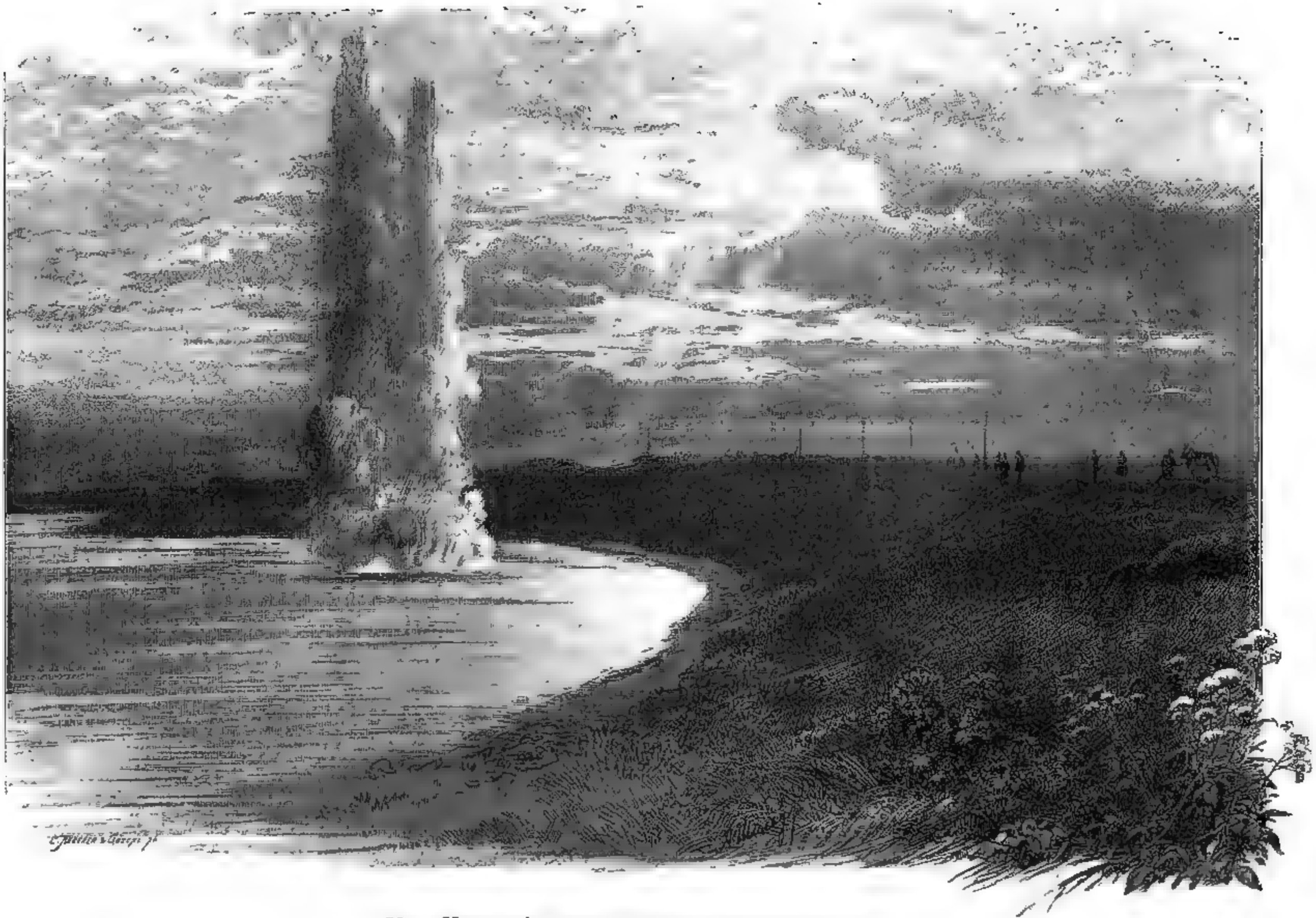
Послѣ окончанія осмотра собора, посѣтивъ начальную ремесленную школу, находящуюся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, земскую гимназію, домъ дворянства и находящееся въ немъ дворянское училище, путешественники выѣхали обратно въ Петербургъ.

Усть-Ижорскій лагерь.

То мѣсто, на которомъ теперь на берегу Невы, въ 25-ти верстахъ отъ Петербурга, раскинутъ Усть-Ижорскій саперный лагерь, представляло лѣтъ тридцать тому назадъ пустырь съ чахлою травкою, влачившею свое жалкое существованіе между безсчетными ямами, изъ которыхъ на сосѣдніе кирпичные заводы вынуты были массы глины и песку. Значительная часть этого песка, преобразившись въ кирпичи, пошла на постройки въ Петербургѣ, на новые дома и надбавки этажей, которыя, за послѣднее двадцатилѣтіе, сдѣлали многія улицы столицы неузнаваемыми. Мѣсто это принадлежало графу Шувалову и только очень недавно уступлено въ собственность военному вѣдомству. Когда рѣшено было перевести саперный лагерь изъ Петергофа, съ Бабьихъ-Гонъ, гдѣ онъ издавна находился, выбрано было подъ новый лагерь именно это мѣсто, представлявшее много удобствъ для артиллерійской стрѣльбы и саперныхъ работъ.

Лѣтъ двадцать пять стоятъ тутъ саперы, и мѣста этого не узнать, какъ не узнать окрестностей Краснаго-Села и Дудергофа. Между правильно разбитыми садиками и насаженными аллеями бѣлѣютъ постоянныя барачныя постройки, а на лѣтнее время разбиваются палатки. Утромъ видны тутъ молчаливыя саперныя работы и слышатся могучая пальба артиллерійскихъ орудій и взрывы, а вечеромъ—наша беззавѣтная солдатская пѣсня. Барабанъ призываетъ на молитву утромъ, призываетъ вечеромъ, и все это съ такою же точностью, съ какою восходитъ и заходитъ солнце.

Особенно характерно подъѣзжать къ лагерю, не отъ Невы, на берегу которой онъ раскинутъ, но съ которой не виденъ, а отъ Колпинской станціи желѣзной дороги. Здѣсь, вправо отъ дороги поднимаются разныя крѣпостныя и полевыя укрѣпленія, а влѣво, подлѣ самаго лагеря, будто красивенькія игрушки, но въ натуральную величину, тѣснясь другъ къ другу, виднѣются безчисленныя и разнообразныя, всевозможныя военныя работы саперъ: бараки, избы, мосты, печки, сады, изгороди, плетни, траншеи, блиндажи и многое другое. Правильность этихъ работъ можетъ поспорить только съ серьезностью того

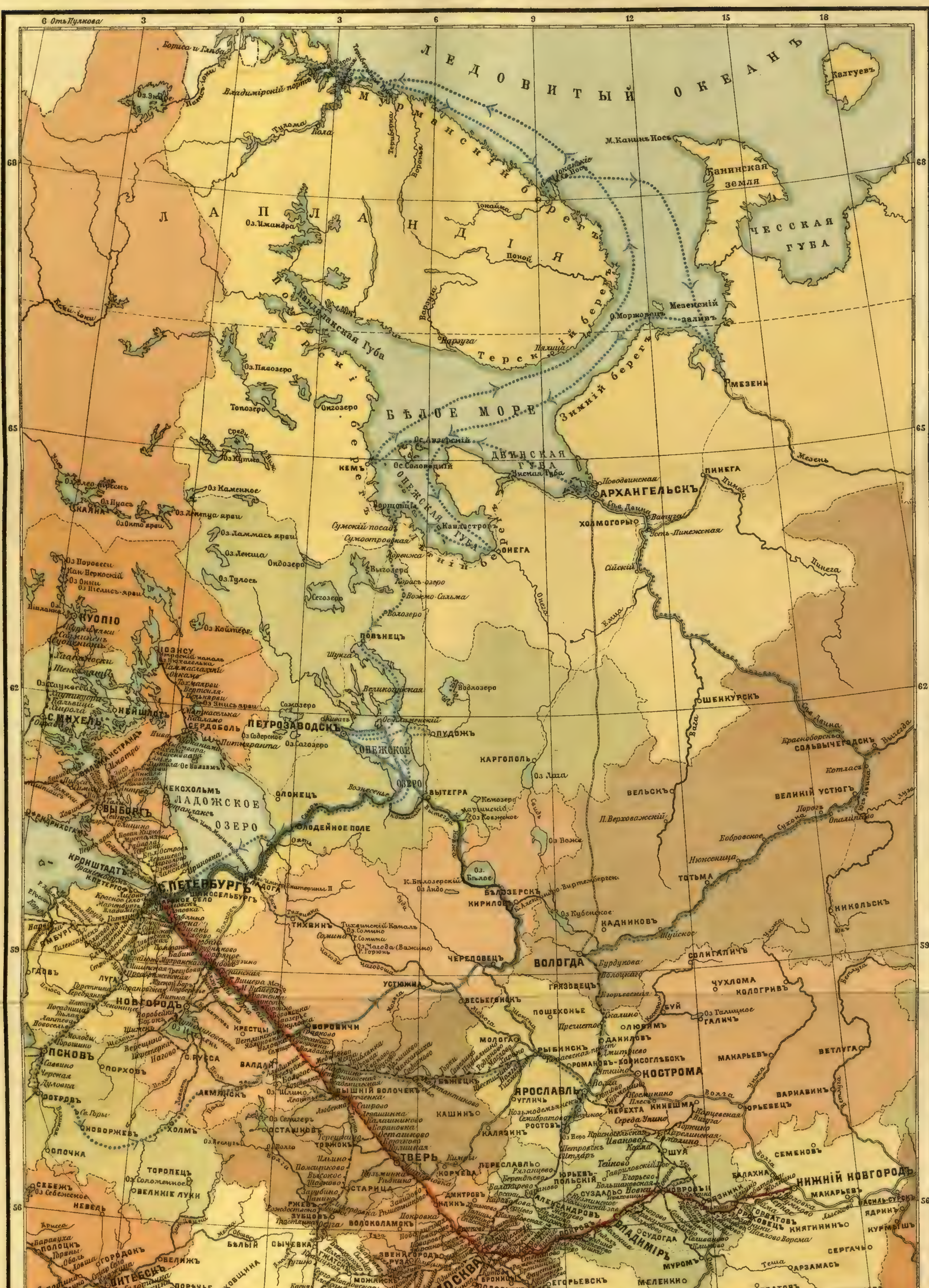


Усть-Ижорскій лагерь. Взрывъ подводной мины.

значенія, которые могутъ онѣ имѣть въ примѣненіи къ военному времени. Сколько жизней поддержать и спасутъ онѣ, сколько фатальныхъ непріятностей нанесутъ непріятелю? А въ чемъ-же, какъ не въ этомъ, значеніе сапернаго дѣла, которое за послѣднее время выдвигается впередъ все болѣе и болѣе! Войска, какъ учитъ современная тактика, находятся въ военное время только въ трехъ положеніяхъ: въ движеніи, въ бою или на отдыхѣ, и во всѣхъ трехъ инженерное искусство является въ качествѣ радѣтеля о другихъ родахъ войскъ, о своихъ собратьяхъ. Въ этомъ служеніи собратьямъ, не говоря о значенія для непріятеля, сказывается, если можно такъ выразиться, особенная симпатичность военно-инженернаго дѣла. Осмотромъ Усть-Ижорскаго лагеря закончилось третье путешествіе.

Конецъ перваго тома.

КАРТА СѢВ. ГУБЕРНІЙ ЕВРОП. РОССІИ
СЪ ОБОЗНАЧЕНІЕМЪ МАРШРУТА ТРЕХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ
совершенныхъ въ 1884 и 1885 годахъ.



Изданіе и собствен. А. Ф. Маркса въ С.П.Б.

Масштабъ главной карты 125 вер. въ дюймѣ

Печат. въ картогр.-арт. зав. А. Ф. Маркса.

Путешествіе первое (1884 г.) · Путешествіе второе (1885 г.) · Путешествіе третье (1885 г.)

Оглавленіе

I тома

„По Сѣверо-Западу Россіи“.

	стр.
Отъ автора	1
Путешествіе первое (1884 г.). . . .	3
Очеркъ пути	5
Грузино	10
Боровичи	20
Устюжна.	32
Череповецъ.	36
Кириловъ	39
Бѣлозерскъ	49
Вытегра	54
Петрозаводскъ.	62
Поѣздка на Кивачъ.	69
Охота на Климецкомъ островѣ.	78
Вознесенье. Лодейное Поле . .	83
Новая Ладога. Шлиссельбургъ.	90
Путешествіе второе (1885 г.)	95
Очеркъ пути	97
Городъ Островъ	101
Святогорскій монастырь . . .	104
Новоржевъ	110
Холмъ.	112
Демянскъ	115
Валдай	118
Вышній-Волочекъ.	125
Бѣжецкъ.	132
Рыбинскъ	135
Волга отъ Рыбинска до Ярославля.	142
Ярославль	148
Ростовъ Великій	158
Вологда	165

	стр.
Рѣка Сухона до Тотьмы. Тотьма.	174
Устюгъ Великій	185
Отъ Устюга до Сольвычегодска.	196
Рѣка Вычегда. Сольвычегодскъ.	201
По древнему Заволочью . . .	208
Холмогоры	215
Архангельскъ	226
Соловецкій монастырь	245
Отъ Соловокъ до Кеми. Кемь .	274
Отъ Кеми до Териберки . . .	284
Териберская губа.	292
Отъ Териберки къ Арѣ-губѣ. .	304
Арскій китобойный заводъ . .	313
Еретики въ Урской губѣ . . .	326
Кольская губа.	333
Кола	338
Обратный путь вдоль Мурмана.	348
Іоканская гавань.	355
Мезенскій заливъ. Мезень . .	362
Отъ Мезени къ Онегѣ	372
Конецъ морского пути. Сумскій посадъ.	386
Отъ Сумскаго посада до Петровскаго Яма.	397
Отъ Петровскаго Яма къ Повѣнцу. Повѣнецъ	405
Пудожъ	412
Путешествіе третье (1885 г.)	417
Нижній-Новгородъ. Ярмарка. .	419
Владиміръ	447
Усть-Ижорскій лагерь	454

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ СОЧИНЕНІЮ

„ПО СѢВЕРО-ЗАПАДУ РОССІИ“.

Томъ I.

„ПО СѢВЕРУ РОССІИ“.

	стр.
Абакумово	140
Абрамова пахта	336, 337
Абрамовъ, наслѣд. раскола	400
Авраамій Палицынъ (см. Палицынъ).	
«Авраамовскія постройки»	146
Авраамъ, преосвящ. ярославскій	146, 152
Агафія, вел. княгиня	447, 451
Агафія, сестра Шереметева Большого	39
Адмиралтействъ-коллегія	379
«Адъ»	363, 370
Азарій, кедарь соловецкій	270, 271
«Азовъ», корабль	99
Адріанъ Ондрусовскій	60
Акакій, епископъ тверской	46
Аксинья Полузимница	79
Акулій промыселъ	327
Акулы	327, 328, 339, 340
Александровскій заводъ въ Петрозаводскѣ	62, 65, 68
Александръ I, императоръ	11, 13, 33, 36, 79, 102, 107, 113, 115, 127, 169, 171, 213, 221, 234, 321, 406, 408, 415, 428, 440, 448
Александръ II, императоръ	62, 73, 93, 99, 111, 120, 127, 169, 211, 255, 257, 408, 440, 441, 443
Александръ III, императоръ	37, 154, 191, 286, 443
Александръ Свирскій, свят.	272
Александръ, яросл. удѣльн. князь	154
Алексѣевская гора	56
Алексѣевскій сухой докъ	37
Алексѣй Александровичъ, Вел. Князь.	169, 176, 186, 221, 255, 393
Алексѣй Михайловичъ, царь	28, 44, 65, 93, 116, 117, 122, 123, 230, 248, 263, 267, 268, 338
Алексѣй Петровичъ, царевичъ	169, 231, 254, 398
Алена и Уліанія	39
Алій Кайбуловичъ, въ крещ. Михаилъ.	39
Альбертовъ, Андрей	200
Альфредъ, король англо-сакс.	209
Амосовъ, судостроитель.	230
Ананій Васильевичъ, юродивый	111
Анастасія, первая жена Грознаго	211
Англичане.	209, 230, 257, 268, 276, 320, 321, 338
Анда, рѣчка	381
Анда, селеніе	381
Андрей Александровичъ, вел. князь	210
Андрей, князь можайскій	44
Анзерская спасательная станція	244
Анзерскій островъ.	123, 247, 254, 263, 375
Анисимовъ взвозъ.	200
Аничковъ, воевода соловецкій	281
Анна Іоанновна, императрица	93, 286
Анна-Корга	336
Анна Леопольдовна	221
Анны святой шлюзъ	53, 54
Антоній и Пименъ, угодники; ихъ мощи.	165
Антоній, святой.	264
Антоній Сійскій	60, 213
Антонъ, сынъ Марфы Борецкой.	209
Антонъ-Ульрихъ, принцъ	409
Аполицы, погостъ.	115
«Априкосъ»	214
Ара-губа (см. Арская губа).	
Аракчеева гробница	11
Аракчеева домъ въ Грузинѣ	13
Аракчеева завѣщаніе.	11, 18
Аракчеева часы	13—15
Аракчеевскій кад. корп. въ Н.-Новгородѣ	425, 428
Аракчеевскія военныя поселенія	6
Аракчеевъ, графъ	6, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 426, 428
Арефа Печерскій	178

стр.

Арзубьевъ, посадникъ 254
Арина Родіоновна, няня Пушкина . . 107
Аристархъ, отецъ, священникъ . . . 162
Арсеній, грекъ 270
Арсеньевъ, историкъ 169
Арская губа. . . 100, 304, 307, 322, 335
Арская губа. Китобойный заводъ (Рисунокъ) 311
Арская губа. Туши китовъ близъ завода (Рисунокъ). 312
Арскіе острова 307
Арскій китобойный заводъ. 314—325, 332, 348
Архангельская губернія. 97, 169, 190, 192, 281, 294, 296, 303, 379, 380, 397, 401
Архангельская таможня. . . . 226, 237
Архангельскъ. . . . . 97, 99, 169, 173, 174, 180, 189, 191, 192, 196, 199, 200, 210, 211, 215, 217, 220, 221, 223, 226—244, 255, 285, 286, 294, 301, 331, 334, 335, 336, 340, 367, 378, 385, 390, 398, 414
Архангельскъ. Видъ набережной близъ собора (Рисунокъ) 227
Архангельскъ. Выставка. Семья самоѣдовъ (Рисунокъ) 242
Архангельскъ. Крестъ Упскихъ Роговъ въ соборѣ (Рисунокъ). 229
Архангельскъ. Нѣмецкая слобода (Рис.). 232
Архангельскъ. Перегрузка трески (Рисунокъ). 239
Архангельскъ. Смоляной буянъ (Рис.) . 236
«Архангельскъ», пароходъ. 357
Ары-губа (см. Арская губа).
Аѳанасій, еписк. арханг. . . . 221, 231
Аѳанасія, игуменья 264
Аѳонъ сѣверный 247
Бабій островъ въ Соловкахъ. . . . 247
Бабій островъ на Сухонѣ 178
Бабьи Горы 454
Баженинъ, судостроитель 340
Баженины, посадскіе люди . . 215, 217, 230
Базеновскіе аппараты. 445
«Бакланъ», шхуна . . . 226, 286, 335, 363
Бакланъ, птица 209
Балахна 440
Балашовъ, горнозаводчикъ. 438
Балтійское море (Балтика). 87, 127, 200, 234, 334, 336, 409
Барановскій 245
Барановы 431
Барботъ де-Марни, геологъ. 180
Барецъ, мореплаватель. 286
Барминъ, судостроитель. 230
Барнаулъ 189
Барсовъ, историкъ. 159, 160
Барсуковъ, историкъ 45
Барятинскій, князь, воевода 113
Баторій, Стефанъ 102, 113
Батый 451
Батюшковъ, поэтъ. 171
Бейшлотъ «заводскій» въ Выши. Волочкѣ. 127, 130
Беклешовъ, ген.-маіоръ 102
Березовская слободка 186

стр.

Березовскій баръ 334
Беринго́во море. 247, 320, 374
Беринговъ проливъ . . . 238, 244, 247
Бетанкуръ, архитекторъ. 422
Биронъ, герцогъ 94, 150
Битепажъ 94
Віармія. 98, 165, 208, 209, 220
«Благовѣстникъ», колоколъ. . . . 99, 257
Бобовскіе, паны 43
Бобровское, село 176, 186
«Богоизбранная двоица» 251
Богородичное село (Валдай) 122
Богородско-Глуховская мануфактура . 431
Богоявленская улица. 366
Божья рѣчка. 38
«Болокъ кережный» 343
«Большая слобода» 366, 367
Борецкая, Марфа 209, 254, 257, 266, 280, 281, 343, 394
Борецкій, посадникъ 254
Борисоглѣбскій погостъ 28
Борисоглѣбскъ 144
Борисъ Годуновъ (см. Годуновъ).
«Борисъ Годуновъ» Пушкина. . . . 107
Боровичи . . . . 6, 20—31, 91, 97, 127
Боровичи, общій видъ города (Рисунокъ) . . . . . 24—25
Боровичи. Общій видъ выставки 1894 г. (Рисунокъ) . . . . . 24—25
Боровичи. Спасо-Преображенское кладбище (Рисунокъ). 22
Боровичская жел. дор. 20
Боровичскіе пороги 26
Боровичскій, Іаковъ (см. Іаковъ Б.).
Бородино 87
Бородинская битва 447
Бородинъ, послушникъ соловецкій . . 271
Бояриновы 77
Брантъ 379
Брендель, адмиралъ 334, 335
Бруниеръ 268, 339
Брамъ, зоологъ 331
Брюсъ, графъ, ген.-губ. моск. . . . 127
«Буй-на-Бую» въ Устюжнѣ 33
Бунге, докт. мед. 286
Буслаевъ, историкъ 41, 52
Бутенантъ 65
Бухмейеръ 13
Быковъ, инженеръ. 199, 445
Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, горнозаводчикъ 438
Бѣжецкая новгородская пятина . . . 132
Бѣжецкій верхъ 134
Бѣжецкій уѣздъ. 34
Бѣжецкъ . . . . . 97, 132—134
Бѣжецкъ. Общій видъ его (Рисунокъ). 133
Бѣжицы, село 132
Бѣжичи 132
Бѣлая палата въ рост. кремлѣ. 158, 160, 162
Бѣли, порогъ. 26
Бѣлое море 65, 78, 100, 123, 150, 167, 169, 187, 200, 209, 210, 230, 231, 244, 247, 257, 268, 272, 276, 280, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 307, 334, 347, 354, 356, 357, 361,

стр.

362, 365, 374, 390, 396, 397, 398, 408, 409, 410, 415
«Бѣломорская компанія» 340
Бѣломорскій каналъ 406, 409
Бѣлуха. 365, 374
Бѣлыя ворота въ Соловкахъ 271
Бѣлозерка. 137
Бѣлозерская область 26
Бѣлозерскій каналъ 49, 52, 137
Бѣлозерскій каналъ; входъ въ него (Рисунокъ) 50
Бѣлозерскій, Кириллъ (см. Кириллъ).
Бѣлозерскъ . . . 37, 41, **49—53**, 97, 137
Бѣлозерскъ (Рисунокъ) 51
Бѣлозерцы 137
Бѣломорскій каналъ 394, 396
Бѣломорскій островъ, Большой . 247, 255
Бѣлоозеро. 5, 41, 44, 49, 52, 91, 137, 167, 209
Бѣлоозерское удѣльное княжество . . 52
Бѣльскіе 6, 44
Бѣляны 140

Вавчуга, село 215, 217, 230
Вага. 209
Вагинъ. 286
Вагнеръ, естествоиспытатель 263
Вадсэ 320
Важины, сел. (Рисунокъ) 86
Вайгачъ 244, 363
Валаамъ 267
Валазминскій заводъ 68
Валда 122
Валдай . . . . . 97, 117, **118—124**, 125
Валдайскіе колокольчики 122
Валдайское озеро , . . . **118**, 122, 123
«Валдайское Селище» 122
Валдайцы. 123
«Вальфишъ», корабль. 340
«Вальчагъ» 391
«Вараханлъ», корабль 233
Варенжа 397
Варда-Хузъ , ... 306
«Варна», судно 244
Варнихи, деревня 408
Варфоломей, настоятель Соловокъ. 269, 270
Варяги. 209
Василёвское, село 140
Василій, архіепископъ 92, 93
Василій Блаженный 205
Василій Буслаевъ. 98
Василій Дмитріевичъ, вел. князь . . 44, 134, 210, 450
Василій Ивановичъ Шуйскій, царь . 34, 257
Василій Косой 134
Василій, святой, князь 150
Василій Солноворотъ. 333
Василій, сынъ Іоанна III 135
Василій Темный . . . 116, 134, 167, 210
Василь. 422
Васильевская рѣчка 41
Василько, святой 162
«Васька», ключъ 176
«Вега», пароходъ 238
«Ведило» 178

стр.

Великая, рѣка 101, 106
Великій Новгородъ 6, 26, 91, 97, 101, 116, 165, 190, 209, 210, 251, 254, 266
Великій океанъ. 247
Великій-Устюгъ . . . . . 52, 159, 174, 176, 185—195, 203
Великій Устюгъ (Рисунокъ) 188
Великій Устюгъ. Домъ Грибанова (Рис.). 194
Великія Луки 110, 113
Велилы, погостъ 115
Велье 101
Вельевское озеро 118
Вельскій уѣздъ 237
Вересъ, мысъ 322
Верже, рѣка. 110
Верхотурье 367
Верши 182
Весельщикъ 297
Весь. 98, 148, 209
Весьегонскъ 33
Виноградовъ, протоіерей 453
Винцгеймъ 98, 223
«Висѣлка». 180
Витсенъ, писатель. 285
Витцы, порогъ 26
Витцы, порогъ (Рисунокъ) 21
Владиміра шлюзъ (Рисунокъ) 55
Владиміро-Маріинскій академ. пріютъ. 130
Владиміро-Маріинскій пріютъ (Рис.) . 129
Владимірская губернія 429, 435
Владимірская улица 366
Владиміръ Александровичъ, Великій Князь . 131, 154, 169, 186, 221, 255, 363
Владиміръ губернскій . . 97, 446, **447—453**
Внуковъ островъ 178
Водла, рѣка 412, 414
Водло-озеро 408
Водопадъ Гирвасъ (Рисунокъ) . . . 8, 9
«Водяная команда» Маріинской системы 137
Воейковъ, приставъ 211
Вожмосалма 398, 399
Вознесенская пристань 69
Вознесенская слобода. 83
Вознесенье. . . . . 82, **83—89**, 137, 414
Вознесенье, село. Истокъ Свири (Рис.). 84
Войнакуринскій. 113
Волга . . . . . 26, 41, 54, 98, 101, 120, 127, 130, 135, 139, 140, 142—147, 148, 157, 199, 200, 210, 306, 333, 335, 422, 429, 438, 440, 445
Волга отъ Рыбинска до Ярославля . **142—147**
Волгино, село 30
Волго-Двинская жел. дор. 189
Волдай 122
«Волжская гривна» 135
Волжскій бассейнъ. 56
Волковъ, Фед. Григ., родоначальн. русскаго театра 147
Вологда, городъ. . . . . 52, 97, 150, 165—173, 174, 180, 187, 191, 195
Вологда, гор. Домъ, гдѣ жилъ Петръ I (Рисунокъ) 170

стр.

Вологда, гор. Домъ нач. губ. и церковь Зосимы и Савватія (Рисунокъ). 168
Вологда, гор. Храмы на Сѣнной площади (Рисунокъ). 172
Вологда, рѣка . . 165, 167, 169, 173, 174
Вологжане 167, 173
Вологодская губернія. 97, 165, 167, 190, 235, 237
Вологодско-Архангельск. жел. дор. 191, 234
Володимірецъ. 101
«Волоки» 365
Волоковая губа 333
Волоховъ, стрянчій 271
Волховской мостъ 10
Волховъ, рѣка 10, 90, 127
Волховъ, станція 10
«Волчки» 291
«Волчокъ» 343
Волчья Смерть 82
Волчья Смерть (Рисунокъ). 81
Вольскій, воевода 113
Волю-дай 122
Ворожа. 34
Воронежскій Михайловскій кад. корп. . 18
Воронежъ 230
Вороничъ 101
«Воротный» островъ 406
Воротынскіе 6
Воротынскій, главн. вождь при взятіи Казани 45
Воротынскій (инокъ Іона) 44
Воротынскій, князь, Влад. Иван. . . . 45
Вотская пятина. 91
Вотъ. 91
Врасскій, В. 118
Вревъ 101
Всеволодъ Георгіевичъ, вел. князь. 447, 450
«Всполошный» колоколъ. 207
Вукозовъ, Даніилъ, раскольникъ. . . 400
Вульфсбергъ, шведскій профессоръ. . 339
Входъ судна въ губу Ару. Толстикъ (Рисунокъ) 308
Въ пути (Рисунокъ) . . . . . 8—9
Выборъ 101
Выборгъ 92, 409
Выбутскіе пороги 106
Выгозерская волость 399
Выгъ-озеро 399, 403, 408
Выгорѣцкій 271, 400
Выгорѣцкій раскольничій скитъ . . . 271
Выгорѣцкое 399
Выгъ, рѣка 271, 390, 398, 399, 400, 403, 404, 408
Выжмосалма 403
Выксунскіе заводы 139
Выползокъ 180
Выпь, порогъ 26
Выпь, порогъ. Видъ сверху по теченію Мсты. (Рисунокъ) 27
Вырцы 186
Высматриваніе кита. (Рисунокъ). . . 318
«Вытегорская лѣсная операція» . . 380
Вытегорскій погостъ и его церковь. 58, 367
Вытегорскій уѣздъ 398
Вытегра, городъ. 54—58, 59, 83, 97, 137, 401

стр.

Вытегра. Древн. церковь на вытег. погостѣ (Рисунокъ). 57
Вытегра, рѣка. . 6, 53, 54, 56, 58, 87, 98
Вычегда . . 65, 187, 199, 200, 201—207
Вычковскій заводъ 65
Вышгородъ 101
Вышкоозерскій, Макарій 60
Вышневолоцкая водная система . . 21, 26, 91, 125, 127, 130, 135, 137
Вышневолоцкій «заводскій» бейшлотъ. 127, 130
Вышневолоцкій округъ путей сообщ. . 130
Вышній-Волочекъ . . . . . 97, 125—131
Вышній-Волочекъ. Владиміро-Маріинскій академич. пріютъ (Рисунокъ) . 129
Вышній-Волочекъ. Набережная Цнинскаго канала. Зимній соборъ (Рис.). 128
Вышній-Волочекъ. Набережная Цны и Лѣтній соборъ (Рисунокъ) 126
«Вѣра», пароходъ 248, 263
«Вѣстникъ», крейсеръ 247
Вязниковскій уѣздъ 450
Вязъ, порогъ 26
Вятка 190, 193
Вятская губернія. 182, 191, 192, 193, 235
Вятско-Котласская жел. дор. . 191, 192
Гага, птица 309
Гарцевъ 340
Гаскойнъ, Карлъ Карловичъ 65
Гауманъ 379
Гацискій, историкъ Н.-Новг. 419
Гверстка, порогъ 26
Гдовъ 101
Гейльсбергскій бой 171
Гельмерсенъ, академикъ 401
Герасимовъ, кольскій куп. сынъ . . 338
Георгіевская гора 116
Георгіевскій звонъ. 162
Георгій (Юрій) Всеволодовичъ, князь, святой 419, 447, 451, 452
Герасимъ, преподобный 167
Германія 191, 235, 263, 316
Германъ, преподобный соловецкій . . 251, 254, 266
Герменино 187
Гермогенъ, патріархъ 34, 211
Гидрографическій департаментъ . . 285
Гирвасъ, водопадъ 72
Гирвасъ, водопадъ (Рисунокъ). . . . 8—9
Главный домъ въ Н.-Новг. 422, 423, 440, 443
«Глазнецы». 345
Глинскіе 44
Глухово 431
Глѣбъ Васильевичъ, князь 41
Глѣбъ Святославовичъ, князь новгородскій 167, 209
Глѣбъ Андреевичъ, вел. князь, святой. 447, 448, 452
Глядень 187
Гнилка, порогъ 26
«Гнусы» 412, 414, 415
«Годовики» 260
Годунова, Ксенія 39
Годуновъ, Борисъ 35, 43, 98, 211, 257, 406, 409, 410

стр.

Голгофа въ Соловкахъ 257
Голицынъ, Дмитрій, князь 93
Голицынъ, Михаилъ Михайловичъ, кн. 93
Головинъ, зять Ломоносова . . 223, 225
Гольфстремъ 289, 305, 306, 356
Гомъ 378, 379
Горицы 39, 43
Городецкъ 132
«Городище» въ Устюжнѣ 33
«Городище» въ Холмѣ 114
«Городокъ, что при Мстинскомъ шлюзѣ». 131
«Городъ Архангельскъ», корабль . . 233
Горѣла, гора 337
«Государева дорога» 100, 398
Государевъ лугъ 180
Государевы ворота 93, 94
Гочкисъ; его пушки 245
«Гралицы» 354
Грибаповская мануфактура. 195, 196, 197
Грибановская мануфактура. Плясъ рабочихъ (Рисунокъ) 198
Грибановъ, В. И. 196
Грибановъ-Фонтейнесъ, торг. домъ . 237
Григорьевъ, архитекторъ 428
Гриммъ, проф.-зоологъ. 280, 319, 320, 360
«Громовыя стрѣлы» 77
«Громъ-камень» 180
Гротъ, академикъ 77
Грузино . . . . . 6, **10—19**, 426
Грузино. Домъ гр. Аракчеева (Рис.) . 15
Грузино. Общій видъ съ р. Волхова (Рисунокъ) 16
Грузино. Памятникъ Александру I (Рисунокъ) 17
Грузино. Часы въ память имп. Александра I (Рисунокъ) 15
Грузинская волость 16
Грузинскій паркъ 12, 16
Груманта 79
«Грусна» 330
Грязовецъ. 173
Губа Ары (см. Арская губа).
Губбартъ, Джонъ 94
Губкинъ, А., торг. фирма 431
«Гузе! гузе!» 99, 233
Гулевичъ, В., изслѣд. Мурмана . . . 334
«Гуріи» 320, 356
Гурьево, деревня 414, 415
Гусь, воевода 220
Гутуевскій домъ (дворецъ). . . . 28, 31
Гутуевъ, купецъ 28, 31
«Гюйсъ» 363
Давидъ Федоровичъ Святой, кн. яросл. 144
Давидъ, Феодоръ и Константинъ, святые князья, мощи ихъ 152
Далматъ 44
Даль, архитекторъ. 422, 423
Дальній Кузовъ, ... 274
Даниловское пустынножительство . . 400, 401, 410
Даниловы, Андрей и Семенъ, раскольники 400
«Дахи» 366, 367
Двина Сѣверная, Большая . . . . 65, 98, 99, 174, 176, 178, 187, 189, 191, 192, 193, 197—199, 200, 201, 207, 208, 209, 210, 217, 220, 226, 228, 230, 231, 233, 234, 235, 238, 335, 357, 365, 370, 372, 379, 391

стр.

Двина Сѣверная, Малая 178, 187, 195, 196, 197
Двинская страна (земля) . . . 208, 210
Двинскіе бояре 220
Двинскъ 102
Двойнишковъ, крестьянинъ-самоучка . 182
«Дворцовая Ловецкая слобода» . . 135
Де-Витте 56
Девлетъ-Гирей 45, 452
Де-Волантъ 56
Девятинскій погостъ (Рисунокъ) . . . 55
Девятины, село 56
Дегтярня 34
Деденевъ 56
Делсусь 146
Де-ла-Гарди 122
Демань. 116
Демидовъ, горнозаводчикъ 438
Демина гора 116
Демонь 116
Демянское, село 116, 117
Демянскъ . . . . 77, **115—117**, 118, 122
Денисовка 223
Денисовъ, Андрей, раскольникъ. 400, 401
Денисовъ, Семенъ 271
Департаментъ военныхъ поселеній. . 16
Деревская пятина. 116
Державинскій домъ въ Петрозаводскѣ. 77
Державинъ, Г. Р., поэтъ. . . 77, 171, 281
«Діана», судно 335
Діонисій, архим. Троицк. лавры. . . 267
Діориты 70
Дмитріево, село 176
Дмитріевская башня 34
Дмитрій Іоанновичъ Донской, вел. кн. 26, 171, 173, 210
Дмитрій и Константинъ Борисовичи, князья ростовскіе 193
Дмитрій, князь звенигородскій . . . 44
Дмитрій Прилуцкій, святой . . 171, 173
Дмитрій Ростовскій. 98, 158, 160, 162, 164
Дмитрій царевичъ 45, 205, 211
Долбёжки 185
Долгія озера. 408
Долгорукій, Василій, князь 93
Долгощельская волость 365
Долоцкъ. 35
Донской, Дмитрій (см. Дм. I. Донск.).
Доншкоутъ 87
«Доріи» 303
Досифея, игуменья 127
Дубиха 31
Дубки 101
Дудергофъ 454
Дудлей, лордъ 313
Думина гора 116
«Дуракъ», островъ 70
Душегубки 185
Дымковская слобода 195
Дѣдовскій островъ 178

стр.

Евдокія Феодоровна, 1-я супруга Петра I 178
Егла, деревня; уголокъ въ ней (Рис.) . 20
Егла, порогъ 26
Егорьевскій погостъ 211
Едрово 125
Екатерина I, императрица. 169
Екатерина II, императрица 28, 31, 85, 94, 107, 113, 123, 125, 127, 130, 131, 146, 147, 221, 320, 338, 378, 415, 422, 448, 452
Екатерининская гавань (бухта) . . . 306, 320, 334, 335, 336, 339, 340, 348, 357
Екатерининская площ. въ Боровичахъ. 28
«Екатерининскіе рубли» 401
Екатерининскій каналъ . . 199, 200, 406
Екатерининскій островъ 94
«Елена», судно 317, 319, 329
Елисавета Петровна, императрица . 94, 123, 378, 452
Елисей, подвижникъ 394
«Елунцы» 300
Елчанинъ, дьякъ 220
Ельники, островъ 220
Енисей 230, 285
Епифаній Премудрый 159
Еретики въ Урской губѣ . . . . . 310, 313, 322, 326—332, 335, 343
Ермаковы 130
Ермакъ 203
Ермолай и Тимофей, карлики Петра Вел. 169
Ершовъ, самоучка-судостроитель. 99, 234
Ершовы, потомки Ломоносова . . . 223
Ижданц, село 30
Жемчужница 280
Женщины съ Куростровa (Рисунокъ). 222
Живоносный источникъ въ Соловкахъ. 273
Жигули 333
Жидятинъ порогъ 184
«Житья» 231
Жужмуй, островъ 375
Жуковъ, Петръ Фомичъ, новорж. гражд. 111
Жукъ, Мишка, попъ 111
Журавка, рѣка 414
Журавлевъ, М. Н., заводч. въ Рыбинскѣ 140
Журавлевъ, Н. 139
Журавлевъ, торг. фирма 438
«Забіяка», крейсеръ 238, 244, 245, 246, 247, 274, 276, 283, 284, 286, 287, 288, 289, 293, 306, 309, 310, 329, 332, 336, 348, 355, 363, 374, 385, 387
«Заборъ» для ловли семги (Рисунокъ). 392
«Заборы» для рыбы 391
Забѣлинъ, историкъ 450
«Заводскій» бейшлотъ въ В.-Волочкѣ . 127, 130
Заволочье . . . . . 98, 116, 165, 167, 208—214, 218, 220
Загуляевъ, самоучка-судостроитель. 99, 234
Задонскій, Тихонъ. 120
Замойскій, гетманъ 113
Заонежье 211

стр.

Заостровье 115, 226
«Записка» Жукова по исторіи Новоржева 111
Заруцкій 35
«Затворъ» ростовскій. 98, 159
Заячій островъ, Большой 248
Заячьи островки 247
Звозъ, деревня 37
Зеленецкая губа 335
Зеленскій съѣздъ 423
Земщина 45
Зимогорцы 123
«Знаменитый», шлюзъ 176
Золотыя ворота во Владимірѣ . . . 451
Зосима, преподобный. . 251, 254, 260, 266
«Зуграфное мастерство». 260
Зуево (село Михайловское) 109
Зуйки 293, 297, 301, 321
Зыряне. 165, 203, 363
Зырянская азбука 98, 159
Ивановскіе острова 411
Ивановъ, Родіонъ, кормщикъ 285
Иванъ, купецкій сынъ 79
Игнатій, преподобный 162
Иго татарское 41
Ижина, рѣчка 32
Ижора 91, 92
Изборскъ 101
Икона Архистр. Михаила въ Островѣ. 103
Икона Благовѣщенія въ Сольвычегодскѣ 205
Икона Божіей Матери въ Толгскомъ монастырѣ 144, 146
Икона Владим. Божіей Матери во Владимірѣ 451
Икона Владим. Божіей Матери въ Ярославлѣ 152
Икона Знаменія Божіей Матери въ Соловкахъ. . . . . 264—266
Икона Иверской Божіей Матери въ Святоезерск. мон. 123, 124
Икона Іоанна Праведнаго въ Устюгѣ Великомъ 193
Икона Казанской Божіей Матери въ В.-Волочкѣ. 127
Икона Одигитріи, Божіей Матери, въ Святогорск. мон. 104, 106
Икона Одигитріи, Божіей Матери, въ Устюгѣ Великомъ 193
Икона Петра и Павла въ Повѣнцѣ. 406, 410
Икона Прокопія Праведнаго въ Устюгѣ Великомъ 193
Икона св. Василія въ Бѣлозерскѣ. . 41
Икона св. Николая Чудотворца въ Нов. Ладогѣ 90
Икона «Сосновская» въ Соловкахъ. . 266
Икона Спаса Нерукотвор. въ Соловкахъ 248, 264
Иконинъ, художникъ 450
Илія, игуменъ соловецкій . . . 269, 270
Ильинское, село 217
Ильмень, озеро 113, 116, 127
«Ингерманландъ», судно. 235
Иностранцевъ, геологъ 307, 408
Ипатій, старецъ-раскольникъ 400

стр.

Иринархъ, преподобный 266
Ириней Нестеровичъ, архіеп. иркутскій 171
Ирма 38
Исаія, преподобный 162
Исачка, сотникъ соловецкій 271
Ишъ-горы 72
Іаковъ Боровичскій; его мощи въ Иверскомъ мон. 30, 123, 124
Іаковъ, святой; его мощи въ Яковл. монастырѣ 164
Іеронимъ, епископъ владим. 448
Іоакимовскій звонъ 162
Іоакимъ 30
Іоаннъ Антоновичъ Ульрихъ 94
Іоаннъ Даниловичъ Калита 210
Іоаннъ, инокъ (Хабаровъ) 44, 45
Іоаннъ Іоанновичъ, царевичъ. . . . 213
Іоаннъ, князь угличскій 171
Іоаннъ III, король шведскій 113
Іоаннъ Лѣствичникъ 264
Іоаннъ Многострадальный 178
Іоаннъ III, царь 116, 134, 135, 152, 167, 210, 220, 254
Іоаннъ IV, Грозный 6, 32, 39, 43, 44, 45, 46, 60, 65, 94, 99, 113, 114, 122, 144, 150, 165, 167, 169, 171, 173, 180, 203, 207, 213, 230, 254, 257, 266, 267, 422, 452
Іоиль, настоятель Спасо-Преобр. мон. 154
Іоканка, рѣка 356
Іоканская гавань . . . . . **354—361**
Іоканскіе острова . . . 336, 355, 356, 360
Іоканскій погостъ 358
Іомала 99, 203, 220
Іона, инокъ (Воротынскій). 44
Іона, инокъ (Ив. Вас. Шереметевъ-Большой) 45, 46
Іона Климецкій. 82
Іона, настоятель Соловокъ. 254
Іона Сысоевичъ, митрополитъ. . 152, 160
Іоннскій звонъ. 162
Іосифъ, архимандритъ 270, 271
Іосифъ Волоцкій (Волоколамскій) . 47, 48
Кабестаны 139
Казанскій походъ 45
Казиміръ IV, король польскій . . . 134
Кайра, птица 309
Калгуевъ 321, 363
«Калевала» 71
Калита, Іоаннъ Даниловичъ 210
Кама 200
Камбала 325
Кандалакскій берегъ 286
Кандалакскій заливъ (губа) 281, 283, 352, 374, 390, 391
Кандалакша 296
Кандалуха, губа 286
Кандійская земля 98
Канинская тундра. 363
Канинъ Носъ 286, 321
Капище Купалы 33
Караванъ-Сарай 435
«Каракули» 34, 35
Карамзинъ, историкъ. 148, 150
Карамышевъ, бояр. нижег. 451
Карголомъ. 41, 43
Каргопольскій уѣздъ 381
Карелія 223
Карельскій берегъ. 254
Карельское, село 381
Кармакулы, Малыя 260
Карское море 285
Касаковскій, полковникъ 34
Касатка 352, 354
Каспійское море (Каспій) 54, 127, 140, 336, 360
Качаловъ 205
Качка (Рисунокъ). 8, 9
Каюки; ихъ проходъ черезъ шлюзы (Рисунокъ). 55
Кеврольскій станъ. 366
Кегостровъ 199, 226, 244
Кексгольмъ (Корела) 92
«Кекурій» 320, 356
Кельтмы, рѣки 199, 200
Кемлянка (Рисунокъ). 279
Кемская волость 209
Кемскій уѣздъ. 281, 283, 313, 363, 380, 391
Кемь, городъ . . . . . 97, 255, 274—283, 284, 294, 329, 335, 337, 340, 362, 385, 390, 409
Кемь, городъ. Видъ отъ моста на р. Кеми. (Рисунокъ) 275
«Кемь», пароходъ 357
Кемь, рѣка 276, 277, 390
Кенскій, Пахомій 60
«Кережки» 345
Керетьская волость 331
Кереть 354
Киберка 301
Кивачъ . . . . . **69—77**
Кивачъ, водопадъ (Рисунокъ). . . . 74
Килевейнъ, архитекторъ 422
Килликійскій крестъ . . . . . 171—173
Кильдинскій погостъ 301
Кильдинъ, островъ. 304, 307, 327, 333, 335, 348, 349
Кильмезь, рѣка 193
Кирилловская библіотека 44
Кирилловцы 139
Кириллов, городъ . . . . 36, **39—48**, 97
Кириллъ Бѣлозерскій. 6, 41, 43, 44, 52, 159
Кириллъ, митроп. моск. 154
Кіріаландія 209
«Кирьякъ» 391
Кислая губа 333
Киты 288, 340, 352, 354
Киты у Святаго Носа (Рисунокъ) . . 351
Кіевъ 41, 167, 400, 447
Кіо, островъ 375, 386
Кіо, островъ. Кладбищ. церковь (Рис.). 389
Кіо, островъ. Крестный монаст. (Рис.). 388
Кладбище голландцевъ въ Девятинахъ. 58
Кларкъ 379
Клейнмихель, графъ 11
Климецкій, Іона 82
Климецкій островъ . . . . . **78—82**
Клингстенъ 233
«Клинская сторона» въ Холмѣ . . . 114

стр.

Княжіе терема въ ростовск. кремлѣ . 160
Кобылій 101
Ковда 182
Ковжа 53, 54, 56, 98
Кожеезерскій, Никодимъ 60
Козловъ, торг. фирма. 433
Койденская волость 365
Койницы, деревня. 408
Кокоревскія соляныя варницы . . . 182
Кола, городъ . . . . . 97, 100, 296, 304, 306, 332, 334, 335, 337, **338—347**, 362, 366, 370, 378, 390
Кола. Выставка. Лопарскій чумъ (**Рисунокъ**) 344
Кола, полуостровъ. 209, 280
Кола, рѣка 336, 337, 343, 356
Коленце 139
Коломенки 142
Коловіи на Мурманѣ. 301
Колпинская станція 454
Колычевы, бояре 266, 267
Кольнишевскій, конвой атаманъ . . 268
Кольская губа . . . . . 319, 327, 332, **333—337**, 339, 340, 348
Кольскій уѣздъ 363
Колянка за станиной (**Рисунокъ**). . . 346
«Комары». 450, 451
Коммерцъ-коллегія. 77
Компанія Онежскаго лѣсного торга . 378, 379
Конда 283
Конвоводки. 139, 140
Константина шлюзъ 53
Константинъ Всеволодовичъ, великій князь. 152
Константинъ и Дмитрій Борисовичи, князья ростовскіе 193
Константинъ Николаевичъ, великій князь. 254, 255
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ . 102, 448
Константинъ, святой, князь 150
Константинъ Святославовичъ, князь муромскій 28
Константинъ, Ѳеодоръ и Давидъ, святые князья; мощи ихъ 152
Кончанское, село 31, 91
Кончезеро. 70
Кончезерскій заводъ 65, 68, 77
Кончезерскій заводъ (**Рисунокъ**). . . 76
Кончезерскія желѣзныя воды . . . 77
Копань. 123
Копылово. 186
Корела (Кексгольмъ) 92
«Корелка». 415
Корелы. 70, 71
Кореля. 91
Кормщикъ. 297
Корнилій Комельскій. 43
Корнилій Палеостровскій 60
Корнилій, старецъ-раскольникъ . . . 400
Корниловы, торг. фирма 435
Коровники 154
Корось, озеро 397
«Коротенька» 343
Короцкая женская община 120
Короцко 120
Короцкое озеро. 120
Корочинская роща 116
Коскогорская спасательная станція . 244
Косой, Василій 134
Костомаровъ, историкъ . . . 98, 195, 211
Костровъ, заводчикъ 195
Кострома 26, 134
Костромская губернія 182
Котельный 101
Котласъ 189, 193, 201, 207
«Кошельковый неводъ» 302
Кошкино 116
Кошкинъ маякъ (**Рисунокъ**). 8, 9
Кошковъ, серебряникъ 195
Коянскіе нѣмцы 281
Коянъ 281
Крамцъ, судостроитель 245
Красное Село 454
Красный 101
Крейсеръ, окруженный флотиліей бѣлужниковъ (**Рисунокъ**) 373
Кремль нижегородскій 422
Крестининъ, историкъ Холмогоръ . . 218
Крестовоздвиженская часовня въ Боровичахъ 28
Кривичи 113, 209
Кривой Поясъ 79
Крохино 41
Крохинцы. 137
Крохинъ 137
Крымцы 45
Крымъ 358
Крыловъ, отст. унтеръ-офицеръ . . 268
Ксенія Годунова 39
«Кубасъ» 297
Кубинское озеро 174, 176
Кувакинская Выставка 184, 185
Кувакинская Выставка (**Рисунокъ**). . 183
Кудринъ, торг. фирма 435
Кузнецовъ, чаеторговецъ 431
Кузнецовъ, фарф. фабрикантъ . . . 435
Кузова, острова. 247, 274
Кузовъ, Дальній 274
Кузовъ, Нѣмецкій. 274
Кузовъ, Ольховый. 274
Кузоменя 283
Кузоронда, деревня 410
«Куйвакса» 343
Кулибинъ, механ.-самоучка 422
Кулой, рѣка 363, 365, 374
Кулойскій посадъ 366
Кунья, рѣка 114
«Купецъ», пароходъ 174
Курбскій, князь 45, 267
Курганы 12
Курмы 182
Курополка, рѣчка 217
Куростровъ 223
Курочкинъ, самоучка-судостроитель 99, 234
«Курье» 196
«Курьеръ», фрегатъ 217
Кушелевъ, графъ 116
Кушелевъ, путешеств. . 340, 354, 357, 391

стр.

Кушмозеро 82
Кушрѣка 385
Кыркаловъ, Фома, мезенецъ 367
«Лабазы». 382
Лабзинъ 431
Лавинскій, ген.-губ. Вост. Сибири . . 171
Лагоріо, художникъ 91
Ладо; празднованіе его 30
Ладога 92
Ладожскіе каналы. 91
Ладожскій батальонъ. 93
Ладожскій каналъ 127
Ладожское озеро . 87, 90, 91, 92, 93, 409
Лазаревъ, лейтенантъ. 286
«Лайка» (собака) 79
Лампожня 98, 210
Ландскрона 92
Левшинъ, нач. Яросл. губ. 160
Леденгскій солевар. заводъ 182
Ледовитое море (океанъ) 60,
97, 100, 159, 223, 226, 228, 234, 238,
244, 246, 273, 284, 285, 286, 288, 289,
294, 304, 305, 306, 333, 334, 349, 352,
354, 358, 406, 408, 409
«Ледоколъ», пароходъ 85
«Леера» 289
«Лежа», ... 298
Лекса, монастырь . . 7, 82, 271, 401, 410
Лекса, рѣка 401
Лемке, архитекторъ 428
Леонтій, преподобный 162
Лжедмитрій (Григ. Отрепьевъ) . . . 34
150, 180, 195, 211
Лиманъ. 94
Линдесъ, торг. домъ 237
Липицы, погостъ 118
«Липты» 370
Литва (литовцы) . 43, 101, 113, 132, 146
Литке, мореплаватель. . . 285, 286, 366
«Литовскія могилы» 32
Литовскія озера 35
Лица, губа 335
Лобановъ, князь 116
Лобно, погостъ 111
Ловать, рѣка. 112, 113, 114
Ловецъ жемчужинъ (Рисунокъ) . . . 278
Логмозеро. 68
Лодейное Поле . . . . 7, 83—89, 97, 416
Лодейное Поле (Рисунокъ). 88
Лодейнопольская верфь. 87
Ломоносовская площадь. 238
Ломоносовская площадь и гимназія въ Архангельскѣ (Рисунокъ) 240
Ломоносовское училище въ Денисовкѣ. 223
Ломоносовское училище въ Денисовкѣ (Рисунокъ). 224
Ломоносовъ, Вас. Дороф., отецъ поэта 223
Ломоносовъ, Мих. Вас. . . . 99, 213, 223
Ломоносовы 223
Лопари. 345
Лопарка съ корежкой (Рисунокъ) . . 342
Лопарь съ болкомъ (Рисунокъ) . . . 341
Лососинка, рѣчка 65, 68
«Лось», камень. 180
«Лохъ». 200, 391

стр.

Лошкинъ, кормщикъ 285
«Луда» 82
«Луиза», судно 244
Лука, епископъ владим. 450
Лука, хозяинъ 113
Луковецъ, село 36
Луковица, рѣчка 118
Лысково, село 322
Львовъ, князь 270
Льняной буянъ въ Архангельскѣ . . 235
Лѣстница, порогъ 26
Лѣтнегорская спасат. станція . . . 244
«Лѣтникъ». 360
Любань. 10
Ляльскъ. 195
Магнусъ, король шведскій. 92
Маймакса 238
Майновъ 398
Макарій Вышкозерскій. 60
Макаровъ, кабинетъ-секретарь . . . 169
Макарьевская пустынь въ Соловкахъ . 263, 273
Макарьевская ярмарка 423
«Макса» 298, 327, 328
Максимовъ, изслѣдов. Сѣвера. 199, 217, 225
«Малицы». 366, 367
Малокрошечные, купцы. 415
Малюта Скуратовъ 100, 267
Мангазея 230
Марбургъ 223
Маргаритинская ярмарка . 237, 294, 301
Марина, жена Лжедмитрія 150
Маріинская водная система 6,
36, 41, 49, 54, 83, 98, 127, 135, 136
Марія Святой шлюзъ. 56
Марія Нагая, жена Іоанна IV . . . 36
Марія Павловна, Вел. Княг. . . 131, 443
Марія Феодоровна, вдовств. Гос. Имп. 443
Марія Феодоровна, императрица . . 54
Маркъ Гробокопатель 178
Мартиніанъ 43
Мартосъ, скульпторъ. 223
Марфа Борецкая (см. Борецкая М.).
Марфа, инокиня, мать царя Михаила. 410
Масельга. 272, 398, 405, 408
Матвѣйка, отрокъ Стефана Пермскаго. 159
Матигоры. 220
Маткоозеро 408
Маткоозерскій каналъ 56
Матюшкинъ, бояринъ. 387
Машозерка 399
Меглино, озеро 32
Мегля, рѣчка 32
Медвѣдецъ, порогъ 85
Медвѣдица, оврагъ 152
Медвѣдка, урочище 90
Медвѣжій островъ. . . 320, 355, 356, 358
Межеумокъ 137
«Межники» 360
Мезенскій заливъ . . . 362 371, 372, 374
Мезенскій уѣздъ 52, 363
Мезень, городъ 97, 210, 347, 361, 362—371,
372, 378
Мезень, городъ (Рисунокъ). 368
Мезень. Новый соборъ (Рисунокъ). . 361

стр.

«Мезень», пароходъ 363, 372
Мезень, рѣка 209, 363, 370, 371, 372, 378, 379
Мезень. Старый соборъ (Рисунокъ). . 369
Мелетій, настоятель Соловокъ . . . 254
Мелиссино, островъ 12, 16
Меньшиковъ 13
Меря 98, 148, 209
Мещериновъ, воевода 271
Мещерское озеро 435
Милютины, братья, Н. и В. 37
Мининъ 154, 267, 422, 423, 429
Минкина, Настасья 11
Митрофановъ, поморъ 237
Митрофанъ, епископ. владим. 451
Михаилъ, инокъ (Морозовъ) 44
Михаилъ Осодоровичъ, царь 98, 135, 150, 154, 167, 211, 254, 257, 268, 338
Михайловское, дер. А. С. Пушкина 107, 109
Михайловское, сельцо (Рисунокъ) . . 106
Михайловъ, писатель-путеш. 223, 281, 354
Мневскій порогъ 414
Многострадальный, Іоаннъ. 178
Могильная губа. 335
Моисеевъ островъ 226, 228, 234
«Мойва», пароходъ 303
Мойва, рыбка 298, 302, 340
«Мойвенныя» артели. 302
Мойка 65
Молога . . . 26, 32, 33, 34, 35, 132, 134
Молотковъ, торг. фирма. 433
Молчановъ, торг. фирма 433
Монастырь Александро-Невская лавра 221
Монастырь Архангельскій въ Архангельскѣ 226
Монастырь Архангельскій въ Устюгѣ Великомъ 193
Монастырь валдайскій Иверскій Святоозерскій Богородицкій первоклассн. 117, 122, 123, 124
Монастырь валдайскій Иверскій (Рис.) 21
Монастырь Введенскій въ Бѣжецкѣ . 134
Монаст. Введенск. въ Сольвычегодскѣ 201, 205
Монаст. Введенск. въ Сольвычегодскѣ (Рисунокъ) 206
Монастырь Владимірскій дѣвичій . . 39
Монастырь Волоколамскій 47
Монастырь Воскресенск. въ Череповцѣ 36
Монастырь Выксинская пустынь . . 36
Монастырь Горицкій женскій. . . 38, 39
Монастырь Горицкій женскій (Рис.) . 40
Монастырь Даниловскій раскольничій 7, 82, 271, 401, 410
Монастырь Задонскій Богородицкій . 120
Монастырь Ипатьевскій. 107
Монастырь Казанскій женск., въ Вышнемъ Волочкѣ. 127
Монастырь Кирилло-Бѣлозерскій . . 6, 38, 41, 43, 44, 45, 46, 99, 144—146, 167
Монастырь Кирилло-Бѣлозерскій (Рис.) 42
Монастырь Кіево-Печерская лавра . 203
Монастырь Климецкій 82
Монастырь Климецкій (Рисунокъ) . . 80

стр.

Монаст. Коропкій Тихановскій дѣвич. 120
Монаст. Коропкій Тихановскій дѣвич. (Рисунокъ). 121
Монаст. Крестный на Кіостровѣ 385, 386, 387
Монастырь Крестовоздвиженскій женскій въ Бѣжецкѣ 134
Монастырь Крестовоздвиженскій женскій въ Н.-Новгородѣ. 428
Монастырь Лексинскій, раскольничій . 7, 82, 271, 401, 410
Монастырь Медвѣдскій 90
Монастырь Никольскій, въ Арх. губ. 209
Монастырь Отрочъ, тверской 267
Монастырь Палеостровскій . . . 82, 410
Монастырь Печенгскій 60, 338
Монастырь Печерскій въ Н.-Новгор. 422
Монастырь Предтеченскій женскій въ Устюгѣ Вел. 187, 193
Монастырь Саввинъ-Сторожевскій . . 270
Монастырь Свирскій. 272
Монастырь св. Василія въ Бѣлозерскѣ 41
Монастырь Святогорскій 103, 104—109, 110, 111
Монастырь Святогорскій (Рисунокъ) . 105
Монаст. Св.-Духовъ, въ Боровичахъ 30, 124
Монастырь Св.-Духовъ, въ Боровичахъ (Рисунокъ). 29
Монастырь Сергіева пуст., на Сухонѣ 178
Монастырь Симоновъ, въ Москвѣ . 43, 44
Монастырь Сипозерская пустынь . . 35
Монастырь Сійскій . . 98, 211, 213, 238
Монастырь Сійскій (Рисунокъ) . . . 212
Монастырь Соловецкій (Соловки) . . . 19, 41, 97, 99, 209, 230, 231, 238, 245—273, 274, 281, 294, 335, 338, 339, 378, 386, 390, 394, 398, 400
Монастырь Соловецкій. Видъ съ угловой башни (Рисунокъ). 250
Монастырь Соловецкій. Внутренній дворъ. Колокольня «Благовѣстника» (Рисунокъ). 252
Монастырь Соловецкій. Общій видъ (Рисунокъ). 249
Монастырь Соловецкій. Одна изъ гостинницъ (Рисунокъ) 262
Монастырь Соловецкій. Оружейная палата (Рисунокъ). 269
Монастырь Соловецкій. Савватіевъ скитъ (Рисунокъ). 265
Монастырь Соловецкій. Скитъ Сѣкиръ-Гора (Рисунокъ). 272
Монастырь Соловецкій. Трапеза (Рис.). 261
Монастырь Соловецкій. Чайки (Рис.). 253
Монастырь Соловецкій. Часть стѣны за гатью (Рисунокъ) 255
Монастырь Соловецкій. Экипажъ спасательной лодки (Рисунокъ). . . . 256
Монастырь Спасо-Мирожскій. . . . 106
Монастырь Спасо-Преображенскій въ Ярославлѣ 146, 152, 154
Монаст. Спасо-Прилуцк. въ Вологдѣ . 171
Монастырь Спасо-Суморинъ Феодосьевъ, въ Тотьмѣ. 180
Монастырь Спасо-Суморинъ Феодосьевъ, въ Тотьмѣ (Рисунокъ) 181

стр.

Монастырь Старо-Ярославскій . . . 270
Монастырь Суздальскій 178
Монастырь Толгскій . . 144, 146, 152, 171
Монастырь Толгскій. Придѣлъ Св. Ѳеодора, Давида и Константина . . . 146
Монаст. Троице-Сергіева лавра. 41, 171, 267
Монаст. Троицкій, на р. Югѣ. . 195, 196
Монастырь Успенскій женскій въ Холмогорахъ. 218, 221, 301
Монастырь Успенскій женск. въ Холмогорахъ. (Рисунокъ) 219
Монастырь Ферапонтовъ 46
Монастырь Чуда Архангела Михаила. 228
Монастырь Чудовъ, въ Москвѣ . . . 248
Монастырь Юрьевъ, въ Новг. губ. . 19
Монаст. Яковлевскій, близъ Ростова . 164
Монаст. Янковскій, въ Устюгѣ Вел. . 195
Моржи 313
«Морозники». 302, 303
Морозовъ (инокъ Михаилъ) 44
Морозовъ, Савва 429, 431
Морозовы, бояре 6
Морозовы, братья; торг. фирма . . . 429
«Морское сало». 360
«Морскія звѣзды» 360
«Морянка» 360
Москва 43,
45, 87, 98, 99, 102, 116, 122, 127, 130,
131, 134, 140, 150, 152, 154, 158, 159,
167, 169, 190, 203, 210, 211, 220, 230,
266, 267, 268, 270, 289, 302, 325, 336,
357, 400, 422, 425, 428, 431, 433, 447,
451
Московскій Кремль 203
Московскій (суздальскій) стиль . . 98, 160
Московское царство 201
Московско-петербургское шоссе . 122, 125
Мотовскій заливъ 307
Мохченская волость 365
Моша, рѣка 381
Мста, рѣка 6,
20, 21, 26, 30, 127, 130, 131
Мста, станція 130
Мстино, озеро (Мстинское) . 21, 127, 130
Мстинскій шлюзъ 127, 130
Мудьюгская спасат. станція 244
Мудьюгскій маякъ. 244, 385
Мудьюгскій островъ 234
Муксалма 147,
254, 255, 263, 266, 268, 273
Муравьевская башня. 422
Муравьевъ, лейтенантъ 286
Мурманъ 97,
100, 223, 230, 246, 247, 268, 274, 277,
281, 283, 289, 290, 294, 296, 300, 301,
303, 305, 306, 307, 313, 316, 320, 321,
322, 326, 327, 330, 331, 333, 334, 335,
336, 347, 348, 349, 356, 357, 358, 360,
362, 378, 379, 380, 394
«Мурманъ», пароходъ 303
Мурома. 209
Мурома, рѣка 398, 399
Муромъ. 209
Мусинъ-Пушкинъ, посвода ярославскій 147
Мышецкіе, князья. 400, 401

стр.

Мягкозерская, рѣка 398
Мянь-горы 72
Надъ бездной (Рисунокъ) . . . . . 8—9
Нажимочникъ-аукъ 297
Назарѣцкій погостъ. 313
Назъ, рѣка 313
«Наледный» промыселъ. 306
Намойные пески 83
На порогахъ (Рисунокъ). 8, 9
Нарема, село 176
Наримантъ Гедиминовичъ, литовскій князь. 92
Настасья Минина 11
На шнякѣ, Зускъ, тяглецъ и весельщикъ (Рисунокъ) 295
«Наѣздникъ», крейсеръ 247
Неаполь 171
«Неблой». 370
Нева 6,
85, 91, 92, 93, 94, 100, 127, 182, 200,
272, 306, 399, 414, 454
Нева, Малая. 217
Невка 404
Невскій бой на Ижорѣ 92
Неждановы, посадскіе люди 154
Незеленовъ 107
Немировъ-Колодкинъ, торг. фирма . . 435
Ненокскіе соляные источники . . . 303
«Нептунусъ», судно. 235
Непѣя, Іосифъ 65, 167, 169, 230
Неро, озеро 158, 164, 195
Неронинъ, кольскій мѣщанинъ . . . 327
Нестеровичъ, Ириней, архіеп. иркутск. 171
Несторъ, лѣтописецъ . 6, 98, 113, 152, 208
Неупокоевъ, гидрографъ. 285
Нечаевъ-Мальцевъ 435
Нечеры 230
Нѣлювъ, воевода 367
Нижегородская губернія 428
Нижегородская ярмарка . . 197, **419—446**
Нижегородская ярмарка. Видъ со стрѣлки (Рисунокъ). 439
Нижегородск. ярмарка. Видъ съ Алекс.-Невск. ул. (Рисунокъ). 444
Нижегородская ярмарка. Главный домъ (Рисунокъ). 431
Нижегородская ярмарка. Китайскіе ряды (Рисунокъ) 441
Нижегородская ярмарка. Общій видъ ярм. стороны и мостъ (Рисунокъ) . 436
Нижній базаръ 423
Нижній-Новгородъ 35, 97, 120, 134, **419—446**
Нижній-Новгородъ. Благовѣщенскій монастырь (Рисунокъ) 442
Нижній-Новгородъ. Видъ съ Ильинскаго проѣзда (Рисунокъ). 427
Нижній-Новгородъ. Гробница Минина (Рисунокъ). 424
Нижній-Новгородъ. Дворецъ въ Кремлѣ (Рисунокъ) 426
Нижній-Новгородъ. Ивановскіе съѣздъ и ворота (Рисунокъ) 430
Нижн.-Новгородъ. Нижневолжская набережная (Рисунокъ) 421

стр.

Нижній-Новгородъ. Общій видъ города и Оки (Рисунокъ) 420
Нижн.-Новгородъ. Софроновскій скверъ и видъ Оки (Рисунокъ) 434
Нижній-Новгородъ. Церковь св. Георгія (Рисунокъ) 425
Никаноръ, архим. Савв.-Стор. мон. 270. 271
Никита Пустосвятъ 221
Никитинъ, Михаилъ, поморъ . 100, 281
Никифорово, село 35
Никодимъ Кожеезерскій. 60
Николай Александровичъ, покойный цесаревичъ 146
Николай, архимандритъ 106
Николай I, императоръ 16, 18, 99, 102, 107, 171, 257, 408, 425, 448
Никольская мануфактура 429
Никольскій погостъ въ Боровичахъ. . 28
Никольскій рыборазводный заводъ . . 118
Никольское, мѣстечко 431
Никольское, село, на Сухонѣ 186
Никонъ, патріархъ. 44, 46, 117, 122, 123, 124, 146, 160, 268, 269, 270, 386, 387
Ниловицы. 38
Нилъ Сорскій . 6, 41, 43, 46, 47, 48, 159
Новая Земля 100, 209, 238, 244, 247, 260, 281, 285, 286, 288, 289, 306, 313, 320, 321, 335, 347, 357, 363, 365, 367, 374, 385, 393
Новая Ладога. . . . . 7, 89, **90—94**
Новгородка 103, 104
Новгородская Бѣжецкая пятина. . . 132
Новгородская волость 209
Новгородская вольница . . . 98, 209, 254
Новгородская губернія 70, 90, 91, 97, 125
Новгородская Деревская пятина . . 116
Новгородскія вѣчевыя владѣнія. . 122
Новгородскія старинныя владѣнія . . 90
Новгородцы 91, 92, 98, 113, 116, 132, 134, 148, 208, 209, 210, 378
Новгородъ. 97, 98, 116, 122, 132, 134, 220, 254
Новгородъ Великій (см. Великій Новг.)
Новоржевъ. . . . 97, 103, **110—111**, 117
Новосибирскіе острова 286
Новыя Холмогоры. 230
«Нодья» 382
Норвегія 26, 191, 288, 289, 304, 305, 306, 309, 316, 320, 321, 322, 335, 343
Норвежскій ромъ 321
Норвежцы. 209, 228, 298, 325, 327, 335, 349, 374
Норденшильдъ, мореплаватель . . . 238
«Норденшильдъ», судно 238, 244
Нормандія. 358, 360
Норманны. 209
Норская мануфактура 144
«Норья» 382
Носовы 431
Нотеборгъ. 91
Ныровская волость 211
Нѣмецкій Кузовъ 274

стр.

Нѣмецкія озера. 35
Нюксеницъ, село 186
Нюхацкая волость 254
Нюхацкій походъ . 100, 169, 231, 397, 399
Нюхча 375, 398, 399, 408
Обдорская земля 98
Обонежская пятина 6, 60
Образецъ, военачальникъ 210
Обратный путь вдоль Мурмана. . **348—354**
«Обская» экспедиція. 233
«Обь», рѣка 285, 286
«Обь», судно. 286
«Общество по Волгѣ», пароходство. . 139
«Обѣдникъ» 276, 360
Обѣдъ судорабочихъ на волжской полубаркѣ (Рисунокъ) 143
Огаревъ, ген.-губ. нижегор. 438
Огородниковъ, историкъ Архангельска. 230
«Озера» 174
Озерецковскій, академикъ 327
Озеровъ, воевода соловецкій 281
Ока 422, 437, 438, 440
Окладниковы, бояре новгор. 209
Олегъ 107
Оленій островъ 305
Оленій Рогъ 286
Оленья губа 333
«Олеофраки» 289
Олонецкая губернія 62, 79, 87, 97, 169, 190, 294, 380, 401, 408, 415
Олонецкая губернія. Типъ крестьянской постройки (Рисунокъ) 71
Олонецкіе заводы 65
Олонецкій горный кряжъ . . . 272, 398
Олонецкій край. 6, 7, 60, 62, 65, 78, 401, 409, 411
Олонецкое пустынножительство . . . 41
Олончане 79, 82
Ольга, княгиня 6, 26
Ольга Николаевна, великая княжна . 102
Ольгины погосты 98
Ольхонецъ, порогъ. 408
Ольховый Кузовъ 274
Ондрусовскій, Адріанъ 60
Онега, городъ 97, 234, 255, 281, 335, 374, 375, 378, 380, 385, 386
Онега, городъ. Анда. Группа охотниковъ (Рисунокъ). 383
Онега, городъ. Общій видъ (Рисунокъ). 376
Онега, городъ. Соборъ (Рисунокъ) . . 377
«Онега», пароходъ. 61, 357, 375, 385, 410
Онега, рѣка . 378, 379, 381, 385, 386, 390
Онежскій заливъ 375
Онежскій лѣсопильный заводъ. . 380, 381
Онежскій обводный каналъ. 83
Онежскій охотникъ съ лайкой (Рисунокъ). 384
Онежское озеро . . . . . 54, 56, **59—61**, 65, 68, 83, 100, 272, 375, 380, 396, 397, 398, 399, 405, 406, 408, 409, 410, 414, 416
Онежское побережье 60
«Опоки», порогъ 176, 186
Опоченскій посадъ. 26

стр

Опоченскій посадъ со стор. Боровичей (Рисунокъ) 23
Опоченскій рядокъ 26
Опочка 101, 111, 113
Опричина 45
«Опытъ», пароходъ 139
Орда 41
Орлецы 214, 218
Орловскій Александровскій институтъ. 18
Орловскій маякъ 286
«Оростяги» 237
Орша 110
Орша, озеро 110
Орѣховъ 92
Орѣховъ островокъ 92
Орѣшекъ 7, 91, 92, 93
Осиповъ 431
Осиповы, семейство 107
«Осорки» 32
Острова чаекъ (Рисунокъ) 350
Островичи 101, 102
Островскія легенды 101, 102
Островъ городъ . . . . . 97, **101—103**
Отеръ 209
Отечественная война 199, 233
Отрепьевъ, Григорій (см. Лжедмитрій I).
Отрепьевъ, Солмень 34
Отъ Кеми до Териберки . . . . . **284—291**
Отъ Мезени къ Онегѣ . . . . . **372—385**
Отъ Петербурга на Кивачъ. (Рисунокъ) 8, 9
Отъ Петровскаго яма къ Повѣнцу. 405—411
Отъ Соловокъ до Кеми . . . . . 274—283
Отъ Сумскаго посада до Петровскаго яма . . . . . **397—404**
Отъ Териберки къ Арѣ-губѣ. . . **304—313**
Отъ Устюга до Сольвычегодска . **196—200**
Охотское море 234, 320, 374
Павелъ, еписк. владим. 448
Павелъ I, императоръ 11, 13, 18, 31, 113, 116, 406, 415, 448
Павла святого шлюзъ 58
Павла шлюзъ (Рисунокъ) 55
Павловъ, лейтенантъ 286
«Падающія башни» 154
Падающія башни (Рисунокъ) . . 155, 156
Паисій, игуменъ соловецкій 267
Паисій, инокъ Сійскаго монастыря. . 214
Палеостровскій, Корнилій 56
Палехъ, село 450
Палица 268
Палицынъ, Авраамій . . 99, 211, 267, 268
Палицыны, родъ ихъ. 268
«Палтуха». 300
«Палтусовая карга» 325
Палтусъ, рыба 325
Памъ, волхвъ 98, 159
Памятникъ Александру I въ Грузинѣ. 15
Памятникъ Александру II въ Петрозаводскѣ 62
Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ. 223, 238
Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ (Рисунокъ). 241
Памятникъ Минину и Пожарскому въ Н.-Новгородѣ 425

стр

Памятникъ открытія Маріинскаго канала 56
Памятникъ офицерамъ Ростовск. грен. полка 11
Памятникъ Петру I въ Лодейномъ Полѣ. 87
Памятникъ Петру I въ Петрозаводскѣ. 62
Панкловскій погостъ 218
Панинъ, «осадная голова» 113
Параскева-Пятница 28, 111
Пароходъ «Олонецъ» (Рисунокъ). . . 8, 9
Пароходъ по каналамъ (Рисунокъ) . . 8, 9
Парфенка 281
Паскевичъ, графъ 109
Пастуховъ, торг. фирма. 438
Патракѣевская волость 385
Патрикій, ключарь владим. собора 451, 452
Пахомій Кенскій 60, 264
«Пахта» 333
Пелымь 94, 211
Переметы 182
«Пересвѣтъ», фрегатъ 234
Переславль 173
Пермская земля 98, 159
Пермскій, Стефанъ 98, 159, 187
Пермь-Котласская жел. дор. 189, 190, 192, 193, 207
Пермь 193, 200, 446
Пермяковъ, казакъ. 286
Перри 56
Перскій, Богданъ 34
Першица 281
Пески въ Н.-Новгородѣ 437, 440
Песоцкіе, паны 43
Пестовка, рѣчка 120
Пестовское озеро 120
Песья Денъга, рѣчка 180
Песья Луда 248
Петербургъ. 62, 65, 78, 87, 99, 100, 120, 125, 135, 147, 150, 169, 178, 180, 187, 189, 190, 191, 200, 211, 221, 233, 234, 271, 289, 294, 302, 325, 335, 336, 357, 382, 391, 394, 400, 401, 406, 408, 415, 416, 428, 453, 454
Петра св. шлюзъ 56
Петрикъ, самозванецъ 34
Петровскій полкъ 10
Петровскій ямъ . 396, 397, 403, 404, 405
Петровскій ямъ. Поселокъ (Рисунокъ). 402
Петровскій ямъ. Часовня (Рисунокъ) . 403
Петровскія сваи 405
Петровъ, холмскій посадскій человѣкъ. 114
Петрозаводскія горы 410
Петрозаводскъ. . . . . . 7, 61, **62—68**, 69, 77, 87, 406, 410, 411, 412
Петрозаводскъ. Александровск. заводъ (Рисунокъ). 66
Петрозаводскъ. Домъ, гдѣ жилъ Державинъ (Рисунокъ). 75
Петрозаводскъ. Общій видъ города (Рисунокъ) 63
Петрозаводскъ. Памятн. Александру II (Рисунокъ) 64
Петрозеро 70

стр.

Петръ, митрополитъ 205
Петръ I, Великій . . . . . 6, 11, 13, 26, 28, 33, 52, 53, 58, 62, 65, 77, 85, 87, 91, 92, 93, 94, 99, 100, 102, 107, 122, 125, 130, 134, 158, 164, 169, 170, 174, 176, 180, 190, 193, 215, 217, 218, 221, 228, 230, 231, 233, 248, 254, 257, 264, 306, 320, 336, 338, 340, 363, 365, 367, 375, 379, 396, 397, 398, 399, 400, 404, 405, 406, 408, 410, 422, 42[illegible]
Печенга, губа 401
Печерскій, Арефа 178
Печерскій, Феодосій (см. Феодосій Печ.).
«Печище». 113
Печки, порогъ 26
Печора. 286, 363, 365, 370
«Пешни» 374
Пидма 85, 416
Пименъ и Антоній, угодники; ихъ мощи. 165
Пименъ, инокъ (Щенятевъ) 44
«Пимы» 370
Пинега 365, 371
Пинежскій уѣздъ 237, 366
Пиросъ, озеро 21
Питиримъ, митрополитъ 423
«Побережникъ» 360
Повѣнецкій уѣздъ 79, 400, 401
Повѣнецъ . . . . . 65, 97, 100, 169, 231, 254, 272, 396, 397, 398, 399, 405—411
Повѣнецъ. Соборъ (Рисунокъ). . . . 407
Повѣнчанка 280, 406, 408, 410
Поданскъ 406
Подвысоцкій 343
Подозерная слобода 122
Подпорожье 412, 414, 415
Подсосенье 35
Подуженье, село 391
Подшивасовъ, Фома 34
Пожарскій, князь 150, 152, 154, 257, 267, 268, 429
Покровскій уѣздъ 429
Покровское, село 140
«Покровъ», китобойное судно. . . . 317
«Покручники» 294, 296, 297, 298
Пола, губа 333, 334
Полдневъ, мыловаръ 195
«Полканъ», пароходъ. 234
«Полуночникъ» 360
Полуночное солнце (Рисунокъ) . . . 353
Полушкина роща 147
Полушкинъ 147
«Польза», шлюзъ 53
Поляки. . 34, 35, 102, 113, 150, 154, 220
«Полярная Звѣзда», шхуна. . . 226, 335
Поморы 100, 280, 281, 291, 292, 296, 302, 380
Поморье 246, 290, 291, 294, 296, 302, 303, 309, 321, 325, 335, 357, 379, 390, 408, 409
Попой 283
Попька, рѣка. 280
По порогамъ (Рисунокъ) 72
Попъ Мишка Жукъ 111

стр.

Порогъ, село. 187
«Порогъ», семга. 390
«Пороки» 92
«Порочные мастера» 92
Порпорогъ 72
Порпорогъ (Рисунокъ) 8, 9
«Посадъ». Древн. часть г. Валдая (Рисунокъ) 119
Поспѣловъ, мореплаватель. 286
Потемкинъ, свѣтлѣйшій князь. . . . 127
Потерпѣлицкая пристань 26
Правая часть Валдайск. озера (Рисун.). 119
Предтеченская часовня въ Соловкахъ. 263, 271
Премудрый, Епифаній 159
Преображенская гора въ Шлиссельб. 91, 93, 94
Преображенскій полкъ 94
Приказъ Большого Двора 254
Прилуцкій, Дмитрій, святой . . 171, 173
Прионежье 60
«Припан» льдовъ 306, 329, 334
Пристань въ гор. Рыбинскѣ (Рисунокъ). 136
«Продольники» 325
Прокоповичъ, Ѳеофанъ 160, 400
«Прокопъ» 174
«Пролей-кашу» 176
Прохоровы 144
Прохоровыхъ товарищество 130
Прутавинъ, судостроитель 230
Псковичи 101, 102
Псковская губернія 97, 115
Псковскій бунтъ. 45
Псковъ . . . 98, 101, 102, 104, 106, 110
Пугачевъ 422
«Пугачъ». 331
Пудога, рѣка. 414, 415
Пудогъ, село 415
Пудожскій уѣздъ 79, 415
Пудожъ. . . . . 97, 410, 411, 412—416
Пудожъ (Рисунокъ) 413
Пуль-озеро 398, 399
Пупокъ-гора 398
Пупырыши, порогъ 85
Пустозерская волость 365
Пусторжевскій уѣздъ 110
«Путикъ» 330, 382
Пухово 195
Пушкинъ, А. С., поэтъ 104, 106, 107, 109, 111, 117
Пушкинъ, А. С. Крестъ на его могилѣ до постановки памятника (Рисунокъ). 105
Пушкинъ, Григорій Александровичъ . 107
«Пыжикъ». 370
Пятковъ, торг. фирма 433
Пятышевъ, купецъ 167
Рабо. 313
Разинъ, Стенька 270, 422
Размысловъ, мореплаватель 286
Раковскія соляныя варницы 180
«Ракушница». 280
Раскольничій мятежъ въ Соловкахъ . 269, 271, 400
Растъ-Наволокъ. 296
Расшивы 140

стр.

«Ревуха» 331
Рейнеке, гидрографъ 285, 327, 334, 340, 355
Рига. 435
Рёдіоновъ и К°, торг. фирма. . . . 433
Романова, Марфа 211
Романовъ, городъ 142, 180
Романовъ-Борисоглѣбскъ . . 97, 142, 144
Романовъ, Василій Никитичъ. . . . 211
Романовъ, Михаилъ Никитичъ . . . 211
Романовъ, Федоръ (Филаретъ) Никитичъ . . . . . 98, 211, 213—214, 238
Романовы, Царствующій Домъ . 150, 211
Романъ Владиміровичъ, князь . . . 144
Ромодановскіе 44
Ростовская область 148
Ростовскій, Дмитрій (см. Дмитрій Р.)
Ростовскій кремль 158, 160, 162
Ростовскій музей древностей. . . . 162
Ростовъ Великій. . . . . . 97, 98, 150, 152, 157, 158—164, 195, 209
Ростовъ Великій. Бѣлая палата. (Рис.). 163
Ростовъ Великій. Видъ съ озера. (Рис.). 161
Росцо, озеро 110
Ртищевъ, воевода устюженскій . . 34, 35
Рубежъ. 56
Рублевъ, художникъ 450
«Рубленый» городъ 152
Ружниковъ, мезенскій купецъ . . . 367
Рукавишниковъ, торг. фирма 438
Румянцевъ, министръ коммерціи . 321, 340
Русановскій заводъ . . 362—363, 366, 412
«Рухлядня» въ Соловкахъ. 263
«Рыбакъ», общество . . . 302, 303, 326
Рыбинскъ 135
Рыбачій полуостровъ . . . 306, 307, 325
Рыбинско-Бологовская жел. дор . 132, 137
Рыбинскъ. . . 37, 97, 134, 135—141, 142
«Рыбная слобода» 135
Рюрикова крѣпость . . . . 5—6, 91, 97
Рюрикъ. 41, 52, 150, 230
«Рябики» 393
«Рябишки» 393
Рябоевъ 77
Саватѣевъ, Иванъ. 169
Савва, отецъ Тихона Задонскаго . . 120
Савватіева пустынь въ Соловкахъ . . 273
Савватіевскій скитъ въ Соловкахъ (Рисунокъ) 265
Савватій, блаженный . . 60, 251, 260, 266
Савватій, келарь соловецкій 270
«Садъ Спасенія» книга 257
Сайда, губа. 333
Сальный, островъ . . . 355, 356, 358, 360
Сальный, островъ. Лопарскіе олени (Рисунокъ) 359
Самадовъ, матросъ. 61
Самокатъ 435, 437
Самоѣдская кочевка въ тундрѣ (Рис.). 243
Самоѣды 363
Санниковъ, сѣверный промышл. . . . 286
Сапожниковъ 431
Сапожничья гора 398
Сафоновъ, иконописецъ. 450
Сафоновъ, командиръ шхуны. 286
Сафоновъ, купецъ лодейнопольскій. . 87

стр.

Сафоновъ, арханг. вице-губернаторъ. 339
Сашка, сотникъ соловецкій. 271
«Сборники» монастырскіе . . . . 46—47
Свирскіе каналы. 91
Свирскіе лоцмана 85
Свирскіе пороги. 85
Свирь 82, 83, 85, 87, 200, 272
Свирь. Истокъ ея (Рисунокъ). . . . 84
Свирь. Селеніе Важины (Рисунокъ) . 86
Своеземцевы, бояре новгородскіе . . 209
Свѣтичная башня 94
«Святнаволокское товарищество» . . 380
Святого Павла шлюзъ 58
Святого Петра шлюзъ 56
Святое озеро (Валдайское). 122
Святое озеро въ Соловкахъ 268
«Святое Пророчество», фрегатъ. . . 231
Свято-озеро 452
Святой Анны шлюзъ. 53, 54
Святой, Давидъ Феодоровичъ, князь ярославскій 144
«Святой Духъ», фрегатъ 217
Святой Маріи шлюзъ. 56
Святой Носъ. 287, 288, 305, 306, 336, 352, 355, 356, 360, 362
«Святой Павелъ», царскій корабль. . 231
«Святой Петръ», яхта 230
Святой ручей 187
Святославъ 107
Святославъ Ярославовичъ, кн. тверской. 134
Свять-Наволокъ 60
Святыя Врата въ Соловкахъ 248
Святыя Горы. 103
Селивестръ, сов. Іоанна IV (онъ же свящ.-инокъ Спиридонъ) 44
Селигеръ, озеро. 120
Селижаровка 120
Селище, селеніе 117
Селищскій Рядокъ. 117
Сельги, горы. 408
Сельдяной промыселъ. 390
Селуневъ, посадникъ 254
Семеновскій полкъ. 93
Семжа, деревня. 365
Семужій промыселъ 390
Семь-Острововъ 301, 305, 335
Сергіева пустынь въ Соловкахъ. 263, 273
Сергіевъ мысъ 325
Сергій, архимандритъ 146, 270
Сергій, преподобный 44
Сердюковъ. 125, 127, 130
Серебренниковъ, купецъ 33
Сибирская пристань 433, 437, 438
Сибирь. 77, 159, 180, 189, 191, 195, 201, 203, 230, 374, 385, 431, 433
Сиверское озеро 43
Сиверскъ, губерн. и намѣстн. новг. . 43, 102
Сигизмундъ III, король польскій . 211, 267
Сиговецъ, порогъ 85
Сидоровъ 356
Синега, рѣчка 196
Синеусова столица. 91
Синеусовъ курганъ. 41, 98

стр.

Синецъ 5, 41, 52
Синичьи горы 104
Сириціусъ 94
Сить, рѣка 451
Сицкіе 6
Сійскій, Антоній 60
Сія 200, 211
Скоморошки 422
Скоморошская ярмарка 35
Скопинъ-Шуйскій 33, 34, 257
Скорая Запись 193
Скородумъ, порогъ 178
Скуратовъ, Малюта 100, 267
«Слава Россіи», судно 235
Славяне 167, 209
Сліяніе Шексны съ Волгой. (Рис.) . . 138
Смоленскъ 45, 122, 267
Смольяниновы, торг. фирма 435
Собакинъ, Варлаамъ 45
Собачьи Пролазы 56
Собачья Дыра, порогъ 85
«Соболиная» ярмарка 201
Соборъ Андреевскій въ Грузинѣ. 10, 11, 12
Соборъ Архангельскій (въ Архангельскѣ) 226, 228, 231
Соборъ Благовѣщенскій въ Сольвычегодскѣ 203, 204, 205
Соборъ Богоявленскій въ Мезени . . 367
Соборъ Борисоглѣбскій. (Рисунокъ) . . 145
Соборъ Бѣлозерскій 52
Соборъ Вышневолоцкій 127
Соборъ Георгіевскій во Владимірѣ . 452
Соборъ Дмитріевскій во Владим. (Рис.). 449
Соборъ Кемскій, новый. . 276, 277, 280
Соборъ Кемскій, старый 277
Соборъ Нижегородскій ярмарочный . 422
Соборъ Новоладожскій 90
Соборъ Онежскій 378
Соборъ Онежскій. (Рисунокъ) 377
Соборъ Петропавловскій въ СПБ. . 120
Соборъ Петропавловскій (старый и новый) въ Повѣнцѣ 409
Соборъ Петропавловскій (старый и новый) въ Повѣнцѣ. (Рисунокъ) . . . 407
Соборъ Преображенскій въ Н.-Новг. . 423
Соборъ Преображенскій въ Соловкахъ. 248, 257, 264, 266, 267
Соборъ Преображенскій въ Соловкахъ. (Рисунокъ) 258
Соборъ Преображенскій въ Соловкахъ. Царскія двери. (Рисунокъ) 259
Соборъ Рождества Богородицы въ Мезени 367
Соборъ Соломбальскій 235
Соборъ Софійскій въ Вологдѣ. 165, 166, 167
Соборъ Софійскій въ Вологдѣ. (Рис.) . 172
Соборъ Тотемскій 180
Соборъ Тотемскій. (Рисунокъ). . . . 179
Соборъ Троицкій въ Валдаѣ 120
Соборъ Троицкій въ Пудожѣ 415
Соборъ Успенскій во Владимірѣ . . 447, 448, 451, 452
Соборъ Успенскій во Владим. (Рис.) . 449
Соборъ Успенскій въ Москвѣ . . . 152
Соборъ Успенскій въ Ростовѣ Вел. 160, 162

стр.

Соборъ Успенскій въ Соловкахъ. . . 260
Соборъ Успенскій въ Сумскомъ посадѣ. 394
Соборъ Успенскій въ Устюгѣ Вел. 187, 193
Соборъ Успенскій въ Ярославѣ . . 150
Соборъ Холмогорскій 218, 221
Соборъ Холмогорскій. (Рисунокъ) . . 219
«Совъ-Доръ» 203
Соколиная гора 187, 193
Соколовъ, изслѣдователь Заволочья . 220
Соколовъ, отст. колл. ассес. 268
Солебай-Алемжанъ, бухарск. торговецъ. 435
Солнцевъ, академикъ 448
Соловарака 337, 338, 343
Соловецкіе острова 244, 247, 251, 254, 257, 273, 274, 276, 375
«Соловецкій», пароходъ . . . 248, 263
Соловецкое подворье въ Сумахъ. 393, 394
Соловки (см. Монастырь Солов.).
Соловьевъ, историкъ 419
Соловьевъ, торг. фирма 99
Соломбала. 226, 228, 231, 233, 234, 235, 244
Соломбальская верфь 231, 233
Соломенное 68
Соломенное, погостъ. (Рисунокъ) . . 67
Соломенская брекчія 68
«Соль» 203
Сольвычегодскій уѣздъ 197, 237
Сольвычегодскъ. 97, 180, 196, 198, 201—207
Сольвычегодскъ. Общій видъ. (Рис.) . 202
Сопка, деревенька 112
Сорка, рѣка 46
Сорока 234, 283, 391
«Сороки» 345
Сорокоумовскій, торг. фирма . . . 433
Сороть, рѣка 106, 109
Сороцкій заливъ 390
Сорскій, Нилъ (см. Нилъ Сорскій).
Сосницкая пристань 10
Сосновецъ, маякъ 286
Софія Алексѣевна, царевна . . 68, 400
Спасскій погостъ 28
Спиридонъ, священно-инокъ (онъ же Сильвестръ, совѣтникъ Іоанна IV) . 44
«Становища» на Мурманѣ . . 294, 301
Старая Ладога 91
Старая Русса 113
Старостинъ, поморъ 283
«Старый Бѣлозерскъ». 52
Стенбокъ-Ферморъ, горнозаводчикъ. . 438
Стенька Разинъ. 270
Степановы, бояре новгородскіе . . . 209
Стефанъ Баторій 102, 113
Стефанъ Пермскій. 98, 159, 187
Стефанъ, Преподобный 43
Стефанъ Яворскій. 160
Стороженскій маякъ 89
Стоянка шняки послѣ постановки яруса. (Рисунокъ) 299
«Стоянки» 297
Строгановъ, Аника 203
Строгановы . 173, 180, 203, 205, 209, 338
«Стрѣлка» въ Устюжнѣ 33
Суворовъ, А. В., полководецъ . . 31, 90
Суворовъ, приказчикъ въ Устюжнѣ. . 34
Судьбищи; битва при нихъ. 45

стр.
Суздальская земля. 158
Суздальскій (московскій) стиль . . 98, 160
Суздальскій пѣхотный полкъ 90
Суль. 327
Сума (см. Сумскій посадъ).
Сума, рѣчка . 280, 385, 390, 393, 394, 408
Сумкинъ, фабрикантъ въ Лальскѣ . . 195
Сумлянка (Рисунокъ) 395
Сумозеро 408
Сумостровъ 397
Сумскій порогъ 396
Сумскій посадъ (Сумы). . . . . 97, 100, 209, 251, 255, 272, 385, 386—396, 403, 408
Сумскій рейдъ 390
Суна 72, 73, 77
Суоярвскій заводъ. 68
Сухона . . . . . 65, 98, 174—184, 185, 186, 187, 195, 196, 197, 203, 210, 302, 357, 372, 391
Сухона. Кувакинская выставка. (Рис.). 182
Сухона. Село Бобровское. Церковь (Рисунокъ) 177
Сухона. Спасо-Суморинъ монастырь. (Рисунокъ) 181
Сушони, село. 28, 30
«Сѣверная» жел. дор. 228
Сѣверный океанъ (см. Ледовитое море).
Сѣверо-Двинская комп. парох. . . . 234
Сѣдяха, порогъ 85
Сѣкирная гора 251, 255, 257, 273
Сюзьма, рѣчка. 280
Сяськіе каналы 91
Сяськіе Рядки. 90
Талапога-губа 403
Талычъ, ордынскій царевичъ. . . . 451
Тарасій, старецъ 60
Татарское иго 41
Татары . 107, 113, 148, 180, 209, 450, 451
«Татинова сторона» въ Холмѣ . . . 114
Тверецкій каналъ 127
Тверская губернія 97, 225, 435
Тверская мануфактура 431
Тверскія княжескія владѣнія 122
Тверца. 127, 130
«Тверь», судно 235
«Творила». 231
Телекина, деревня 398, 399, 405
Телекинская, рѣка. 408
Телекинское озеро. 408
Темный, Василій (см. Василій Т.).
Териберка, бухта (см. Териберская губа).
Териберка, рѣчка 293, 301
Териберка, селеніе 289, 294, 297, 300, 301, 302
Териберская губа. . . . . 283, 289, 290, 291, 292—303, 304, 305, 307, 325, 335
Терскій берегъ 286, 305, 361, 362
Тиманская тундра 363
Тимофеевъ, Антипъ, лоцманъ. . . . 231
Тимофей и Ермолай, кирилки Петра Великаго 169
Тимофей, сродникъ Кирилла Бѣлозерскаго. 43
Тимофей, юродивый 104
Типы поморовъ (Рисунокъ). 282
Титовъ, торг. фирма 435
Тихвинка (судно) 137
Тихвинская водная система . 91, 135, 137
Тихонъ Задонскій 120
Тоболецы, слобода 106
Товар-ство мануф. Викула Морозова съ сыномъ. 431
Товар-ство китоловства на Мурманѣ . 310
Тоготь, сельцо 115
Токмаковъ, князь 104
Токмаковъ, торг. фирма 433
Толвуйская волость 211
Толвуйскій погостъ 410
Толгоболка 144
Толстикъ 309
Толстикъ (Рисунокъ) 308
Толчково 154
Топоруха. 274
Торжокъ 116, 134
«Торосной» промыселъ 329
Торосъ, островъ 333
«Торосы» 329, 334
Торпачекъ. 89
Тотмичи 180
Тотьма . . . . . 97, 174—184, 195
Тотьма. Соборъ отъ Рыночной площ. (Рисунокъ) 179
Треска 298, 300, 301, 302
Третьяковъ и Коншинъ, торг. фирма . 431
Трошкотъ (Рисунокъ). . . . . 8—9
Тригорское, деревня 107
Трифонъ, монахъ соловецкій 257
Трифонъ, основатель Печенгск. обит. 338
Трифонъ, преподобный 60
Трифонъ, святитель, явленіе ему иконы Божіей Матери 144
Троица-Гляница 112
Троица Новгородская 393
Троицкая улица въ Архангельскѣ . . 226
Трускотъ 99, 223
Тудеръ, рѣчка 115
Тулома, рѣка 336, 337, 340, 356
Турья гора 286
«Тюкъ». 297
Тюмень 189, 446
Тютчевъ, военачальн. московскій . . 210
Тягинъ, штабсъ-капитанъ 260
Тяглецъ 297
Угличскій уѣздъ 34
Угличъ 107, 211
Угловая башня въ Шлиссельб. крѣп. . 94
Угорская земля. 98
«Уединенный Пошехонецъ» 154
Ужинское озеро 123
Ужма 391
Узкое озеро 403
Укпезеро 70
Уліанія и Алена 39
Умба 283
Унжакъ 137
Ункрадъ 209
Унскіе Рога 228, 231, 254
Ура-губа (см. Урская губа).

стр.

Уралъ 83, 199, 367, 437
Уральская жел.-дор. линія 193
Урская губа . . . 307, 322, 326, 328, 336
Урская губа. Еретики. Факторія (Рисунокъ) 323
Урская губа. Китобойные пароходы (Рисунокъ). 324
Урскій заводъ 332
Успенская башня въ Соловкахъ. . . . 268
Успенское, село 116
Устье, деревня 32
Устье-Юга 187
Усть-Ижорскій лагерь . . . . . 454—456
Усть-Ижорскій лагерь. Взрывъ подводной мины (Рисунокъ). 455
Усть-Куломская волость. 171
Усть-Пинега 215
Усть-Сысольскій уѣздъ 165, 171
«Устьянская волость» 378
Устьянскъ. 286
Устюгскій уѣздъ 197
Устюгъ Великій . . . . . 52, 159, 174, 176, 185—195, 196, 203, 215, 334
Устюгъ Великій (Рисунокъ). 188
Устюгъ Великій. Домъ Грибанова (Рисунокъ) 194
Устюжане. 195
Устюженскій уѣздъ 32
Устюжна . . . 6, 26, 32—35, 37, 91, 97
Ушкуй 26
Ушкуйники 26, 98, 209, 210
Феликсъ, сынъ Марфы Борецкой . . 209
Феогностъ, еписк. владим. . . . 448, 451
Феодора; ея странствіе въ преисподнюю. 264
Феодоръ Алексѣевичъ, царь 146
Феодоръ, Давидъ и Константинъ, святые князья 152
Феодоръ Іоанновичъ, царь 43, 68, 169, 228, 267
Феодоръ Черный, князь, его мощи . 152
Феодосій, инокъ (Шереметевъ) . . . 44
Феодосій Печерскій . . . 178, 180, 182
Феоктистъ, монахъ соловецкій . . . 271
Феофанъ Прокоповичъ 160
Ферапонтъ 43
Филимониха 414
Филиппъ, митроп. моск. 60, 99, 254, 255, 257, 260, 266, 267
Финляндія . . 92, 191, 382, 398, 409, 431
Фогель, пароходчикъ 414
Фойнъ 316, 317, 319, 320
Фомы шлюзъ (Рисунокъ). 55
Форкольe, негоціантъ. 231
Фотій, архимандритъ 11, 171
Хабаровъ (инокъ Іоаннъ) 44, 45
Хабаровы 6
Харловка, губа 335
Хипагинъ, кольскій гор. голова . 343, 345
Хлудовъ 144
Хлѣбалово. 116
Хлѣбниковъ, торг. фирма 435
Холмогорка, рѣчка. 217, 223
Холмогорская выставка скота . . . 221
Холмогорскій уѣздъ 237

стр.

Холмогоры . . . . . 97, 98, 99, 208, 209, 210, 215—225, 217, 226, 230, 244, 270, 378
Холмогоры. Денисовка. Ломоносовское училище (Рисунокъ) 216
Холмогоры. Общій видъ (Рисунокъ) . 216
Холмогоры. Соборъ и Успенскій монастырь (Рисунокъ) 219
Холмогоры, Новыя 230
Холмскій посадъ 113
Холмскій уѣздъ 112, 113
Холмъ . . . . . 97, 111, 112—114, 115
Холопье 35
Хохлинъ, поморъ 237
Христофоръ, святой 43
Царева рѣчка 178
Царево, Ближнее, деревня 410
Царево, Дальнее, деревня 410
«Царская дорога» 65
«Царскіе торги» 231
«Церковище» 110
Церковь Алексѣя митроп. въ Устюгѣ Вел. 195
Церковь Благовѣщенія въ Соловкахъ 257
Церковь Больничная въ Соловкахъ. . 248
Церковь Бориса и Глѣба въ Сольвычегодскѣ 205
Церковь Варваринская въ Устюгѣ Вел. 195
Церковь Варламіевская въ Устюгѣ Вел. 195
Церковь Василія Блажен. въ Москвѣ. 154
Церковь Василія на Шекснѣ, въ Бѣлозерскѣ 41
Церковь Введенія въ Бѣжецкѣ . . . 132
Церковь Введенія въ Толгскомъ мон. 146
Церковь Воскресенская въ Горицкомъ монастырѣ. 39
Церковь Воскресенская въ Сольвычегодскѣ 207
Церковь Всѣхъ Святыхъ на Кіостровѣ. 387
Церковь въ Коровникахъ въ Ярославлѣ (Рисунокъ). 155
Церковь въ с. Бобровскомъ, на Сухонѣ (Рисунокъ) 177
Церковь въ с. Шуйскомъ 178
Церковь Вытегорскаго погоста . . . 58
Церковь Георгіевская, во имя св. Петра и Павла, въ Нов. Ладогѣ 90
Церковь Георгія въ Демянскѣ . . . 116
Церковь Германа Преподобнаго, въ Соловкахъ. 266
Церковь Григорія Богослова, въ рост. кремлѣ 158, 160
Церковь Дмитріевская въ Устюжнѣ . 33
Церковь Дмитрія Царевича въ Горицк. монастырѣ. 39
Церковь Зосимы и Савватія (Троицкая) въ Соловкахъ 248, 266
Церковь Ивана Праведнаго въ Пуховѣ. 195
Церковь Ильинская въ Устюгѣ Вел. . 195
Церковь Ильи Пророка въ с. Ильинскомъ 217
Церковь Іоанна Праведнаго въ Уст. Вел. 187, 193, 195
Церковь Іоанна Предтечи, въ Толчковѣ, въ Ярославлѣ (Рисунокъ) 156

стр.

Церковь Іоанна Предтечи въ Устюгѣ Вел. 195
Церковь Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ 154
Церковь Казанской Божіей Матери въ Роман.-Борисогл. 142
Церковь Кладбищенская въ Холмогорахъ 218
Церковь Климента въ Шлиссельбургѣ. 91
Церковь Крестовая (Спасъ-на-Сѣняхъ) въ Ростовѣ Вел. 160, 162
Церковь Леонтьевская въ Уст. Вел. . 195
Церковь Мироносицкая въ Уст. Вел. 195
Церковь Михаила Архангела на Кіостровѣ 387
Церковь Морозовская въ Уст. Вел. . 195
Церковь Николаевская въ Уст. Вел. . 195
Церковь Николая въ Короцкѣ . . . 120
Церковь Николая въ Островѣ . 101, 102
Церковь Николая Чудотворца въ Вологдѣ (Рисунокъ) 172
Церковь Николая Чудотворца въ Сумск. посадѣ 393
Церковь Николы въ Паниловск. погостѣ. 218
Церковь Никольская въ Соловкахъ. . 271
Церковь Параскевы-Пятницы въ Боровичахъ 31
Церковь Петра въ Повѣнцѣ 65
Церковь Петра и Павла (Георгіевская) въ Новой Ладогѣ 90
Церковь Петра и Павла въ Петрозаводскѣ 61
Церковь Петра и Павла въ Устюгѣ Вел. 195
Церковь Пещерная въ ростовскомъ соборѣ 162
Церковь Прасковьи Пятницы въ Уст. Вел. 187
Церковь Прокофія Праведнаго въ Уст. Вел. 187, 193, 195
Церковь Рождественская въ Уст. Вел. 195
Церковь Св. Троицы въ Вологдѣ . . 167
Церковь Св. Троицы въ Горицк. мон. 39
Церковь Сергія Радонежскаго въ Дымковской слоб. 195
Церковь Симеона Столпника въ Уст. Вел. 195
Церковь Спаса Обыденнаго въ Вологдѣ (Рисунокъ). 172
Церковь Спаса у Холмогоръ . . . 217
Церковь Спасообыденная всеградская въ Вологдѣ 167
Церковь Спасоубрусская въ Уст. Вел. 195
Церковь Териберская 300
Церковь Трапезная (или Успенія) въ Соловкахъ 248
Церковь Троицкая въ Холмогорахъ . 218
Церковь Троицкая, Зосимы и Савватія, въ Соловкахъ 248, 266
Церковь Успенія Бож. Мат. въ Опоч. Рядкѣ 26
Церковь Успенія въ Святогорск. мон. 104
Церковь Успенія (Трапезная) въ Соловкахъ 248
Церковь Феодора Стратилата въ Вологдѣ 169

стр.

Цна 127, 130
Цнинскій каналъ 127
Цыльма, рѣка 367
Цыпъ-Наволокъ 301
Чадуевъ, сотникъ стрѣлецкій. . . . 271
Чайки 248, 251, 309, 352
Часовня въ Петровск. ямѣ (Рис.) . . 403
Часовня Ильи Пророка. близъ Кеми . 276
Часовня Казан. Бож. Мат. въ Шлиссельбургѣ 94
Часовня Крестовоздвиженск., въ Боровичахъ 28
Часовня Предтеченская, въ Соловк. 263, 271
Часовня Чудопросфорная, въ Соловк. 263
Чаячій островъ 355
Чекслеръ 167, 230
Ченца, рѣка 193
Чердынь 211
Черемха, рѣчка. 141
Череповецъ . . . . . 6, 36—38, 137
Черкасскіе 41
Черменино, деревня 176
Черная Лука 187
Черниговъ, селеніе 201
Черный Волокъ 408
Черный, Ѳеодоръ, князь 152
«Чижовъ», пароходъ 357
«Чистикъ», птица 309
«Чортова рѣка 186
Чубала, островъ 220
Чудопросфорная часовня 263
«Чудскія могилы» 167
Чудь 98, 165, 167, 187, 209
«Чудь-была» 220
Чукчерма, село 217
Чумъ лопарскій 331, 332
Чучковъ, крест.-самоучка 182
Шалимъ, островъ 322
«Шалонникъ» 360
«Шамшуры» 345
Шарапова Кошка, островъ 285
Шаховской, князь 115
Шведы 45, 65, 87, 91, 92, 93, 94, 169, 231, 268, 283, 338, 363
Шевыревъ, историкъ 41, 43, 44, 46, 158, 160, 171, 173
Шексна 6, 36, 38, 39, 41, 49, 98, 135, 137, 139, 140, 200
Шелтопорожскій скитъ 401
Шельпинская губа 335
Шемяка 167
Шенгдейнъ 378
Шенкурскій уѣздъ 237
Шереметевъ-Большой, Ив. Вас. (инокъ Іона) 45
Шереметевъ, Григорій 45
Шереметевъ (инокъ Феодосій) . . . 44
Шереметевъ, Никита. 45
Шереметевъ, фельдмаршалъ 93
Шереметевы 6, 45
Шиленга, рѣка 210
«Шипишникъ» 330
Шишко, печистый духъ 52

стр.

Шлина 130
Шлиппенбахъ 93
Шлиссельбургская крѣпость . . . 91, 93
Шлиссельбургская крѣпость (Рис.) . 8—9
Шлиссельбургъ . . . . 7, 90—94, 97, 399
Шлюзъ Владиміра (Рисунокъ) 55
Шлюзъ Павла (Рисунокъ) 55
Шлюзъ «Польза» 53
Шлюзъ святого Павла 58
Шлюзъ святого Петра 56
Шлюзъ святой Анны 53, 54
Шлюзъ святой Маріи 56
Шлюзъ Фомы (Рисунокъ) 55
Шляковъ, И. А. 160
Шняка 296
«Шнигаты» 289, 305
Шпицбергенъ 238, 283, 320
Шредеръ 62
Шуваловы, графы 226, 378, 454
Шуйская слобода 176
Шуйскіе 44
Шуйскій, Вас. Ив., царь . . . 34, 257
Шуйскій, Ив. Петр., князь 43
Шуйское, село 178
Шумскій, сынъ гр. Аракчеева . . . 19
Шунга 410
Шунгская ярмарка 382
Шуя, рѣчка 69
Шуя, село 69
Шхуны 139, 226
Щебериха, рѣчка 116
Щелье, дер. 365, 374
Щенятевъ (инокъ Нименъ) 44

стр.

Эдигеръ, царь казанскій 268
«Экспедиціонъ», судно 286
Югорскій Шаръ 286
Югъ, рѣка 187, 195, 196, 197, 302
Юрій Даниловичъ, князь 92
Юрій Долгорукій 447
Юрменгъ, рѣка 176
Явань, рѣчка 118
Яворскій, Стефанъ 160
Ягорба, рѣка 37
Ягостровъ 274, 276
Яжелбицкій ямъ 122
Яковлевское общество 380
Ямь 91
Янковскій, инженеръ 445
Яренскій уѣздъ 165
Ярославль 26,
97, 98, 142, 144, 146, 147, 148—157,
158, 203, 267
Ярославль. Бульваръ и проѣздъ отъ Волги (Рисунокъ) 149
Ярославль. Соборная площадь (Рис.) . 151
Ярославль. Спасопреображ. монастырь (Рисунокъ) 153
Ярославская губернія 97
Ярославская область 148
Ярославскіе князья; ихъ усыпальница . . . . . 152—154
Ярославскій Демидовскій лицей . . . 18
Ярославъ, вел. князь . . . 148, 152, 338
Ярославъ III 167
«Ярусъ» 297
Ярцовская пушка 65

Изданія А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ in folio

„60 ОФОРТОВЪ“,

собственноручно травленыхъ на мѣди

проф. Ив. Ив. ШИШКИНЫМЪ.

Съ предисловіемъ издателя, оглавленіемъ на русскомъ и французскомъ языкахъ и съ приложеніемъ портрета Ив. Ив. Шишкина. Альбомъ заключенъ въ роскошную папку, тисненую золотомъ и красками по рисунку самого художника.

Альбомъ офортовъ проф. Ив. Ив. Шишкина является у насъ единственнымъ въ своемъ родѣ изданіемъ, особенно въ виду того, что въ немъ собранъ трудъ всей жизни маститаго художника.

Изданіе печаталось въ теченіе трехъ лѣтъ въ артистическомъ заведеніи А. Ф. Маркса, причемъ всѣ офорты печатались отъ руки, въ высшей степени тщательно, по указаніямъ самого проф. Шишкина.

Цѣна альбома въ роскошной папкѣ: 1) на эстампной бумагѣ — **25 руб.**, 2) на китайской бумагѣ—**50 руб.** и 3) на японской бумагѣ—**100 руб.** За пересылку въ Европейской Россіи—**3 руб.**, а въ Азіатскую Россію -за 15 ф. (вмѣстѣ съ ящикомъ) по почтовой таксѣ.

РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ“.

Соч. проф. **ОСКАРА ІЕГЕРА.**

Переводъ подъ редакціею проф. **П. Н. ПОЛЕВОГО.**

Въ четырехъ объемистыхъ томахъ, заключающихъ въ себѣ **2615 страницъ** большого 8°, **946** художественно-выполненныхъ **гравюръ** въ текстѣ, 81 отдѣльное **приложеніе**, отпечатанныя **золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, и 41 историческую карту.**

«Всеобщая Исторія» проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его въ удивительно простой, ясной и доступной формѣ.

Одно изъ важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное обиліе иллюстрацій; тщательный выборъ и тѣсная связь ихъ съ текстомъ способствуютъ ясности и наглядности изложенія и живо переносятъ воображеніе читателя ко временамъ минувшимъ.

Цѣна „ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ“, въ 4-хъ томахъ, **12 руб.**, а въ 4-хъ прочныхъ коленкоровыхъ переплетахъ съ кожаными корешками **14 руб.** Пересылка—транспортомъ, а почтою—за 16 фунтовъ, въ переплетахъ—за 20 ф. по почтовой таксѣ.

„СКАЗКИ“,

собранныя братьями Я. и В. ГРИММАМИ.

Переводъ подъ редакціею **П. Н. ПОЛЕВОГО,**

со множествомъ иллюстрацій П. ГРОТЪ-ІОГАННА и Р. ЛЕЙНВЕБЕРА.

Цѣна изданія въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ очень изящными и художественно исполненными тисненіями золотомъ и 7 красками, **4 руб.**, съ пересылкою **4 руб. 75 коп.**

Въ этомъ прекрасномъ и изящномъ изданіи, предназначенномъ въ особенности **ДЛЯ ПОДАРКОВЪ** юношеству, помѣщены всѣ тѣ-же 240 художественныхъ рисунковъ и виньетокъ, которыми иллюстрировано большое изданіе «Сказокъ», стоящее въ переплетѣ 14 руб.,—только въ уменьшенномъ видѣ.

Не многія книги пользовались всюду такимъ громаднымъ и постояннымъ успѣхомъ, какъ этотъ классическій сборникъ произведеній народнаго творчества. Важною стороною такой книги, какъ сборникъ братьевъ Гриммовъ, является ея общепонятность, общедоступность для всѣхъ возрастовъ, всѣхъ классовъ общества, всѣхъ состояній. А въ смыслѣ семейнаго, домашняго чтенія это настоящій кладъ, особенно, по тому «воспитательному» значенію, какое имѣютъ народныя сказки.

„Сказки“ представляютъ собою **изящно** изданный томъ, въ 8-ю долю листа, на **превосходной** бумагѣ, заключающій въ себѣ болѣе **560** страницъ и около **240 высоко-художественныхъ** рисунковъ и виньетокъ.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, СПБ., Малая Морская, № 22.

Изданія А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. В. ГОГОЛЯ,

подъ редакціею академика-профессора **Н. С. ТИХОНРАВОВА.**

Новое, 13-ое изданіе, въ 5-ти томахъ, 2730 стр. in 8°,

дополненное составленною В. И. Шенрокомъ біографіею Н. В. ГОГОЛЯ, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Н. В. Гоголя, гравированныхъ на сталп Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двухъ автографовъ Гоголя и нѣсколькихъ его собственноручныхъ рисунковъ. СПБ. 1896 г.

Въ 13-мъ изданіи впервые помѣщенъ составленный извѣстнымъ изслѣдователемъ и собирателемъ матеріаловъ для біографіи Гоголя, В. И. Шенрокомъ, **біографическій очеркъ,** въ которомъ живо и интересно, въ сжатой формѣ, очерчены главнѣйшія обстоятельства какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни Гоголя въ разные періоды.

Новое изданіе отпечатано въ томъ-же форматѣ, на такой-же прекрасной бумагѣ и такимъ-же красивымъ, четкимъ шрифтомъ, какъ предыдущее 12-ое изданіе.

Цѣна за пять томовъ—6 р., съ пересылкою 7 р. 50 к., а въ пяти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ перес. 10 р. 50 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.

Шестое изданіе, вновь пересмотрѣнное и дополненное авторомъ, **въ трехъ томахъ, съ автографомъ и портретомъ** А. Н. Майкова, гравированнымъ на сталп Ф. А. Брокгаузомъ.

Шестое изданіе представляетъ собою **самое полное собраніе сочиненій** А. Н. Майкова. Въ это изданіе вошли: всѣ произведенія автора, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ,—прежняго 5-го изданія 1884 года; затѣмъ—**всѣ позднѣйшія произведенія,** печатавшіяся съ 1888 г. до 1893 г. включительно, и кромѣ того—**стихотворенія еще нигдѣ не напечатанныя.**

Шестое изданіе состоитъ изъ **3 большихъ томовъ,** 1672 стр., и отпечатано на лучшей бумагѣ краснымъ, четкимъ шрифтомъ.

Цѣна за всѣ три тома 3 руб., съ пересылкою 3 руб. 60 коп. Въ трехъ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 руб. 50 коп. Цѣна роскошнаго изд. на лучшей веленевой бумагѣ 6 р., съ перес. 7 р., въ богатыхъ перепл. 9 р., съ перес. 10 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ
Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Новое изданіе въ пяти томахъ,

вновь пересмотрѣнное и очень значительно дополненное, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Я. П. Полонскаго (въ юношескомъ возрастѣ и по послѣднему снимку), гравированныхъ на сталп *Ф. А. Брокгаузомъ* въ Лейпцигѣ.

Собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго, вошедшее въ составъ полнаго собранія его сочиненій изданія 1885—86 гг., **совершенно распродано и, составляя библіографическую рѣдкость, продавалось въ послѣдніе годы по 20 руб. и дороже.**

Кромѣ стихотвореній прежняго изданія въ трехъ томахъ, **въ настоящее новое изданіе вошли всѣ стихотворенія** Я. П. Полонскаго **за послѣднія десять лѣтъ.** Вслѣдствіе этого, новое изданіе возросло до пяти томовъ и представляетъ собою **первое по полнотѣ собраніе стихотвореній** Я. П. Полонскаго, заключающее въ себѣ **всѣ поэтическія произведенія маститаго поэта до послѣдняго времени.**

Новое изданіе отпечатано на превосходной бумагѣ краснымъ, четкимъ шрифтомъ.

Цѣна всѣмъ 5-ти томамъ 6 р., съ пересылк. 7 р. 50 к., въ 5-ти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 8 р. 50 к., съ пересылк. 10 р. 50 к.

Второе, вновь пересмотрѣнное изданіе книги

„БАТЮШКОВЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ".

Соч. Л. Н. Майкова.

Съ портретомъ К. Н. Батюшкова, гравированнымъ на сталп Ф. А. Брокгаузомъ и печатаннымъ на японской бумагѣ.

Книга заключаетъ въ себѣ очень обстоятельный и подробный очеркъ жизни и литературной дѣятельности К. Н. Батюшкова, изложенный весьма живо и читается съ большимъ интересомъ. За серьезность и выдающіяся достоинства книги ручается имя академика Л. Н. Майкова.

Большой, красиво изданный томъ, около 300 страницъ большого 8°, отпечатанный на превосходной бумагѣ.

Цѣна книги 3 р. 50 к., съ пересылкой 4 рубля.

Требованія адресовать въ **Контору** изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, д. № 22.

300 р.

АКАДЕМКНИГА
20.

М-13